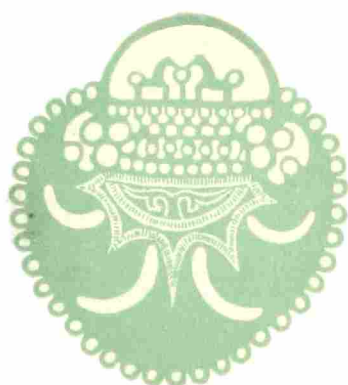

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

3
1960

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

В журнале «Советская археология» помещаются научно-исследовательские статьи по вопросам археологии и смежных с нею дисциплин, критические статьи и рецензии на вновь вышедшие книги по археологии, публикации новых археологических материалов.

Присланные статьи рецензируются, после чего утверждаются редакционной коллегией.

При подготовке рукописей просим авторов придерживаться следующих правил:

1. Рукописи следует присылать в двух экземплярах, напечатанных на машинке через два интервала на одной стороне листа стандартного размера с полями с левой стороны листа.

2. Сноски помещаются внизу страницы, а не в конце статьи. Нумерация сносок построчная.

3. Последовательность цитирования монографий: автор (инициалы перед фамилией), название работы (без кавычек), место издания, год издания, страница.

4. Последовательность цитирования журнальных статей: автор, название статьи (без кавычек), название журнала, год, номер, страница.

5. К статье прилагается список употребляемых сокращений в двух экземплярах.

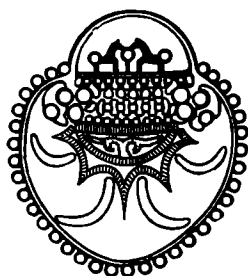
6. Иллюстрации следует давать в пригодном для воспроизведения в печати виде (фото — контрастные на глянцевой бумаге и рисунки — тушью). Фотографии следует представлять в двух экземплярах. Иллюстрации должны быть пронумерованы соответственно порядку их упоминания в тексте статьи, на обороте каждого рисунка следует указать фамилию автора, название статьи и номер рисунка. К иллюстрациям необходимо приложить список подписей под рисунками в двух экземплярах.

Все знаки в тексте, которые не могут быть воспроизведены буквами русского, латинского, греческого и арабского алфавитов, должны быть сдублированы на кальку для изготовления клише.

7. Направляемая в редакцию рукопись должна быть подписана автором, текст ее тщательно проверен, все ссылки выверены. Должны быть указаны дата отправления и полный почтовый адрес автора.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

№ 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — 1960

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А. В. Арциховский, ответственный редактор,
А. Я. Брюсов, зам. ответственного редактора,
Р. М. Мунчаев, ответственный секретарь,
А. М. Беленицкий, *С. Н. Бибииков*, *В. Д. Блаватский*, *Л. А. Голубева*,
Л. А. Евтюхова, *А. Л. Монгайт*, *А. П. Окладников*, *Т. С. Пассек*,
Б. Б. Пиотровский, *Б. А. Рыбаков*, *А. П. Смирнов*

Адрес редакции:

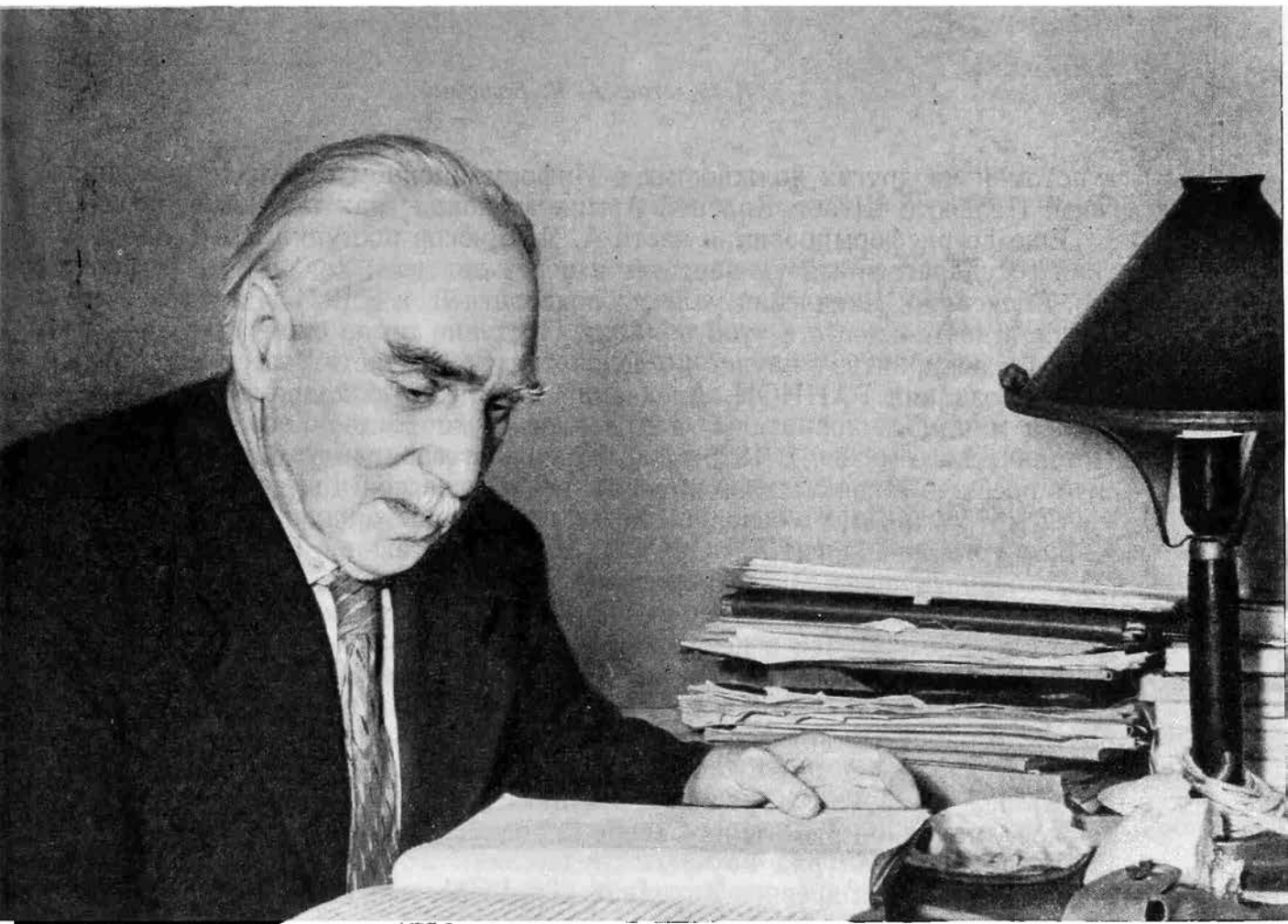
Москва, В-36, 1-я Черемушкинская ул., д. 19

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД

Технический редактор *М. А. Николаева*

Г-10528 Подписано к печати 5 VIII 1960 г. Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Бум. л. 11¹/₄
Печ. л. 30,83 + 5 вклеек Уч.-изд. л. 35,1 Тираж 1860 экз. Заказ 593

2-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10

АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВИЧ БРЮСОВ

В текущем году исполняется 75 лет со дня рождения одного из старейших советских археологов, доктора исторических наук Александра Яковлевича Брюсова. Он родился в Москве 17 сентября ст. ст. 1885 г. Его перу принадлежит более 200 научных работ. За свою научную, музейную и общественную деятельность Александр Яковлевич удостоен высокой награды — ордена Ленина.

Александр Яковлевич вырос в талантливой семье Брюсовых. Его брат Валерий Яковлевич — знаменитый русский поэт, сестра Лидия Яковлевна — доктор химических наук, другая сестра, Надежда Яковлевна, — доктор искусствоведческих наук, профессор консерватории, третья сестра, Евгения Яковлевна, — преподаватель музыки в консерватории.

Среда, окружавшая Александра Яковлевича, способствовала развитию у него широкого кругозора. Окончив в 1904 г. Московскую 3-ю классическую гимназию, он поступил на историческое отделение историко-филологического факультета Московского университета. В 1907—1910 гг. Александр Яковлевич провел много времени в путешествиях за границей. Он был в Германии, Франции, Италии, Финляндии, Греции, Турции, Австрии, Соединенных Штатах Америки, Египте, Индии, Цейлоне, Индокитае, Японии и Австралии.

Отбывание воинской повинности в 1911—1912 гг. и затем участие в первой империалистической войне 1914 г., в качестве офицера пехоты, надолго отдалили начало занятий А. Я. Брюсова наукой. Сражаясь с ноября 1914 г. по ноябрь 1915 г. на юго-западном фронте (он командовал ротой, потом батальоном), Александр Яковлевич попал в 1915 г. в плен, в котором находился до 1918 г. Вернувшись на Родину, он сразу же поступил на работу в Отдел по делам печати Моссовета, но через некоторое время он был призван в Красную Армию, где служил сначала переводчиком,

а потом и на других должностях в Информационном отделе Управления связи Полевого Штаба Красной Армии до конца гражданской войны.

Еще до расформирования части А. Я. Брюсов поступил в 1-й Московский государственный университет и через два года (в 1924 г.) окончил его. Александр Яковлевич увлекся археологией, и с 1924 г. началась его научная деятельность в этой области. Поступив после окончания университета в аспирантуру научно-исследовательского Института археологии и искусствоведения РАНИОН, Александр Яковлевич одновременно был зачислен младшим хранителем в Археологический отдел Государственного Исторического музея. В 1929 г. он оканчивает аспирантуру и с этого времени посвящает свою жизнь научной, педагогической и музейной деятельности, которую ведет в основном в качестве старшего научного сотрудника в Институте археологии АН СССР (с 1930 г.), а также в ГИМ и МГУ.

Увлечшись археологией первобытного общества и особенно эпохой неолита, Александр Яковлевич не пошел по проторенным археологическим дорогам, а устремился в неизведанные места — «белые пятна» на археологической карте. Его не остановили трудности. В специфических условиях Севера, располагая подчас незначительными средствами, он проводил большую работу, открывая древние поселения и культуры там, где их ранее и не предполагали. Его можно назвать пионером в археологическом изучении Беломорья и Карелии. В результате многолетней и упорной научно-экспедиционной работы на Севере Европейской части СССР Александр Яковлевич написал ряд научных трудов, из которых наиболее крупным является «История древней Карелии» (Тр. ГИМ, вып. IX, 1945). Эти труды явились ценным вкладом в науку, осветившим до того темные стороны древнейшей истории Севера Европейской части СССР. По следам Александра Яковлевича пошли его ученики, и сейчас археологическая карта Севера СССР пестрит сотнями разнообразных памятников, повествующих о богатом культурном прошлом этой, не исследованной до А. Я. Брюсова части нашей страны. За свою работу на Севере Александр Яковлевич получил звание заслуженного деятеля науки Карельской АССР.

Научные работы Александра Яковлевича посвящены разнообразным вопросам археологии (неолиту, палеолиту и бронзе). Особой его заслугой следует считать разработку проблемы неолита. Работая долгие годы заведующим 1-м Археологическим отделом ГИМ, Александр Яковлевич имел возможность широко и детально изучить огромные коллекции музея по неолиту. Благодаря прекрасному знанию отечественной и зарубежной литературы и обширным собственным полевым исследованиям, он смог создать фундаментальную работу «Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху» (Москва, 1952, Изд-во АН СССР). В этой сводной работе Александр Яковлевич показал себя не только как знаток материалов, но и как ученый, способный к широким научным обобщениям и теоретическим построениям. Данный труд А. Я. Брюсова является настольной книгой каждого исследователя, занимающегося археологией первобытного общества на территории СССР. Кроме этой книги, свыше 70 работ А. Я. Брюсова посвящено вопросам неолита — как частным, так и общим. Все эти работы поставили Александра Яковлевича в число ведущих археологов нашей страны. На основе накопленного опыта Александр Яковлевич в последние годы уделяет большое внимание разработке теоретических вопросов археологии (выделения культур, датировок, этногенеза, методики исследований и т. д.). Эти работы имеют большое значение для развития нашей науки. О большой научной эрудиции Александра Яковлевича можно судить и по его многочисленным критическим статьям (рецензиям) о книгах, посвященных разнообразным археологическим проблемам.

Вся научно-исследовательская работа Александра Яковлевича тесно переплетается с полевой практической деятельностью не только на Севере СССР, но и в других частях нашей страны. И сейчас Александр Яковле-

вич ведет раскопки стоянок эпохи неолита в Вологодской области на р. Модлоне.

Имя Александра Яковлевича Брюсова, автора многих работ, известно и за пределами СССР. Им напечатан ряд статей в изданиях Франции, Англии, Дании и Германии. Его книга «Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху» переведена на немецкий язык и издана в ГДР.

Прекрасно владея многими европейскими языками, Александр Яковлевич в послевоенное время неоднократно ездил в заграничные командировки (в Финляндию, ГДР, ФРГ, Австрию, Данию) для работы над вещественными материалами в музеях Западной Европы, для прочтения докладов по археологии СССР и как делегат на археологические съезды и конференции по вопросам археологии. Александр Яковлевич состоит почетным членом Доисторического Общества (Prehistoric Society, Oxford, England) и почетным членом Постоянного Совета Международного Общества по доисторическим и раннеисторическим знаниям.

Отмечая заслуги Александра Яковлевича в области научно-исследовательской работы, нельзя обойти и его большую редакторскую деятельность. Его работа в этой области всегда отличается тщательностью и неизменно приносит ему благодарность авторов за помощь в улучшении качества книги. Следует также отметить плодотворную авторскую и редакторскую работу А. Я. Брюсова в различных энциклопедических словарях. В настоящий момент Александр Яковлевич является заместителем ответственного редактора журнала «Советская археология». А. Я. Брюсов состоит профессором Московского университета, читает там курс каменного века и руководит подготовкой молодых специалистов по этой области археологии.

Наряду с научно-исследовательской работой следует отметить и музейно-научную деятельность Александра Яковлевича, которую он начал в ГИМ в 1925 г. и продолжает вести до сих пор. А. Я. Брюсову принадлежит большая заслуга в реорганизации экспозиции археологических залов Государственного Исторического музея, где он первый перешел от систематического показа коллекций к показу истории первобытного общества на основе марксистско-ленинской науки. Им издано несколько путеводителей по залам Исторического музея, проводились лекции и беседы с посетителями музея и т. д. Кроме того, Александр Яковлевич — автор многих выставок популяризационного и научного характера. Являясь членом Ученого совета ГИМ, он принимал и принимает активное участие в обсуждении многих теоретических вопросов музееведения и массовой политико-просветительной работы. Сочетание музейной и научно-исследовательской деятельности благотворно сказалось на работах Александра Яковлевича.

Александр Яковлевич не узкий кабинетный ученый, а ученый-общественник. Широкая общественная деятельность сопутствует его научно-исследовательской и музейной работе. Он часто выступал и выступает с докладами на темы, популяризирующие марксистско-ленинское учение о развитии исторического процесса. С 1954 г. он является членом КПСС.

Александр Яковлевич отличается огромной работоспособностью и чрезвычайной добросовестностью. Своим отношением к работе он служит примером для молодых исследователей. Советские археологи любят Александра Яковлевича за широту его научных интересов, благожелательность к людям, за его душевную молодость, живость и отзывчивость. Сейчас, в свои 75 лет, Александр Яковлевич не только успешно продолжает научно-исследовательскую, музейную, педагогическую и общественную деятельность, но и руководит ответственным участком в качестве заведующего Отдела полевых исследований Института археологии АН СССР, направляющего и координирующего все полевые археологические исследования в СССР. Все товарищи по работе горячо поздравляют юбиляра.

З. А. АБРАМОВА

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ИСКУССТВА В ВЫЯВЛЕНИИ МЕСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Общие успехи в исследовании палеолита Европы, а в особенности накопление значительного материала по палеолиту Восточной Европы, выразившееся в росте числа изученных стоянок, в открытии на этой территории палеолитических погребений и в раскопках многослойных поселений, позволили поставить на почву конкретных фактов большую и сложную проблему развития культуры в эпоху палеолита в Восточной Европе.

Вопрос о местных особенностях в развитии палеолита европейской приледниковой зоны был впервые поставлен в начале 20-х годов XX в. В. А. Городцовым, установившим (главным образом на анализе памятников искусства) три большие области своеобразного проявления мадленского искусства: приатлантическую, придунайскую и восточноевропейскую с ее весьма развитым геометрическим орнаментом. «Восточная Европа (территория Евр. России) представляла, в позднюю пору палеолитической эпохи, третью обособленную культурную область. Эта область, хотя и недостаточно обследована, тем не менее успела дать памятники совершенно оригинального вида и характера. Восточноевропейские памятники ближе стоят к среднеевропейским, чем к мадленским (западноевропейским)»¹.

В 1951 г. эти выводы В. А. Городцова были подкреплены С. Н. Замятиным на значительно возросшем материале².

А. Н. Рогачев, обобщая данные исследований многослойных стоянок в Костенках, хотя и опирается на эти выводы В. А. Городцова и С. Н. Замятина, но не уделяет специального внимания анализу памятников искусства. К сожалению, выдающийся исследователь палеолита Восточной Европы П. П. Ефименко в своей весьма ценной монографии о Костенках I воздержался от какой-либо общей интерпретации введенного им в науку огромного материала по палеолитическому искусству.

Анализируя произведения искусства палеолита Восточной Европы, мы пришли к необходимости постановки вопроса о выявлении местных особенностей в развитии верхнепалеолитической культуры этой огромной территории. По нашему мнению, обобщение материала по искусству палеолита Восточно-Европейской равнины является насущной задачей археологии. Это поможет осветить конкретно-исторические пути развития древнейшей культуры на территории нашей страны.

¹ В. А. Городцов. Археология. Каменный период, т. I, М. — Птр., 1923, стр. 278.

² С. Н. Замятин. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода. Тр. Ин-та этнографии, новая серия, т. XVI, М., 1951.

При разработке вопроса об относительной древности археологических памятников исследователь должен учитывать совокупность исторических и естественноисторических факторов: условия залегания стоянок, фаунистические остатки, пылецевой анализ, особенности техники обработки кремня, типологический анализ кремневого и костяного инвентаря. При этом, несомненно, должны быть учтены и особенности произведений палеолитического искусства. Преимущественное внимание к каким-либо одним факторам и недооценка значения других может привести к неправильным выводам. Особенно это касается кремневого инвентаря. Часто наличие одной какой-либо формы изделия приводило к преждевременной и не отвечающей действительности датировке поселения ориньякским, солютрейским или мадленским временем. Например, наличие орудий типа *pièces écaillées* считалось достаточным для датировки поселения ориньякской или мадленской эпохой, а двусторонне обработанные формы рассматривались как достоверные доказательства принадлежности памятника к средней поре верхнего палеолита. С другой стороны, также опасно при датировке опираться только на геологические условия залегания памятников, так как из-за малой изученности четвертичных отложений имеет место произвольная интерпретация определенных разрезов разными авторами. Об этом свидетельствует сводный труд В. И. Громова по геологии и фауне палеолита СССР, в котором выводы о геологическом возрасте большинства интересующих нас стоянок опираются часто на противоречивые суждения.

Попытки хронологической классификации стоянок на основе анализа произведений искусства пока еще не предпринимались. Утвердилось лишь мнение, что женские статуэтки характерны только для ориньяко-солютрейской эпохи, а геометрический орнамент является показателем мадленского времени.

Для нашей цели особое значение среди верхнепалеолитических поселений СССР имеют Костенки I — памятник, наиболее полно изученный и монографически описанный П. П. Ефименко³.

Ближайшим аналогом Костенок I, как это неоднократно отмечалось многими исследователями, является Авдеевская стоянка. Необычно низкое залегание стоянки (3 м над уровнем р. Рагозны), по мнению изучавших ее геологов, не противоречит одновременности ее Костенкам I⁴. Любопытно почти полное совпадение видов животных, отмеченных на этих стоянках (за исключением разве только носорога, остатки которого не обнаружены в Костенках I). Жилая площадка в Авдееве сохранилась хуже, чем костенковская, но имеет с ней большое сходство по размерам, планировке и всем основным деталям устройства.

Кремневый инвентарь Авдеева также имеет много общего с костенковским: те же наконечники с боковой выемкой, пластины со стесанными концами, орудия, обработанные солютрейской ретушью. Многие костяные изделия на этих стоянках сходны по формам, размерам, деталям обработки и по характеру орнаментации; таковы, например, острия с плоскими головками, тесла, ложила, лопаточки с фигурными навершиями, треугольные поделки с ушками. Скульптуры, изображающие женщин, имеют общие черты в трактовке деталей, хотя статуэтки Костенок I более реалистичны. Орнамент Авдеевской стоянки несколько более развит, что позволяет М. Д. Гвоздовер сближать ее по этому признаку «с кругом памятников раннемадленского времени, таких как Елисеевичи, Тимоновка, Мезин, Супонево с их развитым геометрическим орнаментом»⁵. Однако это

³ П. П. Ефименко. Костенки I. М.—Л., 1958.

⁴ М. Н. Грищенко. Опыт геологического сопоставления верхнепалеолитических стоянок Авдеево на Сейме и Костенки I (Полякова) на Дону. БКИЧП, № 16, 1951, стр. 51—60.

⁵ М. Д. Гвоздовер. Обработка кости и костяные изделия Авдеевской стоянки. МИА, № 39, 1953, стр. 223.

не дает оснований считать Авдеево более поздним памятником по сравнению с Костенками I. Совпадение многих второстепенных деталей говорит о полной одновременности стоянок, а развитие орнаментальных мотивов в Авдеево объясняется скорее ее территориальной близостью к деснинским памятникам. «Костенковская» основа реалистической скульптуры обитателей Авдеевского поселения была дополнена развитым орнаментальным искусством поселений деснинского района, хронологически не очень отдаленных от памятников типа Костенок I — Авдеево. Следует учитывать, что деснинский орнамент не появился внезапно, что он прошел, по видимому, длительный путь развития на этой территории Средне-Русской возвышенности.

Из других стоянок, в которых найдены произведения искусства, следует прежде всего упомянуть Гагарино. Эта стоянка рассматривалась как типичный памятник позднеориньякской или ориньяко-солютрейской культуры, одновременной Костенкам I⁶. А. А. Величко на основании геологических данных относит Гагарино «не к ранним этапам второй половины валдайского оледенения»⁷. В другой работе А. А. Величко пишет: «На донской стоянке Гагарино (археологическая датировка — поздний ориньяк), по геологическим данным, человек селился в конце валдайского времени»⁸. В то же время Гагарино имеет много общих черт с памятниками костенковско-авдеевского типа. Об этом писал П. П. Ефименко⁹, и в последнее время эта точка зрения убедительно аргументирована М. Д. Гвоздовер, считающей, что Гагарино входит в круг памятников типа Костенки I — Авдеево, хотя и позднее их по возрасту. Она отмечает черты близости между ними: сходные технические приемы, сходные типы орудий — наконечники с боковой выемкой, пластины со стесанными концами, сходные черты в искусстве (одна из женских статуэток Гагарина по пропорциям и общей трактовке фигуры поразительно сходна с авдеевской статуэткой). Некоторые черты кремневого инвентаря говорят о более позднем возрасте гагаринской стоянки¹⁰. Любопытно наличие в Гагарино костяных подвесок, напоминающих клык оленя. Подобные предметы найдены в Мезине и в обоих горизонтах Костенок IV. Подвеска близкого типа найдена и в Костенках I. Можно отметить находку в Гагарино обломков бивня мамонта с орнаментальными нарезками, которые находят аналогии в Елисеевичах, Мезине и Супоневе.

Рассмотрим теперь, в каком соотношении с одновременными памятниками Костенки I и Авдеево находятся стоянки долины Дона и в первую очередь поселения, имеющие сходные с Костенками I произведения искусства, изготовленные из мергеля, — верхний горизонт Александровки (Костенки IV) и второй слой Аносовки II. Залегание культурного слоя Александровки в лёссовидном суглинке первой надпойменной террасы побудило исследователей, опиравшихся на геологические данные, отнести его к мадленскому времени или к эпохе, переходной к мадлену. Однако работы Комиссии по рассмотрению стратиграфии палеолитических стоянок Костенковско-Боршевского района в 1953 г. установили, что верхняя часть делювиального шлейфа, заключающая культурные остатки в 1-й и 2-й надпойменных террасах, может быть близка по времени (геологически одновре-

⁶ С. Н. Замятин. Раскопки у с. Гагарина. Сб. «Палеолит СССР». ИГАИМК, вып. 118, 1935, стр. 65.

⁷ А. А. Величко. К вопросу о геологическом возрасте и стратиграфическом значении верхнего палеолита. Изв. АН СССР, серия географич., № 2, 1957, стр. 48.

⁸ А. А. Величко. Палеогеография эпохи верхнего палеолита бассейна Средней Десны. Автореферат диссертации. М., 1957, стр. 10.

⁹ П. П. Ефименко. Ук. соч., стр. 415, 418.

¹⁰ М. Д. Гвоздовер. Авдеевская стоянка и ее место среди других памятников позднего палеолита. Автореферат диссертации. М., 1958, стр. 10—11.

менна) на обеих террасах так, как, например, близки по времени верхние горизонты стоянок Костенки I, Тельманской и Костенки IV¹¹.

А. Н. Рогачев все более склоняется к мнению о хронологической близости верхнего слоя Костенок I и обоих горизонтов Костенок IV, объясняя особенности инвентаря этих стоянок этнографическим своеобразием культуры обитавших здесь общин¹². М. Д. Гвоздовер считает верхний горизонт Костенок IV по геологическим условиям и некоторым типам инвентаря близким Авдеевской стоянке. Более того, она включает Костенки IV в костенковско-авдеевскую группу стоянок и сближает ее по времени с Гагариным¹³. Между памятниками костенковско-авдеевской группы и Костенками IV существует ряд отличий: иной характер жилищ, отсутствие самого характерного для этой группы орудия — наконечника с боковой выемкой¹⁴, а среди произведений искусства — отсутствие наиболее характерного образца — женских статуэток. Найденные в Костенках IV антропоморфные (по мнению А. Н. Рогачева) поделки очень далеки от обычного реалистического образа женщины, и в них, по видимому, вкладывалось иное содержание. Вместе с этим следует отметить наличие в верхнем горизонте Костенок IV развитой техники шлифования мягких пород камня, представленной в Костенках I единичными экземплярами. О связях Костенок I с Костенками IV свидетельствуют главным образом фигурки животных, которые хотя и различаются между собой с первого взгляда, но в частности имеют много общего. Так, крупная фигурка стоящего мамонта из Костенок IV по общему контуру совершенно аналогична лучшим фигуркам мамонта из Костенок I.

С другой стороны, верхний горизонт Костенок IV имеет ряд общих элементов с Мезинской стоянкой. Возможно, это свидетельствует не столько о более позднем возрасте Костенок IV по сравнению с Костенками I, сколько о других культурных связях и другой этнографической принадлежности. Это тем более вероятно, что общие черты искусства Костенок IV и Мезина проявляются в предметах второстепенного значения: это поделки в виде стерженьков с круговым перехватом в средней части; костяные крупные стержни с расширенной головкой, снабженной отверстием, за которыми в литературе утвердилось название «выпрямителей» или «жезлов начальников»; орудия в виде молота, вырезанные из рога оленя; костяные подвески, имитирующие клыки оленя, а также наличие геометрического орнамента, правда, состоящего из различных элементов (точки — в Костенках IV, прямые линии — в Мезине).

В предварительной публикации материалов поселения Аносовки II А. Н. Рогачев сравнивал второй слой его с нижним горизонтом Костенок IV¹⁵. Характер скопления культурных остатков Аносовки II, по мнению А. Н. Рогачева, весьма близок к заполнению длинных жилищ Костенок IV. Кремневый инвентарь обоих поселений также имеет общие черты: острия и пластинки с притупленным краем, в том числе пластинки с притупленным краем и поперечной ретушью на противоположных концах; долотовидные орудия с чешуйчатой подтеской концов. Последний вид ору-

¹¹ А. Н. Рогачев. Александровское поселение древнекаменного века у села Костенки на Дону. МИА, № 45, 1955. Приложение. Протокол заседания Комиссии по рассмотрению стратиграфии палеолитических стоянок Костенковско-Боршевского района, стр. 162.

¹² А. Н. Рогачев. Многослойные стоянки Костенковско-Боршевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине. МИА, № 59, 1957, стр. 128.

¹³ М. Д. Гвоздовер. Авдеевская стоянка и ее место среди других памятников позднего палеолита, стр. 11.

¹⁴ Возможно, что в Костенках IV функции этого орудия выполняли листовидные острия, часто с резцовыми сколами в основании. Некоторое количество сходных орудий было найдено в Авдеево.

¹⁵ А. Н. Рогачев. Многослойные стоянки Костенковско-Боршевского района..., стр. 97.

дий в Аносовке II численно невелик, но имеет выработанную форму и может быть отнесен к лучшим образцам этого рода.

Но наряду с этим скульптурные поделки Аносовки II сходны с фигурками верхнего горизонта Костенок IV не только по материалу, но и по формам, часто очень близким. Особенно показательна в этом отношении фигурка сидящего мамонта из Костенок IV того же типа, что и в Аносовке II. К сожалению, верхняя часть этой фигурки отбита в древности, что, так же как и более крупные ее размеры, не позволяет говорить об их полной тождественности. С другой стороны, крошечная фигурка стоящего мамонта из Аносовки II близка по общим контурам к обычным фигуркам мамонта из Костенок I. В то же время костяное шильце с навершием в виде головки животного очень близко к подобному изделию из второго слоя Маркиной горы. Учитывая эти обстоятельства и особенно сближая во времени верхние горизонты Костенок IV и Костенок I, можно прийти к двум предположениям: или Аносовка II древнее Костенок I (чему не противоречат и условия ее залегания) или им одновременна. В таком случае имеется еще одно подтверждение того, что оба горизонта Костенок IV очень близки по времени, и, следовательно, различия в инвентаре этих стоянок объясняются тем, что общины, жившие в Костенках IV, развивались обособленно друг от друга.

Попутно следует сказать несколько слов о втором слое Маркиной горы. Он залегает в верхней гумусированной толще второй надпойменной террасы и, таким образом, геологически древнее рассмотренных выше стоянок. В кремневом инвентаре этого поселения отчетливо прослеживаются определенные традиции позднемустье́рской эпохи. Здесь нет микропластинок и резцов. Немногочисленные костяные поделки и простейший геометрический орнамент показывают знакомство с приемами обработки кости и развитие эстетических представлений. Это одни из древнейших (если не самые древние) памятники искусства в Костенковско-Боршевском районе.

Стоянка Костенки II обычно считается несколько более поздней по отношению к другим донским стоянкам с находками произведений искусства, но она не столь отдалена от них по времени, как это принято думать¹⁶. Условия залегания не отличают ее от Костенок I и Аносовки II. Ряд других признаков также говорит об ее не особенно позднем возрасте: жилище овальных очертаний напоминает скопление костей мамонта в пункте «А» Аносовки II. Кремневый инвентарь этих двух памятников имеет общие черты. Как отметил А. Н. Рогачев, пункт «А» Аносовки II моложе пункта «Б», сходного с нижним слоем Костенок IV. Так же как П. П. Ефименко, он приходит к выводу о большей древности нижнего горизонта Костенок IV по сравнению с Костенками II, что очень важно при увязке хронологической последовательности памятников I и II надпойменных террас.

Орнамент на кости из Костенок II не сложен, и по имеющимся образцам трудно судить об его сходстве с орнаментальными мотивами Кирилловской стоянки и Елисеевичей, как об этом пишет П. И. Борисковский. Скорее в нем можно уловить сходство с некоторыми элементами орнамента, например из Авдеева, Мезина или Павлова (Чехословакия). Точно так же, на наш взгляд, схематическая фигурка из Костенок II не имеет общих черт со скульптурами типа Мезин — Петерсфельс.

На других стоянках Костенковско-Боршевского района найдены единичные произведения искусства, и мы не можем на них останавливаться.

Перейдем к датировке деснинских стоянок и их соотношению с донскими поселениями.

¹⁶ П. И. Борисковский. Раскопки палеолитического жилища и погребения в Костенках II в 1953 г. СА, XXV, 1956, стр. 186.

Мы уже отмечали отдельные черты сходства между донскими стоянками и Мезином. Датировка Мезина до сих пор не установлена и варьирует у различных исследователей от ориньяка до мадлена. В 1950 г. П. П. Ефименко, устанавливая хронологическую схему палеолита Русской равнины, поместил Мезин в третью стадию, соответствующую концу солютре — переходу к мадлену, наряду с Костенками IV и Супонево¹⁷. В 1953 г. П. П. Ефименко уточнил эту датировку, определив возраст Мезина как конец ориньяко-солютрейской эпохи, а геологически — как период наибольшего развития вюрмского ледника¹⁸. По мнению П. И. Борисковского, кремневый инвентарь Мезина «свидетельствует о не слишком поздней поре мадленской эпохи», ближе всего напоминая такие поселения, как Супонево и Тимоновка, и типичные мадленские памятники Западной Европы (Петерсфельс)¹⁹.

Наконец, в 1957 г. В. И. Громов утверждал, что Мезин, Супонево, Пушкарки I по условиям залегания являются рисс-вюрмскими или ранневюрмскими, а по археологической датировке относятся к солютрейской эпохе и что в настоящее время среди советских археологов по этому поводу нет разногласий²⁰. Нам кажется, нет данных для такого категорического утверждения. Как неоднократно отмечалось, в инвентаре Мезина отсутствуют солютрейские элементы, и признанная археологическая датировка (конец солютре — начало мадленской эпохи) показывает только более поздний возраст стоянки относительно памятников костенковско-авдеевского типа. Кремневый инвентарь, состоящий из разнообразных, тщательно изготовленных специализированных орудий, сам по себе не является, видимо, показателем позднего времени. Своеобразные формы кремневого инвентаря стоянок находились в зависимости от производственных нужд населения. Различные мелкие проколки и острия, а также скребки с выемчатым краем — великолепный набор инструментов в инвентаре Мезина для создания совершенной скульптуры и сложной орнаментальной резьбы. То же самое мы можем проследить и в ряде других памятников, где имеются произведения искусства. Совершенство кремневой техники отмечается также и в Костенках I, где тоже имеются специализированные типы орудий. Широко развитой обработке мергеля и сравнительно малому количеству резьбы по кости в Костенках I соответствует масса режущих орудий: наконечники с выемкой, ножи с подтеской с брюшка, строгальные ножи (по терминологии С. А. Семенова). В Костенках IV и Аносовке II для изготовления из мергеля предметов искусства тоже применялись различные строгальные ножи и острия с ретушью, хотя и отличные по форме от ножей из Костенок I, но, несомненно, выполнявшие те же функции.

Иная картина видна на тех стоянках, где основную массу произведений искусства составляют обломки кости и бивня мамонта с орнаментальной резьбой. В Елисеевичах, например, основной процент кремневых орудий составляют резцы различных типов, при помощи которых создавались сложные орнаментальные мотивы. Так называемые проколки и острия из Мезина, несомненно, служили, как уже говорилось, для выполнения как скульптурных, так и орнаментальных работ. С. А. Семенов отметил, что в ряде верхнепалеолитических стоянок встречаются сериями небольшие кремневые орудия клювовидной формы, которые служили резцами специального назначения, хотя они и не имеют резцового скола. Все признаки этих орудий свидетельствуют о том, что они служили гравировальными

¹⁷ П. П. Ефименко. Современное состояние советской науки об ископаемом человеке. Материалы по четвертичному периоду СССР, вып. 2. М.—Л., 1950, стр. 85—86.

¹⁸ П. П. Ефименко. Первобытное общество. Киев, 1953, стр. 461—462.

¹⁹ П. И. Борисковский. Палеолит Украины. МИА, № 40, 1953, стр. 273.

²⁰ В. И. Громов, Е. В. Шанцер. О геологическом возрасте палеолита в СССР. Изв. АН СССР, серия геологич., № 5, 1958, стр. 18—19.

инструментами, орудиями для художественной резьбы по кости, главным образом для нанесения линейного рисунка²¹. Особенно широко такие орудия представлены в Мезине, Елисеевичах, Мальте. Набор кремневых орудий из Авдеевской стоянки содержит орудия для резания, скобления, строгания и инструменты для художественной резьбы. Здесь сказываются различные влияния донских и деснинских традиций.

В то же время надо думать, что такие орудия, как различные формы скребков и долотовидных орудий с чешуйчатой подтеской концов (*pièces écaillées*), нельзя привлекать в качестве хронологических показателей или рассматривать в качестве орудий для изготовления произведений искусства. Эти орудия, так же как и встречаемые почти на всех стоянках верхнего палеолита пластинки с затупленной спинкой, служили производственным инвентарем при выделке одежды или различных предметов утилитарного назначения из кости, рога и других материалов. Естественно, что среди любых форм орудий всегда найдутся орудия, служившие для охоты и разделки добычи: те же наконечники, ножи и остряя. Этот вопрос о специализации кремневого инвентаря требует дальнейшего изучения.

Вернемся к датировке других деснинских стоянок, сохраняющих образцы искусства: Елисеевичи, Супонево, Тимоновка. Эти поселения часто сближают с Мезином и между собой. По В. И. Громову, геологическая датировка Елисеевичей — конец первой половины вюрма²², по А. А. Величко — начало второй половины валдайского времени²³. Среди кремневого инвентаря этой стоянки основное место занимают резцы. Как нам кажется, это не показатель раннемадленского возраста стоянки (с его бедностью форм орудий). Мы склонны рассматривать инвентарь этой стоянки как специализированный набор орудий, необходимых для тончайших и сложнейших орнаментальных работ. На наш взгляд, он очень далек от инвентаря Костенок II или Костенок III и имеет значительно больше сходства с кремневым инвентарем Супонева. Кроме того, следует отметить, что, помимо резцов, из Елисеевичей происходят и другие типы орудий, правда не составляющих устойчивых серий: скребки, проколки и остряя, различные отщепы и пластинки с ретушью, нуклевидные орудия, часто с двусторонней обработкой. Любопытны пластинки с широкими и неглубокими выемками по краям как со спинки, так и с брюшка. Часты миниатюрные кремневые пластинки с затупленной спинкой. Интересно наличие отщепов и пластинок с подтеской с брюшка, образующей долотовидный рабочий край. Общие элементы с кремневым инвентарем Супонева: резцы супоневского типа, пластинки, близкие к типу *pièces écaillées*, у которых подтеска с брюшка часто выражается одним широким сколом. Из Елисеевичей происходит статуэтка женщины с несколько большей степенью стилизации, но не выпадающая из обычного реалистического типа. Широко развитый геометрический орнамент находит соответствия в искусстве других деснинских стоянок.

В датировке Супоневской стоянки также нет единодушия. В. И. Громов относит ее к концу рисс-вюрмского межледниковья или началу вюрма²⁴, А. А. Величко — ко второй половине валдайского оледенения²⁵. По археологическим данным, и в частности по кремневому инвентарю, стоянка наиболее близка Мезину. Здесь также имеются целые выработанные серии

²¹ С. А. Семенов. Первобытная техника. МИА, № 54, 1957, стр. 122.

²² В. И. Громов. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР. Тр. Ин-та геолог. наук, вып. 64, геологич. серия, № 17, М., 1948, стр. 157.

²³ А. А. Величко. К вопросу о геологическом возрасте и стратиграфическом значении верхнего палеолита..., стр. 48—49.

²⁴ В. И. Громов. Ук. соч., стр. 141.

²⁵ А. А. Величко. К вопросу о геологическом возрасте и стратиграфическом значении верхнего палеолита..., стр. 47.

	Кремневый инвентарь	Скульптура	Резьба
Костенки I			
Авдеево			
Газарина			
Костенки IV и V			
Янсовка II			
Костенки II			

Рис. 1. Сравнительная таблица инвентаря стоянок Дона и Сейма

орудий: проколки с тонкими жальцами, резцы с косо и округло ретушированным верхним краем, скребки с выемчатым рабочим краем. Многочисленны комбинированные орудия. Очень характерны проколки: большая часть их изготовлена из тонких призматических пластинок, на одном из концов которых тонкой ретушью обработано миниатюрное жальце. Встречаются острия разных типов и пластинки с затупленной спинкой. Орудий с подтеской с брюшка немного, и они не имеют выраженного типа, что близко напоминает кремневый инвентарь Елисеевичей.

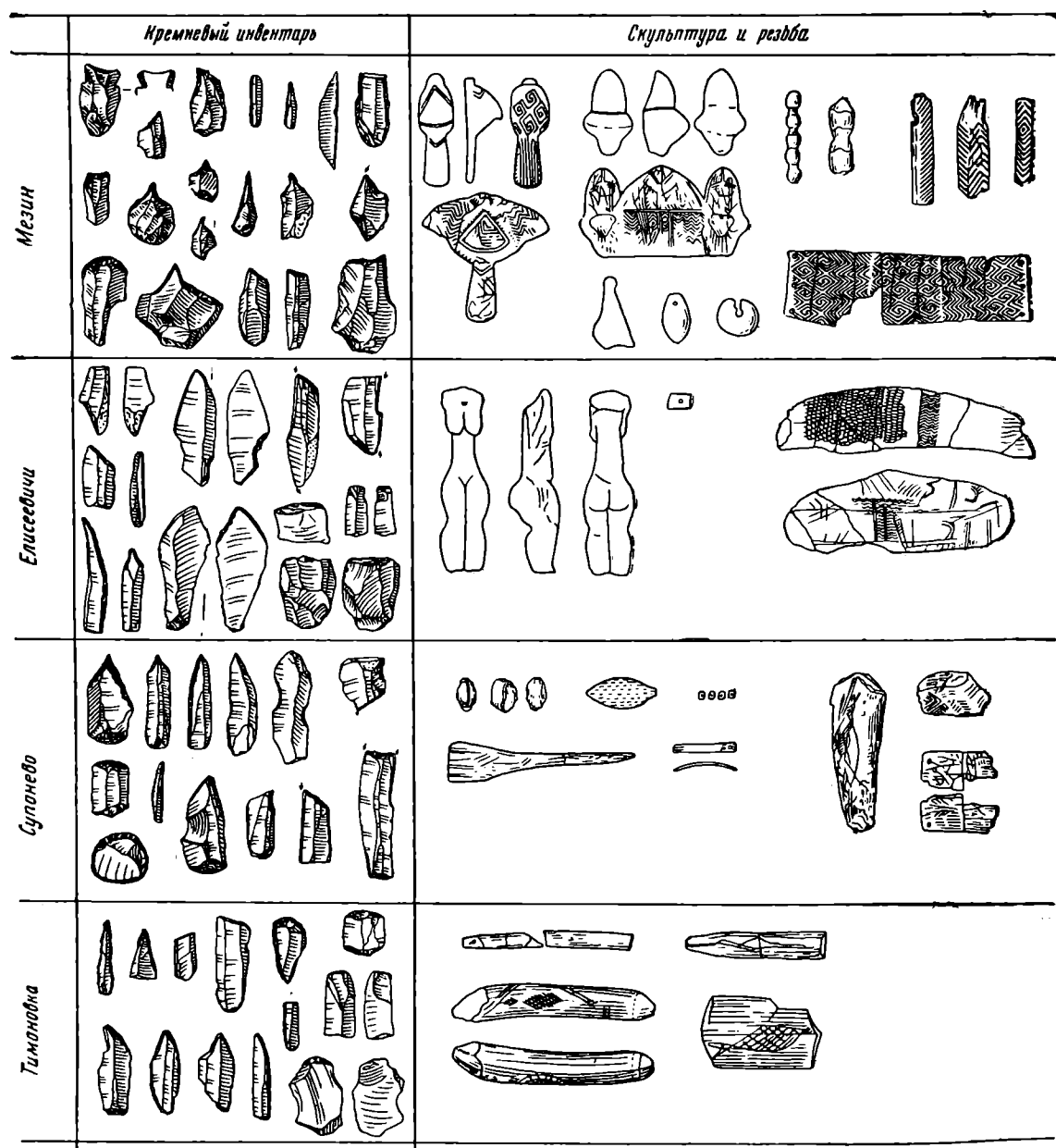

Рис. 2. Сравнительная таблица инвентаря стоянок Десны и Судости

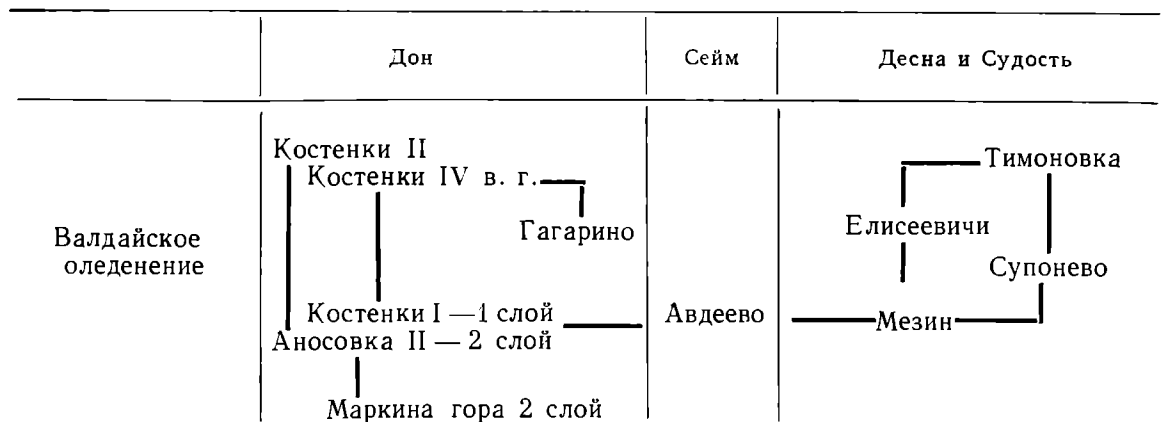
Тимоновка часто считается одновременной Супоневу по условиям залегания и другим признакам, хотя кремневый инвентарь ее в целом значительно отличается от супоневского. Общие черты его: обилие резцов, главным образом с косо или округло ретушированным краем; тип орудий с подтеской с брюшка в виде пластинок с единственным сколом. Наряду с этим встречаются и настоящие долотовидные орудия с чешуйчатой подтеской концов. Пластинки с затупленной спинкой имеют правильную форму и крутую ретушь. Имеется определенная геометризация форм орудий, особенно ярко выраженная в скребках, в отличие от Супонево, где округлые и двойные скребочки единичны. Многочисленна группа орудий со скошенным рабочим краем, а также острия из небольших пластинок с мелкой тщательной ретушью.

Как донские памятники сближает между собой наличие фигурок женщин и животных, так деснинские стоянки объединяет развитой геометрический орнамент. Это — важнейший объединяющий признак, хотя каждая стоянка имеет свои специфические особенности. В Мезине широко развита скульптура («птички», «фаллические» фигурки) и сложный геометриче-

ский орнамент (браслеты), очень своеобразные и не имеющие себе аналогий. С другой стороны, более простые скульптурные изделия и орнаментальные мотивы близки к произведениям искусства других стоянок: помимо уже отмеченного сходства некоторых элементов мезинского орнамента с авдеевским, есть общие черты и с орнаментом Супонева, более грубым и небрежным, и с орнаментом Елисеевичей. Сходны пластинки из бивня мамонта, подчетыреугольной формы, с круглым отверстием в центре — из Мезина и Елисеевичей, обломки налобных обручей или браслетов — из Мезина, Супонева, Тимоновки.

Супонево и Елисеевичи напоминают донские стоянки наличием в них женских скульптур (фигурки из Елисеевичей и головки из Супонева). В отличие от донских стоянок, где второе место после женских скульптур занимают изображения животных, на деснинских стоянках широкое развитие получают изображения рыб, раковин, воды. Близки изображения рыб из Супонева и Тимоновки; перекрещивающиеся в виде косой клетки линии из Тимоновки напоминают такие же косые клетки из Авдеева. На пластинах из бивня мамонта из Елисеевичей прослеживаются мотивы рыбьей чешуи, ячеек сети и т. п., а также «крышеподобные» знаки. Д. А. Крайнов упоминает, что в Тимоновке был найден обломок кости с тонкой нарезкой, напоминающей изображение кладовой с конической крышей и крытым входом²⁶.

Таким образом, стоянки Мезин, Елисеевичи, Супонево и Тимоновка составляют определенный и единый круг памятников. Они находят много точек соприкосновения с донскими стоянками, и различия между этими территориальными группами не временные, а локальные, этнографические. Исходя из изложенных выше фактов, мы приходим к выводу, что стоянки Европейской части СССР с яркими образцами искусства отражают расцвет верхнепалеолитической культуры и относятся, вероятно, к одному отрезку валдайского оледенения. Условно эти поселения можно распределить во времени следующим образом:

Конечно, второй слой Маркиной горы и Тимоновка, например, разделены значительным промежутком времени, но это обстоятельство не дает оснований для противопоставления ориньяко-солютрейской эпохи — мадленской. В то же время эта схема отнюдь не отрицает наличия общих закономерностей развития культуры в эпоху верхнего палеолита.

Палеолитическое искусство наиболее ярко отражает этнографические различия стоянок Дона и Десны. Сравнительные таблицы инвентаря стоянок долин Дона и Сейма, с одной стороны (рис. 1), и Десны и Судости — с другой (рис. 2), наглядно показывают этнографические особенности, присущие этим районам. Преобладание реалистической скульптуры на Дону

²⁶ Д. А. Крайнов. Жилища Тимоновской палеолитической стоянки. СА, XXV, 1956, стр. 26.

и развитой геометрический орнамент на Десне дают возможность предположить, что поселения Дона и Десны представляют не хронологические ступени, а определенные локальные группы. В этом своеобразии палеолитических культур проявляются, возможно, и этнические различия. При постановке вопроса об этнических различиях в каменном веке А. А. Формозов, утверждая, что «для периодов, предшествовавших неолиту, анализ производственного инвентаря является единственным источником по древней этнической истории»²⁷, не учитывает, на наш взгляд, двух важных факторов для верхнего палеолита — домостроительства и, в особенности, искусства. Если орнаментика керамики, согласно мнению М. Е. Фосс, имеет решающее значение в установлении этнических образований неолита, то в эпоху верхнего палеолита особенности произведений искусства в значительно большей степени могут пригодиться для этой цели, чем только каменный и костяной инвентарь.

²⁷ А. А. Формозов. Могут ли служить орудия каменного века этническим признаком? СА, 1957, № 4, стр. 74.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА НАРОДОВ ДАГЕСТАНА В СВЕТЕ ДАННЫХ АРХЕОЛОГИИ

Древнейшая история Дагестана до сих пор не получила достаточного освещения. Планомерные исследования археологических памятников этого интереснейшего района Северо-Восточного Кавказа, по существу только что начались. Но уже теперь на основании материала полевых исследований советских археологов и этнографов можно подвести некоторые итоги по вопросу ранней этнической истории народов Дагестана. К сожалению основные археологические исследования до сих пор проводились в плоскостных и предгорных районах. Это не могло не ограничить автора при решении ряда вопросов, поставленных в предлагаемой статье. Пришлось сознательно сосредоточить основное внимание на материалах, полученных в этих районах, где исследованы значительные комплексы памятников разных эпох, тем более что эти памятники связаны между собой как территориально, так и в отношении преемственности материальной культуры.

Открытия последнего времени доказали, что Закавказье входит в зону древнейшего обитания человека. Новейшие работы археологов как будто бы позволяют включить в эту зону и территорию Дагестана. В 1953—1956 гг. В. Г. Котовичем была открыта близ сел. Чох стоянка первобытных людей; им же в Южном Дагестане обнаружены следы человеческой деятельности эпохи мустье. Эпоха неолита представлена находками В. И. Марковина в районе Буйнакса и Махачкалы — в предгорной зоне Северного Дагестана. В урочище Тарнаир были открыты следы мастерской по выделке каменных орудий.

Об уровне культуры местного населения в эпоху энеолита можно судить по раскопкам поселения в районе Каякента, относимого к рубежу III—II тысячелетий до н. э.¹ Многочисленные находки связанных с земледелием орудий производства — кремневых вкладышей серпов, зернотерок, пестов, а также остатков хлебных злаков (в том числе южносредиземноморской твердой пшеницы) — доказывают, что земледелие в эпоху энеолита в предгорной зоне Дагестана стояло на первом месте среди других отраслей хозяйственной деятельности человека².

Некоторые особенности материальной культуры каякентского поселения (характер орнамента на керамике, каменные булавы, изделия из кости и др.) позволили А. П. Круглову включить этот памятник в район распространения закавказских памятников эпохи раннего металла³. Можно предположить, что в данном случае имеет место не случайное сходство и не простая аналогия в области материальной культуры Прикаспийского Дагестана и Закавказья; речь идет об этническом единстве родоплеменных

¹ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетии до н. э. МИА, № 68, 1958, стр. 30, примеч.

² Там же, стр. 22.

³ Там же, стр. 29.

групп, обитавших на рубеже II тысячелетия до н. э. в районах Восточного Кавказа. Такое предположение вполне правомерно, ибо дагестанские предгорья непосредственно примыкают с юга к предгорьям юго-восточной части Главного Кавказского хребта и широким равнинам Восточного Закавказья, образуя единый физико-географический район ⁴.

Материалы раскопок Джемикентского поселения, относящегося к эпохе ранней бронзы (первая половина II тысячелетия до н. э.), подтверждают непрерывность и преемственность развития материальной культуры в предгорной зоне, а следовательно, и непрерывность процесса этногенеза в этой зоне в эпоху, предшествовавшую образованию в пределах Дагестана самобытной каякентско-хорочаевской культуры ⁵.

Земледелие продолжает оставаться ведущей отраслью хозяйства. Скотоводство же приобретает новую форму — полукочевое, являющегося типа, о чем свидетельствует преобладание костей мелкого рогатого скота среди остатков домашних животных ⁶. Тип жилища сходен с жилищем предшествующей эпохи (полуземлянка с очагом типа тондыра). Следует отметить некоторое упрощение орнамента керамики по сравнению с орнаментом предыдущей эпохи, хотя техника изготовления глиняной посуды шагнула вперед. А. П. Круглов, исследовавший Джемикентское поселение, указывает на появление так называемой «матерчатой» керамики, известной по раскопкам Я. И. Гуммеля в Азербайджане ⁷. Отпечатки ткани из растительных волокон на глиняных сосудах свидетельствуют о том, что жители предгорного Дагестана эпохи ранней бронзы возделывали не только зерновые, но и технические культуры. Вероятно, и для изготовления одежды они использовали не только шкуры животных, но и ткани.

Дальнейшим шагом по исследованию материальной культуры эпохи бронзы в предгорном Дагестане явились раскопки К. Ф. Смирнова в сел. Карабудахкент. В 1950—1951 гг. им были раскопаны погребения, относящиеся к первой половине II тысячелетия до н. э. (могильник № 2), т. е. синхронные Джемикентскому поселению ⁸.

Если карабудахкентская керамика сохраняет форму и характер, аналогичные энеолитической керамике Закавказья в процессе ее дальнейшего развития ⁹, то погребальный обряд, обнаруженный в карабудахкентском могильнике, приобретает новые черты, сближающие этот памятник с северокавказскими могильниками того же времени (наличие скорченных костяков, лежащих на боку, красной краски и подстилки из галечника, иногда — дерева).

Вместе с тем К. Ф. Смирнов и Р. М. Мунчаев подчеркивают неустойчивость погребального обряда Карабудахкентского могильника ¹⁰.

Так как в предыдущую эпоху наблюдается этническое единство племен южных предгорий Дагестана с племенами Восточного Закавказья, где обряд посыпания покойников краской не имел распространения, то следует признать весьма вероятным проникновение в дагестанские предгорья каких-то этнических элементов из пределов Северного Кавказа ¹¹. Это событие следует отнести к рубежу II тысячелетия до н. э. Вместе с тем неустойчивость погребального обряда Карабудахкентского могильника № 2 наводит на мысль, что этническое влияние северкавказских элементов носило лишь эпизодический характер.

⁴ Н. А. Гвоздецкий. Физическая география Кавказа, вып. I. М., 1954, стр. 118.

⁵ А. П. Круглов. Ук. соч., стр. 92—93.

⁶ Там же, стр. 36.

⁷ Там же, стр. 39.

⁸ Р. М. Мунчаев и К. Ф. Смирнов. Археологические памятники близ сел. Карабудахкент. МИА, № 68, стр. 147—175.

⁹ Там же, стр. 163.

¹⁰ Там же, стр. 155.

¹¹ Именно там эти черты погребального обряда получили законченное выражение (Нальчикский могильник, памятники «раннекубанской» или «майкопской» культуры). См. Р. М. Мунчаев, К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 155—156.

В дальнейшем вышеуказанные признаки погребального обряда претерпевают автохтонное развитие, принимают устойчивые, самобытные формы и становятся характерными и даже ведущими для культуры Дагестана эпохи поздней бронзы.

Проникновение в пределы Дагестана пришельцев с севера имело место и в последующие эпохи. Именно таким путем появились в северных предгорьях Дагестана в середине II тысячелетия до н. э. носители катакомбной культуры. Но самым важным с точки зрения процесса этногенеза, протекавшего в пределах предгорного Дагестана, следует признать факт постепенной ассимиляции пришельцев местным населением. Об этом свидетельствуют общие коренные признаки преемственности культуры ранней бронзы по отношению к дагестанскому энеолиту¹².

Следующий этап развития местной культуры предгорного Дагестана ярко представлен Манасской группой курганов, датируемой третьей четвертью II тысячелетия до н. э.

В 1948 г. на границе предгорной зоны и приморской низменности, недалеко от ст. Манас, в урочище Коркома-Хола мною были обнаружены малоизвестные в Дагестане катакомбные погребения. Манасская курганная группа была исследована в 1950—1951 гг. Дагестанской экспедицией ИА АН СССР под руководством К. Ф. Смирнова, которому я передал все материалы предварительной разведки¹³.

Материалы исследования манасских подкурганных погребений убедительно свидетельствуют о дальнейшем развитии земледельческой традиции. Основным злаком продолжает оставаться твердая пшеница.

Земледелие было мотыжным, о чем косвенно можно заключить по следам, оставленным мотыговидным орудием на стенах катакомб при их отделке. Материалы манасской курганной группы убедительно доказывают, что и во второй половине II тысячелетия до н. э. племена предгорного Дагестана продолжали развивать земледельческую традицию и вели оседлый образ жизни. Богатство погребального инвентаря семейных усыпальниц манасских катакомб свидетельствует о значительном имущественном неравенстве и о выделении родоплеменной знати. Это необходимо связать с общим ростом производительных сил в предгорном Дагестане во второй половине II тысячелетия до н. э.

Для вопроса, разбираемого в настоящей статье, особенно важное значение имеет вывод о том, что культура, представленная манасскими погребениями, «имеет яркие черты преемственности по отношению к местной культуре как предшествующего, так и последующего времени»¹⁴. К такому выводу, в частности, приводит наличие трех типов погребальных сооружений, обнаруженных в манасской группе курганов, а именно: простые грунтовые могилы, каменные гробницы и катакомбы.

Если первый тип, при наличии скорченных костяков, обильной посыпке красной охрой и галечной подстилке, вполне аналогичен местным погребениям эпохи ранней бронзы (Джемикент, Карабудахкент), то каменные гробницы и каменные ящики представляли собой новый тип погребальных сооружений неизвестный в Дагестане в эпоху ранней бронзы. В конце II и в первой половине I тысячелетия до н. э. этот тип погребений становится господствующим.

Таким образом, как по времени, так и по типам погребальных сооружений манасские курганы являются промежуточным памятником, непосредственно предшествующим яркой и самобытной каякентско-хорочоевской культуре, характерной для всего Дагестана эпохи поздней бронзы.

Что касается третьего типа — катакомбного погребения, то он совершенно чужд для Дагестана и свидетельствует, по мнению Р. М. Мунчаева

¹² Р. М. Мунчаев, К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 170.

¹³ Р. М. Мунчаев, К. Ф. Смирнов. Памятники эпохи бронзы в Дагестане. СА, XXVI, 1956, стр. 167.

¹⁴ Там же, стр. 203.

и К. Ф. Смирнова, о проникновении туда отдельных групп племен катакомбной культуры, устремлявшихся на Кавказ в поисках металла. «Там, вероятно, некоторые из них оседали, растворяясь в местной этнической среде и внося в ее материальную культуру черты своей культуры»¹⁵.

Катакомбный тип погребения эпохи бронзы локализуется в районе Дешлагара (Сергокала)¹⁶ и у ст. Манас. Будучи чуждым местной традиции, он был вытеснен погребальными сооружениями типа каменных гробниц или ящиков, который стал основным типом погребений для целой эпохи в истории Дагестана, эпохи бытования каякентско-хорочоевской культуры¹⁷.

Это обстоятельство, а также то, что сам обряд катакомбного погребения Манасских курганов представляет собой синтез местных признаков и пришлых, степных¹⁸, позволяет сделать вывод, что носители катакомбной культуры были ассимилированы коренной этнической средой и, как уже было сказано, растворились в ней без остатка. Вторжение чуждых степных этнических групп на территорию дагестанских предгорий не прошло бесследно. К. Ф. Смирнов и Р. М. Мунчаев связывают с этим событием усиление и расширение культурно-хозяйственных связей местных племен с соседними племенами, отразившееся в большом разнообразии погребального инвентаря манасских курганов¹⁹.

В дальнейшем в каякентско-хорочоевскую эпоху эти связи не прекращаются, хотя и носят случайный характер. Этническая замкнутость характерна для Дагестана почти на всем протяжении I тысячелетия до н. э., вплоть до сарматского времени. Только с Восточным Закавказьем не прерываются традиционные связи, хотя они и прослеживаются пока лишь на памятниках каякентско-хорочоевского времени в южных районах дагестанских предгорий. Возможно, что некоторые параллели в орнаменте, характерном для керамики юго-восточного Дагестана и Восточного Закавказья, являются отражением передвижения удинских племен и их оседания в дагестанских предгорьях²⁰.

Но ни это, ни другие подобные ему события не могли сколько-нибудь существенно изменить естественный ход истории дагестанского этноса; они касались лишь периферии страны. Безусловно прав Е. И. Крупнов, когда он, подчеркивая, что в племенном составе носителей каякентско-хорочоевской культуры следует искать глубокие корни этногенеза современных народов Дагестана, вместе с тем отмечает отсутствие общности между населением Дагестана и Центрального Кавказа в период расцвета синхронных культур — каякентско-хорочоевской и кобанской, хотя эти культуры и соседят друг с другом²¹. Создается впечатление, что связи Северного Кавказа с Закавказьем, хорошо известные по источникам, в первой половине I тысячелетия до н. э. как бы огибали Дагестан и осуществлялись либо через Дарьяльский проход, либо вдоль Западно-Прикаспийской низменности, по узкой полоске Приморского Дагестана. Отмечая, что «Каспийский проход безусловно был известен с глубокой древности и представлял несомненные удобства по сравнению с другими перевальными путями», А. П. Круглов справедливо подчеркивает, что «у самой дороги, соединяю-

¹⁵ Р. М. Мунчаев, К. Ф. Смирнов. Памятники эпохи бронзы..., стр. 167.

¹⁶ А. А. Русов. Отчет о летних и осенних археологических работах в южном Дагестане. Тр. предварительного комитета V АС, т. I, М., 1882, стр. 582—584.

¹⁷ Традиция погребения в каменных ящиках удерживалась в Дагестане и в последующие эпохи. К. Ф. Смирнов открыл этот тип погребального сооружения при исследовании Карабудахкентского могильника № 3, датируемого II—III вв. н. э., т. е. сарматским временем. Материал не опубликован. За сообщение приношу благодарность К. Ф. Смирнову.

¹⁸ Р. М. Мунчаев, К. Ф. Смирнов. Памятники эпохи бронзы..., стр. 198.

¹⁹ Там же, стр. 198 сл.

²⁰ Е. И. Крупнов. Каякентский могильник — памятник древней Албании. Тр. ГИМ, т. XI, 1940, стр. 17—18.

²¹ Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957, стр. 99.

щей Северный Кавказ с закавказскими областями в течение многих столетий, существует однородная культура, а это в свою очередь говорит о преемственности местного населения»²². Причину этого, по моему мнению, следует искать прежде всего в орографических особенностях Дагестана.

Эта горная страна замкнута со всех сторон труднодоступными и большею частью лесистыми хребтами. Даже вдоль моря протянулась целая система хребтов, образующих естественную преграду со стороны узкой приморской низменной полосы. Единственная большая река — Сулак — прорывается в степи Предкавказья недоступным каньоном, прорезанным через хребет Салатау. Внутри страны — разобщенные друг от друга ущелья, замкнутые среди неприступных горных хребтов. Нет ни одного сколько-нибудь удобного горного перевала, который связал бы эту страну с Центральным Кавказом или с Закавказьем. В обход этого горного треугольника, обращенного основанием к Каспийскому морю, вдоль побережья, с незапамятных времен поддерживались связи между странами Юго-Восточной Европы и Передней Азии. В горах же текла своя жизнь. Заметная отсталость Дагестана в культуре и общественном развитии не раз отмечалась исследователями.

Кроме орографических особенностей Дагестана, замкнутости племен горной и предгорной зон в эпоху поздней бронзы содействовал и уровень их социально-экономического развития. Группировка погребений и характер погребального инвентаря в могильниках каякентско-хорочоевской культуры отражают целостность родовой организации²³. Правильно указывает А. П. Круглов, что высокий уровень скотоводства, при сохранении за земледелием ведущей роли (по крайней мере, в предгорьях), безусловно, сочетался с развитыми патриархально-семейными отношениями²⁴. Нетрудно себе представить уединенную жизнь и характер хозяйства родового поселения, затерянного в глухом ущелье или долине под защитой хребтов Внутреннего Дагестана. Конечно, племена предгорной зоны и тем более плоскости жили менее изолированно. Об этом говорит наличие связей с Закавказьем, прослеживаемых на материале памятников каякентско-хорочоевской эпохи, например в районе с. Тарки²⁵.

Какое же отражение получила разница в судьбах горного и предгорного Дагестана в материальной культуре этих районов?

Уже А. П. Круглов отметил, что материалы каякентско-хорочоевской культуры ясно указывают на существование двух синхронных групп памятников — западной и восточной²⁶. К. Ф. Смирнов предполагает, что эти две группы с их отличиями соответствуют двум основным племенным группам: горной и предгорно-приморской²⁷. Анализ материалов памятников предгорно-приморской зоны (Мамай-Кутан, Берекей, Нижний Дженгутай. Маджалис, Избербаш, Дургели, у г. Буйнакска, а также поселения недалеко от Каякента, Мамай-Кутана и др.) свидетельствуют о том, что группа племен этой зоны сохраняла культурные связи с Закавказьем, исторические корни которых уходят в глубь веков, по крайней мере до эпохи энеолита. Наличие этих связей отнюдь не противоречит факт обособленности и автохтонности процесса этногенеза в предгорном Дагестане на протяжении многих веков бытования каякентско-хорочоевской культуры, так как связи эти носили чисто внешний характер и ни о какой массовой миг-

²² А. П. Круглов. Ук. соч., стр. 93.

²³ Очерки истории СССР. Первобытно-общинный строй и древнейшие государства на территории СССР. М., 1956, стр. 198.

²⁴ А. П. Круглов. Ук. соч., стр. 87.

²⁵ Е. И. Крупнов. Новый памятник древних культур Дагестана. МИА, № 23, 1951, стр. 222.

²⁶ А. П. Круглов. Предскифские памятники Северо-Восточного Кавказа. Уч. зап. ЛГУ, сер. ист. наук, вып. 13, 1949, стр. 121.

²⁷ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки. МИА, № 23, стр. 257.

рации населения из Закавказья в Дагестан (по крайней мере — во внутренний) в эту эпоху не могло быть и речи. Даже если признать за факт переселение удинов, то и в этом случае речь могла идти о заселении пришельцами только части приморской зоны и непосредственно прилегающих к ней предгорий, а значит само событие носило чисто локальный характер.

Скорее можно допустить, что подмеченные археологами аналогии в материальной культуре Дагестана и Восточного Закавказья являются пережиточными для разбираемой эпохи. Находки же таких предметов, как рубчатые бусы, пронизки из сурьмы, пастовые бусы и подвески, и других предметов украшения свидетельствуют лишь об обмене между племенами предгорного Дагестана и Азербайджана, который мог осуществляться вдоль западного побережья Каспия, по пути, хорошо известному со времен глубокой древности²⁸. Для нас важен тот факт, что после передвижения племен катакомбной культуры и проникновения их в Западно-Прикаспийскую низменность и примыкающие к ней предгорья, здесь снова установилась этническая стабильность, характерная для эпохи каякентско-хорочоевской культуры, начальный период которой должен быть отнесен к концу II тысячелетия до н. э., а конечный — к VIII в. до н. э.²⁹

Вторжение в середине VII в. скифских племен, основная масса которых двигалась вдоль Каспийского моря³⁰, открывает собой целую эпоху в этнической истории дагестанских предгорий. Главной особенностью этой эпохи являются настойчивые и большею частью успешные попытки кочевых народов Юго-Восточной Европы проникнуть в район зимних пастбищ нижнего течения Куры и Аракса. Какое же влияние оказали вторжения чуждых этнических элементов на процесс этногенеза в среде аборигенного населения предгорного Дагестана? К сожалению, до сих пор наши сведения о памятниках эпохи раннего железа в Дагестане крайне скудны. Поэтому материальная и этническая история дагестанских предгорий в второй половине I тысячелетия до н. э. по существу почти не освещена.

В 1951 г. К. Ф. Смирнов открыл в районе с. Карабудахкент загадочные пока (с точки зрения этнической принадлежности) одиночные захоронения, датируемые временем не ранее V в. до н. э.³¹. Отмечая, что этот памятник хронологически занимает место между памятниками каякентско-хорочоевской культуры и сарматского времени, К. Ф. Смирнов подчеркивает, что керамика, составляющая основу погребального инвентаря, не похожа на керамику первых веков нашей эры Таркинского и Карабудахкентского могильников (сарматского времени). Вместе с тем утеряны и генетические связи с предыдущей каякентско-хорочоевской культурой. Зато, как указывает исследователь, «эти погребения... по погребальному обряду... очень близки погребениям скифского времени из могильников Моздокского, Нестеровского, ст. Урус-Мартан и особенно Исти-Су в Чечено-Ингушской АССР, который находится восточнее всех перечисленных могильников, почти на границе с северным Дагестаном»³². Все три захоронения Карабудахкентского могильника чрезвычайно бедны инвентарем, представленным грубой по форме и по изготовлению керамикой, несколькими изделиями из железа (браслет, шило), сердоликовыми бусинами и пряслицем из местной горной породы — мергеля. Погребения совершены в могильных ямах. С погребальным обрядом в каменных ящиках, характерным для предыдущей эпохи, описанные погребения имеют только то общее, что и те и другие содержат скорченные погребения.

²⁸ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во II—I тыс. до н. э., стр. 90 сл.

²⁹ Там же, стр. 92, примеч.

³⁰ Геродот, I. 103—104. ВДИ, 1947, № 2, стр. 250—251; Е. И. Крупнов. О походах скифов через Кавказ. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954, стр. 193—194.

³¹ Р. М. Мунчаев, К. Ф. Смирнов. Археологические памятники близ сел. Карабудахкент, стр. 170 сл.

³² Там же, стр. 172.

Сейчас, когда наши знания о материальной культуре предгорного Дагестана эпохи раннего железа ограничиваются тремя описанными захоронениями, можно высказать лишь некоторые предварительные соображения.

Вряд ли этот памятник принадлежит носителям какой-то новой, внешней этнической струи, проникшей в дагестанские предгорья с Северного Кавказа, из района, где влияние скифской культуры получило чрезвычайно яркое выражение (могильники Карасский, Минераловодский, Моздокский, Нестеровский, Луговой, Исти-Су, датируемые VII—V вв. до н. э.)³³. Дело в том, что в Карабудахкенте это влияние не прослеживается: керамика, составляющая основу инвентаря, — ярко выраженной биконической формы, но такая форма известна и по инвентарю памятников эпохи бронзы (Каякент, Маджалис и др.); обряд же скорченного погребения противоречит скифской традиции класть покойника в вытянутом положении. Скорее можно предположить, что скорченное погребение Карабудахкентского могильника свидетельствует о преемственной связи этого памятника с памятниками предыдущей эпохи. Мне кажется, что этот памятник принадлежит беднейшему слою аборигенного населения: такие памятники всегда мало выразительны из-за убогого инвентаря и упрощенного погребального сооружения. В данном случае — простая могильная яма, но ведь грунтовые погребения известны и в эпоху бронзы, например, в Тарках³⁴.

Предположение, что Карабудахкентский могильник мог принадлежать именно беднейшим членам родовой организации, тем более вероятно, что ведь эпоха железа — время распада родового строя, время резкого имущественного расслоения и выделения родовой знати.

Но предположим, что Карабудахкентский могильник, о котором идет речь, все же принадлежит не местному населению, а каким-то неизвестным пришельцам с Северного Кавказа, родичам или соплеменникам тех, кто хоронил своих покойников на Нестеровском могильнике, Урус-Мартане или Исти-Су. Даже в этом случае можно утверждать, что эти пришельцы не повлияли на непрерывность процесса этногенеза, протекавшего в дагестанских предгорьях, и вот на каком основании.

Выше уже отмечалось, что глубокие корни происхождения народов Дагестана нужно искать в племенном составе носителей культуры эпохи бронзы, в частности — каякентско-хорочоевской ее формы. Памятники всей этой эпохи в предгорьях неизменно отражают традиционные культурные связи Дагестана с Восточным Закавказьем. Связи же с Северным Кавказом носят совершенно случайный характер и прослеживаются в основном в северных и северо-западных районах Дагестана. Это же утверждает Е. И. Крупнов на основании анализа огромного количества материалов по кавказской бронзе. Вот что он пишет: «...Общности между населением, скажем, Дагестана и Осетии не наблюдалось и в период расцвета кобанской и каякентско-хорочоевской культур». И дальше: «Различны и антропологические типы носителей этих культур. Это — разные линии развития племенных групп и их культур. Дагестан больше тяготел к Восточному Закавказью и был связан с ним»³⁵. Прочная традиция культурных связей Дагестана с Восточным Закавказьем прослеживается на материалах многочисленных памятников разных эпох. Мне кажется, что эта традиция — одно из проявлений этнической стабильности, господствовавшей в течение многих столетий в пределах дагестанских предгорий. Только эта стабильность и могла обеспечить культурную преемственность, которая столь четко прослеживается на памятниках, начиная с эпохи энеолита, и, как мы увидим, не затухает и в сарматское время. Поэтому, несмотря на отсутствие исследованных памятников эпохи раннего железа на территории предгорного Дагестана, можно предположить, что непрерывность процесса этногенеза продолжалась вплоть до первых веков нашей эры.

³³ Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды, стр. 136.

³⁴ К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 244.

³⁵ Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды, стр. 99.

Что же говорят на этот счет археологические открытия последнего времени? Приходится ограничиться пока опубликованными материалами двух памятников, датируемых II в. до н. э.—II—III вв. н. э.: Таркинского могильника³⁶ и могильника № 1 близ с. Карабудахкент, открытого автором настоящей статьи в 1949 г. и исследованного экспедицией ИИМК АН СССР в 1950 г. под руководством К. Ф. Смирнова³⁷.

Исследование этих памятников позволяет сделать выводы, крайне важные для правильного решения вопросов, связанных с проблемой ранних этапов этногенеза народов Дагестана и, в первую очередь, народов, населяющих дагестанские предгорья.

«Несмотря на значительный (более полутысячелетия) хронологический разрыв между памятниками обеих культур (сарматской и каякентско-хорочоевской.— Я. Ф.),— пишет К. Ф. Смирнов,— намечается определенная преемственность между ними»³⁸. Далее исследователь отмечает, что «все особенности формы и орнамента таркинской керамики, которые отличают ее от степной сарматской, имеют местные кавказские и закавказские корни»³⁹. Эти и многие другие данные, в том числе некоторые черты погребального обряда (скорченные погребения и др.), позволили первому исследователю Таркинского могильника Е. И. Крупнову заключить, что «могильник принадлежал местным племенам Северного Дагестана»⁴⁰. К. Ф. Смирнов, продолжавший исследование Таркинского могильника, полностью согласен с выводами Е. И. Крупнова. «Определить Таркинский могильник,— пишет К. Ф. Смирнов,— как памятник древнего местного населения приморской части Северного Дагестана дают нам право, правда, еще слабо уловимые, общие черты в обряде погребений каякентско-хорочоевской и сарматской культур Таркинского могильника (первый погребальный слой этого могильника относится к эпохе бронзы.— Я. Ф.) и особенно своеобразные местные черты материальной культуры, проявившиеся главным образом в формах и орнаментации керамики»⁴¹.

Представляется вероятным, что сарматские этнические элементы, может быть аорсы, образовавшие к тому времени (II—I вв. до н. э.) мощный союз племен в районе Северо-Западного Прикаспия, проникнув в дагестанские предгорья, смешались с местным населением, вышедшим из среды носителей каякентско-хорочоевской культуры. Так можно объяснить появление сарматских черт, характеризующих Таркинский могильник, Карабудахкентский могильник № 1 и другие памятники начала нашей эры в приморском Дагестане и примыкающих к нему предгорьях. Трудно представить себе, чтобы пришельцы, вытеснив аборигенов, могли усвоить элементы культуры бронзы, сохранившиеся к тому времени у коренных племен лишь в качестве отмирающих пережитков.

Дело, конечно, не в том, что некоторые предметы из погребального инвентаря Таркинского и других могильников, особенно оружие, носят сарматский облик: это — общее явление для памятников той эпохи как в Северном Причерноморье, так и на Кавказе⁴².

Гораздо показательнее то, что значительная часть керамики сохраняет местные формы, а также формы, в которых прослеживаются элементы

³⁶ Е. И. Крупнов. Новый памятник древних культур Дагестана, стр. 208; К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки, стр. 226; его же. Новые данные по сарматской культуре Северного Кавказа. КСИИМК, вып. XXXII, 1950, стр. 113.

³⁷ К. Ф. Смирнов. О некоторых итогах исследования могильников меотской и сарматской культуры Прикубанья и Дагестана. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951, стр. 151.

³⁸ К. Ф. Смирнов. Новые данные по сарматской культуре, стр. 113.

³⁹ Там же, стр. 117.

⁴⁰ Е. И. Крупнов. Новый памятник древних культур Дагестана, стр. 211.

⁴¹ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования..., стр. 271.

⁴² В Могильнике № 3 (сел. Карабудахкент) К. Ф. Смирнов обнаружил остатки сарматских мечей с кольцевым навершием и кольчуги. Материалы не опубликованы. За сообщение о них приношу благодарность К. Ф. Смирнову.

ялойлу-тапинской культуры⁴³. Специфически кавказским является и изображение змеи в орнаменте некоторых сосудов — культ змеи хорошо известен у древних народов Кавказа.

Общность культуры населения предгорного Дагестана сарматского времени и культуры Восточного Закавказья, прослеживаемая на материалах Таркинского и Карабудахкентского могильников, подтверждает сохранение традиционных тесных связей между населением дагестанских предгорий и Восточного Закавказья. Для этнической истории важно то, что эти связи преемственны по отношению к связям предыдущих эпох.

Возможно, прав Е. И. Крупнов, который связывает носителей южных районов бытования каякентско-хорочоевской культуры с продвинувшимися из нынешнего Азербайджана на север этиунами-удиными⁴⁴. Имя этого народа, живущего по западному побережью Каспийского моря, упоминает Плиний в форме «удины»⁴⁵ и Птолемей в форме «уды»⁴⁶. Плиний прямо указывает, что «удины» жили между албанами (племенами Северного Азербайджана) и сарматами — жителями северных степей.

Такое передвижение племен с юга могло, конечно, иметь место, и оно вполне закономерно в условиях исконных связей Дагестана с Восточным Закавказьем. Скорее всего, удины, пройдя через Дербентскую теснину, влились в коллектив племен южной части приморской полосы Дагестана и предгорий, культура которых в эпоху бронзы была наиболее близка синхронной культуре Северного Азербайджана.

Очень важно наблюдение К. Ф. Смирнова о связях населения предгорий Дагестана сарматского времени с носителями ялойлу-тапинской культуры, созданной земледельческим населением Азербайджана и относимой к IV—I вв. до н. э.⁴⁷

Инвентарь Мингечаурского могильника, синхронного Ялойлу-Тапа, характеризует хозяйство того времени, отличающееся высокоразвитым скотоводством, земледелием и ремеслами. Древнее поселение Мингечаура, лежавшее на караванном пути у переправы через Куру, играло большую роль в межплеменном обмене, в котором, возможно, принимали участие и племена Южного Дагестана. Связи исконно земледельческого населения дагестанских предгорий с земледельческим населением Восточного Азербайджана весьма знаменательны. Они позволяют сделать далеко идущие выводы в отношении этнической истории Южного Дагестана, в отношении культурных, а возможно, и этнических связей населения этой страны с Кавказской Албанией.

В заключение я хотел бы отметить, что в связи с результатами археологических исследований памятников предгорного Дагестана сарматского времени большой интерес представляют работы антропологов.

Н. Н. Миклашевская, исследовавшая черепа Таркинского и Карабудахкентского могильников, приходит к выводу, что эти черепа могут быть отнесены к европеоидному краниологическому типу и напоминают прото-европейский тип, распространенный в более раннюю эпоху на территории Восточной Европы⁴⁸. В то же время Н. Н. Миклашевская отмечает, что дагестанские черепа по отношению к сарматским черепам саратовского Заволжья и Астраханского района стоят особняком⁴⁹.

⁴³ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования..., стр. 264.

⁴⁴ Е. И. Крупнов. Каякентский могильник — памятник древней Албании, стр. 17—18.

⁴⁵ Плиний. Естественная история, VI, 38. ВДИ, 1947, № 4, стр. 249.

⁴⁶ Птолемей. География, V, 8, § 17—25. ВДИ, 1948, № 2, стр. 249.

⁴⁷ Очерки истории СССР, стр. 439 сл.

⁴⁸ Карту распространения основных краниологических типов на территории СССР в I тысячелетии до н. э. см. Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР. М.—Л., 1948, стр. 301 и 308.

⁴⁹ Н. Н. Миклашевская. Материалы по антропологии народов Дагестана, стр. 31. Рукопись хранится в архиве Ин-та антропологии МГУ.

Наблюдения Миклашевской, при сопоставлении с данными археологических исследований, подтверждают, что и в сарматскую эпоху аборигены Северо-Восточного Дагестана прочно занимали места своего исконного обитания.

* * *

Конечно, привлеченные материалы не обеспечивают всестороннего освещения проблемы образования основного этнического пласта в пределах Дагестана, т. е. группы племен — предков современных дагестанских народов. Однако некоторые вопросы, касающиеся нашей проблемы, поддаются разрешению. На них я и хочу остановиться.

Известно, что автохтонные неолитические племена являлись в Дагестане непосредственными предками племенных групп эпохи бронзы. Этническая карта Кавказа этой эпохи имела много общих черт с картой расселения племен в последующее время.

В эпоху энеолита культура дагестанских аборигенов приобретает самобытные черты. Вместе с тем материалы памятников этого времени (Каякент, Великент, Карабудахкент и др.) имеют много общих черт с культурой земледельческо-скотоводческих племен Закавказья (Шенгавит, Элар, Киркеты и др.). Это позволяет включить Дагестан в область распространения так называемой закавказской культуры эпохи энеолита⁵⁰. Носителей этой культуры объединяли не только древние этнические связи, но и характер хозяйства, в первую очередь — земледелие. В связи с этим чрезвычайно любопытны наблюдения, позволившие локализовать ареал распространения основной земледельческой культуры — твердой пшеницы (*Triticum durum*). Оказывается, в эпоху энеолита этот вид пшеницы, родиной которой является Южное Средиземноморье⁵¹, возделывался не только в Дагестане (Каякент, Манас), но и в Армении и в Азербайджане⁵². На Северном Кавказе твердая пшеница не была известна. Там была распространена мягкая пшеница (*Triticum vulgare*)⁵³. Так, на заре истории проявляются связи Дагестана с Закавказьем, не затухающие и в последующие эпохи. Добавим, что в эпоху энеолита повсюду в Закавказье, а также в Дагестане господствовал матриархат, который определил мирный характер межплеменного общения в течение многих веков и даже тысячелетий.

Рост производства, а главное — развитие скотоводства и металлургии в эпоху бронзы обусловило возникновение патриархальных порядков, что, по словам Ф. Энгельса, явилось одной из самых радикальных революций, пережитых человечеством в первобытные времена⁵⁴.

Значительный рост скотоводства, и в первую очередь, разведение мелкого рогатого скота, обусловил необходимость освоения новых пастбищных угодий. Стада становятся объектом грабежа. Все это повлекло за собой межплеменные столкновения и образование территориальных племенных групп. Именно в эту эпоху на территории закавказской энеолитической культуры возникают новые племенные группы, носители новых культур, таких как Триалети, Кзыл-Банк и др.

Обособляются и дагестанские племена. Географическая замкнутость горной страны, защищенность от нападений извне, благоприятные условия для обороны поселений и имущества (посевов, скота) — вот основные фак-

⁵⁰ Ср. карту «Неолит и энеолит IV—II тысячелетия до н. э.» в «Очерках истории СССР» (стр. 56).

⁵¹ В. Л. Комаров. Происхождение культурных растений. М., 1938, стр. 77.

⁵² А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во II—I тыс. до н. э., стр. 23.

⁵³ Н. В. Анфимов. Земледелие у меото-сарматских племен Прикубанья. МИА, № 23, стр. 147.

⁵⁴ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1953, стр. 56.

торы, которые обусловили расцвет в эпоху поздней бронзы подлинно самобытной и яркой каякентско-хорочоевской культуры, в автохтонности которой никто не сомневается.

По-видимому, в эпоху бронзы посторонние этнические и культурные влияния проникали в среду дагестанских племен лишь в виде исключения. По словам А. А. Миллера, «археологически реставрируемая история ущелий, ныне занятых разноязычными элементами, совершенно едина в основных и существенных чертах, даже в части их детального выражения»⁵⁵. Это единство особенно ярко прослеживается на памятниках каякентско-хорочоевской культуры.

Следует иметь в виду, что ныне засушливый Дагестан во II тысячелетии до н. э. входил в зону влажного, умеренно-теплого климата. Реки благодаря усиленному таянию ледников были полноводны. Густые леса покрывали ныне совершенно оголенные хребты предгорного и внутреннего Дагестана. Не случайно в плодородных, хорошо увлажненных долинах предгорий население каякентско-хорочоевской эпохи так успешно продолжало развивать древние земледельческие традиции своих предков, а на тучных пастбищах горного Дагестана процветало скотоводство. Взаимный обмен в пределах Дагестана обеспечивал его население всем необходимым, кроме металла (Дагестан сравнительно беден полезными ископаемыми, особенно рудами).

Возможно, что связи Дагестана с Северным Кавказом, возникшие в эпоху бронзы и нашедшие свое отражение, в частности, в появлении такой черты в погребальном обряде, как посыпание покойника красной краской (неизвестной в Закавказье), объясняются именно необходимостью получения металлов, в первую очередь — меди. Развитие собственной металлургии, приготовление сплавов типа бронзы для дальнейшей выработки металлических орудий и украшений известно в Дагестане по материалам многих памятников эпохи бронзы⁵⁶. Огонь приобрел в сознании первобытного человека магические свойства. Отсюда один шаг к новому погребальному ритуалу с применением огня (как очистительного средства) и красной краски — его символа. Так можно объяснить распространение в Дагестане обряда посыпания покойника красной краской.

Этническая замкнутость, характерная и для эпохи бронзы, предопределила автохтонность процесса этногенеза на территории Дагестана. Характерно, что влияние чуждых элементов прослеживается лишь в приморской полосе или в самых близких к ней районах предгорий.

Дальнейшее изучение материальной культуры дагестанских племен эпохи бронзы несомненно позволит точнее выяснить их отношение к позднейшим племенам и народам, упоминаемым уже историческими источниками — литературными памятниками античности и средневековья. А это, в свою очередь, поможет разрешить сложную проблему происхождения народов Дагестана.

В середине I тысячелетия до н. э. усилился напор кочевников из степных пространств Юго-Восточной Европы, и здесь особенности орографии Дагестана сыграли решающую роль. Приморский хребет был для степняков почти непреодолимым благодаря густым лесам, покрывавшим его до сравнительно недавнего времени. Об этих лесах сообщают еще русские польские люди, проезжавшие через Дагестан по дороге в Кахетию в начале XVII в.⁵⁷ Только некоторая часть степняков имела возможность проникнуть в ближайшие долины через разломы хребтов в районе нынешних селений Кумторкала и Карабудахкент там, где прорываются через хребты

⁵⁵ А. А. Миллер. Древние формы материальной культуры современного населения Дагестана. Материалы по этнографии, т. IV, вып. 1. М., 1927, стр. 17.

⁵⁶ Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957, т. I, стр. 17.

⁵⁷ С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом, вып. 1, М., 1889, стр. 404.

реки Шура-Озень и Манас-Озень. Тем не менее о прочном освоении предгорий кочевниками не могло быть и речи.

Даже скифы в своем движении в Закавказье затронули лишь узкую полосу вдоль берега Каспийского моря: следы их продвижения были обнаружены у Кизляра, Махачкалы, Тарнаира, Тарков, Карабудахкента и близ устья Самура⁵⁸. Горы затруднили и попытки сарматских племен проникнуть в Дагестан. Характерно, что сарматизации подверглось лишь население в районе Тарков и Карабудахкента, т. е. вблизи приморской полосы; в относящемся к тому времени могильнике у с. Ленинкент Сергокалинского района сарматское влияние в материальной культуре (как показали раскопки М. И. Пикуль 1953 г.) совершенно не прослеживается⁵⁹.

Можно, следовательно, утверждать, что на протяжении более двух тысячелетий на территории дагестанских предгорий, а может быть и всего Дагестана, наблюдается непрерывный и автохтонный процесс развития коренного населения, что и нашло свое выражение в преемственности форм материальной культуры, начиная от эпохи энеолита и кончая первыми веками нашей эры.

⁵⁸ Очерки истории Дагестана, т. I, стр. 21.

⁵⁹ Там же, стр. 24.

ГОРОДИЩЕ ЭЙЛАТАН

(К вопросу о датировке памятника)

Городище Шаари-Хайбер у сел. Эйлатан было открыто Б. А. Латыниным во время разведки в Уч-Курганской степи в 1933 г.¹ На следующий год под его руководством здесь были проведены небольшие раскопки². В раскопе найдена лепная посуда, покрытая красновато-бурой краской, которая своим архаическим обликом выделялась среди разнообразной керамики, собранной во время работ экспедиции 1933—1934 гг. в разных пунктах Ферганской долины. Изучение ее привело Б. А. Латынина к заключению о сходстве керамики Эйлатана с материалами культур Анау и, в частности, Анау I. На этом основании исследователь датировал керамический комплекс Эйлатана концом III—II тысячелетием до н. э. Характеристика и датировка, данные Б. А. Латыниным архаической керамике и соответствующему периоду истории Ферганы, были приняты в нашей литературе и послужили одним из источников для широких построений и заключений о распространении на большей части территории Средней Азии культуры крашеной керамики анауского типа (С. П. Толстов, 1938 г.)³.

В начале 30-х годов XX в., когда археологическое изучение Средней Азии делало еще первые шаги, выделение эйлатанского типа керамики как одного из ранних для Ферганской долины явилось большой заслугой Б. А. Латынина. Его работы положили начало изучению культуры крашеной керамики древней Ферганы.

Дальнейшие археологические исследования привели к уточнению и изменению сложившихся представлений о характере и времени эйлатанской керамики и архаического периода Ферганы в целом. Это произошло в основном в результате осуществления в 1952 г. повторных раскопок на городище Эйлатан Памиро-Ферганской комплексной экспедицией. Раскопки вел автор этой статьи под общим руководством А. Н. Бернштама⁴.

Городище Эйлатан расположено в восточной части Ферганской долины (в междуречье Нарына и Кара-Дарьи), в 1,5 км на юго-восток от ж.-д. ст. Хакулабад. Огромное по своим размерам, с двойным обводом стен, городище имеет неправильную четырехугольную форму и вытянуто в широтном направлении (рис. 1). В древности заселена была только не-

¹ Б. А. Латынин. Работы в районе проектируемой электростанции на р. Нарыне в Фергане. ИГАИМК, вып. 110, 1935.

² См. отчет Б. А. Латынина в архиве ЛОИА АН СССР, дело № 220 и 221 за 1934 г. Площадь раскопа составляла 42 м². Коллекция хранится в Отделе истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа.

³ С. П. Толстов. Основные вопросы древней истории Средней Азии. ВДИ, 1938, № 1, стр. 181.

⁴ Работы проводились совместно с Наманганским областным краеведческим музеем. Материалы раскопок использованы в кандидатской диссертации автора на тему «Древняя Фергана» (1954 г.). Основные выводы опубликованы в автореферате. См. Ю. А. Заднепровский. Древняя Фергана. Автореферат канд. дис. Л., 1954.

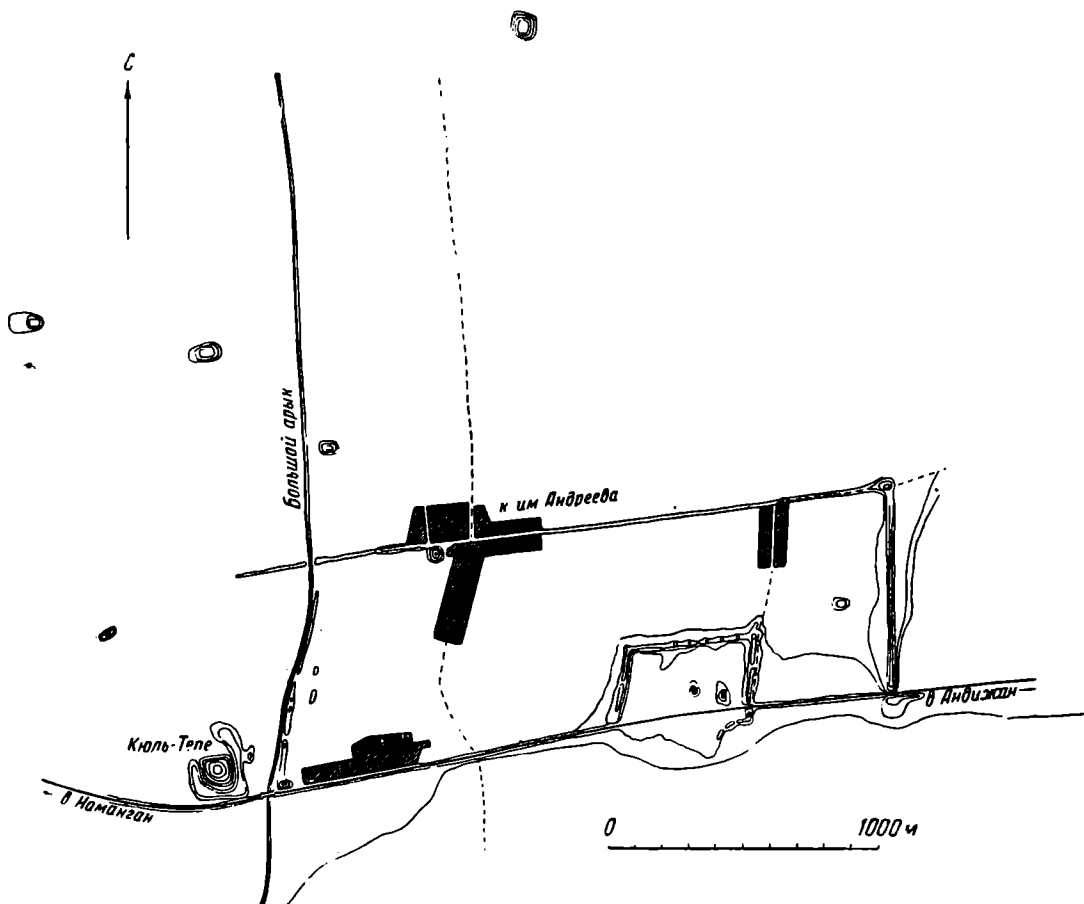

Рис. 1. Общий план городища Эйлатан с прилежащими к нему стенами и отдельно стоящими тепе

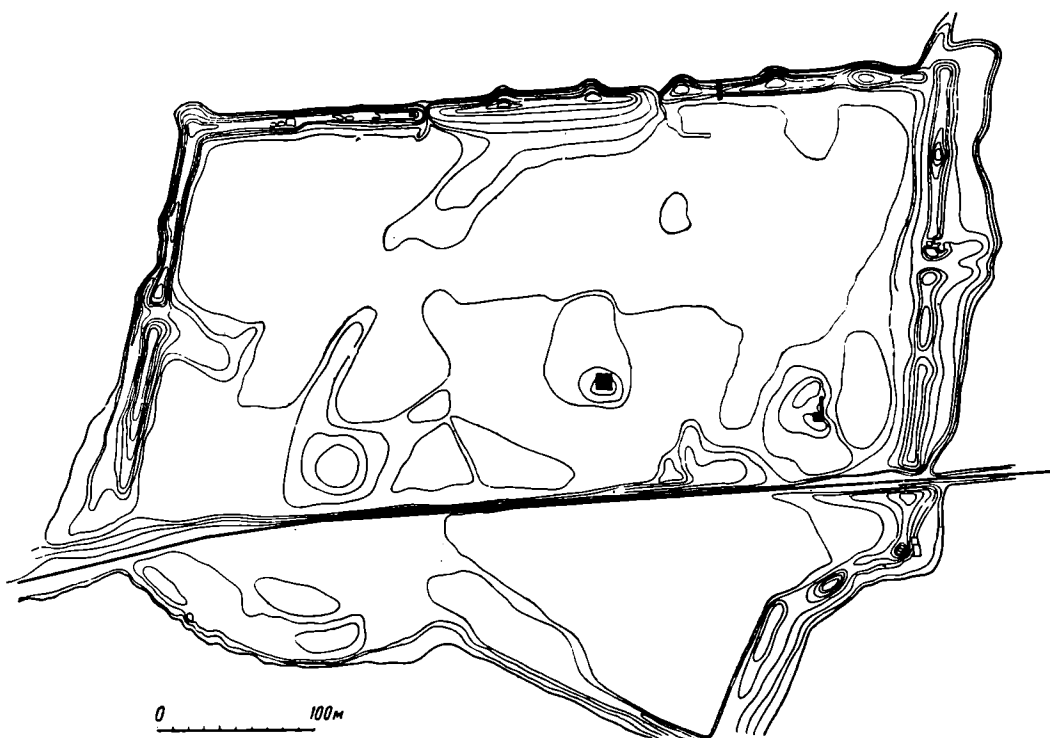

Рис. 2. План внутреннего городища Эйлатан

большая часть городища, окруженная первыми (внутренними) стенами. Стены сохранились в виде валов, которые достигают в некоторых местах четырехметровой высоты. На расстоянии 55—60 м друг от друга на валах расположены возвышения, представляющие собой, по-видимому, остатки башен (рис. 2). Внутреннее городище в южной части перерезано полотном железной дороги. Юго-западная и южная части внутреннего городища сильно разрушены и в настоящее время заняты современными постройками, бахчами и лесопитомником. С южной стороны к городищу примыкают заболоченные низины, поросшие камышом; со всех других сторон оно окружено хлопковыми полями. На расстоянии около 500 м от первой линии валов проходит второй (внешний) вал, на котором в 1933—1934 г. Б. А. Латынин еще видел остатки башен, располагавшихся соответственно башням на внутреннем валу. Направление обоих валов полностью совпадает. Длина сохранившейся части северного отрезка внешнего вала более 2200 м, восточного — около 900 м. С южной и западной сторон второй вал не сохранился. Площадь, охваченная внешним валом, огромна и равняется примерно 200 га. Внутреннее городище, площадью около 20 га, составляет небольшую часть всего городища.

На поверхности внутреннего городища разбросано несколько низких холмов. На двух таких холмах в 1952 г. были заложены раскопы. Раскоп I (площадью 75 м²) в юго-восточной части городища не был доведен до конца. Не завершены также работы в траншее на северном валу, поставленные для выяснения конструкции вала. Основные работы были сосредоточены на раскопе II (площадью 204 м²) в центре городища на холме (высотой 0,85 м). Культурный слой раскопа II, толщиной 1,2—1,4 м, залегал частично ниже современной дневной поверхности.

В раскопе выявлено три горизонта культурного слоя. Верхний, разрушенный (толщиной 0,2—0,4 м), содержал отдельные скопления культурных остатков. Наряду с «архаической» керамикой здесь оказались обломки грубой, маловыразительной посуды, которую обычно относят к ранне-средневековому периоду.

Следующий горизонт (толщиной 0,4—1 м), состоявший из лёссовидного суглинка более темного цвета с зольными скоплениями, костями животных и керамикой, перекрывал нижний слой. В нижнем слое, на глубине 1—1,4 м, расчищены части стен глинобитной постройки, все пространство между которыми было заполнено культурными остатками и очажными пятнами. Последовательность и общий характер культурных напластований, выявленные в раскопе 1952 г., полностью повторяют то, что было отмечено Б. А. Латыниным в 1934 г.⁵

Наибольший интерес представляли остатки жилой постройки, стены которой легко выделялись в рыхлом культурном слое благодаря своей твердости и отличию в цвете (рис. 3). Особенно четко они видны в северном и восточном обрезах раскопа. От постройки сохранились две параллельные стены высотой до 0,5 м, длиной более 1 м и шириной 0,8—0,9 м. Они пересекли раскоп по направлению с северо-запада на юго-восток. Расстояние между стенами равно 3 м. От этих стен отходят под прямым углом отрезки стен на северо-восток и на юго-запад. Расстояние между двумя последними стенами также равно 3 м. Полностью планировку этой постройки (выходящей за границы раскопа) не удалось установить. Однако, судя по работам 1952 г., можно говорить о существовании на Эйлатанском городище наземных построек с длинными и узкими комнатами.

Три горизонта культурного слоя содержали в основном однородный керамический материал, в котором преобладали находки «архаической» крашеной керамики. Только в верхней части оказалось небольшое количество грубой толстостенной посуды, относящейся, по всей вероятности, к раннему средневековью. На поверхности городища и в раскопе совершенно

⁵ См. отчет Б. А. Латынина в архиве ЛОИА АН СССР.

отсутствует поливная и иная средневековая керамика. Никаких строительных остатков в верхнем слое раскопа и на поверхности городища, которые можно было бы связывать с раннесредневековой посудой, не обнаружено как в 1952 г., так и ранее, в 1934 г. Принимая во внимание однородность комплекса керамики и наличие строительных остатков только в нижнем слое, можно считать Эйлатан в основе однослойным поселением. Дополнительные данные в пользу этого предположения дает рассмотрение планировки самого городища.

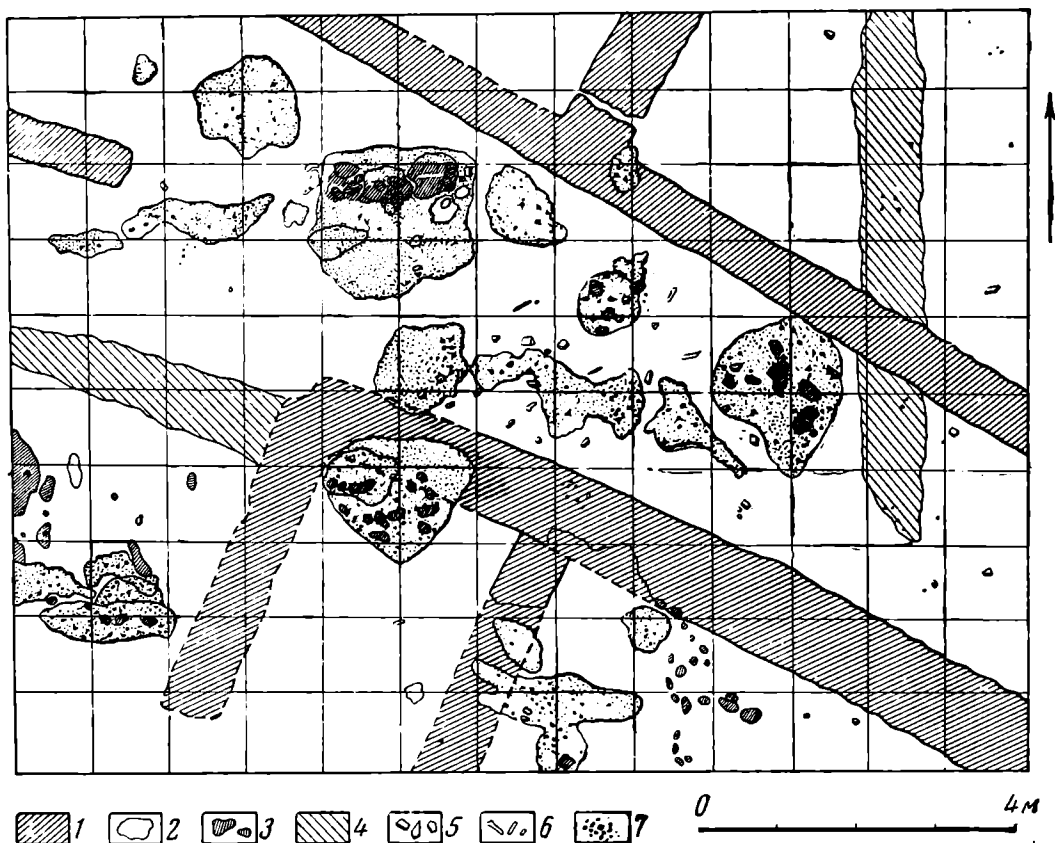

Рис. 3. Нижний слой раскопа 1952 г.

1 — стена; 2 — зольные пятна; 3 — обожженный лёсс; 4 — метаморфизованный лёсс; 5 — черепки сосудов; 6 — кости; 7 — уголь

Городище Эйлатан состоит из двух частей: укрепленного бесцитадельного поселения с постоянными наземными постройками и большого незастроенного участка между внутренним и внешним валами, который, по всей вероятности, мог быть использован как загон для скота. Такая планировка поселения и огромные размеры его выделяют Эйлатан среди всех известных памятников Ферганской долины и других областей Средней Азии. По своей конфигурации и размерам Эйлатан отличается от городищ Ферганы как древнего, так и средневекового периодов. Для поселений первого периода характерны значительно меньшие размеры. Так, например, самое крупное городище древнего периода — Шурабашат имеет площадь около 70 га, Мархамат — 38 га. Наиболее типичные размеры поселений древнего периода — 10—20 га. Эйлатан отличен от этих поселений также своей конфигурацией, отсутствием цитадели и небольшой толщиной культурного слоя. Он не имеет сходства и со средневековыми поселениями, с их сплошной застройкой всей площади, разделением на шахристан и рабад. Следует, однако, отметить, что некоторые средневековые поселения по размерам близки к площади Эйлатанского городища или даже превышают ее.

В Средней Азии известно только одно крупное поселение, близкое по времени Эйлатанскому, с двойной линией стен — это городище Ер-Курган в Каршинском оазисе, площадью в 150 га⁶. Однако этот памятник отличается от Эйлатана наличием цитадели и сплошной застройкой всей площади.

Сравнение Эйлатана с другими памятниками Ферганы и соседних областей Средней Азии приводит автора этой статьи к заключению о возникновении оборонительных укреплений Эйлатана, по-видимому, в период существования самого поселения, время которого устанавливается в результате изучения керамики⁷.

По этому вопросу Б. А. Латынин придерживается другой точки зрения. Он считает, что укрепления Эйлатана сооружены позднее, по-видимому в VI—VIII вв. н. э. Единственное основание для такого предположения заключается в находках на городище грубой, очевидно, раннесредневековой керамики.

Однако нам не известно ни одного раннесредневекового и средневекового поселения в Средней Азии, которое имело бы аналогичную планировку. Никаких строительных остатков раннесредневекового периода в Эйлатане не найдено. Количество керамики, которая может быть отнесена к VI—VIII вв., весьма незначительно. Она встречена в верхнем горизонте культурного слоя, вместе с крашеной керамикой и только на площади внутреннего городища. Таким образом, в VI—VIII вв. никакого увеличения заселенной площади на городище не произошло. Принимая во внимание все эти наблюдения, а также факт преобладания керамики древнего периода, можно с известным основанием считать, что поселение Эйлатан является в основном однослойным и что укрепления Эйлатана могут относиться только к периоду существования древнего поселения. В последующее время городище было заброшено и, по-видимому, только изредка использовалось для временного обитания людей.

В раскопе 1952 г., помимо керамики, которая составляет основную массу находок, найдено несколько разбитых зернотерок, обломков круглого каменного навершия небольшого размера, каменный оселок и глиняное прясло конической формы с выемкой на плоском конце (рис. 4). Посуда Эйлатана представлена следующими четырьмя типами: 1) «архаическая» керамика (крашеные и расписные сосуды); 2) бытовые грубые сосуды без росписи; 3) кухонные, сероглиняные, с примесью известковых частиц; 4) тонкостенная посуда, покрытая желтовато-розовым ангобом, изготовленная на гончарном круге.

Вся керамика, за исключением посуды четвертого типа, изготовлена от руки.

Первый тип — крашеная лепная посуда (рис. 5). Масса ее пористая, серовато-оранжевого цвета, со следами растительной примеси. Поверхность сосуда заглажена и покрыта жидкой лиловато-красной обмазкой. Несмотря на это на ней видна густая сеть мельчайших трещинок. Преобладает монохромная окраска всего сосуда или только верхней его части. На некоторых обломках краска лучшего качества и яркого кармино-фиолетового цвета. На трех обломках имеется расписной орнамент буро-красноватой краской по лиловатому фону. Наиболее характерными формами являются круглодонные чаши с прямым, загнутым внутрь или слегка отогнутым краем (рис. 6). Для этих чаш очень характерна такая деталь, как украшение чаши по бортику полоской краски. Иногда встречается и вертикальная полоска (рис. 6, 2, 3, 7, 11; рис. 7, 9—12). Кругло-

⁶ С. К. Кабанов. Археологические работы 1948 года в Каршинском оазисе. ТИИА АН УзССР, т. II, 1950, стр. 106—109, рис. 10.

⁷ Некоторое сходство городище Эйлатан имеет также со скифскими городищами, такими как Немировское, Каменское, Бельское и другие, которые занимают огромную площадь, имеют двойную линию укреплений и включают большие незастроенные участки — загоны для скота.

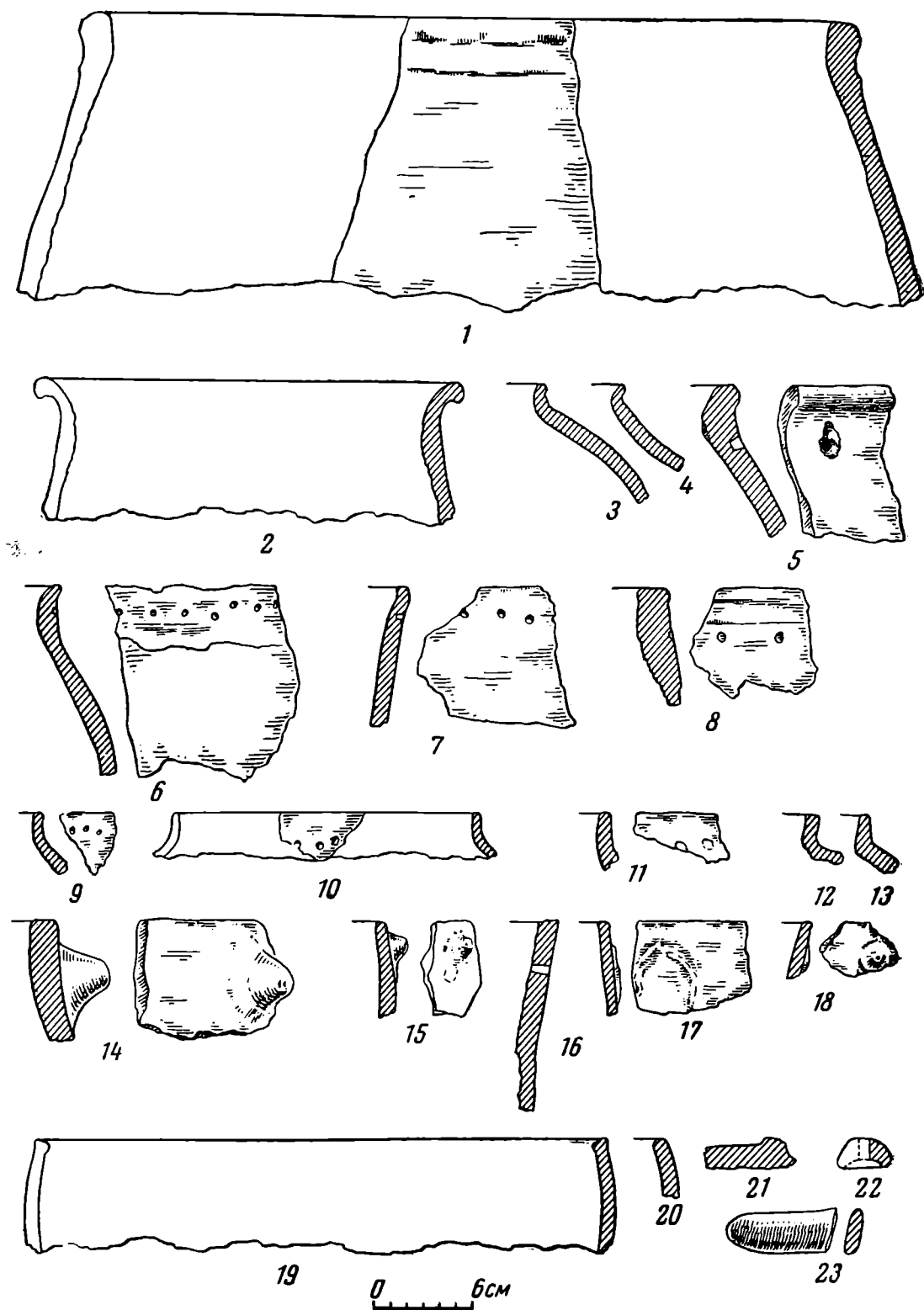

Рис. 4. Находки из раскопа 1952 г.

1—15, 19, 20 — бытовая посуда; 16—18, 21 — кухонная посуда; 22 — пряслице; 23 — каменный оселок

донные чаши формовались на матерчатом шаблоне, отпечатки которого мастер старательно замазывал, но они часто все же видны.

Отпечатки ткани встречаются также на внутренней поверхности сосудов с плоским дном. Эти находки снимают сомнения, высказанные в литературе относительно возможности изготовления плоскодонной посуды на матерчатом шаблоне. Отпечатки ткани обнаружены только на обломках эйлатанской керамики первого типа и никогда не встречаются на по-

суде других типов. В нашем материале представлены отпечатки разной ткани: более тонкого и более грубого переплетения. На матерчатом шаблоне изготовляли не только чаши небольшого размера, но и сосуды большого диаметра—0,4—0,5 м.

Помимо чаш, к посуде первого типа относятся небольшие кувшинчики, плоскодонные плошки и др.

Как мы уже указывали, расписная керамика представлена в данной группе всего тремя образцами. В материалах Б. А. Латынина расписная керамика отсутствовала.

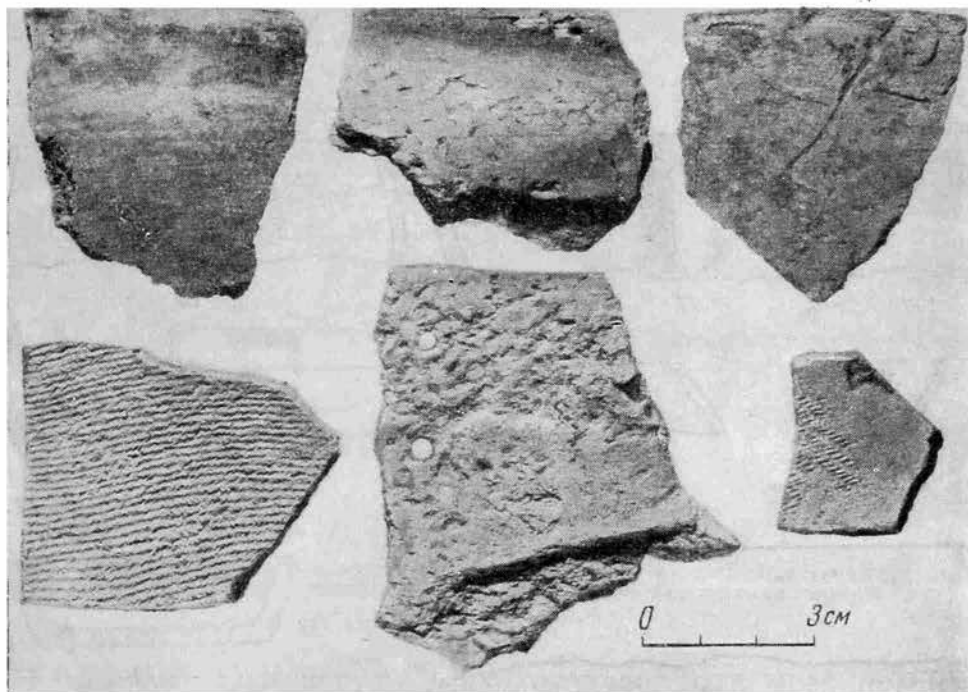

Рис. 5. Посуда первого типа. Фото

На одном фрагменте венчика небольшой чаши имеется орнамент в виде елочки. С внутренней стороны его по краю венчика проходит полоска краски (рис. 7, 7). От кубковидного сосуда сохранился фрагмент поддона, на котором видны остатки росписи (рис. 7, 1). Следы росписи прослеживаются еще на одном черепке (рис. 7, 8).

Особо отметим находку обломка подставки кубковидного сосуда, окрашенного полоской карминно-фиолетовой краски (рис. 7, 6). Посуда первого типа, по всей вероятности, представляла известную ценность для их хозяев. Разбитые сосуды не выбрасывали; на некоторых из них видны следы починки.

Второй тип посуды, условно названный бытовой, отличается по ряду признаков от первого (рис. 8). Посуда толстостенная, формовалась из глины, с большой примесью дресвы. Поверхность сосудов не заглажена, серовато-оранжевого цвета. К этому типу относятся большие корчаги с прямым туловом и слегка выделенной закраиной (диаметр горловины одной из корчаг равен 0,44 м; см. рис. 4, 1), кувшины с отогнутым венчиком (рис. 4, 2), горшки, глубокие миски, чаши и др. (рис. 4, 3, 16). Характерную особенность посуды этого типа составляет украшение по бортику круглыми ямками разной величины (рис. 4, 6—11), иногда довольно большими (рис. 4, 5). На сосудах этого типа часто встречаются наклепные ручки-выступы (рис. 4, 14—15), которые, очевидно, не имели утилитарного назначения. Чаши, относящиеся к этому типу, имеют значительно боль-

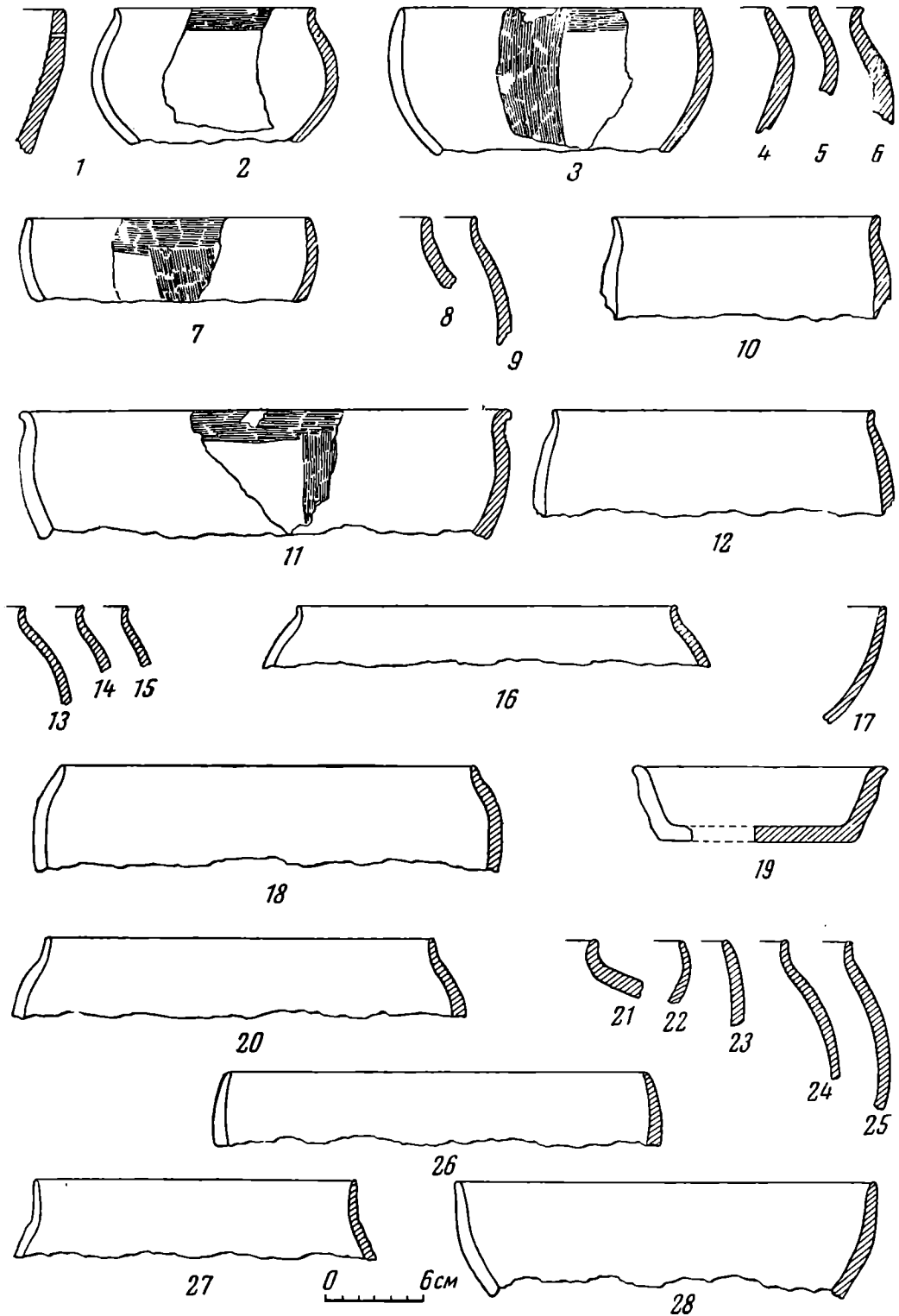

Рис. 6. Посуда первого типа

шие размеры — до 0,34 м в диаметре, края их загнуты внутрь и часто верх у них скошен (рис. 4, 19, 20).

Третий тип — сероглиняная посуда с большой примесью дресвы и толченого известняка, так называемая кухонная, отличается составом массы и цветом (рис. 9). Черепок в изломе рыхлый, обжиг слабый. Все обломки этой посуды, как правило, сильно закопчены. В раскопе керамики этого типа найдено очень мало. На одном из фрагментов сохранился налп в виде подковки (рис. 4, 17), на другом — круглая налпная ручка-выступ (рис. 4, 18)

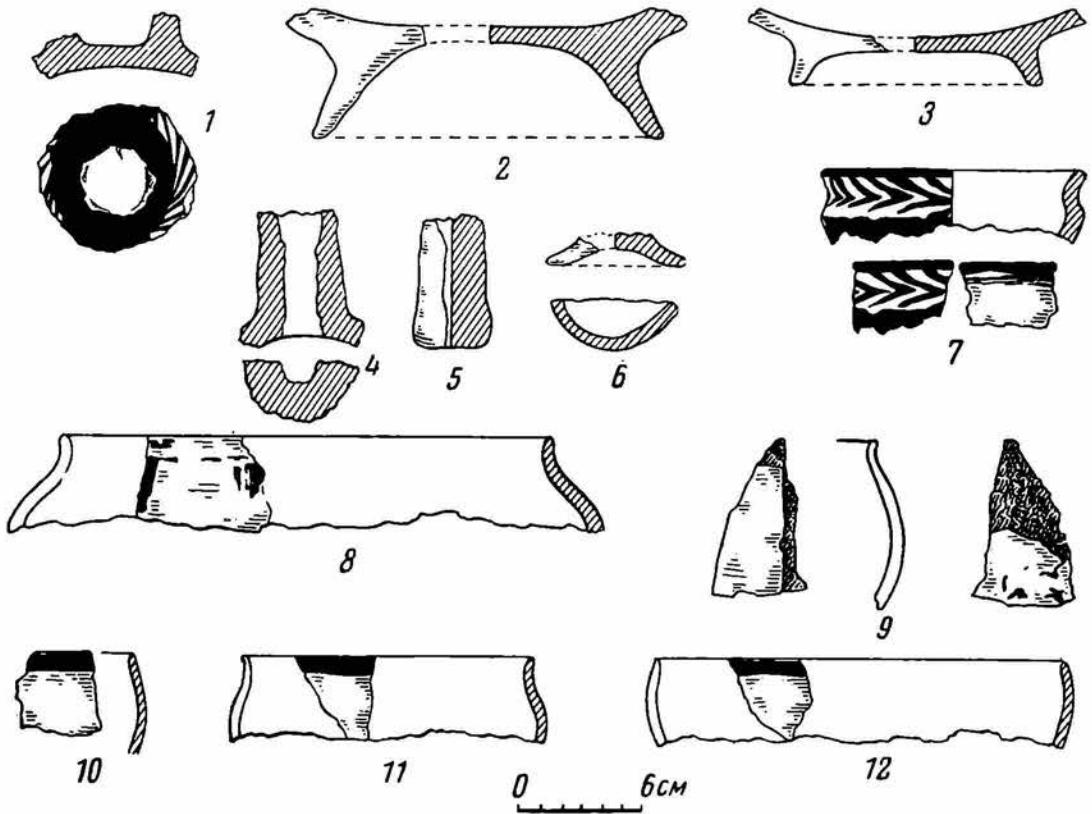

Рис. 7. Посуда первого типа

1, 7, 8 — с росписью; 2, 3 — фрагменты сосудов поддона; 4, 5 — полые подставки сосудов; 6 — фрагмент ножки кубковидного сосуда; 9—12 — окрашенная посуда

Четвертый тип посуды резко отличается от всей предыдущей (рис. 10). Эта посуда изготовлена из лёссовой глины на гончарном, по всей вероятности, ручном круге. Масса однородная, без примесей и хорошо обожжена. Сосуды тонкостенны и покрыты желтовато-розовым ангобом. Керамика этого типа представлена чашами разной профилировки и горшками двух размеров (рис. 11). На некоторых сосудах встречается налест-

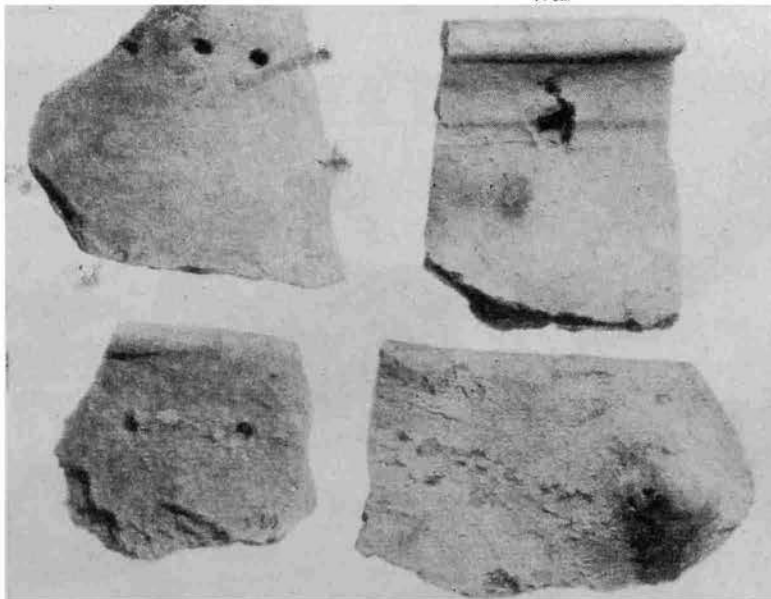

Рис. 8. Посуда второго типа

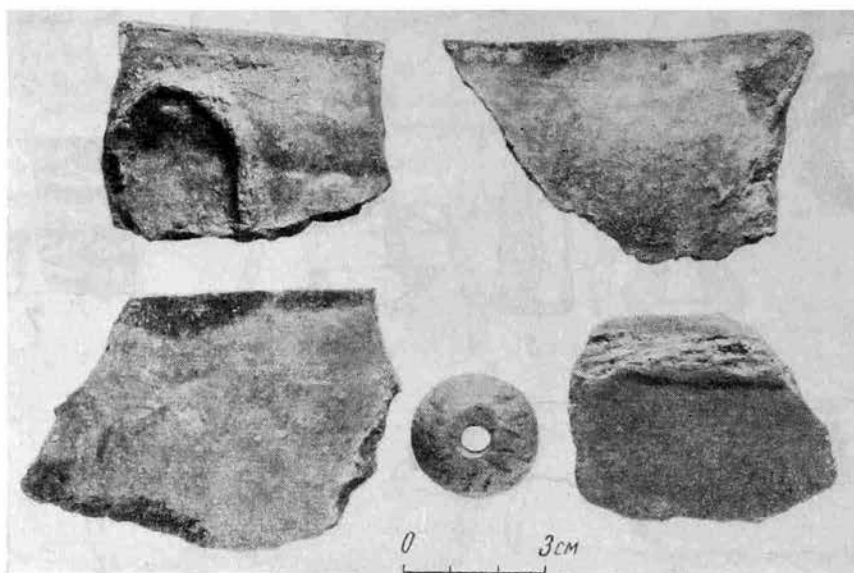

Рис. 9. Посуда третьего типа

ной валик в основании бортика, что составляет особенность этого типа посуды.

Форма дна у посуды Эйлатана разнообразна. Встречается посуда плоскодонная или с уплощенным дном, круглодонная, а также на поддоне с углублением в середине.

Значительную редкость представляют собой сосуды на высоком кольцевом поддоне, два образца которых найдены в 1952 г. (рис. 7, 2, 3). Наряду с кубковидными сосудами, окрашенными карминно-фиолетовой краской, в раскопе обнаружены две цилиндрические полые подставки от кубковидных сосудов других форм, без следов окраски (рис. 7, 4, 5).

Количественное соотношение керамики разных типов (в процентах) можно представить на основании проведенного автором разбора и подсчета материалов из раскопок 1934 г. Б. А. Латынина, как это показано ниже.

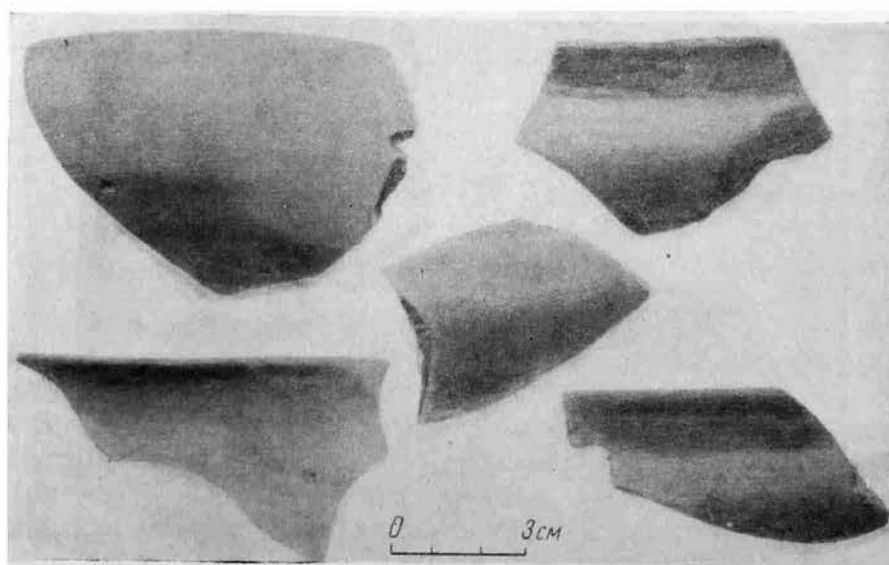

Рис. 10. Посуда четвертого типа

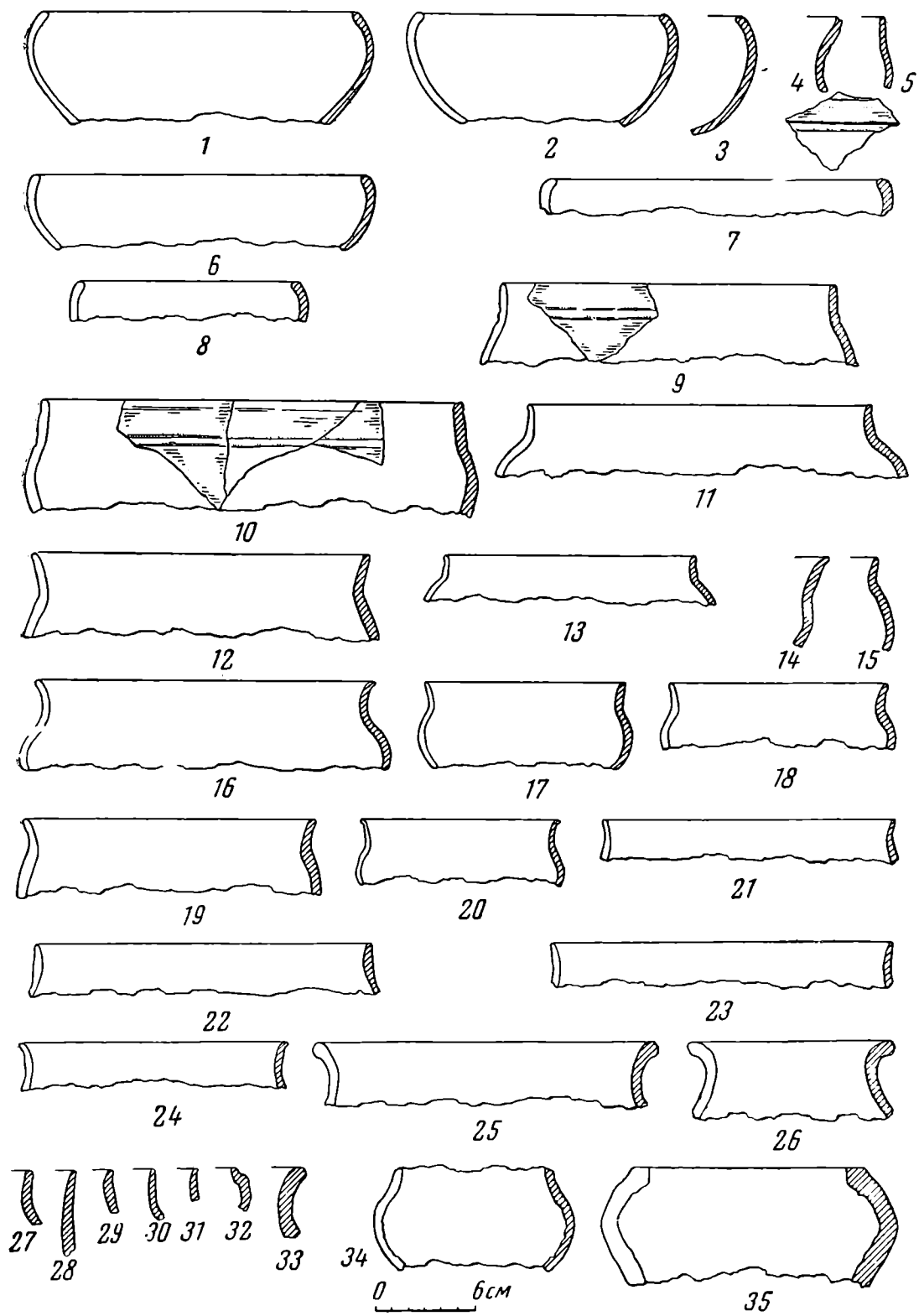

Рис. 11. Посуда четвертого типа

Тип керамики	Общее кол-во	Процент	В том числе в нижнем горизонте
I крашенная и расписная	590	45	73
II бытовая	125	9,4	5
III кухонная	7	0,5	2
IV гончарная	409	30,9	21
Неопределенные фрагменты	190	14	13
Итого	1321	99,8	114

Всего в 1934 г. на площади в 42 м² было собрано (по инвентарной описи) 1424 предмета, главным образом фрагментов посуды. Во время раскопок была взята почти вся керамика. Нами просмотрен 1321 фрагмент. Почти половину всех находок—45%—составляет керамика первого типа. В самом нижнем горизонте находки этой посуды преобладали. Следующее место по количеству фрагментов занимает посуда, изготовленная на гончарном круге, причем она встречена в большом количестве и в самом нижнем горизонте раскопа. Посуда остальных типов составляет примерно одну четвертую часть всех находок. Вызывает некоторое удивление небольшое количество кухонной посуды — всего 7 фрагментов.

Такое же количественное соотношение посуды разных типов отмечено и по материалам раскопок 1952 г. Из 2007 фрагментов керамики к I типу относится 824 (41,5%), к IV типу — 643 (32,3%). (Остальная керамика в 1952 г., во время раскопок, не была дифференцирована.)

При изучении керамики Эйлатана Б. А. Латынин все внимание сосредоточил на «архаической» крашеной посуде, сопоставляя ее с керамикой Анау I⁸. На этом основании Б. А. Латынин датировал всю керамику Эйлатана концом III—II тысячелетием до н. э. При этом он исключил из состава раннего комплекса Эйлатана «станковую» керамику, которая отнесена им к позднему времени. В результате раскопок 1952 г. установлено, что этот IV тип посуды составляет органическую часть керамического комплекса Эйлатана. Это существенно изменяло представление о всем облике и характере комплекса керамики Эйлатана.

Сопоставление керамики Эйлатана с другими известными материалами из ферганских памятников позволяет определить относительную и абсолютную датировку городища, а также место Эйлатана среди оседлых поселений Ферганы. В последние годы появились новые материалы, которые позволяют дать более точное представление о хронологии эйлатанской керамики, чем это было возможно в 1952—1954 гг.

Прежде всего необходимо отказаться от необоснованного сопоставления посуды Эйлатана с материалами культур Анау. Керамика Эйлатана по составу массы, характеру покрытия поверхности и по формам отличается от керамики Анау⁹.

Расписная посуда, три фрагмента которой впервые найдены в Эйлатане в 1952 г., также отличается от анауской по цвету и орнаментальным мотивам.

В настоящее время в Фергане хорошо известна керамика эпохи бронзы, которая имеет некоторое формально-типологическое сходство с керамикой культуры Анау I.

Эйлатанский комплекс керамики резко отличается от состава керамики чувствской культуры. В керамике последней посуда II и IV типов Эйла-

⁸ Б. А. Латынин. Работы в районе проектируемой электростанции..., стр. 141.

⁹ В. М. Массон. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина. Тр. ЮТАКЭ, т. VII, 1956.

танского городища не представлена. В свою очередь, наиболее типичная для Чуста посуда с красной облицовкой отсутствует в Эйлатане так же, как отсутствует типичная для Чуста посуда, расписанная черной краской по красному фону. Такая деталь, как наличие темных пятен на поверхности, получившихся в результате неровного обжига керамики чустской культуры, никогда не встречается в Эйлатане. Формы сосудов Чуста совсем иные ¹⁰.

Вместе с тем посуда Эйлатана имеет некоторое сходство с чустской керамикой в способе изготовления посуды на матерчатом шаблоне и в фактуре посуды I типа. В Эйлатане встречаются открытые полусферические чаши, покрытые буро-красноватой облицовкой, сходные с чашами Чуста и Дальверзинского поселения. На памятниках обеих групп известны сосуды с налепными ручками-выступами. Можно отметить общее сходство кухонной посуды. Для этих памятников характерна посуда с плоским дном и на поддоне. Все это свидетельствует о близости и, возможно, о генетической связи эйлатанской керамики с чустской. Однако это сходство относительно. По существу сходство наблюдается только между одной группой керамики, а именно группой полусферических чаш. Это происходит за счет того, что в Чусте, по-видимому, имеются более поздние, пока что стратиграфически не выделенные материалы. Среди этих материалов и находит себе аналогии некоторая группа керамики Эйлатана.

Отличие в составе типов керамики, различие расписной керамики Эйлатана и Чуста позволяют утверждать разновременность этих комплексов. По-видимому, керамика Эйлатана генетически связана с поздним периодом чустской культуры и относится к более позднему времени. Наличие большого числа гончарной посуды в Эйлатане также свидетельствует о более поздней его дате.

Керамика эйлатанского типа обнаружена на ряде древних поселений и в погребальных памятниках Ферганской долины. Прежде всего отметим крашеную карминно-фиолетовой краской керамику, выявленную на городище Шурабашат ¹¹. По фактуре и характеру покрытия поверхности, а также по формам сосудов она очень близка посуде первого типа Эйлатана. Некоторые образцы керамики при сопоставлении невозможно различить. В 1956 г. на Шурабашате в нижнем слое раскопа IV на III (восточном) городище найдено около двух десятков черепков тонкостенной посуды, изготовленной на гончарном круге и покрытой беловатым и розоватым ангобом. Посуда этого типа представлена горшками и открытыми чашами с отогнутым бортиком и налепным валиком. Эти находки тождественны посуде IV типа Эйлатана и гончарной посуде Актамского могильника, на чем подробнее остановимся ниже. Здесь только отметим, что в Актаме гончарная посуда сосуществует со своеобразной расписной керамикой. Последнее обстоятельство представляется важным в том отношении, что позволяет выделить в Шурабашате группу расписной керамики, сходную с актамской. Эта расписная керамика отличается от типичной шурабашатской и является, по-видимому, более ранней в Шурабашате.

Наблюдается также сходство других типов керамики Эйлатана и Шурабашата. Там и здесь известна грубая бытовая посуда с налепными ручками-выступами (II тип керамики Эйлатана; рис. 8) и встречаются одинаковые их формы. Некоторое сходство имеет и кухонная посуда этих памятников. Для обоих поселений характерно наличие расписной керамики и повторяется даже такая деталь, как украшение закраины чаш с внутренней стороны узкой полосой краски.

¹⁰ В. И. Спришевский. Чустская стоянка эпохи бронзы. СЭ, 1954, № 3; е го же. Чустское поселение эпохи бронзы. КСИИМК, вып. 69, 1957; Ю. А. Заднепровский. Дальверзинское селище. КСИИМК, вып. 69.

¹¹ Ю. А. Заднепровский. Археологические работы в Южной Киргизии. КСИЭ, вып. XXVI, 1957, стр. 76—79; е го же. Городище Шурабашат. КСИИМК, вып. 71, 1958; е го же. Археологические работы в Южной Киргизии в 1956 г. КСИИМК, вып. 76, 1959.

На обоих поселениях был распространен прием изготовления сосудов на матерчатом шаблоне. В Шурабашате он обнаруживается реже, так как отпечатки ткани на сосуде замазаны. Наряду с круглодонной и плоскодонной посудой на обоих памятниках известны сосуды на дисковидном и даже на высоком кольцевом поддоне.

В Шурабашате, следовательно, выделяется группа керамики, которая имеет полное сходство с посудой Эйлатанского городища и Ак-Тамского могильника. Она встречена в слое среди керамики, характерной для Шурабашатского городища и стратиграфически не может быть выделена. Однако сопоставление комплексов керамики Эйллатана и Шурабашата в целом позволяет определить относительную их хронологию. Эйлатанская керамика, несомненно, предшествует керамике Шурабашата. Можно установить преемственность развития от эйлатанской к шурабашатской керамике. Однако это касается только определенной группы, а не всего керамического комплекса в целом, который у обоих поселений различен. Основное отличие состоит в том, что в Шурабашате расписная и крашенная керамика встречается вместе с красноангобириванной, относящейся к более позднему времени. В небольшом количестве на Шурабашате представлена типичная для Ферганы керамика с красным ангобом и процарапанным орнаментом. В Эйлатане крашенная керамика сосуществует с гончарной посудой совсем иного типа. Расписная керамика Шурабашата многочисленней и достигает большого разнообразия и совершенства, в то время как в Эйлатане она представлена единичными образцами, и на городище господствует более грубая и худшего качества, монокромно окрашенная керамика. Сопоставление керамических комплексов Эйллатана и Шурабашата позволяет сделать заключение о развитии и усовершенствовании в Шурабашате традиций, характерных для керамического производства эйлатанского периода.

Для определения относительной хронологии Эйллатана важное значение имеют стратиграфические наблюдения Б. А. Латынина над залеганием слоев с керамикой эйлатанского типа и красноангобириванной на тепе у ст. Кугай в Уч-Курганской степи. В нижнем слое раскопа находилась преимущественно керамика эйлатанского типа. В верхнем слое открыто здание, относящееся к периоду красноангобириванной керамики. Вместе с нею здесь был найден железный трехлопастной наконечник стрелы с длинным черешком, который может быть датирован II—IV вв. н. э.

Аналогичное наблюдение сделано автором этой статьи в 1947 г. при зачистке Безыменного тепе на одиннадцатом километре дороги Ош — Карасу. В нижних слоях его обнаружена крашенная керамика, сходная с эйлатанской. В верхних слоях преобладала красноангобириванная керамика. Здесь же оказался обломок железного трехгранного наконечника стрелы с черешком.

Аналогичная картина прослежена еще на одном памятнике — на Сым-Тепе, расположенном в центре городского парка г. Ферганы. Раскопки, проведенные в 1957 г. Ферганским краеведческим музеем, выявили следующую последовательность культурных слоев. В нижнем слое шурфа, отделенном строительными остатками от вышележащего слоя, находилась преимущественно тонкостенная керамика с беловатым и розовым ангобом, идентичная гончарной посуде Актамского могильника и посуде IV типа Эйллатана. Во втором слое обнаружена красноангобириванная керамика, типичная для памятников Ферганы последних веков до нашей эры и первых веков нашей эры. Из верхнего слоя происходит средневековая керамика. Работы на Сым-Тепе выявили хронологическую последовательность залегания слоев с гончарной керамикой эйлатанского типа и красноангобириванной. По сообщению Н. Г. Горбуновой¹², из 592 найденных в раскопе фрагментов 109 относятся к гончарной посуде, в том

¹² Данные о раскопках на Сым-Тепе были приведены в докладе Н. Г. Горбуновой на пленуме ЛОИИМК в 1958 г.

числе 87 фрагментов происходят из нижнего слоя шурфа. Однако расписная керамика, сопутствующая в Эйлатане гончарной, на Сым-Тепе не обнаружена. Гончарная керамика Сым-Тепе тождественна также аналогичной керамике Шурабашата. Таким образом, на Сым-Тепе гончарная керамика эйлатанского типа стратиграфически предшествует красноангобированной керамике.

Сравнительное изучение комплексов керамики Эйлатана, Чуста и Шурабашата позволяет установить относительную датировку Эйлатана и наметить определенную последовательность развития керамики Ферганы.

Сопоставление Эйлатана с Чустом позволяет определить нижнюю границу существования городища Эйлатан, которая не может быть раньше первой четверти I тысячелетия до н. э. Сопоставление с Шурабашатом, Кугаем и Сым-Тепе дает верхнюю границу хронологии Эйлатана — последние века до нашей эры. Время существования Эйлатанского городища, таким образом, приходится примерно на середину I тысячелетия до н. э. Эта датировка подтверждается и другими материалами.

Так, в 1952 г. в одном из курганов сакского времени в могильнике Шарт II в Алайской долине во время работ экспедиции А. Н. Бернштама¹³ была найдена расписная чаша, близкая эйлатанской керамике, вместе с двумя бронзовыми наконечниками стрел. На основании анализа формы наконечников стрел А. Н. Бернштам датировал этот курган V—III вв. до н. э. К этому же времени следовало, очевидно, отнести расписную чашу могильника Шарт II¹⁴. Сопоставление эйлатанской керамики с чашей из могильника Шарт II и с керамикой из курганов, изученных экспедицией А. Н. Бернштама в Чакмаке, Тюлекене¹⁵, а также с посудой из погребений, открытых в двух пунктах на трассе Северного Ферганского канала Т. Г. Оболдуевой¹⁶, позволило в 1952—1954 гг. датировать эйлатанскую керамику серединой I тысячелетия до н. э., точнее — VII—IV вв. до н. э.¹⁷

Новые материалы, появившиеся в последние годы, подкрепляют предложенную в 1952—1954 гг. датировку Эйлатана. В этом отношении важное значение имело открытие и раскопки Ак-Тамского могильника в 1954—1955 гг.¹⁸ Керамика Ак-Тама представлена как лепной, так и гончарной посудой. По ряду признаков (способ изготовления, применение матерчатого шаблона, окрашивание поверхности и формы посуды — преобладание чаш и мисок и др.) лепная посуда Ак-Тама сходна с посудой первого типа Эйлатана. Однако формы крашеной керамики, так же как и профилировки сосудов Эйлатана, более разнообразны. В Эйлатане наряду с чашами, края которых загнуты внутрь, известны чаши с отогнутыми краями, а также кубковидные сосуды и др. Фрагментарность и малочисленность материалов Эйлатана затрудняет сопоставление с ними расписной керамики Ак-Тама. Однако гончарная посуда Ак-Тама

¹³ Материалы этой экспедиции не опубликованы. Вещи хранятся в Ошском областном музее.

¹⁴ С открытием Ак-Тамского могильника сопоставление расписной чаши Шарт II с эйлатанской керамикой было окончательно доказано. Чаша могильника Шарт II почти идентична расписной посуде, найденной в Ак-Тамском могильнике, керамика которого в свою очередь очень близка эйлатанской.

¹⁵ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952.

¹⁶ Т. Г. Оболдуева. Археологические наблюдения на Северном Ферганском канале. Изв. УзФАН СССР, 1940, № 10.

¹⁷ Ю. А. Заднепровский. Древняя Фергана. Автореферат, стр. 8, 18. Б. А. Латынин под влиянием нашей работы в своем отзыве на диссертационную работу и в последующих статьях полностью согласился с предложенной хронологией эйлатанской керамики. См. Б. А. Латынин. Вопросы истории ирригации древней Ферганы. КСИИМК, вып. 64, 1956, стр. 17.

¹⁸ Б. З. Гамбург, Н. Г. Горбунова. Ак-Тамский могильник, КСИИМК, вып. 69.

и посуда IV типа Эйллатана совершенно сходны. В обоих памятниках встречаются одинаковые формы посуды¹⁹; горшки двух размеров, открытые чаши, узкогорлый кувшин. Повторяется даже такая деталь, как напленной валик у основания бортика сосуда (рис. 9). Вместе с тем, судя по венчикам найденных в Эйллатане сосудов, посуда, сделанная на гончарном круге, здесь более разнообразна, чем в Ак-Таме. Проведенное сравнение приводит к следующим выводам: во-первых, о полном сходстве двух основных типов — лепной, крашеной и гончарной посуды Эйллатана и Ак-Тама, во-вторых, о большем разнообразии комплекса керамики Эйллатана, в-третьих, об однородности керамики Ак-Тама, что, возможно, объясняется требованиями погребального ритуала. В Ак-Тамском могильнике вместе с рассмотренной керамикой найдены железные ножи, кольца и браслеты, булавки, бронзовые наконечники стрел, подвески, а также поделки из кости и камня. На основании всего комплекса находок могильник Ак-Там датируется V—III вв. до н. э.²⁰

Могильник Ак-Там не единственный памятник этого типа и времени. Другой, аналогичный Ак-Тамскому могильник исследован В. И. Козенковой, сотрудником Андижанского областного музея возле сел. Нияз-Батыр²¹.

Так, еще в 1940 г. были обнаружены отдельные погребения, содержавшие керамику, сходную с эйллатанской. Они были открыты в двух пунктах на трассе Северного Ферганского канала. В первом пункте, на западной окраине городища у сел. Касканьяр (Чек) на правом берегу Нарына в погребениях найдено несколько полусферических чаш с вогнутыми краями, покрытых буро-красной обмазкой. На некоторых чашах, как отмечает Т. Г. Оболдуева, имеются полузатертые отпечатки ткани. Еще одна аналогичная чаша оказалась в погребении у сел. Найманча. Эти чаши Т. Г. Оболдуева²² на основании сходства с усуньской керамикой датировала III—II вв. до н. э. Эти находки расширяют круг погребальных памятников, содержащих керамику эйллатанского типа. Ак-Тамский и другие аналогичные могильники, зарегистрированные Н. Г. Горбуновой в Ферганской области, так же как и могильник Нияз-Батыр, расположены в южной части Ферганы. Погребения, открытые на канале, располагаются в северной ее части. Возле самого городища Эйллатан гидрогеологом И. А. Анбоевым еще в 20-х годах XX в. была найдена расписная чаша, ныне хранящаяся в Гос. Эрмитаже. Она происходит, по всей вероятности, также из погребения.

Количество известных памятников эйллатанской культуры значительно увеличилось в результате археологических работ последних лет.

Все рассматриваемые памятники располагаются в основном в восточной части Ферганской долины, к востоку от меридиана Маргелан — Наманган. Расстояние между Эйллатаном и Сым-Тепе в г. Фергане равняется приблизительно 80 км, от Эйллатана до Шурабашата насчитывается по прямой около 100 км. Территория, занимаемая памятниками с керамикой эйллатанского типа, довольно обширна. Размеры ее: с севера на юг — около 100 км, а с запада на восток — около 150 км.

Изучение археологических материалов Ферганской долины, происходящих как из поселений, так и из могильников, позволило автору еще в 1954 г., в диссертационной работе, выделить особую эйллатанскую культуру. Результаты археологических работ последних лет подтвердили правильность выделения этой культуры.

¹⁹ Б. З. Гамбург, Н. Г. Горбунова. Ак-Тамский могильник, рис. 30, 20, 21 и 23 а, б, 14—18, 29, 22.

²⁰ Там же, стр. 88.

²¹ Археологические работы музеев в СССР за 1955—1956 гг. СА, 1957, № 4, стр. 295. Сообщение В. И. Козенковой.

²² Т. Г. Оболдуева. Археологические наблюдения на Северном Ферганском канале. Изв. УзФАН СССР, 1940, № 10, стр. 30. К сожалению, особенности работ на трассе СФК не позволили определить характер могилы и погребального ритуала.

Памятники эйлатанской культуры были, по всей вероятности, распространены в Ферганской долине в VII—IV вв. до н. э. значительно шире, чем это сейчас нам известно. В этой связи особый интерес представляет находка двух небольших горшочков с расписным орнаментом в нижних слоях городища Мунчак-Тепе у Беговата в западной части Ферганской долины во время работ Фархадской археологической экспедиции 1943—1944 гг.²³ По фактуре и характеру росписи они могут быть сопоставлены с эйлатано-шурабашатской керамикой. Можно надеяться, что дальнейшее накопление материалов в западной части Ферганы позволит окончательно определить сходство или отличие этих находок от расписной керамики Эйлатана — Шурабашата. Однако сам факт обнаружения сосудов с росписью в нижних слоях Мунчак-Тепе, относящихся к периоду до нашей эры (точнее дата не установлена), заставляет предполагать распространение во второй половине I тысячелетия до н. э. расписной керамики и в Западной Фергане.

На основании сопоставления всех известных для древней Ферганы керамических комплексов, изучения поселений и стратиграфических наблюдений устанавливаются следующие последовательные этапы развития керамики и оседлых поселений Ферганы: 1 — чувстский, 2 — эйлатанский, 3 — шурабашатский.

Эта последовательность является вместе с тем и основой историко-археологической периодизации культуры Ферганы древнего периода. Длительное и устойчивое развитие культуры расписной керамики с эпохи бронзы, со времени чувстской культуры до периода Шурабашата и в более позднее время составляет особенность исторического развития Ферганы.

Памятники эйлатанской культуры хронологически соответствуют времени обитания в Фергане племен париканиев, которые упомянуты в труде Геродота (III — 92, 94; VI — 68; VII — 86) и его предшественника Гекатея.

В свете сказанного становится понятным большое значение городища Эйлатан — одного из ключевых памятников для решения проблемы периодизации истории культуры Ферганы и для характеристики ранних этапов истории населения Ферганской долины.

²³ Находки не опубликованы. Экспонированы на выставке Средней Азии в Гос. Эрмитаже.

О ДАТЕ АРТЮХОВСКОГО КУРГАНА¹

Артюховский курган принадлежит к числу самых известных погребальных комплексов Северного Причерноморья, чем он в первую очередь обязан богатству своего инвентаря. Однако большую роль играет также то обстоятельство, что датировка кургана серединой III в. до н. э., предложенная Л. Стефани² и принятая К. Ватцингером³, получила общее признание, и этот памятник считается одним из немногих твердо датированных археологических комплексов эпохи эллинизма. Трудно найти работу, вышедшую в свет за последние 50—60 лет и касающуюся ювелирного дела или торевтики III—I вв. до н. э., где бы автор не сослался на Артюховский курган как на некий ориентир, помогающий определить время изучаемых изделий. С другой стороны, историки Боспора обычно привлекают тот же курган для показа высокого уровня благосостояния местной знати на Тамани в III в. до н. э.

Уверенность в незыблемости датировки Стефани была столь сильной, что голоса отдельных ученых, высказывавших сомнения, остались одинокими и не привели к пересмотру всего вопроса в целом. Так, еще в 1913 г. Э. Миннз склонялся к тому, чтобы приписать золотой статер с именем царя Перисада, найденный во 2-й гробнице Артюховского кургана⁴, не Перисаду II, царствовавшему в середине III в. до н. э., а какому-то другому Перисаду — правителю Боспора конца III и начала II в. до н. э.⁵ В соответствии с этим он отнес к тому же времени нетронутые погребения кургана⁶, которые считал одновременными. Однако он, видимо, не был уверен в правильности своего вывода, так как в другом месте своего труда придерживается старой датировки Стефани⁷.

А. Н. Зограф отнес статер Лисимаха (рис. 1), найденный вместе с монетой Перисада примерно к тому же времени, как Миннз, но не счел возможным распространить свои наблюдения на весь курган и предпочел пой-

¹ Содержание настоящей статьи было доложено автором на совместном заседании античной группы Ленинградского отделения Института археологии АН СССР и античного отдела Гос. Эрмитажа в декабре 1957 г. В Западной Германии в ежегоднике «Jahrbuch des römisch-germanischen Zentralmuseums» (Mainz, 1958) появилась работа Н. Kùthman «Beiträge zur hellenistisch-römischen Toreutik, I», в которой делается попытка передатировать Артюховский курган. Подробный разбор этой работы будет дан мной в отдельной статье. Здесь хотелось бы только указать на неубедительность предлагаемой автором (на наш взгляд — слишком поздней) датировки комплекса временем около 100 г. до н. э.

² Л. Стефани. Объяснение нескольких художественных произведений, найденных в южной России в 1878 и 1879 годах. ОАК за 1880 г., стр. 24 сл.

³ АМ, 1901, стр. 99.

⁴ ОАК за 1880 г., табл. II, №№ 4, 5.

⁵ E. Minns. Scythians and Greeks in South Russia. Cambridge, 1913, стр. 585. Ко взгляду Миннза на статер Перисада в последнее время присоединился П. Якобсталь (см. P. Jacobsthal. Greek Pins. Oxford, 1956, стр. 102); P. Amandry. Collection Hélène Stathatos. Strassbourg, 1953, стр. 124, примеч. 1 считает датировку, предложенную Миннзом, слишком поздней.

⁶ E. Minns. Ук. соч., стр. 430.

⁷ Там же, стр. 405.

ти на компромисс, высказав ошибочное, на наш взгляд, предположение о одновременности трех его нетронутых гробниц. М. И. Ростовцев в русском издании «Скифии и Боспора» датировал Артюховский курган второй половиной III в. до н. э.⁸, а в немецком издании того же труда высказал предположение, что монеты из кургана не могут быть старше второй половины III или II в. до н. э.⁹ В дальнейшем он продолжал, однако, сопоставлять памятники Артюховского кургана с такими комплексами раннего эллинизма, как погребения у Карантинного шоссе близ Керчи и Курджипис.

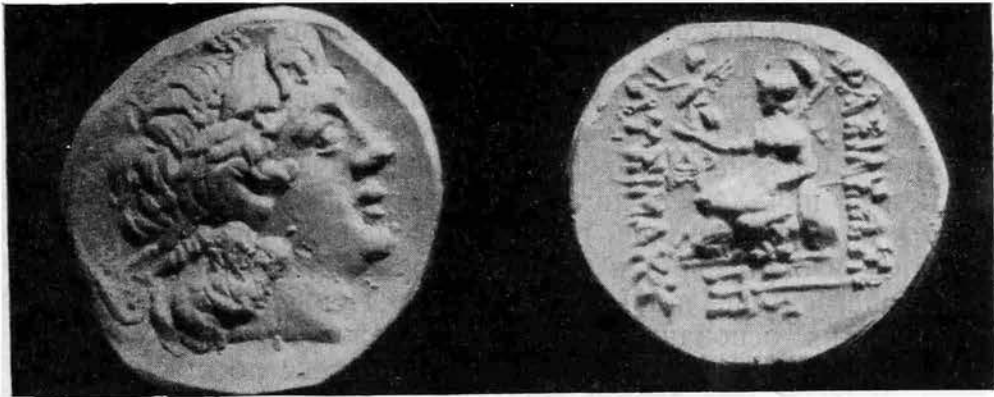

Рис. 1. Статер Лисимаха из Артюховского кургана (лицевая и оборотная стороны)

Таким образом, датировка, предложенная Л. Стефани почти 80 лет назад, продолжает господствовать в науке до настоящего времени. А между тем необходимость ее пересмотра, несомненно, назрела, так как наши знания в области нумизматики и особенно керамики эпохи эллинизма шагнули далеко вперед, и те предпосылки, из которых исходил первоиздатель Артюховского кургана, в настоящее время потеряли свою силу. В то же время памятник в целом отнюдь не утеряти своего ведущего значения для исследователей художественного ремесла эпохи эллинизма, а отчасти и для истории Боспора.

Настоящая работа ставит перед собой цель выполнить эту насущную для советской археологии задачу. Скажем сразу, что наше исследование привело к выводу, отличному от вывода Стефани. По нашему мнению, Артюховский курган следует датировать серединой не III, а II в. до н. э., скорее даже третьей его четвертью.

Посмотрим сперва, на чем основывалась датировка, столь продолжительное время удерживающаяся в науке. Л. Стефани исходил в своих рассуждениях почти исключительно из датировки двух золотых статеров, найденных в гробнице № 2¹⁰. Другие материалы привлекались им только для выяснения общих хронологических рамок всего комплекса, который он совершенно правильно считал одновременным и относил к эпохе эллинизма. В те годы, когда писал Стефани, изучение эллинистической керамики, можно сказать, еще и не начиналось. Примерно через 20 лет после выхода в свет публикации Л. Стефани, появилась статья К. Ватцингера, одного из пионеров в деле изучения керамики эпохи эллинизма¹¹. В этой

⁸ М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 279.

⁹ M. Rostowzew. Skythien und der Bosphorus. Berlin, 1931, стр. 251. См. также противоречивые высказывания Ростовцева по этому вопросу в книге «Iranians and Greeks in South Russia» (Oxford, 1922, стр. 172, 189, 233), а также «Social and Economic History of the Hellenistic World» (Oxford, 1941, стр. 1409, прим. 167).

¹⁰ ОАК за 1880 г., стр. 24—28.

¹¹ C. Watzinger. Vasenfunde aus Athen. AM, 1901, т. XXVI, стр. 96—100.

работе он касается вопроса о дате Артюховского кургана, соглашается с мнением Стефани и подкрепляет его выводы собственным изучением довольно обильной керамики, происходящей из того же кургана, которую он относит к середине III в. до н. э. Тем самым предложенная Стефани дата кургана была окончательно закреплена. Однако определение времени монет, данное Стефани, а также датировка керамики, произведенная Ватцингером, нуждаются в существенных коррективах.

Один из статеров Артюховского кургана принадлежит к немногочисленной группе золотых монет с именем царя Перисада¹². Стефани безоговорочно приписывал его Перисаду II, царствование которого началось в 284 г. и продолжалось до третьей четверти этого века. В настоящее время эта атрибуция может считаться окончательно отпавшей, но в то же время нумизматы не пришли еще к единому мнению о том, какой именно из царей Боспора с этим именем, царствовавших в III—II вв. до н. э., выпускал эти монеты. Д. Б. Шелов сделал попытку распределить известные нам II статеров с именем Перисада в хронологическом порядке, начиная с конца III и до начала I в. до н. э.¹³ Сатер из Артюховского кургана он относит к наиболее древней группе этих монет (конца III в.), основываясь на стиле изображений и на происхождении монеты из погребения, «явно относящегося еще к III веку». Сатер Перисада датируется здесь, следовательно, на основании якобы непреложной даты кургана (в то время как Стефани датировал курганный комплекс по сатеру).

В том же погребении Артюховского кургана, где и сатер Перисада, был найден сатер Лисимаха.

Еще Стефани заметил на оборотной стороне сатера Лисимаха¹⁴, под тронем Афины, эмблему в виде трезубца и двух дельфинов, а также буквы ВУ — сокращенное обозначение города Византия. Следуя за Л. Мюллером¹⁵, он правильно отнес поэтому эту монету к выпускам лисимаховских монет, чеканившихся в Византии после смерти царя Лисимаха в 281 г. Согласно Мюллеру, выпуски этих монет в Византии продолжались до 20-х годов III в. Комбинируя эти данные с годами правления Перисада II, Стефани и пришел к выводу, что Артюховский курган следует датировать серединой III в. или временем немного более поздним. Однако и этот аргумент Стефани приходится в настоящее время считать несостоятельным.

Трудами ряда нумизматов конца XIX и начала XX в. было установлено, что выпуск посмертных лисимаховских монет многими городами бывшего царства Лисимаха, в том числе и Византием, продолжался не до конца III в., как думал Л. Мюллер, а до начала I в. до н. э.¹⁶ Тем самым отнесение лисимаховского сатера из Артюховского кургана к III в. перестало быть обязательным и хронологические границы его возможной датировки сильно раздвинулись.

А. Н. Зограф полностью признавал новую, расширенную датировку посмертных лисимаховских статеров и тетрадрахм и полагал, что выпуск этих монет городами западного побережья Черного моря, а также Византием продолжался вплоть до времени Митридата Евпатора. Прямым следствием принятия этой точки зрения явилась попытка Зографа дать классификацию лисимаховских статеров Византия, построив ее в хронологической последовательности¹⁷. Основываясь на фактуре этих монет и на стиле изображений, он делил их на три следующие группы.

¹² ОАК за 1880 г., табл. II, №№ 4, 5. Об этих монетах см. А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, стр. 182 сл.; Д. Б. Шелов. Монетное дело Боспора VI—II вв. до нашей эры. М., 1956, стр. 187 сл. и указанная там литература.

¹³ Д. Б. Шелов. Ук. соч., стр. 188.

¹⁴ ОАК за 1880 г., табл. II, №№ 11, 12.

¹⁵ L. Müller. Die Münzen des thrakischen Königs Lysimachos. Copenhagen, 1858, стр. 55 сл.

¹⁶ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 100.

¹⁷ A. N. Zograph. The Touapse Hoard. Numismatic Chronicle. London, 1925, серия V, т. V, стр. 29—52. В посмертном труде А. Н. Зографа «Античные моне-

1-я группа византийских статеров по своей фактуре очень близка к лисимаховским статерам, выпущенным при жизни фракийского царя. Золото высокой пробы, почти вся поверхность лицевой стороны заполнена переданной в высоком рельефе головой Александра, лицевая сторона имеет слегка выпуклую, а оборотная сторона слегка вогнутую поверхность. Эту группу Зограф относит ко времени, «близкому к середине III века».

2-я группа статеров также чеканится из золота высокой пробы, но по своей фактуре эти монеты значительно отличаются от статеров первой группы. Главное отличие состоит в том, что как лицевая сторона, так и оборотная сторона у них плоские, исчезает свойственная первой группе выпуклость лицевой стороны и вогнутость оборотной стороны. Изображения на монете передаются в четком, но более плоском рельефе и сохраняют еще хороший художественный стиль. Вторая группа статеров относится Зографом к концу III и первой половине II в.¹⁸

Статеры 3-й группы выбиваются из золота более низкого качества; для них характерна также деградация художественного стиля изображений. Выпуск византийских статеров 3-й группы продолжается до времени Митридата Евпатора.

Как отмечает А. Н. Зограф, особенно широкое распространение в Северном Причерноморье получили византийские статеры 2-й группы. Так, все 52 статера, переданные в Гос. Эрмитаж из состава Туапсинского клада 1908 г., принадлежат к этой группе и все они выбиты при помощи одной и той же пары штемпелей. К этой же 2-й группе византийских статеров принадлежит, как это установлено Зографом, и статер из Артюховского кургана (рис. 1). На это указывают не только его плоскостность, характер изображения и качество металла, но также и отмеченные А. Н. Зографом факты: его лицевая сторона выбита тем же штемпелем, что и лицевая сторона всех статеров Туапсинского клада, а монограмма на его оборотной стороне (еще неизвестная Мюллеру) повторяется на тетрадрахме из собрания Хюнтер¹⁹, одновременной со статерами 2-й группы. Другими словами, лисимаховский статер Артюховского кургана, согласно предложенной Зографом классификации византийских монет этого типа, датируется концом III или первой половиной II в. до н. э.

Изучением посмертных выпусков лисимаховских монет в настоящее время занимается известный французский ученый Анри Сериг. Он был так любезен, что сообщил мне свое мнение о дате статера из Артюховского кургана. Исходя из других предпосылок и оперируя иными, чем А. И. Зограф, данными, А. Сериг пришел к выводу, что наиболее вероятной датой этого статера следует считать примерно 200 г. до н. э. Итак, лисимаховский статер вследствие его передатировки уже не может служить основой для отнесения Артюховского кургана к середине III в. до н. э. Поиски даты кургана следует теперь перенести во II в. до н. э. В какую именно его часть — остается пока неясным, но если обратиться к керамике, найденной в том же кургане, то, как нам кажется, мы получим довольно определенный ответ и на этот вопрос.

* * *

В трех нетронутых погребениях изучаемого кургана найдено было значительное количество разнообразной керамики, как обиходной, так и художественной, как местной, так и привозной. Среди нее нет ни одного сосуда,

ты» (стр. 184) можно найти повторение предложенной автором еще в 1925 г. схемы классификации византийских лисимаховских монет с одним незначительным изменением. А. Н. Зограф, следовательно, до конца своей жизни считал эту схему правильной.

¹⁸ В «Античных монетах» (стр. 184) А. Н. Зограф говорит о «самом начале II века».

¹⁹ G. M a s d o n a l d. Catalogue of Greek Coins in the Hunterian Collection. Glasgow, 1899—1905, т. I, стр. 430, № 38.

который можно было бы уверенно отнести к III в. до н. э., а многие из найденных ваз находят себе близкие аналогии среди датированных сосудов середины и третьей четверти II в. до н. э.²⁰

Постараемся показать это на нескольких примерах, подобрав сосуды по возможности из трех различных гробниц кургана (подтверждая тем самым приблизительно одновременность этих гробниц).

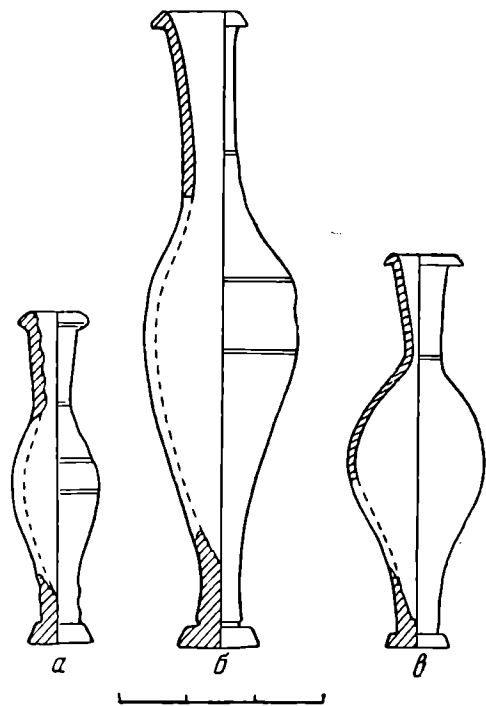

Рис. 2. Унгвентарии

а — гробница I; б — гробница II; в — гробница III (инв. №№ Эрмитажа Арт. 31, 79, 115)

Присмотримся сперва к такой распространенной в эпоху эллинизма категории ваз, как так называемые веретенообразные флаконы или унгвентарии, представленной в нашем кургане восемью экземплярами; три из них происходят из гробницы I, четыре — из гробницы II и один — из гробницы III (рис. 2)²¹. Эти восемь унгвентариев неодинаковы по своим размерам и техническим признакам, но всем им свойственны те особенности, которые характерны для унгвентариев не III, а середины и второй половины II в. до н. э., когда заметными становятся черты, свидетельствующие о дегенерации²². Это касается, во-первых, их формы, а затем и главным образом их фактуры²³. Унгвентарии ранних комплексов афинской агоры (группа «А» и «В») — почти всегда приземистые, у них широкое тулово и короткие шейка и ножка²⁴. Они сделаны из хорошо промытой глины и аккуратно сформованы,

причем как венчик, так и подставка ножки сформованы на гончарном круге и имеют четкий профиль. Позже во II в. до н. э. (группы «С», «D», «Е») диаметр тулова уменьшается, зато выгибаются шейка и ножка²⁵, вся фактура свидетельствует о спешке и небрежности исполнения: глина ста-

²⁰ Всего найдено 27 ваз. Из них восемь ваз находились в гробнице I, двенадцать — в гробнице II и семь — в гробнице III. Для определения даты керамики из Артюховского кургана мы используем весьма важную для истории эллинистической керамики работу Томпсона о находках на афинской агоре (см. Н. Томпсон. Two Centuries of Hellenistic Pottery. Hesperia, т. III, 1934, стр. 311 сл.). Правда, там доминирует аттическая керамика, которая отсутствует в нашем кургане, но поскольку развитие одних и тех же типов эллинистической керамики разных центров производства проходило в общих чертах параллельно, то проводимое нами сопоставление не теряет своей убедительности. Буквы «А», «В», «С», «D» и «Е» в нашем дальнейшем изложении соответствуют отдельным датированным комплексам афинской агоры. «А» и «В» датируются Томпсоном примерно концом IV — первой третью III в. до н. э., «С» — началом II в., «D» — серединой II в., «Е» — последней четвертью II и самым началом I в. до н. э.

²¹ Гос. Эрмитаж, инв. №№ Арт. 32—34, 79, 90—92, 115.

²² См. схему эволюции унгвентариев в IV—I вв. до н. э. у Томпсона (Н. Томпсон. Ук. соч., стр., 472 сл.).

²³ В последнее время эта схема, предложенная Томпсоном, частично подверглась критике со стороны И. К. Андерсона, производившего раскопки в местечке Корфина на Хиосе (см. BSA, вып. XLIX, 1954, стр. 161 сл.). В то же время в Тарсе найдены были новые разновидности форм подобных сосудов. Таким образом, схема развития форм флаконов, составленная Томпсоном, частично нуждается в пересмотре, но его наблюдения над постепенным ухудшением фактуры этих ваз остаются в силе. Со своей стороны, мы не можем согласиться с гипотезой Томпсона об едином центре производства унгвентариев, которым он предположительно считает Афины.

²⁴ Н. Томпсон. Ук. соч., см. А 64, В 6, 7 и 44. Ср. также Hesperia, т. XVIII, № 3, табл. 85, Е 12; т. XX, 1951, № 2, табл. 54, 5.

²⁵ Н. Томпсон. Ук. соч., D 78 и E 138.

новится грубой, обжиг неравномерным, формовка неряшливой, отчего получается отклонение шейки и ножки от прямой оси и плохо сглаженная поверхность сосуда.

Все эти черты в полной мере свойственны унгентариям Артюховского кургана. Они сильно отличаются от унгентариев III в. и находят себе ближайшие аналогии среди подобных ваз групп «D» и «E» афинской агоры, датированных серединой и второй половиной II в. до н. э.²⁶

Среди простой, кухонной и столовой посуды из Артюховского кургана имеются три блюда: два — из погребения № 1²⁷ и одно — из погребения № 2²⁸. Два блюда (рис. 3, а, б) близки между собой по профилю; разница заключается только в форме профиля верхнего края, слегка отогнутого внутрь у одного и сильно отогнутого наружу у другого, и в несколько ином профиле подставки. Это явно разновидности одного и того же типа.

Обе эти разновидности представлены несколькими экземплярами в группе «E» афинской агоры²⁹. Концентрические бороздки на внутренней поверхности также свойственны преимущественно сосудам из группы «E». В более ранних группах («A», «C», «D») профили блюд значительно отклоняются от профиля блюда Артюховского кургана. Поскольку в группе D не оказалось больших блюд, можно предположить, что блюда наших типов появились раньше последней четверти II в. до н. э., что, по-видимому, подтверждается находками в Антиохии³⁰, где подобная посуда вообще исчезает в середине II в. до н. э., и в Тарсе, где она датируется концом второй четверти II в. до н. э.³¹ Сходное

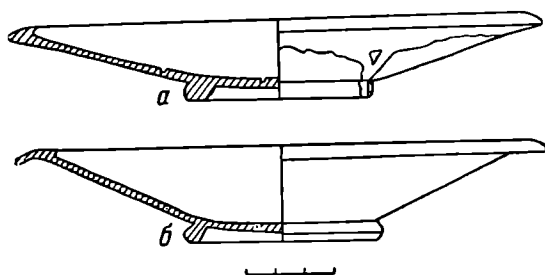

Рис. 3. Блюда

а — инв. № Арт. 28; б — инв. № Арт. 97

²⁶ Ср. также унгентарий из восточного некрополя Фанагории (И. Д. Марченко. Раскопки восточного некрополя Фанагории. МИА, № 57, 1956, стр. 113, рис. 3, № 9) (II в. до н. э.) и из погребений II—I вв. до н. э. в Неаполе скифском (см. П. Н. Шульц. Мавзолей Неаполя скифского. М., 1953, табл. XVIII, 2, 4).

²⁷ См. рис. 3, а (инв. № Арт. 28). Грубая светло-коричневая глина с небольшим количеством очень мелких блесток (мики); жидкая черная глазурь коричневого оттенка покрывает внутреннюю поверхность блюда; от неравномерного обжига она местами приняла красный цвет. Внутри блюда — концентрические круги, попеременно процарапанные и обозначенные белой краской. Диам. — 0,35 м. Блюдо по профилю напоминает краснолаковые тарелки местного производства из Ольвии («Ольвия», т. I, Киев, 1940, табл. XXXVIII, 1), которые Т. Н. Книпович (см. Т. Н. Книпович. Керамика местного производства из раскопа И, стр. 155) датирует III—II вв. до н. э. У второго блюда из погребения I (инв. № Арт. 29) глина темно-коричневая, крупнозернистая, без заметных примесей. Блюдо целиком покрыто черной глазурью с коричневым оттенком и с сильным металлическим отблеском. Внутри два процарапанных концентрических круга. Середина доньшка внутри очень неаккуратно сформована. Диам. — 0,245 м.

²⁸ См. рис. 3, б (инв. № Арт. 97). Глина светло-коричневая, с небольшим количеством мелкой мики. Красная, тусклая глазурь с коричневатым оттенком покрывает внутреннюю поверхность блюда; она густо наложена на его края, на внешней поверхности — затеки. Диам. — 0,365 м.

²⁹ Аналогией для блюда под инв. № Арт. 97 к его отогнутому наружу и книзу краю служат блюда E18—E21, а для блюда под инв. № Арт. 28 — E1—E15 (см. Н. Thompson. Ук. соч., рис. 82 и 116, наш рис. 5). Концентрические бороздки, как у блюда под инв. № Арт. 28, смотри также у Томпсона (Н. Thompson. Ук. соч., рис. 113, E154 и чаша E159).

³⁰ См. F. O. Waage. Antioch on-the-Orontes, т. IV, Princeton, 1934, стр. 15 сл.; см., например, № 17, стр. 17.

³¹ См. H. Goldman. Excavations at Gözlü-Kule — Tharsos. Princeton, 1950, стр. 213, №№ 32, 34, рис. 120 и 179. См. также блюдо из Маммузии в Ахайе (BSA, вып. XLVIII, 1953, стр. 159, рис. 2, №№ 7 и 8), происходящее из дома, оставленного жителями в I в. до н. э.

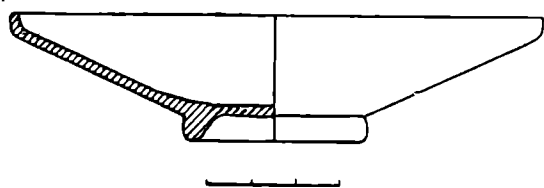

Рис. 4. Блюдо (инв. № Арт. 29)

края, не отогнутого, но поставленного вертикально. Аналогии для подобной формы верхнего края мы опять-таки находим среди аттических блюд из группы «Е» афинской агоры (рис. 5)³². У них, правда, стенки менее скошены и вертикальная их часть более длинная, но тип блюда родственный. У блюда E154 имеются такие же concentрические бороздки вокруг центра доньшка.

Чернолаковая керамика представлена в Артюховском кургане еще двумя небольшими чашками различных типов. Это чашка с верхним краем, загнутым внутрь и небольшим конусообразным выступом на доньшке³⁴, и чашка с отогнутым наружу краем и ясно выраженным конусообразным выступом дна³⁵. Обе они сделаны из сходной, хорошо отмученной глины с розоватым оттенком и покрыты черным, не очень густым лаком с сильным металлическим отблеском. Судя по качеству глины и глазури, чашечки импортированы в Северное Причерноморье из Малой Азии³⁶.

Как известно, чашки этих типов пользовались в эпоху эллинизма широчайшим распространением, причем их формы отличались устойчивостью. Однако на протяжении III—II вв. до н. э. они все же пережили известную эволюцию как в том, что касается деталей их форм, так и в особенности в фактуре.

Томпсон³⁷ отмечает следующие характерные особенности этих изменений: утончение стенок чашки, деградация глазури, постепенное приобретение ею сильного металлического блеска, что, по мнению Томпсона, отвечает сознательному стремлению гончаров подражать металлическим сосудам. Намеренное сближение с торевтикой сказывается также в большей угловатости профилей. В то же время появляются признаки массового производства и стремления к удешевлению продукции. Это плохо сглаженные следы формовки на гончарном круге и отпечатки подставок других таких

блюдо было найдено в восточном некрополе Фанагории в могиле II в. до н. э.³². По качеству глины и лака блюдо (инв. № Арт. 29; рис. 4) следует причислить к импортным изделиям из Малой Азии. Оно отличается от только что описанных блюд главным образом формой своего верхнего

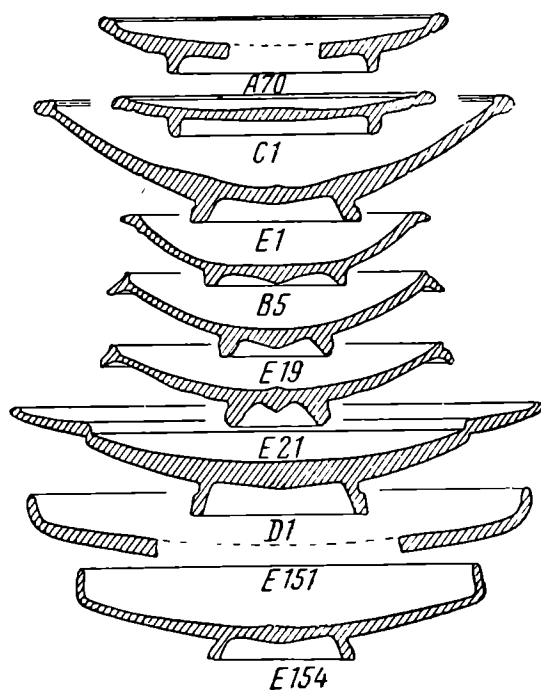

Рис. 5. Профили блюд из афинской агоры (по Томпсону)

³² См. И. Д. Марченко. Ук. соч., стр. 113, рис. 3, № 11; ср. стр. 114. Ср. также «Ольвия», т. I, табл. XXXVIII, 2.

³³ Н. Thompson. Ук. соч., рис. 116, блюда E 151—156.

³⁴ Инв. № Арт. 114. Гробница III. Диам.—0,106 м (рис. 6, а).

³⁵ Инв. № Арт. 88. Гробница II. Диам.—0,185 м (рис. 6, б).

³⁶ Совершенно сходные чашки были найдены в Пергаме. См. *Altertümer von Pergamon*. Berlin, 1913, т. I, ч. 2, прилож. 35, №№ 9а и 16, стр. 269.

³⁷ Н. Thompson. Ук. соч., стр. 430 сл.

же чаш, внутри чашек — следы совместного обжига целого ряда поставленных друг на друга сосудов. Дегенерирует в сторону большей условности и штампованный орнамент, которым часто украшается доньшко чашек. Наконец, на внешней поверхности стенок поздних чаш нередко можно видеть процарапанные горизонтальные линии, окрашенные иногда в красный цвет. Все эти признаки поздних чернолаковых чашек свойственны и чашам Артюховского кургана. Так, у чашки, изображенной на рис. 6, б, имеется черная глазурь с очень сильным металлическим отблеском, угловатый профиль и две процарапанные горизонтальные линии — одна на стыке тулова с подставкой, другая — на нижнем крае последней, с внешней стороны. На доньшке штампованный орнамент — четыре стилизованные пальметки в окружении трех рядов нарезных черточек. При сравнении ее профиля с профилями чашек из различных групп афинской агоры³⁸ (рис. 7) бросается в глаза почти полное совпадение с одной из чаш группы «D» (см. рис. 7, D5). У двух чашек этой группы на доньшке имеется такой же орнамент, как у нашей чашки, и притом в очень сходной стилизации (рис. 8)³⁹.

Что касается другой чашки из Артюховского кургана (рис. 6, а), то и ей свойствен целый ряд признаков позднего происхождения, как-то: сильный металлический отблеск глазури, небрежно сглаженная поверхность стенок и на доньшке следы от поддона другой чаши. Ее профиль также близок к профилю чашки с афинской агоры (см. рис. 7, E46)⁴⁰.

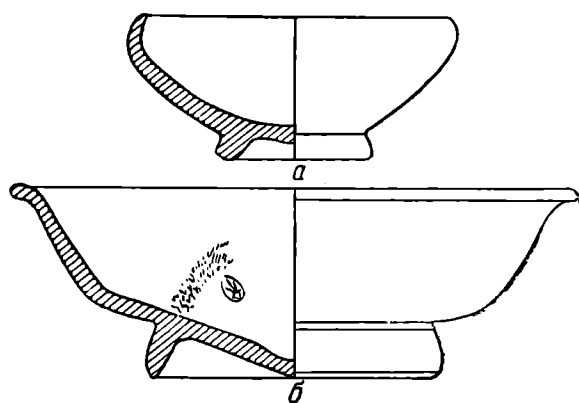

Рис. 6. Чашки

а — инв. № Арт. 114; б — инв. № Арт. 88

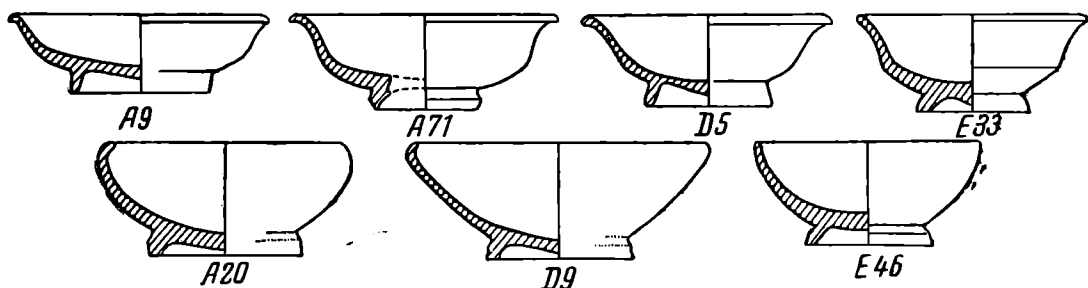

Рис. 7. Профили чашек из афинской агоры (по Томпсону)

Таким образом, обе чернолаковые чашки Артюховского кургана могут быть сближены с поздними афинскими экземплярами чашек этого типа из групп «D» и «E», и это позволяет датировать их примерно серединой или третьей четвертью II в. до н. э.

³⁸ Н. Томпсон. Ук. соч., стр. 437, рис. 117.

³⁹ Там же, стр. 431, рис. 115.

⁴⁰ Там же, стр. 431. Чернолаковая чашка из Ольвии («Ольвия», т. I, табл. XXIV, 3 и стр. 124), которую Е. И. Леви склонна, видимо, относить к более раннему времени, чем II в. до н. э., по профилю очень близка к № Арт. 114, но наша чашка заметно отличается от нее более тонкими стенками, что, согласно Томпсону, является признаком позднего происхождения. Процарапанные горизонтальные линии на стыке стенок и подставки чашек см. «Ольвия», т. I, табл. XXIV, 1 (II в. до н. э.) и XXIV, 4 (III—II вв. до н. э.).

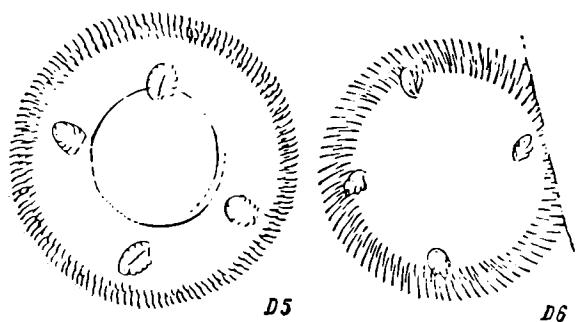

Рис. 8. Штампованный орнамент чаш D5 и D6 с афинской агоры (по Томпсону)

кой красно-бурой краской. Сосуд хорошо сформован, но витая ручка примазана к шейке и горлу довольно неряшливо. Необычным техническим приемом является отсутствие белой обмазки — непременной принадлежности сосудов этой формы. Зато его поверхность чрезвычайно тщательно сглажена, что вместе с цветом глины создает иллюзию облицовки.

В монографии Леру под № 9 опубликован лагюнос, найденный на Делосе, который, правда, имеет несколько иную, более приземистую форму, но, судя по описанию, сделан из глины той же консистенции и тоже намеренно слабо обожженный. У него также отсутствует белая облицовка, замененная старательным сглаживанием поверхности⁴².

Среди находок на афинской агоре лагюносы редки, и только в последней группе, группе «Е», появляется целый набор их (рис. 10)⁴³, чрезвычайно интересный для нас в нескольких отношениях. Мы видим, что обе формы лагюносов — лагюнос № 9 Леру и лагюнос из Артюховского кургана — представлены в группе «Е», из чего следует, что они синхронны. Кроме того, в этой группе находится еще один экземпляр лагюноса — E73, исполненный в той же редкой технике, что наш лагюнос и лагюнос № 9 Леру. Сопоставление трех лагюносов (Арт. 95, Леру 9 и Томпсон E73) позволяет сделать два вывода. Во-первых, поскольку Томпсон определенно считает лагюносы группы «Е» привозными, а описываемый лагюнос Арт. 95 также не может быть причислен к местной, боспорской керамике, очень вероятно делосское происхождение лагюносов этой редкой техники⁴⁴. Во-вторых, находка на агоре в комплексе Е позволяет определенно датиро-

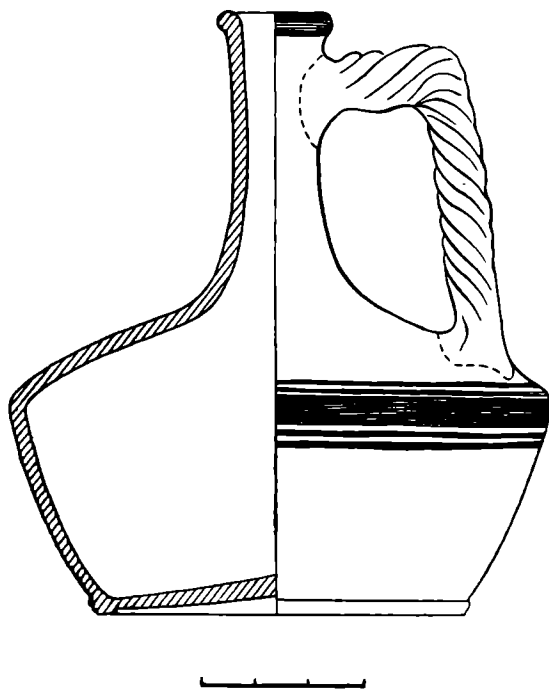

Рис. 9. Лагюнос (инв. № Арт. 95, гробница II)

⁴¹ Издан в ОАК за 1880 г., прилож. к стр. 12, № 1; ср. стр. 14, № 8, см. также G. Leveau. *Lagynos*, Paris, 1913, стр. 29, № 38 с ошибочной пометкой «dispari?» (утерян). Выс.—0,223 м.

⁴² G. Leveau. Ук. соч., рис. на стр. 19.

⁴³ H. Thompson. Ук. соч., стр. 404, рис. 92.

⁴⁴ G. Leveau. Ук. соч., стр. 88. Автор кратко отмечает, что на Делосе найдено несколько лагюносов, исполненных в этой технике.

Рис. 10. Лагуносы из афинской агоры, группы «Е» (по Томпсону: E70, E71, E72, E73)

вать все три сопоставляемые лагуносы если не непременно последней четвертью II в. до н. э., то во всяком случае второй его половиной.

К определенным хронологическим выводам приводит нас и изучение ваз так называемого «стиля западного склона», особенно пелики, изображенной на рис. 12⁴⁵.

Т. Н. Книпович удалось провести четкое разграничение между двумя группами керамики этого стиля — аттической и малоазийской и дать

Рис. 11. Пелика (инв. № Арт. 78)

Рис. 12. Пелика (инв. № Арт. 86)

характеристику той и другой⁴⁶. В склепе II Артюховского кургана обнаружены были две пелики, одна аттического, другая малоазийского типа. Пелика малоазийского типа (рис. 11)⁴⁷ труднее поддается хронологической фиксации, поскольку в хорошо датированных комплексах афинской агоры импортные, из Малой Азии, пелики этого стиля не встречаются,

⁴⁵ Инв. № Арт. 86. Издана в ОАК за 1880 г., прилож. к стр. 12, рис. 4. Выс.— 0,185 м.

⁴⁶ Т. Н. Книпович. К вопросу о торговых сношениях античных колоний Северного Причерноморья в эпоху эллинизма. СА, XI, 1949, стр. 271—284.

⁴⁷ Инв. № Арт. 78, выс.— 0,196 м. См. ОАК за 1880 г. Прилож. к стр. 12, рис. 5. Судя по качеству глины и лака, это не импорт из Малой Азии, а скорее местное подражание малоазийским образцам.

а экземпляры, найденные в других местах, только в редких случаях происходят из датированных комплексов⁴⁸. Поэтому мы ограничимся только отдельными замечаниями, позволяющими отнести эту вазу не к III, а ко II в. до н. э. Очень сходна с нашей пелика, найденная в Ольвии в могиле 29, которую Б. В. Фармаковский датирует II в. до н. э. на основании анализа ее инвентаря⁴⁹. С другой стороны, сравнение нашей пелики с малоазийскими, происходящими из погребений середины III в. до н. э.⁵⁰, не оставляет сомнений в том, что пелика Артюховского кургана значи-

Рис. 13. Пелика из афинской агоры D 26, по Томпсону)

Рис. 14. Пелика из афинской агоры (E 59, по Томпсону)

тельно их позднее, о чем свидетельствует чрезмерное развитие ее шейки и подставки, деградация глазури, небрежный обжиг, неаккуратно выполненное рифление тулова и, наконец, чрезвычайно бегло процарапанные линии шнура подвесок на ожерельях, украшающих ее шейку.

Значительно точнее может быть определена дата другой пелики (рис. 12), благодаря тому, что она воспроизводит тип аттических пелик этого стиля, а эволюция аттических пелик «стиля Западного склона» вырисовывается перед нами довольно ясно по находкам на афинской агоре. Следует, однако, оговориться, что мы не считаем эту пелику изделием аттических керамических мастерских. Этому противоречит прежде всего консистенция глины (светло-коричневая глина, довольно тонко измельченная, со значительной примесью мики), жидкая и нестойкая глазурь, а также некоторые детали ее строения, как, например, форма венчика и, наконец, большая беглость в передаче орнамента. Однако стоит только сравнить ее с аттической пеликой того же стиля (рис. 13)⁵¹, чтобы убедиться в том, что наша пелика является подражанием образцу аттического проис-

⁴⁸ Пелики, сходные с пеликой под инв. № Арт. 78, довольно часто встречаются на Северном Причерноморье. См., например, А. А. Бобринский. Отчет об исследовании курганов в Черкасском и Чигиринском уездах Киевской губернии в 1909 году. ИАК, вып. 40, 1911, стр. 87; J. Voehlau. Griechische Altertümer südrussischen Fundorts aus dem Besitze A. Vogel. Karlsruhe, 1908, табл. VII, 17, стр. 33, № 302. Фрагменты подобных пелик из Пергама см. Pergamon, т. I, приложение 39, № 1; приложение 36, № 1.

⁴⁹ Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 г. ИАК, вып. 8, 1903, стр. 77.

⁵⁰ Ср. Т. Н. Книпович. К вопросу о торговых сношениях античных колоний..., стр. 273, рис. 1, 1, 2.

⁵¹ Ср., также, аттическую пелику. См. Т. Н. Книпович. К вопросу о торговых сношениях античных колоний..., рис. 2, 3 и 4, 5, 6.

хождения⁵². Совпадают здесь формы ваз и их пропорции, резко согнутые витые ручки и большая часть орнаментальных мотивов, как-то: шашечный орнамент, переданный на нашей вазе при помощи очень небрежно процарапанных линий и окрашенный в три цвета — белый, розовый и цвета глазури, растительный орнамент в виде процарапанной в горизонтальном направлении волнообразной линии, изображающей, по-видимому, ветку плюща, судя по форме листьев, переданных белой краской над изгибами ветки. Однако один из орнаментов переносит нас из группы «D» афинской агоры в группу «E». Это сетка из косых перекрещивающихся линий. Как установлено Томпсоном, этот орнамент вообще чужд керамике из комплекса «D»⁵³. Он появляется позднее, в последнем комплексе «E», причем сетка передается здесь краской (рис. 14), а процарапанная сетка, как у Арт. 86, по мнению Томпсона, появляется на тех вазах «стиля Западного склона», которые выходят за хронологические границы этого комплекса и относятся ко времени после 86 г. до н. э. Нам кажется, что аргументация Томпсона относительно нижней хронологической границы комплекса «E» неубедительна⁵⁴ и нет необходимости помещать вазы с сетчатым орнаментом в самый конец II—I в. до н. э., тем более, что эти пелики в общем все же очень близки к таким же вазам группы «D». Датировка их 20-ми, может быть, 30-ми годами II в. до н. э. вполне допустима, что относится и к нашей вазе, которая, как мы видели выше, многими своими чертами близка к вазам группы «D» и, следовательно, занимает как бы промежуточное положение между комплексами «D» и «E»⁵⁵. Наиболее вероятной датой нашей пелики следует поэтому считать время от конца 40-х до начала 20-х годов II в. до н. э.

Произведенный нами анализ керамики позволяет, как нам кажется, сделать два вывода. Во-первых, поскольку выбранные нами экземпляры ваз происходят из трех нетронутых погребений Артюховского кургана и дата этих керамических изделий приблизительно совпадает, то тем самым устанавливается примерная одновременность всех трех погребений, конечно, с возможными небольшими колебаниями в ту или другую сторону. Во-вторых, керамика позволяет нам уточнить датировку этих погребений, подсказанную изучением лисимаховского статера и определить наиболее вероятное время произведенных в них захоронений как середину или третью четверть II в. н. э.⁵⁶

В задачу настоящей работы, которая носит в известной мере предварительный характер, не входит подробное обсуждение тех выводов, которые неизбежно повлечет за собой новая датировка Артюховского кургана в том

⁵² Сходные по форме и орнаменту пелики аттического происхождения встречаются на Северном Причерноморье довольно часто. См., например, Т. Н. Книпович. К вопросу о торговых сношениях античных колоний..., рис. 5, 4, 6. См. также ОАК за 1896 г., стр. 208, рис. 594; J. Voelklau. Ук. ссч., табл. VII, 18 и 19, №№ 305 и 306.

⁵³ Ср. пелики D 25—27.

⁵⁴ Нижняя временная граница комплекса «E» определяется Томпсоном на основании следующего наблюдения. В этом комплексе найден фрагмент декрета, изданного во время правления архонта 122/21 года Никодема. Томпсон полагает, что официальный документ мог скорее всего быть разбит солдатами Суллы после взятия города в 86 г. Однако такой вывод необязателен, и сравнение пелик из группы «D» и группы «E» обнаруживает большую их формальную близость, заставляющую думать, что между ними не может быть промежутка времени в половину века и больше.

⁵⁵ Не следует также упускать из вида неаттическое происхождение пелики Артюховского кургана (инв. № Арт. 86); в ней поэтому возможны отклонения от линии развития аттических пелик.

⁵⁶ В настоящей работе мы ограничились рассмотрением наиболее показательных в отношении хронологии керамических изделий из Артюховского кургана. Изучение всех материалов из этого кургана показало, что и прочие сосуды того же происхождения сближаются с керамикой II, а не III в. до н. э. Равным образом и многие изделия из серебра и бронзы находят себе аналогии среди датированных памятников II в. до н. э. Что же до многочисленных золотых изделий из того же кургана, то они взятые в целом стоят на совершенно иной ступени развития, чем ювелирные изделия середины III в. до н. э.

случае, если она получит признание в науке. Ограничимся только краткими замечаниями по этому вопросу. Новая датировка, как нам кажется, должна изменить наши представления об уровне экономического развития азиатской части Боспора в середине II в. до н. э., т. е. незадолго до событий, связанных с именем Митридата Евпатора. В советской науке, как известно, неоднократно указывалось на изменения, происшедшие во II в. до н. э. в соотношениях между европейской и азиатской частью Боспора, на экономический упадок западной половины царства, ослабление власти Спартокидов и на известный подъем в хозяйственной жизни восточной половины царства, сказавшийся в выпуске городской серебряной монеты и в оживлении строительной деятельности⁵⁷. Высказывались даже предположения об отложении от боспорского царства некоторых частей его азиатской территории⁵⁸. Чрезвычайно богатые драгоценностями погребения Артюховского кургана убедительно свидетельствуют о большом благосостоянии высшего социального слоя населения именно азиатской части Боспора, тогда как в окрестностях Пантикапея таких богатых погребений в это время не встречается.

Предлагаемая новая дата Артюховского кургана не может также не оказать влияния на изучение ювелирного дела и торевтики III и II вв. до н. э. Конечно, многие золотые вещи, найденные в склепах Артюховского кургана, могли долго бытовать и передаваться из поколения в поколение, до того как они были погребены вместе со своими последними владельцами. Это может относиться и к части серебряных вазочек того же происхождения. Однако можно с уверенностью сказать, что большая часть ювелирных изделий и произведений торевтики из Артюховского кургана при сравнении их с памятниками конца IV—III вв. до н. э. окажется изделиями значительно более позднего времени. Можно, следовательно, надеяться, что, опираясь на изучение Артюховского кургана, удастся проследить линию развития этих отраслей художественного ремесла на протяжении первой половины эпохи эллинизма.

⁵⁷ С. А. Жебелев. Основные линии экономического развития Боспорского государства. Северное Причерноморье. М.—Л., 1953, стр. 149 сл.; А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 181; М. М. Кобылина. Фанагория. МИА, № 57, стр. 33 сл.

⁵⁸ С. А. Жебелев. Ук. соч., стр. 149 сл.

СИНОПСКИЕ КЕРАМИЧЕСКИЕ КЛЕЙМА С ИМЕНАМИ ГОНЧАРНЫХ МАСТЕРОВ

Большинство известных нам синопских клейм содержат в составе легенды имя чиновника и гончара. Однако не на всех клеймах имеется полная легенда; иногда встречаются такие клейма, на которых имя астинома отсутствует. Некоторые из клейм состоят только из одного имени, другие содержат термин *κεραμεύς*. Последнее обстоятельство позволило В. В. Шкорпилу¹ дать сводку таких имен, куда издателем были включены все клейма подобного рода². При ближайшем знакомстве с этой сводкой нетрудно заметить, что клейма, включенные В. В. Шкорпилем в первый раздел, не однородны. Часть из них содержит наряду с именем еще и отчество и иногда одну или несколько эмблем, другие — предлог *δ'α* и цифры. В этой же работе В. В. Шкорпил дал объяснение факту существования безмагистратских клейм. Те надписи, писал он, в которых содержится имя гончара, служили дополнением надписей с именами астиномов, оттиснутых на другой ручке. Такое дополнение нужно предположить и при тех клеймах, на которых не отмечено имя гончара³, т. е. на клеймах с одним только именем астинома. Из этого следует, что те клейма, на которых нет терминов *ἀστυνόμος* или *κεραμεύς*, а имеется только одно имя, также нужно отнести к гончарным. Эти гончарные клейма неоднородны, как и клейма с *κεραμεύς*. Так, Е. М. Придик⁴ выделил в особую категорию клейма с эмблемой в виде орла на дельфине, состоящие из одного имени без определителя.

Б. Н. Граковым клейма с одними именами гончаров были включены в состав установленных им хронологических групп и, таким образом, получили абсолютную датировку⁵. В настоящее время Д. Б. Шелов⁶ выделил еще одну разновидность безмагистратских клейм, которая была отнесена им к последнему периоду синопского клеймения.

Настоящие заметки знакомят читателя с попыткой распределить все эти клейма по группам, имеющим самостоятельные признаки, а также с предположительным хронологическим определением некоторых из этих групп безмагистратских клейм.

¹ В. В. Шкорпил. Названия гончарных мастеров в керамических надписях. ИАК, вып. 51, 1914, стр. 131—135.

² Список клейм, содержащих имена гончаров с указанием профессии, был повторен Е. М. Придилом. См. E. Pridik. Die Astynomennamen auf Amphoren und Ziegelstempeln aus Südrussland. Berlin, 1928, стр. 28.

³ В. В. Шкорпил. Ук. соч., стр. 135.

⁴ E. Pridik. Ук. соч., стр. 31, Eb, 1—9.

⁵ Б. Н. Граков. Древне-греческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1928, гл. пятая.

⁶ Д. Б. Шелов. Клейма на амфорах и черепицах, найденных при раскопках Пантикапея в 1945—1949 гг. МИА, № 56, 1957, стр. 212.

Первая группа

В первую очередь должны быть рассмотрены клейма с эмблемой орел на дельфине, поскольку они являются самыми ранними среди синопских клейм⁷. Ранние клейма, двустрочные или трехстрочные, содержат имя гончара и имя астинома с ἐπί или названием магистратуры⁸. Среди них встречаются клейма, которые содержат только одно имя. Как уже указывалось выше, Е. М. Придик⁹ первый выделил эти клейма, отметив восемь штемпелей с именами Γόλας, Διονύσιος, Ἐπικράτης, Ἰστιαῖος, Κίμωνις, Νίμαξ, Νόνους, Ποσειδώνιος¹⁰. Четыре из них — ΔΙΟΝΥΣΙΟ, ΕΠΙΚΡΑ/ΤΕΟΥΣ, ΚΙΜΩ/ΛΙΟΣ и ΠΟΣΕΙ/ΔΩΝΙΟ изданы Е. М. Придиком в «Каталоге Эрмитажного собрания»¹¹, клеймо ΓΟΛΑ/ΝΤΟΣ издано Б. Н. Граковым¹², ΝΙΜΑ/ΚΤΟΣ (рис. 1, 1)

Рис. 1. Клейма первой группы

встречается у В. В. Шкорпила¹³, клеймо с именем ΙΕΤΙ/ΑΙΟ имеется в собрании Керченского музея (инв. № К 4431/4). В Бахчисарайском музее экспонируется клеймо с именем ΝΟΝΟ/ΥΟΣ и эмблемой орел на дельфине.

Собранию Керченского историко-археологического музея принадлежат еще четыре клейма этого типа с именами ΑΣΠΑΜΙ/ΘΑΡΕΩ (рис. 1, 2)¹⁴ ΒΑΤΙ/ΕΚΟ¹⁵, ΛΑΚΩ/ΝΟΣ (рис. 1, 3)¹⁶ и ΠΟΣΕΙ/ΔΩΝΙΟ. Последнее представляет собой вариант изданного Е. М. Придиком клейма

⁷ См. Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 119.

⁸ В. И. Цехмистренко. К вопросу о периодизации синопских керамических клейм. СА, 1958, № 1, стр. 65.

⁹ E. Pridik. Ук. соч., стр. 31, Еб, 1—9.

¹⁰ Девятое клеймо автором не восстановлено.

¹¹ Е. М. Придик. Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания. Птрг., 1917, стр. 87, № 527; стр. 89, № 561; стр. 112; № 260; стр. 128, № 19; см. также Б. Н. Граков. Ук. соч., табл. 3, 6; В. И. Цехмистренко. Ук. соч., стр. 60, рис. 15 и стр. 62, рис. 29.

¹² Б. Н. Граков. Ук. соч., табл. 3, 2; см. также В. И. Цехмистренко. Ук. соч., стр. 61, рис. 20.

¹³ В. В. Шкорпил. Керамические надписи, приобретенные Керченским музеем древностей в 1901 и 1902 годах. ИАК, вып. 11, 1904, стр. 87, № 371.

¹⁴ Инв. № К 4431/8. Аналогичное имя встречается на Боспоре. См. В. В. Латышев. Греческие и латинские надписи, найденные в южной России в 1901 году. ИАК, вып. 3, 1902, стр. 42, № 7.

¹⁵ В. И. Цехмистренко. Ук. соч., стр. 64, рис. 47.

¹⁶ Инв. № К 4431/5. В коллекции беспаспортных клейменных ручек Херсонесского музея имеется клеймо аналогичного штемпеля лучшей сохранности, чем керченское. На херсонесском клейме сохранилась эмблема — орел на дельфине.

с таким же именем. На клейме Керченского музея (инв. № К 4431/7) имя Посидония нанесено поверх какого-то другого имени, вырезанного ранее и не поддающегося чтению.

В Гос. Херсонесском музее хранится двустрочное клеймо с легендой ΤΙΜΩ/ΡΙΟΥΣ и эмблемой в виде орла на дельфине¹⁷, которое, вне всякого сомнения, принадлежит к данной группе.

К этой категории можно отнести клеймо, помещенное Е. М. Придиком в «Каталоге Эрмитажного собрания» под № 422 (стр. 82), которое автор считал трехстрочным и предлагал читать как

[ἐπὶ Δίονυ] -
σίου Π]αρα -
νίμα]κτος

введя в легенду третью (верхнюю) строку¹⁸. Однако, как видно на рисунке (см. рис. 1,4), обе длинные стороны клейма ограничены горизонтальными рамками и поэтому его нужно считать двустрочным. На нем вырезано одно имя, расположенное на двух строках, как это сделано на клеймах с именами Батиска, Нимакта, Посидония и др., и оно не нуждается в восстановлении. На клейме нужно читать имя ΙΑΡΑ/ΚΤΟΣ. Оно встречается на четырех клеймах одинакового штампера, принадлежащих Керченскому музею¹⁹, с надписью ἐπὶ Ἐϋδη(μου)/Ἰαράκτος. В первой строке стоит имя астинома Эндема с ἐπί, во второй строке — имя Иаракта, которое ясно читается на клейме Эрмитажного собрания.

Весьма вероятно, что к этой группе принадлежит и негативное клеймо Керченского музея (инв. № К 5940) без эмблемы Φορμί/ωνος (рис. 1,5), поскольку имя Формиона встречается только в первой хронологической группе.

Для того чтобы определить, кому принадлежат имена, стоящие на этих клеймах, городским чиновникам — астиномам или лицам, связанным с самим керамическим производством, сравним вторые имена на клеймах уже приводимого нами астинома Эндема с именами на безмагистратских клеймах. Имена, расположенные в нижних строках на астиномных клеймах, аналогичны именам на клеймах без магистратуры. Вторые имена, встречающие-

Таблица 1

Астиномы	Гончары											
	Βατίσκος	Γόλας	Διονύσιος	Ἐπιφράτης	Ἰαράξ	Ἰαπίτας	Λάκων	Νίμαξ	Νόνος	Ποσειδώνιος	Τίμων	Φορμίων
Ἐϋδημος	+	+	— *	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Без астинома	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+

Примечание. * Клеймо пока не найдено.

ся на клеймах астинома Эндема, совпадают с именами, стоящими на клеймах, рассматриваемой группы (см. табл. 1). Поскольку вторые имена на астиномных клеймах считаются именами гончаров (фабрикантов, керамев-

¹⁷ Инвентарного номера нет.

¹⁸ Б. Н. Граков восстанавливает клеймо несколько иначе. См. Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 37, 207.

¹⁹ В. И. Цехмистренко. Ук. соч., стр. 61, рис. 21.

сов), можно полагать, что и на безмагистратских клеймах вырезаны имена, принадлежащие тем же лицам. Это особенно подчеркивается такими именами, как Иаракт или Нон, которые являются очень редкими в синопской группе и встречаются только на клеймах астинома Эндема.

Имя гончара Дионисия не находит пока аналогии в группе астинома Эндема; однако оно встречается с одноименным астиномом Дионисием, который близок по времени Эндему. На двустрочном клейме ἐπί Διονυσίου(σίου) / Διονυσίου(υ) (рис. 2) второе имя принадлежит гончару, судя по тому, что первое имя сопровождается предлогом ἐπί. Поэтому не приходится сомневаться, что и клеймо с именем ΔΙΟΝΥΣΙΟΥ²⁰ также принадлежит гончарному мастеру, а не чиновнику, при котором обязательно стояло бы сопровождающее его ἐπί или название магистратуры.

Рис. 2

Имена Аспамифара и Кимолия не встречаются пока еще на астиномных клеймах, поэтому нельзя сказать с уверенностью, что это имена гончаров. Однако, принимая во внимание отсутствие ἐπί на обо-

их клеймах и персидское происхождение одного из них²¹, можно предположить, что оба они также принадлежат гончарным мастерам.

Таким образом, 15 рассмотренных выше клейм с именами гончаров Ἀσπασιδάρεω, Βατίσκου, Γόλαντος, Διονυσίου, Ἐπικρατέους, Ἰαράκτος, Ἰστιάίου, Κιμώλιος, Λάκωνος, Νόνους, Νίμακτος, Ποσειδωνίου, Ποσειδωνίου²², Τιμόριος и Φορμίωνος имеют некоторые общие особенности, позволяющие объединить их в одну группу со следующими признаками: одинаковое содержание (одно имя гончара), общая для всех клейм формула построения легенды (имя написано в две строки), эмблема в виде орла на дельфине (кроме Формиона). Б. Н. Граков²³ отнес все известные ему клейма этого типа к пятому варианту, для которого характерно распределение составных частей легенды на двух амфорных ручках. На первый взгляд рассматриваемую группу клейм действительно можно отнести к этому варианту: она содержит, как было установлено выше, клейма с одними только именами гончаров. Но неотъемлемой частью пятого варианта при известном гончарном клейме является клеймо с именем астинома. Б. Н. Граков по этому поводу пишет, что ввиду «отдельности ручки с именем Голанта, Эпикрата и Нимакта и небольших фрагментов черепиц с именем Посидония нельзя сказать, сопровождались ли они вторым штемпелем с именем астинома или нет»²⁴. Поэтому можно только предполагать, что на второй ручке стояло клеймо с одним именем чиновника, которому сопутствовали предлог ἐπί с названием магистратуры (или без нее) и эмблема орел на дельфине. Б. Н. Граков замечает, что ему известно отдельное клеймо с именем астинома Дионисия²⁵,

²⁰ В. И. Цехмистренко. Ук. соч., стр. 60, рис. 15.

²¹ В. В. Латышев. Ук. соч., стр. 43.

²² Наличие двух различных штемпелей с одним именем в этой группе вполне вероятно, так как при астиноме Дионисии, например, имя гончара Посидония встречается в двух различных вариантах. Первый вариант представляет собой позитивное клеймо с эмблемой в виде орла на дельфине в левой части клейма в сторону надписи (см. Б. Н. Граков. Ук. соч., табл. 3, 8). Второй вариант — негативное клеймо с эмблемой в правой части в сторону надписи. В первом варианте встречаются имена гончаров Дионисия, Посидония, Сагария, Формиона. Во втором варианте — Лакон, Посидоний, Тиморий, Эпикрат. Эти два Посидония являлись гончарами, работавшими, судя по разновидностям штампов, в различных гончарных мастерских.

²³ Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 113.

²⁴ Там же, стр. 120.

²⁵ Там же, стр. 114, № 9 и стр. 120.

имея в виду, вероятно, изданное В. В. Шкорпилом²⁶ клеймо (рис. 3), которое автор читал как

ἐπὶ Διονυσίου (υ)
ἀστυνομοῦ]ντος

Такое чтение подтверждает как будто существование в первой хронологической группе Б. Н. Гракова пятого варианта. Рассмотрим это клеймо. Первая строка, восстановленная В. В. Шкорпилом как ἐπὶ Διονυσίου(υ), не вызывает возражений, поскольку имя астинома Дионисия с эмблемой орел на дельфине всегда сопровождается предлогом ἐπὶ (рис. 2). Вариант же восстановления второй строки сомнителен. Во-первых, магистратура ἀστυνομοῦντος никогда не встречается с именами астиномов, имеющими эмблему орел на дельфине. Она впервые появляется на клеймах, легенда которых написана по сторонам четырехугольника. Такие клейма можно отнести, по нашей классификации, ко второму периоду развития. Во-вторых, широкий шрифт и количество недостающих букв во второй строке не позволяют поместить здесь слово ἀστυνομοῦντος. Подставляя недостающие девять букв (по В. В. Шкорпилу), получаем такое положение, когда нижняя строка сильно выдвигается влево по отношению к верхней строке. Восстановленное по В. В. Шкорпилу клеймо должно принять вид, изображенный на рис. 4, 1.

Рис. 3

Девять букв, предложенные В. В. Шкорпилом, не помещаются в рамках клейма. В первой строке недостает пяти букв; примерно такое же количество букв должно быть и во второй строке, поскольку все строки легенды на синопских клеймах, особенно в ранние периоды, начинаются на одном вертикальном уровне. Поэтому возможен другой вариант восстановления, который учитывает количество недостающих букв во второй строке. Их может

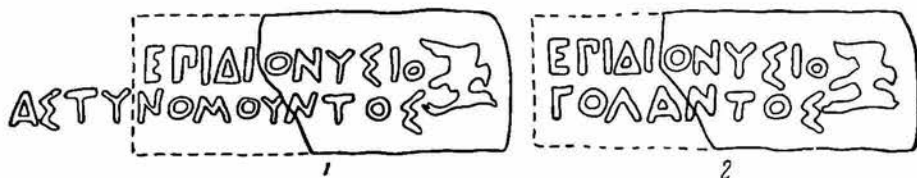

Рис. 4

быть пять, как в первой строке, или четыре. В аналогичных по содержанию двустрочных клеймах с именем астинома Дионисия на втором месте помещается имя гончара (рис. 2). Исходя из этого, можно предположить, что и данное клеймо имеет такую же структуру. Судя по окончанию, во второй строке может стоять только имя гончара Голанта (рис. 4, 2), который встречается на протяжении всей первой хронологической группы Б. Н. Гракова²⁷ и клеймо нужно читать ἐπὶ Διονυσίου(υ) / [Γόλα]ντος.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что трактовка эмблемы на клеймах без астиномов отличается от трактовки ее на клейме, изданном В. В. Шкорпилом. На клеймах без астиномов орел изображен влево, в сторону надписи, с довольно четким рисунком пары крыльев (рис. 1, 1). Эмбле-

²⁶ В. В. Шкорпил. Датированные керамические надписи, стр. 61, № 230. Клеймо хранится в Керченском музее, инв. № К 4426.

²⁷ Б. Н. Граков. Уж. соч., стр. 117, № 9.

ма очень крупная, во всю ширину штемпеля. На клейме же В. В. Шкорпила эмблема повернута вправо, изображение мелкое, орел с одним крылом (рис. 3). Уже одно это различие трактовки эмблем ясно свидетельствует, что клеймо В. В. Шкорпила отличается во времени от безмагистратских клейм и не может быть их дополнением.

У В. Н. Юргевича²⁸ издано клеймо, которое автор читает Νικομη[δης/ἀσ]τ[υ]νό(μου). Восстанавливая таким образом клеймо, автор допустил ошибку. Поскольку название магистратуры относится к предшествующему имени, оно должно стоять в именительном падеже. Аналогичные случаи применения именительного падежа известны и при других астиномах, правда, более поздних, например ἀστυνόμος/Ἀριστίων/Δῶς²⁹ или Μιθραδάτου./Ἀστυνόμος/Γκέσιος с эмблемой-птицей влево³⁰. Восстановление надписи, предложенное В. Н. Юргевичем, возможно принять лишь в том случае, если клеймо трехстрочное. Тогда в третьей строке, не замеченной издателем, стояло бы имя гончара³¹.

Изданное М. Мирчевым³² клеймо ΕΠΤΙΜ/ΑΡΧΟΥ, содержащее только одно имя чиновника с ἐπί, вряд ли может быть отнесено не только к первой хронологической группе Б. Н. Гракова, но и к синопской группе клейм вообще. Альфа во второй строке имеет ломаную внутреннюю линию, и по характеру шрифта она должна быть отнесена по крайней мере к III—IV группам алфавита, по Б. Н. Гракову³³. Это обстоятельство не позволяет включить клеймо с именем Тимарха в синопскую группу, поскольку все без исключения имена чиновников, относимые к поздним хронологическим группам, имели сопровождающее их название магистратуры, а предлог ἐπί уже не употребляется.

Таким образом, рассмотренные примеры не подтверждают принадлежности клейм с именами гончаров и эмблемой орел на дельфине к пятому варианту Б. Н. Гракова, поскольку до сих пор не обнаружено дополняющих их клейм с одним только именем астинома. Безмагистратские клейма с городским знаком Синопы представляют собой самостоятельную группу клейм, легенды которых содержат только имена гончарных мастеров. В то же время эта группа связана с ранними астиномными клеймами общей эмблемой — орел на дельфине. Для того чтобы установить ее место в общей хронологической цепи, мы воспользуемся методом установления синхронизма имен магистратов и гончаров, принадлежащим Ф. Блекману и с успехом примененным Б. Н. Граковым при изучении синопских клейм³⁴. Установив круг гончаров, встречающихся с определенным астиномом, сравним его с другими астиномными группами. Появление или исчезновение имени того или иного гончара должно помочь в установлении хронологической последовательности астиномов. Приняв за основу группу астинома Эндема, сравним с нею группы астиномов Аполлодора и Гистиея и гончарную группу (см. табл. 2).

Таблица показывает, что астином Аполлодор должен стоять после Эндема, так как имена гончаров Иаракт, Нон и Гистией с именем астинома Апол-

²⁸ В. Н. Юргевич. Надписи на ручках и обломках амфор и черепиц, найденных в Феодосии в 1894 году. ЗООИД, т. XVIII, 1895, стр. 147, № 68.

²⁹ Е. М. Придик. Ук. соч., стр. 64, № 49.

³⁰ Клеймо Керченского музея, инв. № ДО 8/9, 3 экз. Ср. Е. М. Придик. Ук. соч., стр. 93, № 643, где неверное чтение второй строки оправдывается отсутствием эмблемы. Аналогичное клеймо издано М. Мирчевым (см. М. Мирчев. Амфорите печати от музея във Варна. София, 1958, стр. 47, № 215; табл. XXVII, 7). Так как правая часть клейма вместе с эмблемой оказалась утраченной, автор произвольно восстанавливает две первые строки, соединяя их родительным падежом, и читает на клейме имя астинома Митридата. Однако Митридат хорошо известен на синопских клеймах как гончар. Имя же астинома Митридата, если не считать ошибочного упоминания его Б. Н. Граковым (Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 140, 20), не зарегистрировано.

³¹ Возможно другое восстановление: ἐπί Ἐν[δ]ή(μου). [Ἰσ]τ[υ]αί[ο]ς(υ).

³² М. Мирчев. Ук. соч., стр. 61—62, № 305; табл. XXXIX, 3.

³³ Б. Н. Граков. Ук. соч., табл. II.

³⁴ Там же, стр. 104.

лодора уже не встречаются, но в то же время появляется гончар Аспасий, которого нет еще при астиноме Эндеме. Таким же образом определяется и положение астинома Гистиея. Он должен стоять после астинома Аполлодора, так как имени гончара Батиска при нем уже нет. Кроме того, в составе этой группы встречаются имена гончаров, отсутствующие в группах Эндема и Аполлодора, но не отмеченные нами в таблице. Как показывает табл. 1, список имен гончаров, входящих в группу астинома Эндема, аналогичен списку имен гончаров в самостоятельной гончарной группе. Поэтому она может стоять либо после группы астинома Эндема, либо перед нею. Обра-

Таблица 2

Гончары	Астиномы			
	Гончарная группа	Группа Эндема	Группа Аполлодора	Группа Гистиея
ῥΑσπαιμῦθάρης	+	—	—	—
Κίμωνις	+	—	—	—
ῥΙάραξ	+	+	—	—
Νόνους	+	+	—	—
Ὶστιαῖος	+	+	—	—
Βατίσκος	+	+	+	—
ῥΕπικράτης	+	+	+	+
Νίμαξ	+	+	+	+
Φορμίων	+	+	— *	+
Λάκων	+	+	+	— *
Γόλας	+	+	+	+
Διονύσιος	+	— *	+	+
Ποσειδώνιος	+	+	+	+
Τίμωνις	+	+	+	+
ῥΑρχεπτόλεμος	—	+	+	+
Νεομήνιος	—	+	+	+
ῥΑσπᾶσιος	—	—	+	+

Примечание. * Клеймо пока не найдено.

тимся к табл. 2. Без труда можно заметить, что имена Аспамифара и Кимония ни в каких других группах, кроме гончарной, не встречаются. Этой группе еще не известны имена гончаров Архептолема, Невмения, а тем более — Аспасия. Связанная с ранними астиномными группами одинаковой эмблемой и общим списком имен гончаров, эта гончарная группа, вероятно, представляет собой изначальную, или самую раннюю, группу среди всех астиномных клейм.

Она отличается также от астиномных групп, имеющих эмблему орел на дельфине, трактовкой изображения последнего. Обычно дельфин изображен таким образом, что хвостовые плавники его плавно подняты кверху³⁵. В этой же группе клейм дельфин представлен с хвостовыми плавниками, расходящимися в разные стороны в виде полумесяца. Отсюда следует, что эта гончарная группа не может стоять после группы астинома Эндема или раствориться среди других астиномных групп.

К гончарной группе принадлежит, вероятно, и клеймо, изданное В. Грэйс³⁶, от которого, к сожалению, осталась только одна эмблема. Изображение дельфина на этом клейме дано в схеме, обычной для гончарной группы.

Поскольку описываемая гончарная группа является самой ранней среди всех синопских клейм, можно поставить вопрос не только об ее датировке, но и о начале клеймения в Синопе вообще. Эти вопросы занимали

³⁵ В. И. Цехмистренко. Ук. соч., стр. 60, рис. 17 и 18.

³⁶ V. Grace. Standard Pottery Containers of the Ancient Greek World. Hesperia, приложение VIII, 1949, стр. 188, табл. 20, 13.

многих исследователей. П. Беккер³⁷ и В. Н. Юргевич³⁸ считали, что древнейшие из ручек с именами астиномов принадлежат к IV или V в. до н. э. Б. Н. Граков считает, что начальная дата первой группы падает на последние два десятилетия IV в. до н. э. Сравнительно небольшое число известных астиномов позволяет думать, что нужно отнести эту дату к самому концу IV в. до н. э.³⁹ К этому времени Б. Н. Граков относит подгруппу «А» первой хронологической группы, которая насчитывает восемь астиномов⁴⁰.

Вскоре после выхода в свет монографии Б. Н. Гракова некоторые ее положения были подвергнуты критике А. Н. Зографом, который считал, что начальная датировка, предложенная Б. Н. Граковым, должна быть передвинута к середине IV в. до н. э.⁴¹ Датировка Б. Н. Гракова была принята, однако, многими исследователями⁴².

В 1951 г. А. А. Нейхарт были высказаны сомнения в правильности начальной датировки, данной Б. Н. Граковым, поскольку Т. Рейнах, на труды которого опирался Б. Н. Граков, пересмотрел датировку известных синопских монет с эмблемой орел на дельфине и отнес ее к более раннему времени. А. А. Нейхарт замечает, что в Нимфее вместе с материалом середины IV в. до н. э. было найдено клеймо с именем астинома Аполлодора и эмблемой орел на дельфине. Поэтому она предлагает отодвинуть первую хронологическую группу Б. Н. Гракова к середине IV в. до н. э.⁴³

М. И. Максимова также полагает, что началом производства синопских клейменных изделий можно считать середину IV в. до н. э., а может быть, и еще более раннее время⁴⁴.

В последнее время Б. Н. Граков несколько изменил датировку первой хронологической группы. Так, астином Аполлодор, включенный Б. Н. Граковым в подгруппу «А», был отнесен им к третьей четверти IV в. до н. э., а астином Эсхин II (подгруппа «Б») — ко второй половине IV в. до н. э. (прежде Б. Н. Граков относил его к началу III в. до н. э.)⁴⁵. Однако такое изменение датировки не получило соответствующего обоснования.

К середине IV в. (к 350 г. до н. э.) относят начало клеймения в Синопе Д. Б. Шелов⁴⁶ и В. Канарак⁴⁷.

Каким же временем должна датироваться гончарная группа? Попытаемся сравнить ее с синопскими монетами V—IV вв. до н. э. Известны три основ-

³⁷ P. Becker. Über eine zweite Sammlung unedierter Henkelinschriften aus dem südlichen Russland. Leipzig, 1869, стр. 514.

³⁸ В. Н. Юргевич. Доклад на 308 заседании Одесского общества истории и древностей. ЗООИД, т. XXI, 1898, стр. 27.

³⁹ Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 112.

⁴⁰ Там же, стр. 119. Принадлежность к первой хронологической группе Б. Н. Гракова астинома Бахтия вызывает очень большие сомнения. Это скорее имя гончара при астиноме Пасихаре.

⁴¹ ZfN, т. XL, кн. 1/2, Berlin, 1930, стр. 175.

⁴² См. Е. М. Придик. Керамические надписи из раскопок Тиритак и Мирмекия в 1932—1934 гг. МИА, № 4, 1941, стр. 174 сл.; Е. М. Штаерман. Керамические клейма из раскопок Тиритак и Мирмекия 1935—1940 гг. МИА, № 25, 1952, стр. 389 сл.; е е же. Керамические клейма из Тиритак. КСИИМК, вып. XXXVI, 1950, стр. 33; Н. В. Анфимов. Синопские остродонные амфоры эллинистической эпохи. ВДИ, 1951, № 1, стр. 111 сл.; К. Шкорпилъ. Печати върху амфори отъ Черноморското крайбрежие. Известия на Българския Археологически институтъ, т. VIII, София, 1935, стр. 24 сл.; V. G. Gase. Ук. соч., стр. 188.

⁴³ А. А. Нейхарт. Памятники керамической эпиграфики из Мирмекия и Тиритак. Автореферат канд. диссертации. Л., 1951, стр. 11—12.

⁴⁴ М. И. Максимова. Краткий путь через Черное море и время его освоения греческими мореходами. МИА, № 33, 1954, стр. 53; е е же. Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М.—Л., 1956, стр. 161.

⁴⁵ Б. Н. Граков. Каменское городище на Днестре. МИА, № 36, 1954, стр. 90, №№ 21 и 19.

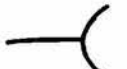

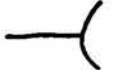

⁴⁶ Д. Б. Шелов. Ук. соч., стр. 214; е е же. Керамические клейма из раскопок Фанагории. МИА, № 57, 1957, стр. 149.

⁴⁷ V. Sanağache. Importul amforelor stampilate la Istria. București, 1957, стр. 182 и 404.

ных серии монет с орлом на дельфине. Первая серия включает монеты, имеющие на лицевой стороне голову нимфы без всяких украшений. Вторая характеризуется появлением у нимфы серьги. Третья отличается от предыдущей тем, что перед лицом нимфы появляется акростилий. Трактовка обратной стороны этих монет также различна, особенно изображение дельфина: 1) дельфин с приподнятыми под острым углом одним или двумя хвостовыми плавниками, 2) с двумя плавно поднятыми хвостовыми плавниками, 3) с двумя хвостовыми плавниками в виде полумесяца. Первая трактовка дельфина встречается только в первом типе лицевой стороны, вторая и третья трактовки по-разному распределяются в двух последних типах.

Приведем приблизительную таблицу развития синопских монет V—IV вв. до н. э. с орлом на дельфине.

Таблица 3

Серия	Датировка по WBR	Обратная сторона	Лицевая сторона	
		рисунок хвоста дельфина	серьга	акростилий
Первая	V в.		—	—
Вторая	До 370 г. до н. э.			—
	370—			—
	360 гг. до н. э.			есть
Третья	330—320 гг. до н. э.			есть

Как видно из таблицы, вторая и третья серии в основном различаются наличием или отсутствием акростилия. Так, монета Гос. Эрмитажа с именем КАРГ (инв. № 12 770) была определена А. Н. Зографом по изданию

Рис. 5

1 — серебро. Драхма. Л. с. — голова Синопы; О. с. — орел на дельфине. Надпись: ΣΙΝΩ. ΚΑΡΓ. Гос. Эрмитаж, инв. № 12 770; 2 — серебро. Драхма. Л. с. — голова Синопы, arlustre; О. с. — орел на дельфине. Надпись: ΣΙΝΩ. ΑΓΡΕΩ. Гос. Эрмитаж, инв. № 12 718

Rec. gén.², стр. 193 **, № 22, вариант 21. Эта монета не имеет еще акростилия и датируется временем до 370 г. до н. э.⁴⁸ Дельфин изображен с хвостом в виде полумесяца (рис. 5, 1). Монеты Эрмитажа с именами ΑΓΡΕΩ (инв. № 12 718) и ΔΗΜΝ + Ρ (инв. № 12 752) определены А. Н. Зографом по

⁴⁸ WBR, стр. 198.

тому же изданию, стр. 200 *, № 22, вариант 2 и стр. 194 **, № 23, вариант 3. Монеты, входящие в эту группу, располагаются не в хронологическом порядке серий, а в алфавитном порядке сопровождающих эмблему собственных имен. Причем монеты, имеющие дополнительные знаки или имена под маховыми перьями орла, выделены отдельно. Монеты этой серии характеризуются появлением акростилия и датируются приблизительно с 360 по 320 г. до н. э.⁴⁹ Дельфин на приведенных выше двух монетах также изображен

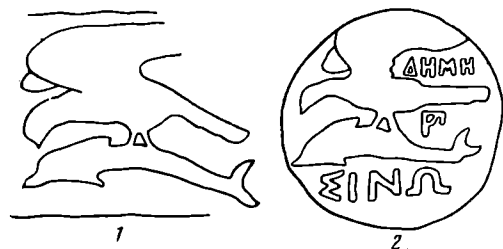

Рис. 6

1 — эмблема клейма с именем Иаракта; 2 — серебро. Драхма. О. с. — орел на дельфине, надпись ΣΙΝΩ. ΔΗΜΗ. ρ Гос. Эрмитаж, инв. № 12 752 (увеличено в 2 раза)

с хвостовыми плавниками в виде полумесяца (рис. 5,2). Поскольку монеты с ΚΑΡΓ и ΔΗΜΗ входят в разные серии, но имеют одинаковую трактовку дельфина, они должны быть близкими по времени и помещаться где-то между второй и третьей сериями. Эта группа может быть датирована 370—360 гг. до н. э.

Различная трактовка изображения дельфина на монетах характерна не только для Синопы. На монетах Мессины, например, встречаются две трактовки⁵⁰, на монетах Тарента — три⁵¹. Раздвинутые в разные стороны хвостовые плавники дельфина на клеймах (рис. 6,1) нашей гончарной группы напоминают трактовку хвоста дельфина в виде полумесяца на монетах (рис. 6,2). Изображение на клеймах, безусловно, заимствовано с монет, поэтому вся гончарная группа может быть датирована серединой второй четверти IV в. до н. э., т. е. 70—60-ми годами IV в. до н. э. Этим же временем должно датироваться и начало клеймения в Синопе.

Однако не исключено, что при дальнейших исследованиях эта дата будет отодвинута к первой четверти IV в. до н. э. или даже к последней четверти V в. до н. э., что не будет противоречить мнению предшественников Б. Н. Гракова и некоторым другим данным.

Вторая группа

Ко второй группе можно отнести клейма с именами гончаров и указанием профессии, с одной (рис. 7,1) или двумя (рис. 7,3) эмблемами. Впервые эти клейма были выделены В. В. Шкорпилом⁵², затем Е. М. Придик⁵³ повторил их в разделе «Список клейм, где к имени фабриканта прибавлено слово *κεραμεύς*». Однако Е. М. Придик, как и В. В. Шкорпил, включил сюда клейма, в легенду которых входит предлог *διὰ* и дата (рис. 9, 1). Нам представляется, что клейма с датами могут быть выделены в самостоятельную группу и будут рассмотрены в дальнейшем. Поэтому отличительными признаками второй группы клейм с именами гончарных мастеров является отсутствие имени астинома, обязательное употребление слова *κεραμεύς* и отчества гончара.

Клейма этой группы встречаются в трех основных вариантах: 1) слово *κεραμεύς* стоит в начале надписи (рис. 7,1); 2) слово *κεραμεύς* стоит в конце надписи (рис. 7,3) и 3) негативное клеймо (рис. 7,5). Этим вариантам соответствуют определенные клейма с именами астиномов, у которых название магистратуры стоит в начале (рис. 7,2) или в конце надписи (рис. 7,4);

⁴⁹ WBR, стр. 200.

⁵⁰ H. de Nanteuil. Collection de monnaies Greques. Paris, 1925, табл. XIX, 297, 299, 300.

⁵¹ Там же, табл. V, 80, 81, 84.

⁵² В. В. Шкорпил. Названия гончарных мастеров..., стр. 131—135.

⁵³ E. Pridik. Die Astynomennamen..., стр. 28, раздел C.

третьему варианту гончарного клейма соответствует негативное клеймо с именем астинома. Необходимо заметить, что если астиномное клеймо стоит в каком-либо варианте, то именно в таком же варианте будет выдержано и гончарное клеймо⁵⁴.

Рис. 7. Клейма второй группы

Вторая группа гончарных клейм, в отличие от первой группы, не является самостоятельной. Она примыкает к тем синопским клеймам, которые в составе легенды содержат имя астинома с названием магистратуры и имя гончара с указанием профессии, например, изданное В. В. Шкорпилом⁵⁵ клеймо

ΚΑΛΛΙΣΘΕΝΟΥ	собака
ΚΕΡΑΜΕΩΣ	
ΗΡΑΚΛΕΙΔΟΥ	колос
ΑΣΤΥΝΟΜΟ	гвоздь

К какому же периоду развития синопских клейм можно отнести клейма, содержащие в составе легенды слово *κεραμέως*? Как показывает приведенное выше клеймо, в его составе имеется несколько эмблем⁵⁶. Случаи употребления нескольких эмблем при одном лице уже рассматривались нами⁵⁷. Существование на клеймах нескольких эмблем, принадлежащих разным лицам, мы относим к третьему периоду развития синопских клейм⁵⁸. Значит клеймо с именем астинома Гераклида и гончаром Каллисфеном нужно отнести к третьему периоду.

⁵⁴ В. И. Цехмистренко. Ук. соч., стр. 62.

⁵⁵ В. В. Шкорпил. Датированные керамические надписи, стр. 132, № 9.

⁵⁶ По В. В. Шкорпилу, на клейме Гераклида изображена собака, по Б. Н. Гракову — лев, сидящий в профиль (что более вероятно).

⁵⁷ В. И. Цехмистренко. Ук. соч., стр. 66—68.

⁵⁸ Там же, стр. 68.

Поскольку рассматриваемые гончарные клейма второй группы, как и клеймо гончара Каллисфена, имеют в составе легенды слово *κεραμείως*, они тоже могут быть отнесены к третьему периоду. Об этом же свидетельствует найденное В. В. Шкорпилом в Зеленском кургане горло амфоры с двумя самостоятельными клеймами на разных ручках. На одном клейме стояло имя астинома Гефестодора с эмблемой — палицей, на другом имя керамевса Гикесия Дионисиева с эмблемой — гроздью винограда⁵⁹. То же самое можно наблюдать и на фрагменте синопской черепицы, изданной Л. Стефани⁶⁰, где оба клейма поставлены одно над другим.

Рассматривая вопросы датировки клейм второй гончарной группы, нам придется коснуться в общих чертах и датировки третьего периода развития. Клейма с несколькими эмблемами были отнесены Б. Н. Граковым к двум хронологическим группам — второй (270—220 гг. до н. э.) и третьей (220—183 гг. до н. э.)⁶¹, что предполагает бытование гончарных клейм второй группы почти сто лет. Поэтому прежде всего нужно установить место клейм второй гончарной группы в третьем периоде. Анализ астиномных групп, входящих в третий период, показывает, что этот период может быть разделен на два этапа. Первый этап характеризуется употреблением названия магистратуры в *ΑΣΤΥΝΟ* и отсутствием отчества при именах астинома и гончара⁶². Второй этап содержит клейма, на которых совершается переход от формы магистратуры *ΑΣΤΥΝΟ* к форме *ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ*, при том же количестве эмблем, которое характеризует третий период⁶³. Именно на этом этапе и бытуют клейма с отчеством гончаров и словом *κεραμείως*⁶⁴. Изучение клейм из Зеленского кургана показывает, что все они относятся ко второму этапу третьего периода; например, клеймо *Ποσειδέου/τοῦ Ἐφαιστοδώρα/ἀστυνο* имеет сокращенное название магистратуры⁶⁵, а клеймо *Ποσειδέου/ἀστυνόμου. Ἀρισταγόρα/ τοῦ Πολύκτορος* имеет полное название магистратуры в родительном падеже⁶⁶. О принадлежности обоих клейм одному астиному свидетельствует общая для них эмблема — палица. Автор раскопок Зеленского кургана пришел к выводу, что открытые в этом кургане находки могут быть датированы концом IV — самым началом III в. до н. э.⁶⁷ Эта датировка оспаривалась Б. Н. Граковым⁶⁸, который видел в месте находки фрагментов клейменной керамики позднейшую присыпку и, ссылаясь на аналогии в некоторых некрополях, считал ее совершенно оторванной от содержания основных погребений Зеленского кургана. Весь же комплекс керамических клейм он отнес к началу своей второй хронологической группы, т. е. ко времени после 270 г. до н. э.⁶⁹ Хотя доводы Б. Н. Гракова и имеют некоторые основания, все же мы склоняемся к мнению В. В. Шкорпила относительно датировки всех находок, а стало быть, и комплекса керамических клейм из Зеленского кургана концом IV — началом III в. до н. э. В подтверждение этого мнения приведем еще один археологический комплекс — Павловский курган. В Павловском кургане⁷⁰ вместе с другими находками было обнаружено синопское клеймо,

⁵⁹ В. В. Шкорпил. Датированные керамические надписи из Зеленского кургана. ИАК, вып. 51, 1914, стр. 125, № 22.

⁶⁰ ОАК за 1874 г., стр. 104. Б. Н. Граков повторил их в своей работе (Б. Н. Граков. Ук. соч., табл. 14, 5).

⁶¹ Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 128—129 и 134—135.

⁶² В. И. Цехмистренко. Ук. соч., стр. 63, рис. 32 и стр. 67, рис. 57.

⁶³ Там же, стр. 61, рис. 27.

⁶⁴ В. В. Шкорпил. Датированные керамические надписи, стр. 125, № 22; Б. Н. Граков. Ук. соч., табл. 14, рис. 5.

⁶⁵ В. В. Шкорпил. Датированные керамические надписи, стр. 125, № 23.

⁶⁶ Там же, стр. 125, № 24.

⁶⁷ Там же, стр. 121.

⁶⁸ Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 107.

⁶⁹ Там же, стр. 123.

⁷⁰ ОАК за 1859 г., стр. 14 и стр. 142, № 26.

помещенное Е. М. Придиком в «Каталоге Эрмитажного собрания» под № 722 (стр. 99):

ΦΟΡΒΑ
канфар ΑΣΤΥΝΟ венки
· ΤΕΦΑΝ

Клеймо это по своим признакам (две эмблемы и магистратура в форме ΑΣΤΥΝΟ) должно быть отнесено к первому этапу третьего периода развития, по нашей классификации. Дата Павловского кургана определяется В. Д. Блаватским 380—300 г. до н. э. благодаря найденным здесь «элевсинской» пелике и серебряной гемидрахме⁷¹. Значит, найденное здесь синопское клеймо должно датироваться по крайней мере последней четвертью IV в. до н. э., если не более ранним временем. По классификации же Б. Н. Гракова, это клеймо с именем астинома Форбанта датируется 270—220 гг. до н. э., причем автор замечает, что астином Форбант должен стоять в конце второй хронологической группы, т. е. ближе к 220 г. до н. э., так как «при нем уже изредка встречаются фабриканты следующей группы»⁷². Если даже в месте находки клейма Павловского кургана видеть позднейшую присыпку, то разрывы в датировке по В. Д. Блаватскому всего комплекса вещей из Павловского кургана с датировкой клейма с именем астинома Форбанта по Б. Н. Гракову будет очень большим. Поскольку клеймо из Павловского кургана и клеймо из Зеленского кургана относятся к одному периоду развития, нам представляется, что клейма Зеленского кургана нужно датировать по В. В. Шкорпилу. Если это будет признано правильным, то тогда гончарные клейма со словом *κεραμέως* и отчеством гончаров нужно будет датировать концом IV — началом III в. до н. э. или же последней четвертью IV в. до н. э.

Третья группа

Клейма с именами гончаров без определителя, с одной эмблемой или без эмблемы (рис. 8) относятся к третьей группе гончарных клейм. Они написаны в одну или в две строки. Имена гончаров на таких клеймах обычно стоят в именительном падеже, хотя иногда встречается и родительный падеж. Эти клейма, как и клейма второй гончарной группы, всегда сопровождаются именами астиномов на второй ручке. В. В. Шкорпил⁷³ были отмечены три таких астинома: Ἀπολλόδωρος ὁ Διονυσίου, Ἐκαταίος ὁ Λαμάχου и Φήμιος ὁ Θεουπίδου. Позже Б. Н. Граков⁷⁴ зарегистрировал около 25 астиномов, встречающихся иногда без имени гончара. Почти все они относятся к пятой или шестой хронологической группе. По нашей классификации, это четвертый период развития, т. е. его этапы, когда на клеймах после утверждения именительного падежа имени гончара появляется и утверждается отчество астинома.

В настоящее время пока еще трудно дать точную датировку четвертого периода развития керамических клейм. В. Ф. Гайдукевич обращает внимание на то, что синопские клейма, относимые Б. Н. Граковым к четвертой

Рис. 8. Клейма третьей группы

⁷¹ В. Д. Блаватский. О происхождении боспорских склепов с уступчатыми перекрытиями. СА, XXIV, 1955, стр. 53.

⁷² Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 127, № 40.

⁷³ В. В. Шкорпил. Названия гончарных мастеров..., стр. 135.

⁷⁴ Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 138—154.

группе, происходят из стратиграфически определенных слоев боспорских городищ, датирующихся III в. до н. э.⁷⁵. Т. Н. Книпович утверждает, что при раскопках в станице Елисаветовской найден керамический материал — относящийся не позже чем к III в. до н. э.⁷⁶. На клеймах, найденных в верхнем слое первого раскопа и на поверхности городища, имена гончаров стоят в именительном падеже⁷⁷, например клеймо № 120 ἀστυνόμου/Εὐχαρίστου./Θυαίας или № 751 ἀστυνόμου/ Αἰσχίνου./Ηρακλείδης. По своим признакам эти клейма могут быть отнесены к ранним этапам четвертого периода. Признаков позднего четвертого периода — отчества астинома — еще нет. Клейма эти были датированы О. О. Крюгером III в. до н. э.⁷⁸. Поскольку в комплексе из Елисаветовского городища найдены синопские клейма ранних этапов четвертого периода развития, то и весь четвертый период можно датировать суммарно III в. до н. э. Конечная дата этого периода определяется следующей гончарной группой.

Четвертая группа

Эта группа клейм с именами гончарных мастеров имеет свои особенности, присущие только данной группе. Входящие в нее клейма построены по формуле, которая отличается от обычных гончарных клейм. Имена гончаров здесь сопровождаются предлогом *διὰ* и словом *κεραμεύς*. В начале или в конце надписи стоят цифры. Эти клейма (рис. 9, 1—4) были собраны

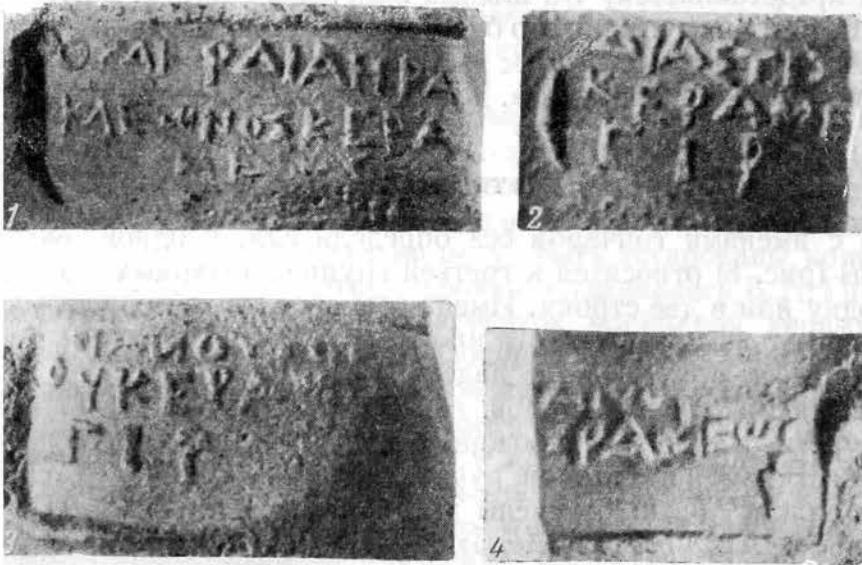

Рис. 9. Клейма четвертой группы

В. В. Шкорпиллом в известной статье «Названия гончарных мастеров на керамических клеймах»⁷⁹. Клеймо с *Θ' καὶ Ρ'* было издано также Е. М. Придиком⁸⁰, однако автор читал первую букву как «омикрон»⁸¹. Затем все изданные В. В. Шкорпиллом клейма Е. М. Придик повторяет в своей статье об именах астиномов, куда добавляется еще одно клеймо с именем *Δαμ?* и *διὰ*⁸².

⁷⁵ В. Ф. Гайдукевич. Рецензия на книгу «Ольвия, т. I (1940)». КСИИМК, вып. X, 1941, стр. 136.

⁷⁶ Т. Н. Книпович. Опыт характеристики городища у станицы Елисаветовской по находкам Экспедиции Государственной академии истории материальной культуры в 1928 г. ИГАИМК, вып. 104, 1934, стр. 130.

⁷⁷ Там же, приложение II, стр. 200—201.

⁷⁸ Там же, стр. 129.

⁷⁹ ИАК, вып. 51, 1914, стр. 131, № 4; стр. 132—133, № 13 (а и б), стр. 134, № 19.

⁸⁰ Е. М. Придик. Инвентарный каталог клейм, стр. 90, № 584.

⁸¹ В статье «Die Astynomennamen...» Е. М. Придик читает эту букву как *θ*.

⁸² E. Pridik. Ук. соч., стр. 28.

В коллекции ЛОИА имеются еще два клейма этого типа. Одно происходит из Мирмекия (1946 г.), другое — из Нимфея (1956 г.):

Θ' καὶ Ρ'. Διὰ Νουμη-
νίου κεραμέως

ΒΙΡ'. Διὰ Ν[ου-
μηνίου κ[ε-
ραμέως

Таким образом, становятся известными семь клейм, которые по своим признакам могут быть выделены еще в одну самостоятельную гончарную группу.

Рис. 10

Уже первый их издатель, В. В. Шкорпил, обратил внимание на цифры, которые сопровождают легенду. Он объяснил их как числа, обозначающие количество амфор, сделанных в известное время гончарным мастером⁸³. Б. Н. Граков стал на иную точку зрения, предположив, что в этих цифрах заключается дата и что она ставилась вместо имени астинома⁸⁴. Е. М. Придик не согласился с предложением Б. Н. Гракова и опроверг его, приведя соответствующее клеймо⁸⁵. Оно содержит (рис. 10,1) имя ΒΑΚΧΙΟΥ на первом месте и имя ΠΑΣΙΧΑΡΟΥ с предшествующим названием магистратуры. Перед первым именем стоят три буквы, которые Е. М. Придик предлагал читать как ΚΑΡ⁸⁶, видя в них число, обозначающее дату (121=175 г. до н. э.), и всю легенду понимал как ΚΑΡ'. Βακχίου/ἀστυνόμου./ Πασιχάρου. Однако против такого чтения, предложенного Е. М. Придиком, имеются возражения. Во-первых, мало вероятно, что буквы перед именем Бакхия являются датой, потому что на данном клейме, как и вообще на астиномных клеймах, датой является имя астинома. Во-вторых, все клейма с датами выдержаны в определенной схеме: перед именем гончара стоит обязательный предлог διὰ, а после имени — слово κεραμέως. Клеймо, изображенное на рис. 10,1, отличается от клейм с датами своим содержанием. На нем отсутствуют διὰ и κεραμέως и имеется имя астинома с названием магистратуры. Наконец, аналогичное клеймо Керченского музея (рис. 10,2) показывает, что третья буква в слове перед именем гончара не может быть «ро»,

⁸³ В. В. Шкорпил. Керамические надписи, хранящиеся в Мелек-Чесменском кургане в г. Керчи. ЗООИД, т. XXVIII, 1910, стр. 128, № 125.

⁸⁴ Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 154—155.

⁸⁵ Е. М. Придик. Керамические надписи..., стр. 171.

⁸⁶ В «Инвентарном каталоге» это клеймо читалось Е. М. Придиком как ἐπί Βακχίου (ἀστυνόμου.) Πασιχάρου. (стр. 82, № 417). В дальнейшем имя Бакхия было включено в разряд астиномов (см. Е. Pridik. Die Astynomennamen, стр. 21, № 16 и особенно стр. 30, E5, где автор подчеркивает присутствие на клейме предлога ἐπί). Это обстоятельство дало основание Б. Н. Гракову ввести Бакхия как астинома в свою первую хронологическую группу (см. Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 114, № 7).

так как она не помещается в пространстве между «альфой» и «бетой». Здесь может стоять только «иота», и тогда все слово, судя по нижним очертаниям букв, должно читаться не КАР, а КАΙ. Это КАΙ трудно объяснить. Сравнение фотографий эрмитажного и керченского клейм показывает, что они сделаны одним штемпелем. Первые три буквы клейма пострадали от какого-то движения резчика; возможно, что они были сознательно уничтожены мастером в процессе изготовления клейма. Примеры исправлений различного рода известны⁸⁷. Во всяком случае, ясно одно, что надпись представляет собой типичную легенду синопского клейма ранних этапов четвертого периода⁸⁸.

К какому же времени относится группа клейм с датами? Если исходить из хронологической системы Б. Н. Гракова, клейма с датами должны относиться к самому концу третьей хронологической группы (220—183 гг. до н. э.), так как сами клейма указывают на первую четверть II в. до н. э. Однако уже одно сравнение шрифтов этих клейм с клеймами третьей группы Б. Н. Гракова говорит о различии во времени. Несмотря на наличие на клеймах обеих групп слова *ἡραμείως*, большинство клейм конца третьей хронологической группы отличается крупными буквами, в то время как клейма с датами исполнены мелким шрифтом, какой встречается обычно на клеймах с отчеством имен астиномов и относится к пятой-шестой хронологическим группам Б. Н. Гракова. Помочь в решении вопроса о месте клейм с датами могут в некоторой степени имена, стоящие на клеймах⁸⁹. Имя гончара *Ἦρακλέωνος* не значится в списках имен гончаров, отмеченных Б. Н. Граковым в хронологических группах, но автор относит это имя ко II в. до н. э.⁹⁰. Оно известно с тремя астиномами: *Ἀισχυρίων ὁ Ἀρτεμιδώρου*, *Δελφίνιος ὁ Καλλίου* и *Ἦραγένης ὁ Νειχάνορος*⁹¹, которые Б. Н. Граков поместил в шестой хронологической группе (122—70 гг. до н. э.)⁹². Эти клейма должны относиться к последнему этапу выделенного нами четвертого периода, для которого характерно употребление различных эмблем при одном астиноме. Примером могут служить клейма с именем астинома Каллисфена, сына Гистиея (пятая хронологическая группа Б. Н. Гракова), при котором часть гончаров употребляет в качестве эмблемы Нику на колеснице, другие — нос корабля, третьи — гроздь винограда⁹³ или клейма астинома Эсхриона, сына Артемидора, с эмблемами: канфар, гроздь винограда и бородатая голова (шестая хронологическая группа Б. Н. Гракова)⁹⁴. В качестве еще одного примера приведем клейма астинома Герагена, сына Никанора. Е. М. Придик отмечает при нем следующие эмблемы: гроздь винограда, колос или ветвь и бородатую голову⁹⁵. Именно на клеймах этого последнего этапа развития мы находим имя гончара Гераклеона. Принимая во внимание, что имя *Στίχος* среди гончаров на астиномных клеймах вообще не встречается⁹⁶, но входит в состав гончарной группы клейм с датами, всю эту группу клейм мы предлагаем поставить в самом конце общей хронологической цепи синопских клейм.

⁸⁷ Например, написание одного имени поверх другого см. В. И. Цехмистренко. Ук. соч., стр. 63.

⁸⁸ Может быть, здесь нужно видеть имя гончара *Καὶβάχιος*, подобно *Κίλιος* — *Καὶκίλιος* (см. W. Pape. *Wörterbuch der griechischen Eigennamen*. Braunschweig, 1850, стр. 192 и 176).

⁸⁹ Имя гончара Нумения не привлекается для решения вопроса, так как оно встречается на всем протяжении астиномного клеймения.

⁹⁰ Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 202 (где напечатано «II век по Р. Х.» — вероятно, опечатка).

⁹¹ E. Pridik. Ук. соч., стр. 6, № 5, d; стр. 8, № 45, стр. 10, № 88, b.

⁹² Б. Н. Граков, Ук. соч., стр. 148—150, №№ 2, 7, 13.

⁹³ В. И. Цехмистренко. Ук. соч., стр. 58, рис. 9—11.

⁹⁴ Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 148, № 2.

⁹⁵ E. Pridik. Ук. соч., стр. 10, № 88.

⁹⁶ Отсутствие этого имени на клеймах с именами астиномов было замечено еще В. В. Шкорпиллом. См. В. В. Шкорпилл. Название гончарных мастеров..., стр. 139.

Вопросы конечной датировки клейм с именами астиномов затрагивались неоднократно. П. Беккер, основываясь на характере письма, относил ее к I—II вв. н. э.⁹⁷ Л. Э. Стефани считал, что клеймение заканчивается в конце I в. до н. э.⁹⁸ Б. Н. Граков связывает эту дату с захватом Синопы римлянами и относит ее к 70 г. до н. э.⁹⁹ В настоящее время такая датировка считается общепризнанной и ею руководствуются все издатели синопских клейм¹⁰⁰. Не отказывается от этой даты и М. И. Максимова¹⁰¹, хотя и считает, что датировка последних трех хронологических групп, предложенная Б. Н. Граковым 30 лет тому назад, нуждается в пересмотре и предлагает передвинуть ее в глубь II в. до н. э.¹⁰²

Мы полагаем, что прекращение астиномного клеймения в Синопе падает на конец первой четверти II в. до н. э. Причину прекращения астиномного клеймения нужно, вероятно, искать в той политической обстановке, которая сложилась в Синопе к 80-м годам II в. до н. э. Усиление Понтийского царства вызвало экспансию его царей в сторону Черного моря. Первое наступление на Синопу относится к 220 г. до н. э.¹⁰³ Однако свою самостоятельность Синопа сохраняла еще 40 лет, пока в 183 г. до н. э. Фарнаку I не удалось окончательно ее захватить¹⁰⁴. С этого времени Синопа становится столицей Понтийского царства. Несмотря на то, что народное собрание еще функционировало некоторое время¹⁰⁵, прекращение астиномного клеймения свидетельствует о том, что городские магистратуры, в частности астиномная, были ликвидированы¹⁰⁶, хотя клеймение керамической продукции не прекращается¹⁰⁷.

Пятая группа

Последняя, пятая группа синопских клейм с именами гончарных мастеров напоминает нашу третью группу, но по некоторым признакам заметно от нее отличается. К пятой группе можно отнести клейма с одним именем без определителя, написанным большими буквами во всю ширину клейма или в две строки. Эмблема на клейме отсутствует. Клейма встречаются на ручках и горле амфор и на черепицах. Амфорные клейма гончаров: ΛΥΚΙΟΥ (рис. 11, 1), ΝΙΚΙΑΣ, ΣΤΙΧΟΥ (рис. 11, 2, 3), Δί/νος¹⁰⁸, Γεμνιάνου (на горле амфоры; рис. 11, 4), Νουίου¹⁰⁹. Черепичные клейма — ΦΙΛΟΚΑΛΟΥ, ΧΡΗΣΤΟΣ¹¹⁰ (рис. 11, 5, 6).

Большинство имен на этих клеймах в астиномной группе не встречается. О принадлежности их гончарным мастерам говорит клеймо с именем Στίχου, которое встречается в четвертой группе гончарных клейм и является как бы связующим звеном между четвертой и пятой группами. Клейма этой группы до настоящего времени почти не подвергались определению или причислялись к неизвестным центрам. Только недавно некоторые из них были выделены Д. Б. Шеловым¹¹¹, который предположил, что они могут относиться

⁹⁷ *Mélanges gréco-romaines*, т. I, СПб., 1854, стр. 448.

⁹⁸ *Titulorum Graecorum particula*, II Dograti, 1848, стр. 24.

⁹⁹ Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 148.

¹⁰⁰ См. в нашей статье примеч. 42, 46 и 47.

¹⁰¹ М. И. Максимова. *Античные города...*, стр. 220.

¹⁰² Там же, стр. 219.

¹⁰³ *Polub.*, IV, 56.

¹⁰⁴ М. И. Максимова. Указ. соч., стр. 179.

¹⁰⁵ Там же, стр. 182.

¹⁰⁶ Ликвидация астиномной магистратуры произошла на несколько лет раньше захвата Синопы Фарнаком по не известным пока причинам.

¹⁰⁷ Продолжается в Синопе и чеканка медной монеты, хотя выпуск золотых и серебряных монет был прекращен. См. М. И. Максимова. Ук. соч., стр. 218.

¹⁰⁸ М. Мирчев. Ук. соч., стр. 59, № 283; табл. XXXVI, 6.

¹⁰⁹ Д. Б. Шелов. Ук. соч., табл. III, 3.

¹¹⁰ Клеймо восстановлено Б. Н. Граковым. См. *IOSPE*, III, № 9007.

¹¹¹ Д. Б. Шелов. Ук. соч., стр. 212.

Рис. 11. Клейма пятой группы

к последнему периоду изготовления синопских клейменных амфор. Он считает, что такие клейма не являются самостоятельными и должны дополняться клеймами с именами астиномов. Это предположение основано на аналогии с теми гончарными клеймами, которые описаны нами во второй и в третьей группах. Однако мы показали, что могут существовать синопские безмагистратские клейма, имеющие самостоятельное значение (первая группа). Кроме того, пятая группа является как бы вторым этапом послеастиномного клеймения. На первом этапе мы видим исчезновение имени астинома и замену его соответствующей датой, на втором этапе исчезает и дата. Это же обстоятельство служит основой для датировки пятой группы. Она может относиться ко времени после 138 г. до н. э. (рис. 12)¹¹² и бытовать

Рис. 12

еще после завоевания Синопы римлянами, о чем свидетельствует клеймо на горле амфоры (рис. 11,4) из типичной синопской глины, но с необычным для этого центра венчиком.

После исчезновения астиномных клейм некоторые амфоры, вероятно, уже вовсе не клеймились. Хранящаяся в Керченском музее целая синопская амфора без клейма, с очень широким горлом¹¹³, также может быть отнесена к этому времени.

Таким образом, клеймение крупной керамики клеймами с именами астиномов, появившееся в Синопе во второй четверти IV в. до н. э., прекращается в конце первой четверти II в. до н. э. На смену астиномным клеймам приходят различные типы гончарных клейм, из которых первыми по времени являются клейма с датами.

¹¹² Клеймо найдено В. В. Веселовым у с. Подмаячное (северо-восточная часть Керченского п-ва) в 1956 г.

¹¹³ Инв. № К 8273. Диаметр горла — 17 см, тогда как обычно он равен 9—11 см.

Описание клейм, помещенных в тексте

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рис.	Легенды	Эмблемы	Где издано
1,1	Νίμα- κ]τος	Орел на дельфине	Ш-11, стр. 87, № 371
1,2	Ἀσπαμι- θάρεω	То же	—
1,3	Λ]άκω- ν]ος	То же	—
1,4	Ἰαρά- κτος	То же	ИККЭС, стр. 82, № 422
1,5	Φορμί- ωνος	То же	—
2	ἐπ]ι Διονυ (σίου). Διονυσίο (υ)	То же	—
3	ἐπ]ι Δι]ονυσίο(υ). Γόλα]ντος	То же	Ш-11, стр. 61, № 230
7,1	κερα]μέως Ἐφαιστίου τοῦ θευδώρου	Канфар	Ш-51, стр. 131, № 5 Ш-28, стр. 128, № 124
7,2	ἀστυνόμου Ποσειδείου τ[οῦ	—	Ш-11, стр. 54, № 195, а Ш-28, стр. 118, № 56
7,3	Ἐφαιστοδώ]ρου Ἐφαιστίου τοῦ Ποσειδωνίου	Гроздь и канфар	ИККЭС, стр. 77, № 322 Ш-28, стр. 140, № 36 Ш-11, стр. 86, № 367
7,4	κερα]μέως Ποσειδείου τοῦ Ἐφαιστο (δώρου) ἀστυνόμου	Палица	Ш-51, стр. 131, № 6 Ш-11, стр. 80 № 333
7,5	Ποσειδωνίου Νου]μηγίου κερα]μέως	Гроздь и колос	Ш-51, стр. 133, № 16, б
8	Ἐπι]χάρης	Гроздь винограда	Анфимов, стр. 119
9,1	Θ' καὶ Ρ'. Διὰ Ἐρα- κλέωνος κερα- μέως	—	Ш-11, стр. 86, № 336 Ш-51, стр. 131, № 4 ИККЭС, № 584
9,2	διὰ Στίχ]ου κεραμέ]ως. ΓΙΡ'	—	Ш-51, стр. 134, № 19
9,3	διὰ Νου]μηγι- ου κερα]μέως. ΓΙΡ'	—	Ш-28, стр. 128, № 125 Ш-51, стр. 132, № 13, а
9,4	διὰ Ν[ουμην- ίου κ]εραμέως	Гроздь	Ш-51, стр. 133, № 13, б
10,1	...Βακχί]ου. ἀστυνόμου Πασιχάρου	?	ИККЭС, стр. 82, № 417
10,2	...Βακ[χίου. ἀστυνόμου Πασιχά]ρου	?	—
11,1	Λυκίου	—	—
11,2	Νικίας	—	—
11,3	Σ]τίχου	—	—
11,4	Γεμινιάνου	—	—
11,5	Χρή]στου?	—	—
11,6	Φιλοχά]λου	—	—
12	...θΝΡ' ...τρα	?	—

Список сокращений к приложению

- Анфимов — Н. В. Анфимов. Синопские остродонные амфоры эллинистической эпохи. ВДИ, 1951, № 1
- ИККЭС — Е. М. Придик. Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания. Птрг., 1917
- Ш-11 — В. В. Шкорпил. Керамические надписи, приобретенные Керченским музеем древностей в 1901 и 1902 годах. ИАК, вып. 11, 1914
- Ш-28 — Ю. Марти, В. Шкорпил. Керамические надписи, хранящиеся в Мелек-Чесменском кургане в городе Керчи. ЗООИД, т. XXVIII, 1910
- Ш-51 — В. В. Шкорпил. Названия гончарных мастеров в керамических надписях. ИАК, вып. 51, 1914

К ВОПРОСУ О ЛИТЕЙНЫХ ФОРМАХ И ЛИТЕЙНОМ ДЕЛЕ НА ТЕРРИТОРИИ ЛАТВИИ (до XIII в.)

В настоящее время в археологии все больше внимания уделяется вопросам ремесла¹, а в частности и литейному делу². В литейном деле важным является вопрос об орудиях труда литейщика — о литейных формах, а также о тиглях и льячках. Из археологических находок на территории Латвийской ССР известно 176 литейных форм. Из них 103 глиняных: 82 — для литья по восковой модели с потерей формы (так называемые одноразовые формы), 19 — открытых и 2 — двустворчатых, 72 каменные формы и 1 металлическая. Найдены они главным образом на поселениях (рис. 1). Предлагаемая статья ставит себе целью дать сжатую характеристику материала по литью цветных металлов с I тысячелетия до н. э. по первую четверть II тысячелетия н. э.

Литейные формы I тысячелетия до н. э. Бронзовый век на территории Латвии начался с середины II тысячелетия до н. э.³ Однако местная обработка бронзы стала обычной только с конца II тысячелетия до н. э.⁴ Литейное дело вначале развивалось довольно медленно из-за отсутствия местного сырья и нерегулярного межплеменного обмена. Сырье получали из Придунайских земель, а, возможно, также с Южного Урала. Всего на территории Латвии найдено 64 бронзовых предмета, датируемых бронзовым веком⁵. Среди них имеются кельты, топоры, наконечники копий, гривны, браслеты, булавки и некоторые мелкие изделия. Самым древним техническим приемом обработки цветных металлов на территории Латвии с середины II тысячелетия до н. э. являлось литье по восковой модели с утратой литейной формы (найденные образцы форм датируются I тысячелетием до н. э.). Отливали орудия труда, оружие и украшения. Каменные двустворчатые литейные формы бронзового века пока не обнаружены, хотя возможно, что они были известны здесь, как и на территории Дании⁶, Швеции и Финляндии⁷, а также в Приднепровье⁸, не говоря уже о Кавказе, где такие формы имели широкое распространение. Семь бронзовых секир из найденного в Приекулес Калей клада (Латвия)⁹,

¹ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948; Б. А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси. МИА, № 32, 1953.

² Г. Ф. Корзухина. Киевские ювелиры накануне монгольского завоевания. СА, XIV, 1950.

³ E. Sturms. Die ältere Bronzezeit in Ostbaltikum. Berlin, 1936, стр. 79.

⁴ X. A. Moora. Памятники позднего неолита и ранней эпохи металла в Прибалтике. КСИИМК, вып. XLVIII, 1952, стр. 11.

⁵ Л. В. Ванкина. Новейшие находки эпохи бронзы в Латвии. СА, 1960, № 3, стр. 153.

⁶ F. Brøndsted. Danmarks Oldtid II Bronzealderen. Kobenhavn, 1939, стр. 124.

⁷ S. F. Meinander. Die Bronzezeit in Finland. Helsinki, 1954, рис. 10, 11.

⁸ А. В. Добровольский. Талькові ливарні матриці бронзової доби з Херсонщини. Археологія, т. IV, 1950, табл. I, стр. 165.

⁹ Фонды Музея истории ЛатвССР (ниже сокращенно — МИЛ), инв. № V-8428.

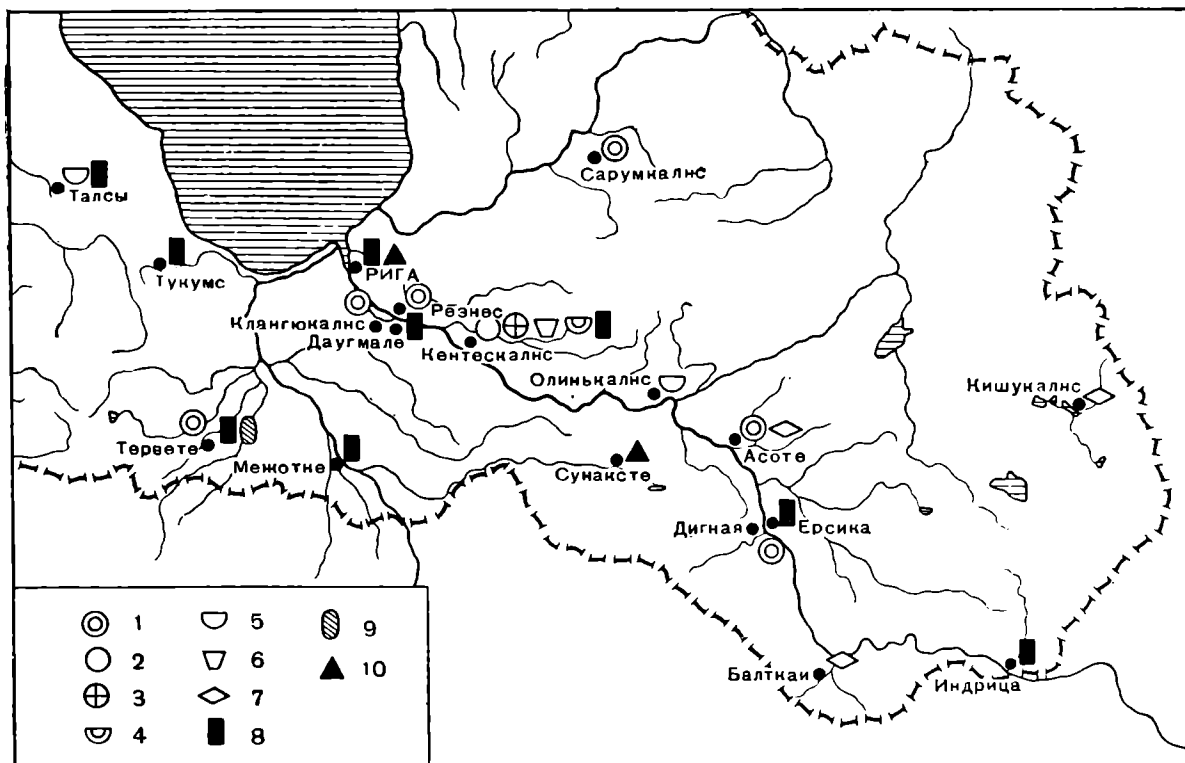

Рис. 1. Карта местонахождений литейных форм на территории Латвийской ССР

Условные обозначения: 1 — глиняные одноразовые круглые формы (I тысячелетие до н. э.); 2 — глиняные одноразовые круглые формы (I тысячелетие н. э.); 3 — глиняные одноразовые прямые формы (I тысячелетие н. э.); 4 — глиняные открытые формы для слитков (I тысячелетие н. э.); 5 — глиняные открытые формы для слитков (нач. II тысячелетия н. э.); 6 — глиняные формы для слитков (I тысячелетие н. э.); 7 — глиняные формы для украшений (нач. II тысячелетия н. э.); 8 — каменные формы (I—II тысячелетия н. э.); 9 — металлические формы (нач. II тысячелетия н. э.); 10 — каменные формы (середина II тысячелетия н. э.)

были отлиты именно в двустворчатых каменных (а может быть, и глиняных?) литейных формах, так как имеют еще не отшлифованные литейные швы и заусенцы.

В I тысячелетии до н. э. в Латвии литье в одноразовых глиняных формах по восковой модели продолжало оставаться наиболее распространен-

Таблица 1

Глиняные одноразовые литейные формы I тысячелетия до н. э. и I тысячелетия н. э.

Дата	Место находки							Всего
	Клангюкалнс	Резнес (могильник)	Сарумкалнс	Асоте	Дигная	Кентескалнс	Тервете	
I тысячелетие до н. э.	12	1	1	4 (+2)	14	—	—	34
I тысячелетие н. э.	—	—	—	—	—	46	2	48

ным. Найдены 34 фрагментарные формы для отливки шейных гривен, браслетов и круглой формы слитков¹⁰ и две неполные формы для отливки бронзового долота или топора (рис. 2, 14).

Все формы найдены на поселениях¹¹, за исключением одной формы из

¹⁰ Формы из Резнес, Асоте, Кентескалнс и Тервете хранятся в фондах Института истории АН ЛатвССР (ниже сокращенно — ИИЛ), все остальные — в фондах МИЛ.

¹¹ Общую опись этих памятников см. Л. В. Ванкина. Археологические памятники I тысячелетия до нашей эры на территории Латвийской ССР. КСИИМК, вып. XLII, 1952, стр. 74—75.

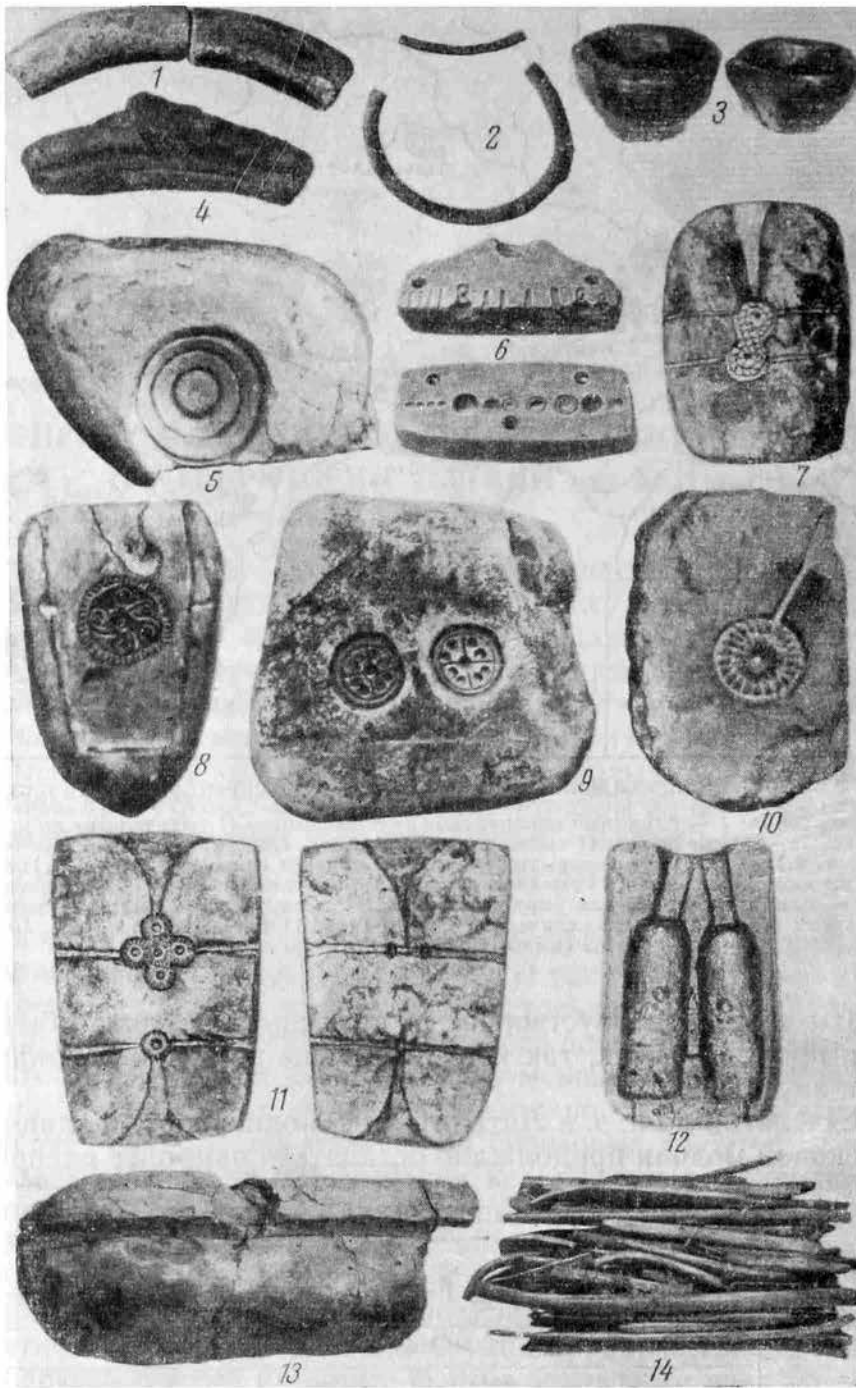

Рис. 2. Литейные формы, тигли и продукция литейщиков

1 — обломок глиняной формы для отливки шейной гривны (Клангюкалнс); 2 — обломки бронзовых браслетов из Клангюкалнса (справа, на большом браслете — неотшлифованное место литника); 3 — мискообразные тигли I тысячелетия до н. э.; 4 — обломок глиняной формы для отливки шейных гривен (Кентескалнс, VI—VIII вв.); 5 — каменная форма для пуговицы (Кентескалнс, VIII—IX вв.); 6 — каменная форма для отливки пуговиц с ушком или штифтом (Старая Рига); 7 — каменная форма для отливки восьмеркообразной пластинки (Межотне); 8 — каменная форма для отливки пуговицы (Даугмалс); 9 — каменная форма для отливки пуговиц-пластинок (Тукумс); 10 — каменная форма для отливки розеткообразной пластинки (Талси); 11 — каменная форма с крышкой для отливки розеткообразных пластинок (Тервете); 12 — бронзовая форма для отливки оловянисто-свинцовых слитков (Тервете); 13 — глиняная форма для отливки слитков (Талси); 14 — бронзовые слитки полукруглого сечения из клада IX—XII вв. (Лубанас Эргали, Мадонского района)

курганного могильника Резнес¹². Прямые аналогии вышеупомянутым глиняным формам мы находим в Эстонской ССР на укрепленных поселениях Асва на о. Сааремаа¹³, Иру близ Таллина¹⁴ и др. Карта распространения этих форм составлена Р. Индреко¹⁵.

Сходные формы найдены на Благовещенской горе¹⁶, в Приднепровье и в других местах. Больше всего их имеется на Бискупинском городище — около 700 фрагментов¹⁷.

Обычно эти литейные формы встречаются только в небольших фрагментах, так как формы после отливки разбивались для того, чтобы извлечь готовое изделие. Изготавливались они из чистой глины, с большой примесью песка, иногда — слюды. Глиняное тесто хорошо отмучивалось. Изнутри формы всегда имеют очень гладкие стенки, так что и изделия по-

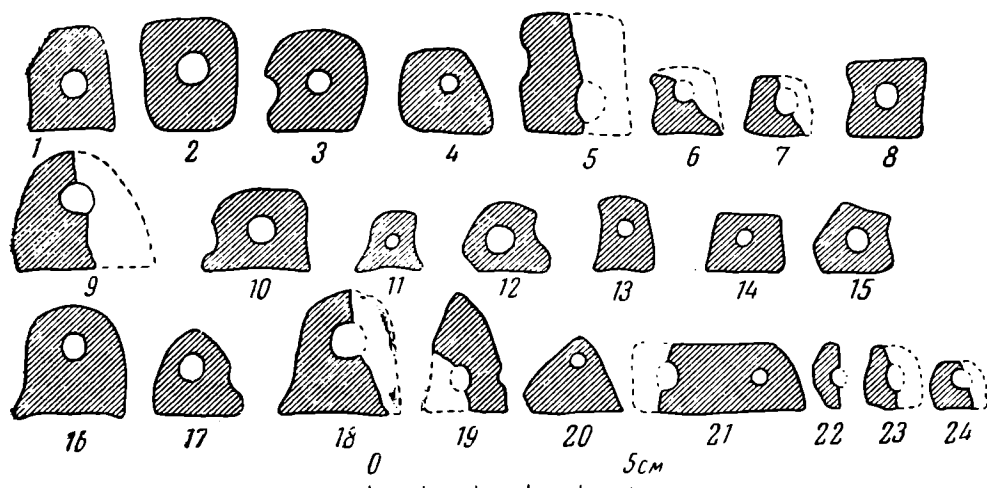

Рис. 3. Поперечные сечения одноразовых глиняных форм по выплавляемой восковой модели

1—7 — Клангюкалнс; 8 — Сарумкалнс; 9 — Резнес; 10, 11 — Асоте; 12—15 — Дигная; 16—24 — Кентескалнс

лучались с гладкой поверхностью и почти не требовали дополнительной обработки. Основание этих форм всегда плоское; по-видимому, они формовались на гладкой каменной плите, обжигались и заливались, вероятно, также установленными на ровной поверхности в лежачем положении. Толщина основания форм — 3,5—8,5 мм, толщина стенок — 2—9 мм, а высота — 10—22 мм. Самыми массивными являются некоторые формы из более глубокого слоя (рис. 3, 1—5) Клангюкалнса¹⁸ и форма из Резнес (рис. 3, 9). Поперечное сечение глиняных форм бывает разной конфигурации (рис. 3): полуовальное, с выпуклыми или прямыми и даже вогнутыми стенками. Иногда сечение формы бывает близко к трапецевидному или четырехугольному, стенки могут иметь один или несколько срезов,

¹² Раскопки Я. Граудониса в 1958 г. Форма была обнаружена в верхней части насыпи 6-го кургана и датируется серединой I тысячелетия до н. э. См. J. Graudonis. Arheologiskie izrakumi Reznu kapulaukā 1958 gadā, Referatu tezes zinātniskai sesijai, R., 1959, стр. 16—20.

¹³ А. К. Вассар. Укрепленное поселение Асва на острове Сааремаа. Muistsed asulad ja linnused, I, Tallin, 1955, стр. 117, рис. 40.

¹⁴ Х. А. Моора. Некоторые вопросы археологического исследования Прибалтики. КСИИМК, вып. XLII, 1952, стр. 32, рис. 6; 6.

¹⁵ Р. Индреко. Pronksiaja asulaleid Asvas. Tartus, 1934, рис. 8 и 12.

¹⁶ Б. А. Рыбаков. Раскопки во Вщиже в 1948—1949 гг. КСИИМК, вып. XXXVIII, 1951, стр. 35.

¹⁷ Z. Pieczyński. Formy i przybory odlewnicze z grodu kultury tużyckiej w Biskupinie. Poznań, 1950, стр. 128.

¹⁸ R. Šnoge. Izrakumi Doles pag. Kļāņu pilskalnā. Senatne un māksla. Rīgā, 1936, I, стр. 65, рис. 1.

а основание иногда имеет с наружной стороны выступ. Чаще всего стенки кверху суживаются и являются слегка выпуклыми.

Все формы сделаны очень аккуратно и тщательно. Если взять в качестве примера форму для отливки гривен или браслетов и представить себе процесс ее изготовления, то, по-видимому, он начинался от раскатывания воска в тонкий валик. Может быть, этот валик даже отжимали в какой-нибудь предварительной форме, чтобы он имел по всей своей длине одинаковый диаметр. (Диаметр отлитых шейных гривен, браслетов и слитков или булавок не превышал 4—7 мм.) После того валик смазывали глиняным тестом и формовали сомкнутый круг.

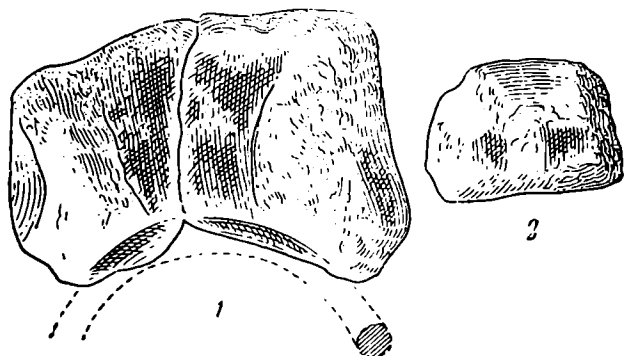

Рис. 4

1 — литник глиняной одноразовой литейной формы (по Печинскому); 2 — положение концов шейной гривны глиняной одноразовой литейной формы (по Печинскому)

Концы гривны или браслета подходили близко друг к другу, но не смыкались: они упирались в глину, как это видно по фрагменту литейной формы из Тервете и по Бискупинским находкам (рис. 4, 2). В середине отливаемого изделия сверху формы, а иногда сбоку, формовали цилиндрический литник с расширенной воронкообразной литниковой чашей (рис. 4, 1).

Находки подобных литников и застывшей в литнике бронзы мы имеем также из Бискупина¹⁹. Готовые формы сушились и хорошо обжигались. Место литника заметно на браслете из Клангюкалнса (рис. 2, 2).

Формы заливали цветным металлом, расплавленным в тиглях. Следует отметить, что тигли из Клангюкалнса и из Асоте оказались мискообразными (рис. 2, 3), с круглым или уплощенным дном, емкостью 30, 50 и 175 см³ воды. В самом большом из этих тиглей (из Клангюкалнса) можно было расплавить около 1500 г бронзы. Так как их обычно наполняли только на половину или на две трети высоты (как это видно по линии уровня оплавления), то в один прием расплавляли примерно до 1 кг бронзы. Если в среднем вес браслета составляет около 50 г, секир — 150 г (Приекулес Калеи), вес кельтов (большого размера) — 250—300 г, то из одного тигля можно было отлить несколько топоров или до десяти браслетов (отходы шли в лом).

Тигли изготовлялись из глины, с примесью тонко- и среднезернистого песка. Их наружные стенки не оплавлены, не деформированы и не пузыристы. Надо полагать, что они сделаны из достаточно огнеупорной глины, которую на территории Латвии не так просто найти, так как она крайне редка²⁰. Прямые параллели мискообразным тиглям имеются на Нижней Волге²¹.

Металл из больших тиглей, по-видимому, черпали льячками. Льячки этого периода на территории Латвии пока не найдены, но надо полагать, что они были похожи на лужицкие из Бискупина²² и дьяковские²³. Это обычный тип льячки с втулкой, характерный и для более поздних археологических памятников.

Исходным материалом для отливки предметов из бронзы являлись

¹⁹ Z. Pięczyński. Ук. соч., стр. 113—131, рис. 2-а, 4, 8, 10, 15, 16.

²⁰ J. Eiduks. Pētījums par Latvijas PSR māliem. Latvijas PSR ZA Geologijas un geografijas institūts. Paksti I, Rīgā, 1947, стр. 229.

²¹ В. П. Шилов. О древней металлургии и металлообработке в Нижнем Поволжье. МИА, № 60, 1959, стр. 18 и 38.

²² Z. Pięczyński. Ук. соч., рис. 19.

²³ П. Н. Третьяков. Восточно-славянские племена. М., 1953, стр. 84, 94.

слитки этого металла. Находки слитков бронзового века в Латвии пока еще не известны. На территории Литвы к этому периоду относятся восемь бронзовых прямых слитков, треугольного или сегментовидного сечения²⁴, длиной от 3/0 до 4/0 мм. Один слиток известен также из Асвы²⁵. Что в этот период бронзовые слитки могли иметь разнообразное сечение, видно покладам бронзового века на территории Польши²⁶.

Трудоемкая техника литья по восковой модели, требующая больших навыков, специализированных инструментов и оборудования рабочего места, а также находки литейных форм и тиглей вокруг одного очага (Асва)²⁷ указывает на то, что уже в самом начале литьем занимались специалисты этого дела.

По материалам литейного дела, как и по другим материалам I тысячелетия до н. э., можно судить о межплеменных связях местных балтийских и финских племен с племенами дунайских земель и лужицкой культуры, а также с племенами срубной и дьяковской культуры Поволжья.

Литейные формы в I тысячелетии н. э. С середины I тысячелетия до н. э. местные племена начали осваивать железо. Черный металл стали применять для изготовления орудий труда и оружия, а иногда и для украшений: булавок, браслетов и фибул. Сплавы цветных металлов стали применять главным образом для изготовления украшений, численность которых сильно увеличивается. Из украшений III—IV вв. надо упомянуть шейные гривны с раструбовидными массивными или полыми концами и с конусовидными пуговками на концах, подвески, браслеты, булавки и перекладчатые фибулы. Последние часто покрыты полудой. Лужение поверхности бронзовых изделий на территории Латвии наблюдается впервые в III—IV вв. Появляются ажурные украшения и украшения с цветной эмалью, ранние арбалетные фибулы и украшения из цепочек.

Ассортимент украшений из бронзы в первой половине I тысячелетия н. э. был разнообразным, а выполнение работы стояло на высоком уровне. Почти все украшения изготовлены путем литья по восковой модели. Украшения богато орнаментированы. В связи с этим обработка восковой модели, на которую наносился геометрический орнамент, значительно усложнилась.

Более широко начинали применять и отливку с последующей проковкой и некоторыми другими приемами обработки металла — например, перекручиванием металлического стержня четырехгранного сечения. Таким образом получали ложновитую поверхность²⁸. Цепочки изготавливались из колечек кованой проволоки обычно трехгранного сечения, и только изредка небольшие цепочки из нескольких звеньев изготавливались из проволоки круглого сечения.

К сожалению, нам неизвестны хотя бы в обломках литейные формы этого периода.

Тигли первой половины I тысячелетия н. э. найдены на поселениях Кивты²⁹ и Дигная³⁰. В большинстве случаев это сравнительно небольшие сосудики в виде горшочков с шейкой и отогнутым венчиком на 10—20 г воды, но есть и на 70 г. Днища тиглей чаще всего бывают круглодонными, но встречаются и прямые. Тигли обычно снаружи сильно оплавлены. Параллели тиглям такой формы известны из Райковецкого городища, но там они

²⁴ P. Kulikauskas. Iš metalu panaudojimo Lietuvoje istorija. Iš Lietuvių kultūros istorijos, II, Vilnius, 1959, стр. 6, рис. 2.

²⁵ А. К. Вассар. Ук. соч., рис. 41, 11.

²⁶ Wl. Szafranski. Skarby brązowe z epoki wspólnoty pierwotnej. Warszawa, 1955, табл. 31, и стр. 127—128.

²⁷ А. К. Вассар. Ук. соч., стр. 117.

²⁸ Шейная гривна из Саукас Разбуки; фонды МИЛ, инв. № RLB—383.

²⁹ Раскопки Э. Д. Шноре в 1957—1958 гг. См. Е. Šnore. Izrakumi armetnē un kapulaukā Ludzas rajona Kivtu ciema Lielajā Apariņās. Referātu tezes sinātniskajai sesijai, Rīgā, 1959, стр. 21—23.

³⁰ Е. Šnore. Dignājas pilskalns. Senatne un māksla, 1939, IV, Rīgā, рис. 13, 16, 17.

датируются XII—XIII вв.³¹ Встречаются и единичные цилиндрические тигли в поселении Кивты, но они более характерны для последующего времени. Накаленные тигли захватывали железными клещами, отпечатки которых имеются на многих фрагментах. Из тигля с отогнутой шейкой удобно было наливать металл иногда прямо в форму или в льячку. На Кивтском поселении найдены впервые пять фрагментарных льячек, вместимостью около 2,4 и 10 см³ воды. Льячки вылеплены из довольно жирной глины, иногда с примесью крупнозернистого речного песка; они хорошо обожжены, но не оплавлены. Ручки льячек имеют отверстие для вставки деревянного стержня и уплощенную нижнюю поверхность.

Во второй половине I тысячелетия н. э. украшения, которые являлись дополнением к одежде, а иногда и частью самой одежды, также продолжали изготавливать из бронзы, но наряду с бронзовыми появляются и мелкие литые изделия из оловянисто-свинцовых сплавов³², которые, как правило, очень плохо сохраняются. Для украшений более зажиточной верхушки населения стали использовать драгоценный металл — серебро, о чем нам известно покладам серебряных гривен и другим находкам серебряных изделий. Иногда бронзовые украшения покрывались серебряными орнаментированными пластинками.

Многие украшения, известные в предшествующий период, в это время исчезают. Появляются новые формы, которые нередко развиваются дальше вплоть до XII и даже до начала XIII в. К ним относятся металлические венчики, бронзовые украшения ткани, в особенности шерстяных вилайне (вид женской наплечной накидки)³³. Излюбленным видом женского украшения являются шейные гривны, браслеты, нагрудные украшения из рядов цепочек, булавки и перстни. Мужская одежда также дополнялась фибулами, браслетами, перстнями и поясным набором.

Если пересмотреть типы украшений из бронзы с точки зрения техники их изготовления, то видно, что отчасти продолжается литье по восковой модели; таким приемом отлиты, например, булавки, арбалетные фибулы, поясные пряжки, держатели и разъединители цепочек. Начиная с VI—VII вв. все больший удельный вес получаетковка цветного металла. Наряду с ковкой применяется чеканка и гравировка орнамента, тиснение тонкой пластинки и перекручивание четырехгранного стержня для получения ложновитых изделий.

Шейные гривны или заготовки к ним продолжали отливать по выплавляемой восковой модели. Потом путем проковки получали гривны с заходящими уплощенными концами и ложновитыми концами. Металлографические исследования шейных гривен подтверждают такой прием работы. На поселении Кентескалнс, площадью в 17 060 м², найдено 46 фрагментарных литейных форм для отливки шейных гривен или подобных им слитков круглого сечения (рис. 2, 4; 3). Вышеупомянутые литейные формы, относящиеся к VI—VIII—IX вв. ничем существенным не отличаются от таких же форм I тысячелетия до н. э., но некоторые имеют более тонкие стенки.

Коваными, с последующим отжигом, являются в большинстве случаев все виды браслетов как пластинчатые фигурного сечения, ленточные, так и массивные — манжетообразные, полые, украшенные насечкой, а также браслеты мужские (полые фигурного многогранного сечения и массивные трехгранного, многогранного и трапециевидного сечения). Многие виды украшений изготовлены из кованой проволоки трехгранного и сегменто-

³¹ В. К. Гончаров. Райковецкое городище. Киев, 1950, табл. XVI.

³² Сердцевидные подвески на поселении Кентескалнс, датируемом VI—VIII вв. Раскопки А. Стубава в 1954—1958 гг. См. А. Stuba v s. Amatniecība 6.—8. gs. pēc arheologiskiem atradumiem Kentes pilskalnā un apmetnē. Archeologija un etnogrāfija, 1, Rīgā, 1957, стр. 25, рис. 7.

³³ Подробный анализ этого вида тканей см. в этом номере в статье А. Зариня «Вилайне латгалов с VII—XIII вв.».

видного сечения: цепочки, спиральные перстни, спиральные пронизки для венчиков и украшения шерстяных тканей. Из кованой пластинки изготовлялись колокольчики.

Дляковки всех перечисленных видов украшения требовалось большое количество слитков-заготовок. Их отливали на месте из привозного сырья. В селище Кентескалнс найдено восемь фрагментарных форм для отливки прямых слитков трапециевидного или полукруглого сечения. Эти формы изготовлены из глины, с большой примесью песка и обожжены. Они являются формами открытого типа, используемыми для отливки многократно. Сечение формы — близкое к квадратному или трапециевидному, высота — около 45 мм, ширина — около 55 мм. Эти формы являются пока древнейшими находками глиняных открытых форм на территории Латвии.

Кроме того, на том же поселении найдена и древнейшая каменная (известняковая) форма, датируемая VIII или началом IX в. для отливки конусообразной массивной пуговки (рис. 2, 5). Можно предполагать, что подобная пуговка отливалась из оловянисто-свинцового сплава, так как аналогий таких пуговок среди бронзовых изделий пока не имеется. Форма найдена в немного поврежденном виде, поэтому неизвестно, был ли врезан литник или же она являлась формой открытого типа и заливалась в горизонтальном положении, прямо сверху.

Тигли во второй половине I тысячелетия, в особенности в конце этого периода, встречаются на всех поселениях. В основном они цилиндрической формы, с круглым днищем и довольно толстыми стенками. Иногда встречаются также тигли грушевидной или пирамидальной формы, тоже круглодонные³⁴. Из подобных тиглей удобно было заливать металл прямо в форму (может быть, по этой причине и редки находки льячек). На поселении Кентескалнс обнаружено всего три льячки. Одна из них — круглой формы с втулкой, емкостью около 4 см³, две остальные³⁵ имеют маленькую плоскую ручку без втулки и, возможно, использовались для разлижки оловянисто-свинцовых сплавов.

Литейные формы начала II тысячелетия. В это время на территории Латвии в основном продолжали существовать и развиваться те же самые типы бронзовых украшений, которые были распространены во второй половине I тысячелетия н. э. Еще большее применение получилаковка украшений. Кованые изделия являются более легкими и эластичными по сравнению с литыми, а вместе с тем и более прочными. Орнамент на готовом изделии получали такими же способами, как и в предшествующем периоде — путем чеканки пуансонами кружочков, треугольников, ромбов, приемами гравировки, тиснения, штамповки, насечки и нарезки.

Из числа украшений в это время исчезли литые арбалетные фибулы и костылевидные булавки. На их место уже начиная с IX в. пришли подковообразные фибулы из бронзы, в особенности очень простые по технике изготовления и самые массовые из мелких изделий вообще³⁶ подковообразные фибулы со спирально завитыми концами. Они изготовлялись путемковки, часто украшались гравированной волнистой линией. В мужских погребениях встречаются более массивные подковообразные фибулы с фигурно отделанными концами и более сложным орнаментом. Частично эти последние фибулы являются литыми. С появлением волооченой проволоки — около XI в.³⁷ возник новый вид гривен — витые гривны из трех проволок. Самым излюбленным типом гривен в Восточной Латвии являлись

³⁴ A. Stubavs. Amatnieciba..., стр. 26 и табл. I, 15, 16.

³⁵ Там же, табл. I, 7.

³⁶ Нукшинский могильник, под ред. Э. Д. Шноре и Т. Я. Зейда. Одежда и украшения. МИА ЛатвССР, т. I, Рига, 1957, стр. 35. В Нукшинском могильнике на 218 погребений найдено 200 подковообразных фибул, из них 187 со спирально завитыми концами.

³⁷ В древней Руси волочение проволоки вместоковки появляется не позже X в. См. Б. А. Рыбаков. Ук. соч., стр. 330.

гривны с уплощенными концами³⁸, а наряду с ними ложновитые. Браслетов насчитывается несколько типов: ленточные, часто со звериными головками на концах, спиральные и очень массивные мужские полукруглого, трапециевидного или треугольного сечения.

В большом числе представлены разного вида подвески: птички, коньки, гребешки, крестики и особенно в восточной части Латвии — пластинчатые трапециевидные подвески. Перстни встречаются главным образом спиральные, много перстней с пластинчатой серединой, меньше витых. Спиральные перстни и спиральные пронизки также отчасти изготовлены из волооченой проволоки. Цепочки сделаны только из волооченой проволоки. Гривны и браслеты в основном изготавливали путемковки. Трапециевидные подвески всегда бывают только коваными, а все остальные подвески (кроме части круглых и квадратных XII—XIII вв., с тисненым украшением) — литыми.

Бляшки поясного набора изготавливали как литьем, так и ковкой. Пряжки обычно бывали литыми, а пластинки очень часто коваными, но встречаются и литые пластинки и пуговики. В табл. 2 перечислены все литейные формы I — начала II тысячелетий и единичные находки форм до середины II тысячелетия.

Таблица 2

Материал	Место находки													Всего		
	Кентес-калнс* VII—VIII вв. н. э.	Талси	Тукумс	Тервете*	Межотне	Земгале	Даугмале	Асоте*	Ерсика	Олинь-калнс*	Кишу-калнс*	Индрица	Балткап		Екабпилс-ский р-н Сунакстес Лапсас	Ст. Рига
	VI—VIII—IX вв.	XI—XIII вв.										XV—XVI вв.	X—XI—XV—XVI вв.			
Глина	10	2	—	—	—	—	—	5	—	1	2	—	—	—	—	21
Камень	1	6	1	31	7	1	5	—	5	—	—	—	—	1	13	72
Металл	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1

* Формы временно хранятся в ИИЛ, формы из г. Риги хранятся в фондах Рижского Исторического музея, все остальные хранятся в фондах МИЛ.

Если к I тысячелетию до н. э. относятся 34 литейные глиняные формы, к I тысячелетию н. э. — 59 литейных форм (из которых одна каменная), то форм, относящихся к первой половине II тысячелетия н. э., на территории Латвии известно уже 83. Из них 9 глиняных: 5 — для отливки слитков³⁹ (рис. 2, 13) и 4 — для отливки различных украшений. Эти формы предназначались для отливки крестика и пуговики с ушком⁴⁰, перстней или кружков для поясного набора⁴¹, пластинки от поясного набора⁴².

Каменных форм имеется 72, из них только несколько открытых, без литника. Большинство форм двухстворчатые, с вырезанными литником и тонкими вентиляционными каналами, две формы (из Риги) — трехстворчатые. Изготовлены каменные формы из доломита или известняка, реже из песчаника и других пород камней. Средние размеры форм 50—70 × × 35—50 × 10—20 мм. Для заливки обе половины формы складывались вместе и помещались в песок (по-видимому, в вертикальном положении). Обычно формы, за исключением нескольких, не имеют отверстий для

³⁸ Нукшинский могильник, стр. 35.

³⁹ Раскопки Э. Мугуревича в 1959 г. ИИЛ, инв. № Ол. 95—99/1959. По одной форме из Талси и Олинькалнса для слитков длиной до 400 мм полукруглого сечения и три для коротких слитков круглого сечения (Асоте 2, Талси 1).

⁴⁰ Двухстворчатые, Кишукалнс, № 197 и 164 (1959).

⁴¹ Балткап; МИЛ, № 17 204.

⁴² Маленькая мискообразная открытая форма, Асоте, № 148 (1953).

вставки в них металлических штифтов для скрепления створок. Изображение отливаемого изделия чаще всего вырезано только с одной стороны плитки. Но бывают случаи, когда использовались две и даже все четыре стороны формы.

Так как каменные литейные формы являлись одним из главных инструментов литейщика, надо полагать, что они изготовлялись самим мастером.

На городище Тервете в одном сооружении XI—XII вв. найдено 19 литейных форм и заготовок к ним⁴³. В каменных литейных формах можно было отливать мелкие изделия в более массовом количестве и с наименьшей затратой времени, чем в одноразовых глиняных, и отливка также получалась более точной. В некоторых каменных формах отливались в один прием по нескольку изделий (до 11 пуговок вместе со штифтом) (рис. 2, б).

В каменных литейных формах отливались пластинки к поясному набору и для украшения кожаных изделий вообще (конской сбруи, ножен и т. п.), подвески к ожерелью или одежде, перстни, пуговицы, зернь, а в XIV—XV—XVI вв.—сакты или круглые фибулы (рис. 5 и 6, 31—34). Поясные пластинки чаще всего отливались в виде мелких розеток и пуговок, иногда украшенных имитацией зерни (рис. 5, 1—19). Много таких форм найдено на Терветском и Талсинском городищах (см. рис. 2, 10—11). Близкие аналогии розеткообразным пластинкам известны в находках на поселении у городища Кишукалнс Лудзенского района ЛатвССР (фонды ИИЛ, Киш. 28/1959); имеются они и в Литве в могильнике Вершвай XI—XIII вв.⁴⁴, где мелкими и крупными серебряными розетками украшена конская уздечка. Аналогии к ним имеются также в находках Старой Риги⁴⁵. Так, в мужском погребении № 7 могильника XIII—XIV вв. у церкви Петра найден кожаный пояс, украшенный 72 розеткообразными (диаметром 8 мм) и 104 круглыми оловянными пластинками (диаметром 5 мм). Таким же способом в три сплошных ряда оловянных пуговок и тремя розетками украшены ножны кинжала.

Форму для отливки квадратной пластинки с выступающей полушарообразной пуговкой, усыпанной зернью, найденной в Старой Риге, по внешнему облику и характеру можно причислить к типу киевских имитационных форм (рис. 5, 21)⁴⁶, хотя прямой аналогии нет. Кроме упомянутых типов пластинок, отливались восьмеркообразные и четырехугольные пластинки (рис. 5, 27—31 и 33—37). На городище Межотне найдены две бронзовые пластинки, отлитые в форме, воспроизведенной на рис. 5, 24, 25. Можно также упомянуть формы с вырезанной восемь раз плоской круглой подвеской (рис. 6, 1—4, 9) и подвесками в виде птички (рис. 6, б) и гирьки. Пять раз в каменной форме вырезан перстень или заготовка к нему (рис. 6, 13, 15, 16). Чаще всего отливались пуговицы (рис. 6, 10, 11, 12, 17—27, 29, 30). Иногда в форме отливались также мелкие шарики зерни, хотя изделий, покрытых зернью, не имеется (рис. 6, 28). Среди форм имеется большое число крышек, на которых также вырезана литниково-вентиляционная система.

Трехсоставная массивная форма из Старой Риги (рис. 2, б; 6, 17—27) для отливки 11 пуговок и двухсторонняя форма из Даугмале для отливки полушаровой пуговицы и шариков (рис. 6, 11) имеют прямые аналогии в находках из Гродненской крепости XIII—XIV вв.⁴⁷. Они являются пока-

⁴³ E. Brīvkalne. Tērvetes pilskalna archeologiskie izrakumi, 1958 g. Referātu tezes zinātniskai sesijai, Rīgā, 1959, стр. 37.

⁴⁴ Lietuvių Liaudies Menas (Литовское народное искусство). Вильнюс, 1958, стр. 560—561.

⁴⁵ T. Pāvele. Pārskats par archeologiskiem izrakumiem Rīgā, 1957. Rīgā, 1959, стр. 33—34.

⁴⁶ Б. А. Рыбаков. Ук. соч., стр. 273—278; Г. Ф. Корзухина. Ук. соч., стр. 227; М. К. Каргер. Древний Киев. М., 1958, стр. 383—384, табл. III—VII.

⁴⁷ Н. Н. Воронин. Древнее Гродно. МИА, № 41, 1954, стр. 174, рис. 95, 4.

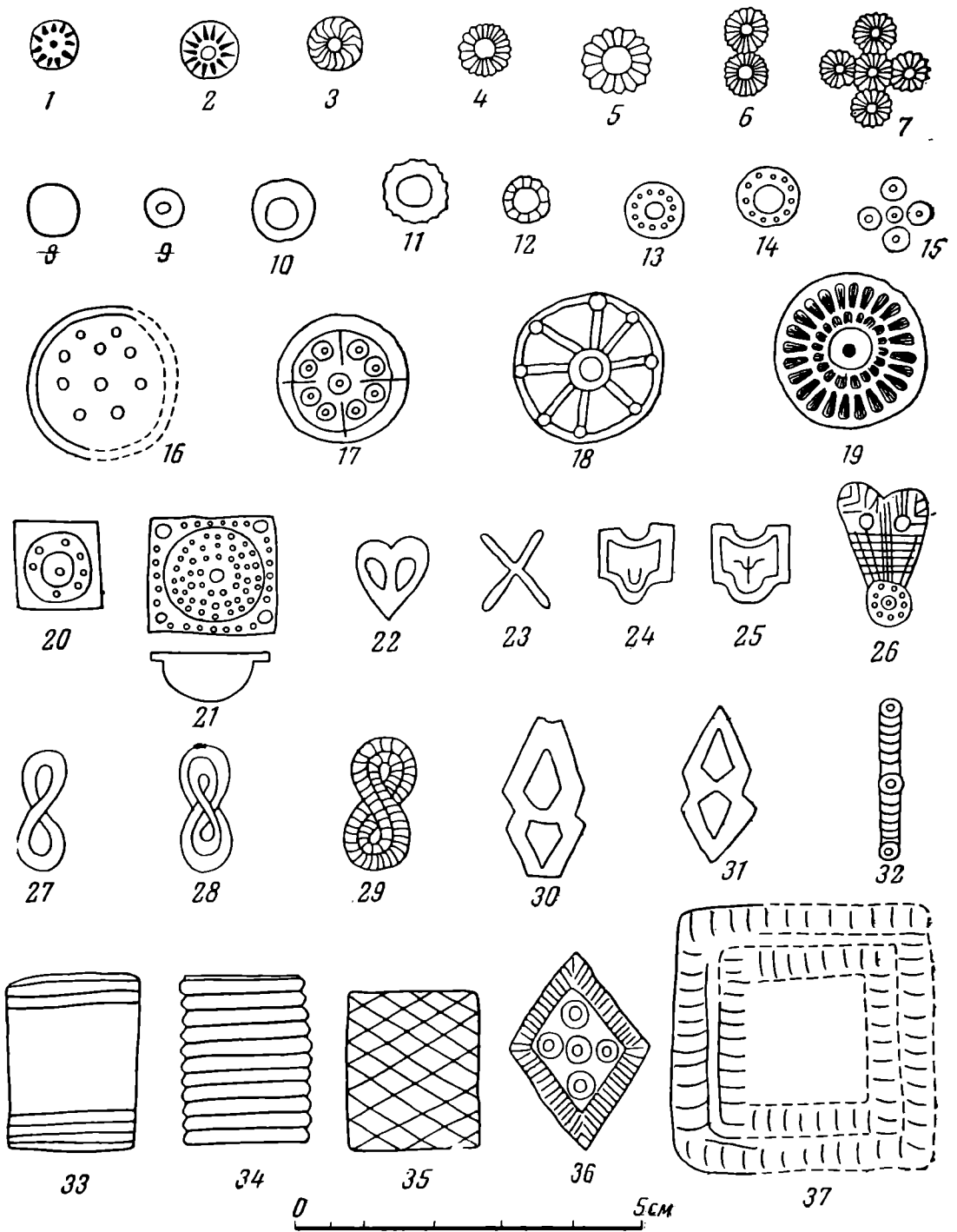
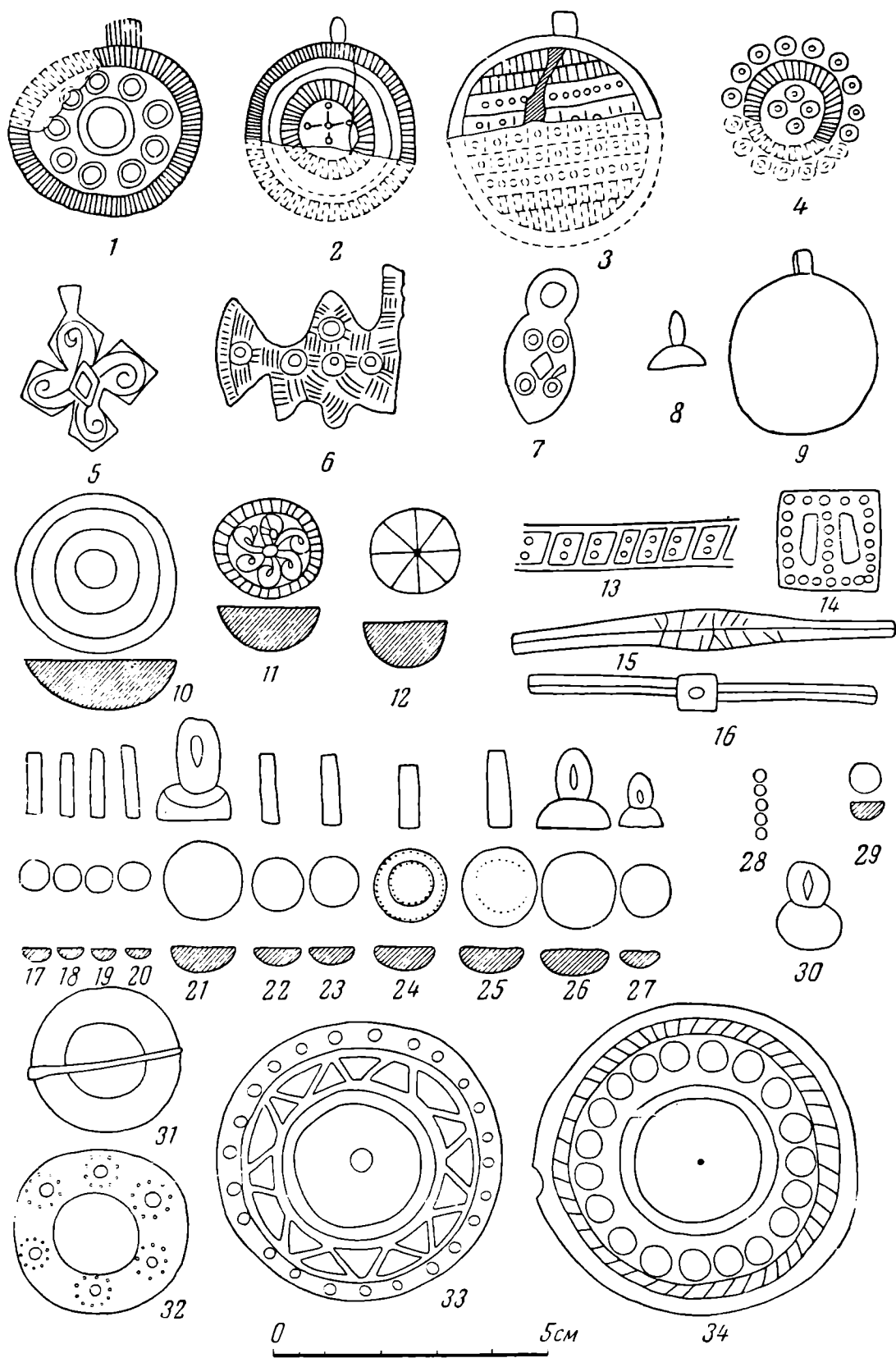

Рис. 5. Каменные литейные формы для отливки пластинок (№ 20 — глиняная форма)
 1 — 3, 32, 34 — Даугмале; 4—7, 13, 15, 26, 36, 37 — Тервете; 8—10, 14, 22—23, 33 — Индрица;
 16, 19 — Талси; 17 — Тукумс; 18, 35 — Иерсика; 20 — Асоте; 21, 30, 31 — Старая Рига; 24, 25,
 27—29 — Межотне

зателями высокого уровня мастерства по изготовлению форм, так как здесь по-новому (хотя и в каждом случае по-разному) разрешена проблема центровки и прочного скрепления трех или двух створок формы. В первом случае целой системой штифтов скрепляются три створки — две из них трапециевидные, ставятся на третью часть — четырехугольную плитку. Форма объемная, большая, прекрасной работы; при литье она устанавливалась на ровную поверхность, а не в песок. Форма из Даугмале также технически хорошо выполнена, скрепление обеих створок получалось таким образом, что одна половинка формы укладывалась во вторую.

Ри 6. Каменные литейные формы для отливки подвесок, пуговиц, перстней, прлжек, зерни и фибул (5 и 8 — глиняные формы)

1—4, 6 — Тервете; 5, 8 — Кишукалис; 7 — Земгале; 9—13, 17—27, 30—32, 34 — Старая Рига; 11, 28 — Даугмале; 14 — Межотне; 15, 16, 29 — Иерсика; 33 — Екабпилский район (Сунакстеп Лапсас)

Орнамент, вырезанный в камне, состоял из рифленой каймы или оконтуривавших предмет линий, а в некоторых случаях и двойной каймы. На розеткообразных пластинках прямыми или ломаными линиями нанесены лепестки. У четырехугольных пластинок рифлеными являются иногда только концы или вся поверхность; в ряде случаев они все заштрихованы косой сеткой. Для украшения использовались также врезанные кружочки и мелкие точки, которыми на изделии имитировали зернь. Последняя встречается реже.

В каменных литейных формах отливалась продукция из бронзы и оловянисто-свинцовых сплавов⁴⁸, а иногда и из серебра. К тому же выводу относительно продукции, отлитой в имитационных формах, пришла Г. Ф. Корзухина⁴⁹.

При изготовлении и устройстве формы известное отношение к качеству отливки имела и длина литника, так как при более длинном литнике увеличивается гидростатическое давление струи металла, но увеличивается и вес металла, застывшего в литнике, который после попадает в лом. Для маленьких поясных розеткообразных пластинок литник иногда делался даже в четыре раза длиннее диаметра самого предмета. Получался большой расход металла, так как полезный процент отливки составлял лишь 12% веса всего залитого в форму металла. Полезный процент веса был экспериментально рассчитан для восьми изделий. Для мелких плоских розеткообразных или четырехугольных пластинчатых изделий полезный процент веса получался 12—28%, для пуговиц — 50—60%. Всего экономнее израсходован материал для более поздней круглой пластинчатой фибулы — 97%⁵⁰.

На территории Латвии известна и одна металлическая литейная форма из городища Тервете, относящаяся к XII—XIII вв. (рис. 2, 12). Форма изготовлена из бронзы и предназначалась для отливки двух слитков. После отливки на каждом слитке оставалась метка (клеймо). Находки металлических форм редки по всей территории древней Руси; их пока известно только 3 экз.⁵¹ Это самые прочные и точные литейные формы.

Почти на всех городищах и поселениях II тысячелетия н. э. обнаружены тигли, но только на некоторых из них найдены и льячки. Тигли обычно цилиндрической формы, с круглым, реже острым дном и довольно толстыми стенками. Они изготовлены из местной красноватой полуголеупорной глины, поэтому иногда сильно оплавлены. На городище Асоте в мастерской литейщика XII в. встречается и более прогрессивный тип тиглей. Это овальной или яйцевидной формы фрагментарные тигли-лячки, иногда полузакрытые сверху, со сливом и короткой плоской ручкой без втулки. Аналогии таким тиглям известны из Новгорода⁵², древнего Киева⁵³ и Новотроицкого городища⁵⁴.

В слоях XII—XIII вв. городища Асоте обнаружено некоторое количество тонкостенных цилиндрической формы круглодонных тиглей (толщина стенок — 3,4 мм) прекрасного обжига. Они изготовлены из светлой огнеупорной глины. На некоторых обломках тиглей с внутренней стороны видны застывшие капельки белого сплава. По данным спектрального анализа⁵⁵, оказалось, что в такого типа тиглях плавляли серебряные и биллоно-

⁴⁸ В Асоте имеется только 16 изделий из оловянисто-свинцовых сплавов, когда бронзовые изделия исчисляются несколькими сотнями.

⁴⁹ Г. Ф. Корзухина. Ук. соч., стр. 227.

⁵⁰ A. Anteiņš. Latvijas senās akmensveidnes. LPSR ZA Vēstis. Rīgā, 1960, стр. 49—50.

⁵¹ Г. Ф. Корзухина. Ук. соч., стр. 224.

⁵² Материалы из раскопок Новгородской экспедиции, под руководством А. В. Арциховского; фонды Ин-та археологии АН СССР.

⁵³ М. К. Каргер. Древний Киев. М., 1958, стр. 401, рис. 92.

⁵⁴ И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое. МИА, № 74, 1958, табл. ХС и стр. 218.

⁵⁵ Спектральный анализ 21 тигля, выполнен Ю. Л. Шаповой в лаборатории спектрального анализа исторического факультета МГУ, в 1959 г., архивный № таблицы — 175.

вые сплавы. В ряде случаев на стенках тиглей с внешней и внутренней сторон имеются стпечатки ткани, со складками и швом (Кишукалнс, № 59, 1956 г.). Очевидно, такие тигли вылепливались в льняных мешочках. Может быть, этот прием предохранял тигли от растрескивания во время сушки.

Обычных глиняных и неоплавленных льячек, датированных началом II тысячелетия, известно восемь: по одному экземпляру с городищ Талси, Асоте, Тервете и пять — обломанных с городища Кишукалнс. Одни льячки сделаны из жирной глины, без примесей песка, другие, наоборот, с большой примесью песка. Льячки употреблялись только для разлива металла, за исключением особых тиглей-лячек (Асоте), в которых металл расплавлялся и сразу заливался в формы.

Для изготовления многочисленных бронзовых, а отчасти оловянисто-свинцовых и серебряных изделий требовалось большое количество слитков металла. Судя по находкам форм для отливки слитков и самим слиткам, например, из клада бронзовых слитков, найденном еще в прошлом веке в Лубанас Эргали (Мадонский район) (рис. 2, 14)⁵⁶, в котором имеется 50 слитков (первоначально их было около 100); слитки обычно были полукруглого сечения. Их размеры: длина — около 400 мм, ширина — 11—14 мм, высота — 6—11 мм, вес — в среднем около 200 г. Клад отнесен Ф. Балодисом к IX—XII вв.⁵⁷

Можно предполагать, что в обмен шли бронзовые слитки именно этого типа. Отливались они в глиняных односторонних формах. По весу они близки к серебряным слиткам X—XI вв.⁵⁸, весящим также около 200 г. Можно предположить, что маленькие слитки иного сечения являлись заготовками, отлитыми местными мастерами, может быть, даже из переплавленного лома.

Вес бронзовых слитков (165—255 г) является также близким к весу таких широко распространенных изделий, как шейные гривны и массивные браслеты. Некоторые из них изготовлялись из одного слитка — например, шейная гривна с трапециевидными подвесками весит около 250—265 г, а более легкая — около 150 г. Массивный «воинский браслет» весит также около 250—265 г. Браслет со звериными головками весит только около 40 г.

На территории Латвии в настоящее время известно только около десяти мастерских, обнаруженных на древних поселениях начала II тысячелетия н. э. Следует отметить, что специальные печи-горны вошли в употребление только с X в., а до этого использовались очаги. Для получения высокой температуры — около 1000° — применялись меха с глиняными соплами для искусственного дутья. Обломок сопла найден на поселении Кивти.

* * *

Подведем некоторые итоги. На территории Латвии изделия из бронзы отливались главным образом в одноразовых формах по выплавляемой восковой модели. Имеется некоторое основание предполагать, что орудия труда и оружие отливались в глиняных двустворчатых формах, если не в каменных. Во второй половине I тысячелетия до н. э. все более прочно внедряется местная черная металлургия и соответствующая металлообработка. Литейщик получает новые железные и стальные инструменты. В I тысячелетии н. э. цветные металлы использовались в основном для изготовления украшений. Бронзовые украшения на территории Латвии были широко распространены. Уже в первых веках нашей эры появляются некоторые местные формы украшений, которые развиваются далее. В первой половине I тысячелетия н. э. первое место в технике обработки бронзы

⁵⁶ Фонды МИЛ, инв. № CVVM — 60 626.

⁵⁷ F. Balodis. Mākslas pieminekli latviešu 9.—12 gs. apmetnēs un kapos. Senatne un māksla. Rīgā, 1936, IV, стр. 140—141.

⁵⁸ R. Šnore. Par vēlā dzelzs laikmeta sudraba atradumiem Latvijā. Senatne un māksla, Rīgā, 1938, стр. 94—125.

все еще занимало литье по восковой модели. Во второй половине I тысячелетия эта техника не исчезает, хотя наряду с ней входит в обиход литье в открытых глиняных формах (слитки). С развитием земледелия и имущественного неравенства, с появлением классов развивается и обработка драгоценных металлов — в первую очередь серебра. Техника проковки, чеканки, гравировки и тиснения получает дальнейшее развитие. В бронзолитейном деле Латвии во II и I тысячелетиях до н. э. прослеживаются связи с лужицкой, срубной и дьяковской культурами. В I тысячелетии и начале II тысячелетия н. э. все более прочными становятся связи с древней Русью. Наблюдается много общих черт в литейном деле, в распространении нового вида инструментов литейщика и новых технических приемов, каменных литейных форм, тиглей-лячек и т. п.

Однако некоторые виды техники ювелирного дела, особенно распространенные на Руси, на территории Латвии не получили развития, это: зернь, скань, чернь, эмаль и литье в имитационных формах. Правда, скань иногда применялась при изготовлении некоторых видов витых перстней и браслетов, подковообразных фибул и ложновитых шейных гривен, но не раньше XII в. Чернь известна в Риге, главным образом с XIV в. В связи с завоеванием территории Латвии в XIII в. немецкими захватчиками и уничтожением ремесленных центров на городищах и на большинстве селищ почти прекращается местная обработка цветных металлов и наблюдается резкий упадок всей материальной культуры. Дальнейшее развитие ремесла происходило главным образом в Риге, но оно уже находилось под все возрастающим влиянием прибывших сюда немецких ремесленников, которые навязали и свою организацию ремесла.

НОВАЯ ДАТИРОВКА ПАМЯТНИКОВ ЕНИСЕЙСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Памятники енисейской тюркоязычной письменности распространены на территории Хакасско-Минусинской котловины и Тувы, т. е. в бассейне верхнего и среднего течения р. Енисея. Впервые они были открыты в 1721—1722 гг. экспедицией Д. Г. Мессершмидта¹, посланного Петром I для изучения Сибири. Именно Д. Г. Мессершмидт назвал тогда ошибочно эту письменность рунической на основании лишь общего поверхностного сходства в начертании знаков со скандинавскими рунами².

В 1889 г. памятники аналогичной письменности были найдены Н. М. Ядринцевым на р. Орхоне в Монголии. Поэтому по месту находок письменность была названа орхоно-енисейской, причем исследователи установили два основных ее варианта, енисейский и орхонский, различающиеся написанием отдельных знаков. В конце 1893 г. эта письменность была расшифрована В. Томсеном и было доказано, что она принадлежала тюркоязычным народам, проживавшим в раннем средневековье в Южной Сибири и Центральной Азии³.

Как известно, среди исследователей до сих пор нет согласия относительно датировки енисейских тюркоязычных надписей. Спорят также и об этнической принадлежности людей, оставивших эти памятники⁴. Все эти вопросы пока оставались неразрешенными ввиду того, что енисейские надписи, в отличие от найденных в Монголии тюркских (начало VIII в.) и уйгурских (еще на орхонском алфавите — вторая половина VIII и начало IX в.) надписей, не имеют ни точных дат в текстах, ни упоминания народов или племен, которые их оставили, ни параллельных текстов на других языках.

Следовательно, датировать их можно тремя путями: 1) палеографически, 2) с помощью анализа встречающихся терминов, связанных с определенным народом или периодом, 3) с помощью археологических данных. Но палеография этого алфавита не разработана именно из-за отсутствия твердых дат. Анализ терминов не всегда возможен и не всегда надежен, хотя и должен быть учтен. Остается путь археологических датировок, и он, как увидим, оправдывает себя.

¹ Выдержки из дневника Д. Г. Мессершмидта см. В. В. Радлов. Сибирские древности, т. I, вып. 1, МАР, № 3, 1888, приложение II и ср. т. I, вып. 2, МАР, № 5, 1891, приложение IX; ср. F. I. Strahlenberg. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia. Stockholm, 1730.

² Наименование «руническая» употребляется в науке и поныне, так как различные варианты этой письменности древних тюркоязычных народов теперь известны от Лены и Забайкалья до Венгрии, Семиречья и Монголии. Правильнее было бы употреблять термин «руноподобная».

³ История открытия и исследования орхоно-енисейской письменности см. А. Н. Бернштам. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII веков. М.—Л., 1946.

⁴ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрок. М.—Л., 1952, предисловие.

Первый переводчик орхоно-енисейских памятников академик В. В. Радлов все известные ему тогда надписи Хакасско-Минусинской котловины и Тувы приписывал «кыргызам-хакасам» и относил их к концу VII или началу VIII столетия⁵. Однако он же опубликовал без комментариев енисейскую надпись («Бён-Чайанг одна монета»), процарапанную на китайской монете династии Тан выпуска (как указывает сам В. В. Радлов) 841 г.⁶ Эта монета с билинговой была обнаружена в 1889 г. в Минусинском музее среди монет, случайно найденных в Хакасско-Минусинской котловине⁷.

Почему В. В. Радлов не придал значения последнему факту — это теперь не существенно, так как монеты такого типа неоднократно выпускались в Китае при династии Тан (618—907 гг.) и в период «У-дай» (907—960 гг.), начиная с 621 и кончая 927 г. Был и специальный выпуск 841 г., но с дополнительным иероглифическим надчеканом на обороте, которого нет на данной монете и потому она точно не датируется или, во всяком случае, ее точная датировка еще должна быть доказана специальным нумизматическим анализом⁸.

Дата енисейских надписей по В. В. Радлову — «конец VII или начало VIII столетия» — обосновывалась автором некоторыми фактами, содержащимися в этих текстах при сравнении их с данными китайских источников (Таншу) и тюркских орхонских надписей начала VIII в.

Наиболее доказательна датировка последним десятилетием VII в. третьего памятника с р. Уйбата (Хакасия, № 32), в котором упоминается «балбал тюркского хана» и имя Тачам («...Один я теперь от Тачама отделился»), т. е. одно из имен восстановившего восточнотюркский каганат Ильтерес-кагана Кутлуга (кит. Гудулу-хан, 682—692 гг.)⁹.

Впоследствии известный тюрколог П. М. Мелиоранский, ссылаясь лишь на «несомненно более архаический характер» енисейской письменности сравнительно с орхонской, отнес енисейские памятники «вообще к VII-му, а может быть, и к VI-му веку» и указал, что они, вероятно, «написаны на другом диалекте»¹⁰.

Продолжатель и ученик В. В. Радлова и П. М. Мелиоранского, выдающийся советский тюрколог С. Е. Малов, осуществивший новые переводы орхоно-енисейских текстов и впервые переведший значительное количество вновь обнаруженных памятников этой письменности, неод-

⁵ W. Radloff. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, III. Lieferung, SPb., 1895, стр. 300—301.

⁶ Там же, стр. 346, с; ср. E. Drouin. La monnaie bilingue de Minoussinsk. Bulletin de Numismatique, т. 1, Paris, 1892, стр. 133—135; см. Э. Р. Рыгдылон. Новые рунические надписи Минусинского края. Сб. «Эпиграфика Востока», вып. IV, М.—Л., 1951, стр. 92 и рис. 8—9.

⁷ Первый об этом сообщил И. Аспелин, бывший в 1889 г. в Минусинске. См. I. R. Aspelin. Die Ienissei-Inschriften. Zeitschrift für Ethnologie, т. 21, Berlin, 1889, стр. 744—746. Аспелин указывает, что это монета 841—846 гг., но кто ее так датировал, не сказано. По указанию Д. А. Клеменца, другая танская монета с тремя руническими знаками была найдена в Минусинском музее еще в 1887 г. См. Д. А. Клеменц. Северо-азиатские рунические письма и чтение их. Иркутск, 1895, стр. 24.

⁸ На монете надпись: «Кайюань тунбао», т. е. «Расходная монета (правления) Кайюань»; оборотная сторона гладкая, без особых отличий. См. Л. Р. Кызласов, О. И. Смирнова, А. М. Щербак. Монеты из раскопок городища Ак-Бешим (Киргизская ССР) в 1953—1954 гг. Уч. зап. Института Востоковедения, т. XVI, М.—Л., 1958, стр. 528; ср. на стр. 532 новое чтение енисейской надписи на этой монете: «чiкiп акча» — «расходная монета». Датировка этой монеты Э. Р. Рыгдылоном (см. Э. Р. Рыгдылон. Ук. соч., стр. 92) ошибочна, так как такие монеты не могут датироваться только периодом правления Кайюань (713—741 гг.). См. также сб. «Эпиграфика Востока», вып. XII, М.—Л., 1958, стр. 71—74.

⁹ W. Radloff. Ук. соч., стр. 302; ср. С. Е. Малов. Ук. соч., стр. 61—64, № 32; ето же. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959, стр. 7—11. См. также А. Н. Бернштам. Ук. соч., стр. 169.

¹⁰ П. М. Мелиоранский. Памятник в честь Кюль-тегина. ЗВОРАО, т. XII, вып. II—III, 1889, стр. 47—48.

нократно высказывался относительно датировки памятников енисейской письменности. В докладе 1926 г. он утверждал, что енисейские надписи «датируются даже двумя-тремя столетиями раньше орхоно-селенгинских», что вызвало возражение акад. В. В. Бартольда¹¹.

Позднее, в работах, вышедших в 1952 г., С. Е. Малов относил енисейские тексты «приблизительно» к V—VI вв.¹² или (в основной публикации) даже к V в.¹³ К сожалению, С. Е. Малов не приводил никаких аргументов или доказательств в пользу предложенных им датировок, и это осознавалось исследователями, имевшими дело с енисейскими надписями¹⁴.

Приведенные выше высказывания В. В. Радлова, П. М. Мелиоранского и С. Е. Малова способствовали распространению среди тюркологов-языковедов убеждения в том, что «енисейские памятники отражают более архаичную разновидность букв, а орхонские (более поздние) характеризуются отработанным их изображением, эволюционировавшим около двухсот лет» и что «сравнительно с орхонскими они являются более древними и, как самые ранние образцы древнетюркской письменности (разрядка моя.—Л. К.), могут послужить в качестве своеобразного эталона при описании мертвых и живых языков, а также при восстановлении их истории»¹⁵.

Как увидим далее, взгляды такого рода являются ошибочными. Их можно объяснить отсутствием точной датировки памятников енисейской письменности, а также отчасти отсутствием исторического подхода к этим памятникам. Последнее наиболее ярко выразилось в отнесении всех енисейских надписей только к V или V—VII вв. (иногда к VI—VIII вв.)¹⁶. Отчего тюркологи-языковеды не допускали мысли, что часть этих надписей могла появиться на Енисее в IX—XI вв. или даже позднее? Разве логично считать, что древние хакасы, руководимые кыргызами¹⁷, у которых эта письменность, согласно датировкам тюркологов, появилась еще в V в., затем в VII или VIII в. передали ее орхонским тюркам, а сами остались бесписьменными как раз в период расцвета их государства в IX—XI вв.?

Как бы то ни было, ясно, что всякая предпринятая с помощью научных средств попытка уточнить датировку памятников енисейской письменности будет встречена всеми тюркологами (языковедами и историками) благопринято. В настоящее время такую возможность предоставляют только лишь археологические данные.

Это хорошо осознавал С. Е. Малов, который уже в 1936 г. привлек археологические указания для датировки руноподобных надписей, найденных на р. Таласе в Киргизии¹⁸. В последней, посмертно вышедшей книге, посвященной древнетюркской письменности¹⁹, С. Е. Малов с при-

¹¹ В. В. Бартольд. Киргизы. Фрунзе, 1927, стр. 22.

¹² С. Е. Малов. Древние и новые тюркские языки. ИАН СССР, отделение литературы и языка, т. XI, вып. 2, М., 1952, стр. 135.

¹³ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков, стр. 7—8.

¹⁴ См., например, у И. А. Батманова («Язык енисейских памятников древнетюркской письменности». Фрунзе, 1959, стр. 12) о том, что енисейские надписи «условно датируются V—VII веками».

¹⁵ И. А. Батманов. Ук. соч., стр. 5 и 16.

¹⁶ См. И. А. Батманов. Краткое введение в изучение киргизского языка. Фрунзе, 1947, стр. 7—100; его же. Современный киргизский язык, ч. I. Фрунзе, 1953, стр. 149.

¹⁷ Кыргызы были лишь небольшой, но руководящей группой в составе древних хакасов. Подробнее см. Л. Р. Кызласов. К вопросу об этногенезе хакасов. Уч. зап. Хакасского НИИЯЛИ, вып. VII, Абакан, 1959.

¹⁸ С. Е. Малов. Таласские эпитафические памятники. Материалы Узкомстариса, вып. 6—7, М.—Л., 1936. Таласские надписи еще нуждаются в уточнении датировки.

¹⁹ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959, стр. 74—75, ср. стр. 63. К сожалению, здесь ранняя дата (V в.) для енисейских надписей «основана» на датировке некоторых надписей... из Киргизии.

сущей ему научной добросовестностью также учел наши новейшие археологические материалы и датировал памятники енисейской письменности суммарно V—X (XI) вв., отказавшись от взгляда на них только как на ранние руноподобные надписи.

Имеющиеся в настоящее время материалы позволяют считать установленным, что наиболее ранние памятники енисейской письменности (из числа ныне известных) относятся к VII в. Это, конечно, не значит, что письменность на Енисее возникла только в VII в. Весьма вероятно, что письменность здесь появилась уже в VI в., с началом государственности у древних хакасов, но достоверными данными для этого времени мы пока не располагаем.

Датированные памятники письменности VII и VIII вв. найдены в Хакасско-Минусинской котловине. Это надписи на отдельных предметах и вырезанные на каменных стелах эпитафии. Одна из них (№ 32)²⁰ совершенно правильно, как говорилось выше, датирована В. В. Радловым концом VII в. Другие четыре надписи имеют археологическую датировку, проверенную и отчасти уточненную нами. Три из них — надписи на серебряных или золотых сосудах, открытых археологами при раскопках погребений древнехакасской знати под каменными курганами типа чаа-тас. Все комплексы, в которые входили эти сосуды, археологически хорошо датированы VII—VIII вв.

Это надпись на серебряной кружке из раскопок С. А. Теплоухова на Уйбатском чаа-тасе близ улуса Чаркова²¹ и две надписи на золотой бутылочке и золотом кувшине, которые были найдены в 1939 г. С. В. Киселевым и Л. А. Евтюховой в кургане № 2 Копёнского чаа-таса²². Наконец, надпись на каменной стеле, стоявшей с юго-восточной стороны (что, как увидим, закономерно) насыпи одного из больших каменных курганов Ташебинского чаа-таса № 40²³, по комплексу вещей, полученных в результате специально произведенных раскопок А. О. Гейкеля²⁴, хорошо датируется VIII в.

Таковы наиболее ранние тексты. Для того чтобы разобраться в датировке остальных надписей, следует прежде всего обратиться к памятникам, найденным на территории современной Тувинской автономной области.

* * *

До сих пор в Туве зарегистрирован 41 памятник енисейской письменности и известно прежнее местонахождение 42-го, к сожалению, погибшего для науки²⁵. Все они высечены на отдельных каменных плитах или столбах (иногда на древних «оленных камнях» VII—III вв. до н. э.) и лишь одна надпись — на скале.

²⁰ Нумерацию енисейских текстов везде даем по С. Е. Малову («Енисейская письменность тюрков»).

²¹ Раскопки С. А. Теплоухова 1928 г., курган № 19. Кружка хранится в отделе истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа, № 4899-2. Рисунок см. С. А. Теплоухов. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. МЭ, т. IV, вып. 2, Л., 1929 г., табл. II, рис. 25 и стр. 54. Опыты перевода надписи см. А. Н. Бернштам. Ук. соч., стр. 69, ср. сб. «Эпиграфика Востока», вып. 4, стр. 85, и табл. II, рис. 7.

²² См. Л. Евтюхова и С. Киселев. Чаа-тас у села Копены. Тр. ГИМ, вып. XI, 1940, табл. II и III, см. стр. 43; ср. С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, табл. LV и стр. 602. Уточнение перевода одной из надписей см. С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков, стр. 15—16.

²³ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков, стр. 69—70.

²⁴ А. О. Heikel. Die Grabuntersuchungen und Funde bei Tasheba. Zeitschrift der Finnischen Altertumsgesellschaft, XXVI, Helsinki, 1912, стр. 59—70.

²⁵ Стела в уроч. Эльдиг-Кежиг, на правом берегу Хемчика, близ пос. Тээли. См. Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев. Саяно-алтайская экспедиция. КСИИМК, вып. XXVI, 1949, стр. 123.

К каким периодам в истории Тувы относятся эти памятники?

С 555 по 745 г. (с небольшими перерывами) территория Тувы входила в государства, созданные алтайскими тюрками — в первый и второй каганаты восточных тюрков-тугю²⁶. Как известно, тюрки-тугю в VII—VIII вв. имели свою письменность на орхонском алфавите, несколько отличном от енисейского. Это известно как по прочитанным надписям на каменных плитах, установленных у поминальных памятников каганов и высшей знати восточных тугю в Монголии и имеющих даты в текстах, так и по предметам с надписями из могил тюрков с лошадьми на Алтае, датированным археологически VII—VIII вв.²⁷

Безусловно, что жившие в это время в Туве пришлые алтайские тюрки имели ту же письменность. Однако предметов с надписями в их могилах здесь еще не найдено. Нет и каменных стел возле их поминальных сооружений или курганов. Но самым важным является тот факт, что из 41 надписи ни одна не написана на орхонском алфавите — все на енисейском, и к тому же ни одна из них ни по какому признаку не может быть датирована VII—VIII вв.

Отсюда следует вывод, что в VI—VIII вв. в Туве еще не устанавливались стелы с надписями так же, как не устанавливались они и на соседнем Алтае, где ни одной стелы с эпитафией не обнаружено²⁸. Это закономерно, так как в VI—VIII вв. Тува и Алтай входили в одни и те же государственные образования. Хотя в обоих этих районах письменность была известна (в Туве не найдена), но здесь тогда не было обычая устанавливать памятные каменные стелы с эпитафиями.

Положение изменилось в следующий период, когда с 750 по 840 г. Тува входила в состав уйгурского каганата, будучи завоевана уйгурами в 750—751 гг.²⁹. Из найденного на р. Селенге памятника уйгурского кагана — завоевателя Моюн-чура нам известно, что во время его пребывания в Туве летом 750 г. там были вырезаны на камне приказы этого кагана: «Мои знаки (тамги) и мои письмена я там приказал сочинить (и врезать в камень)»³⁰.

Известно, что в VIII и в начале IX в. уйгуры имели письменность еще на орхонском алфавите, который они заимствовали у тюрков-тугю³¹. К сожалению, собственно уйгурские надписи в Туве, о которых сказано в памятнике Моюн-чура, не сохранились для науки. Зато до нас дошли

²⁶ Л. Р. Кызласов. Тува в период тюркского каганата (VI—VIII вв.). Вестник МГУ, сер. историческая, 1960, № 1.

²⁷ Надписи на двух серебряных сосудах и серебряном пояском наконечнике см. Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. Тр. ГИМ, вып. XVI, 1941.

²⁸ На Алтае известно всего пять руноподобных надписей: три относятся к VII—VIII вв. (на предметах из могил; см. Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев. Отчет о работах...), одна датируется нами по археологическому комплексу IX—X вв. (на серебряном сосуде из раскопок В. В. Радлова в 1865 г. Катанда II, курган № 1; см. П. М. Мелиоранский. Небольшая орхонская надпись на серебряной кринке Румянцевского музея. ЗВОРАО, т. XVIII, вып. I, СПб., 1904) и пятая — высечена на скале и не имеет определенной датировки (см. сб. «Эпиграфика Востока», вып. XII, М.—Л., 1958, стр. 62).

²⁹ Л. Р. Кызласов. Средневековые города Тувы. СА, 1959, № 3; его же. Тува в составе уйгурского каганата (VIII—IX вв.). Уч. зап. Тувинского НИИЯЛИ, вып. VIII, Кызыл, 1960.

³⁰ См. Г. И. Рамstedt. «Как был найден Селенгинский камень» и «Перевод надписи Селенгинского камня». Тр. Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела РГО, т. XV, вып. I, СПб., 1914; ср. С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, стр. 30—43.

³¹ Кроме памятника Моюн-Чура (поставлен в начале 758 г.), на орхонском алфавите написан уйгурский текст памятника 822 г. в честь кагана Бао-и (808—821 гг.), стоявший в Орду-Балыке (городище Хара-Балгас). См. Inscriptions de l'Orkhon, recueillies par l'expédition finnoise 1890. Helsingfors, 1892, табл. 45—49, 62—63 и стр. X—XI; W. Radloff. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, III. Lieferung, SPb., 1895, стр. 291—294 (ниже сокращенно — АТИМ).

Рис. 1. Начало разборки каменной насыпи кургана № 54 с памятником «Уюк-Аржан» (№ 2) (Фото А. В. Адрианова 1916 г.)

две стелы с эпитафиями, относящиеся к уйгурскому периоду в истории Тувы, но принадлежавшие местному тюркоязычному населению (№№ 2 и 51)³². Так как обе эти надписи написаны не на орхонском, а на енисейском алфавите, то следует заключить, что местные тюркоязычные племена (очевидно, чики) позаимствовали письменность не у тюрков-тугю, или уйгуров, а у древних хакасов вместе с обычаем установки стел с эпитафиями.

Это заимствование произошло, вероятно, в 745—750 гг., когда верхнеенисейские племена, возглавляемые чиками, были свободными и, по данным памятника Моюн-чура, были союзниками хакасов в борьбе с иноземными завоевателями³³. Первым здесь будет известный памятник Уюк-Аржан (№ 2) — эпитафия на переиспользованном под стелу оленем камне³⁴, найденном И. Р. Аспелиным в 1888 г. Эта стела стояла с восточной стороны насыпи каменного кургана, расположенного, как сообщает посетивший его в 1906 г. Гранэ³⁵, в степи, в 2 км от левого берега р. Уюк и в 1 км к югу от громадного каменного кургана, который тувинцами называется Аржан³⁶.

Курган со стелой «Уюк-Аржан» был раскопан 31 августа — 2 сентября 1916 г. археологом А. В. Адриановым под № 54³⁷. По его записям па-

³² С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков, стр. 13—16 и 99—100.

³³ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, стр. 41.

³⁴ Хранится в Минусинском музее, № 21. Доставлен А. В. Адриановым в 1916 г. У С. Е. Малова (см. «Енисейская письменность тюрков», стр. 13) ошибочно — «Уюк-Аржан». Ошибка произошла оттого, что В. В. Радлов в немецком тексте (ATIM, III, стр. 305) дал без изменения написание «Ujuk-Archan», которое он взял из французского текста финского атласа (см. Inscriptions de l'Énisséi, recueillies et publiées par la Société Finlandaise d'archéologie. Helsingfors, 1889, стр. 16). Если финны записали «Аршан», то у В. В. Радлова получилось «Архан», что и воспроизвел по-русски С. Е. Малов.

³⁵ I. G. Granö. Archäologische Beobachtungen von meinen Reisen in den nördlichen Grenzgegenden Chinas in den Jahren 1906 und 1907. Journal de la Société Finno-Ougrienne, XXVI, Helsinki, 1909, стр. 5.

³⁶ Находится ныне в поселке совхоза Уюк. Диаметр — до 126 м и высота — до 3,5 м; обследован нами в 1955 г. Называется Аржан, якобы по целебному источнику, бьющему из его насыпи. До 20-х годов XX в. на кургане существовало святилище и устраивались большие религиозные празднества.

³⁷ Материалы из раскопок А. В. Адрианова в 1915 и 1916 гг. остались неопубликованными. Копии дневника и фотографии, в том числе и фото вещей, хранятся в архиве ЛОИА, ф. № 42, д. № 369; все предметы и оригиналы дневников хранятся в музее Томского гос. университета, № 6041.

мятник находился в урочище «Көктон в степи между Аржаном и р. Уюком». По данным дневника А. В. Адрианова, это был круглый каменный курган (диаметром 10,6 м и высотой 0,76 м), у восточной полы которого стоял оленный камень «с рунической надписью» (рис. 1). Под насыпью оказалась овальная могильная яма (2,1 × 1,77 м), вытянутая с запада на восток, в которой на глубине 1 м находилось потревоженное погребение нестарого мужчины. Скелет лежал на спине, с вытянутыми руками и ногами, головой на запад, на тонкой и блестящей, «лаковой» (по Адрианову) подстилке, покрытой тканью. Длина скелета — до 1,6 м. На бедренных костях скелета и справа от него находились остатки жертвенной пищи — кости от трех баранов.

Из предметов найдены: золотая серьга (у правого уха) и железный нож в обломках (у темени черепа). В ногах справа было положено седло, от которого сохранились остатки дерева с железными заклепками, два разнотипных железных стремена и две костяные подпружные пряжки (рис. 2, 1, 2, 5, 6). Слева, у голени — узда, от которой сохранились двусоставные удила с двумя кольцами и третьим подвижным кольцом, с S-образными псалями (рис. 2, 4).

Произведенная нами классификация археологических памятников Тувы³⁸, в особенности выделение памятников, относящихся к уйгурскому периоду (750—840 гг.)³⁹, позволяет определенно установить, что курган № 54, а следовательно, и стела Уюк-Аржан относятся к уйгурскому периоду и являются памятниками местного тюркоязычного населения (вероятно, чиков).

Свидетельством тому является погребальный обряд со всеми его чертами, присущими местному населению, при ориентации погребенной головой на запад. Дело в том, что в уйгурский период в Туве наблюдаются три основных типа погребальных сооружений и три погребальных обряда: 1) пришлые уйгуры хоронили своих покойных под земляными курганами в катакомбах; 2) алтайские тюрки — в могилах под каменными курганами, всегда вместе с убитыми лошадьми; 3) местные племена производили захоронения в ямах под каменными курганами, без коней, но иногда с конским снаряжением по описанному выше обряду.

Весь найденный в кургане № 54 инвентарь (в особенности типы удила и пряжек) хорошо датируется концом VIII — началом IX в.

Полное соответствие археологическим данным заключается и в самом тексте эпитафии Уюк-Аржан, из которого мы узнаем, что «геройским именем» погребенного было имя Яш Ак баш. Наиболее важна первая строка текста: «Эшим марымыз шадым...», что означает (в переводе С. Е. Малова): «Мои товарищи, наши наставники, шад мой...»⁴⁰.

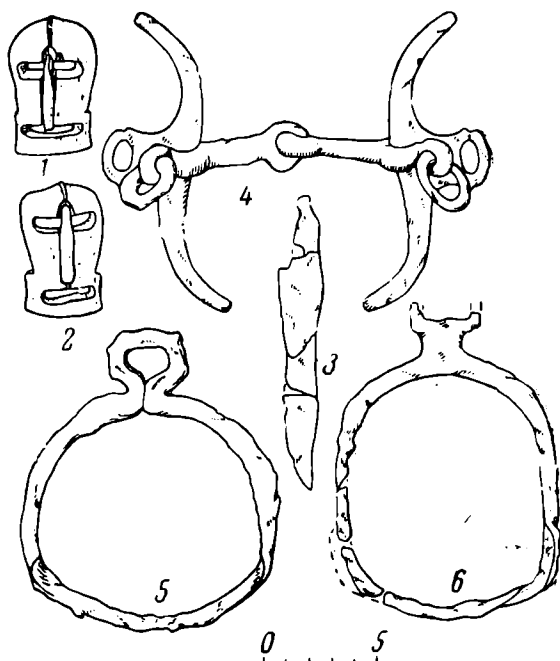

Рис. 2. Предметы из погребения кургана № 54 с памятником «Уюк-Аржан»

1, 2 — кость; 3—6 — железо

³⁸ Л. Р. Кызласов. Этапы древней истории Тувы. Вестник МГУ, сер. историко-филологическая, 1958, № 4; его же. Тува в период тюрского каганата (VI—VIII вв.).

³⁹ Л. Р. Кызласов. Тува в составе уйгурского каганата (VIII—IX вв.).

⁴⁰ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков, стр. 14.

Во-первых, в уйгурском каганате все основные должностные лица носили старые тюркские титулы, среди которых был сохранен и титул шад⁴¹. Этого титула никогда не имели древние хакасы.

Во-вторых, «наши наставники» даны в тексте как «марымыз» от слова «мар», что по-сирийски буквально значит «учитель». Так обычно согдийцы-манихеи называли своих вероучителей (миссионеров и наставников в вопросах манихейской религии). Известно, что с 763 г. государственной религией уйгуров становится манихейство, заимствованное ими через посредство согдийцев⁴². Уйгуры с помощью согдийских миссионеров ревностно насаждали манихейство не только на территории своего каганата,

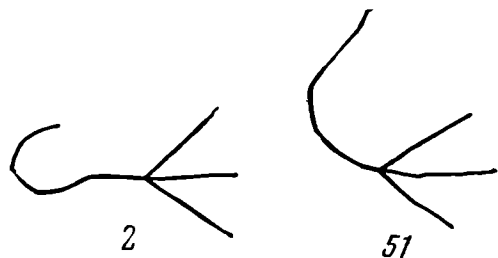

Рис. 3. Тамги местных памятников уйгурского периода

2 — памятник № 2 «Уюк-Аржан»; 51 — памятник № 51 из Тувы

но даже в Китае, где они сжигали буддийские монастыри и поселяли манихейских проповедников⁴³. Из надписи Уюк-Аржан видно, что манихейские проповедники не только вели свою деятельность на территории Тувы, но и пользовались известным успехом, обращая в свою веру в первую очередь местную знать. Отсюда ясно также, что эпитафия Уюк-аржан не могла появиться ранее 763 г.

Необходимо отметить, что эта надпись, как и многие остальные, «скреплена» личным знаком (тамгой) Як Ак баша. Эта тамга схожа по виду со следом птичьей лапы (рис. 3, 2). Такие тамги ни разу не встречены на смежных территориях Саяно-Алтая и Монголии, что также свидетельствует о местном происхождении погребенного. Сходная типологически, несомненно связанная с предшествующей тамга известна на памятнике № 51, также найденном в Туве (рис. 3, 51)⁴⁴. Это сходство тамг является, как увидим, определенным доказательством того, что надпись стелы № 51 не только относится к тому же уйгурскому периоду (VIII—IX вв.), но высечена на памятнике человека местного происхождения, лица, кровнородственного упоминавшемуся Як Ак башу, скорее всего его сына, так как тамга № 51 является следующим этапом развития тамги № 2.

* * *

Последующие датированные памятники енисейской письменности из Тувы относятся к периоду вхождения этой территории в государство древних хакасов (IX—XII вв.), после известного разгрома уйгурского каганата хакасами в 840 г. Именно в это время в Туве впервые появились древнехакасские памятники: 1) погребения под каменными курганами по обряду трупосожжения, характерному для древних хакасов, с типичными для них вещами; 2) стелы с эпитафиями, которые, так же

⁴¹ Например, каган Моюн-чур сделал одного из сыновей шадом над народом телис. См. С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, стр. 40.

⁴² E. Chavannes et P. Pelliot. Un traité manichéen retrouvé en Chine. Journal Asiatique, II serie, т. 1, № 1, Paris, 1913; ср. Ф. Розенберг. О согдийцах. Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее, т. I, Л., 1925.

⁴³ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I, М.—Л., 1950, стр. 319 и 331.

⁴⁴ К сожалению, точное первоначальное местонахождение неизвестно. Памятник хранится в Минусинском музее под № 36. См. С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков, № 51, стр. 99—100 и рис. 22.

Рис. 4. Гора Чинге, курган № 18 с памятником «Элегест № 10» (Фото А. В. Адрианова 1915 г.)

как в Хакасии, стояли возле погребальных курганов или отдельно от них; иногда надписи были высечены на скале.

По имеющимся сведениям, в 13 случаях стелы с эпитафиями стояли с восточной или юго-восточной стороны насыпей древнехакасских курганов. Восемь из этих курганов были раскопаны в разное время и разными исследователями, но результаты этих раскопок не были опубликованы, и мы приводим их здесь впервые. В 1915 г. А. В. Адриановым было раскопано три кургана⁴⁵: два в Бай-булунской степи на левом берегу Улуг-Хема (в 7,5 км ниже устья р. Элегест) — курганы №№ 21—22 и один на левом берегу р. Элегест под горой Чинге (в 8 км от устья реки и в 2 км от ее берега) — курган № 18 (рис. 4). У этих курганов стояли следующие стелы с надписями: Бай-Булун № 21 — памятник № 49, Бай-Булун № 22 — памятник № 42, гора Чинге № 18 — памятник № 10⁴⁶.

В 1916 г. А. В. Адриановым в Туве был раскопан на левой стороне р. Бегре в логу Мунгаш-Чирик еще один (под № 34) древнехакасский курган⁴⁷, у которого стоял «памятник с Бегре № 11»⁴⁸.

В 1926 г. С. А. Теплоухов у пос. Элегест, на правой стороне р. Элегест, доисследовал два вплотную расположенных кургана № 19⁴⁹, у каждого из которых стояли стелы с эпитафиями. Обе эти стелы были вновь найдены в 1947 г. С. В. Киселевым и Л. А. Евтюховой⁵⁰, которыми, кроме того, были также открыты до того не известные стелы с надписями, стоявшие у курганов в уроч. Кезек-Хурэ и у пос. Малиновка⁵¹. Курган у пос. Малиновка в верховье р. Уюка, был раскопан нами в 1955 г.

⁴⁵ Архив ЛОИА, ф. № 42, № 369.

⁴⁶ См. С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков, № 49, 42, 10. После раскопок в сентябре 1915 г. все три памятника были вывезены А. В. Адриановым на плоту по Енисею в г. Минусинск (см. ИАК, прибавление к вып. 59, 1916, стр. 37), где и хранятся в Минусинском музее (соответственно) под №№ 22, 38 и 19.

⁴⁷ Дневник А. В. Адрианова в архиве, ф. № 42, д. № 369.

⁴⁸ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков, № 11. Эта стела с Бегре вместе с памятниками Уюк-Тарлаг № 1 и Уюк-Аржан № 2 вывезена Адриановым в 1916 г. в Минусинский музей (№ 40).

⁴⁹ Ручкопись отчета и дневники С. А. Теплоухова по раскопкам в Туве в 1926, 1927 и 1929 гг. хранятся в архиве Музея этнографии народов СССР в Ленинграде.

⁵⁰ Надписи их ныне опубликованы. См. С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, стр. 70—74.

⁵¹ Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев. Саяно-Алтайская экспедиция. КСИИМК, вып. XXVI, 1949, стр. 125—126. Надпись из пос. Малиновки издана Э. Р. Рыгдылоном в «Эпиграфике Востока» (вып. IV, М.—Л., 1951, стр. 87—89). Ср. рецензию С. Е. Малова в ИАН СССР, отделение литературы и языка, 1954, № 2.

(рис. 5), а курган в уроч. Кезек-Хурэ на р. Межегей (в 1 км к северо-западу от поселка совхоза «Межегей») — в 1959 г.⁵²

Все вышеперечисленные раскопанные курганы со стелами оказались древнехакасскими, так как обнаруженные в них погребения все были совершены по обряду трупосожжения на горизонте или в ямах и сопровождались типичными для древних хакасов предметами.

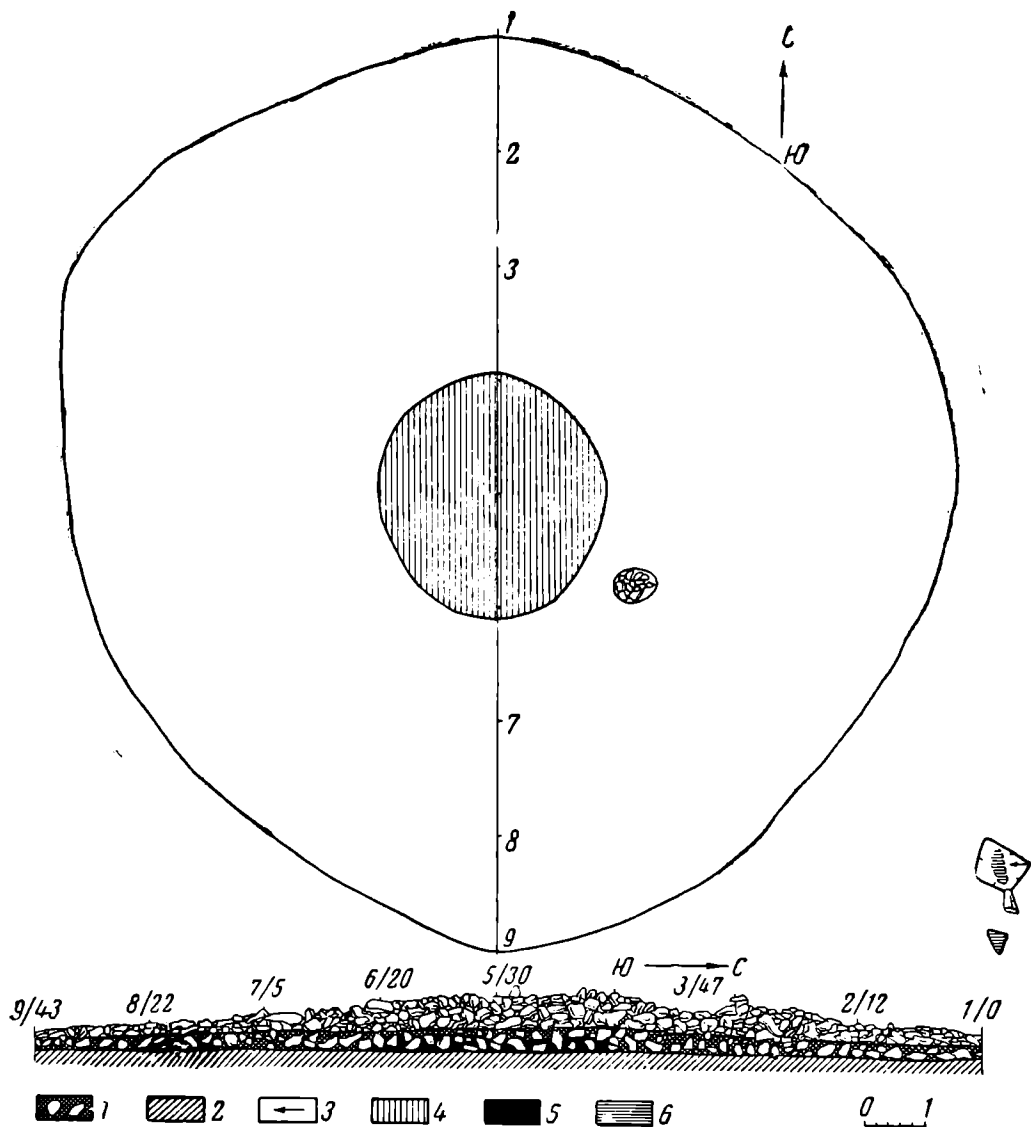

Рис. 5. План и профиль кургана № 1 у пос. Малиновка (Л. Р. Кызласов, 1955 г.)

1 — слой камней и черной земли; 2 — материк; 3 — надпись; 4, 5 — кострище; 6 — вертикально установленные плиты

Шесть курганов и соответственно шесть памятников письменности (№№ 10, 11, 42, 49 и два из пос. Элегест) относятся ко второй половине IX (после 840 г.) и к X в. Они хорошо датируются обнаруженными при погребениях предметами (рис. 6), полностью совпадающими с найденными в Хакасии, в особенности с характерными для древних хакасов в IX—X вв. бронзовыми бляхами, украшенными растительным орнаментом. Точно такие бляхи обнаружены в составе известного Тюхтятского клада вместе с четырьмя китайскими монетами выпуска 841 г.⁵³

⁵² Надпись из Кезек-Хурэ никем не исследована и не опубликована. Эта стела вывезена нами в г. Кызыл и сдана в Тувинский обл. музей 15. VIII. 1959 г. Имеет надписи на двух плоскостях.

⁵³ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 588 и табл. LXI—LXIII; Л. А. Евтюхова. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948, рис. 117—136 и 140, 143—144; ср. N. Fettich. Die Metallkunst der landnehmenden Ungarn. Archeologia Hungarica, XXI, Budapest, 1937, табл. XIX—XXV.

Таким образом, датировка и этническая принадлежность указанных шести памятников письменности является установленной с помощью археологических данных. Следует обратить внимание также на то, что на каждом из этих памятников имеется тамга, причем все тамги разные (см. рис. 7, 11; 7, 10; 8, 8; 8, 9).

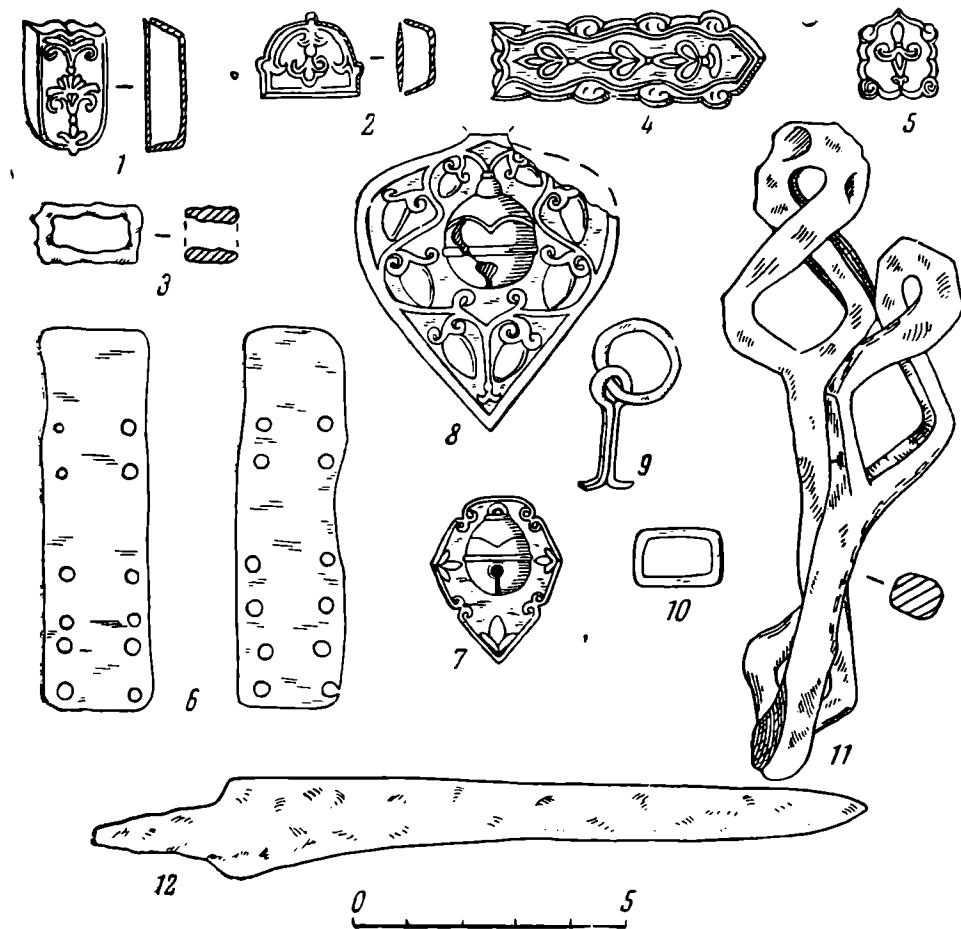

Рис. 6. Предметы из древнехакасских курганов Тувы IX—X вв.

1—3 — г. Чинге, курган № 18 (А. В. Адрианов, 1915 г.); 4—9 — степь Бай-Булун, курган № 21 (А. В. Адрианов, 1915 г.); 10—12 — пос. Элегест, курган № 19 (С. А. Теплоухов, 1926 г.) 1, 2, 4, 5, 7, 8, 10 — бронза; 3, 6, 9, 11, 12 — железо

Эти тамги, являющиеся личными знаками людей, которым посвящены эпитафии, таким образом, также датируются второй половиной IX и X веком, что, как увидим ниже, послужит важным обстоятельством и для датировки других памятников.

Наконец, две последние стелы (к сожалению, с плохо сохранившимися надписями), стоявшие у раскопанных мною курганов в пос. Малиновка и Кезек-Хурэ, отличаются отсутствием тамг (рис. 10), что, очевидно, вообще характерно для наиболее поздних памятников древнехакасской письменности, так как курганы эти относятся к XI—XII вв. Такая дата определяется совершенно новыми типами предметов погребального инвентаря, состоящего из предметов вооружения, конского снаряжения и бытового обихода (рис. 11—13), которые существовали в Хакасии⁵⁴ в предмонгольское время, в XI—XII вв.

⁵⁴ Памятники нового этапа XI—XII вв. в большом количестве выявлены нами при раскопках в Хакасии в 1958—1959 гг., в особенности в трех могильниках на р. Аскиз.

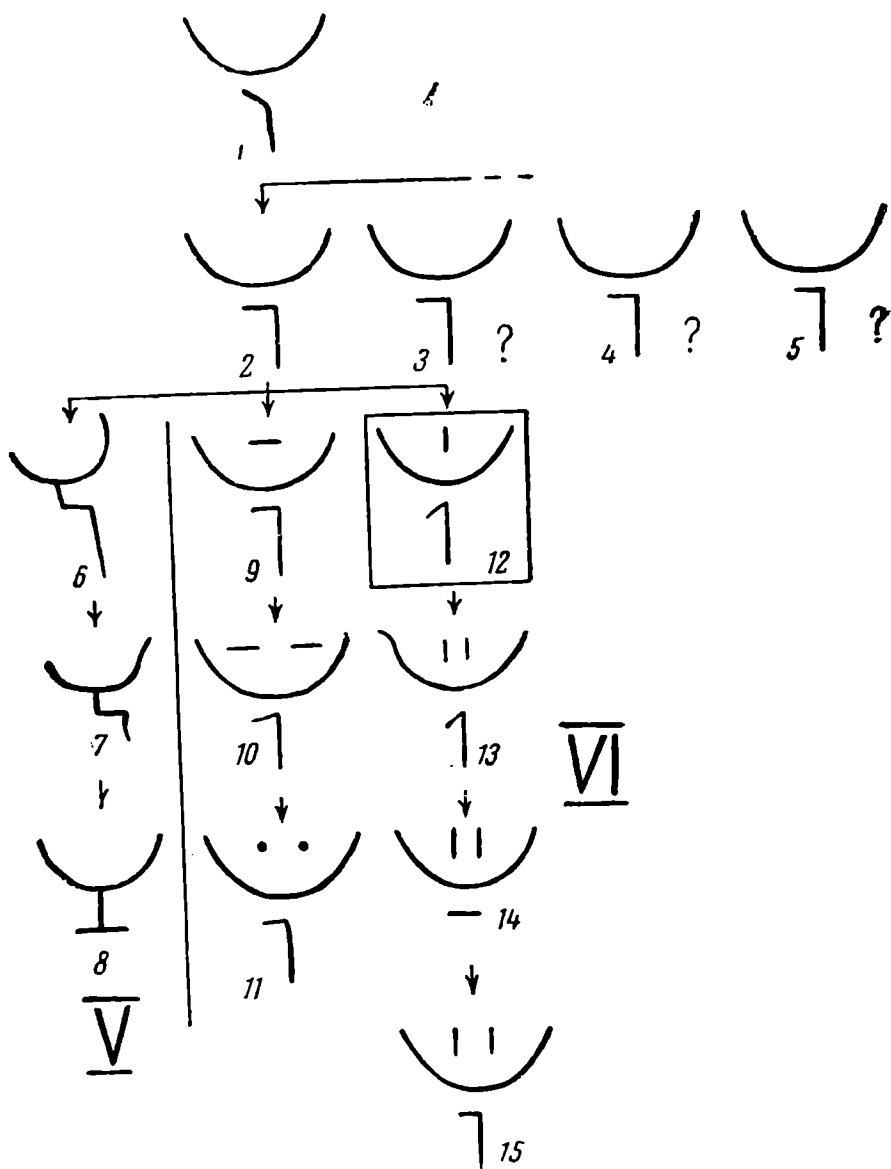

Рис. 7. Таблица тамг V и VI групп

1, 2, 6, 7 — на скале Хая-Бажы; 3, 4, 5 — (соответственно) на памятниках №№ 21, 22 и 23 с р. Чаа-Холь (по финскому атласу, стр. 19); 8 — на памятнике № 41; 9 — памятник № 17; 10 — памятник № 42 (Бай-Булуи, у кургана № 22); 11 — памятник № 49 (Бай-Булуи у кургана № 21); 12 — теоретическая реконструкция тамги; 13 — памятник № 15; 14 — памятник № 16; 15 — памятник № 1

* * *

Выше мы рассмотрели те памятники письменности, которые оказались возможным датировать главным образом благодаря определениям возраста непосредственно связанных с ними курганов. Однако имеется большое количество стел с надписями, которые стояли отдельно в степи или же в ряду из двух—четырех каменных плит и оказались не связанными с другими археологическими памятниками. Для датировки стел такого рода на помощь приходит прослеженная нами типологическая взаимосвязь тамговых знаков, имеющих почти на всех стелах с надписями (рис. 7, 8 и 9). Сбор тамговых знаков, произведенный нами при многолетнем изучении археологических памятников Хакасии и Тувы (с каменных стел, в том числе и со стел с руноподобными надписями, с писаниц на скалах, с сосудов и других предметов), позволяет ныне прийти к целому ряду выводов⁵⁵.

⁵⁵ Материалы собирались в 1947, 1950, 1951, 1955—1959 гг.

Следует отметить, что тюркологи-языковеды, исследовавшие памятники орхон-енисейской письменности (В. Томсен, В. В. Радлов, П. М. Мелиоранский, С. Е. Малов и др.), к сожалению, не придавали особого значения тамгообразным знакам, встречавшимся на памятниках письменности, не занимались их сбором и сопоставлениями и при снятии эстампажей часто фиксировали только сам текст, без учета имеющейся здесь же тамги⁵⁶. В результате многие тамги оказались не изданными и потребовалось заново разыскивать и осматривать памятники письменности для того, чтобы зафиксировать или уточнить очертания их тамг⁵⁷.

Первыми обратили внимание на тамгообразные знаки археологи. Уже в издании материалов финской археологической экспедиции (И. Р. Аспелин, А. О. Гейкель и др.), работавшей в 1887—1889 гг. в Хакасско-Минусинской котловине и в Туве и специально занимавшейся сбором памятников письменности, приведена таблица тамг, зарисованных с обнаруженных экспедицией памятников⁵⁸. Но, во-первых, многие памятники остались для этой экспедиции неизвестными, во-вторых, исследователи не обратили внимания на мелкие признаки, различающие тамги, в результате чего ряд памятников с Улуг-Хема и Чаа-Холя получили одинаковую тамгу, и, наконец, в-третьих, к тамге памятника Уюк-Туран были ошибочно добавлены черты с оленного камня, на котором высечена надпись, а в двух случаях за тамгу была принята одна из букв руноподобных надписей⁵⁹.

На эти тамги также справедливо обратил внимание покойный Э. Р. Рыгдылон, который даже сделал попытку их картографирования, однако и ему из-за малого количества материалов не удалось дать типологию тамг⁶⁰.

Анализ собранных нами тамгообразных знаков приводит к выводу, что эти

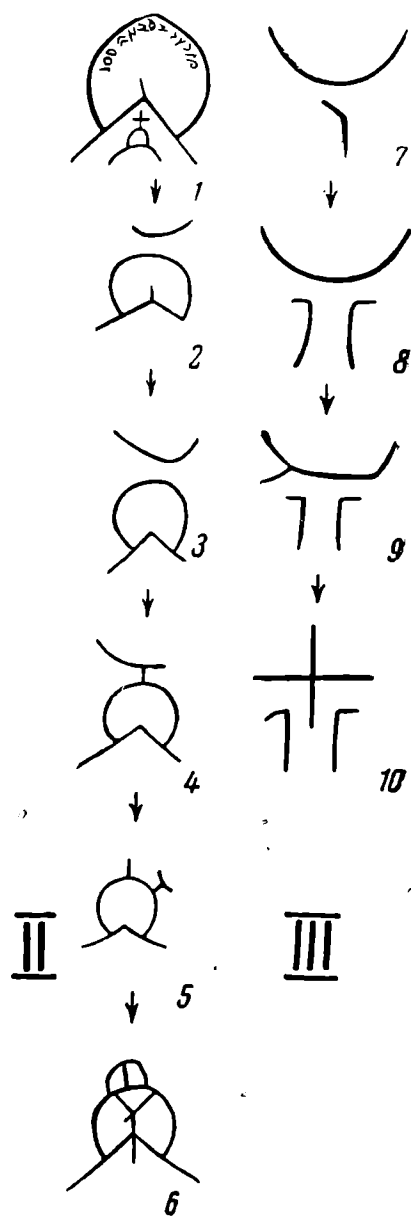

Рис. 8. Таблица тамг II и III групп

1—7 — на скале Хая-Бажы; 8, 9 — на памятниках (пос. Элегест, у курганов № 19а и 19б); 10 — на памятнике № 10

⁵⁶ См., например, В. В. Радлов. Атлас древностей Монголии, вып. 1—4, СПб., 1892 (1), 1893 (2), 1896 (3) и 1899 (4). Многие тамги, кроме того, здесь сильно искажены.

⁵⁷ Кроме памятников, хранящихся в Минусинском музее, а также происходящих из пос. Малиновки и Кезек-Хурэ, были осмотрены находящиеся на месте памятники в Кызыл-Чираа (1947 г.; по С. Е. Малову — №№ 43 и 44), у пос. Элегест (1947 и 1957 гг.) и в Кожээлиг-Хову на р. Эжим (1955 г.; у С. Е. Малова ошибочно «Кежилиг-Хобу» — № 45), Торт көжээ на р. Теле, правом притоке р. Эжим (1955 г.; у С. Е. Малова — № 46), Хая-Бажы на р. Хемчик (1947 г.; у С. Е. Малова — № 24) и памятник Уюк-Туран (№ 3), хранящийся в музее г. Кызыла. В Хакасии в 1959 г. удалось осмотреть известную Сулекскую писаницу на р. Хара-Юс (у С. Е. Малова — № 39) и целый ряд других писаниц.

⁵⁸ Inscriptions de l'Éniseï recueillies et publiées par la Société Finlandaise d'archéologie. Helsingfors, 1889, стр. 19 и табл. 10, 12, 14.

⁵⁹ Там же, стр. 19.

⁶⁰ Э. Р. Рыгдылон. О знаках на плитах с руническими надписями. Сб. «Эпиграфика Востока» вып. IX, М.—Л., 1954.

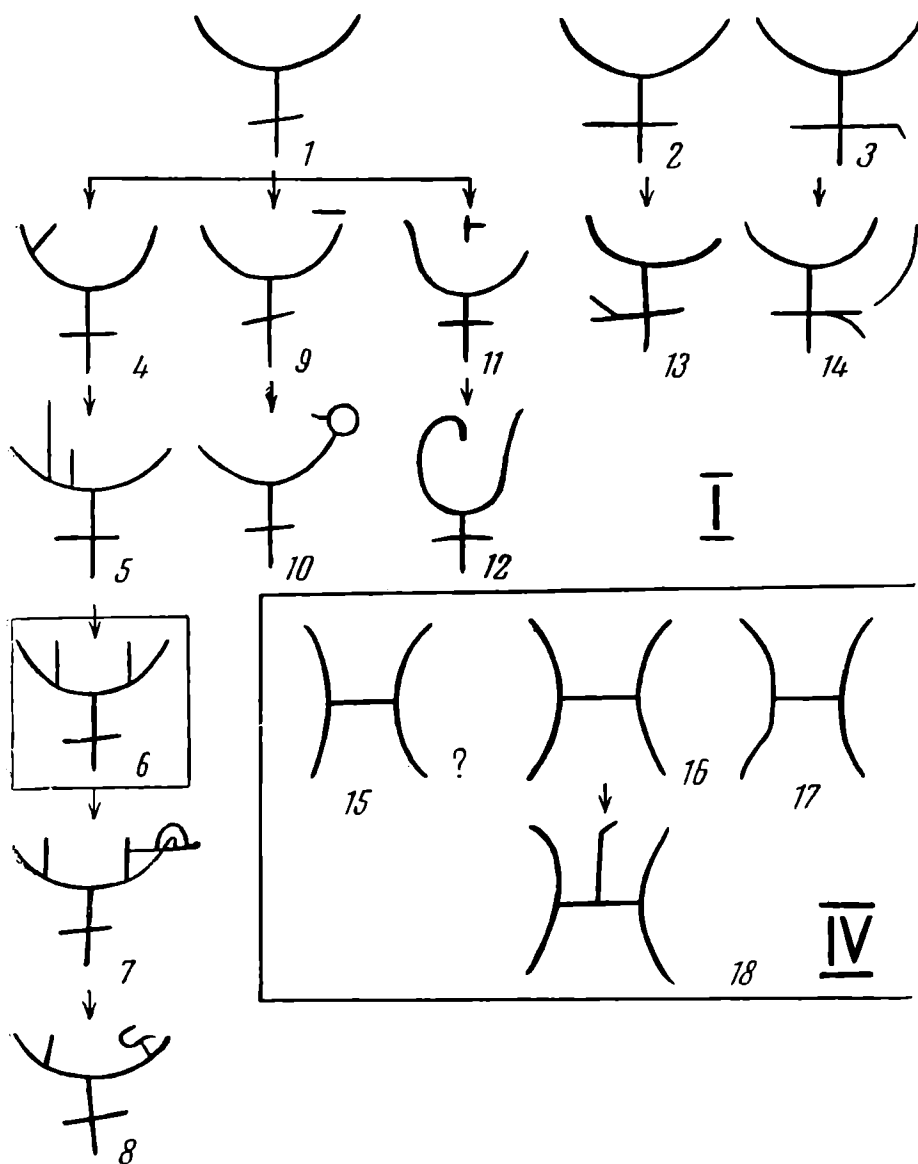

Рис. 9. Таблица тамг I и IV групп

1 — памятник № 3; 2 — памятник № 45; 3 — на плите № 37а Минусинского музея; 4 — на скале в Овьуре (по А. Д. Грачу); 5 — памятник № 5; 6 — теоретическая реконструкция тамги; 7 — памятник № 6; 8 — памятник № 7; 9 — памятник № 43; 10 — памятник № 44; 11, 12 — на скале Кулузун в горах Берт-Даг; 13 — памятник № 46; 14 — памятник № 37 (на каменном «старике» близ дер. Знаменки в Хакасии); 15 — памятник № 12 (по финскому атласу, стр. 19); 16 — памятник № 19; 17 — памятник № 14; 18 — памятник № 20

знаки являются личными⁶¹ и что их эволюция в своих основах совпадает с классификационным принципом известных, распространенных в синхронное время (X—XII вв.) на Руси княжеских знаков — так называемых «знаков Рюриковичей»: «Согласно этому принципу, каждый знак должен состоять из двух разнородных частей: знака предшественника и «отпятныша» (одного или нескольких в зависимости от числа

⁶¹ Личными были и тамги орхонских тюрков, которые также могут составить типологические ряды. См. В. В. Радлов. Ук. соч., вып. 1, табл. IX, 2; XI, 9 и 11; XII, 1 и 8; XIV, 3; XV, 1, 3 и 8; XVII; вып. 3, табл. LXXXIII, 2 и 5; LXXXIV, 2; ср. тамгу Тоньюкука, там же, вып. 4, табл. СІХ. Личный характер тамг у уйгуров очень ясно выступает в тексте памятника кагана Моюн-чуря: «Мои знаки (тамги) и мои письмена...» и далее «Свои... письмена и знаки я там велел...». См. С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, стр. 40; ср. его же. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 200.

наследников). Зачастую отпятнышем могло служить изъятие той или иной части знака отца, и тогда действительное усложнение фигуры принимало вид внешнего упрощения... Необходимо учитывать по крайней мере следующие обстоятельства: 1) связь знаков деда и внука должна быть эволюционно опосредствованной знаком отца; 2) при большом числе наследников знаки младших братьев основываются не только на отцовском, но и учитываются особенности знаков старших братьев, во избежание возможного повторения»⁶².

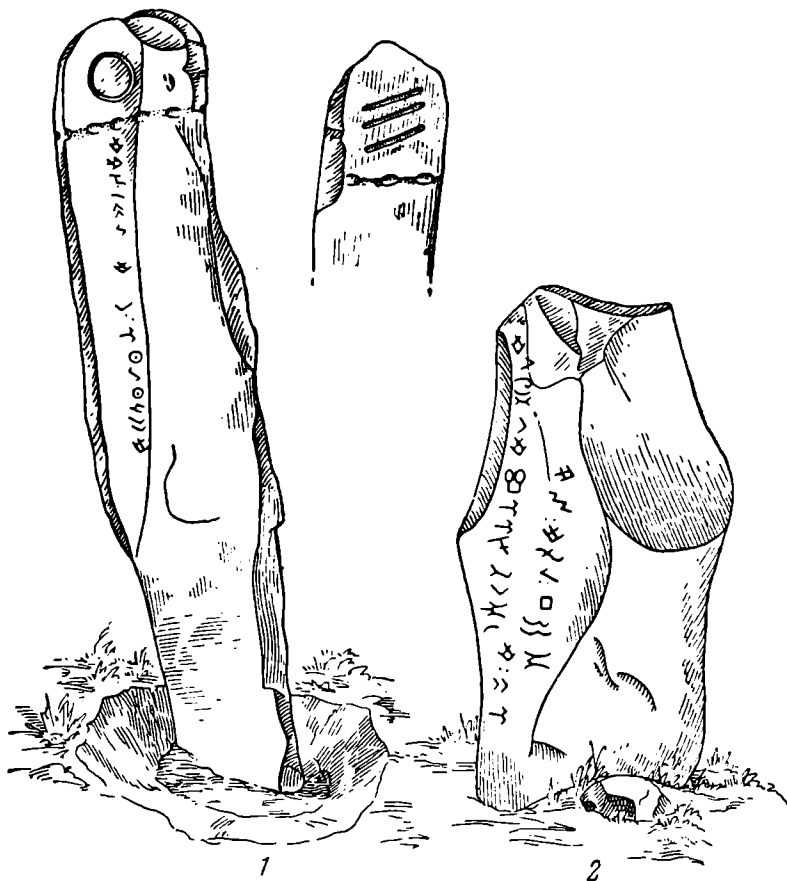

Рис. 10. Стелы с надписями из Кезек-Хурэ (1) и пос. Малиновка (2) (Рисунки автора, 1947 г.)

Знаки, происходящие из Тувы, типологически распадаются на шесть основных групп, которые, как увидим, соответствуют упоминающимся только в надписях из Тувы шести багам (рис. 7, 8, 9).

Взаимосвязь и типологический генезис знаков отца, сыновей и братьев ясно выступает на представленных таблицах.

В одном случае такая взаимосвязь фиксируется непосредственно из текстов трех памятников: деда, отца и внука. Еще С. Е. Малов без учета тамг, на основании только совпадения имен, указывал, что «второй памятник из Кызыл-Чираа (№ 44)» является памятником сына того человека, которому был поставлен памятник Уюк-Туран (№ 3)⁶³. Правда, С. Е. Малову после получения точных эстампажей и прорисей обоих памятников из Кызыл-Чираа (от С. В. Киселева, Л. А. Евтюховой и Л. Р. Кызласова) пришлось изменить имя в надписи № 44, но это лишь

⁶² В. Л. Янин. Княжеские знаки суздальских Рюриковичей. КСИИМК, вып. 62, 1956, стр. 3; его же. К вопросу о дате Лопастницкого креста. КСИИМК, вып. 68, 1957.

⁶³ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков, стр. 81.

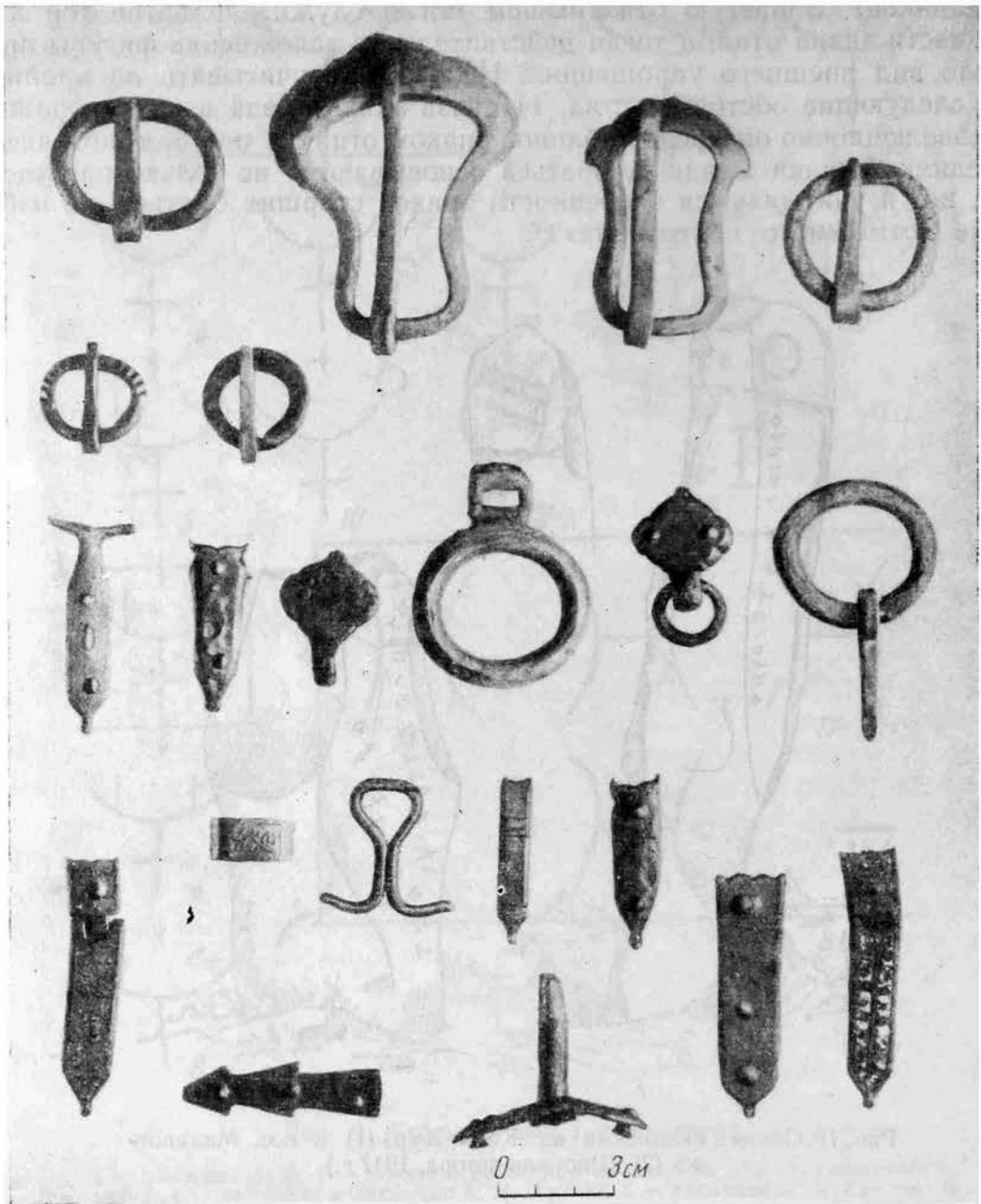

Рис. 11. Предметы из кургана № 1 у пос. Малиновка (Л. Р. Кызласов, 1955 г.)

улучшило положение, так как оказалось, что памятник № 44 принадлежит не сыну человека из памятника Уюк-Туран, а его внуку⁶⁴.

Дело в том, что на памятнике № 44 сказано: «Я сын Арслан-Кулюг-Тирига. Я Кулюг-Тоган», а на памятнике Уюк-Туран: «Учин-Кулюг-Тириг — я». Отсюда становится ясным, что Учин-Кулюг-Тириг есть отец Арслан-Кулюг-Тирига и дед Кулюг-Тогана.

Памятник Арслан-Кулюг-Тирига⁶⁵ — это «первый памятник из Кы-

⁶⁴ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, стр. 70.

⁶⁵ С. Е. Малов (см. С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности..., стр. 70 и 74—75), рассматривая имя «Арслан», указывает, что его наличие в X—XI вв. может быть «в самом приблизительном смысле» обусловлено памятниками XIII—XIV вв. из Семиречья.

Между тем в этом нет никакой нужды, ибо, например, у уйгуров в Восточном Туркестане в X в. были князья, имевшие имя Арслан (932, 988—996 гг.). Кроме того, среди караханидских ханов известен Арслан-Кара-хакан, живший в г. Узгенде и умерший в середине XI в. См. В. В. Радлов. К вопросу об уйгурах. СПб., 1893, стр. 97—98.

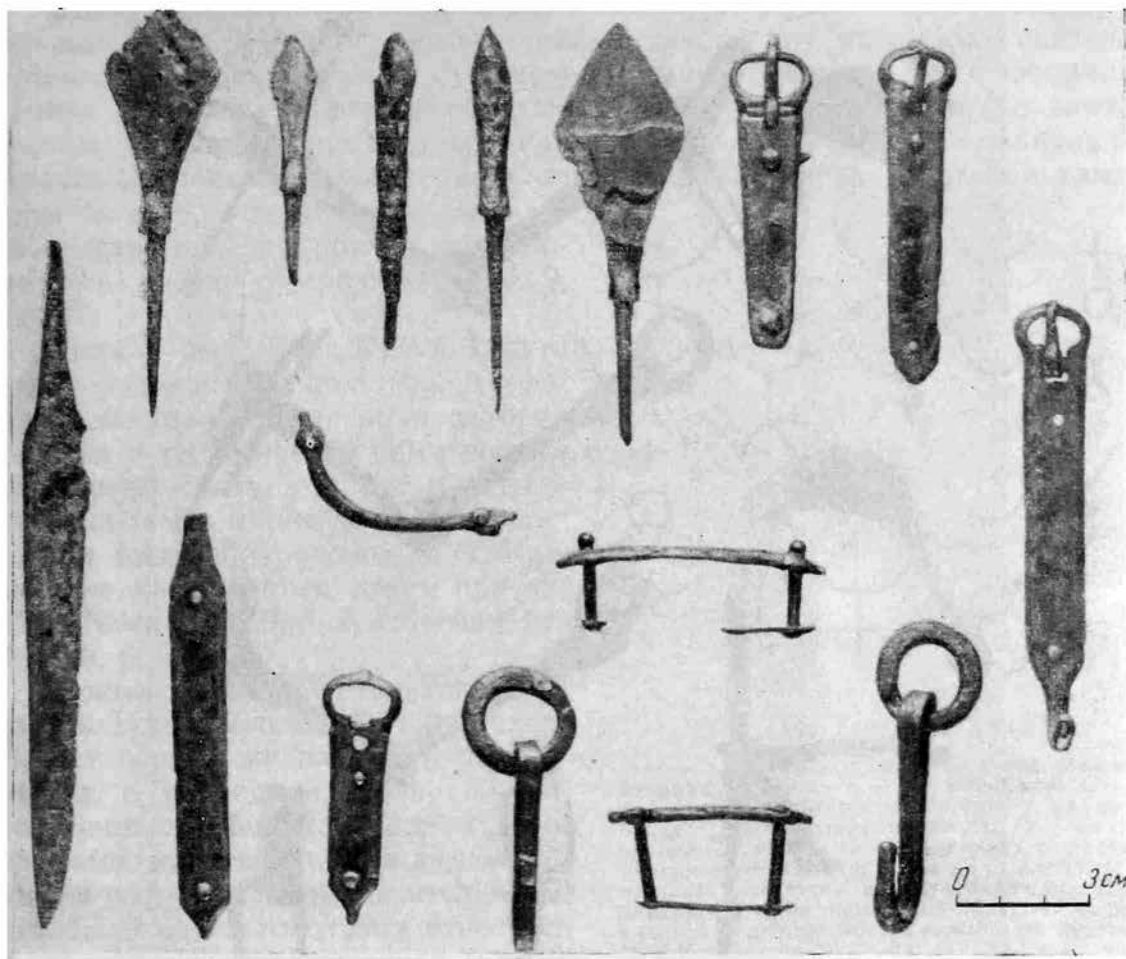

Рис. 12. Предметы из кургана № 1 у пос. Малиновка (Л. Р. Кызласов, 1955 г.)

зыл-Чираа» (№ 43), который и теперь стоит в 400 м к юго-юго-востоку от памятника Кулюг-Тогана (№ 44). Хотя имя человека, которому он поставлен, не названо, но на нем стоит тамга, являющаяся, как и на ряде других памятников, своеобразной «подписью». Эта «подпись» для современников была, как правило, более важна, чем даже написанное буквами имя, ибо она отлично заменяла собой не только имя (достаточно известное тогда в степях), но и указывала на фамильную и, следовательно, родовую (этническую) принадлежность того человека, которому этот памятник был поставлен. Другой человек точно такой тамги в то время иметь не мог; отсюда обязательное изменение фамильной тамги у наследников. Это изменение хорошо отражено и на тамгах трех упомянутых лиц, причем эволюция этих знаков делает безусловно доказанным их родство (рис. 9, 1, 9, 10).

Начальной тамгой здесь является знак Учин-Кулюг-Тирига (рис. 9, 1). Арслан-Кулюг-Тириг, взяв за основу тамгу отца, прибавил к ней только черту вверху справа (рис. 9, 9), а его сын, Кулюг-Тоган, к этой горизонтальной черте добавил кружок (рис. 9, 10).

Учин-Кулюг-Тириг, имевший наиболее раннюю в Туве тамгу данного типа, был одним из древнехакасских полководцев — активных участников разгрома уйгуров. После победы 840 г. он получил в качестве феодального надела наиболее плодородные земли северной части Тувы между реками Улуг-Хем и Бий-Хемом, с центром на р. Уюк, где и умер «на шестьдесят третьем году на своей земле (разрядка моя.— Л. К.) Эгюк-хатун»⁶⁶, т. е. на «реке Уюке», так как современное «Уюк» —

⁶⁶ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков, стр. 19.

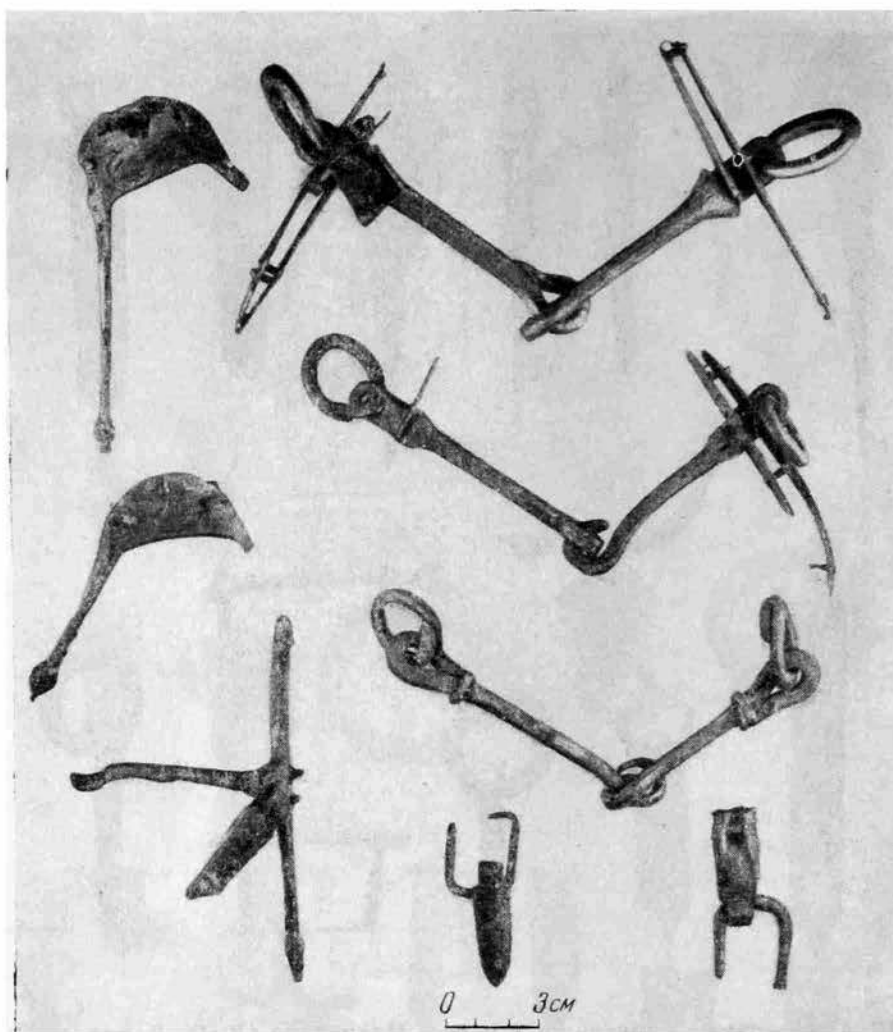

Рис. 13. Предметы из кургана № 1 у пос. Малиновка (Л. Р. Кызласов, 1955 г.)

«Өөк» есть стяженная форма от «Эгюк», образовавшаяся в результате выпадения согласного «г».

Учин-Кулюг-Тириг был родом из северной части современной Хакасии, так как тамга его отца (рис. 14, 1), отличающаяся наклоном перекладины креста вправо, обнаружена нами на известной Сулекской писанице на р. Хара-Юс (Черный Июс), а типологически близкие тамги оставшихся в Хакасии его сородичей распространены только в районе от Черного Июса до бассейна рек Ербы и Теси (рис. 14, 2, 9, 18), имея в Хакасии более ранние прототипы в виде разнообразных знаков с крестом (рис. 14, 15, 19, 20).

Он имел, судя по тамгам, двух младших братьев, поселившихся с ним в Туве. Биографией одного из его братьев, рано оставшегося без родителей, является надпись памятника из Кёжээлиг-Хову (№ 45). Тамга на этом памятнике является вариацией начальной тамги и отличается от знака Учин-Кулюг-Тирига лишь удлинением перекладины креста в левую сторону (рис. 9, 2). Этот же элемент знака усложнил сын брата, добавив к удлинению перекладины наклонную черту (рис. 9, 13). Последний памятник (с р. Теле, № 46) отстоит от отцовского (№ 45) всего на 3 км. Наконец, второй, самый младший брат Учин-Кулюг-Тирига к перекладине креста начальной тамги добавил справа черту, идущую наклонно вниз (рис. 9, 3)⁶⁷.

⁶⁷ Обломок низа плиты № 37а из Минусинского музея.

Судя по сохранившимся тамгам, сам Учин-Кулюг-Тириг имел трех сыновей (рис. 9, 4, 9, 11), о которых в тексте его памятника сказано: «Мои сыновья, о горе...». О старшем его сыне Арслане мы уже говорили. Имена двух других неизвестны. Не уцелели и их памятники с эпитафиями, но сохранились их тамги на писаницах. Второй сын, в отличие от Арслана, произвел добавление в левой верхней части отцовской тамги (рис. 9, 4)⁶⁸, а третьему, младшему сыну пришлось это прибавление поместить вверху посередине (рис. 9, 11)⁶⁹.

Второй сын Учин-Кулюг-Тирига стал родоначальником новой фамильной линии, памятники которой (считая и теоретически нами восстановленную тамгу; см. рис. 9, 6) составили тамги минимум пяти поколений и были обнаружены Д. А. Клеменцом на р. Барык, левом притоке Улуг-Хема (рис. 9, 5, 7, 8; памятники №№ 5, 6, 7.)⁷⁰.

Такова I группа древнехакасских тамг в Туве, эволюция которой охватывает период жизни шести поколений, т. е. в среднем около 180 лет, если считать, как это принято демографами, что разница между поколениями составляет приблизительно 30 лет. Если начальная тамга относится к середине IX в., то конечная (рис. 9, 8) — к рубежу X и XI вв. Отсюда может быть определена и датировка всех памятников письменности, входящих в эту группу. Конечно, не все типы знаков в этой группе дошли до нас. Об усложненном развитии некоторых ответвлений можно судить по отдельным, типологически связанным с I группой знакам, встречающимся на тувинских скалах (рис. 15, 25, 31).

Ко II группе относится серия тамг, обнаруженная нами среди надписей на скале Хая-Бажы (№ 24). Начальным знаком в этом ряду (рис. 8, 1—6) является большая тамга, непосредственно относящаяся к основному тексту памятника и имеющая внутри себя до сих пор не прочитанную, к сожалению, надпись (рис. 8, 1)⁷¹.

Эта тамга, как следует из текста, принадлежала «БҮннчү именинтому Чигши бегу», который был первым (после 840 г.) наместником ха-

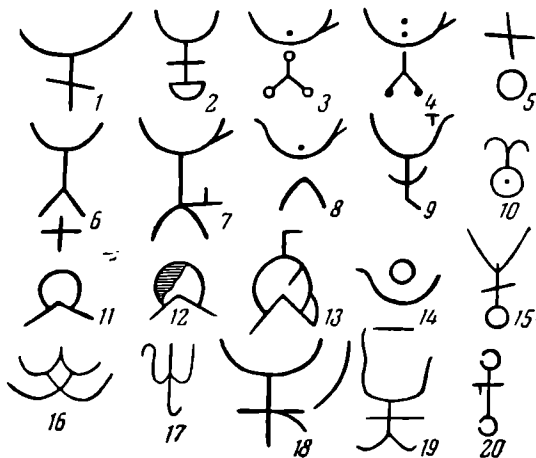

Рис. 14. Тамги из Хакасии

1—5 — на Сулекской писанице у надписей памятника № 39; 6—8 — на скале Сулек III; 9, 10 — на плитах тагарского кургана у дер. Знаменки; 11 — на памятнике № 25; 12 — на памятнике № 48; 13, 15 — на плитах тагарских курганов у скалы Хара-Хая на р. Аскиз; 14 — на плите тагарского кургана близ улуса Подкамень; 16 — на памятнике № 27; 17 — при надписи на дне золотого кувшина из кургана № 2 Копенского чаа-таса (Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев, 1939 г.); 18 — на каменном «старике» близ дер. Знаменки, с надписью на спине — памятник № 37; 19 — на плите древнехакасского кургана Изыхского чаа-таса; 20 — на плите древнехакасского кургана Сырского чаа-таса

⁶⁸ Тамга на скале в Овюрском районе, в 5 км к северо-востоку от пос. Хандагайты, опубликована А. Д. Грачом в «Сборнике музея антропологии и этнографии», вып. XVIII, М.—Л., 1958, табл. XLIII, 2 и стр. 370.

⁶⁹ Тамга на скале Бижиктиг-Хая в уроч. Кулузун в отрогах Берт-Дага (Л. Р. Кызласов, 1947 г.).

⁷⁰ У С. Е. Малова (см. С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков, стр. 20—23) ошибочно указано, что эта группа памятников происходит с р. Барлык. На деле Д. А. Клеменц нашел их на р. Барык, о чем прямо сказано в его «Объяснительной записке». См. В. В. Радлов. Атлас древностей Монголии, вып. 2, СПб., 1893. Ошибка эта существенна, так как в Туве есть и р. Барык (расположена в центральной Туве) и р. Барлык — приток Хемчика (Западная Тува).

⁷¹ Эта тамга неоднократно публиковалась: А. В. Адрианов. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 году. Зап. РГО, по общей географии, т. XI, СПб., 1888, рис. 26; В. В. Радлов. Атлас древностей Монголии, вып. II, табл. LXXI, рис. 6, Inscriptions de l'Éniseï..., табл. 10.

касского кагана на территории Тувы, о чем свидетельствует как его титул «эльчи», означающий «правитель народа» («человек, хранящий и соблюдающий установления эля, т. е. государства») ⁷², так и слова памятника: «Я великий у (народа) шести багов в Кешдиме» ⁷³.

Значение надписи Хая-Бажы определяется также такими строками текста: «Это — вечный памятник моего хана и моего государства на Кара сэнгир» ⁷⁴ и «Слушайте, все люди, эльчи (из) Кара сэнгир». О том, что люди действительно «слушали», т. е. читали этот важный текст, мы знаем по многочисленным тамгам, которые они вырезали среди надпи-

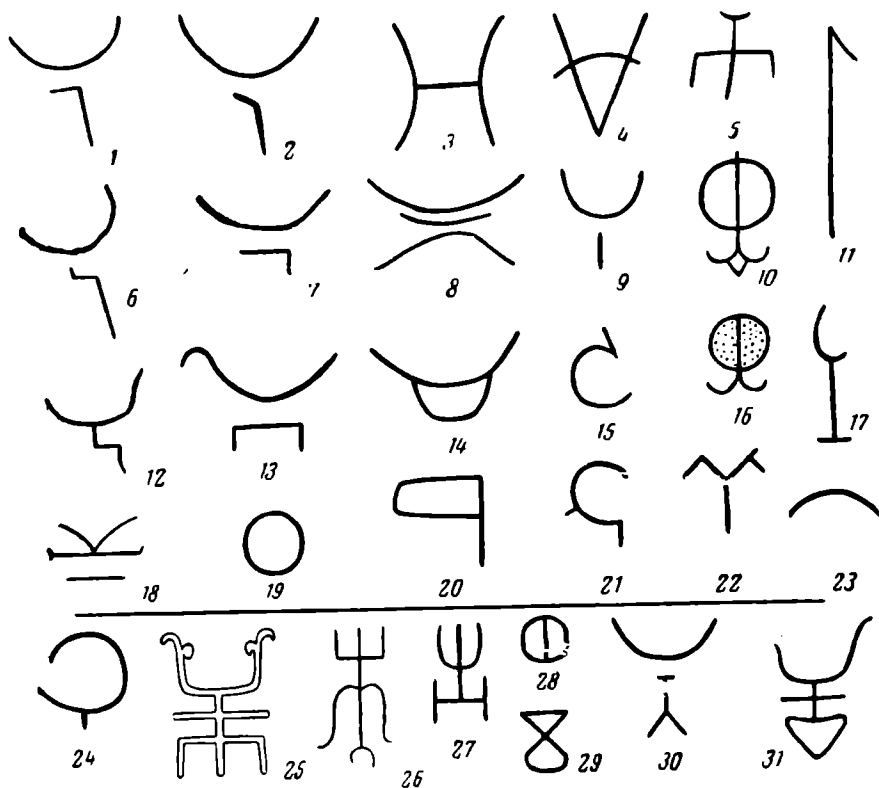

Рис. 15. Тамги из Тувы

1—23 — среди надписей на скале Хая-Бажы (№ 24); 24 — на скале Кулузун в горах Берт-Даг; 25—29 на скале Малый Баянгол близ г. Кызыла, 30, 31 — на скалах в Овьуре (по А. Д. Грачу; Сб. МАЭ, XVIII)

сей на свободных участках скалы в знак своего пребывания и ознакомления с текстом (рис. 8, 1—6 и 15, 1—23). Любопытно, что среди этих тамг мы видим начальные знаки пяти выделенных нами групп (за исключением первой) — владельцев отдельных багов (рис. 8, 1; рис. 15, 1—3). Это свидетельствует: 1) о датировке памятника Хая-Бажы серединой IX в. — временем появления и пребывания в Туве владельцев начальных знаков; 2) о подчинении владельцев отдельных багов власти «эльчи из Кара сэнгира» в данный отрезок времени. Дольше других на этой скале отмечались лишь владельцы соседнего бага (рис. 15, 1, 6, 12) и все прямые потомки «эльчи из Кара сэнгира», тамги которых прослеживаются на шесть поколений, т. е. в среднем так же на 180 лет, как и в вышеописанной I группе (рис. 8, 1—6). «Эльчи из Кара сэнгира» был родом из

⁷² См. А. М. Щербак. Несколько слов о приемах чтения рунических надписей, найденных на Дону. СА, XIX, 1954, стр. 274.

⁷³ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков, стр. 44—45.

⁷⁴ «Вечным памятником» была также известная Сулекская писаница в Хакасии. См. там же, стр. 69.

южных хакасов, так как памятник его отца с начальной для него тамгой обнаружен сразу же к северу от Саян у дер. Означенная (рис. 14, 11)⁷⁵, а тамги оставшихся в Хакасии его сородичей — на реках Абакане⁷⁶ и Аскизе (рис. 14, 12, 13).

III группа тамг (рис. 8, 7—10) составляет тамги четырех поколений, причем начальная тамга этого ряда обнаружена на скале Хая-Бажы (рис. 15, 2), а три следующих — на памятниках с р. Элегест, которые курганным инвентарем датированы IX—X вв. Теперь мы можем уточнить их относительную датировку: начальная тамга (рис. 8, 7) — середина IX в., «первый памятник у пос. Элегест» (рис. 8, 8) — конец IX в., «второй памятник у пос. Элегест» (рис. 8, 9)⁷⁷ — начало X в. и памятник № 10 с р. Элегест (рис. 8, 10)⁷⁸ — середина X в.

IV группа тамг небольшая. Начальной тамгой здесь будет знак на памятнике № 19 (Седьмой памятник с р. Чаа-Холь)⁷⁹, поставленном убитому на войне «Кутлугу чигши» (рис. 9, 16). Этот знак есть и среди тамг на Хая-Бажы (рис. 15, 3); значит, «Кутлуг чигши» читал надпись на скале Хая Бажы. А так как на Хая-Бажы нет тамг его младших братьев или сына, то «Кутлуг чигши» жил одновременно с первым «эльчи из Кара сэнгира», т. е. его памятник также должен датироваться серединой IX в. Младшим братом «Кутлуга чигши» (рис. 9, 17) был «эльчи (?) Чур сильный Барс» (Второй памятник с Чаа-Холя, № 14, который стоял вместе с памятником № 19)⁸⁰. Если перевод С. Е. Малова окажется верным, то это был второй эльчи хакасов в Туве, назначенный после смерти первого «эльчи из Кара сэнгира», а датировка памятника — третья четверть IX в.

Сыном «Кутлуга чигши», судя по типологии знаков (рис. 9, 18), был человек, которому принадлежит памятник № 20 (Восьмой памятник с р. Чаа-Холь, который стоял вместе с памятниками его отца и дяди — №№ 19 и 14)⁸¹. Его дата — конец IX в.

К этой же группе относится памятник с р. Кули-Хем, правого притока Улуг-Хема (№ 12)⁸². Тамга его, по обобщенным данным финского атласа, однотипна с тамгами памятников №№ 19 и 14 (рис. 9, 15), но, конечно, она должна отличаться от них какой-то деталью, на которую финские археологи не обратили внимания⁸³. Однако очевидно, что и этот памятник относится ко второй половине IX в.

Родоначальником лиц V и VI групп, судя по тамгам, был тот же человек, который был и родоначальником лиц III группы (рис. 7, 1 и 8, 7). Его тамга высечена на скале Хая-Бажы (рис. 15, 2). Последующие тамги V группы также оказались высечены на скале Хая-Бажы строго друг под другом (рис. 15, 1, 6, 12 и рис. 7, 2, 6, 7). И, наконец, последняя известная тамга V группы оказалась на памятнике № 41, известном под названием «Кемчик-Джиргак» (рис. 7, 8)⁸⁴, так как он был найден на

⁷⁵ Отсюда памятник № 25 из дер. Означенной по типу тамги датируется первой половиной IX в. См. С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков, стр. 45—46.

⁷⁶ Абаканский памятник (С. Е. Малов, № 48) по типу тамги (рис. 14, 12) также относится к первой половине IX в. и принадлежит, вероятно, брату человека, которому принадлежит памятник № 25 из дер. Означенной.

⁷⁷ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, стр. 70—74.

⁷⁸ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков, стр. 25.

⁷⁹ Там же, стр. 41; тамгу см. В. В. Радлов. Атлас древностей Монголии, вып. III, табл. LXXXVII, рис. 4.

⁸⁰ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков, стр. 37. Тамгу см. В. В. Радлов. Атлас древностей..., вып. 2, табл. LXXIX, рис. 3. Совсем рядом с ним стоял еще памятник № 18 «Отца Чура» без тамги (?) — вероятно, это памятник отца Чур Барса из памятника № 14.

⁸¹ Там же, стр. 41; тамгу см. В. В. Радлов. Ук. соч., вып. 3, табл. LXXXVII, рис. 5.

⁸² С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков, стр. 34—35.

⁸³ Inscriptions de l'Énisséi..., стр. 19.

⁸⁴ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков, стр. 73—75.

р. Чиргакы, правом притоке р. Хемчик. Чрезвычайно интересно, что человек, которому был поставлен памятник (в тексте читаем: «мое геройское имя Йола»), также отметил и на Хая-Бажы. На вершине скалы, гораздо выше основного текста, как раз идет ряд тамг V группы (рис. 15, 1, 6, 12) и слева, рядом с тамгой своего отца, этот человек вырезал не свой знак, а свое имя «Йол-апа»⁸⁵, чем полностью подтвердил взаимосвязь тамг (рис. 7, 7 и 8). Датировка памятника «Кемчик-Джиргак» (на основании генезиса тамг V группы) — конец X в.

Что касается VI группы тамг (рис. 7), то первые две тамги этого ряда (рис. 7, 1, 2) известны нам по скале Хая-Бажы (рис. 15, 1, 2). К сожалению, нам не пришлось видеть тех памятников с р. Чаа-Холь (№ 21 — «девятый с Чаа-Холя», № 22 — «десятый с Чаа-Холя», № 23 — «одиннадцатый с Чаа-Холя»), для которых финские археологи привели ту же тамгу, что и вырезанная на Хая-Бажы (рис. 7, 2, 3, 4, 5)⁸⁶.

Очевидно, что только тамга одного памятника должна точно совпадать с указанным знаком с Хая-Бажы (рис. 7, 2, 3), а тамги двух других памятников, безусловно, чем-то отличались. Вероятно, тамга другого памятника (рис. 7, 4) имела вид теоретически восстановленного нами знака (рис. 7, 12), который, безусловно, существовал. Остаются неизвестными лишь точные очертания последнего знака (рис. 7, 5), а следовательно, неизвестно и его место в таблице. Несмотря на это, все три памятника датируются второй половиной IX в.

Остальные памятники со знаками VI группы распадаются на два фамильных ряда и могут быть хорошо датированы. Памятник № 17 («Пятый с р. Чаа-Холь») относится к началу X в. (рис. 7, 9). Памятники № 42 (Бай-Булун, курган № 22; рис. 7, 10) и № 15 («третий с Чаа-Холя»; рис. 7, 13) — середина X в.; памятники № 49 (Бай-Булун, курган № 21; рис. 7, 11) и № 16 («Четвертый с р. Чаа-Холь»; рис. 7, 14) появились во второй половине X в. и, наконец, последний памятник Уюк-Тарлаг № 1 (рис. 7, 15)⁸⁷ относится к самому рубежу X и XI вв. Между прочим, это памятник последнего из известных нам «эльчи», который был «бегем народу шести багов»⁸⁸.

Что касается происхождения родоначальника лиц, оставивших знаки III, V и VI групп, то простое сравнение со знаками из Северной Хакасии (рис. 14, 3, 4, 6, 7, 8) позволяет установить его северохакасское происхождение (ср. еще один знак из Тувы; рис. 15, 30).

Наконец, следует вкратце отметить, что составленные нами карты расположения памятников с тамгами позволяют сделать вывод, что шесть багов, которые упоминаются только в древнехакасских надписях Тувы, есть шесть феодальных надделов (уделов)⁸⁹, на которые была разделена Тува после присоединения ее к древнехакасскому государству после 840 г. (рис. 16).

Каждый баг был передан хакасским каганом в качестве феодального наддела во владение семье одного из хакасских военачальников — бегов, очевидно, из числа наиболее отличившихся в многолетней войне с уйгурами. Владение всем багом было наследственным и передавалось от

⁸⁵ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков, стр. 44, 9 строка транскрипции. Несколько искаженное расположение этих тамг и надписи ср. А. В. Адрианов. Ук. соч., рис. 27.

⁸⁶ Inscriptions de l'Énissime..., стр. 19.

⁸⁷ В «Атласе древностей Монголии» (вып. 2, табл. LXXII, 3) помещен ошибочный рисунок знака, сделанный Д. А. Клеменцом. Истинный характер тамги установлен нами при осмотре самого памятника в Минусинском музее (инв. № 20).

⁸⁸ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков, стр. 11. В названии памятника у С. Е. Малова неточность. Он найден на р. Тарлаг (по-русски — «Тарлык»), левом притоке р. Уюка, который в свою очередь впадает справа в Бий-Хем (а не в Улуг-Хем).

⁸⁹ Ср. теперь в Монгольской Народной Республике: «баг» — низшая административная единица.

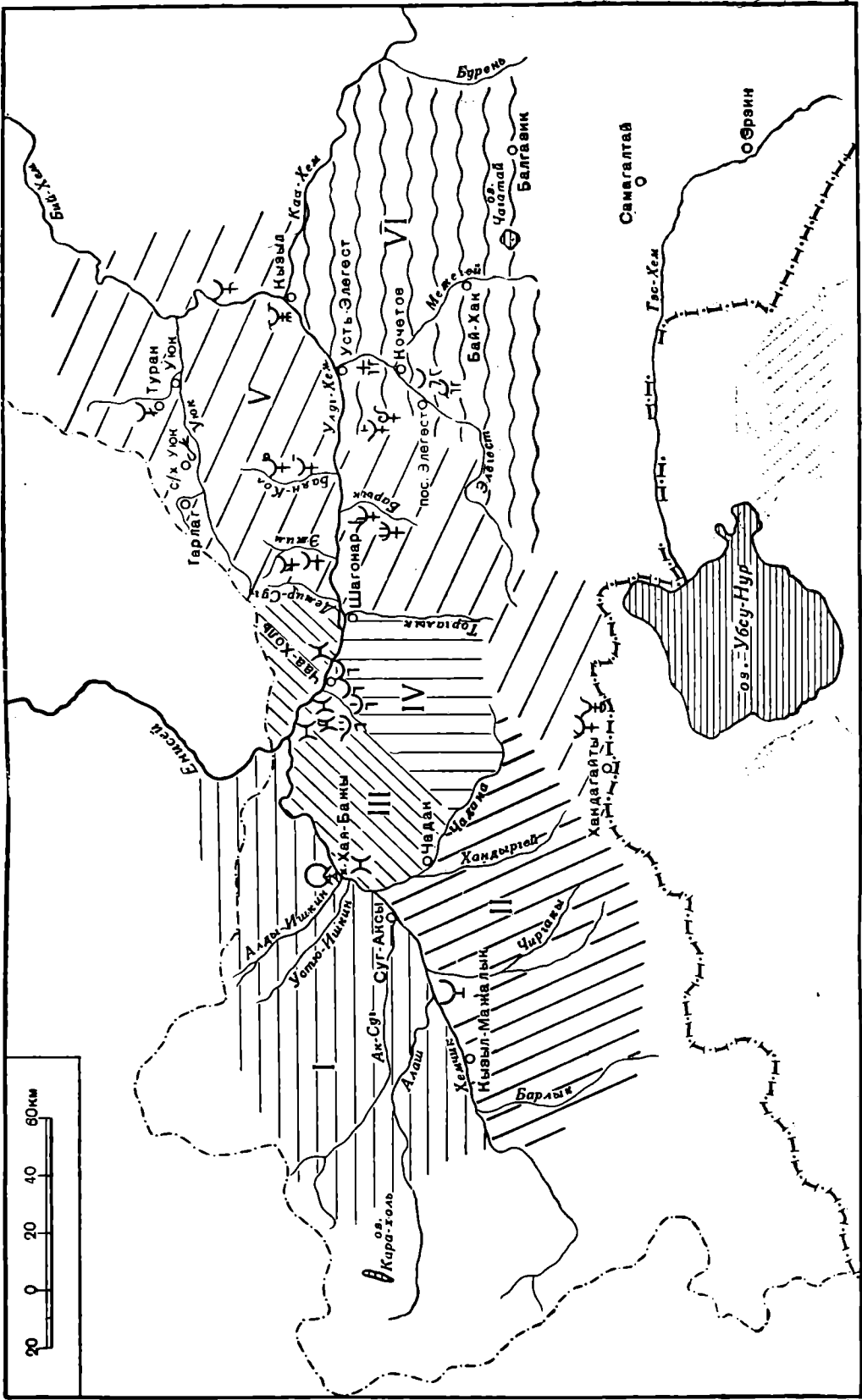

Рис. 16. Карта местонахождения тамга в Туве (период от середины IX до середины X в.) и примерные территории багов

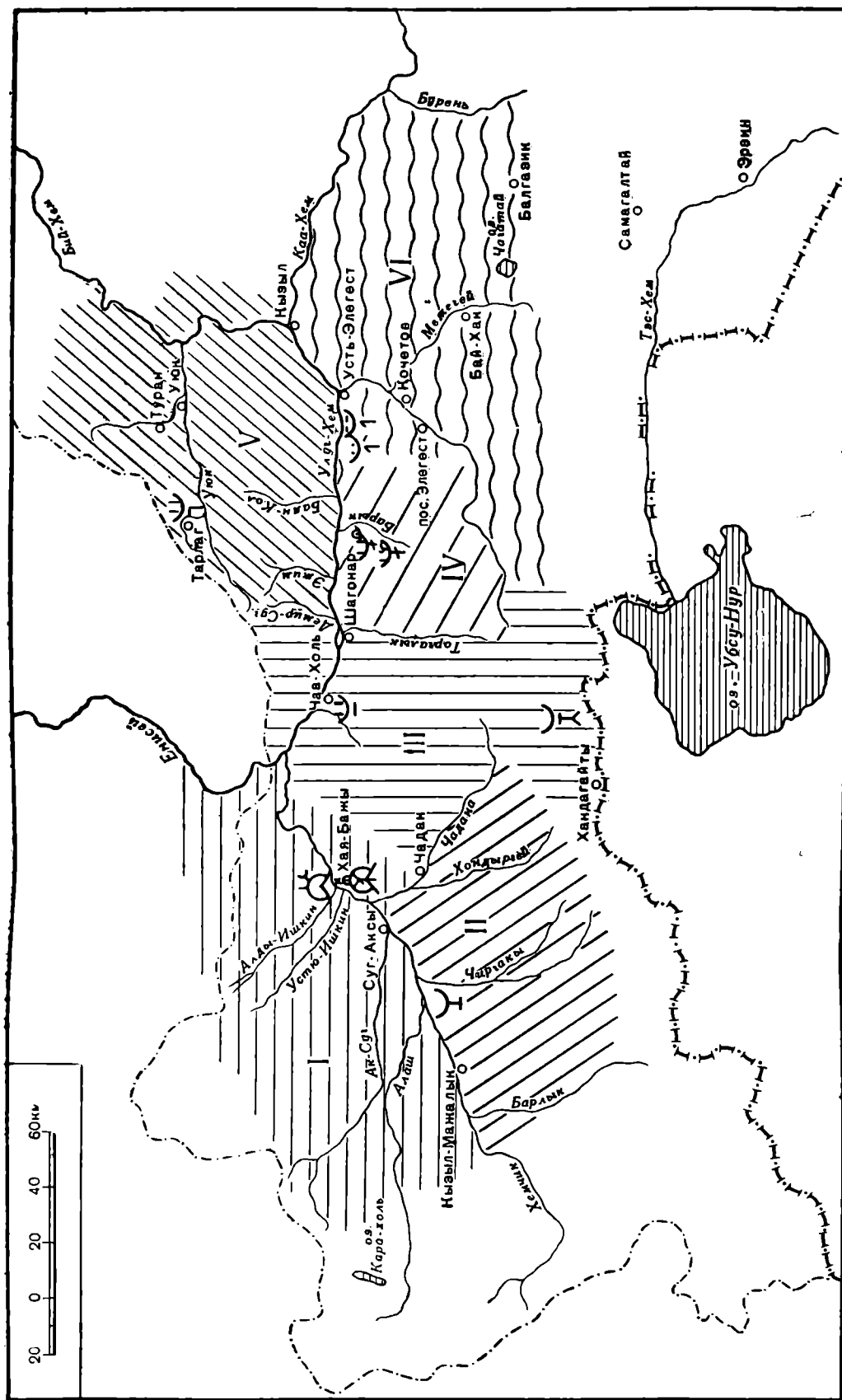

Рис 17. Карта багов во второй половине XVIII в.

отца к старшему сыну, причем какие-то части багов выделялись и для младших братьев. Стоявшие во главе бага крупные феодалы имели различные титулы, определявшие их должностным положением в системе каганата. Все шесть багов были объединены и названы в надписях «народом шести багов». В военно-административном отношении все шесть багов подчинялись владельцу одного из багов, который был наместником кагана и назывался «эльчи». Как говорилось выше, такие наместники менялись.

На основании распространения знаков возможно с приближенной точностью установить территории отдельных феодальных владений — багов, которые не оставались неизменными с течением времени (рис. 16). Есть основание считать, что третий баг сравнительно скоро был поглощен четвертым, а пятый баг разделился на два (с границей по Улуг-Хему) и, таким образом, общее число их оставалось неизменным (рис. 16). Наибольшие перемены в семьях — владельцев багов — произошли после середины X в., но и тогда багов по-прежнему было шесть (рис. 17).

* * *

Типологический анализ тамговых знаков, как мы видели, позволяет датировать все основное количество памятников енисейской письменности (во всяком случае, памятники со знаками шести групп) второй половиной IX и X веком и считать их памятниками древнехакасской знати. Такой вывод, как было показано выше, целиком совпадает с заключением, сделанным на основании раскопок тех курганов, у которых стояли некоторые из этих памятников.

В результате победы хакасов над уйгурами древнехакасские памятники после 840 г. появились не только в Туве, но даже и на территории Монголии. Это прежде всего известная суджинская надпись, найденная на древней родине уйгуров, в верховьях р. Селенги и относящаяся к 840—860 гг.⁹⁰ Интересно отметить, что это памятник одному из чиновников-администраторов, которому после разгрома уйгуров было, видимо, поручено контролировать земли уйгурского каганского рода Яглакар, за населением которых, естественно, в этот период времени нужен был особый присмотр⁹¹.

Енисейская письменность у древних хакасов, как показали археологические исследования, продолжала существовать и в XI—XII вв. (памятники из пос. Малиновка и Кезек-Хурэ). В это время тамги на стелах с надписями уже не изображаются, очевидно, потому, что типологическое развитие фамильных знаков зашло в тупик и, вероятно, собственные имена стали писаться буквами.

Позднее существование древнетюркской письменности в Центральной Азии подтверждается целым рядом фактов. Так, в начале X в. древнетюркская письменность еще настолько широко была распространена, что ее знали и использовали для своих целей даже кидани. В истории киданьской династии Ляо (Ляоши) сказано, что когда в 924 г. первый император киданей Амбагянь пришел с войсками к развалинам уйгурской столицы Орду-Балык на р. Орхоне, он приказал на каменной плите «описать свои подвиги киданьскими, тукюескими (т. е. древнетюркскими.— Л. К.) и китайскими письменами»⁹².

⁹⁰ G. I. Ramstedt, Zwei uigurische Runeninschriften in der Nord-Mongolei. Journal de la Société Finno-Ougrienne, XXX, Helsinki, 1913; С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков, стр. 84—85, № 47.

⁹¹ Ю. А. Зуев. Киргизская надпись из Суджи. СВ, 1958, № 3; I. R. Hamilton. Les Ouïghours à l'époque des cinq dynasties d'après les documents chinois. Paris, 1955, стр. 160.

⁹² В. П. Васильев. Китайские надписи на орхонских памятниках в Кошо-Цайдаме и Карабалагасуне. Сборник трудов Орхонской экспедиции, вып. 3, СПб., 1897, стр. 29, прим. 1.

Кроме того, древнетюркская надпись обнаружена на хорошо датированной уйгурской рукописи XI—XII вв., найденной в Синьцзяне⁹³. И, наконец, недавно в Монголии найдена руноподобная надпись с именем Чингисхана (XIII в.)⁹⁴. Подобно древнетюркской письменности в Центральной Азии, самобытная енисейская письменность (на енисейском алфавите древнетюркского письма) продолжала существовать в бассейне верхнего течения Енисея (Хакасско-Минусинская котловина и Тува) в XI—XII в., по-видимому, вплоть до монгольского завоевания этих территорий в начале XIII в.

Весь период существования енисейской письменности, основываясь на современных научных данных, определяется, таким образом, временем с VII по XIII в. В основной своей работе, посвященной памятникам енисейской письменности, С. Е. Малов совершенно справедливо писал, что «сначала тюрколог-языковед, используя точно текст памятника, дает его перевод, согласный с тюркским синтаксисом и грамматикой, после чего уже тюрколог-историк может пользоваться этим памятником для своих исторических построений»⁹⁵.

В связи с данной работой хотелось бы сказать, что поскольку, используя различные исторические материалы, нам удалось установить датировки памятников енисейской письменности и определить этническую принадлежность оставивших их людей, теперь предоставляется возможность тюркологам-языковедам проследить в исторической последовательности пути развития этой письменности, установить палеографию ее памятников, уловить изменения грамматического строя и словарного запаса, возможные различия диалектов и языка памятников письменности древних хакасов и тувинских чиков уйгурского периода. Прodelать столь сложную работу можно лишь при условии ознакомления исследователя-языковеда с оригиналами памятников, что вполне осуществимо.

⁹³ А. Н. Бернштам. Руническая надпись в уйгурской рукописи. Зап. Ин-та востоковедения АН СССР, т. VII, М.—Л., 1939.

⁹⁴ А. Лувсандэндэв. Шинээр олдсон нэг тюрк бичээсин тухай. (Об одной вновь найденной тюркской надписи). Улаан-баатар, 1956. Эта надпись сомнительна.

⁹⁵ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков, стр. 88.

ПРИЛОЖЕНИЕ

№ памятника (по С. Е. Малову) или издание	Датировка автора	Местонахождение на 1959 г.	Примечания
1	Рубеж X—XI вв.	Минусинский музей, № 20	Стоял одиночно
2	763—840 гг.	Минусинский музей, № 21	У кургана Коктон, № 54 (1916 г.)
3	Середина IX в.	Кызыльский музей	Стоял одиночно
4	840—X в.	На месте (?)	У кургана
5	Начало X в.	На месте (?)	В ряду из трех плит
6	Вторая половина X в.	На месте (?)	У кургана
7	Рубеж X—XI вв.	На месте (?)	В том же ряду из трех плит, что и № 5
8	Середина X в.	На месте (?)	У того же кургана, что и № 6
9	?	На месте (?)	Одиночно
10	Середина X в.	Минусинский музей, № 19	У кургана г. Цинге, № 18 (1915 г.)
11	Конец X в.	Минусинский музей, № 40	У кургана Мунгаш-Чирик, № 34 (1916 г.)
12	Вторая половина IX в.	На месте (?)	У кургана в ряду из двух плит
13	Вторая половина IX в.	Минусинский музей	Одиночно
14	Третья четверть IX в.	На месте (?)	Одиночно
15	Середина X в.	На месте (?)	Рядом с каменной бабой VIII—IX вв.
16	Вторая половина X в.	На месте (?)	Одиночно
17	Начало X в.	На месте (?)	Одиночно
18	Середина IX в.	На месте (?)	Одиночно, но вблизи № 14
19	Середина IX в.	На месте (?)	Одиночно, но вблизи № 14 и 18
20	Конец IX в.	На месте (?)	Одиночно, но неподалеку от группы №№ 14, 18 и 19
21	Вторая половина IX в.	На месте (?)	Одиночно, но вблизи № 17
22	Вторая половина IX в.	На месте (?)	Одиночно, но вблизи № 21
23	Вторая половина IX в.	На месте (?)	Одиночно, вблизи групп №№ 17, 21 и 22
24	Середина IX в.	На месте (скала)	Без курганов
25	Первая половина IX в.	Минусинский музей, № 30	Одиночно
32	Конец VII в.	Минусинский музей	Одиночно
37	Вторая половина IX в.	Минусинский музей, № 12	Это надпись на каменном «старике» из Знаменки
39	IX—X вв.	На месте (скала)	Это надписи на Сулекской писанице
40	VIII в.	? (нет на месте)	У кургана Ташебинский чаа-гас, № 1 (1889 г.)
41	Конец X в.	Минусинский музей, № 34	?
42	Середина X в.	Минусинский музей, № 38	У кургана Бай-Булуи, № 22 (1915 г.)
43	Конец IX в.	На месте	Одиночно
44	Начало X в.	На месте	Одиночно
45	Вторая половина IX в.	На месте	В ряду из четырех плит
46	Конец IX в.	На месте	В ряду из четырех плит

ПРИЛОЖЕНИЕ (продолжение)

№ памятника (по С. Е. Малову) или издание	Датировка автора	Местонахождение на 1959 г.	Примечания
47	840—860 гг.	В МНР	
48	Первая половина IX в.	Минусинский музей, № 44	Одиночно
49	Вторая половина X в.	Минусинский музей, № 22	У кургана Бай-Булун, № 21 (1915 г.)
50	?	Минусинский музей, №№ 42 и 42-а	?
51	800—840 гг.	Минусинский музей, №№ 36 и 36-а	?
I у пос. Элегест	Конец IX в.	На месте	У кургана пос. Элегест, № 19-а (1926 г.)
II у пос. Элегест	Начало X в.	На месте	У кургана пос. Элегест, № 19-б (1926 г.)
Тува. Издан С. В. Киселевым. ВДИ, 1939, № 3, В.	?	Минусинский музей, № 39	?
Тува. Издан С. В. Киселевым, ВДИ, 1939, № 3, Г.	?	Минусинский музей, № 41	?
У пос. Малиновка. Издан Э. Р. Рыгдылоном в сб. «Эпиграфика Востока», вып. IV, стр. 87—89	Конец XI — начало XII в.	По Э. Р. Рыгдылону — в Минусинском музее. Наметам не обнаружен	У кургана пос. Малиновка, № 1 (1955 г.)
У г. Сайгын. Издан Ю. Л. Аранчином в сб. «Эпиграфика Востока», вып. V, стр. 76—77.	?	На месте	У кургана
Кезек-Хурэ. Не издан	XI—XII вв.	Кызыльский музей	У кургана Кезек-Хурэ, № 1 (1959 г.)

ЯРОСЛАВСКИЕ КНЯЗЬЯ ПО НУМИЗМАТИЧЕСКИМ ДАННЫМ

В борьбе за объединение Русских земель вокруг Москвы почетное место следует отвести удельному княжеству Ярославскому. Ярославские князья были верными союзниками и помощниками великого князя Московского в течение всего периода борьбы за создание Русского централизованного государства, независимо от того, какой оборот принимала эта борьба в тот или иной период. Эти славные традиции сохранялись Ярославским княжеством на всем протяжении его истории. Наиболее показательными являются та роль и то место, которые занял Ярославль во время освободительной войны русского народа с польско-шведскими интервентами в начале XVII в.

Однако разработка вопросов истории Ярославского княжества в научной литературе (особенно в отношении периода, в который Ярославское княжество еще сохраняло свою самостоятельность) далеко не пропорциональна его роли в русской истории.

Единственная работа, освещающая историю Ярославского княжества более или менее полно, «Ярославские владетельные князья» А. В. Экземплярского¹, носит чисто фактологический характер. По существу этим же отмечена и работа А. И. Маркевича «Ярославские князья в Московском государстве», хотя автор ее и упрекает А. В. Экземплярского за то, что он почти не сделал ничего, чтобы осмыслить ход событий, ограничившись одним изложением фактов².

Из предшественников А. В. Экземплярского и А. И. Маркевича нужно прежде всего назвать С. Серебрякова, печатавшего в «Ярославских Губернских Ведомостях» в 40-х — 50-х годах прошлого века свои небольшие, но многочисленные исследования по истории Ярославского княжества и города Ярославля. В его статьях в некоторых случаях использованы не дошедшие до нас источники.

В 1857 г. вышла первая сводная работа «История губернского города Ярославля»³. Впрочем, все перечисленные работы, как и статьи В. Лествицына⁴, А. А. Титова⁵ и др., после выхода монографии А. В. Экземплярского потеряли свое значение.

Очерки по истории Ярославского княжества и города Ярославля, напечатанные в журнале «Советское краеведение» (Москва, 1936, № 5), и книжечка «Ярославль», изданная Ярославским областным государственным издательством в 1950 г., принадлежат к числу научно-популярной литературы.

¹ А. В. Экземплярский. Ярославские владетельные князья. Ярославль, 1889.

² А. И. Маркевич. Ярославские князья в Московском государстве. Тр. VII АС, т. II, 1891, стр. 87.

³ И. Троицкий. История губернского города Ярославля. Ярославль, 1853.

⁴ В. Лествицын. Место побоища на Сити. Ярославские Губернские Ведомости, 1868 г., № 41; его же. От Ярославля до Москвы. Ярославль, 1869.

⁵ А. А. Титов. Путеводитель по г. Ярославлю. М., 1883.

Не богата история Ярославского княжества и первоисточниками. Письменные источники обычно упоминают о нем только в тех случаях, когда жизнь княжества входит в орбиту исторических событий, касающихся истории всей Русской земли. Те же стороны жизни княжества, которые не были непосредственно связаны с событиями в великом княжестве Московском, с ходом феодальных войн и пр., письменными источниками почти не освещаются, а незначительные сведения, имеющиеся в них, зачастую противоречивы.

В связи с этим особое значение приобретают вспомогательные исторические источники, и в первую очередь нумизматические памятники.

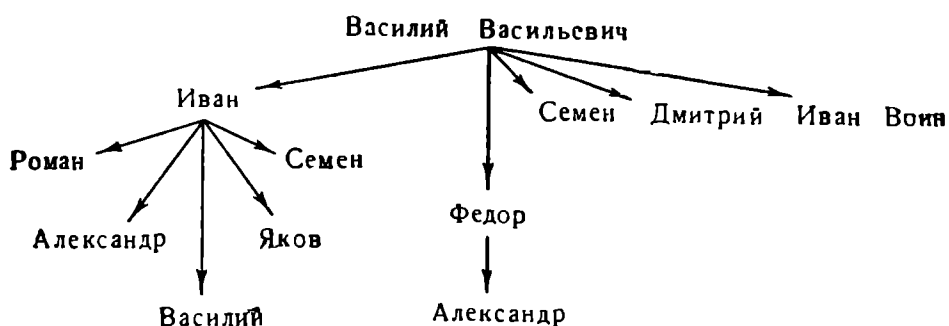
Вопрос о чеканке монет в Ярославском княжестве специально не разрабатывался. Как правило, авторы ограничивались лишь описанием отдельных монет этого княжества⁶. Имеется единственная заметка на интересующую нас тему А. В. Орешникова «О монетах удельного княжества Ярославского»⁷, в которой разбирается спор о престолонаследии с точки зрения нумизматических данных и издается несколько новых типов монет (в дополнение к изданным в его монографии о русских монетах)⁸.

Сам состав монет, чеканившихся в Ярославском княжестве, до сих пор не определен и не систематизирован исследователями.

Применение новых методов при изучении монет Ярославского княжества (и прежде всего работа со штемпелями) помогло выявить новый состав монет этого княжества, ввести в его чекан новые типы монет, считавшиеся ранее принадлежавшими другим княжествам, установить даты бытования отдельных групп монет, внести ясность в некоторые спорные вопросы истории Ярославского княжества, в частности в неоднократно дискуссировавшийся вопрос о престолонаследии.

В исторической литературе по поводу этого последнего существуют две точки зрения, основанные на разногласии показаний летописей и родословных книг.

В целом родословная таблица Ярославских князей рассматриваемого периода реконструируется в следующем виде (схема).

Судя по ряду летописных указаний, Ярославский стол после Василия Васильевича занял его старший сын Иван Васильевич, как показывает

⁶ А. Д. Чертков. Описание древних русских монет. М., 1834, стр. 138, №№ 280—282; С. Шодуар. Обзорение русских денег и иностранных монет, употреблявшихся в России с древнейших времен. СПб., 1837, доска 50, рис. № 196; J. Reichel. Die Reichelsche Münzsammlung in St. Petersburg, ч. 1, СПб., 1842, стр. 354—355, №№ 4134—4139; Я. Я. Рейхель. Дополнение к русской нумизматике среднего века. СПб., 1847, вып. 1, стр. 26—27, № 45; Д. Соколов. Деньги и пулы древней Руси, великокняжеские и удельные. М., 1860, стр. 53—54, №№ 1—3; Э. К. Гуттен-Чапский. Удельные, великокняжеские и царские деньги древней Руси. СПб., 1875, стр. 7—8, №№ 21—24.

⁷ А. В. Орешников. Материалы к русской нумизматике до царского периода. 3. О монетах удельного княжества Ярославского. Тр. Московского нумизматического общества, т. II, вып. 1, М., 1899, стр. 19—28.

⁸ Его же. Русские монеты до 1547 г. М., 1896, №№ 807а—812, рис. 665—670.

в своих работах А. В. Экземплярский⁹, а вслед за ним А. И. Маркевич¹⁰. Некоторые же исследователи, в том числе А. В. Орешников¹¹, отказывают Ивану Васильевичу в Ярославском столе и считают преемником Василия Васильевича не его старшего сына, Ивана, а второго — Федора. Эта точка зрения основана на показаниях родословных книг и игнорировании летописных данных.

Родословные¹² подчеркивают княжение Федора Васильевича, а список Синодальной библиотеки прямо перечисляет: «Отъ Князя Ростислава Мстиславича Смоленского пошли Ярославские Князи:

Князь Федоръ Ростиславичъ.
Князь Давидъ Федоровичъ.
Князь Василей Давыдовичъ.
Князь Василей Васильевичъ.
Князь Федоръ Васильевичъ.
Князь Александръ Федоровичъ»¹³.

Подтверждение свидетельству родословных книг А. В. Орешников находил и в нумизматическом материале. «Переходя к нумизматическим данным об Ярославских князьях,— писал он,— можно уверенно сказать, что монет, которые можно бы было приписать Ивану Васильевичу Ярославскому, нет; те монеты, которые носят имя Ивана (см. Русск. мон. до 1547 г., № 877) или Ивана Васильевича (см. Чертков, № 279, гр. Чапский, № 33), принадлежат князю Суздальско-Нижегородскому»¹⁴. А в другой работе он пишет: «Нумизматика ничего не дает для уяснения преемственности княжений Ярославских князей»¹⁵.

Насколько справедливо это замечание, попытаемся выяснить непосредственно путем рассмотрения самих нумизматических памятников.

Монеты с надписью «Князь Иван Васильевич». Среди русских монет XV в. имеется любопытный экземпляр деньги, не нашедшей себе до сих пор определенного места в каталогах. Эта монета издана А. В. Орешниковым среди неопределенных монет¹⁶. Рисунок лицевой стороны из-за плохой сохранности монеты неверно понят А. В. Орешниковым, считавшим, что на ней изображен всадник¹⁷. В действительности дополнительный осмотр монеты (хранится в ГИМ) дал возможность установить на лицевой стороне ее изображение человека с секирой и мечом в руках, вправо; с трилистником у головы и крестиком (?) за спиной. Вокруг изображения — линейный ободок. Круговая надпись стерлась. На оборотной стороне — два сетчатых четырехугольника с петельками в виде листиков по углам и растительным орнаментом по полю монеты. Вокруг, за линейным ободком, следы круговой надписи¹⁸ (рис. 1, 8, 9).

Точно такой же тип монеты издан был А. Д. Чертковым¹⁹. Чертковский экземпляр хранится в Историческом музее и почему-то не попал в издание А. В. Орешникова. Он лучшей сохранности, чем орешниковский.

⁹ А. В. Экземплярский. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. СПб., 1891, т. II, стр. 90—93.

¹⁰ А. И. Маркевич. Ук. соч., стр. 85—87.

¹¹ А. В. Орешников. Русские монеты..., стр. 158—160; его же. О монетах удельного княжества Ярославского, стр. 19—28.

¹² Временник МОИДР. М., 1851, кн. 10-я, стр. 1—286.

¹³ Там же, стр. 35.

¹⁴ А. В. Орешников. О монетах удельного княжества Ярославского, стр. 22.

¹⁵ А. В. Орешников. Русские монеты..., стр. 159.

¹⁶ Там же, № 952, рис. 848.

¹⁷ Согласно толкованию изображения, фотография лицевой стороны повернута А. В. Орешниковым на 90° от ее нормального положения.

¹⁸ В приложении к настоящей статье — «Описание монет удельного княжества Ярославского» — монета описана под № 9.

¹⁹ А. Д. Чертков. Ук. соч., № 279, табл. XVI, фиг. 9 (у нас описана в приложении под № 8).

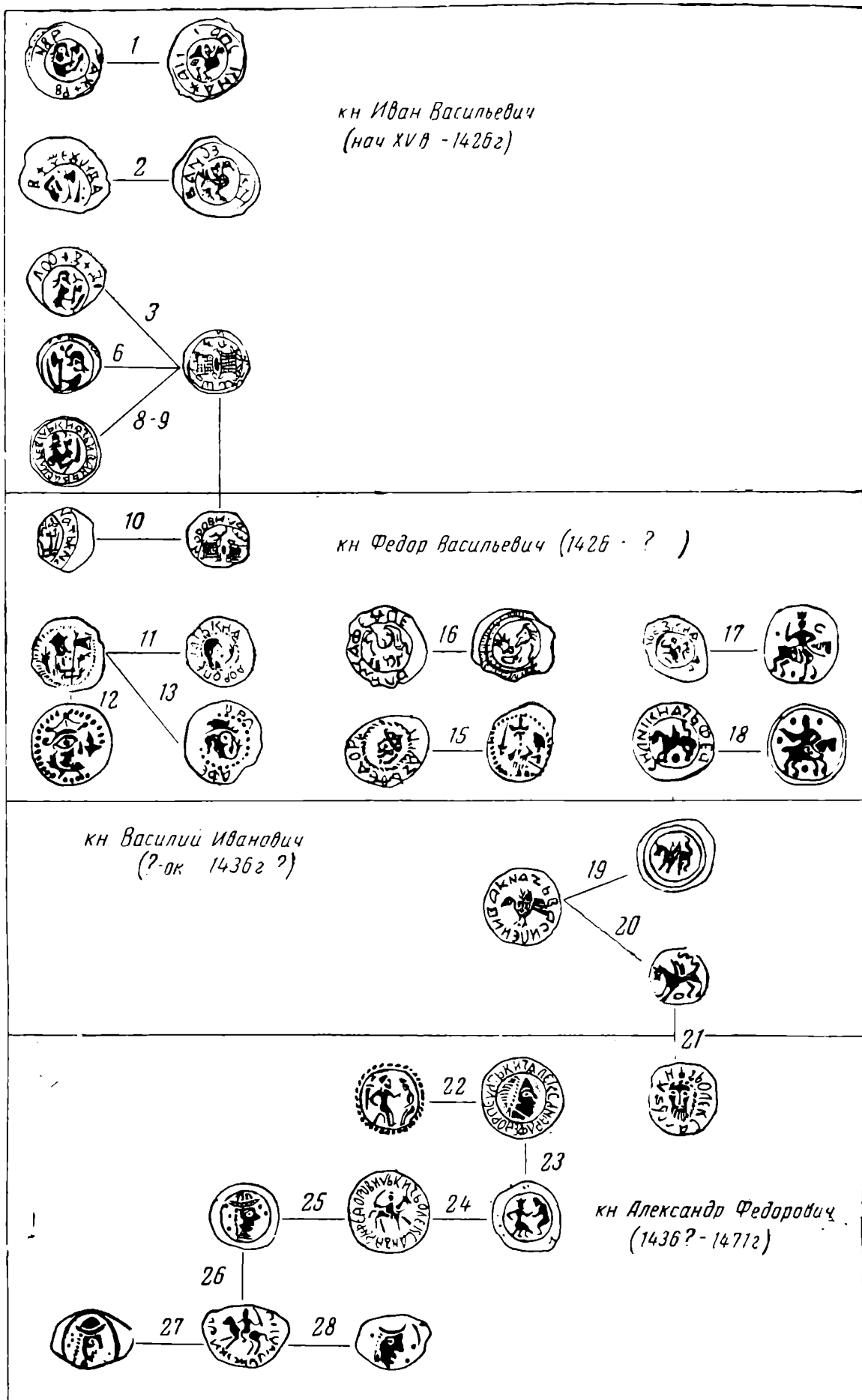

Рис. 1. Схема соотношения штемпелей монет удельного княжества Ярославского (№№ монет таблицы соответствуют №№ монет в приложении к настоящей статье)

1лс ... АХ+Р... N8P...	11 ПЕVAТЬКНА ... ДОР
1об ПЕ... АКНАЖАУ... ОБА	13 ... АФЕ...
2лс ... В+ѠЄХАД	14 ПЕVAТЬ
2об ... АKNС... ВАНОВ...	15 ... КАЗЬФЕДОРЪ...
3 АKN+В+ВI	16 ПЕ... БКНАЗАФЕУ
5лс ТЖКЪЛЛТ	17 ... КNAОФЕДРЗВАСНЛЬЕВ...
5об ... НЛ...	18 ... КИДТЬФЕАРВАСНЛНІ...
7 ... СNTWU^...	19 КNAЗЬВАСНЛЕИНВА
8лс КNAЗЬИВАНЗВАСИЛЬЕВИВЪ	21 ... ОЛЕКСАУМЪS...
8об ... РОМ... ЛАН...	22 ПЕVAТЬКНЗА... ЛЕКСНАРИФЕАОР
9 ... ГМ*	24 КИЗЬОЛЕКСАНЗАРЬФЕАОРОВИВЪ
10лс VАТЬКНА	26 ... VCVHVCKHCV...
10об ДОРОВИВА	

Рис. 2. Надписи монет удельного княжества Ярославского (№№ таблицы соответствуют №№ монет в приложении к настоящей статье)

На лицевой стороне его хорошо читается надпись (рис. 2, 8, л. с.): князь Иванъ Васильевич.

Сопоставление обоих экземпляров не вызывает сомнения в их тождестве и, следовательно, принадлежности одному князю — Ивану Васильевичу.

Характерным признаком монет этого князя следует считать нигде более в русской нумизматике не встречающееся изображение на оборотной стороне сетчатых четырехугольников с двумя трилистниками по углам и такого же трилистника на лицевой стороне.

В собрании Исторического музея оказалась еще целая группа монет, объединенная отмеченными признаками, с однородным изображением сетчатых четырехугольников на оборотной стороне. Всего монет этих пять (см. приложение, №№ 3—7; рис. 1, 3, 6). От двух ранее описанных они отличаются несколько по фактуре: рисунок на них более рельефно выполнен, крупнее изображение человека с секирой и мечом, само изображение более живописно, тогда как первые две монеты выполнены в довольно сухой манере. Вес монет больше. К сожалению, надписи на всех или плохо вышли, или нечитаемые. Перечисленные признаки, при

абсолютной однотипности с первыми двумя описанными монетами (см. приложение, №№ 8, 9), указывают как будто бы на более раннюю чеканку этих монет (№№ 3—7).

Среди русского нумизматического материала имеется еще несколько монет с надписью «князь Иван Васильевич». Это монеты, изданные А. В. Орешниковым, а вслед за ним А. А. Ильиным среди монет суздальско-нижегородских²⁰. В собрании Исторического музея имеются две такие монеты. Приведу их описание.

1. Л. с. Погрудное изображение человека с секирой и мечом, вправо, перед мечом две точки. Кругом буквы нечитаемой надписи между линейным и линейным с бусовым ободками (см. рис. 2, 1, л. с.)

О. с. Птица с поднятым крылом, вправо. Под хвостом у птицы заштрихованный четырехугольник. В линейных ободках остатки круговой надписи (рис. 2, 1, о. с.): ПЕ...АКНАЖАИ... ОБА.

2. Л. с. Погрудное изображение человека с секирой и мечом в руках вправо; у головы точка. Вокруг надпись непонятными письменами среди линейных ободков (рис. 2, 2, л. с.). Вокруг всего ободок из точек.

О. с. Птица с поднятым крылом, вправо. Под хвостом: ✚. Среди линейных ободков круговая надпись: КНЗ... ВАНОВ... (см. приложение, № 2; рис. 2, 2, о. с.)²¹.

Обе описанные монеты, несомненно, однотипны, хотя и вышли из-под разных штемпелей; по типу они примыкают к вышеописанным монетам с сетчатым четырехугольником на оборотной стороне (№№ 3—9) не только как одноименные, но и по ряду других признаков.

Кроме изображения человека с секирой и мечом в руках, имеющегося на лицевой стороне как тех, так и других монет, прежде всего следует указать на стилистические их особенности, в первую очередь на те растительные элементы в изображении, которые характерны для первой группы монет и связывают с ней только что описанные. К ним относятся: во-первых, рисунок крыла птицы, имеющего форму трилистника, подобную трилистнику на лицевой стороне монет с сетчатым четырехугольником (такую же форму имеют и орнаментальные листочки оборотной стороны), и, во-вторых, элемент сеточки под птицей на монете за № 1 нашего описания (рис. 3, а), перекликающийся с сетчатым четырехугольником. Признаки эти не встречаются более в русской нумизматике.

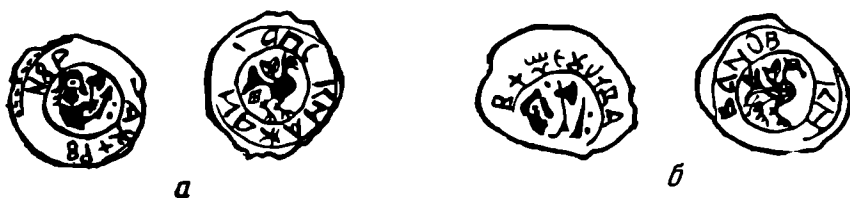

Рис. 3. Прорисы монет Ярославского князя Ивана Васильевича

Стилистический анализ надписей также показал, что монета № 2 имеет те же знаки круговой надписи, что и на оборотной стороне монет с сетчатым четырехугольником (см. №№ 3, 5 приложения). Особенно характерен в этом отношении знак ∇ . Надписи эти других аналогий в удельных монетах не имеют. А. В. Орешников, правда, считал, что они «совершенно такого же характера», что и на монетах, приписываемых им Василию Кирдя-

²⁰ А. В. Орешников. Русские монеты..., № 877, рис. 752; А. А. Ильин. Классификация русских удельных монет. Л., 1940, вып. 1, стр. 34, табл. VI, № 18.

²¹ Описанная монета издана также у А. Д. Черткова (Описание древних русских монет, Прибавление 3. М., 1842, стр. 58, табл. XXXIII, фиг. 10) и А. В. Орешникова (Русские монеты..., № 877, рис. 752).

це²², но ни указанные им монеты, ни монеты этого князя из собрания Исторического музея не дали ни одного экземпляра, надпись на котором могла бы в такой же степени быть похожей на надпись рассматриваемых монет (см. приложение, №№ 1—2), как на монетах с сетчатым четырехугольником. Буквы на монетах Кирдяпы явно подражают арабским. Характерен в этом отношении знак \mathcal{Q} и др., часто встречающиеся в подражательных надписях на русских монетах. Ничего общего нет с монетами Кирдяпы и в манере выполнения изображений. Только нечитаемость надписей является сходным признаком.

Подытоживая изложенный материал о монетах с надписью «князь Иван Васильевич», мы можем сказать, что все они представляют собой однородную группу монет, чеканившихся от одного имени (см. приложение, №№ 1—9). Какому же княжеству и князю могли принадлежать эти монеты?

Монеты с сетчатым четырехугольником помещены А. В. Орешниковым среди неопределенных монет²³. Монеты с птичкой им приписываются сыну суздальско-нижегородского князя Василия Кирдяпы — Ивану²⁴. А. А. Ильин в рукописном каталоге кабинета нумизматики Гос. Эрмитажа помещает все типы описанных нами монет среди монет суздальско-нижегородских, однако в печатный каталог им включена только монета с птицей на оборотной стороне. При этом А. А. Ильин замечает, что он, так же как и А. Д. Чертков, оставляет вопрос о ее принадлежности открытым²⁵. Монету, описанную нами под № 8, А. Д. Чертков считал принадлежащей суздальскому князю Ивану Васильевичу Горбатову²⁶.

Переходя к разбору приведенных высказываний о принадлежности монет князя Ивана Васильевича, отметим следующие особенности. Будучи однотипными, монеты эти разнятся по времени чеканки. Мы считаем возможным выделить три хронологические группы.

Первая — монеты с изображением птицы на оборотной стороне (см. приложение, №№ 1, 2). По сравнению с остальными, они, безусловно, чеканились в более раннее время. Размер, тип, вес (от 1,11 до 0,91 г), техника чеканки сближают их с так называемыми неопределенными монетами конца XIV — начала XV в.

На смену им приходят монеты второй группы, с сетчатым четырехугольником на оборотной стороне. По фактуре, стилю изображения они близки к «полуденьгам» первой четверти XV в.²⁷ Вес их меньше, чем вес монет первой группы, и колеблется от 0,70 до 0,64 г (см. приложение, №№ 3—7).

И, наконец, третья и последняя группа представлена двумя монетами, описанными нами в приложении под №№ 8, 9. Они отличаются от монет второй группы более сухим и схематичным исполнением изображения, другим начертанием букв и т. п. Такие монеты начинают чеканиться только в правление великого князя Московского Василия II, т. е. после 1425 г.²⁸

Интересующий нас князь Иван Васильевич, следовательно, начал чеканить свои монеты во время бытования «неопределенных» монет и окончил во время Василия II.

Посмотрим, соответствует ли этому условию определение описанных выше монет как суздальско-нижегородских.

²² А. В. Орешников. Русские монеты..., стр. 187, № 867 сл.

²³ Там же, № 952, рис. 848.

²⁴ Там же, стр. 187.

²⁵ А. А. Ильин. Ук. соч., стр. 34.

²⁶ А. Д. Чертков. Ук. соч., стр. 137.

²⁷ И. И. Толстой. Монеты Великого Князя Василия Дмитриевича. СПб., 1911, стр. 59; С. И. Чижов. Дроздовский клад русских денег. Птгр., 1922 стр. 25—26.

²⁸ Н. Д. Мец. Монеты великого княжества Московского середины XV в. Автореферат канд. диссертации. М., 1955, стр. 9.

Как время, так и сам факт княжения Ивана Васильевича Кирдяпича, которому приписывают монеты нашей первой группы, устанавливаются исследователями лишь предположительно. Судя по родословным, Иван Васильевич не занимал Нижегородский стол²⁹. Из летописей известно, что в 1414 г. он находился в Нижнем вместе с детьми Бориса Константиновича — Даниилом и Иваном и внуком Дмитрия Константиновича — Василием Семеновичем. В 1416 г., покорившись Великому Князю, суздальско-нижегородские князья явились в Москву, а в следующем, 1417 г. Иван Васильевич скончался. Правда, А. В. Экземплярский высказывает неуверенность по поводу даты его смерти, так как летописи путают известие о смерти Ивана Васильевича Нижегородского с известием о смерти сына великого князя Московского, тоже Ивана Васильевича. Во всяком случае, после 1417 г. об Иване Васильевиче Нижегородском больше нигде не упоминается. Великое же княжение Нижегородское, отданное великим князем Василием Дмитриевичем сыну, после смерти последнего было пожаловано князю Нижегородскому Александру Ивановичу Брюхатому, которого великий князь Московский Василий Дмитриевич женил на своей дочери. Монеты этого князя известны, и их принадлежность не вызывает сомнения. Данных для продления княжения Ивана Васильевича Кирдяпича до княжения Василия II нет³⁰.

Монеты Ивана Васильевича Горбатого, которому А. Д. Чертков приписывает монеты под №№ 8, 9 нашего описания, известны³¹. Они, являясь типичными суздальско-нижегородскими монетами, в чем убеждают аналогии и связь штемпелей с прочими монетами этого княжества, ничего общего не имеют с монетой, изданной Чертковым (приложение, № 8), ни по стилю, ни по весу³².

Князья с именем «Иван Васильевич» известны и в других княжествах. Из них князья Боровские, носившие это имя, родились после того, как чеканка монет с названным именем и титулом уже прекратилась. Княжества Вяземское, Белевское, Каргопольское и др., в которых также были князья Иваны Васильевичи, монет своих не чеканили³³.

Остается обратиться к Ярославскому князю Ивану Васильевичу Большому.

Об Иване Васильевиче Ярославском летопись говорит неоднократно. Впервые на ее страницах он появляется в 1410 г. Иван Васильевич в составе Московского войска, в которое входили полки ярославские, ростовские и суздальские, участвует в отражении вылазки нижегородских князей Даниила и Ивана Борисовичей, пытавшихся при помощи татар, князей болгарских, жукотинских и мордовских добиться отчины своей — Нижнего Новгорода³⁴.

Под 1411 г. летопись отмечает свадьбу дочери князя Ярославского Ивана Васильевича Марии с князем Микулинским Александром Федоровичем³⁵. В 1412 г. Иван Васильевич сопровождал великого князя Московского Василия Дмитриевича в его поездке в Орду. Имя Ивана Васильевича связано также с событиями феодальной войны второй четверти XV в. В 1425 г. по дороге в Галич у Ярославского князя Ивана Васильевича останавливался митрополит Фотий. Из летописного описания о пребывании митрополита в Ярославле мы узнаем, что там находились все Ярославские

²⁹ См. Временник МОИДР, кн. 10, стр. 1—286.

³⁰ См. у А. В. Экземплярского в биографиях упоминаемых князей.

³¹ А. А. Ильин. Ук. соч., табл. VI, № 22.

³² Н. Д. Мец. Монеты великого княжества Московского середины XV в. Канд. диссертация. Рукопись хранится в Архиве ИА АН СССР, фонд Р—2, № 1316, стр. 102—117.

³³ М. Д. Хмыров. Алфавитно-справочный перечень удельных князей русских и членов царствующего дома Романовых. «Календарь для всех». СПб., 1871, стр. 134—135.

³⁴ А. В. Экземплярский. Ук. соч., стр. 91.

³⁵ ПСРЛ, т. XI, СПб., 1897, стр. 218.

князья, но ни одного имени, кроме имени Ивана Васильевича, летописец не счел нужным упомянуть.

Под 1426 г. летописец отмечает: «Тое же осени преставился... князь Иванъ Васильевичъ Ярославский»³⁶.

Таковы сведения о Ярославском князе Иване Васильевиче.

Из текстов, в которых упоминается Иван Васильевич, можно заключить, что он был на большом княжении в Ярославле. Следует также отметить, что ни отец Ивана Васильевича, князь Василий Васильевич, ни брат его Федор, сменивший (судя по родословным) отца, и вообще никто из Ярославских князей не фигурирует на страницах летописей одновременно с Иваном Васильевичем.

Года, в которые князь Иван Васильевич Ярославский упоминается в летописях, соответствуют полностью всем хронологическим группам рассматриваемых нами монет с надписью «князь Иван Васильевич». Кроме того, процент монет, датируемых временем Василия II, по сравнению с количеством монет, выпущенных в предыдущий период, очень мал. Такое количество поздних монет соответствует незначительному времени княжения Ивана Васильевича Ярославского во время Василия II.

Ни к какому другому князю с именем Ивана Васильевича нельзя с такой же степенью достоверности отнести рассматриваемые монеты. Этот вывод находит себе подтверждение также при изучении всей совокупности монет Ярославского княжества. Особенно веским доказательством является то обстоятельство, что монеты князя Ивана Васильевича оказались однотипными с монетами Федора Васильевича Ярославского.

Монеты с именем князя Федора Васильевича. Давнишний и всеобщий интерес вызывала у исследователей любопытная денга, изданная Я. Я. Рейхелем как неопределенная³⁷. Рейхель описывает ее следующим образом: «...Надпись (см. рис. 2, 10, л. с.— Н. М.) находится между двух кругов. В поле вправо обращенное грудное изображение, держащее меч и секиру. Над ним трилистник». На оборотной стороне круговая надпись «доровича» (см. рис. 2, 10, о. с.). В центре «две шахматные доски, одна возле другой, украшенные по сторонам листочками. Между ними нечто возвышенное, похожее на ячменное зерно. По сторонам украшения».

В примечании к описанию монеты Рейхель отмечает: «Необыкновенное изображение на этой денге делает ее достопримечательною. Но при котором из Федоровичей она была чеканена, тогда только определить можно будет, когда найдется совершенный экземпляр. На другом экземпляре, где чекан совершеннее, буквы, хотя и явственны, но так перемешаны, что не составляют никакого смысла»³⁸.

Обе эти монеты, а также другие того же типа хранятся в собрании русских монет Гос. Эрмитажа. Они описаны А. А. Ильиным в его рукописном каталоге среди монет суздальско-нижегородских как принадлежащие князю Ивану Васильевичу, потому что все они имеют оборотную сторону, как на монетах с сетчатым четырехугольником с именем князя Ивана Васильевича, которая в русской нумизматике больше не встречается³⁹.

³⁶ ПСРЛ, т. VI, СПб., 1853, стр. 143. П. Д. Долгорукий и Головин, как отмечает А. В. Экземплярский, по непонятным причинам считают датой смерти Ивана Васильевича 1428 г. А. В. Орешников по этому поводу пишет: «Князя Федора Васильевича г. Экземплярский сажает на Ярославский стол в 1426 г., в котором Иван Васильевич якобы умер от черной смерти, хотя летописи ни слова об этом не говорят» (А. В. Орешников. О монетах удельного княжества Ярославского, стр. 21). Как мы видели выше, это утверждение А. В. Орешникова несправедливо.

³⁷ J. Reichel. Ук. соч., стр. 360, № 4366, табл. 3, рис. 48; Я. Рейхель. Дополнение к русской нумизматике среднего века, вып. I, рис. 48.

³⁸ Я. Я. Рейхель. Дополнение к русской нумизматике..., стр. 28.

³⁹ А. А. Ильин. Рукописный каталог, стр. 34, №№ 96—103. Хранится в Отделе нумизматики Гос. Эрмитажа.

Однако в печатный каталог монет суздальско-нижегородских князя Ивана Васильевича они включены не были.

Сходство монеты Рейхеля и монет с сетчатым четырехугольником отмечал вскользь и А. В. Орешников⁴⁰. Это наблюдение не нашло отражения в работах его, посвященных специально монетам ярославским и нижегородским, где, напротив, в еще более категорической форме утверждается отсутствие как монет князя Ивана Васильевича, которые можно было бы приписать Ярославскому князю, так и сама возможность его княжения⁴¹.

Определить принадлежность деньги, изданной Рейхелем, пытался только В. Уляницкий. Он считал ее чеканенной Александром Федоровичем, сыном Федора Васильевича Ярославского, руководствуясь надписью, восстанавливаемой Рейхелем как «Федоровича»⁴².

Читать это как имя или отчество — неясно. Во всяком случае во время княжения Александра Федоровича эта монета чеканиться не могла, судя по ее весу и типу. Вес монет Александра Федоровича не превышает 0,49 г, тогда как рейхелевская имеет 0,75 г. Сравнение монеты с другими достоверными монетами Федора Васильевича Ярославского убеждает нас в принадлежности ее именно этому князю. Судя по весовым данным, ее место среди первых монет Федора Васильевича.

Принадлежность монет с надписью «князь Федор Васильевич» Ярославскому княжеству доказывалась неоднократно⁴³. Описаны они нами в приложении под №№ 11—17. Со своей стороны, считаю возможным выделить из их числа монеты более ранние, чеканившиеся в начале княжения Федора Васильевича, и более поздние. Основой для такого деления служат стилистические особенности монет и их весовые данные. Относительно последнего следует сказать, что для определенных выводов чисто метрологического характера материал слишком малочислен.

К более ранним монетам Федора Васильевича мы относим монеты, несущие на оборотной стороне погрудное изображение человека, вправо, в шляпе с загнутыми вверх полями, с секирой в руках; позади человека и перед секирой — по ветке. Лицевые стороны довольно разнообразны.

Сходным элементом для обеих сторон монет является растительный орнамент того же вида, что на монетах с надписью «князь Иван Васильевич» и монете, изданной Рейхелем. Так, на лицевой стороне монет под №№ 12—13 (рис. 1, 12, 13) имеется изображение трилистника возле фигурок людей, а на оборотных сторонах монет №№ 11—14 — целые веточки, заканчивающиеся трилистниками. Растительных элементов около фигурок людей с секирой в руках нигде, кроме описанных монет, не встречается, не говоря уже о трилистниках, что дает возможность монеты рейхелевскую Федора Васильевича и с надписью «князь Иван Васильевич» выделить в особую группу. Связь последних с монетами Федора Васильевича лишний раз подтверждает их принадлежность Ярославскому княжеству.

Монеты Федора Васильевича (см. приложение, №№ 15, 16; рис. 1, 15, 16) точной датировке не поддаются. Монета за № 15 имеет на оборотной стороне изображение, встречающееся в дальнейшем на монетах Александра Федоровича, сына Федора Васильевича. Обе монеты следует считать чеканенными после только что описанной группы. Известны они мне только по описанию, и поэтому сказать что-либо более определенное я затрудняюсь.

Несомненно, позднейшими монетами, чеканенными при Федоре Васильевиче, были монеты, описанные нами в приложении под №№ 17, 18 (рис. 1, 18). Они послужили прототипом для монет князя Александра

⁴⁰ А. В. Орешников. Русские монеты..., стр. 208.

⁴¹ Его же. О монетах удельного княжества Ярославского; его же. О монетах великого княжества Суздальско-Нижегородского.

⁴² А. В. Орешников. Русские монеты..., стр. 158—162.

⁴³ В. Уляницкий. Междукняжеские отношения во Владимиро-Московском великом княжении в XIV—XV в. М., 1893.

Федоровича, сына Федора Васильевича, и связаны с ними штемпелями, что дает нам право считать их самыми поздними монетами Федора Васильевича.

Одна из них (№ 17) описана А. В. Орешниковым. На лицевой стороне ее «неясное изображение, среди линейного ободка, по-видимому, всадника с мечом в руке, едущего вправо, но оборотившегося назад»⁴⁴. Тот же тип монеты издан Долгоруковым⁴⁵. Сопоставление остатков круговой надписи обоих экземпляров дает возможность восстановить ее в следующем виде (рис. 2, 17): КНДОФЕД...РЪВАСИЛЬЕВ...

На оборотной стороне ее изображен «всадник, вправо, с зубчатым венцом на голове; в правой, поднятой руке держит какой-то предмет... (очевидно, копьё.— Н. М.), над головой лошади буква С или Є, внизу точка; линейный ободок»⁴⁶.

Вторая монета, описанная нами под № 18, имеет тот же тип оборотной стороны, что и предыдущая. В отличие от первой, всадник на ней изображен без короны. На лицевой стороне монеты изображен крылатый грифон влево, под ним расположен непонятный предмет. Круговая надпись по экземплярам Исторического музея и Гос. Эрмитажа восстанавливается в следующем виде (табл. 2, 18): КНДЗЬФЕДРВАСИЛИИ

Монета эта чрезвычайно интересна тем, что она через свою лицевую сторону с изображением грифона дает начало для связи между собой любопытной группы монет, чеканенных общими штемпелями и объединяющими в одно целое монеты князей Ярославских Федора Васильевича, его сына Александра Федоровича, и, кроме того, с ними оказались связанными монеты с надписью «князь Василий Иванович» (см. рис. 1). К рассмотрению этой группы монет мы и перейдем.

Монеты с изображением крылатого грифона. При разборе автором настоящей работы монет великого князя Московского Василия II выделилась группа монет, не нашедшая определенного места в классификационной таблице⁴⁷. Она отличалась от прочих денег Василия II тем, что составляющие ее монеты не связались ни с московским чеканом, ни между собой, представляя собой отдельные экземпляры, чеканенные каждый обособленной парой штемпелей. Один из них, изданный А. В. Орешниковым под № 612 от имени князя Василия II, оказался непосредственно относящимся к монетам Ярославского княжества. Приведем описание его у А. В. Орешникова: «Крылатое четвероногое, влево; внизу неясный предмет. Обр. Бородатая голова, $\frac{3}{4}$ влево; круговая надпись стерлась»⁴⁸.

Надпись действительно читается плохо (монета хранится в ГИМ), но все же при тщательном осмотре ее удалось различить справа от головы всадника буквы, составляющие часть слова «Александр», что говорит о принадлежности монеты какому-то князю Александру. Сопоставление дополнительно выделенных экземпляров тождественных монет из собрания ГИМ с монетой, изданной А. В. Орешниковым, восстанавливает надпись в следующем виде (рис. 2, 21): ОЛЕКСА...

Остающееся непрочитанным место надписи от вершины монеты до начала написания имени могло содержать только титул «князь», но не «великий князь». Отсюда следует, что князь Александр, от имени которого чеканилась монета, был удельным князем. К сожалению, ни на одном экземпляре не удалось прочесть отчества этого князя. Стилиевые особенно-

⁴⁴ А. В. Орешников. О монетах удельного княжества Ярославского, стр. 23.

⁴⁵ С. В. Долгоруков. Описание неизданных русских монет. ЗРАО, СПб., 1851, т. 3, стр. 34, № 5.

⁴⁶ А. В. Орешников. О монетах удельного княжества Ярославского, стр. 23, рис. 9—10.

⁴⁷ Н. Д. Мещ. Монеты великого княжества Московского... Диссертация. Приложения, табл. 1.

⁴⁸ А. В. Орешников. Русские монеты..., № 612, рис. 458.

сти монеты, вес ее (экземпляры ГИМ весят 0,49, 0,47, 0,44 и 0,43 г) указывают на чеканку ее во второй половине XV в.

Монеты князей Александров в XV в. нам известны следующие: 1) князя Александра Ивановича Городенского (умер до 1425 г.)⁴⁹; 2) Александра Константиновича Ростовского (умер в 1404 г.)⁵⁰; 3) монеты с именем князя Александра (конца XIV—начала XV в.)⁵¹; 4) монеты князя Александра Ивановича Брюхатого (умер в 1418 г.)⁵² и, наконец, 5) Александра Федоровича Ярославского (умер в 1471 г.)⁵³.

Как мы видим, все перечисленные выше князья, кроме Александра Федоровича Ярославского, не могли чеканить нашей монеты в силу несовпадения времени их княжений с ее датировкой.

При дальнейшем изучении неожиданно обнаружилось, что монета с именем князя Александра связывается штемпелями с хорошо известными так называемыми монетами «князя Василия Ивановича», для которых до сих пор не определено точно место чеканки (см. приложение, № № 19, 20). Такая связь между монетами с именем Александра и «князя Василия Ивановича» открыла новую страницу в истории Ярославского княжества, так как ни летописи, ни родословные ничего не говорят о княжении в нем князя Василия Ивановича.

Монеты этого последнего имеют на лицевой стороне изображение крылатого грифона влево, с кружком под ним. На оборотной стороне птица с поднятым крылом влево, вокруг надпись (рис. 2, 19): КНДЗЬВАСНЛЕ ИНВА, опоясанная линейным ободком⁵⁴ (описаны нами в приложении за № № 19, 20; рис. 1, 19, 20).

Издавались они неоднократно. Каждое издание почти всегда сопровождалось новым определением.

А. Д. Чертков относит их к князю Василию Ивановичу Шемячичу (внуку Дмитрия Шемяки), владельцу Рыльска и Новгорода Северского⁵⁵. Вслед за ним Василию Ивановичу Шемячичу приписывают монеты Д. Сонцев⁵⁶ и Ф. Ф. Шуберт⁵⁷. Такое определение неверно, так как в то время, когда Василий Иванович владел Рыльском и Новгородом Северским (умер Василий Иванович в 1523 г.), на Руси уже давно была прекращена удельная чеканка.

С. Шодуар считал их принадлежащими князю Василию Ивановичу Рязанскому⁵⁸. В свое время А. Д. Чертков опроверг такое предположение, так как «Василий Иванович Рязанский обыкновенно именовался «Великий»⁵⁹. Э. К. Гуттен-Чапский также относил их к князю Рязанскому. Отсутствие же слов «Великий князь», как считал он, может объясняться тем, что монеты могли быть чеканены во время малолетства князя Василия Ивановича при Московском Великом князе Василии Васильевиче до введения его во владение в 1456 г. Рязанским княжеством⁶⁰. После 1456 г. он стал чеканить деньги с изображением головы в профиль и полумесяца перед лицом и надписью «деньга рязанская» — на одной стороне и «князь великий Василий» — на другой⁶¹.

⁴⁹ А. В. Орешников. Русские монеты..., стр. 6.

⁵⁰ ПСРЛ, т. VI, СПб., 1853, стр. 132.

⁵¹ А. В. Орешников. Русские монеты..., стр. 171.

⁵² Там же, стр. 188.

⁵³ ПСРЛ, т. VI, стр. 191.

⁵⁴ А. В. Орешников. Русские монеты..., № 447, рис. 318.

⁵⁵ А. Д. Чертков. Описание русских монет..., стр. 139, № 283, табл. XX, фиг. 10

⁵⁶ Д. Сонцев. Деньги и пулы Древней Руси. М., 1860, стр. 48—49.

⁵⁷ Ф. Ф. Шуберт. Описание русских монет и медалей. СПб., 1843, ч. 1, № 189

⁵⁸ С. Шодуар. Обзорение русских денег, стр. 21, доска 52, рис. 12.

⁵⁹ А. Д. Чертков. Описание русских монет..., стр. 139.

⁶⁰ Э. К. Гуттен-Чапский. Ук. соч., стр. 13—14, № 41. У Гуттен-Чапского написано: «...во время малолетства кн. Ивана Васильевича...». Из контекста ясно, что здесь допущена опечатка: следует читать «Василия Ивановича».

⁶¹ Там же, стр. 13—14.

А. В. Орешников высказывался по поводу разбираемых монет дважды. В «Русских монетах...» они отнесены им к княжеству Рязанскому. В противоположность Гуттен-Чапскому, А. В. Орешников считает, что они чеканены после 1456 г., когда Рязанский князь вступил во владение своим княжеством, а монеты с надписью «великий князь Василий», с головой и полумесяцем, считает чеканенными до 1456 г. Василием II для княжества Рязанского. Однако он отмечает, что до 1456 г. и после князья рязанские всегда именовались только «великими»⁶².

В более поздней работе А. В. Орешников, изменяя свою точку зрения, пишет: «Относя, при описании... монеты вел. кн. Василия — Василию Темному, я чувствовал некоторую натяжку, но, не зная места находок серебряных монет князя Василия Ивановича, иного объяснения тогда им дать не мог; теперь же мне казалось бы более правдоподобным отнести описанные под № 447 деньги тому же князю Василию Ивановичу, который чеканил в Твери пуль (сын Ивана III великого князя Московского, — Н. М.)... Подтверждение этому предположению, — резюмирует А. В. Орешников, — могут дать только находки подобных монет в Тверской губ. и сведения о кладах в Рязанской губ., где мелкие серебряные деньги вел. кн. Василия довольно часто встречаются, о находках же денег с именем князя Василия Ивановича сведений мне не попадалось»⁶³.

Указанная выше связь монет с надписью «князь Василий Иванович» с монетой, чеканенной от имени князя Александра, говорит о принадлежности их одному княжеству. Это опровергает, в свою очередь, высказывавшиеся предположения о чеканке первых в княжестве Рязанском или в Тверском, так как в Рязанском не было князя Александра, а у Ивана III — сына Александра, который мог бы быть наместником в Тверском княжестве и чеканить монеты штемпелями, общими с монетами Василия Ивановича, по предположению Орешникова, наместника Тверского.

Монеты с надписью «князя Василия Ивановича» следует считать принадлежащими княжеству Ярославскому, так как по изображению на оборотной стороне их можно связать не только с монетами Александра (Федоровича) Ярославского, но и с монетами его отца Федора Васильевича. Напомним, что описанная в предыдущем разделе монета под № 18 имеет на лицевой стороне надпись «Федора Васильевича» и изображение крылатого грифона влево, с неясным предметом под ним, того же типа, что и на монетах Александра Федоровича и Василия Ивановича.

Монеты с именем Василия Ивановича занимают по отношению к монетам Федора Васильевича и его сына Александра Федоровича промежуточное положение, соединяя собой чекан этих двух ярославских князей. Любопытно проследить за изменением веса этих монет. Монеты Федора Васильевича имеют довольно неопределенный вес, но нижняя его граница не менее 0,62 г. Монеты Александра Федоровича весят не более 0,49 г. Вес же монет Василия Ивановича укладывается как раз между этими цифрами. Восемь его монет собрания ГИМ весят 0,55, 0,53, 0,52, 0,51, 0,50, 0,49, 0,48 г.

К сожалению, у нас нет кладов из Ярославской области, по которым можно было бы судить о находках монет Василия Ивановича в Ярославском княжестве⁶⁴. Кое-что в этом отношении дает «Описание русских монет Музея Ярославской Ученой Архивной Комиссии», составленное в 1898 г. Эдуардом Берендтсом⁶⁵. Среди единичных экземпляров монет раз-

⁶² А. В. Орешников. Русские монеты..., стр. 78—79.

⁶³ А. В. Орешников. Две древне-русские деньги. Археологические Известия и Заметки. М., 1897, т. V, № 12, стр. 384—385.

⁶⁴ Клады, содержащие монеты ярославские, найденные в других местах, относятся к началу XVI в. и содержат, как и следовало ожидать, только монеты Александра Федоровича. См. С. И. Чижев. Азбабский клад. М., 1911; И. И. Толстой. Три клада русских денег XV и начала XVI века. ЗРАО, т. IV, вып. I, новая серия, СПб., 1889, стр. 30—40; Таганский клад, ГИМ, № 82525.

⁶⁵ Э. Берендтс. Описание русских монет Музея Ярославской Ученой Архивной Комиссии. Ярославль, 1898, стр. 3—4.

личных русских княжеств, составлявших коллекцию Ярославского музея, описание отмечает три монеты «князя Василия Ивановича». Если учесть, что за 70 лет существования Исторического музея в Москве удалось собрать всего восемь монет князя Василия Ивановича, цифра Ярославского музея не может считаться случайной, и такое количество монет объясняется только местным их происхождением.

Учитывая все приведенные данные и, в особенности, результаты сверки штемпелей, с уверенностью можно сказать, что монеты с изображением крылатого грифона и надписью «Александр» и «князь Василий Иванович» следует приписать ярославскому чекану.

Нумизматические памятники, разобранные выше, предоставляют в наше распоряжение сведения, которые, во-первых, разрешают спорный вопрос о княжении Ивана Васильевича, во-вторых, выдвигают новый — о княжении в Ярославле Василия Ивановича. Так как в Ярославском княжестве, как явствует из родословных, Василий Иванович был только один — сын Ивана Васильевича, то, следовательно, речь идет о княжении одной линии, линии старшего сына Василия Васильевича — Ивана, лишенной почему-то родословными книгами княжеского стола. Причину этого явления следует искать, на наш взгляд, во-первых, в установлении нового порядка престолонаследия в XV в. от отца к сыну, а не от старшего брата к младшему, как это было ранее, и, во-вторых, в той особой роли, которую Ярославское княжество и его князья играли при Московском дворе.

Вопрос о княжении Ивана Васильевича решается просто: нумизматический материал как неоспоримый материальный памятник эпохи подтверждает данные летописи в противовес родословным книгам. Труднее с княжением Василия Ивановича. О нем до сих пор ни в летописях, ни в родословных книгах никаких сведений не встречалось.

В 1426 г. после смерти Ивана Васильевича Ярославский стол занял его брат Федор, что подтверждается нумизматическим материалом. Вступление Федора Васильевича на княжение после брата соответствовало старому представлению о престолонаследии. Имя Федора Васильевича в летописи вообще не встречается, и если бы не родословные и монеты, мы не подозревали бы о его существовании. Сколько он княжил, остается неопределенным. В 1436 г. на Ярославском столе сидит уже его сын Александр.

Нумизматический материал показывает, что где-то между княжением Федора Васильевича и его сына в Ярославле выпускались монеты князем Василием Ивановичем. Все его монеты чеканены после монет Федора. Переход княжеского стола от Ивана Васильевича к брату Федору не вызвал, надо думать, со стороны потомков первого никаких возражений как соответствующий порядку вещей. Федор же Иванович умер, когда существовал уже новый порядок престолонаследия (передача княжеского стола от отца к сыну), но еще не укоренившийся, и попытка воспользоваться им, очевидно, вызвала протест потомков Ивана Васильевича, которые также выступили со своими правами на престол. На то, что смена княжеской линии происходила не мирным путем, указывает дальнейшая реакция потомков Федора на княжение его брата и племянника. В этом отношении характерна тенденция родословных книг скрыть княжение Ивана Васильевича. Преданность Александра Федоровича и Федора Васильевича Московскому князю и их особая роль в феодальной войне не вызывают сомнения. Исключительно высокое положение при Московском дворе Александра Федоровича допускает узурпацию и укрепление за Федоровичами Ярославского стола, в противовес линии князя Ивана Васильевича. Оспаривать княжение у своего двоюродного брата Василий Иванович мог, только опираясь на силы, враждебные Москве. Косвенным доказательством тому могут служить обстоятельства пленения Александра Федоровича вятчанами, весьма близкие к предательству в среде ярославцев⁶⁶. Дальнейшее

⁶⁶ А. В. Экземплярский. Ук. соч., стр. 92.

отношение к княжеской линии Ивана Васильевича и выдвижение линии его брата вполне могло опираться на поведение Василия Ивановича и Александра Федоровича в феодальной войне. Наиболее кульминационный и драматический момент феодальной войны второй четверти XV в. (имеется в виду ослепление Василия Косого и Василия II) не только происходит с участием Александра Федоровича: в отместку именно за вероломное пленение его союзниками Шемяки Василий II приказывает выколоть глаза Василию Косому, за что впоследствии принимает ответную кару. В дальнейшем Александр Федорович, наряду с немногими князьями, участвует в освобождении Василия II и возвращении ему великокняжеского стола. В 1463 г. ярославские князья уступают свои отчины великому княжеству Московскому. Передав земли княжества Москве по соглашению, Александр Федорович не только сохранил за собой Ярославль (он оставался в нем наместником), но и укрепил как свое положение при дворе великого князя, так и своих потомков.

Блестящее подтверждение особого отношения к Ярославскому княжеству со стороны Москвы мы видим в монетном чекане. В свое время нам уже приходилось доказывать, что при Василии Темном прекращается всякая чеканка монет уделами⁶⁷. Ни одна монета ни одного княжества не чеканилась после смерти Василия Темного, что свидетельствует о лишении удельных князей права чеканки монеты и сосредоточении его в руках великого князя. Ярославский князь Александр Федорович, единственный среди всех русских князей, продолжал чеканить монету во время княжения Ивана III. К этому времени следует отнести монеты с изображением на лицевой стороне всадника с поднятой саблей, вправо, того же рисунка, что и на монетах Ивана III, так называемых сабляницах, и круговой надписью: «князь Олександр Федорович». На оборотной стороне обычно изображение головы человека в шляпе с загнутыми полями (княжеская шапка?), с длинной косой, вправо. Впереди и сзади головы точки, расположенные в разных комбинациях. Вокруг линейный ободок (см. приложение, №№ 25—28).

Монеты с изображением на оборотной стороне князя в три четверти, вправо, с человеком в просительной позе перед ним, следует считать первыми, чеканенными в Ярославле во время Ивана III (см. приложение, № 24; рис. 1, 24). Монеты с этим изображением связывают монеты, выпущенные Александром Федоровичем после 1462 г., с монетами времени Василия Темного. Вес их соответствует весу так называемых «московок». К концу правления Александра Федоровича наблюдается постепенное, незначительное его понижение.

В отличие от других удельных княжеств в Ярославском княжестве не только продолжалась чеканка монет при Иване III, но оно также никогда не имело так называемых «двуименных» монет (монет с именем великого князя Московского в дополнение к имени местного князя). Выпуск таких монет показывал зависимость уделов от Москвы. Требование: «а печати быти князей великих» было существенным пунктом между княжеских договоров⁶⁸. Особой привилегией оказалось отмечено только Ярославское княжество. Обе приписываемые Ярославскому княжеству двуименные монеты оказались ему не принадлежащими. Монеты эти на одной стороне несут имя князя Александра, на другой — великого князя Московского Василия Васильевича⁶⁹.

При сравнении «двуименных» монет с монетами Ярославского княжества прежде всего бросается в глаза отличие их стиля от стиля монет Александра Федоровича. Вес их также не соответствует весу монет Але-

⁶⁷ Н. Д. Мещ. Монеты великого княжества Московского..., Диссертация, стр. 195—196.

⁶⁸ Собрание Государственных грамот и Договоров, ч. 1, М., 1813, № 2.

⁶⁹ А. В. Орешников. О монетах удельного княжества Ярославского, стр. 24, рис. 11—12.

ксандра Федоровича, превышая его почти вдвое. По аналогии с монетами Василия II они датируются временем до 1434 г. Рузский клад, в котором находилась одна из «двуименных» монет, дает точную датировку. Он был зарыт во время пребывания в Рузе Великой Княгини и ее приближенных, сосланных туда из Москвы Юрием Дмитриевичем Галицким в 1434 г.⁷⁰, т. е. во время, когда Александр Федорович на престоле еще не был. Монета «двуименная» с именем князя Александра должна принадлежать другому, не Ярославскому князю.

Сравнение монеты Рузского клада с прочими монетами феодального периода выявило сходные черты между нею и монетами Александра Ивановича, князя Суздальского-Нижегородского⁷¹. Подходит она ему и по времени чеканки. На лицевой стороне ее — изображение Самсона и надпись: + КНДЗЬВЄЛНКНВАСІЛІ, на другой — всадника с соколом в руке и буквами круговой надписи: ...ЗЬ ОЛЕКС... Изображения, типичные для монет до 1434 г., когда всадник с соколом заменяется всадником с копьем⁷².

а

б

Рис. 4

а — прорись монеты Василия II с поддельной надписью «Александр»; б — прорись монеты Василия II с поддельной надписью «князь Юрий Дмитриевич»

Вторая монета, изданная А. В. Орешниковым⁷³, имеет ту же лицевую сторону, что и предыдущая; на оборотной стороне вокруг изображения всадника с соколом надпись: ...КСАМДРЪ...

Аналогичную монету удалось обнаружить среди монет Василия II (рис. 4, а). Монета Василия II и изданная А. В. Орешниковым чеканены одним штампом, с той разницей, что на монете Василия II вокруг всадника — следы круговой надписи с именем князя Василия II, а не князя Александра. По всей вероятности, монета с именем Александра переделана из монеты Василия II путем замены одной надписи другой. В этом нас убеждает денга из собрания ГИМ, зарегистрированная и определенная большим знатоком удельных монет М. В. Сузиным как монета Юрия Дмитриевича Галицкого. На лицевой стороне ее изображен всадник, поражающий копьем змея. Вокруг надпись (рис. 4, б): ...ЛНКНЮРЕИДМР... На оборотной стороне монеты подражание арабской надписи.

Монета вышла из-под штампов, отчеканивших большое количество монет Василия II (см. «Русские монеты...», № 526, рис. 380). Особенностью их следует считать большие поля вокруг изображения всадника, не занятые штампом. Появление среди монет Юрия Дмитриевича типичной московской монеты, отчеканенной московскими штампами, заставило более тщательно изучить ее надпись. В результате выяснилось, что она не чеканенная, а резанная, правда очень искусно. Предприимчивый подделыватель воспользовался широкими полями вокруг изображения всадника. Надпись на монете, приписываемой Александру Федоровичу, вышла из-под того же резца, что на монете «Юрия Дмитриевича». На обоих одинаковое начертание букв «м» и «д», ничего общего не имеющее с начертанием букв на монетах этих двух князей. Отсюда понятно и странное написание имени князя «Алексамдр» через «м» вместо «н», отмеченное еще

⁷⁰ Н. Д. Мец. Монеты великого княжества Московского... Диссертация, стр. 122—125.

⁷¹ Там же, стр. 115—117; А. В. Орешников. Русские монеты..., № 882а, рис. 758.

⁷² Н. Д. Мец. Монеты великого княжества Московского... Диссертация, стр. 175—179.

⁷³ А. В. Орешников. О монетах удельного княжества Ярославского, стр. 24, рис. 12; И. И. Толстой. Ук. соч., стр. 43.

А. В. Орешниковым⁷⁴. Очевидно, резчика более устраивало «м» такого «архаического» вида.

После смерти Александра Федоровича в 1471 г. его потомки остаются долгое время приближенными людьми великого князя Московского. Исследователь судеб ярославских князей в Московском государстве А. И. Маркевич пишет: «Первое место среди ярославских князей на московской службе, да и вообще одно из первых мест в московском боярстве в XV—XVI вв. занимали кн. Пеньковы (потомки Александра Федоровича.— Н. М.)». «...к кн. Пеньковым было применено то представление о чести фамилии, которое поставило в первые служивые ряды московского государства разных магометанских царьков и царевичей». И далее автор замечает: «...Кн. Пеньковы имели и еще основание стать высокими при московском дворе: один из них, кн. Иван Данилович (внук Александра Федоровича.— Н. М.), был женат на кн. Глинской, родной сестре вел. кн. Елены Васильевны». «...По разрядам Ливонской войны начала XVI в. кн. Пеньковы постоянно выше своих однородцев...»⁷⁵.

В свете этих данных, а также возможных проступков рода Ивана Васильевича становятся ясными и «ошибки» родословных книг, на которые, стараясь утвердить свое высокое место, пошли потомки Александра Федоровича. В наиболее ранней родословной, составленной во время Ивана Грозного, еще при жизни царевича Ивана Ивановича, ничего не говорится о том, что Иван Васильевич на Ярославском княжении не был⁷⁶. Только в родословной, составленной при Федоре Ивановиче, подчеркивается, что первый сын Василия Васильевича «Князь Иванъ, князь Романовъ отецъ, а на княженіи не былъ»⁷⁷. Такой приписки в описании других родов нигде не встречается. Это говорит уже за то, что современники оспаривали княжение Ивана Васильевича, если пришлось официально его опровергать.

Зачем нужно было вычеркивать линию Ивана Васильевича из списка князей, занимавших Ярославский стол, выясняется на основании косвенных улик, имеющих в том же тексте родословных. В конце описания рода Федора Васильевича помещена любопытная приписка: «А сынъ у него (Александра Федоровича.— Н. М.) Данило Пенко; ...А потому княжъ Даниловъ родъ Пенковъ въ своемъ роду большой, что отъ Князя Федора, Смоленскаго и до отца его до Князя Александра были на княженіи Ярославскомъ»⁷⁸. Составитель родословной специально подчеркивает знатность и права на знатность Пеньковых. В описании родов других княжеств таких приписок нам более не встречалось. Фальсификаторы, как и положено, оставили следы своего преступления, чрезмерно усердствуя в доказательствах своей правоты.

В заключение на основании всего вышеизложенного представим список Ярославских князей XV в. в той последовательности, в которой они, по нашим наблюдениям, должны были сменять друг друга:

Василий Васильевич (1345 г.— нач. XV в.)
 Иван Васильевич (нач. XV в.— 1426 г.)
 Федор Васильевич (1426 г.— ?)
 Василий Иванович (? — ок. 1436 г. ?)
 Александр Федорович (ок. 1436 г.? — 1471 г.)

⁷⁴ А. В. Орешников. О монетах удельного княжества Ярославского, стр. 24.

⁷⁵ А. И. Маркевич. Ярославские князья в Московском государстве. Тр. VII АС, т. II, стр. 95—96.

⁷⁶ Временник..., стр. 232.

⁷⁷ Там же, стр. 147.

⁷⁸ Там же, стр. 234.

Описание монет удельного княжества Ярославского*

№№ п/п	№ л. с.	Описание лицевой стороны	Изображение	№ о. с.	Описание оборотной стороны	Вес в г	Кол-во	Литература, примечания
Иван Васильевич (монеты, чеканенные до 1425 г.)								
1	1	Погрудное изображение человека с секирой и мечом вправо; перед мечом две точки. Кругом буквы нечитаемой надписи среди линейных ободков. Вокруг всего ободок из точек (рис. 2, 1, л. с.)	Рис. 1, 1	1	Птица с поднятым крылом вправо; под хвостом сеточка. В линейных ободках следы круговой надписи: ПЕ... АКНАЖАЙ...ОБА... (рис. 2, 1, о. с.)	0,97	1	Не издана. Кол. ГИМ
2	2	Погрудное изображение человека с секирой и мечом вправо (подобное изображению на л. с. № 1), у головы точка. Круговая надпись непонятными письменами среди линейных ободков (рис. 2, 2, л. с.)	Рис. 1, 2	2	Птица с поднятым крылом вправо (подобна о. с. № 1). Под хвостом значок. Круговая надпись среди линейных ободков: ...АКНЗ... ВАНОВ... (рис. 2, 2, о. с.)	0,91	1	А. В. Орешников. Русские монеты до 1547 г. М., 1896, № 877, рис. 752; А. Д. Чертков. Описание русских монет. М., 1834, № 561, табл. XXXIII, фиг. 10
3	3	Погрудное изображение человека с секирой и мечом вправо (подобное л. с. №№ 1—2). У головы трилистник. Круговая надпись непонятными письменами среди линейных ободков (рис. 2, 3)	Рис. 1, 3	3	Изображение стерто	0,69	1	Не издана. Кол. ГИМ
4	4	Подобна л. с. № 3, но рисунок крупнее и рельефнее. Следы круговой надписи в линейных ободках	—	4	Два сетчатых четырехугольника с петельками в виде листиков по углам. На поле монеты растительный орнамент. Следы круговой надписи в линейных ободках	0,64	1	Не издана. Кол. ГИМ
5	5	Погрудное изображение человека с секирой и мечом вправо; у головы трилистник (подобно л. с. № 4). Круговая надпись в линейных ободках не читается (рис. 2, 5, л. с.)	—	5	Подобна о. с. № 4, следы круговой надписи мелкими буквами в линейных ободках (рис. 2, 5, о. с.)	0,64	1	Не издана. Кол. ГИМ
6	6	Подобна л. с. №№ 4—5, но человек обращен влево. Следы круговой надписи	Рис. 1, 6	6	Подобно о. с. №№ 4—5, вокруг изображения следы надписи	0,52**	1	Не издана. Кол. ГИМ
7	7	Подобна л. с. №№ 4—6, человек с секирой и мечом обращен вправо. Круговая надпись в линейных ободках не читается (рис. 2, 7)	Рис. 1, 7	7	Подобна о. с. №№ 4—6	0,70	1	Не издана. Кол. ГИМ
Иван Васильевич (монеты, чеканенные в 1425—1426 гг.)								
8	8	Погрудное изображение человека с секирой и мечом в руках, вправо; у головы трилистник, за спиной непонятные черточки. Подобна л. с. №№ 4—6, но рисунок мельче, рельеф плоский. Круговая надпись в линейных ободках: КНАЗЪ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ (рис. 2, 8, л. с.)	Рис. 1, 8, 9	8	Подобна о. с. №№ 4—7. В линейных ободках следы круговой надписи (рис. 2, 8, о. с.)	0,63	1	А. Д. Чертков № 279, табл. XVI, фиг. 9
9	9	Тождественна л. с. № 8	Рис. 1, 8, 9	9	Подобна о. с. №№ 4—8. За линейным ободком следы круговой надписи (рис. 2, 9)	0,59***	1	А. В. Орешников. Русские монеты..., № 952, рис. 848. Фотография л. с. помещена им по горизонтали

Продолжение

№№ п/п	№ л. с.	Описание лицевой стороны	Изображение	№ о. с.	Описание оборотной стороны	Вес в г	Кол-во	Литература, примечания
Федор Васильевич (монеты, чеканенные в 1426—?)								
10	10	Погрудное изображение человека с мечом и секирой в руках, вправо; над головой трилистник. Подобна л. с. №№ 4—6. Круговая надпись в лнейных ободках: ...ЧАТЬКНА. (рис. 2, 10, л. с.)	Рис. 1, 10	10	Два сетчатых четырехугольника с петельками в виде листочков по углам. Подобна о. с. №№ 4—9. Круговая надпись в лнейных ободках: ...ДОРОВИЧА... (?) (рис. 2, 10, о. с.)	0,75	1	Я. Я. Рейхель. Дополнение к русской нумизматике среднего века. СПб., 1847, вып. 1, табл. III, рис. 48
11	11	Голова человека в профиль, вправо; впереди, по-видимому, ветка или цветок. За точечным ободком круговая надпись: ПЕЧАТЬКНА...ДОРО (рис. 2, 11)	Рис. 1, 11	11	Поясное изображение человека в шляпе с загнутыми полями, с секирой в руках, вправо; сзади человека и перед секирой — по ветке, перед лицом три точки. Ободок из точек	0,71	1	А. В. Орешников. О монетах удельного княжества Ярославского. ТМНО, т. II, вып. 1, стр. 22, рис. 8
12	12	Человеческая голова вправо, с большим глазом, изображенным впрямь, в трехугольной шляпе, окрашенной на углах шариками; перед лицом трилистник. Ободок из точек	Рис. 1, 12	11	Поясное изображение человека в шляпе, как и на л. с., с секирой в руках; позади и спереди человека — по ветке. Тожественна изображению на № 11 (?). Перед лицом три точки. Ободок из точек	0,62	1	А. В. Орешников, Русские монеты..., № 808, рис. 666; А. Д. Чертков № 404, табл. 1, фиг. 6
13	13	Голова человека вправо; перед лицом веточка с тремя лепестками. Бусинный ободок. Круговая надпись плохо вышла. Видны только буквы: ...АФЕ... (рис. 2, 13)	Рис. 1, 13	11	Тожественна № 11 (?)	0,64	1	Не издана. Кол. ГИМ
14	14	Всадник вправо с мечом (саблей?) в руках. Остатки круговой надписи: ПЕЧАТЬ... (рис. 2, 14)	—	11	Тожественна о. с. № 11 (?)	0,86	1	Каталог Гос. Эрмитажа (рукопись), № 1190
15	15	Голова бородатого человека в шапке, опушенной мехом, с остроконечным верхом, влево; вокруг шеи воротник или ожерелье; ободок из точек; за ним круговая надпись: ...НЯЗЬ ФЕДОРЪ... (рис. 2, 15)	Рис. 1, 15	15	Человек, сидящий впрямь, в остроконечной шапке; в правой руке держит меч, поднятый вверх, в левой ножи. Справа человек в согбенной позе. Ободок из точек	0,75	1	А. В. Орешников. Русские монеты..., № 807а, рис. 665; А. Д. Чертков, № 348, табл. А, фиг. 10
16	16	Всадник влево, с очень крупной обнаженной головой. Круговая надпись в лнейных ободках: ПЕ...БКНАЗДФЕД (рис. 2, 16)	Рис. 1, 16	16	В рамке из линий, черточек и точек человек влево, держащий перед собой руку	0,79	1	Я. Я. Рейхель, № 3954, табл. 2, рис. 17
17	17	Неясное изображение среди лнейных ободков, по-видимому, всадника с мечом в руке, едущего вправо, но оборотившегося назад. Круговая надпись в лнейных ободках: ...КНАДФЕД.РЪВАСНЛЬЕВ... (рис. 2, 17)	Рис. 1, 17	17	Всадник вправо, в зубчатом венце; правая рука поднята; над головой лошади буквы «С» или «Э», внизу точка	0,68 0,66	1 1	А. В. Орешников. О монетах удельного княжества Ярославского. ТМНО, т. II, вып. 1, стр. 25, рис. 9—10
18	18	Крылатый грифон влево, под ним непонятный предмет. Круговая надпись в лнейных ободках: КНАЗЬФЕДРВАСИЛИИ (рис. 2, 18)	Рис. 1, 18	18	Всадник с копьем, на коне, вправо; по полю монеты точки. Линейный ободок	0,89 0,81 0,80 0,70 0,69 0,68	1 1 1 1 1 1	Не издана. Кол. ГИМ Кол. Гос. Эрмитажа

№ № п/п	№ л. с.	Описание лицевой стороны	Изображение	№ о. с.	Описание оборотной стороны	Вес в г	Кол-во	Литература, примечания	
Василий Иванович (монеты, чеканенные в ? — ок. 1436 (?) г.)									
19	19	Крылатый грифон влево, сходный с грифоном на л. с. № 18. Два линейных ободка	Рис. 1,19	19	Птица с поднятым крылом влево. Круговая надпись опоясана линейным ободком: КНДЗЬВАСН-ЛЕЙНВА (рис. 2, 19)	0,53 0,52 0,51 0,48	1 1 1 1	А. В. Орешников. Русские монеты..., № 447, рис. 318; А. Д. Чертков, № 283, табл. XX, фиг. 10 Не издана. Кол. ГИМ	
20	20	Крылатый грифон влево, под ним кружок. Подобна л. с. № 19, но рисунок крупнее	Рис. 1,20	19	Тождественна о. с. № 19	0,55 0,53 0,50 0,49	1 1 1 1		
Александр Федорович (монеты, чеканенные в 1436 (?)—1471 г.)									
21	20	Тождественна л. с. № 20	Рис. 1,21	21	Бородатая голова, прямо; по бокам косички черточками. Круговая надпись: ...ОЛЕКСА... (рис. 2, 21)	0,49 0,47 0,44 0,43	1 1 1 1		А. В. Орешников. Русские монеты..., № 612, рис. 458
22	22	Голова человека в повязке, вправо; впереди черточки, как косичка на изображении о. с. № 21. В линейных ободках круговая надпись: ПЕЧАТЬКНЯЗД... ЛЕКСАНДРАФЕДОР (рис. 2, 22)	Рис. 1,22	22	Князь в три четверти вправо; перед ним человек в просительной позе. Ободок линейный и из точек	0,465 0,45 0,44 0,42 0,41**	2 1 3 1 1	А. В. Орешников. Русские монеты..., № 811, рис. 669; А. Д. Чертков, № 483, табл. XXV, фиг. 8	
23	22	Тождественна л. с. № 22	Рис. 1,23	23	Подобна о. с. № 22, но князь в короне	0,45 0,445	1 1		Не издана. Кол. ГИМ
24	24	Всадник с поднятой саблей вправо. Вокруг надпись: КНЗЬ-ОЛЕКСАНДР ФЕДОРОВИЧЬ (рис. 2, 24)	Рис. 1,24	23	Тождественна о. с. № 23	0,435 0,43 0,42	1 4 1	А. В. Орешников. Русские монеты..., № 812, рис. 670; А. Д. Чертков, № 280, табл. XVI, фиг. 10	
25	24	Тождественна л. с. № 24	Рис. 1,25	25	Голова человека в шляпе с загнутыми полями (княжеская шапка) с длинной косой, вправо. Линейный ободок. Впереди и сзади головы точки, расположенные в разных комбинациях	0,43 0,41 0,40 0,385 0,36** 0,28**	1 2 1 1 1 1		А. В. Орешников. Русские монеты..., № 809, 810, рис. 667—668; А. Д. Чертков, № 281, табл. XVI, фиг. 11
26	26	Всадник с поднятой саблей, влево. Буквы круговой надписи поставлены беспорядочно (рис. 2, 26)	Рис. 1,26	25	Тождественна о. с. № 25. Чекан подправлен	0,38 0,36	1 1	Я. Я. Рейхель, № 4137	
27	26	Тождественна л. с. № 26	Рис. 1,27	27	Подобна о. с. № 25, но рисунок несколько иной. Выполнен плохо	0,34	1		Не издана. Кол. ГИМ
28	26	Тождественна л. с. № 26	Рис. 1,28	28	Голова человека вправо. Подобна о. с. № 25, но рисунок несколько иной. Выполнен плохо	0,37	1	Не издана. Кол. ГИМ	

* Все описанные монеты — серебряные.

** Монета обрезана и обломана.

*** Монета сильно потерта.

В. И. САРИАНИДИ

К СТРАТИГРАФИИ ВОСТОЧНОЙ ГРУППЫ ПАМЯТНИКОВ КУЛЬТУРЫ АНАУ

Древние поселения земледельческих племен Южной Туркмении, расположенные вдоль предгорий Копет-Дага, могут быть подразделены на три территориальные группы: западную (от г. Кзыл-Арвата до Анау), центральную (от Анау до ж.-д. станции Душак) и восточную (от Яссы-Тепе у Душака до ж.-д. станции Геоксюр). Лучше всего изучены поселения центральной группы, особенно Намазга-Тепе, стратиграфическая колонка которого может считаться своего рода эталоном по отношению ко всем синхронным поселениям Южной Туркмении¹.

Менее исследована стратиграфия слоев западной группы поселений, однако раскопки последних лет свидетельствуют о их большом историко-культурном значении. Так, археологические работы, проведенные Академией наук Туркменской ССР на безымянном холме в г. Кзыл-Арвате, показали, что под слоями времени Намазга II лежит материал, сходный с прикаспийским неолитом.

Если только дальнейшие исследования подтвердят эти данные, то, видимо, можно будет ставить вопрос об определенной роли охотников-рыболовов Прикаспия в истории земледельческих племен Южной Туркмении поры энеолита.

Наименее изучены были культурные напластования восточной группы памятников культуры Анау, куда входят девять холмов геоксюрского оазиса в бассейне р. Теджен, холмы в районе Меана-Чаача², поселение у г. Серахс и Хапуз-Тепе. Всех их роднит совершенно своеобразная керамика с полихромной росписью, радикально отличающаяся от полихромной же посуды поселений центральной и западной групп.

Для того чтобы выяснить стратиграфию холмов восточной группы и соотношение их с центральной, на поселении Геоксюр XIV отрядом ЮТАКЭ в 1957 г. был заложен шурф площадью в 12 м², за счет уступов уменьшившийся книзу до 2,5 м² (рис. 1). В процессе раскопок по мере углубления шурфа зачищались стены и полы помещений, служившие надежным критерием для выделения строительных комплексов. Стены, сло-

¹ R. P u m p r e l l y. Explorations in Turkestan, т. I—II. Washington, 1908; А. А. М а р у щ е н к о. Анау. Историческая справка. Архитектурные памятники Туркмении, вып. 1, М.—Ашхабад, 1939; Б. А. К у ф т и н. Работы ЮТАКЭ в 1952 г. по изучению культур «Анау». ИАН, ТуркмССР, 1954, № 1; В. М. М а с с о н. Джейтун и Кара-депе. СА, 1957, № 1.

² Шурф 1953 г. на Илгынлы-Тепе вскрыл в основном лишь верхний слой. См. А. А. М а р у щ е н к о. Итоги полевых археологических работ 1953 г. Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР. ТИИАЭ АН ТуркмССР, т. II, Ашхабад, 1956, стр. 6.

женные из сырцового, формованного кирпича размером $42 \times 22 \times 11$ см, были зафиксированы в слоях Геоксюр 1—5, где они возводились непосредственно одна над другой. Основания их несколько выступают по отношению к выше- и нижележащим стенам и вместе с прилегающими полами довольно легко поддаются расчистке. От помещений, залегавших глубже в шурфе, встречены были лишь полы, иногда выложенные кусками кирпича.

Заполнение помещений состояло из остатков обрушившихся стен, кровли и культурных остатков (мусор, зола). Надо полагать, что отдельные помещения после разрушения иногда служили своеобразными свалками, куда выбрасывались мусорные остатки, зола и т. д.; заполненные таким образом, они превращались в искусственные платформы для вновь возводимого здания.

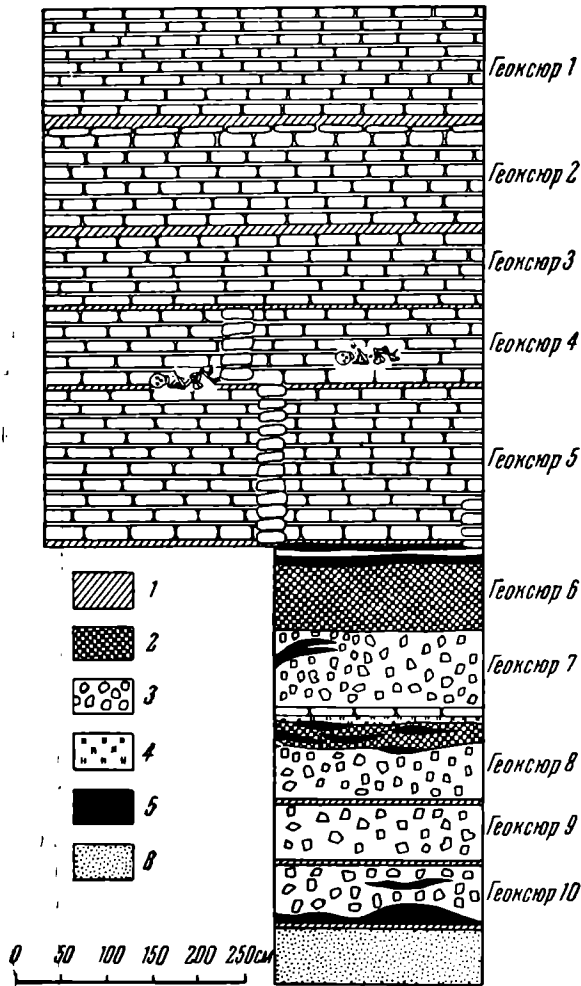

Рис. 1. Геоксюр-Тепе. Шурф № 1, разрез по линии север — юг

1 — промазка пола; 2 — мусорный слой; 3 — кирпичный завал; 4 — слой обожженной глины и кирпича; 5 — зола; 6 — материк

Самый нижний слой Геоксюр 10³ заполнен сверху строительным завалом, под которым находится толстая прослойка зольника; еще ниже, непосредственно на песчаной материковой толще ярко выраженного аллювиального происхождения залегает пол из нескольких прослоек глины. Найденные фрагменты (рис. 2, 32—41) принадлежат сосудам горшковидной формы с широким устьем, перегибом по середине тулова и сужающейся придонной частью. Роспись состоит из горизонтальных рядов треугольников, разделенных опоясывающими лентами (рис. 2, 34, 35, 37); реже встречается мотив спаренных вершинами треугольников (рис. 2, 33). Имеется ножка от кубковидного сосуда (рис. 2, 40), крупные миски с росписью из шевронов (рис. 2, 36), целая чаша с орнаментом из косых лент по венчику (рис. 2, 41). Вся посуда в тесте сохранила примесь растительных остатков и покрыта светло-зеленоватым или розоватым ангобом.

От строительного горизонта Геоксюр 9 сохранился пол из глиняной обмазки, заполненный строительным завалом. Найденные мелкие фрагменты сосудов имеют роспись в виде опоясывающих лент, разделенных треугольниками (рис. 2, 29, 30), или двумя рядами треугольников, соединенных вершинами; расходящихся от венчика в стороны косых широких лент (рис. 2, 31).

Следующий комплекс — Геоксюр 8 — сверху состоит из обожженной земли, ниже которой залегают мусорные остатки. Глубже, до самого пола, состоящего из пяти глиняных прослоек, прослеживается строительный завал. Обломки глиняной посуды принадлежат горшковидным сосудам и мискам; поверхность окрашена в красный цвет, орнамент состоит из ши-

³ Для удобства изложения описание дается последовательно, снизу вверх.

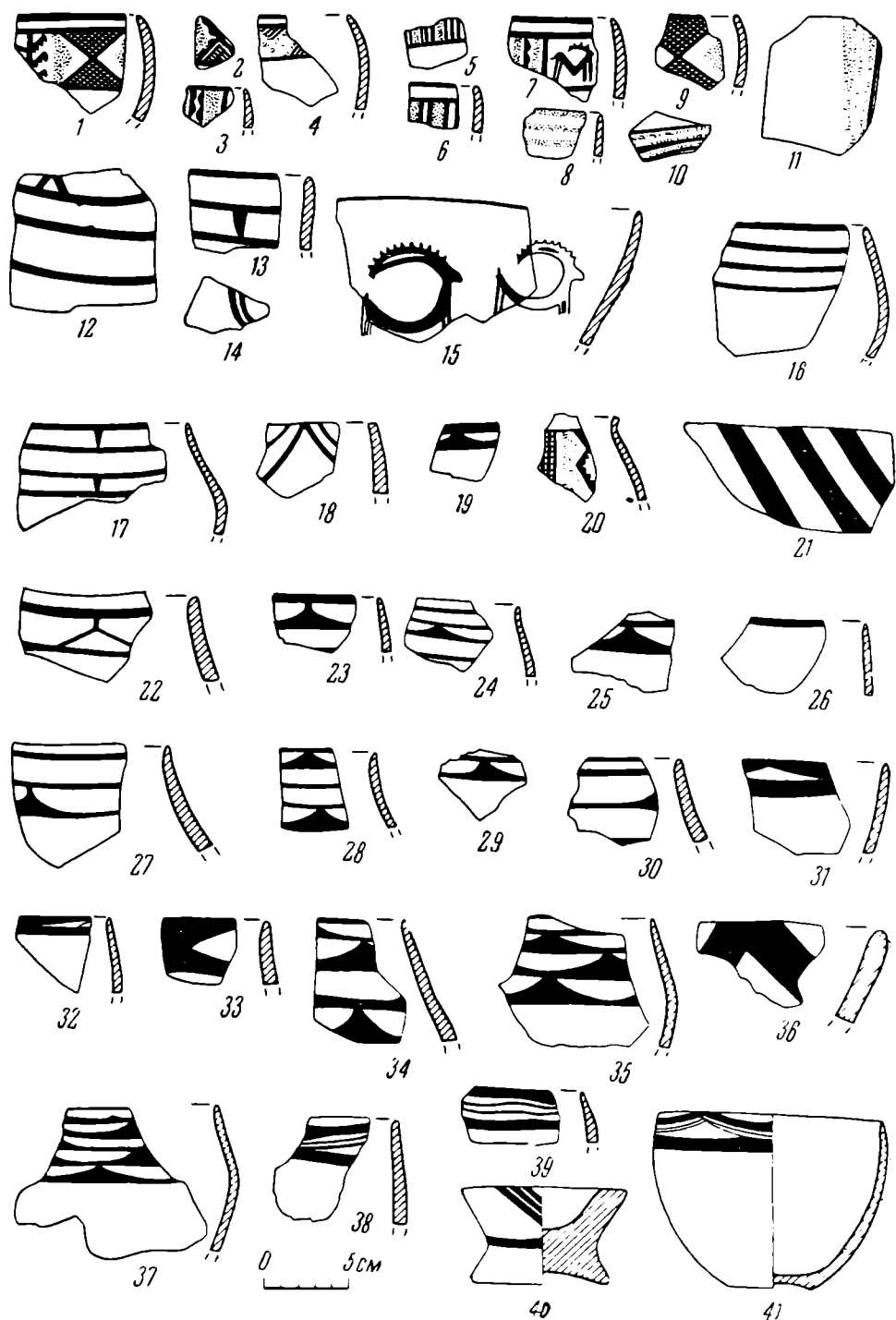

Рис. 2. Керамика строительных комплексов Геоксюр 6—10

роко расставленных опоясывающих лент, соединенных небольшими треугольниками (рис. 2, 24—28).

Учитывая одинаковые формы и орнаментальную роспись посуды этих трех строительных горизонтов, кажется возможным объединить их в одну группу. Аналогичный керамический комплекс был обнаружен на расположенном вблизи холме Дашлыджи-Тепе, полностью относящегося к поре Намазга 1Б⁴. Сходство настолько близкое, что большой вещественный материал последнего не только дополняет геоксюрский, но и определяет его хронологические рамки.

⁴ И. Н. Хлопин. Раскопки энеолитических поселений в бассейне Теджена. ИАН ТуркмССР, 1958, № 5, стр. 100—103.

Таким образом, первые наземные постройки на месте затухающей дельты р. Теджен возникли уже в пору Намазга IБ, которому соответствуют строительные комплексы Геоксюр 10, 9 и, возможно, 8. Однако четкие треугольники в росписи посуды Геоксюр 10, в керамике Геоксюр 8 становятся менее выразительными, как бы «вырождаются», что, возможно, указывает на переходной характер материала Геоксюр 8 между этапами Намазга I и II.

В строительном горизонте Геоксюр 7 пол зданий местами выложен кирпичом и окрашен в черный цвет. Культурный слой состоит из строительного завала, зольников и костей быков, коз или овец⁵.

Основную массу посуды составляют горшковидные сосуды, покрытые красноватой или желтоватой обмазкой, поверх которой нанесена роспись из опоясывающих лент, соединенных мелкими треугольниками или просто вертикальными черточками (рис. 2, 17—23). Посуда характеризуется дальнейшим видоизменением форм и орнаментов, горшковидные сосуды получают более мягкие очертания профилей, вершины треугольников в орнаменте имеют вертикальные отростки (рис. 2, 22, 23), которые позднее полностью заменяют треугольники. Найден один фрагмент сосуда с полихромной росписью (рис. 2, 20).

В слое Геоксюр 6 сверху залегают зольные прослойки, ниже — куски кирпича и мусорные остатки с включением костей быка, лошади, козы или овцы. Пол состоит из обмазки хорошо отмученной желтоватой глины с большой примесью самана.

В посуде более всего распространена форма горшковидного сосуда и чаш (рис. 2, 1—16), опоясывающие полосы росписи соединены маленькими контурными треугольниками (рис. 2, 12), чаще просто вертикальными черточками (рис. 2, 13). Выделяется фрагмент с орнаментом в виде ряда идущих друг за другом крупных козлов; изображение бугорков на их рогах встречено впервые в Южной Туркмении (рис. 2, 15). Найденные глиняные пряслица имеют обычную конусовидную форму с вдавлениями по краю. Обнаружено свыше десяти фрагментов керамики с полихромной росписью, более широко распространенных на синхронных поселениях центральной группы, где эта категория посуды является ведущей для поры раннего Намазга II (рис. 2, 1—11).

Наиболее мощный культурный слой комплекса Геоксюр 5 состоит из строительного завала; ближе к полу встречены зольники, мусорные линзы, кости быка, козы или овцы. На полу расчищены остатки тростниковой циновки. Большую часть посуды (рис. 3, 8—25) составляют чаши; в меньшем количестве встречены горшковидные сосуды; орнамент состоит из опоясывающих лент, соединенных только вертикальными черточками (рис. 3, 15). Найден один фрагмент сосуда с полихромной росписью (рис. 3, 10), два глиняных колесика со втулками принадлежат моделям повозок (рис. 3, 16, 17). Особую, хотя и немногочисленную группу составляют сосуды типа чаш и банок с орнаментом из ромбов и треугольников, заштрихованных косыми линиями (рис. 3, 18, 20, 22—25).

В пределах комплекса, названного Геоксюр 4, расчищено два уровня полов, что свидетельствует о двух этапах существования помещения. В культурном слое, содержавшем кости собаки, козы или овцы, было расчищено два детских костяка на левом боку, в скорченном положении, головой на восток-юго-восток.

Расписная керамика (рис. 3, 1—7) представлена в основном чашами со слегка загнутыми внутрь венчиками, реже — прямым бортиком и орнаментом из опоясывающих лент по самому венчику. Роспись хумов состоит из шеврона широких лент черного цвета. Встречено два фрагмента сосуда с полихромной росписью; на одном изображены сегментовидные фигуры красного цвета, на другом нарисован козел (рис. 3, 6). Аналогичные

⁵ Определение А. И. Шевченко.

изображения сравнительно чаще встречаются на посуде времени Намазга II, центральной группы поселений.

Керамический материал слоев Геоксюр 7—4 отличается от нижележащего дальнейшим уменьшением разнообразия форм и орнаментальных сюжетов; в основном сохраняются хумы, чаши и горшковидные сосуды. Последние также видоизменяются: перегиб в средней части сглаживается

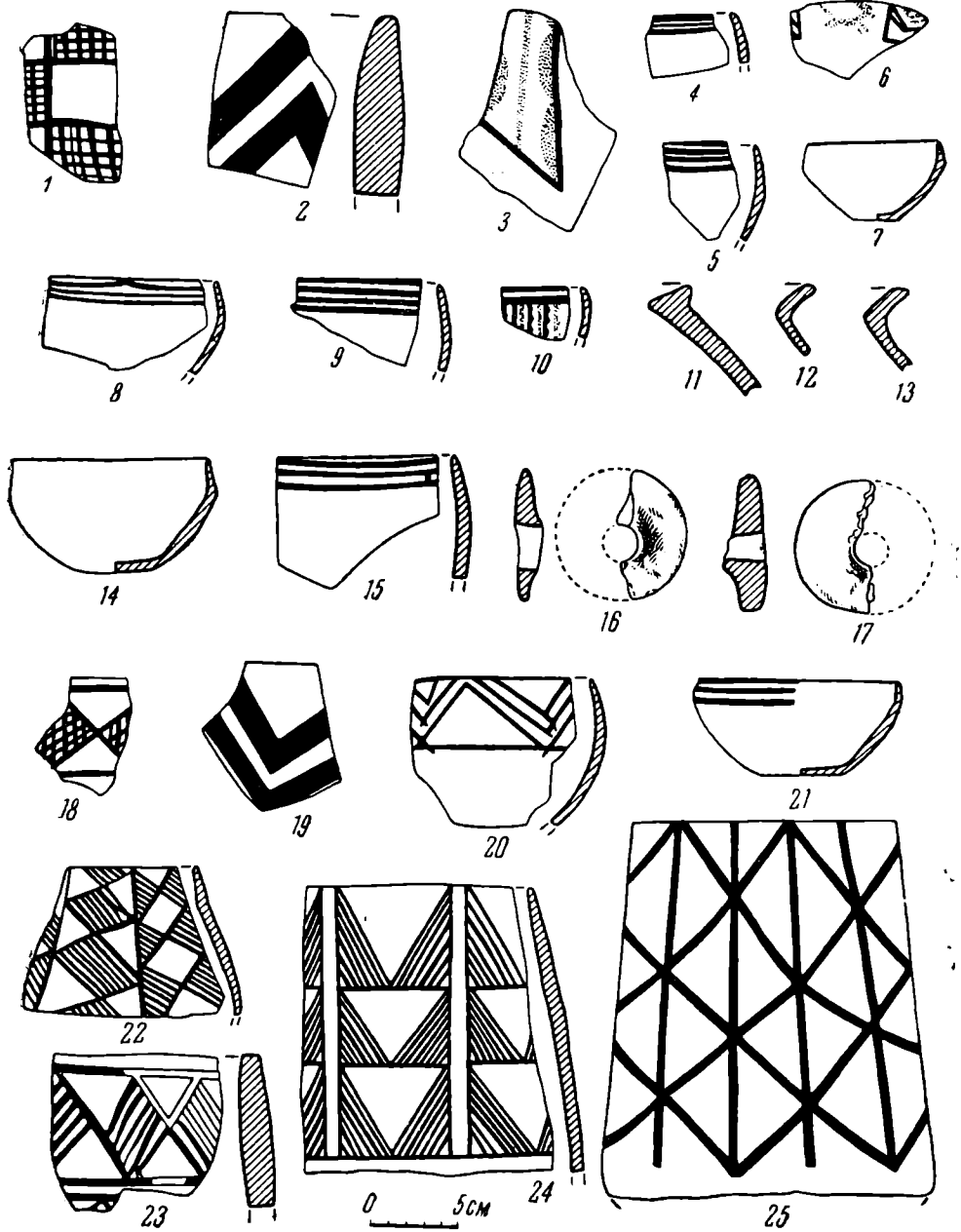

Рис. 3. Керамика строительных комплексов Геоксюр 4—5

и становится более плавным, а сами сосуды становятся более приземистыми и в четвертом слое приближаются к полусферическим чашам. Четкие треугольники в росписи посуды десятого комплекса через ряд промежуточных форм (силуэтные заменяются контурными с вертикальным отростком от вершины; рис. 2, 22, 23) видоизменяются до простых вертикальных черточек, а затем, по-видимому, совсем исчезают на керамике четвертого комплекса. Подобная же картина наблюдается в керамике из расположенного рядом холма Ялангач-Тепе, где была вскрыта площадь в 400 м². Найденная здесь посуда полностью соответствует материалу

строительных комплексов Геоксюр 5—7 и также отличается более скупой росписью и меньшим количеством форм⁶.

Если учесть, что все отмеченные признаки являются характерными для керамики слоев Геоксюр 4—7, то вышеуказанную трансформацию форм и орнаментов следует считать чисто местным явлением. Несколько обособленную группу составляет часть керамики пятого строительного горизонта, как будто бы не укладывающаяся в рамки описанного пути развития керамики; отметим лишь, что очень схожие элементы орнамента имеются на посуде целого ряда поселений Ближнего Востока и, в частности, Сиалка⁷.

Отдельные фрагменты сосудов с полихромной росписью, отмеченные в слоях Геоксюр 7—4 и Ялангач-Тепе, полностью соответствуют аналогичной керамике центральной группы, где культурно-исторический этап Намазга II характеризуется именно наличием преимущественно многоцветной посуды. Это обстоятельство дает основание отнести материалы комплексов Геоксюр 7—4 ко времени Намазга II.

В строительном горизонте Геоксюр 3 не только стены, но и пол выложены кирпичом и обмазаны глиной. Помещение заполнено остатками строительного завала с включением кусков кирпича, угольков, костей быка, козы, овцы, лошади или кулана (?) и собаки. Культурный слой отличается бедностью находок, в нем нет расписной посуды; найдено несколько обломков от сосудов неопределенных форм с большой примесью в тесте дресвы и шамота.

Строительный горизонт Геоксюр 2 заполнен кусками кирпича, мусорными остатками и костями быка, верблюда, собаки, козы. Обломки сосудов принадлежат полусферическим чашам с плотным черепком и небольшой примесью кусочков гипса. С внутренней поверхности нанесена обмазка (от красной до коричневатой), снаружи имеется роспись из крестов, ромбов, зубчатых лент и т. д., выполненная разными тонами красной и черной краски (рис. 4), т. е. совершенно новых мотивов полихромного орнамента. Найдена каменная ваза на ножке и обломок глиняной женской статуэтки (рис. 4, 11, 12).

Верхний комплекс Геоксюр I по структуре культурного слоя и керамическому материалу почти ничем не отличается от вышеописанного комплекса Геоксюра 2 (рис. 4). В основании стен обнаружены две глиняные женские фигурки с изображением животных на бедрах; среди основной массы посуды с многоцветной росписью выделяется группа с монохромной росписью (рис. 4, 4—6) типа Кара 2 центральной группы⁸.

Как показали раскопки Ялангач-Тепе и Дашлыджи-Тепе, полученная стратиграфия вполне приложима ко всем холмам геоксюрского оазиса. Аналогичная картина прослеживается на поселениях района Меана-Чаача, где шурфы на Илгынлы-Тепе⁹ выявили керамический комплекс, полностью соответствующий посуде строительных горизонтов Геоксюр 1—10. Очевидно, что полученная стратиграфия на Геоксюре может быть распространена на все синхронные памятники восточной группы.

В результате всех этих работ получены фактические данные для освещения некоторых общих исторических вопросов, и в частности — образования восточной группы поселений¹⁰. Если культурные напластования с керамикой типа Намазга I в центральной группе имеют мощность в 6—8 м, то в восточной они едва ли превышали 3—4 м. К тому же керамика Намазга IA, подстилающая северный бугор Анау, уже отсутствует

⁶ И. Н. Хлопин. Ук. соч., стр. 103—105.

⁷ R. Ghirshman. Fouilles de Sialk, т. I, Paris, 1938, табл. LI, с. 2, 5, 10, 11; d, 4, 5, 8.

⁸ В. М. Массон. Ук. соч., рис. 11.

⁹ Данные сообщены А. А. Марущенко, за что автор приносит свою благодарность.

¹⁰ Ср. А. А. Марущенко. Итоги полевых археологических работ 1953 г..., стр. 8, 9.

на таких поселениях, как Намазга и Кара-Тепе, где обнаружен пока лишь более поздний материал (Намазга 1Б). Как указывалось выше, керамика слоев Геоксюр 8—10 и Дашлыджи-Тепе оказалась типологически во многом схожей с материалом Намазга 1Б (в его позднем проявлении), так что можно предположить факт колонизации бассейна р. Теджен выходцами с поселений центральной группы в пору поздних этапов Намазга 1Б, если только дальнейшие работы в восточной группе не выявят более раннего материала.

О западном пути их расселения, возможно, свидетельствует сходный материал Чингиз-Тепе у Параву¹¹.

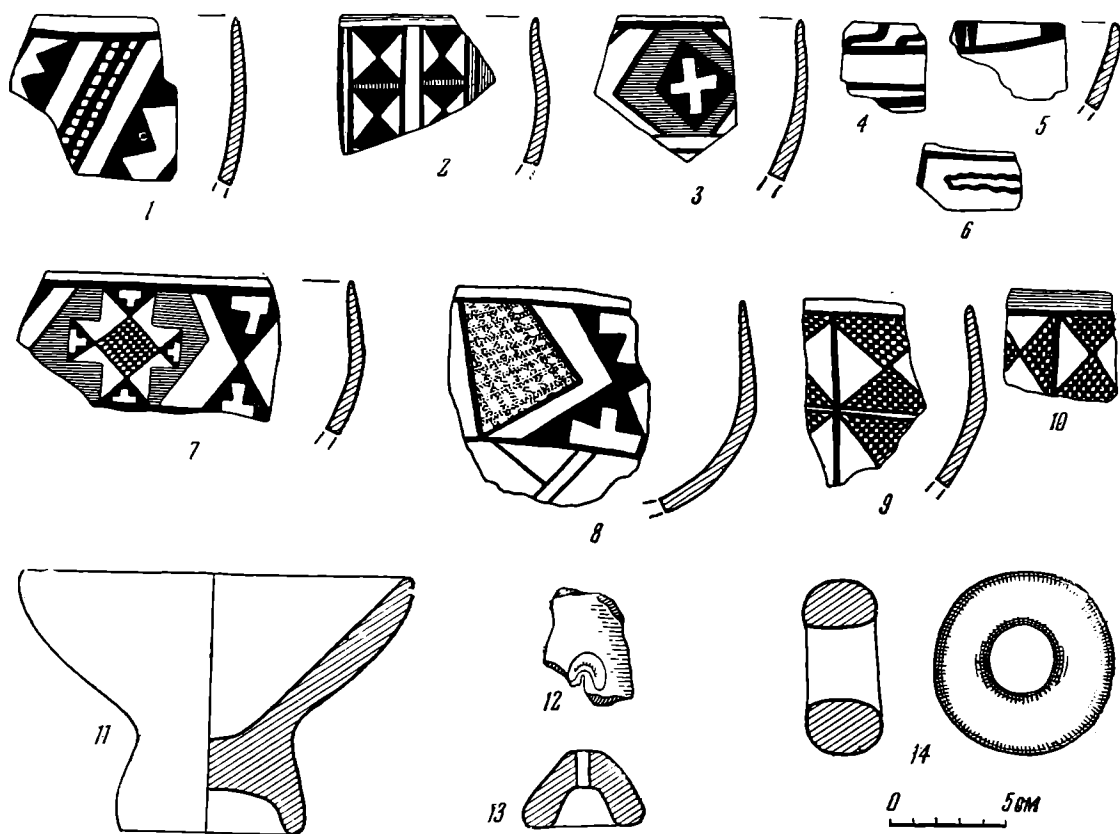

Рис. 4. Керамика строительных комплексов Геоксюр 1—2

В дальнейшем возникает расхождение в культуре поселений этих областей. В центральной группе с самого начала этапа Намазга II появляется и получает развитие керамика с полихромной росписью, в восточной же наблюдается иная картина: уменьшение количества форм сосудов, все большая деградация монохромного орнамента (сравнительно с Геоксюр 8—10), а единичные полихромные фрагменты в слоях Геоксюр 7—4 указывают не только на хронологическое соответствие с периодом Намазга II центральной группы, но и на продолжающиеся связи между ними. Об этом же свидетельствует полуметровый слой (XXII ярус) шурфа Намазга-Тепе с керамикой типа Геоксюр 6—7¹².

Ограниченные размеры шурфа не дают возможности определенно судить о характере найденной керамики с полихромной росписью — происходит ли она с поселений центральной группы или же была изготовлена

¹¹ Доклад Д. Д. Дурдыева на секции археологии Средней Азии пленума и сессии ИИМК АН СССР в Москве в апреле 1959 г.

¹² А. Ф. Ганялин. К стратиграфии Намазга дepe. ТИИАЭ АН ТуркмССР, т. II, Ашхабад, 1956, стр. 48. О неправомерности выделения этого слоя в самостоятельный этап см. В. И. Сарганиди, И. Н. Хлопкин. Труды Института истории, археологии и этнографии, т. II (рец.). СА, № 1, 1959, стр. 307.

на месте. Однако следует отметить, что если при вскрытии верхнего горизонта Ялангач-Тепе было обнаружено всего несколько таких фрагментов, то в центральной группе холмов (особенно слой Кара 3—4) полихромной росписью покрыта основная масса посуды. Независимо от решения этого вопроса несомненно, что, в противоположность центрально-анауским поселениям времени раннего Намазга II, в восточной группе посуда с полихромной росписью была распространена в несравненно меньшем количестве. Это различие отнюдь не указывает на разные племенные группы, а скорее объясняется некоторой обособленностью и территориальной оторванностью от первоначальных мест обитания. Все это дает право рассматривать керамику комплексов Геоксюр 7—4 как локальный, восточный вариант единой земледельческой культуры.

В комплексе Геоксюр 1—2 появляется «загадочная» геоксюрская керамика с богатым разнообразием совершенно новых геометрических типов полихромного орнамента и цветовой гаммы. Посуда геоксюрского стиля настолько характерна и своеобразна, что, будучи обнаруженной на поселениях типа Намазга — Кара-Тепе (слои Кара 1—2), не вызывает сомнения в своем происхождении с восточной группы холмов. В свою очередь, отдельные фрагменты сосудов с монохромной росписью в комплексе Геоксюр 1 (возможно, 2) идентичны материалу слоя Кара 2 центральных поселений; таким образом, появление керамики геоксюрского стиля, видимо, следует относить к поздним этапам периода Намазга II.

Керамика поры раннего Намазга III (Кара 1Б) в центральной группе холмов характеризуется появлением нового орнамента, резко отличного от нижележащего (Кара 2), но схожего с геоксюрским¹³. Видимо, в этот период произошло перемещение части населения с ряда поселений восточной группы на холмы центральной группы поселений.

Хотя в шурфе и не было найдено материала времени развитого Намазга III, можно допустить, что какая-то часть поселения Геоксюр была обжита и в это время. На это как будто указывают находки на поверхности Геоксюра нескольких фрагментов сосудов с изображением солярных знаков и птиц. С другой стороны, отдельные экземпляры керамики геоксюрского стиля были обнаружены при раскопках верхнего горизонта Кара-Тепе, датированного по радиоуглеродному анализу около 3000 г. до н. э. Последнее обстоятельство, видимо, указывает на принадлежность к этому же времени верхнего слоя Геоксюра.

Таким образом, целый ряд данных взаимно корректируют соответствующие слои холмов восточной и центральной групп. Соотношение между ними показано на таблице 1.

Вопрос о характере посуды с полихромной росписью, столь широко распространенной у земледельческих племен Южной Туркмении, должен рассматриваться дифференцированно. В центральной группе стенная полихромная роспись известна на всех раскопанных поселениях времени Намазга I, а шурфы и стратиграфические раскопы на Намазга и Кара-Тепе несомненно свидетельствуют о местных корнях развития керамики с полихромной росписью.

Менее ясно происхождение керамики геоксюрского полихромного стиля.

По мнению ряда специалистов, геометрические узоры посуды племен пуэбло (дающие в ряде случаев типы, почти аналогичные геоксюрскому стилю) возникли под непосредственным влиянием характерного «углового» рисунка корзинного и иного плетения.

Сходную линию развития можно допустить и для керамики геоксюрского стиля, орнаментальные сюжеты которого могли быть заимствованы от рисунков, получающихся при плетении окрашенной соломы. К сказан-

¹³ А. Ф. Г а н я л и н. Ук. соч., стр. 53; В. М. М а с с о н. Ук. соч., стр. 155.

Таблица 1

Центральная группа	Восточная группа			
Намазга III	Геоксюр 1			
	Геоксюр 2			Илгынлы-Тепе
	Геоксюр 3			
	Геоксюр 4			
Намазга II	Геоксюр 5			
	Геоксюр 6			
	Геоксюр 7		Ялангач-Тепе	
	Геоксюр 8		↓	↓
Намазга I	Геоксюр 9	Дашлыджи-Тепе		
	Геоксюр 10			

ному следует добавить, что именно такой же точки зрения придерживался Г. Чайлд при рассмотрении расписной посуды ряда поселений Ближнего Востока¹⁴. Однако, по-видимому, сам этот вполне вероятный процесс произошел раньше, еще до появления посуды геоксюрского стиля полихромии на территории Южной Туркмении. Об этом свидетельствует сама керамика комплексов Геоксюр 1—2, дающая образцы большого разнообразия рисунков, причем подчас довольно сложная композиционная основа как будто указывает на своего рода орнаментальный «канон» с уже достаточно выработанными традициями исполнения. Кроме того, археологически засвидетельствованный факт бытования плетеных изделий на Геоксюре (циновка на полу комплекса Геоксюр 5) еще не отражена в орнаментальных росписях, которые можно было бы сопоставить с геоксюрским стилем орнаментации. Таким образом, можно допустить, что керамика Геоксюр 1—2 образует самостоятельную группу, резко отличную от расписной керамики центральных поселений. Возможно, появление этой посуды в геоксюрском оазисе связано с инфильтрацией сюда каких-то племенных групп, вошедших в состав местного населения и повлиявших своим искусством на местное керамическое производство.

Пока можно лишь приблизительно наметить возможные пути проникновения «протогеоксюрской» керамики из сопредельных передневосточ-

¹⁴ Г. Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, стр. 171—172 и 214—215.

ных областей в бассейн р. Теджен. Отдельные относительно близкие элементы орнамента могут быть прослежены в части керамики поселений, объединенных термином «buff ware culture» (Юго-Западный Иран, побережье Персидского залива), хотя следует оговорить, что часть ее происходит из сборов подъемного материала и не всегда точно датирована¹⁵. На этой территории можно предполагать родственные племенные группы, возможно участвовавшие в создании керамики геоксюрского стиля. В этой связи не меньшее значение имеет некоторое сходство посуды с полихромной орнаментацией Южной Туркмении и Ближнего Востока. Предположение Б. А. Куфтина о соотношении южнотуркменистанской керамики с халафским неолитом¹⁶ не может быть распространено на восточную группу холмов, так как ряд данных указывает на более позднее время. Нам представляется, что керамика геоксюрского стиля полихромии больше соответствует периоду Джемдет Наср и в первую очередь территории Элама, где возрождение керамики с многоцветной росписью происходит в фазе Сузы «С»¹⁷. На это указывают не только отдельные схожие формы и орнаменты сосудов ряда поселений Сузианы и бассейна р. Теджена, но и характерные погребальные сооружения некрополя Геоксюра¹⁸. Устройство и назначение этих гробниц во многом напоминает аналогичные сооружения Тепе-Али-Абада около Мусийяна (Элам), послужившие в свою очередь, по мнению Г. Чайлда, прототипом «царских гробниц», начиная уже с I раннединастического периода¹⁹.

Имеющийся комплекс археологических материалов дает основания предполагать, что именно в это время (конец IV и особенно III тысячелетие до н. э.) происходят события, связанные с определенными перемещениями отдельных групп древнего населения. Уже сейчас намечается линия этнических передвижений от Элама, через Гиссар-Сиалк, до центральной группы холмов Южной Туркмении²⁰, так что можно предполагать возможность достаточно крупных племенных переселений на территории Ирана и, вероятно, Афганистана. Особенно важно отметить все более выявляющиеся связи в материальной культуре туркменистанских и южноиранских памятников²¹. Очевидно, мы можем предположить инфильтрацию племен с керамикой геоксюрского стиля. Возможное проникновение из районов «buff ware culture» могло происходить через долину р. Теджен, где имеются более доступные перевалы через горы. Было бы заманчиво видеть в чрезвычайной бедности керамикой слоя Геоксюр 3 (если только она не случайна) косвенное указание на события, связанные с появлением новых племен. Однако нет основания предполагать полную смену местного населения пришлым, так как целый ряд данных указывает на продолжение и дальнейшее развитие многих черт материальной культуры древних обитателей Геоксюрского оазиса.

¹⁵ A. Stein. An Archaeological Tour in the Ancient Persis, Iraq, т. III, ч. 2, 1936, табл. XX—XXV; его же. Archaeological Reconnaissances in North-Western India and South-Eastern Iran. London, 1937, табл. IX—XI; D. Mc Cow n. The Comparative Stratigraphy of Early Iran. Chicago, 1942.

¹⁶ Б. А. Куфтин. Полевой отчет о работах XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытно-общинных оседлоземледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г. Тр. ЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1956, стр. 284.

¹⁷ Luis le Breton. The Early Periods at Susa, Mesopotamian Relations. Iraq, т. XIX, ч. 2, 1957; D. E. Mc Cow n. Relative Stratigraphy and Chronology of Iran. «Relative Chronologies in Old World Archaeology». Chicago, 1954.

¹⁸ В. И. Сарцианиди. Новый тип древних погребальных сооружений Южной Туркмении. СА, 1959, № 2, стр. 235—238.

¹⁹ Г. Чайлд. Древнейший Восток..., стр. 223—224.

²⁰ Г. Чайлд. Древнейший Восток..., стр. 295; В. М. Массон. Древнеземледельческие племена Южного Туркменистана и их связи с Ираном и Индией. ВДИ, 1957, № 1; его же. Изучение энеолита и бронзового века Средней Азии. СА, 1957, № 4, стр. 52.

²¹ И. Н. Хлопин. Изображение коровы на сосуде из Кара-депе. КСИИМК вып. 69, 1957, стр. 137—138.

Можно надеяться, что более широкое обследование ранних аналогичных памятников сопредельных областей (и в первую очередь Афганистана) даст большее основание для этих предположений. Вместе с тем относительная стратиграфия холмов центральной части Южной Туркмении и Ирана может быть дополнена полученной стратиграфической колонкой Геокюра с ее намечающимися связями с областью древнего Элама; разумеется, что такое сопоставление во многом носит гипотетический характер и требует своего дальнейшего уточнения (см. табл. 2).

Таблица 2

Южная Туркмения		Иран	Элам
Намазга III	Геокюр 1—2	Сиалк III	Сузы С В А
Намазга II	Геокюр 3—7	Сиалк II	
Намазга I	Геокюр 8—10	Сиалк I	Джафарабад III Бендебаль Джафарабад II

Вследствие дальнейшей миграции р. Теджен на северо-запад в пору развитого Намазга III большая часть поселений восточной группы оказывается заброшенными, а жизнь сохраняется лишь на таких памятниках,

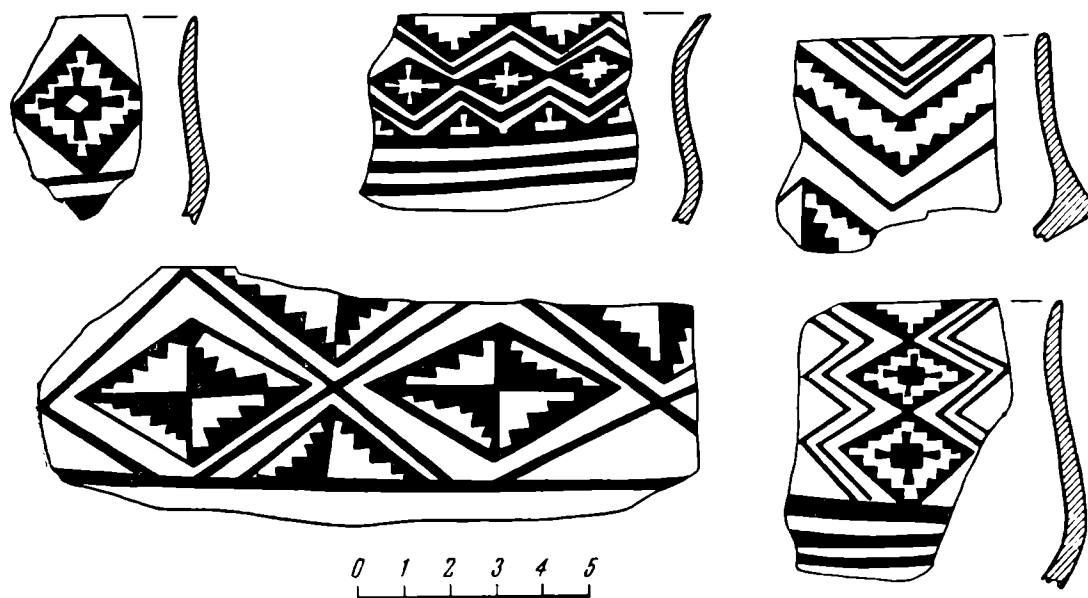

Рис. 5. Керамика Хапуз-Тепе

как Хапуз-Тепе, поселение у города Серахс, Алтын-Тепе. Культурные напластования их невелики, в орнаменте преимущественно монохромной посуды сохраняются несомненные геокюрские традиции (рис. 5). Сам орнамент отличается большей дробностью рисунка, наряду с чашами распространяются биконические и сероглиняные с процарапанным рисунком сосуды, т. е. по существу основные моменты, характерные для керамики времени развитого Намазга III и IV.

В этой связи следует указать, что наиболее близкие аналогии, доходящие в ряде случаев до тождества, могут быть прослежены в керамике района Кветы (Индия) в слоях Дамб Садаат II. Орнамент этой посуды

в некоторой части буквально повторяет геоксюрский, причем имеются идентичные женские статуэтки, модели домов, печатки с изображением креста²²; совпадения настолько очевидны, что возникает предположение о прямой связи этих двух древних областей.

Материалы с Хапуз-Тепе и с поселения у г. Серахс, с одной стороны, и слоя Дамб Садаат II — с другой, относятся примерно к одному времени (вторая половина III тысячелетия до н. э.) с той лишь разницей, что в Индии эта керамика никак не увязывается с нижележащей (Дамб Садаат I), а в Туркмении она известна уже с рубежа IV—III тысячелетий до н. э. (Геоксюр 1—2). В этой связи представляется вероятным предположение о приходе части населения с поселений Юго-Восточной Туркмении в Индию, о чем свидетельствует дальнейшее сокращение обжитых площадей. Действительно, в пору Намазга V, как можно судить по имеющимся данным, население большей части восточной группы холмов концентрируется на таких крупных поселениях, как Алтын-Тепе (в 4 км к востоку от Меана). В пору Намазга VI прекращает существование Алтын-Тепе, а его население могло участвовать в предполагаемой колонизации дельты Мургаба²³.

²² W. Fairervis. Excavations in the Quetta Valley, West Pakistan. New York. 1956, стр. 228, рис. 20а, 21; стр. 288, № 195—202; стр. 289, № 203—209; стр. 290, № 217; стр. 294, № 270—274; стр. 295, № 275—280 и др.

²³ В. М. М а с с о н. Изучение древнеземледельческих поселений в дельте Мургаба. КСИИМК, вып. 69, 1957, стр. 59.

НОВЕЙШИЕ НАХОДКИ ЭПОХИ БРОНЗЫ НА ТЕРРИТОРИИ ЛАТВИЙСКОЙ ССР

Период с середины II тысячелетия до н. э. до середины I тысячелетия до н. э. в истории Латвии определяется как эпоха бронзы, так как в это время бытовали бронзовое оружие и орудия труда. По сравнению с южными районами СССР и скандинавскими землями количество найденных в Латвии бронзовых предметов невелико.

Обзор находок эпохи бронзы на территории Латвии за период до II Прибалтийского археологического съезда в 1930 г. в Риге был опубликован Эдуардом Штурмом¹. До 1930 г. в Латвии был известен 21 предмет из бронзы. С тех пор количество находок возросло, и в данный момент в Латвии зарегистрированы в общей сложности 64 предмета — оружие, орудия труда и предметы украшения — из 39 местонахождений. К тому же периоду относится около 1000 предметов из камня и кости, главным образом случайных находок. Исследованы новые могильники (Резнес, Калниешы, Дарзниеки) и поселения (городище Клангюкалнс).

В данной статье мы более подробно остановимся на находках из бронзы, еще не опубликованных, но имеющих большое значение для характеристики культуры и ее этнической принадлежности.

К первой половине бронзового века относятся пять топоров с закраинами, из которых три принадлежат к восточнобалтийскому типу. Два из упомянутых топоров сходны по форме. Они имеют лопатовидное лезвие и вогнутый желоб между высокими краями рукоятки. По краям видны литейные швы. Один из этих топоров (№ 9; рис. 1, 1) найден в Руцаве, Лиепайского района, в 1957 г. Верхняя часть рукоятки топора обломана, но сам топор хорошо сохранился. Вторым топор (№ 10; рис. 1, 2) найден несколько лет тому назад в Алсунге, Айзпутского района. Часть рукоятки с одной стороны надрублена, а затем сломана. Упомянутые топоры сходны с алтенским топором в Латвии² и шиллинским в Литве³, которые датируются III периодом эпохи бронзы⁴.

Третий восточнобалтийский топор с закраинами (№ 8; рис. 2, 2) был найден в 1913 г. в Крустпилсском районе, в дер. Лейтаны, при обработке поля, на глубине 0,15 м. В музей топор поступил в 1938 г.

Этот топор имеет большое полукруглое лезвие и короткую узкую рукоятку, составляющую половину всей длины топора. Края рукоятки прямые, со следами литейного шва. Желоб между закраинами вогнутый и заканчивается дугообразно против лезвия. Край лезвия (около 0,9 см шириной) заточен. Топор имеет большое сходство с найденным в Ужавас Иорки⁵,

¹ E. Šturms. Die bronzezeitlichen Funde in Lettland. *Congressus secundus Archaeologorum Balticorum Rigae*, 19—23. VIII, 1930; Rigae, 1931; e r o ж e. Die ältere Bronzezeit im Ostbalticum. Berlin, 1936.

² E. Šturms. Die bronzezeitlichen Funde..., табл. II, 2.

³ W. Gaerte. *Urgeschichte Ostpreussens*. Königsberg, 1929, рис. 45, e.

⁴ E. Šturms. Die ältere Bronzezeit..., стр. 17—19.

⁵ E. Šturms. Die bronzezeitlichen Funde..., табл. II, 1.

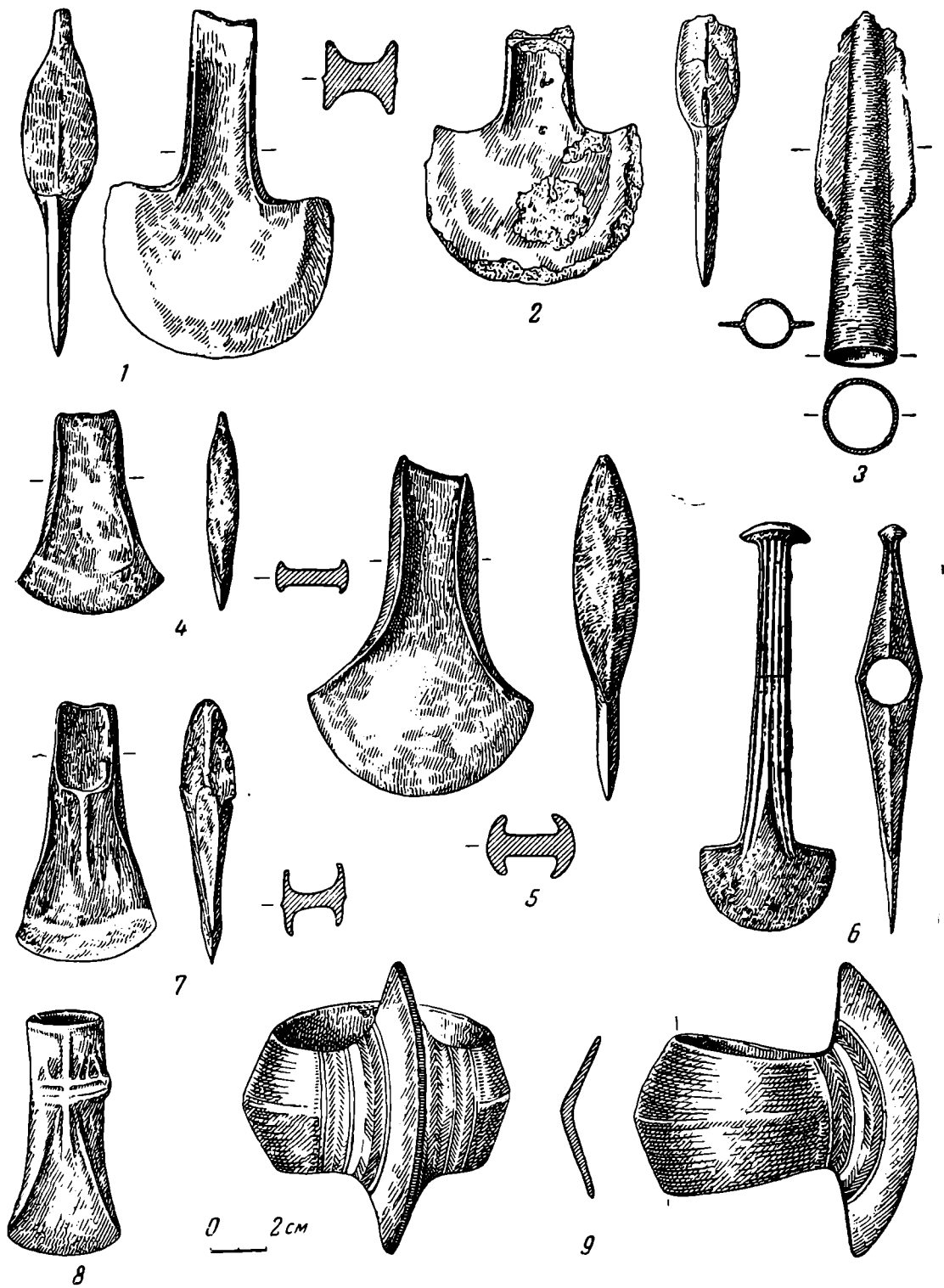

Рис. 1. Новейшие находки бронзовых изделий эпохи бронзы на территории Латвийской ССР

1 — топор с закраинами (восточнобалтийский тип), Руцава, Лиепайский р-н; 2 — топор с закраинами (восточнобалтийский тип), Алсунга, Айзпутский р-н; 3 — втульчатый наконечник копья, Калькупите, Салдусский р-н; 4 — топор с закраинами, Лубанское оз., Вилянский р-н; 5 — топор с закраинами, Парумба, Рижский р-н; 6 — боевой топор (восточнобалтийский тип), Калей, Лиепайский р-н; 7 — уступчатый топор, Сайкава, Мадонский р-н; 8 — кельт (меларский тип), Большое Лудзенское оз., г. Лудза; 9 — браслет, городище Кивуткалнс, Рижский р-н

который датируется III периодом; лейтанский топор, однако, крупнее и массивнее. По-видимому, этот топор стоит в конце типологического ряда и поэтому хронологически является более поздним и относится к концу III периода.

Восточнобалтийские топоры с закраинами являются местной формой, за редким исключением распространенной только на заселенной балтами территории в Восточной Пруссии, Литве и Латвии⁶. Эта форма сложилась по чужим образцам во II периоде бронзового века (ок. 1500 г.) в Восточной Пруссии и отсюда распространилась по остальным балтийским землям. Для данных топоров характерны узкая, равномерной толщины рукоятка, с прямыми краями и вогнутым желобом между ними. Закраины начинаются немного ниже конца рукоятки, сама же рукоятка прямая. Более ранние топоры имеют сравнительно низкие закраины и узкое лезвие, более поздние — полукруглое или лопатовидное лезвие без закраин на плечиках. По краям топоров виден литейный шов двустворчатой формы. В Латвии до сих пор найдено пять топоров такого типа.

Четвертый, бронзовый топор с закраинами (№ 12; рис. 1, 5) найден в р. Даугаве у Парумба, при углублении русла реки на глубине приблизительно 3 м, вместе с другими древностями каменного и бронзового века. Топор имеет широкое лезвие, с постепенным переходом в рукоятку. Рукоятка с изогнутыми закраинами, около 2,2 см высотой. Закраины начинаются немного ниже конца рукоятки и продолжают до углов лезвия. Желоб между высокими закраинами плоский. Вокруг лезвия идет косая литая полоска ок. 0,8 см ширины. Литейных швов нет, так как топор отлит способом потерянной формы. Конец рукоятки поврежден. Этот топор напоминает топоры из Штюрлака и Коддиены⁷ в Восточной Пруссии и Упландский топор⁸, которые датируются II периодом. По своим признакам (высокие края) парумбский топор может относиться уже к III периоду. Такая форма топоров с закраинами встречается на восточном побережье Балтийского моря, к востоку от Вислы и в Швеции⁹.

Пятый, небольшой топор с закраинами (№ 11; рис. 1, 4) является вариантом так называемого североперманского топора с закраинами. Топор найден на южном берегу Лубанского оз. в 1948 г.; его лезвие примерно в два раза шире рукоятки. Закраины 1,2 см высотой, вогнутые, без литейного шва. Желоб между закраинами плоский и напротив лезвия заканчивается резко выраженной линией. Край лезвия заточен; ширина его 1,6 см. По своей форме он напоминает топор II периода¹⁰, найденный в Восточной Пруссии, и топор конца I периода, найденный в Торслунде в Упландии¹¹. Возможно, что и лубанский топор относится ко II периоду.

Шестой топор с закраинами (№ 5; рис. 2, 1) был найден предположительно в 1936 г. в Андрупиенас Дравниекс на глубине 30 см под кучей камней¹². Топор с узким и высоким трапециевидным лезвием. Закраины начинаются посередине, на самом узком месте топора. Обух был отпилен лицами, нашедшими топор, поэтому точно определить его форму не представляется возможным. По форме лезвия он напоминает топор из Гр. Линденау в Восточной Пруссии¹³, который датируется II периодом. Суженная середина топора и вогнутые закраины напоминают также топоры

⁶ E. Sturms. Die ältere Bronzezeit..., стр. 17, карта 2 и 6.

⁷ E. Sturms. Die ältere Bronzezeit..., табл. 8, а, с, стр. 129.

⁸ O. Montelius. Minnen Iron var Forntid. Stockholm, 1917, № 785.

⁹ E. Sturms. Regionale Unterschiede in den Beziehungen zwischen dem Ostbaltikum und Skandinavien in der Bronzezeit. Contributions of Baltic University, № 53. Pinneberg, 1947, стр. 3 и 4.

¹⁰ C. Engel. Die Vorgeschichte der altpreussischen Stämme. Königsberg, 1935, т. I, стр. 203, табл. 85, с.

¹¹ O. Montelius. Уж. соч., стр. 30 сл., № 790.

¹² Топор пропал во время войны. Сохранилась только его фотография.

¹³ E. Sturms. Die ältere Bronzezeit..., табл. 20, а.

Рис. 2. Новейшие находки бронзовых изделий эпохи бронзы на территории Латвийской ССР

1 — топор с закраинами, Дравниеки, Дагдский р-н; 2 — топор с закраинами (восточнобалтийский тип), Лейтани, Крустпилсский р-н; 3 — боевой топор (восточнобалтийский тип), Парумба, Рижский р-н; 4 — кельт, Снепельский лес, Кулдигский р-н; 5 — конусовидная пуговка, Калниеши, Крустпилсский р-н; 6 — кельт, Страздинеки, Вентспилсский р-н; 7 — кельт, Юдукапский карьер, Лиепайский р-н; 8 — кельт, Циравас Гардзес, Айзпутский р-н; 9 — втульчатый наконечник конья, Парумба, Рижский р-н

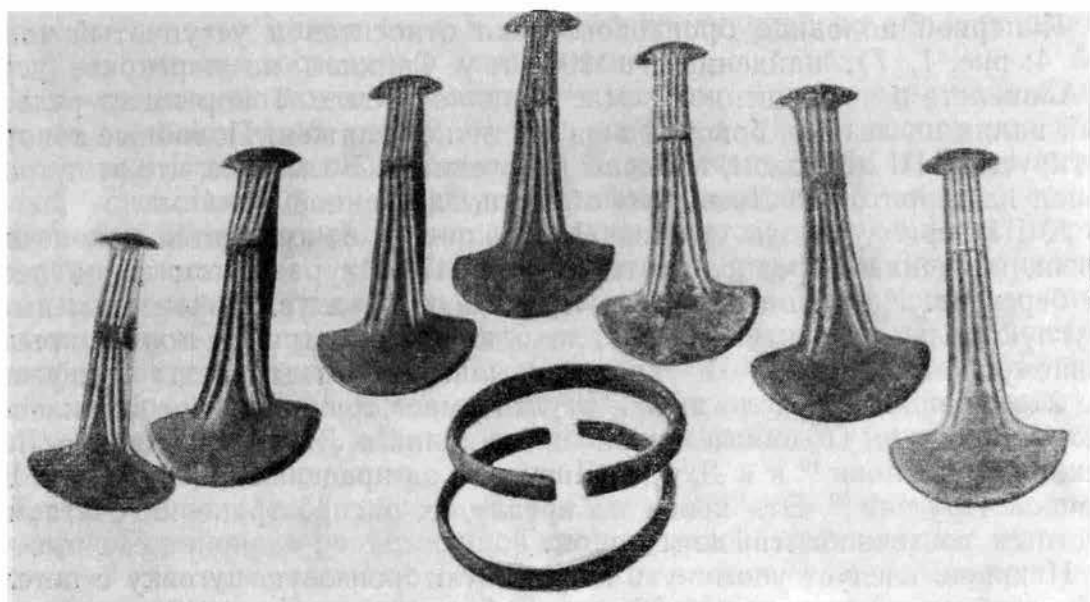

Рис. 3. Клад бронзовых топоров (восточнобалтийский тип) и браслетов (Калей, Лиепайский р-н)

III периода с листовидными закраинами посередине¹⁴, редкие экземпляры которых найдены также и в Восточной Пруссии. В этом случае они свидетельствуют о связях с югом.

К тому же периоду относятся пять боевых топоров восточнобалтийского типа и два браслета (№ 14—22; рис. 1, б), найденные в 1933—1936 гг. при углублении русла реки в Приекулес Калей, Лиепайского района. Уже раньше на том же месте были найдены два топора¹⁵. Топоры очень сходны по размерам; сходны также и обстоятельства их находки. Это свидетельствует о том, что они принадлежат к одному и тому же кладу. Все топоры имеют несглаженный литейный шов, который тянется вокруг всего лезвия и показывает, что эти пять топоров не затачивались и в употреблении не были. Из них два топора (V.8428 : 2 и 9094 : 1) по размерам и мелким деталям совершенно одинаковы (сходны с ними также и топоры V.8428 : 1 и 1918); следовательно, они могли быть отлиты в одной и той же форме. Возможно, что этот клад принадлежал ремесленнику.

Все топоры относятся к позднему местному, восточнобалтийскому варианту (так называемому нортикенскому типу) с шапочкой на обухе (рис. 3). Они имеют узкую удлиненную форму с четырьмя желобками на тулове и круглое отверстие для топорща. Лезвие полукруглое, подобно поздним восточнобалтийским топорам с закраинами. Топоры этого варианта распространены главным образом в Восточной Пруссии, где они и возникли¹⁶. Они датируются III периодом.

Вместе с упомянутыми боевыми топорами было найдено два узких браслета с овальным сечением, из которых один, лучше сохранившийся, украшен группами косых и поперечных насечек. Подобный орнамент встречается на браслетах Восточной Пруссии III периода¹⁷.

Еще один, по счету восьмой, боевой топор восточнобалтийского типа найден в Даугаве у Парумбы (№ 13; рис. 2, в) в 1938 г. Это самый большой по размеру топор такого типа в Латвии.

¹⁴ R. Feustler. *Bronzezeitliche Hügelgräberkultur im Gebiet von Schwarzau*. Weimar, 1938, № 88, табл. XXV, 7; E. Sturms. *Die ältere Bronzezeit...*, табл. 19д, стр. 144

¹⁵ E. Sturms. *Die bronzezeitlichen Funde...*, табл. I, 4, 5.

¹⁶ E. Sturms. *Die ältere Bronzezeit...*, стр. 58, карта 3.

¹⁷ W. Gaerte. *Ук. соч.*, рис. 50, а.

К первой половине бронзового века относится и уступчатый топор (№ 4; рис. 1, 7), найденный в 1934 г. у Сайкавы на переправе через р. Айвиексте в выброшенной землечерпалкой земле. Топор имеет рельефный валик на лезвии, боковой шов частично сглажен. Подобные топоры, датируемые III периодом, найдены в Эстонии¹⁸. Возможно, что этот топор попал на территорию Латвии из области, заселенной финнами.

К III периоду эпохи бронзы (№ 25; рис. 1, 3) относится наконечник копья, найденный предположительно в 1947 г. в размытом водой песке на берегу р. Калькупите, вытекающей из оз. Салдус. Наконечник имеет круглую сильно развитую втулку, доходящую до острия, и тонкие крылья равномерной толщины. По краям крыльев заметны следы шлифовки, ок. 2 мм шириной. Около шейки втулка имеет три отверстия для клепок. Острие сломано. Подобные наконечники копий в Латвии найдены в Лапмежциемс у Слоки¹⁹ и в Дурбес Лигути, а за пределами Латвии — в Восточной Пруссии²⁰. Эти копья по ареалу их распространения считаются местным восточнобалтийским типом.

Наконец, следует упомянуть коническую бронзовую пуговку с петелькой на обратной стороне (№ 26; рис. 2, 5), найденную в 1948 г. в могильнике Калниеша (кург. 1, погр. 7). Подобные пуговицы найдены в Рантавском курганном могильнике Восточной Пруссии²¹ и в скандинавских древностях II периода²². Однако скандинавские пуговицы гораздо больше и сделаны несколько иначе. На обратной стороне их длинная петелька проходит через полый конус. Пуговка из Калниеша, так же как и пуговка из Рантавы, маленькая, с полным конусом. Форма петельки напоминает янтарные пуговицы с V-образным отверстием, обычные в Восточной Пруссии. Не исключена возможность, что пуговка из Калниеша является местным вариантом, который с известным запозданием перешел из Восточной Пруссии на территорию Латвии и датируется III периодом.

Бронзовая пуговка с петелькой на обратной стороне, но с плоской поверхностью найдена также в раскопках в Резнес²³ (VI курган) в 1958 г. (№ 34). Она напоминает пуговку V периода, найденную в Скандинавии, в Сконе²⁴.

В 1956 г. на берегу Б. Лудзенского озера после снижения уровня воды в иле был найден кельт так называемого меларского типа (№ 32; рис. 1, 8). Он является третьей находкой такого рода в Латвии. По свидетельству нашедшего, кельт имел деревянную рукоятку. Втулка его с одной стороны надтреснута. Лудзенский топор на высоте ушка украшен тремя рельефными поперечными валиками. Конец втулки украшен группами рельефных валиков. Ушко слабо развито и помещено низко. Обычные меларские кельты IV периода редко имеют такой орнамент на конце втулки; подобные орнаментированные кельты найдены в Эстонии²⁵, в Финляндии и Белоруссии²⁶. Предполагают, что эта деталь появилась под восточным

¹⁸ X. A. Moora. Памятники позднего неолита и ранней эпохи металла в Прибалтике. КСИИМК, вып. XLVIII, 1952, рис. 2, 3; E. Šturms. Die Kulturbeziehungen Estlands in der Bronze- und frühen Eisenzeit. Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft 1932, рис. 4, стр. 254.

¹⁹ E. Šturms. Die bronzezeitlichen Funde..., табл. I, 6, стр. 123.

²⁰ C. Engel. Stämme, стр. 210, табл. 92, в; E. Šturms. Die ältere Bronzezeit..., табл. 13, g.

²¹ E. Šturms. Die ältere Bronzezeit..., табл. 17 x, m — o.

²² O. Montelius. Ук. соч., № 949—951.

²³ J. Graudonis. Archeologiskie izrakumi Reznu kapulaukā. 1958, g. Referata tēzes zinātniskai sesijai, veltītal 1958. g. archeologiskiem izrakumiem. Rīgā, 1959. g. 19.

²⁴ O. Montelius. Ук. соч., № 1380.

²⁵ A. M. Tallgren. Die Mäläräxte der ostbaltischen Bronzezeit. Liber secularis. Tartu, 1938, стр. 722, рис. 1.

²⁶ A. M. Tallgren. The Arctic Bronze Age in Europe. ESA, XI, Helsinki, 1937, рис. 52—53.

влиянием²⁷. Кельт может быть и местной продукцией по образцу шведских, с некоторыми восточными элементами.

К последним периодам бронзового века относятся четыре кельта, из которых первый (№ 46; рис. 2, 6) был найден в 1931 г. в саду усадьбы Страдиниеки Вентспилсского района²⁸. Кельт имеет сбоку, немного ниже втулки, ушко. Вокруг втулки идут рельефные валики. Лезвие несколько увеличено, с обеих сторон имеются гладкие треугольные плоскости. Верхний угол плоскостей украшен рельефными вертикальными валиками. Кельт напоминает скандинавский топор V периода из Богуслены²⁹, у которого, в отличие от страдиниекского, отсутствует орнамент на плоскостях и ушко начинается у верхнего края. Очень сходный кельт найден в Румынии³⁰, в Предеальском кладе конца IV периода. Он имеет подобную втулку и вертикальные валики на гладкой плоскости. Страдиниекский кельт датируется V периодом.

Второй кельт (№ 52; рис. 2, 4) найден в 1932 г. в Снепельском лесу Кулдигского района, в разъезженной колее дороги. Верхний конец массивного ушка кельта начинается у края втулки, а нижний заканчивается под дугообразной рельефной линией. Он принадлежит к так называемым топорам со сводчатой головкой, которые появились в Восточной Пруссии³¹ в V—VI периоде.

Третий кельт (№ 53; рис. 2, 7) найден в Лиепайском районе, в Юдукапском карьере, в 1935 г. при добыче гравия. Поверхность его повреждена. Форма довольно тяжелая, с расширенным лезвием, и массивным ушком сбоку, начинающимися почти у края. Края отделяются от головы и тулова дугообразными желобками, между которыми идет вертикальный валик. Самые ближайшие аналогии для этого кельта, по-видимому, следует искать среди топоров VI периода в Восточной Пруссии³².

Четвертый кельт (№ 55; рис. 2, 8) найден в 1931 г. в Лиепайском районе, в Гардзес, в 7 км от Дуналки. Обстоятельства находки неизвестны. Кельт имеет простую форму, расширенное лезвие и рельефный валик вокруг втулки. Ушко повреждено. Кельт сходен с цирравским кельтом конца VI периода³³. Все бронзовые кельты отлиты в двусторонних формах.

К концу бронзового века относится также наконечник копья с круглой гладкой втулкой из Парумбы (№ 58; рис. 2, 9). Подобный наконечник VI периода найден в Восточной Пруссии в Веескейме³⁴.

В 1942 г. на городище Кивуты на о. Доле, недалеко от Риги, при вспашке поля был найден массивный бронзовый браслет (№ 59; рис. 1, 9) с сегментовидным сечением. Браслет полый, в средней части расширен, внешняя грань закруглена, внутри четыре несглаженных литейных шва. С обеих сторон дужка браслета украшена двумя поперечными полосками елочек, причем с одной стороны остался неорнаментированный участок (ошибка изготовителя). Орнамент исполнен техникой литья. Браслет отлит по восковой модели с потерей формы.

Браслет напоминает браслет V периода³⁵, найденный в Восточной Пруссии в кладе Кл. Дребнау. В отличие от браслета из Кивуты, он имеет дужку без грани посередине, а также более мягкий профиль. Этот браслет считается германским, типичным для Привисленской области и датируется

²⁷ A. M. Tallgren. Die Mälaräxte..., стр. 723, 724.

²⁸ Топор исчез во время войны при пожаре бывш. Музея исследования Родины. Сохранилась неудачная фотография, по которой и сделан рисунок.

²⁹ O. Montelius. Ук. соч., № 1175.

³⁰ Reallexicon der Vorgeschichte. Berlin, 1927—1928, т. XI, табл. 36, e.

³¹ C. Engel. Ук. соч., стр. 306.

³² C. Engel. Ук. соч., табл. 118, Aa.

³³ E. Šturms. Die bronzezeitlichen Funde..., стр. 136, табл. III.

³⁴ C. Engel. Ук. соч., табл. 119, a.

³⁵ W. Gaerte. Ук. соч., рис. 60, a.

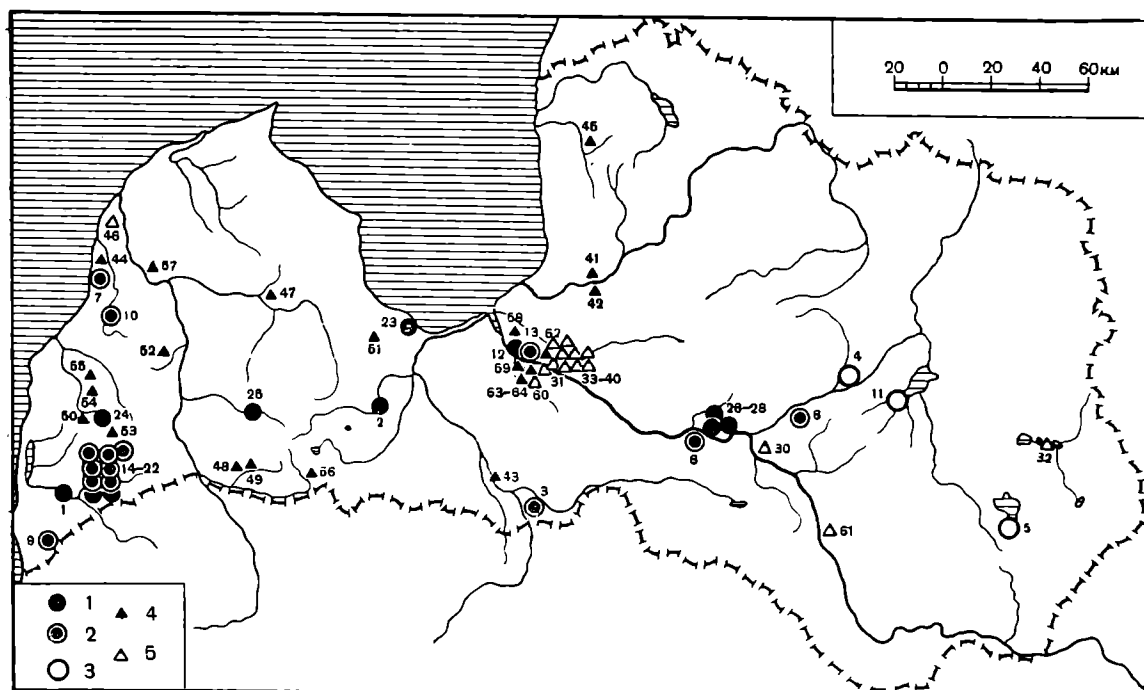

Рис. 4. Распространение бронзовых предметов эпохи бронзы на территории Латвийской ССР
 Ранний бронзовый век: 1 — формы, обычные для территории древних балтов; 2 — достоверные локальные формы; 3 — чуждые или маловстречающиеся на территории древних балтов формы.
 Поздний бронзовый век: 4 — балтийские формы; 5 — чуждые или маловстречающиеся на территории древних балтов формы

поздним бронзовым веком³⁶. Аналогичный браслет IX—VIII вв. до н. э., несколько меньших размеров, был найден в Литве, в Калвишки, Ариогальского района³⁷. По-видимому, наш браслет также следует датировать V периодом. Он может быть местным вариантом, сделанным по чуждому образцу.

Следует отметить две сплюснутые бронзовые спирали, найденные в 1935 г. на городище Клангюкалнс³⁸. Они изготовлены из проволоки круглого сечения; средние завитки почти сплываются, а наружные образуют петельку, к которой прикреплена пластинка. Прежде такие спиральки считались скандинавскими³⁹. Сейчас аналогичные находки известны из Курмайчского могильника в Литве, где они датируются концом бронзового века и считаются балтийскими головными украшениями⁴⁰. Спирали, аналогичные резненской⁴¹, известны также в Литве. Вместе с тем следует отметить, что туалетным принадлежностям из II кургана в Резнес (бритвы, пинцеты, шилья)⁴² имеются параллели в Скандинавии, откуда они привезены.

Среди найденных на территории Латвии бронзовых предметов, относящихся к эпохе бронзы, преобладают оружие и предметы украшения. Находки концентрируются главным образом по р. Даугаве и в южной и юго-западной частях Латвии (рис. 4). Большая часть их родственна находкам в Восточной Пруссии и Западной Литве. Это подтверждает мнение

³⁶ С. Engel. Ук. соч., табл. 104, f, стр. 224.

³⁷ Lietuviu. Liaudies menas, Senoves Lietuvius papuošalai I knyga, 1958, рис. 35.

³⁸ R. Šnoge. Ierakumi Doles pag. Klaugu pilskalnā. Senatne un māksla, I, 1936, стр. 65, рис. 7, 19.

³⁹ E. Šturms. Regionale Unterschiede..., № 53, стр. 2.

⁴⁰ P. Kuļikauskas. Nauji radiniai Kurmaičius kapinyne. Тр. АН Литовской ССР, серия А², 1957 (резюме).

⁴¹ E. Šturms. Pirmās bronzas laikmeta kapenes Latvijā. Senatne un māksla. Rīgā. 1936, т. I, рис. 6.

⁴² Там же, рис. 6.

о том, что данные земли принадлежали одной этнической группе — древним балтам⁴³.

На юго-восточном побережье Балтийского моря, от устья Вислы до Даугавы, в эпоху бронзы намечается самостоятельная культурная область с центром в Восточной Пруссии. В Восточной Пруссии находились главные месторождения янтаря, который обменивался на бронзу с юга, из Придунайских земель, а также на бронзовые изделия с запада⁴⁴. На основе привозных форм уже в первой половине бронзового века образовались местные типы изделий, которые отличаются от прочих по форме и отчасти по обработке (восточнобалтийские топоры с закраинами, уступчатые и боевые). Это свидетельствует о том, что примерно с середины II тысячелетия до н. э. бронзовые орудия стали изготавливаться на месте из привозной бронзы. Из Восточной Пруссии эти изделия распространились и в другие земли балтов.

Территория Латвии являлась северо-восточной периферией культурной области древних балтов. На севере она соприкасалась с территорией расселения древних финских племен. Находки бронзовых предметов помогают выявить границу этих этнических групп в Латвии в эпоху бронзы. Очевидно, граница шла по Даугаве или же немного севернее ее, где, по-видимому, финнов и балтов разделяла Видземская возвышенность. Балтийские формы позднего бронзового века (копье) обнаружены у р. Гауи, приблизительно в районе Сигулды, где в середине I тысячелетия до н. э. появляются финские курганные могильники с каменными ящиками. Балтийские формы проникают и в район р. Айвиексте (восточнобалтийский топор с закраинами). Не исключена также возможность, что лубанский топор с закраинами северогерманского типа попал в Латвию с юго-запада.

Пока бедна находками бронзовых предметов восточная часть Латвии. Однако найденная в стоянке Двиете, Илукстского района, костяная булава, изготовленная по образцам бронзовых булавок III периода эпохи бронзы⁴⁵, позволяет считать, что и здесь область, населенная древними балтами, доходила, по крайней мере, до Даугавы.

Находки бронзовых предметов свидетельствуют также о росте обмена в это время.

Чужие и редко встречающиеся в области прабалтов формы, надо полагать, попали на территорию Латвии в результате обмена и связей со Скандинавией, Поволжьем и другими областями.

⁴³ X. A. Moora. О древней территории расселения балтийских племен. СА, 1958, № 2, стр. 19, 23; L. Kilian, Haffküstenkultur und Ursprung der Balten. Bonn, 1955, стр. 200, карты 11—13.

⁴⁴ E. Sturms. Der ostbaltische Bernsteinhandel in der vorchristlichen Zeit. Commentationes Balticae, т. I, 1953, стр. 184, рис. 3.

⁴⁵ E. Sturms. Dvietes un Lubānas kaula senlietas. Senatne un māksla, 1938, т. I, стр. 72, рис. 1.

МАСТЮГИНСКИЕ КУРГАНЫ И ВОЛОШИНСКИЕ ГОРОДИЩА

Воронежский отряд лесостепной экспедиции ИИМК АН СССР в 1958 г. продолжал исследования поселений эпохи поздней бронзы (поселение № 1) и раннего железа (поселение № 3), начатые еще в 1956—1957 гг. в связи с раскопками курганов в урочище «Частые курганы». Однако основное внимание экспедиции было переключено на исследование новых памятников курганного могильника у с. Мастюгина, Коротоякского района, и группы городищ у дер. Волошино и Русская Тростянка, Острогожского района, Воронежской области.

Курганы у с. Мастюгина уже известны по раскопкам А. А. Спицына¹ и Н. Е. Макаренко². Они отличаются богатством инвентаря и своеобразием погребального обряда. Городища, которые привлекли наше внимание в 1958 г., до сих пор не отражены в печати. Работы по исследованию этих памятников проводились совместно с Воронежским областным краеведческим музеем и Острогожским районным музеем³.

В Острогожском районе, расположенном на самой южной границе лесостепи, имеется ряд городищ, представляющих большой интерес. У дер. Волошино нам известны три городища. Самое большое из них, площадью около 15 га, расположено на длинном высоком мысе, полого опускающемся к большому логу, по которому весной и в дождливое время течет речка, впадающая в р. Тихую Сосну. На левой стороне этого лога, в 270—300 м от первого городища, расположено второе городище (около 9 га). Его южный край спускается непосредственно до основания лога, теперь застроенного домами дер. Волошино. Третье городище, площадью до 7 га, находится в 0,5 км к западу-северо-западу от городища № 1, по другую сторону глубокого, но короткого оврага, разделяющего всю площадь большого мыса на две части. Городище № 3 своим западным краем доходит до опушки леса, а северный и восточный края занимают склон, направленный к ответвлению большого лога.

Городище № 1 в длину имеет свыше 600 м, ширина его — от 200 до 250 м, с напольной и южной сторон укреплено двойными валами и рвами, а северная, более крутая сторона, спускающаяся в глубокий овраг, усилена двойным эскарпом (рис. 1, 1). Площадь городища полностью распаивается. Разрез валов и рвов в юго-западной части городища показал довольно мощную оборонительную систему. Глубина среднего рва от современной вершины вала достигает 5,6 м. Внешняя сторона внутреннего вала имела специальную глиняную обмазку, в свое время сильно осложнявшую форсирование укреплений городища. В западном и восточном концах хорошо сохранились въезды на городище. На пашне встречается много об-

¹ ОАК за 1905 г., стр. 82—83; ОАК за 1906 г., стр. 109—110.

² Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 годов. ИАК, вып. 43, 1911, стр. 47—76.

³ В экспедиции участвовали: В. А. Тихомирова, А. И. Пузикова, В. И. Мамянц, М. А. Сабурова, Н. П. Булгакова, А. К. Тарасевич и сотрудник Воронежского краеведческого музея А. С. Демидова.

ломков лепной посуды, глиняных пряслиц, зернотерок, терочных и пращевых камней, обломков амфор, костей животных и др. Произведенные здесь в 1958 г. раскопки на площади 480 м² дали большой материал. Амфоры, определенные И. Б. Зеест, позволили датировать городище временем не ранее IV в. до н. э. Здесь встречаются обломки красноглиняных боспорских, гераклейских и синопских амфор.

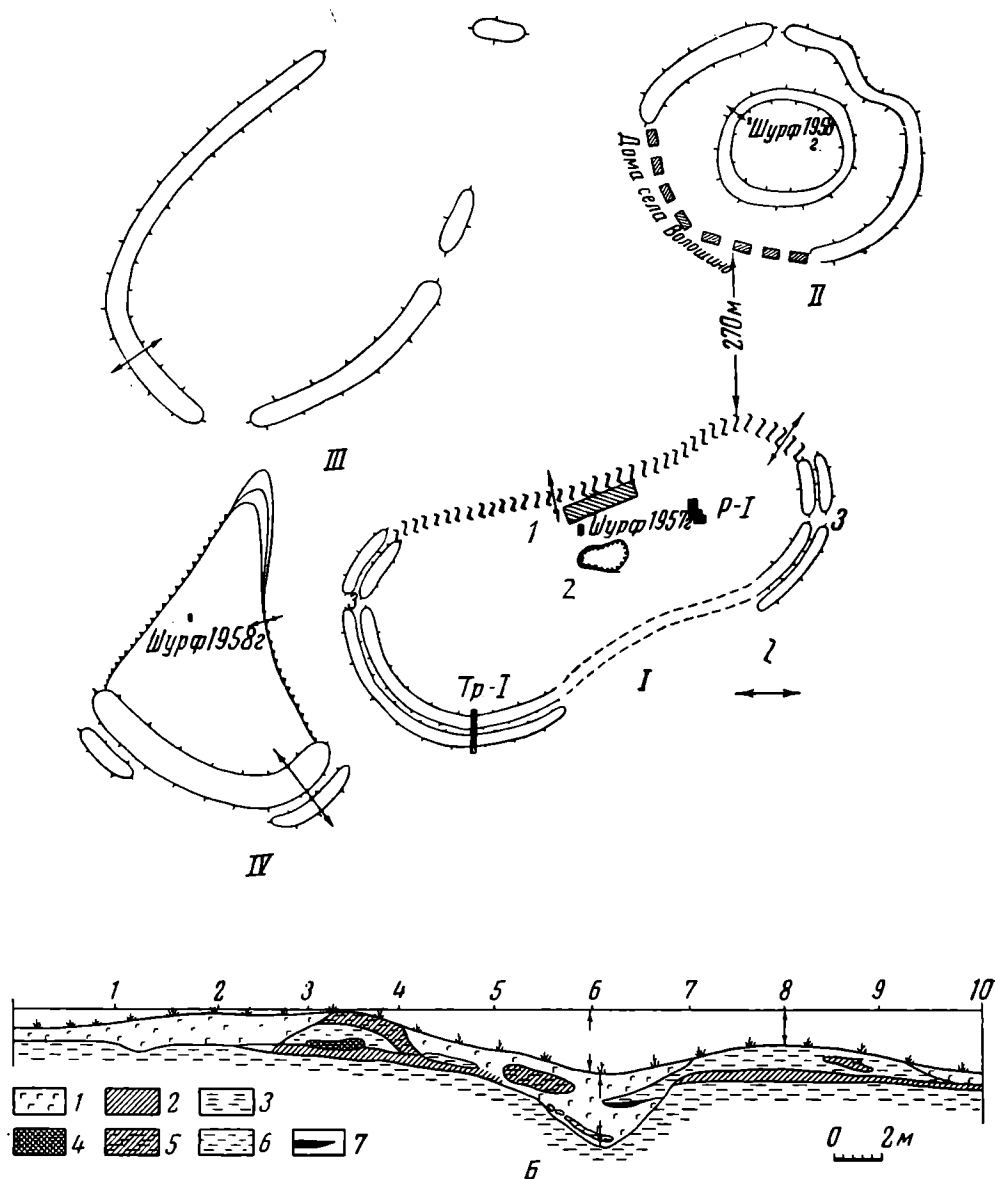

Рис. 1. Городища у д. Волошино и у с. Русская Тростянка

А — планы городищ: I — городище № 1 у д. Волошино; II — городище № 2 у д. Волошино; III — городище № 3 у д. Волошино; IV — городище у д. Русская Тростянка; 1 — современное кладбище; 2 — песчаный карьер; 3 — въезд на городище; Б — городище № 1 у д. Волошино, разрез валов и рвов; 1 — гумус; 2 — погребенная почва; 3 — материк; 4 — глина с черноземом; 5 — глина перемешанная; 6 — глиняная подмазка; 7 — углистая прослойка

В раскопе было встречено два наземных жилища, площадью от 8,5 до 12—13 м². Кроме этого, имеются глиняные очаги без каких-либо признаков жилищ. Все это показывает, что городище было основным местом жилья большой группы людей⁴.

Второе городище (рис. 1, II) отличается от первого местоположением и формой; часть его, по-видимому, близко подходила ко дну лога. Просле-

⁴ Подробное описание результатов раскопок этого городища будет изложено в специальной статье А. И. Пузиковой, руководившей раскопками.

дить вал в этом месте невозможно, так как здесь все застроено домами. В остальных частях вал, а отчасти и ров хорошо заметны, несмотря на то, что они распаханы. Высота вала в северной, наиболее сохранившейся напольной части достигает 1,5 м. Там же заметны остатки въезда на городище. В центре городища имеется второй низкий вал, округлый в плане, на всем протяжении выделяющийся более светлым цветом на темном фоне пашни. Высота вала не более 0,75 м, ширина в основании — до 26 м. Несмотря на тщательные поиски культурных остатков, на распахиваемой площади городища удалось собрать лишь очень небольшое количество мелких обломков лепной керамики. Шурф площадью 8 м², заложенный в северо-западном углу центральной части городища, дал в первом штыке голько два мелких обломка стенок лепных сосудов; в двух нижних штыках находок не было, что указывает на весьма слабую насыщенность культурного слоя.

Третье городище (рис. 1, III) расположено на открытой и ровной поверхности, имеющей небольшой наклон к лугу. Оно полностью распахивается. Валы очень плохой сохранности. Лучше сохранившаяся часть вала у опушки леса имеет высоту не более 0,8 м, ширину — до 22 м. В южной и восточной частях вал имеет небольшие разрывы, в северо-восточной части городище не защищено валом на широком пространстве, за исключением небольшой перемычки, по своей конструкции не совсем соответствующей общему положению городища. Находки лепной керамики очень редки, и только в западной части городища шурф площадью в 4 м² дал в первом штыке четыре мелких обломка лепной керамики, в двух нижних штыках ничего не найдено.

Исходя из анализа особенностей этих городищ и результатов их исследования, можно сделать некоторые предварительные предположения. Нам кажется, что указанные три городища связаны между собой как единый комплекс памятников. Хронологическая их связь подтверждается однородностью керамического материала.

Различия в системе укрепления городищ и насыщенности культурного слоя убедительно показывают, что наиболее интенсивно, как населенный пункт, использовалось городище № 1, между тем и второе и третье городища играли, надо полагать, второстепенную роль. Они скорее служили укрепленным местом для загона скота, чем населенным пунктом. Скотоводство у бытовавших здесь племен было одним из главных занятий. Остеологический материал показывает, что на 40 особей домашних животных крупный рогатый скот занимает 35,0%, лошадь — 32,5%, мелкий рогатый скот — 17,5%, свинья — 15,0%. Как видно, значительный процент костей свиньи подчеркивает оседло-земледельческий характер хозяйства этих племен. Вместе с тем высокий процент костей лошади указывает и на связь с кочевым хозяйством в форме тебеневки лошади и, может быть, овцы в зимний период. Исследование вала городища № 1 показывает, что еще задолго до сооружения укреплений на этом месте существовало большое открытое поселение. В связи с этим большой интерес представляют следующие находки. Так, из 45 обломков амфор, найденных в первом и втором штыках на городище № 1, 36 обломков, т. е. четыре пятых, оказались в первом штыке, относящемся к слою уже укрепленного поселения. Следовательно, развитие интенсивных связей с Причерноморьем относится к более позднему времени.

Интересное городище треугольной формы было обнаружено у д. Русская Тростянка. Оно расположено на крутом мысе, образованном речкой Тростянкой и «Поповым логом». Поэтому восточная и северо-западная стороны городища не были укреплены, а вся южная напольная сторона в виде полукруга обведена мощным валом и рвом; по углам сохранились остатки второго вала. Не исключено, что второй вал проходил на всем протяжении вдоль первого вала, но вследствие систематического распахивания он мог исчезнуть бесследно. На вершине вала в распаханных местах обна-

руживается сильно обожженная глина, большие комки которой выворачиваются плугом и ныне. Вал в местах, менее подвергавшихся распахиванию, особенно в юго-восточной части, имеет высоту до 2,3 м от дна рва. Площадь городища не превышает 1,5—2 га. Экспедицией снят схематический план городища (рис. 1, IV), собран значительный керамический материал и произведена шурфовка площадью в 8 м². Толщина культурного слоя оказалась не более 0,4 м. При раскопках в первом штыке было найдено 14 обломков стенок лепной посуды, во втором — 5 обломков. Среди

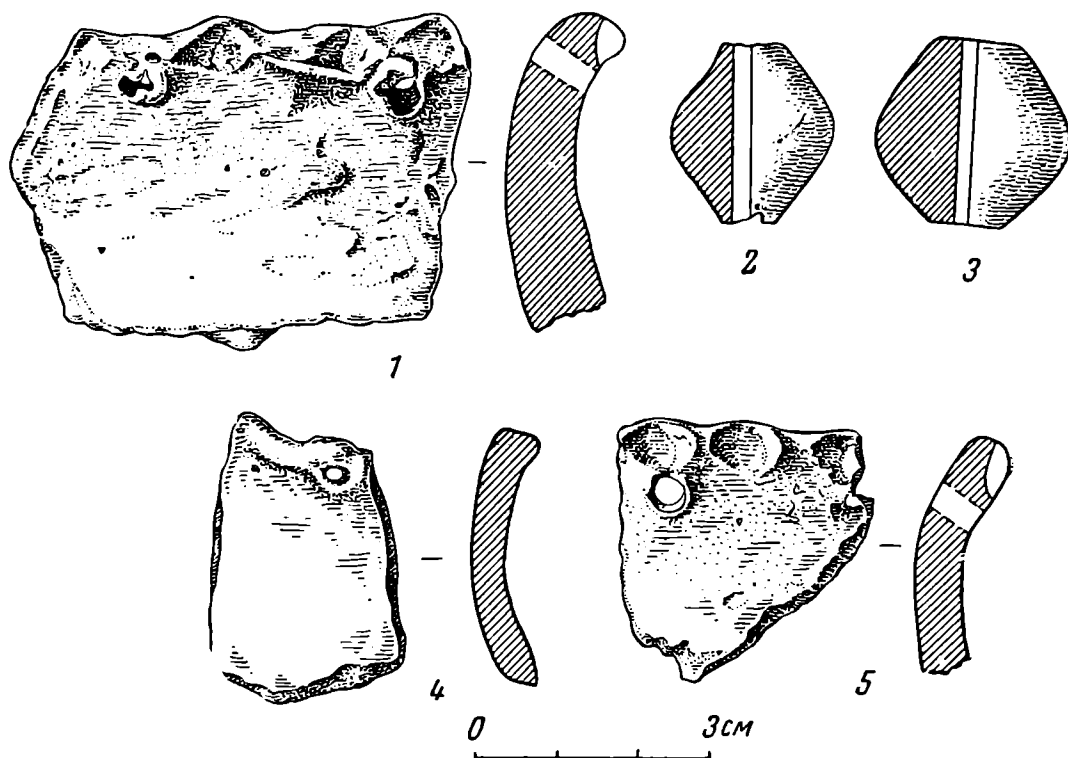

Рис. 2. Керамика с городища у с. Русская Тростянка

подъемного материала имеются венчики лепных сосудов с защитным орнаментом, иногда с проколами под венчиком (рис. 2, 1), глиняные пряслица (рис. 2, 2), обломки зернотерок, терочные камни, обломки амфорных стенок. Последние, по определению И. Б. Зеест, относятся к красноглиняным амфорам IV—III вв. до н. э., косским III—II вв. до н. э. и, может быть, синопским III в. до н. э. Следовательно, это городище хронологически совпадает с первым Волошинским городищем. Основным отличием его от последнего являются небольшие размеры и особенно укрепление вала.

На поселениях №№ 1 и 3 в уроч. «Частые курганы» вскрыто 488 м². Основной задачей раскопок этих поселений было исследование жилищ, частично вскрытых в ходе раскопок в 1957 г. Раскопки дали интересные результаты⁵, но им будет посвящена специальная статья.

Обратимся к раскопкам у с. Мастюгино. В результате хищнических раскопок курганов местным населением обнаружилось, что подкурганые погребения этой группы содержат богатый погребальный инвентарь, относящийся к эпохе раннего железа. Это привело к организации систематических раскопок. В 1905—1906 г. А. А. Спицын раскопал два кургана (по сообщению старожилов известно, что А. А. Спицын раскопал здесь не 2, а 3 кургана. Это как будто не противоречит описанию насыпей курганов), в 1907—1909 гг. Н. Е. Макаренко — пять курганов. Богатство инвентаря, оказавшегося в этих курганах, пробудило у местных крестьян особенно сильный интерес и повлекло за собой массовое ограбление погребений

⁵ Работой руководила А. И. Пузикова; участвовала В. И. Мамянец.

еще в дореволюционное время. Следы этого мы наблюдали в ходе наших раскопок 1958 г. В 1957 г. экспедиция нанесла на план 36 курганов. В 1958 г. курганное поле оказалось еще не засеянным, и это облегчило нам обследование всей площади курганного могильника. В результате было обнаружено и нанесено на план дополнительно еще девять курганов (рис. 3). Тем не менее и сейчас у нас нет уверенности в том, что на план нанесены все расположенные здесь курганы.

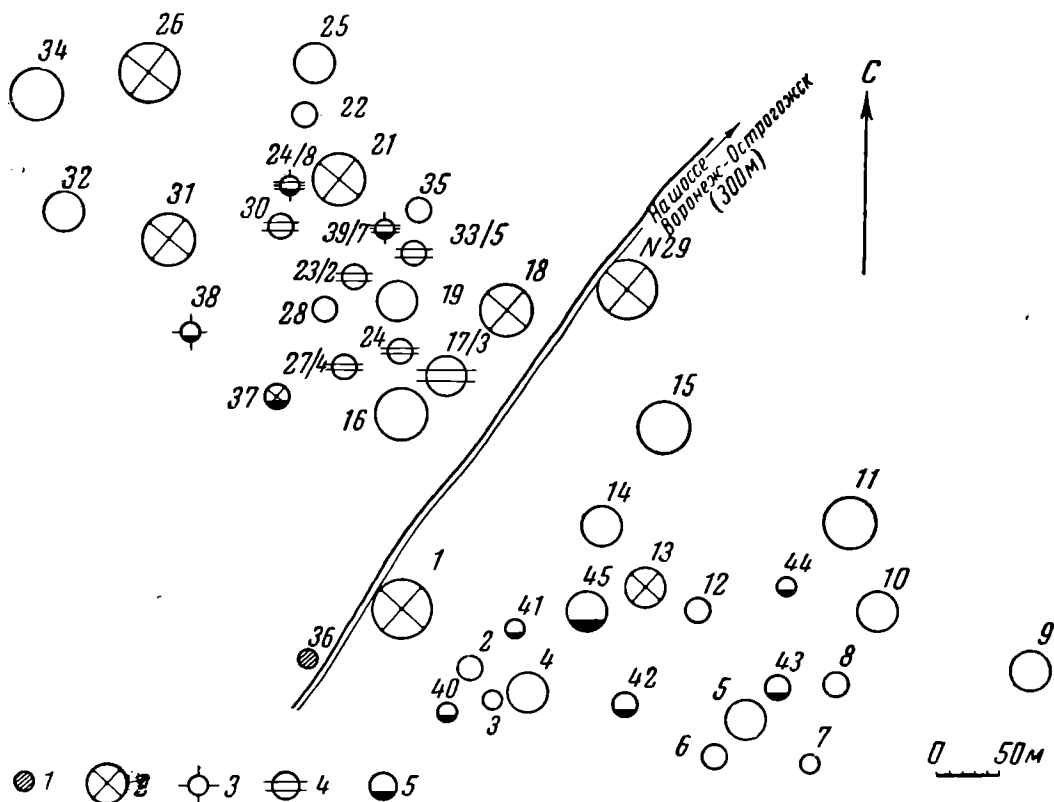

Рис. 3. План курганного могильника у с. Мастюгино

1 — раскопки 1957 г.; 2 — раскопки начала XX в.; 3 — желтое пятно распаханного кургана; 4 — курганы, раскопанные в 1958 г.; 5 — курганы, дополнительно нанесенные на план в 1958 г.

В 1958 г. экспедиция исследовала восемь курганов. Среди них почти половина была определена по заметным на поверхности пятнам светлого выкида из могил, и только один курган № 17/3⁶ имел высоту до 0,7 м, при диаметре до 20 м. Отметим основные особенности погребальных сооружений, погребального обряда и инвентаря.

Основные типы погребальных сооружений уже известны из предшествующих раскопок. Нам встретились такие же могильные ямы с деревянной крышей на столбах по углам и сторонам могильной ямы (кург. № 23/2) или с деревянной крышей без столбов (кург. №№ 17/3, 27/4, 30/6), иногда с вертикальной и горизонтальной облицовкой стен могильной ямы и канавками по краю дна могилы (кург. № 30/6). Нередко встречаются и входы в могильную яму с небольшим уступом над дном могилы (кург. № 23/2) или без него (кург. № 39/7)⁷.

Положение таких входов относительно стран света не было постоянным: они устраивались иногда в северо-восточной стенке могилы (кург. № 23/2) или в юго-восточной (кург. № 39/7); а в кургане № 5, раскопан-

⁶ Числителем обозначен номер кургана, как он значится на плане, а знаменателем — порядковый номер раскопок.

⁷ П. Д. Либеров. Отчет о работе Воронежского отряда Лесостепной экспедиции в 1958 г. и альбом. Архив АН СССР, д. № 1726.

ном Н. Е. Макаренко, вход был с западной стороны⁸. В качестве новых элементов, отмеченных в характере погребальных сооружений в этой курганной группе, следует указать следующие.

1. Наличие впускных катакомб, до сих пор не встречавшихся в этих районах Воронежской области. Одна такая катакомба была найдена в северо-восточной поле кургана № 23/2. Входная яма была подпрямоугольной формы с закругленными углами, длиной 2 м, шириной до 1,15 м, глубиной до 1,46 м от поверхности кургана. Дно входной ямы сохранилось лишь в виде уступа вдоль северо-восточной стенки, шириной до 0,30 м. Оно уходило наклонно под юго-западную стенку и вместе с подбоем достигало длины 1,75 м. Большая часть потолка катакомбы провалилась, однако можно предположить, что высота его в самой высокой части под юго-западной стенкой достигала 1 м. Катакомба была ограблена, и в ней найдены лишь отдельные кости животных и человека.

2. Совершенно новым является также устройство глинобитных сооружений, встреченных в наших раскопках дважды (кург. №№ 20/1 и 24/8). Следы их обнаруживались на поверхности пашни в виде кусков обожженной докрасна глины. В кургане № 20/1 большое пятно такой глины, диаметром более 6 м, обнаружилось уже на глубине первого штыка под слоем распаханной почвы. Слой красной обожженной глины иногда большими глыбами, или чаще в виде мелкого порошка, доходил до глубины 1,4 м, постепенно суживаясь. На глубине 1,4 м удалось обнаружить более четкие края могильной ямы длиной (на северо-запад) 2,35 м, шириной 2,25 м. В могильной яме, на 0,1—0,15 м выше дна могилы, залегал развал глины фиолетового цвета, идущий от юго-восточной к северо-западной стенке, длиной до 1,5 м, шириной до 0,5 м. В основании этого развала у юго-восточной стенки комки глины содержали пустоты от истлевших прутьев 1—1,5 см диаметром. На всей площади дна могилы лежал слой золы, толщиной 1—2 см, по-видимому, от сгоревшего камыша, и в нем были найдены отдельные обломки мелких кальцинированных детских (?) костей: черепной крышки, нижней челюсти и др. Стенки и пол могилы гладкие, сильно обожжены. В заполнении могильной ямы встречались отдельные куски обожженной глины с оттисками прутьев и круглых палок, иногда диаметром до 6 см. Что это за сооружение? Предположение об обычном жилище маловероятно. Скорее всего, это глинобитное надмогильное сооружение, подвергшееся действию чрезвычайно сильного огня, или место какого-то погребального ритуала, связанного с сожжением ребенка. Случаи сожжения умершего, нередко с богатым инвентарем, в специально построенных для этого глинобитных сооружениях, были неоднократно засвидетельствованы в Днепровском Правобережье лесостепи. В ходе раскопок курганов в Киевщине А. А. Бобринский и Н. Е. Бранденбург наблюдали в насыпи и в засыпке ям огромные скопления обожженной глины и крупных глыб часто с оттисками в них прутьев, а иногда и бревен или полукруглых плах⁹. Надо полагать, что и в Мастюгинской группе мы имеем один из вариантов такого обряда погребения. К сожалению, нам не удалось обнаружить сколько-нибудь выразительных остатков человеческих костей и тем более инвентаря, что затрудняет решение вопроса о назначении памятника.

В погребальном обряде мастюгинской курганной группы характерной особенностью является также устройство специальных ямок в центре могилы. Такие ямки встречены в пяти курганах из восьми и в пяти могилах из десяти. Некоторые из них имеют очень правильную цилиндрическую форму, их диаметр — от 0,2 до 0,4 м, глубина от 0,35 до 0,6 м (курганы №№ 17/3, 23/27, 14). Ямку несколько иной формы отмечает Н. Е. Мака-

⁸ Н. Е. Макаренко. Ук. соч., стр. 58, рис. 64.

⁹ А. А. Бобринский. Отчет о раскопках в Черкасском и Чигиринском уездах Киевской губернии в 1901 г. ИАК, вып. 4, 1902, стр. 40—42, кург. № 383; стр. 48—49, кург. №№ 392, 393; Н. Е. Бранденбург. Журнал раскопок 1882—1902 гг., СПб., 1908, стр. 136, № 219, к-н № 446.

ренко в большой могильной яме с 12 деревянными столбами (курган № 2); там ямка прямоугольной формы имела длину около 0,35 м, ширину и глубину до 0,18 м. Она была расположена у центрального столба ближе к юго-восточному углу могильной ямы. Между столбом и ямкой лежал скелет жеребенка¹⁰. Ритуальное назначение таких ямок не вызывает со-

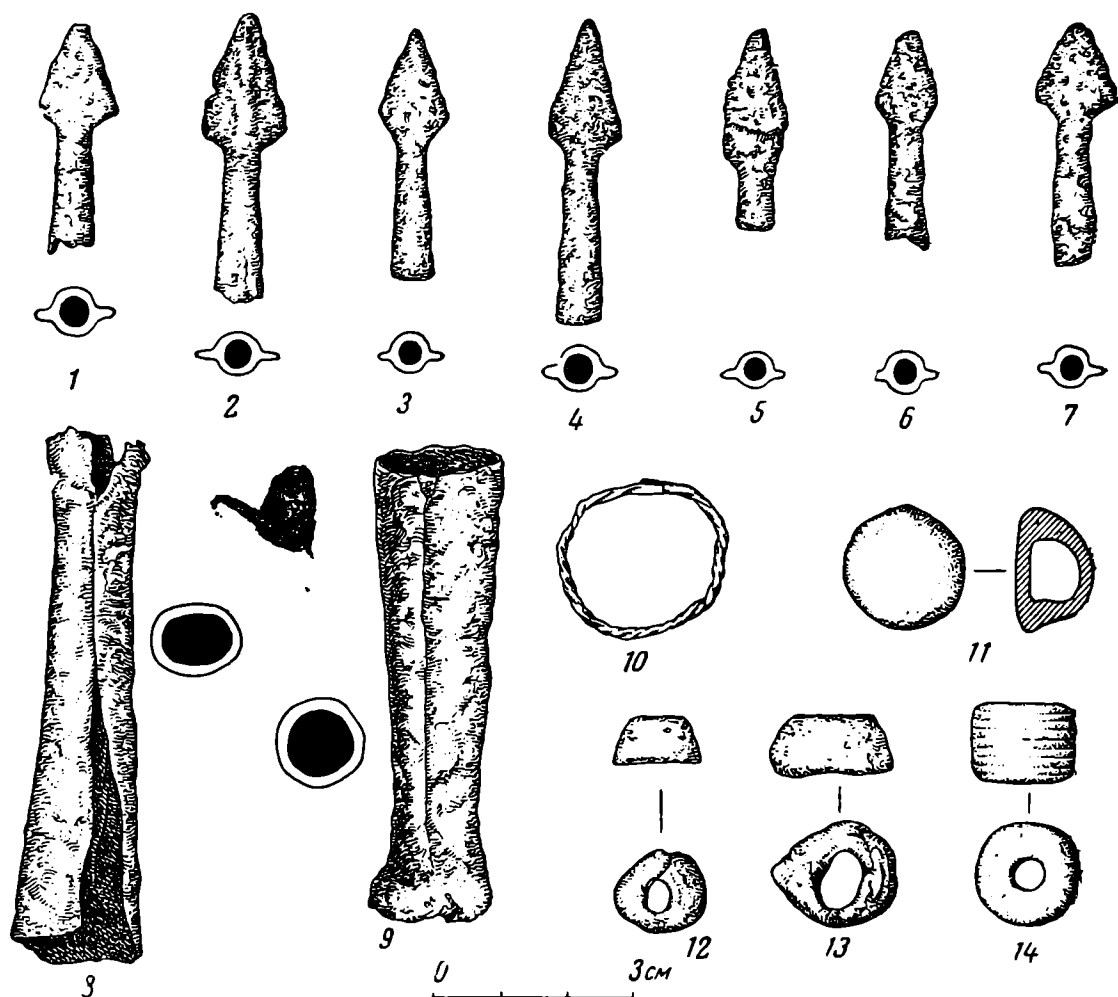

Рис. 4. Вещи из курганов у с. Мастюгино

1—6 — железные наконечники стрел, кург. № 23/2; 7 — то же, кург. № 33/5; 8, 9 — железная втулка дротика и вток, кург. № 23/2; 10 — электровое кольцо, кург. № 17/3; 11 — серебряная бляшка, кург. № 33/5; 12, 13 — железные ворворки, кург. № 23/2; 14 — каменная бусина, кург. № 33/5

мнений. Это доказал еще В. А. Городцов во время раскопок курганов в уроч. «Частые курганы», где в одной из таких ямок он нашел чернолаковую энохю, железный нож и ребро коровы¹¹. В кургане № 11, исследованном мной в 1954 г., была обнаружена ямка-«бофр», в которой находилась лепная лощеная чашечка на высоком поддоне¹². Аналогичную чашечку Н. Е. Макаренко нашел в кургане № 2 у с. Мастюгино¹³.

Ориентировка могил несколько пестрая, однако господствует ориентировка в западном и юго-западном направлениях. Так, из десяти могил на запад-юго-запад — восток-северо-восток ориентированы четыре могилы, на юго-запад — северо-восток — три; на северо-северо-запад — юго-юго-восток ориентированы две могилы, на юго-юго-запад — северо-северо-во-

¹⁰ Н. Е. Макаренко. Ук. соч., стр. 51, рис. 56.

¹¹ В. А. Городцов. Раскопки «Частых курганов» близ Воронежа в 1927 г. СА. IX, 1947, стр. 18, 20, рис. 7.

¹² П. Д. Либеров. Отчет о раскопках Частых курганов Воронежской экспедиции за 1954 г., стр. 19, альбом, табл. XXVII, рис. 2, 2. Архив ИА АН СССР, д. № 1024.

¹³ Н. Е. Макаренко. Ук. соч., стр. 52, рис. 57.

сток — одна могила. Следует подчеркнуть, что из могил, раскопанных Н. Е. Макаренко, три ориентированы на северо-восток — юго-запад, одна — на юго-юго-запад — северо-северо-восток и одна — на северо-юг. Последняя, между прочим, содержала деревянный сруб, ориентированный, как и первые могилы, на юго-запад — северо-восток¹⁴. К сожалению, нельзя ничего сказать об ориентировке человеческих костяков в раскопанных нами могилах, так как все погребения совершенно разрушены и ограблены кладоискателями, а кости, если частично и сохранились, то были разбросаны в полном беспорядке. Почти нет данных и относительно количества костяков в могилах. Можно с уверенностью говорить лишь о двух костяках в могиле кургана № 23/2, где человеческие кости лежали в двух кучах. В раскопанных Н. Е. Макаренко пяти могилах коллективные погребения отмечены в двух случаях. Так, в кургане № 4 могильная яма была ориентирована на северо-восток — юго-запад, два костяка лежали вытянуто, головой на северо-восток¹⁵, в кургане № 5 из четырех костяков два костяка лежали головой на юго-юго-запад, а другие два (один из них детский) — на юго-юго-восток¹⁶.

Погребальный инвентарь Мастюгинских курганов после ограбления почти не сохранился. Так, в кургане № 23/2, наряду с остатками взрослых костяков, нами найдены: обломок втулки железного дротика и рюмкообразный вток (рис. 4, 8, 9), 12 плоских втульчатых железных наконечников стрел, наполовину в обломках, и один трехлопастной наконечник (рис. 4, 1—6), две небольшие железные ворворки (рис. 4, 12, 13); в кургане 17/3 с остатками детских костей была найдена глиняная чашечка (рис. 5) и «височное» электровое кольцо, сделанное из четырехгранной перевитой проволоки (рис. 4, 10); в кургане № 27/4

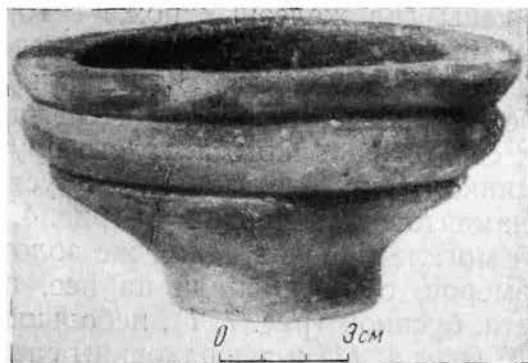

Рис. 5. Глиняная лепная чашечка из кург. № 17/3 у с. Мастюгино

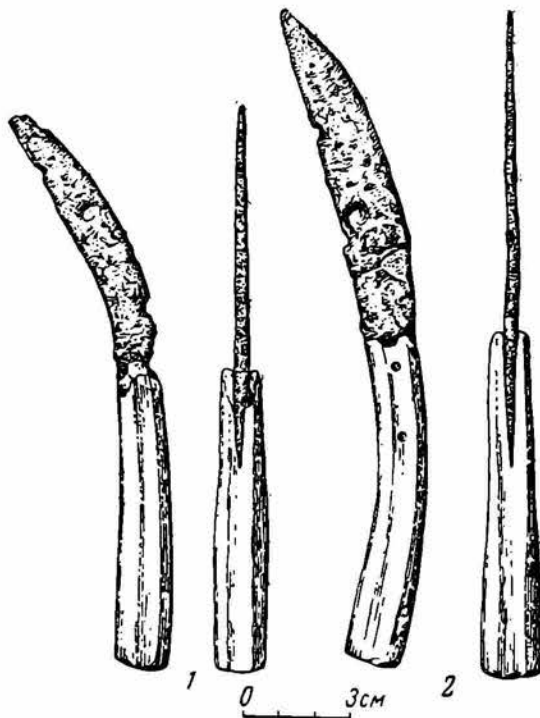

Рис. 6. Железные ножи с костяными рукоятками из кург. № 27/4 у с. Мастюгино

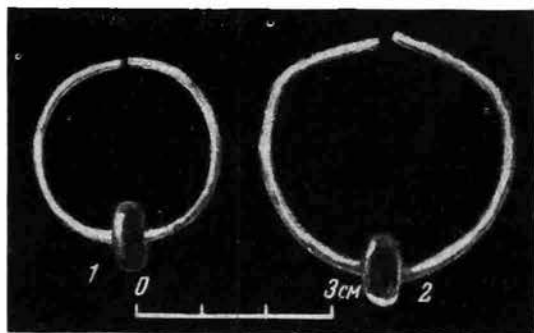

Рис. 7. Золотые серьги из кург. № 33/5 у с. Мастюгино

¹⁴ Е го же. Ук. соч., стр. 48—59.

¹⁵ Там же, стр. 57.

¹⁶ Там же, стр. 58—59.

найлены два железных ножа с горбатой спинкой и костяным черенком (рис. 6, 1, 2). Один нож лежал вместе с костями лошади; в кургане № 33/5 оказались две могилы. В центральной найден один железный наконечник стрелы (рис. 4, 7) (аналогичный наконечникам из кургана № 23/2), золотая серьга из тонкого круглого прута с напущенной на неё сердоликовой бусинкой (рис. 7, 2), каменная бусина цилиндрической формы с точечным орнаментом на поверхности (рис. 4, 14) и раковина саугу; в другой впускной могиле найдена такая же золотая серьга, только несколько меньших размеров, с напущенной на нее, по-видимому, стеклянной, коричневого цвета, бусиной (рис. 7, 1), небольшая серебряная бляшка с петлей на обороте (рис. 4, 11) и две раковины саугу. Небольшие и тонкие обломки черепа принадлежали, вероятно, ребенку. Наконец, в могильной яме кургана № 30/6 обнаружена амфора гераклеийского производства с нечетким клеймом на горле, по определению И. Б. Зеест, датирующая погребение IV—III вв. до н. э.

Таков небольшой инвентарь, оставшийся нам после ограбления могил. В нашей небольшой предварительной публикации сейчас, когда систематические раскопки этих курганов только еще начаты, мы воздержимся от хронологического определения вещей. Здесь следует, однако, подчеркнуть тот неоспоримый факт, что мастюгинская курганная группа по погребальным сооружениям, погребальному обряду и инвентарю сходна с курганной группой в уроч. «Частые курганы»¹⁷. Вместе с тем выясняется также, что мастюгинская курганная группа имеет некоторые признаки большей архаичности, чем курганная группа в уроч. «Частые курганы». Мы имеем в виду серебряный сосуд, найденный мастюгинскими крестьянами в кургане, доследованном в 1905 г. А. А. Спицыным¹⁸. В 1907 г. член Воронежской ученой архивной комиссии М. К. Паренаго на основании 46 небольших обломков реконструировал сосуд (акварельный рисунок). В 1908 г. сосуд был опубликован в «Трудах Воронежской ученой архивной комиссии»¹⁹. Уже тогда М. К. Паренаго выделил сосуд из общего комплекса найденных вещей. По определению А. А. Спицына, весь комплекс находок из этого кургана датируется обломками классической посуды III в. до н. э.

По мнению М. К. Паренаго, серебряный сосуд по форме и орнаменту близок к дипилонским вазам и датируется VII в. до н. э. А. П. Манцевич посвятила этому сосуду специальную статью²⁰.

Трудно поверить в то, что этот сосуд был найден во время вспашки курганного поля, как пишет А. П. Манцевич, ссылаясь на архивные документы. Возможно, что такая версия была придумана находчиком сосуда для того, чтобы скрыть свои кладоискательские работы. Но каким образом столь ранний по времени сосуд найден в комплексе вещей более поздних? Ответ на этот вопрос мы также не найдем. Одно ясно, что в комплексах инвентаря мастюгинской курганной группы, вероятно, находятся памятники более раннего времени, чем памятники, найденные в уроч. «Частые курганы». Этот факт представляет большой интерес для выяснения вопроса о происхождении памятников такого рода на Среднем Дону.

¹⁷ Автор статьи с 1959 г. приступил к монографическому описанию этой группы.

¹⁸ Хранится в Гос. Эрмитаже.

¹⁹ Археологические исследования и раскопки. Отчет о деятельности ВУАК за пятый год существования (1 дек. 1904 — 1 дек. 1905 г.). Тр. ВУАК, вып. IV, Воронеж, 1908, стр. LXIII—LXIV.

²⁰ А. Манцевич. Серебряный сосуд Мастюгинского кургана. Acta Archaeologica Academiae scientiarum Hungaricae. Academiai Kiadó, Budapest, 1958, стр. 315—333, рис. 1—5.

ИССЛЕДОВАНИЕ ДРЕВНЕГО СЕБАСТОПОЛИСА

В 1957 г. Сухумским Городским Советом проводились работы по разбивке сквера на набережной, на участке между турецкой крепостью и Октябрьской улицей. Во время выемки грунта обнаружилось, что параллельно берегу моря проходит мощная стена, выложенная на известковом растворе из булыжного камня с кирпичными поясами. Эта стена привлекла к себе особое внимание тем, что ее кладка и материал оказались совершенно такими же, как у фрагментов стен, обнаруженных на дне сухумской бухты во время проведения гидроархеологических исследований одним из авторов настоящей публикации. Вопросы относительно конфигурации и назначения обнаруженных стен, о глубине их залегания и многие другие тогда не могли быть выяснены. Однако и тогда уже можно было утверждать, что раскрытые стены являются частью комплекса мощного оборонительного сооружения, что представляет несомненный интерес.

С начала работ были поставлены следующие задачи.

1. Раскрытие оборонительных и других сооружений и выяснение их взаимосвязи с остатками стен, сохранившихся на берегу за парапетом набережной.

2. Изучение стратиграфии культурных отложений и датировка сооружений, входящих в комплекс памятника.

3. Продолжение исследования дна Сухумской бухты в районе Сухумской крепости. Работы начали производиться институтом с осени 1958 г. и продолжались с перерывами до июля 1959 г. К этому времени в основном весь комплекс был расчищен¹.

Площадь расчистки комплекса представляет удлиненную полосу, идущую вдоль берега моря по набережной Руставели от Октябрьской улицы и почти до середины территории турецкой крепости, что составляет длину около 120 м. Ширина расчищенной площади доходит местами до 25 м. Продолжением открытого комплекса являются остатки стены, которая тянется на расстоянии около 100 м по берегу моря за парапетом набережной; у южного бастиона турецкой крепости она, поворачивая под прямым углом, уходит в море.

Таким образом, общая длина комплекса составляет около 220 м.

В комплексе можно выделить три основные части (рис. 1): 1) восточное укрепление, состоящее из главной стены с примыкающими к ней башнями и контрфорсами; 2) западное укрепление, стена которого непосредственно примыкает к восточному укреплению и выходит за пределы

¹ Состав отряда, проводившего работу по расчистке и изучению комплекса, следующий: старшие научные сотрудники Абхазского института языка, литературы и истории АН ГрузССР кандидат искусствоведческих наук Л. А. Шервашидзе (нач. отряда) и кандидат исторических наук Л. Н. Соловьев (археолог); лаборанты Е. Х. Скорнякова, В. В. Бжания; С. И. Новицкий. Позже приняла участие в работах младший научный сотрудник Института истории им. Джавахишвили АН ГрузССР Р. Г. Путуридзе. В исследовании дна Сухумской бухты принимали участие начальник водолазной группы В. И. Скасырский, старший водолаз С. М. Аветисян, водолазы К. Д. Пархариди, Ч. Д. Кобадиа, П. С. Саркисян.

парапета, здесь имеются остатки двух помещений; 3) стена с двумя башнеобразными выступами по краям. Она находится между двумя вышеуказанными укреплениями и представляет собой как бы утолщение стены западного укрепления.

Кроме того, в комплекс входят отдельные стены и остатки кладки, обнаруженные на разных глубинах при расчистке.

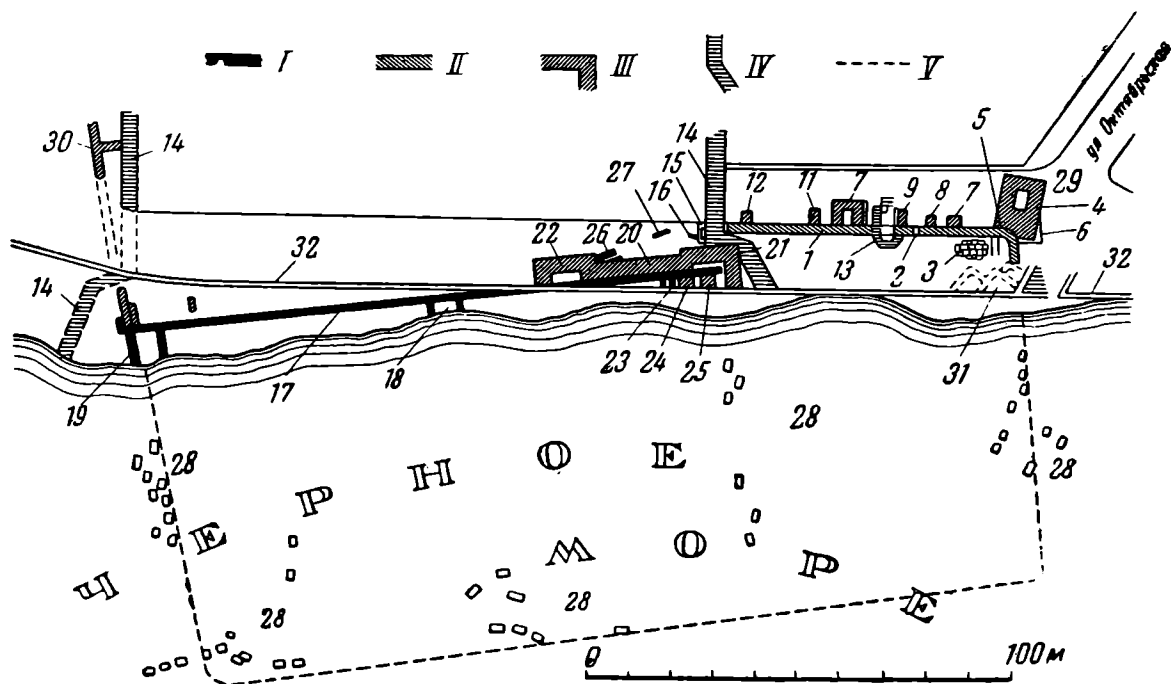

Рис. 1. Схематический план комплекса сооружений Севастополиса и дна Сухумской бухты у крепости

I — стены I в. н. э.; II — стены I—II вв. н. э.; III — стены IV в. н. э.; IV — турецкие стены XVIII в.; V — линия восстановления границ оборонного комплекса на дне моря. 1 — главная стена восточного укрепления; 2 — водоотлив; 3 — пол из керамических плит; 4 — башня № 1; 5 — арка башни № 1; 6 — цоколь башни № 1; 7 — башня № 2; 8 — контрфорс № 1; 9 — контрфорс № 2; 10 — контрфорс № 3; 11 — контрфорс № 4; 12 — контрфорс № 5; 13 — «турецкая кофейня»; 14 — стены турецкой крепости; 15 — здание за крепостью; 16 — керамические трубы; 17 — главная стена западного укрепления; 18 — помещение западного укрепления; 19 — угловое помещение западного укрепления; 20 — стена с выступами; 21 — башня № 3; 22 — башня № 4; 23 — пифосы; 24 — поперечная стена у пифосов; 25 — средняя поперечная стена; 26 — стены под фундаментом; 27 — стенка ограды; 28 — остатки стен под водой; 29 — место находки мозаики; 30 — фрагменты стен; 31 — остатки подвалов нач. XIX в.; 32 — парапет набережной

Основной частью восточного укрепления является стена, идущая параллельно морскому берегу в направлении приблизительно юго-запад — северо-восток (рис. 1, I). С северо-восточной стороны стена поворачивает в сторону моря. Ширина стены — 2,25 м. Стена сложена из камней среднего размера на известковом растворе. Такая кладка прослеживается по всей толще стены без забутовки ее внутреннего массива. Кладка булыжным камнем перемежается двумя прослойками из трех и четырех рядов продолговатого крупного кирпича.

На расстоянии около 25 м от угла, в стене проделано сквозное квадратное отверстие для отвода воды из крепости наружу (рис. 1, 2, 2). Около водоотводного отверстия, ближе к углу, на внутренней территории крепости, был обнаружен пол (рис. 1, 3), выложенный из крупных керамических плит (53 × 53 см; толщина 7 см; рис. 3). Сильная прокаленность как самих кирпичей, так и слоя гравистого грунта под ними, насыщенного смолистыми отходами горения, указывает на то, что здесь продолжительное время происходило интенсивное нагревание огнем. Об этом говорит и копать, въевшаяся в поверхность кирпичей в виде широкой черной полосы, имеющей очертание эллипса (возможно, являющейся следом

Рис. 2. Отверстие для стока воды в стене восточного укрепления

стенки). Взаиморасположение кирпичей, их определенная подгонка к этому эллипсу, использование, кроме целых кирпичей, в настиле пола их фрагментов, а также обломков круглых кирпичей, применявшихся часто для устройства теплого пола бани, — все это указывает на то, что этот пол не сохранился в первоначальном виде, но переложен из более древнего пола, а наличие круглых кирпичей позволяет предположить здесь остатки разрушенной бани.

С наружной стороны (возможно, на всем протяжении) стена была оштукатурена толстым слоем цемьянки.

Уровень грунта у основания стен снаружи и внутри был неодинаковым: снаружи уровень почвы у подошвы стены находился на глубине около 2,5 м от современной дневной поверхности. Поверхность грунта внутри крепости выше наружной и определяется уровнем кирпичного пола и дном сквозного водостока.

Рис. 3. Керамический пол внутри восточного укрепления

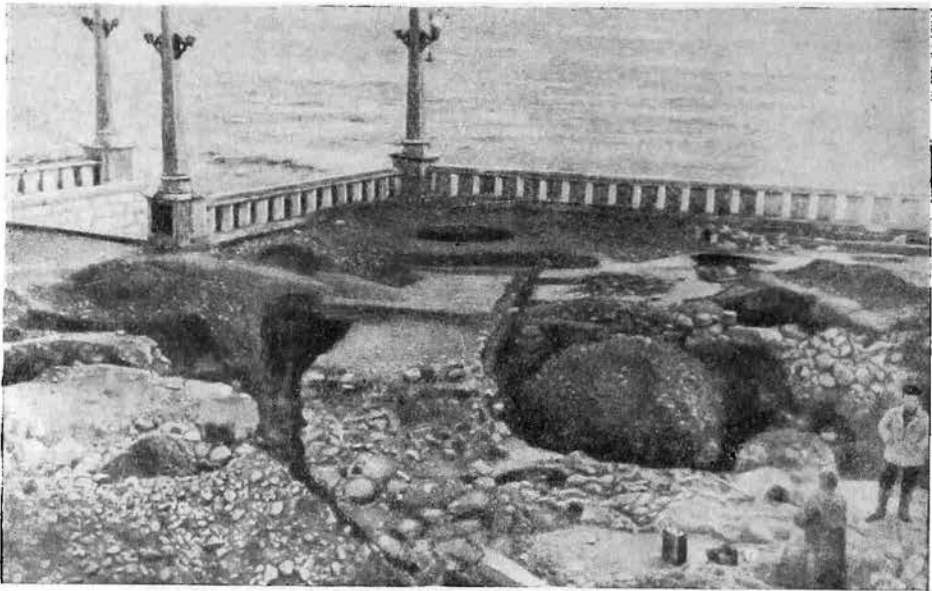

Рис. 4. Поворот к морю главной стены восточного укрепления

К главной стене, в том месте, где она поворачивает к морю (рис. 4), с наружной стороны примыкает без перевязки со стеной прямоугольная в плане массивная башня, названная условно башней № 1 (рис. 1, 4, 5). Основание башни почти на 0,8 м выше основания главной стены. Это указывает на то, что башня построена намного позже стены.

Стены башни достигают толщины почти 3 м, что при сравнительно небольшом внутреннем пространстве производит впечатление большой массивности и мощности. Эти стены, так же как и крепостная стена, сложены в основном из булыжника на известковом растворе. Кроме булыжного камня, в кладке стен башни применены также и квадры тесаного известняка. Нижний ряд кладки из тесаного известняка с юго-восточной стены башни переходит на северо-восточную стену. По отношению к выше лежащей поверхности стены этот ряд на юго-восточной стороне делает выступающую ступеньку, на северо-восточной же стороне этот ряд лежит

Рис. 5. Стена восточного укрепления и примыкающая к ней башня № 1

не в общей плоскости стены, но как бы заходит под нее (рис. 1, 6). Создается впечатление, что нижний тесаный ряд представляет собой остатки более древнего сооружения, на которых уже позднее была возведена башня из булыжного камня. Таким же остатком является и фрагмент арки, имевшей, нужно полагать, функциональное значение в прежней постройке.

Снаружи у северного угла башни № 1 было найдено большое количество кубиков от стеной мозаики; некоторые из них были вмазаны в небольшие куски штукатурки. Найденные остатки стеной мозаики по своему виду близки Цромской мозаике (VII в.). Несомненно, вблизи башни № 1 находилось помещение, украшенное мозаикой, остатки которой и были обнаружены. Возможно, это был храм, так как рядом было вскрыто несколько христианских погребений.

Приблизительно в 30 м от первой башни расположена башня № 2 (рис. 1, 7). Эта башня, так же как и первая, примыкает к главной стене без перевязки с ней и имеет в плане прямоугольное очертание. Стены ее сооружены на выступающем цоколе. Стены и цоколь сложены из булыжного камня на известковом растворе.

Кроме двух башен, с наружной стороны к главной стене примыкают (также без перевязки с ней) пять массивных контрфорсов. Три из них, №№ 1, 2 и 3 (рис. 1, 8, 9, 10), расположены между башнями №№ 1 и 2, а два остальных, №№ 4 и 5 (рис. 1, 11, 12) — между башней № 2 и турецкой крепостью. Все они сложены из булыжного камня той же техникой, что и основная стена и башни, но имеют фундамент в виде суживающейся вниз усеченной пирамиды.

Контрфорсы сооружены на уровне почвы, превышавшем на 1 м уровень основания главной стены. Это говорит о значительном промежутке времени между строительством главной стены и контрфорсов, что подтверждается различием в составе растворов, на которых они сложены.

Наличие контрфорсов дает основание предположить, что через какой-то промежуток времени, после того как была построена стена, ее часть, параллельная морю, стала в результате описываемых ниже тектонических явлений наклоняться к северо-западу (отсюда произошел разрыв кладки в месте примыкания стены к закруглению). Чтобы воспрепятствовать ее падению и были возведены массивные контрфорсы. Однако, как и следовало ожидать, они не только не смогли приостановить падения стены, но и сами также стали наклоняться.

Боковая стена контрфорса № 3, так же как и торцы разобранной главной стены, были в XVIII в. использованы для сооружения встроенного в стену помещения (рис. 1, 13). Стены этого помещения сложены из расколотого пополам булыжного камня, сколотая плоская сторона которого использована как лицевая для внутренней поверхности стен. Так как при расчистке этого помещения было найдено, кроме других предметов, очень много орнаментированных турецких трубок, помещение было условно нами названо «турецкой кофейней».

Основная стена, как было отмечено выше, обрывается к юго-западу, пересекаясь кладкой стены турецкой крепости, которая непосредственно переходит в примыкающие к ней стены северо-восточного бастиона (рис. 1, 14). Нужно полагать, именно здесь находился уничтоженный турецким бастионом поворот основной стены к морю, так как дальше никаких следов этой стены не обнаруживается.

С внутренней стороны турецкой стены, ниже ее основания, сохранился фрагмент стены (рис. 1, 15), выполненной из булыжника на известковом растворе, близком по составу к раствору главной стены, но с охристым оттенком из-за примеси глины. Стена эта, имеющая толщину около 1 м, расположена перпендикулярно к направлению главной стены. С северо-западного конца ее прослеживается разрушенный угол, с противоположного же конца — выступ из тесаного камня, возможно часть входного проема. Остатки кладки позволяют предположить, что здесь находилось

какое-то небольшое помещение с облицованным камнем выходом в сторону моря. На 0,2 м выше стены этого сооружения были найдены фрагменты керамического водопровода, идущего в направлении запад-восток (рис. 1, 16). Западным укреплением условно названа стена, раскрытая при расчистке комплекса и, как оказалось, имеющая своим продолжением стену, выходящую на поверхность за новым парапетом набережной вдоль берега моря. Стена эта, доходя до развалин южного турецкого бастиона, поворачивает под прямым углом и уходит под воду, где местами видны ее остатки (рис. 1, 17).

В верхней части стена имеет ширину 1,3 м. Ниже (за счет уширения цоколя) ширина увеличивается до 1,8—2,0 м. Сложена эта стена, так же как и основная стена восточного укрепления, из круглого булыжника на известковом растворе, состав которого близок раствору основной стены. Для этой стены характерно употребление в кладке длинных, четырехугольных в сечении брусьев, клявшихся горизонтально как вдоль, так и поперек стены. В настоящее время от них остались сохранившие их форму пазы и сквозные отверстия в кладке².

За новым парапетом набережной от стены, перпендикулярно ей, отходят две стены (сходные по кладке и материалу), образующие помещение (рис. 1, 18). Основание пола образовано такой же кладкой. У поворота стены в море, около южного турецкого бастиона, такая же перпендикулярная к ней и идущая к морю стена образует еще одно угловое помещение (рис. 1, 19).

Третьей основной частью раскрытого комплекса является стена (рис. 1, 20) с двумя прямоугольными выступами по концам, которые условно названы башнями №№ 3 и 4 (рис. 1, 21, 22). Стена имеет толщину 1,75 м на всем своем протяжении около 35 м. Эта стена примыкает к стене западного укрепления и представляет собой как бы утолщение последней. Стена и ее выступы, как и другие сооружения расширенного комплекса, выложены из булыжника на известковом растворе. В кладке частично использован и квадратный кирпич. В углах же сооружений применены тесаные квадраты известняка. Раствор по составу близок раствору контрфорсов восточного укрепления.

Как стена, так и обе башни стоят на массивном выступающем ступенькой глубоком фундаменте; ступенька фундамента местами выровнена кирпичом. Судя по неровностям боковой поверхности фундамента, его клали в заранее вырытом котловане, стенки которого местами обрушились.

Наружная поперечная стена башни № 3 идет по направлению к морю и обрывается современным парапетом набережной. Наружная поперечная стена башни № 4 опирается в стену западного укрепления.

Между башнями №№ 3 и 4 проходят две стены, сложенные из булыжника и камня (рис. 1, 26). Раствора в кладке этих стен в настоящее время не просматривается; вместо него промежутки между камнями заполнены глиной. Возможно, что это остатки дренажного канала для отвода излишней воды. Впереди башен №№ 3 и 4 и стены между ними на уровне цоколя была раскрыта площадка из хорошо сглаженного сверху слоя известкового раствора.

Кроме отмеченных выше, при расчистке были раскрыты фрагменты двух широких стен, идущих параллельно боковой стене башни № 3 и так же, как она, обрывающихся новым парапетом набережной (рис. 1, 24, 25). В углу, образуемом одной из этих стен, найдены остатки двух больших пифосов (рис. 1, 23).

Наконец, вблизи от башни № 3 был обнаружен фрагмент узкой и невысокой стенки, возможно, остатки ограды, также выложенной из булыжного камня на известковом растворе (рис. 1, 27).

² Способ кладки с применением деревянных брусьев описывается Витрувием.

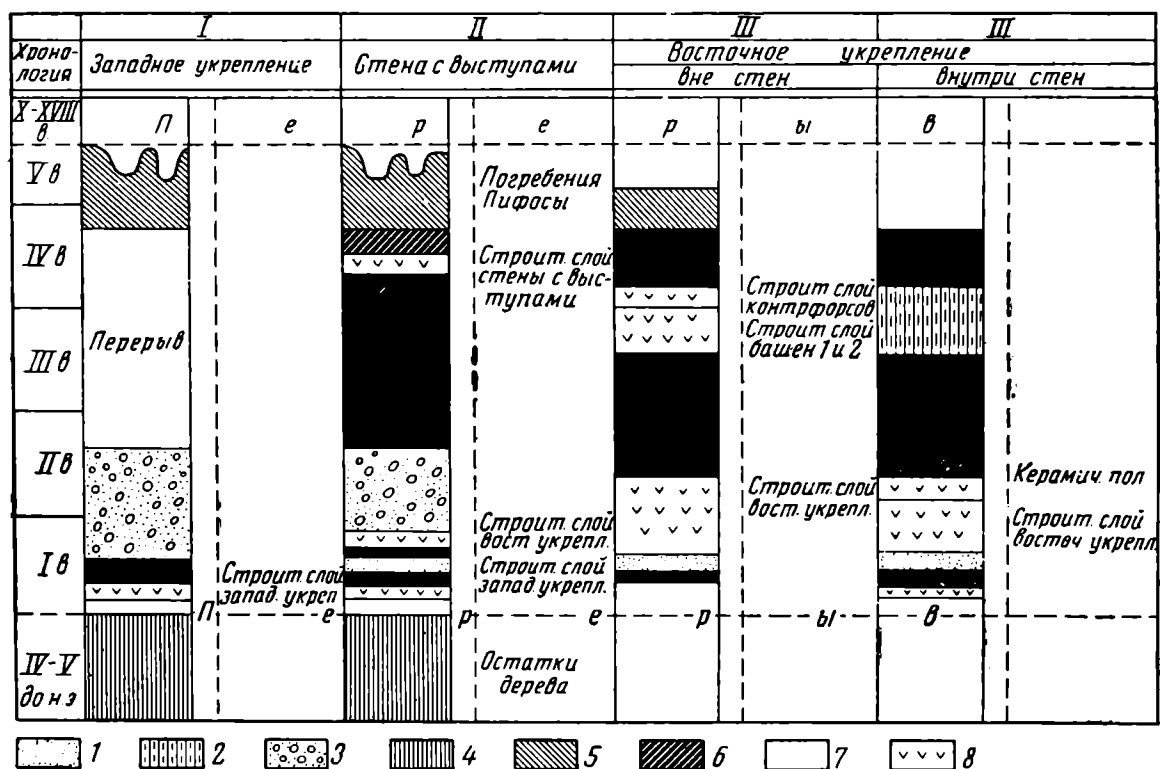

Рис. 6. Схематическое изображение стратиграфии культурных отложений

1 — песок темный; 2 — супесь желтая; 3 — супесь с галькой табачного цвета; 4 — глина серая пло-
ватая; 5 — суглинок серый; 6 — суглинок желто-серый; 7 — гумус

Изучение вскрытых при расчистке комплекса богатых культурных наслоений позволяет установить, что постройка западного укрепления датируется I в. н. э.; постройка восточного укрепления — I—II вв. н. э.; сооружение контрфорсов восточного укрепления и стены с выступами — IV в. н. э. Стены без раствора, уходящие под фундамент стены с выступами, относятся к I—II вв. (рис. 6).

В крепости были обнаружены следы бани, водопровода, обломок мраморной чаши со сливом, свидетельствующий о наличии здесь фонтана. Однако культурный слой в раскопанных частях внутренней территории крепости был беднее находками, чем за ее стенами, где, по-видимому, находилась площадь, застроенная мелкими деревянными временными сооружениями торгового и ремесленного характера. Об этом говорит значительное накопление культурного слоя с массой черепков разнообразной глиняной (рис. 7) и стеклянной посуды³. В значительной части это импорт из городов Малой Азии и Греции. Не меньше здесь и местных изделий, указывающих на существование производства строительных материалов — кирпича и черепицы, гончарного промысла, кузниц, литейных.

Несомненно, у стен крепости производилась торговля, не только меновая, но и денежная, так как находки монет здесь не представляют редкости. По этим находкам можно заметить нарастание темпа жизни поселения во II и III вв. н. э. В IV в. жизнь постепенно замирает, а в начале V в. на территории поселения и даже внутри крепостных стен совершаются погребения, что говорит, быть может, о том, что укрепление в какой-то мере потеряло свое значение.

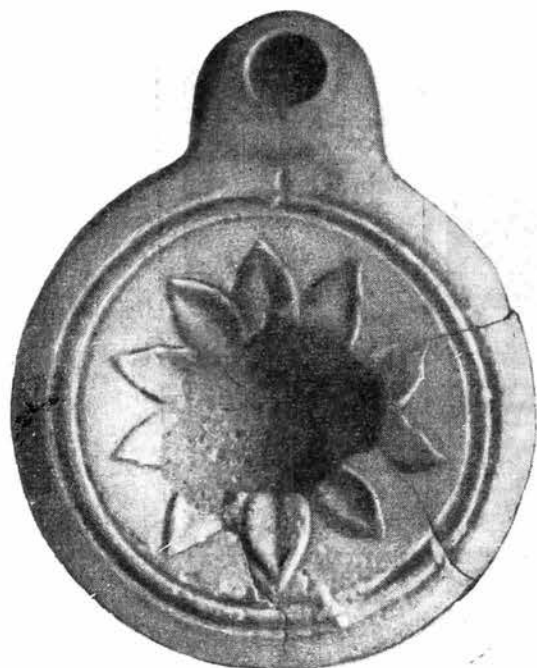
Эти же находки говорят о том, что крепость, возникшая как оплот римской агрессии на Кавказе, с течением времени сделалась крупным экономическим центром. Крепость скоро обросла предместьями. От нее шли тор-

³ Интересно здесь отметить нередко встречающиеся сосуды, в которых хранился мед, оставивший на внутренних стенках следы в виде блестящего черного вещества.

говые пути в глубь страны, в частности на Клухорский перевал. Живая связь с зарубежными странами и взаимный торговый и культурный обмен создавали предпосылки для роста на месте разрозненных, изолированных самой природой родовых общин больших племенных союзов, выступивших на арену истории под именем абасгов и апсилов.

Последним вопросом, который нам предстоит разрешить, является древнее название этих руин. Можно ли найти им соответствие в списке городов Черноморского побережья, упоминаемых древними авторами? По всем данным, на такое соответствие может претендовать лишь Севастополь, построенный, по согласным свидетельствам Плиния Секунда, Арриана и Стефана Византийского, на месте древней Диоскурии.

Первоначальной римской крепости, построенной в I в. н. э., соответствует западное укрепление. Упоминаемая в первой половине II в. н. э. Аррианом, эта крепость сохраняется до середины VI в. н. э., хотя к этому времени она была в упадке и названа Прокопием Кессарийским лишь

1

2

Рис. 7. Находки из Севастополиса

1 — светильник местной работы; 2 — амфорная ручка с клеймом

«крепостицей». По свидетельству того же автора, она была скрыта византийцами, не желавшими передавать ее в руки персов. С этим полностью совпадает весь в целом обнаруженный здесь археологический материал, свидетельствующий о расцвете города во II и III вв. и о постепенном его угасании в продолжение второй половины IV и в V вв.

Этим самым завершается дискуссия, в которой одни авторы (Ф. Дюбуа де Монпере, П. К. Услар, Д. И. Гулиа, А. В. Фадеев) высказывались за местонахождение древней Диоскурии и Севастополиса в устье р. Кодора, а другие (В. И. Чернявский, К. Д. Мачавариани, И. А. Орбели, М. М. Иващенко, Л. Н. Соловьев) считали, что эти города находились на берегах Сухумской бухты.

Как уже было сказано, все древние кладки, обнаруженные на территории от Октябрьской улицы до западного окончания Сухумской крепости, на протяжении более 200 м имеют одинаковый и весьма значительный крен к северу, т. е. в глубь берега. Все культурные слои, примыкающие к крепости, имеют тот же уклон.

Такое запрокидывание участков суши в направлении, обратном движению, характерно для оползней. Но в геологическом строении местности нет условий для возникновения оползней. Да и крайняя замедленность темпов этого процесса, растянувшегося по меньшей мере на два столетия и не пришедшего к своему конечному результату, говорит против сравнения его с обычным оползнем. Это заставляет думать, что мы имеем дело с действием глубоких тектонических явлений, а именно со сбросом, по каким-то причинам оставшимся незавершенным.

Быть может, в этом мощном движении целой глыбы со стоящими на ней постройками С Sebastopolisa усматривается аналогия с обстоятельствами гибели Диоскурии, которая могла погрузиться за 200 лет до того. Подводные исследования установили, что на дне моря, против территории расчистки, на расстоянии до 120 м от берега и на глубине до 10 м, имеются фрагменты стен (рис. 1, 28), которые дополняют и восстанавливают очертания ушедших под воду границ укрепления.

Этому восстановлению, помимо фрагментов стен, помогает также и то обстоятельство, что по всей исследуемой подводной территории площадь внутри крепости ясно обозначается залегающими в беспорядке остатками стен сооружений, устилающими сплошь дно или в виде отдельных булыжников, тесаных, колотых камней и кирпичей, или в виде обломков стен различной величины. Вне территории крепости морское дно покрыто песком и не имеет камней.

Эти резкие границы расположения находок на дне моря и позволяют с достаточной точностью наметить очертания поглощенного морем комплекса оборонных сооружений древнего С Sebastopolisa.

Помимо фрагментов сооружений, под водой были найдены интересные предметы, например, каменная ступа, жернов от ручной мельницы, большое количество обломков керамических изделий, в частности амфор.

В итоге исследований 1958 и 1959 гг. удалось получить ясное представление о характере неожиданно открытых в центре г. Сухуми совершенно не известных до сих пор древних сооружений. Несомненно, это была одна из крупнейших крепостей на Черноморском побережье Кавказа. Она существовала в продолжение первых четырех веков нашей эры, т. е. в позднеантичное время и, быть может, в самом начале средневековья. За это время она неоднократно переделывалась и дополнялась новыми сооружениями, что вызывалось не только военными соображениями, но и необходимостью бороться с неблагоприятными стихийными процессами: опусканием берега, наступлением моря, оползневыми явлениями.

Расчистка оборонного комплекса С Sebastopolisa была завершена к концу июня 1959 г., после чего на всей прилегающей территории Институт истории им. И. А. Джавахишвили и Абхазский институт языка, литературы и истории АН ГрузССР приступили совместно к большим археологическим раскопкам. Опубликованные материалы всех этих работ, как отметил в своей статье С. Каухчишвили⁴, «безусловно, привлекут внимание мировой научной общественности».

⁴ С. Каухчишвили. Один из древнейших городов мира. «Заря Востока» от 31 декабря 1959 г., № 255/10669.

СЕЛИЩА БАСЕЙНА р. СУДОСТИ

Река Судость является правым притоком Десны. Она берет свое начало у с. Новоселки, Жуковского района, Брянской области, и впадает в Десну на границе с Украинской ССР. Судя по работам К. М. Поликарповича, долина этой реки заселена с эпохи верхнего палеолита, где открыты и исследованы такие широко известные стоянки, как Елисеевичи и Юдиново. Помимо палеолитических памятников, на Судости имеются памятники мезолита, неолита, ранней и поздней бронзы, раннего железа и средневековья. Из этих памятников наименее исследованными до последнего времени оставались селища. За исключением небольших разведочных работ К. М. Поликарповича и В. П. Левенка, проведенных на некоторых селищах, эти памятники оставались почти неизвестными.

В результате археологических разведок, производившихся нами в 1955—1957 гг. по поручению Брянского областного краеведческого музея, в бассейне р. Судости (рис. 1) было зафиксировано 26 селищ, на них собран богатый подъемный материал, на двух селищах производились небольшие разведочные раскопки.

Благодаря этим исследованиям, в развитии селищ бассейна р. Судости удалось наметить несколько культурных этапов. Наиболее ранние немногочисленные селища относятся к юхновской культуре и датируются первыми веками до нашей эры — первыми веками нашей эры. Основные жизненные центры племен этой культуры были сосредоточены на укрепленных поселениях — городищах.

В первые века нашей эры на Судости появляются селища раннеславянской культуры. Судя по материалам раскопок Почепского селища в уроч. «Валы» и по собранному подъемному материалу на других памятниках, местные племена зарубинецкой культуры стояли на более высокой экономической и культурной ступени, чем племена «юхновцев». Здесь мы отмечаем, помимо развитого скотоводства, наличие земледелия, широкие связи с южными и западными раннеславянскими племенами.

Более поздние селища относятся к роменско-воршевской культуре VIII—IX вв. и культуре Киевской Руси X—XIII вв. Наличие большого количества селищ данного периода указывает на то, что к VII—VIII вв. бассейн Судости был широко заселен древнерусскими племенами, а некоторые обширные роменские поселки к концу X в. переросли в небольшие укрепленные города, такие, как Радогость (Погар), Стародуб и т. д.

Селища бассейна Судости представляют значительный интерес для археологической науки. Их дальнейшие и более глубокие исследования помогут выяснить некоторые еще не изученные стороны этногенеза славянских племен не только в бассейне Судости, но и на более обширной территории Подесенья.

Следует отметить, что на данной территории селища имеют довольно хорошую сохранность с четко выраженными культурными наслоениями.

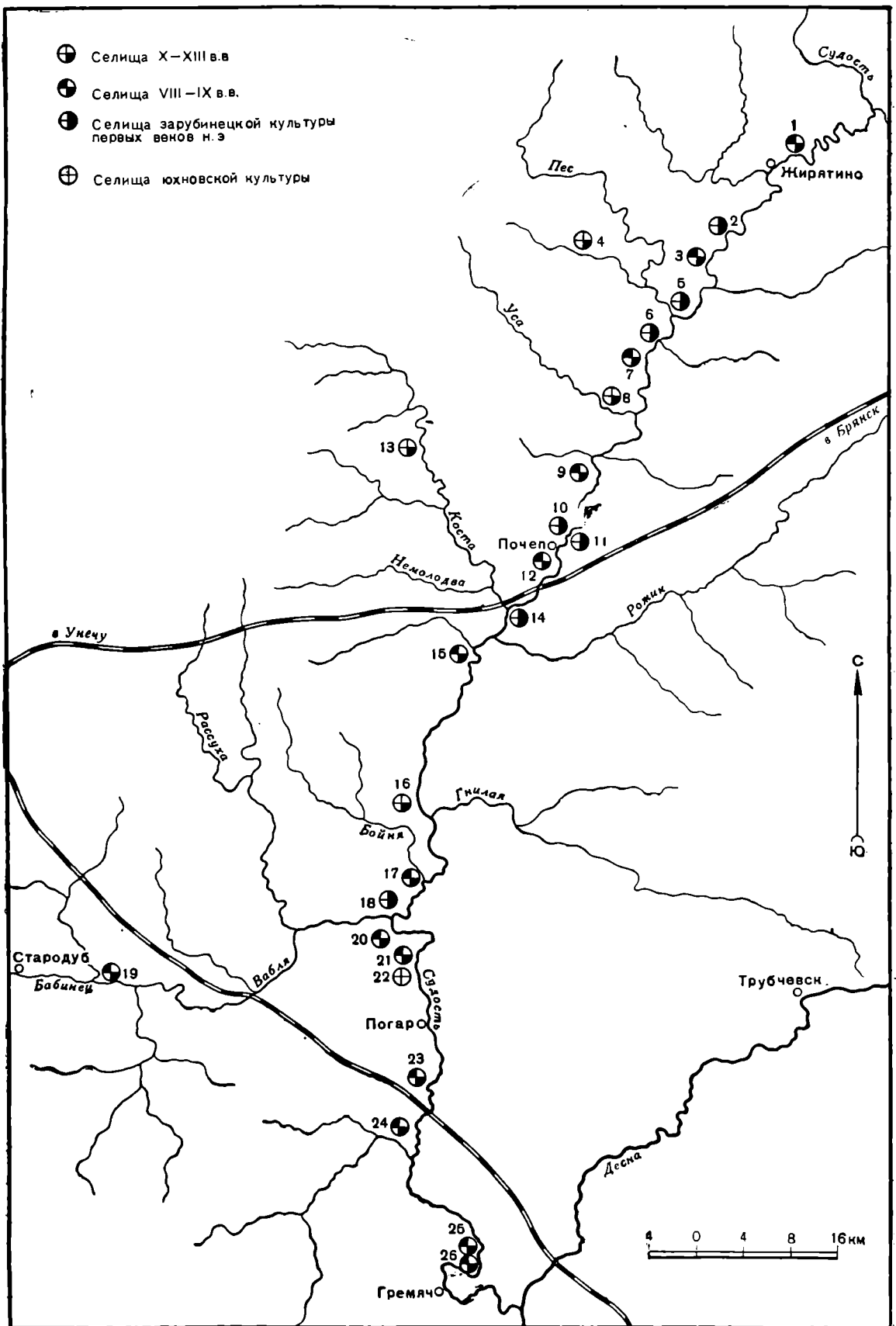

Рис 1. Карта расположения селищ бассейна р. Судости

В настоящей работе мы останавливаемся только на 12 памятниках, давших наиболее интересный и датируемый материал. Поскольку остальные селища очень бедны находками, мы ограничимся лишь публикацией списка с указанием селищ, их местонахождения и предварительной датировки.

1. Синьковское селище находится на северной окраине с. Синьково, на мысе, образованном правобережной террасой р. Судости и левобережной террасой р. Пёс. Посредине селища проходит проселочная до-

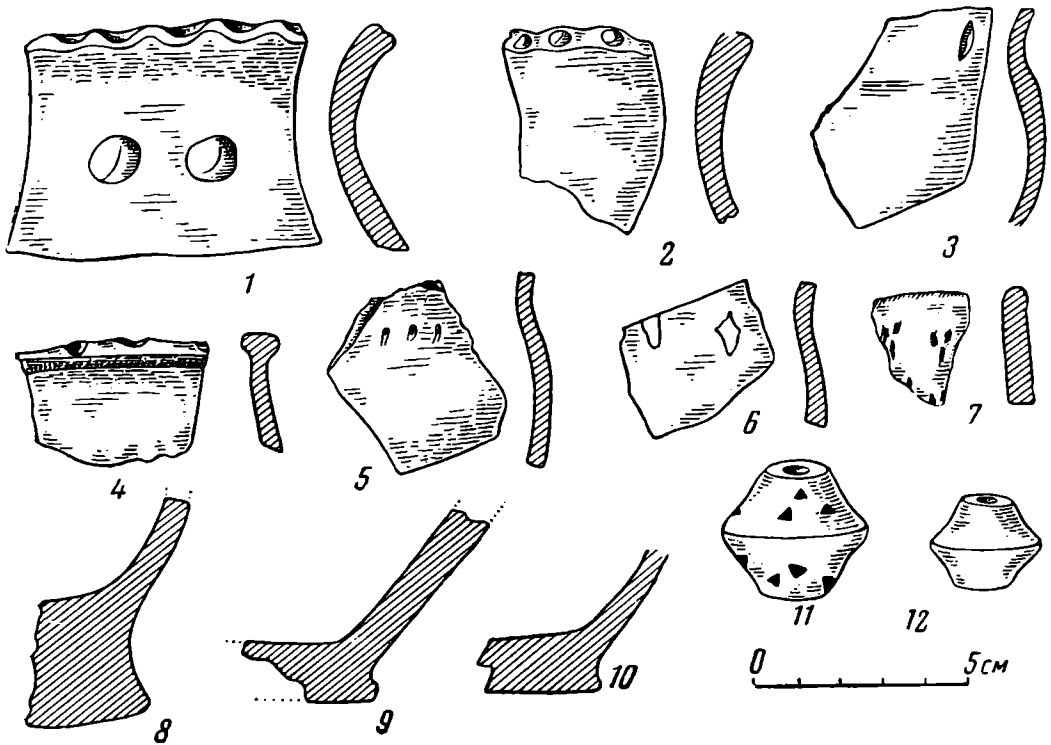

Рис. 2. Находки, относящиеся к юхновской культуре

1, 4, 8—10 — Южное селище у дер. Яковлевичи; 2, 3, 5, 6, 7, 12 — Нижнее селище у с. По судочи; 11 — Синьковское селище

рога. На распаханной поверхности в изобилии встречаются мелкие и крупные обломки лепной керамики. Судя по ее распространению, площадь селища равна 1,5 га. В отдельных местах замечено несколько темных пятен овальной формы. Они выделяются не только своей внешней окраской, но и значительным скоплением обломков посуды. Возможно, что это остатки каких-то жилых и хозяйственных сооружений.

Собранные на поверхности обломки керамики делятся на несколько групп. Наиболее ранние, с веревочным орнаментом, могут быть отнесены к эпохе бронзы. Более десяти обломков принадлежат тонкостенным баночным сосудам юхновской культуры. Наличие остатков этой культуры подтверждается не только этой посудой, но обломками от глиняных грузил, украшенных глубокими ямками, глиняной обмазкой с отпечатками прутьев, а также глиняным грузиком биконической формы с ямочным орнаментом (рис. 2, 11). Аналогичные грузики широко известны и на других памятниках юхновской культуры в бассейне Десны.

подавляющее большинство обломков посуды принадлежит грубым, толстостенным сосудам серовато-желтоватого и коричневатого цветов. Глиняное тесто содержит примесь шамота и мелких зерен гранита. Толщина стенок — 5—12 мм. Судя по венчикам, сосуды имели выпуклые бока и довольно высокий, резко отогнутый наружу венчик. Обрезы венчиков покрыты зачастую вдавлениями и насечкой. С этой группой керамики могут быть связаны два обломка от остросереберных мисок с хорошо загла-

женной поверхностью. Аналогичная керамика широко известна на местных зарубинецких памятниках и датируется первыми веками нашей эры. Незначительное количество обломков принадлежит сделанным на кругу сосудам средневекового времени.

2. Безыменное селище расположено на полпути из дер. Дмитрово в с. Синьково и занимает низменный участок мыса правобережной террасы. Значительная часть площади селища распахана, и на ней зачастую встречаются обломки грубой хозяйственной посуды. В обнажении

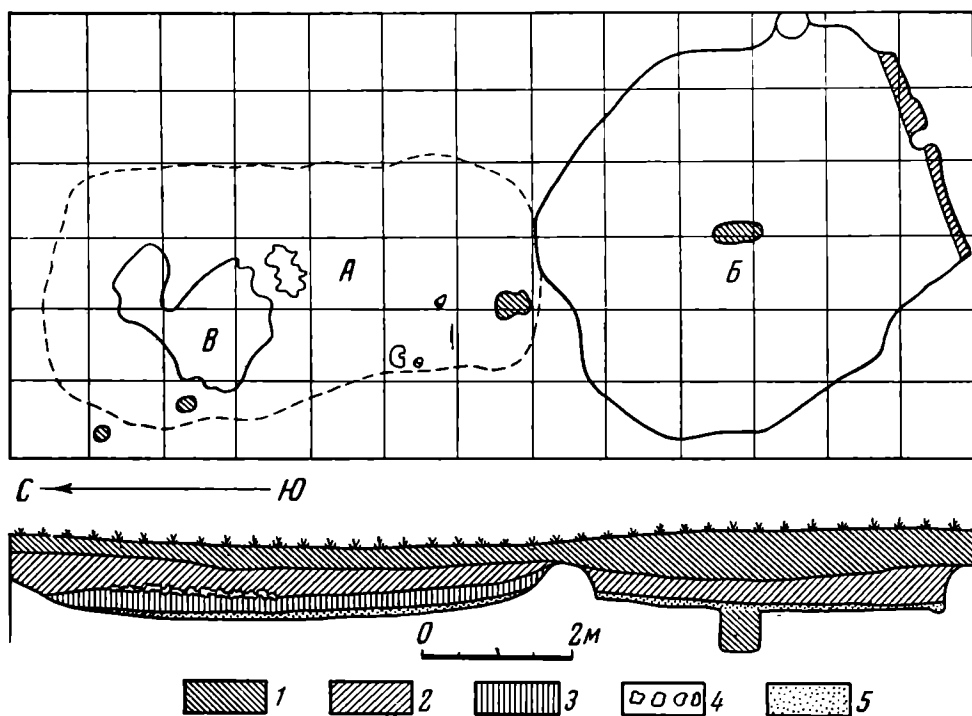

Рис. 3. Почепское селище в уроч. «Валы»

А — остатки мастерской; Б — землянка; В — зольно-известковое образование

берега под дерновым покровом хорошо прослеживается тонкий культурный слой темного цвета, обильно насыщенный обломками толстостенной лепной посуды, в большинстве случаев светло-коричневого цвета, с примесью шамота и мелких гранитных зерен. Толщина стенок колеблется от 5 до 13 мм, в зависимости от размера сосуда. Судя по обломкам, это были горшки с пухлыми боками и высоким, резко отогнутым наружу венчиком. Обрезы сосудов покрывались ногтевыми вдавлениями и насечкой. На одном сосуде у основания шейки венчика ямки нанесены кончиком пальца. Среди собранного материала несколько черепков посуды с гладкой поверхностью и два обломка от чернолощеных остроруберных мисок.

Керамика Безыменного селища аналогична керамике других зарубинецких памятников долины р. Судости и может быть датирована первыми веками нашей эры.

3. Почепское селище находится на северной окраине г. Почепа, в уроч. «Валы», занимает песчаный останец на правом берегу р. Судости. Длина останца с востока на запад — 460 м, наибольшая ширина с севера на юг — 260 м. Поверхность останца в значительной мере распахана, благодаря чему здесь удалось вскрыть остатки древнего поселения, располагавшегося преимущественно на его прибрежной части.

Так же как и на Синьковском селище, на распаханной площади памятника были замечены темные овальные пятна, обильно покрытые обломками сосудов и связанные, как предполагалось, с остатками древних жилых или хозяйственных сооружений.

В центральной части селища на месте одного из таких пятен нами был заложен раскоп размером 15×6 м (рис. 3). На вскрытой площади удалось обнаружить остатки двух ям. Одна из них (А) имела овальную форму размером $6,5 \times 3,5$ м, с неровным дном. Наибольшей глубины яма достигала в центральной части (0,95 м). Дно ямы выстилал слой черного углистого песка, под которым прослеживался тонкий слой утрамбованного светло-желтого песка с включением мелких косточек, кусочков обожженной глины и т. п.

Как на дне ямы, так и в ее заполнении было собрано большое количество металлургических отходов, сильно деформированные тигли для плавки цветного металла и капли застывшей бронзы. В южной половине ямы, у дна, встречены остатки горновых гнезд с круглыми отверстиями и сильно оплавленными поверхностями. В северной половине ямы на черном углистом песке прослежена бесформенная площадка, состоявшая из плотного скопления известковых конкреций (рис. 3, В); возможно, что это остатки какого-то сырья, употреблявшегося при плавке или обработке железа.

Эти находки указывают на то, что в древности здесь находилась наземная постройка с углубленным полом, представлявшая собой общинную металлообрабатывающую мастерскую. В заполнении ямы, преимущественно в верхнем слое, собрано большое количество обломков грубой лепной хозяйственной и лощеной керамики, мелких камней и расколотых костей. Особый интерес представляют остатки небольшого кувшинчика светло-желтого цвета с гладкой поверхностью (рис. 4, 2) и остатки черной остросереберной миски с геометрическим знаком на дне, с внутренней стороны. Помимо того, здесь обнаружено несколько железных, бронзовых и костяных изделий.

Вторая яма (рис. 3, Б) представляет собой остатки небольшой прямоугольной землянки размером $5,5 \times 4,5$ м; глубиной 1,15 м. Стенки землянки были сильно разрушены, вследствие чего она в верхней части имела более округлые очертания. На дне ямы, в центре, прослежена небольшая ямка овальной формы, достигавшая глубины 0,55 м ниже пола. Следов печи в землянке не обнаружено. Однако в ее южной половине замечалась черная прослойка с большим количеством мелких угольков. В верхнем заполнении ямы обнаружено большое количество обломков грубой хозяйственной и лощеной посуды, а также мелких камней. Здесь же найдено несколько металлических и костяных поделок. На дне землянки в разных частях лежали обломки крупной чернолощеной остросереберной миски (рис. 4, 1). Особенно интересен найденный в верхней части заполнения землянки небольшой лепной горшок с геометрическими знаками на пухлом боку и часть венчика чернолощеной миски с таким же геометрическим знаком.

Помимо этого, по собранному материалу удалось установить форму ряда сосудов и технику их изготовления. Посуда почепского селища может быть разделена на две группы — грубая лепная и лощеная.

Грубые лепные сосуды в большинстве случаев имеют выпуклые округлые бока, высокий, резко отогнутый наружу венчик. Отдельные сосуды более удлиненных пропорций. Глиняное тесто хозяйственных сосудов содержит примесь дресвы, иногда шамота. Почти все горшки лишены орнамента, за исключением насечек и вдавлений по обрезу венчика. На некоторых сосудах на боках орнамент в виде отдельных ямок или отдельных групп ямок нанесен кончиком пальца, и в одном случае — защипом.

Ко второй группе относится лощеная и гладкая посуда черного, коричневатого и серого цветов. В большинстве случаев это остросереберные миски различных размеров. Имеются также обломки горшков и кувшинчиков. Для изготовления этой посуды применялась тонкая, хорошо промешанная глина.

Большой интерес в вопросах исследования хозяйственно-экономической жизни поселка представляет остеологический материал. Здесь собраны

кости лошадей, коров, свиней, овец, кости птиц, изредка встречались кости рыб и раковины речных и сухопутных моллюсков. Найдено всего несколько костей диких животных.

В большой яме (рис. 3, А) был найден серп, указывающий на наличие земледелия. Надо полагать, что основным занятием обитателей Почепского селища являлось скотоводство и земледелие. На высоком уровне находилась также металлургия.

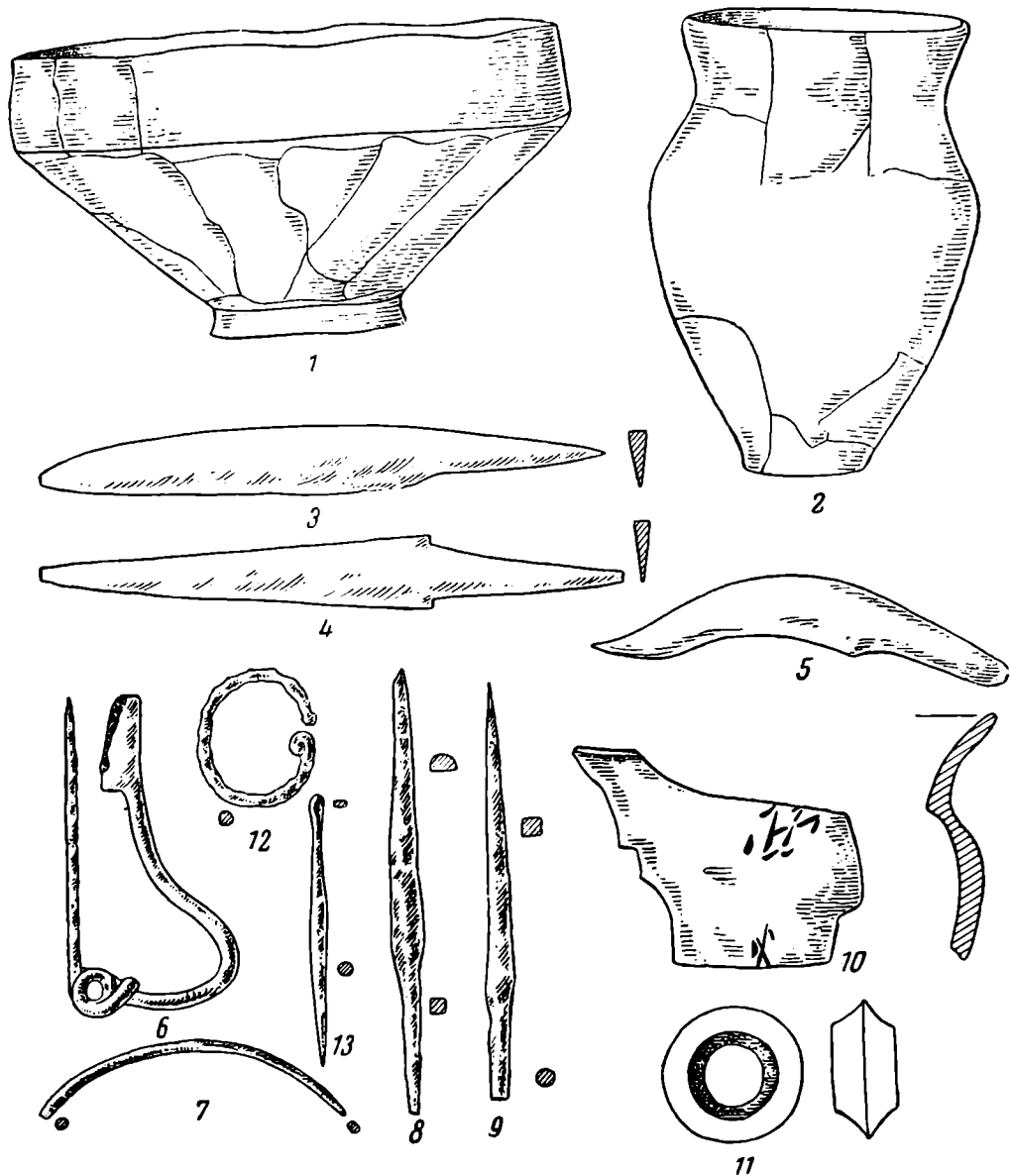

Рис. 4. Почепское селище в уроч. «Валы»; находки, относящиеся к зарубинецкой культуре

1 — чернолощенная миска; 2 — кувшин; 3, 4 — ножи; 5 — серповидный нож; 6 — железная фибула; 7 — обломок бронзового браслета; 8, 9 — шилья; 10 — фрагмент сосуда со знаками; 11 — чернолощенная пряслице; 12 — бронзовая кольцевая фибула; 13 — игла

На основании находки железной фибулы позднелатенского типа (рис. 4, 6) Почепское селище в уроч. «Валы» может быть датировано первыми веками нашей эры.

4. Почепское селище в уроч. «Рытые горы» находится на южной окраине г. Почепа, на второй надпойменной террасе р. Судости. Вся площадь селища занимают приусадебные сады и огороды, поэтому на дневной поверхности собрано только незначительное количество обломков керамики. В обресе берегового склона, под слоем чернозема, обнажена

часть землянки, в центре которой прослеживается развал печи, представляющий собой скопление обожженной глины с мелкими камнями внутри. Здесь же в некоторых местах прослеживались обугленные деревянные плахи.

В заполнении ямы, преимущественно у развала печи, собрано более 20 крупных обломков лепной керамики. По технике изготовления она де-

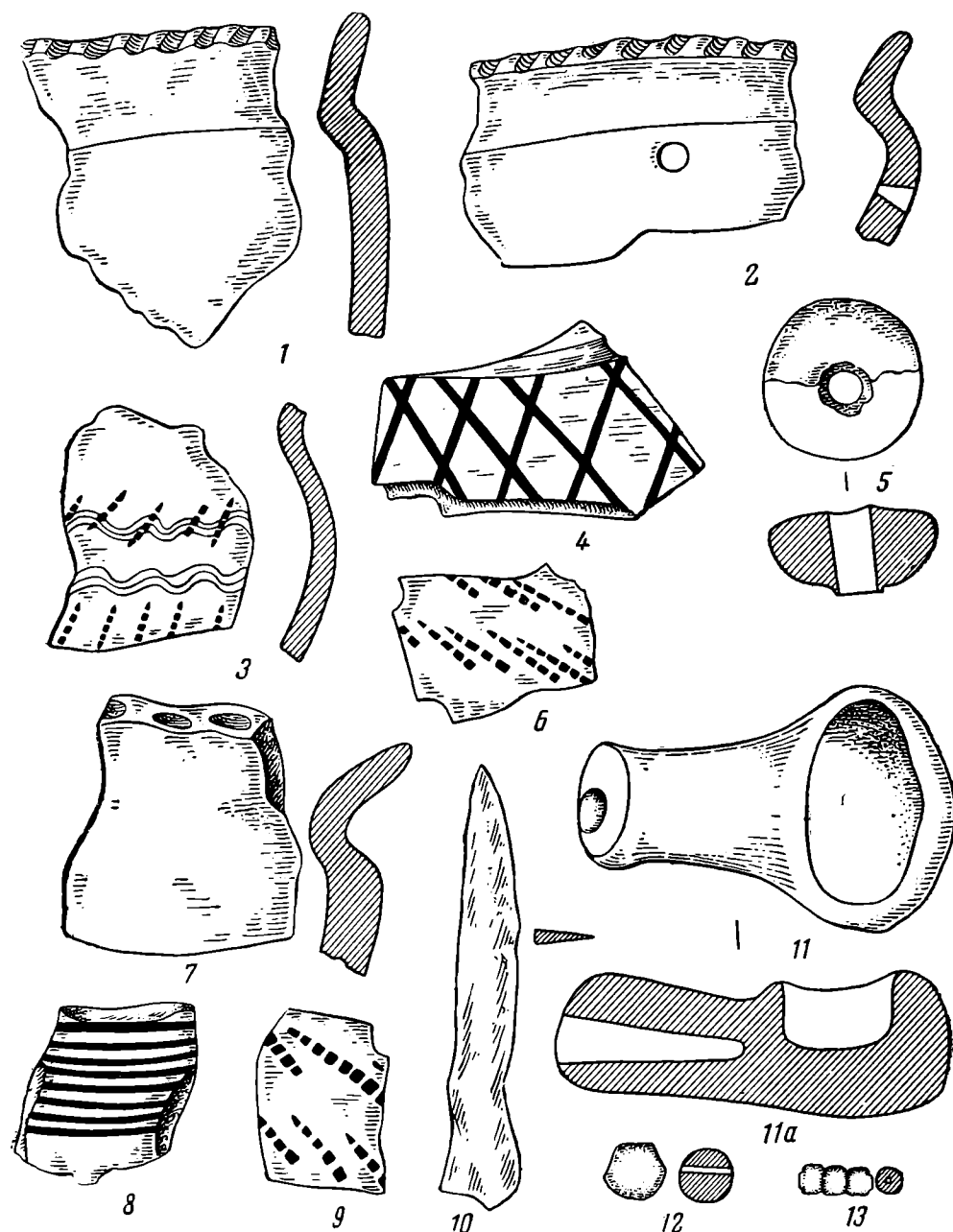

Рис. 5. Находки, относящиеся к роменской культуре

1—6, 10—13 — Верхнее селище у с. Посудичей; 7—9 — Роговское селище в уроч. «Поповка»

лится на две группы. К первой группе относятся грубые лепные сосуды розоватого цвета с бугристой поверхностью, в глиняном тесте — примесь крупного шамота. Толщина стенок — 10—12 мм. Сосуды имели слегка выпуклые бока, широкое горло с небольшим отогнутым венчиком и ясно выраженной шейкой. По скошенному наружу и слегка округленному обрезу наносился орнамент в виде ямок, вдавленных кончиком пальца (рис. 5, 7). Аналогичные сосуды широко известны на многих поселениях роменской культуры в бассейне р. Десны. Другая группа керамики пред-

ставлена только тремя обломками. Судя по ним, сосуды имели выпуклые бока и высокий прямой венчик с тупым обрезом. На одном фрагменте у изгиба венчика есть небольшой валик. Цвет сосудов также светло-желтый, слегка розоватый; тесто содержит примесь тонкого песка. Толщина стенок — 8 мм, поверхность гладкая. С наружной стороны нанесены лощенные полосы, идущие от горла ко дну. Посуда с аналогичной орнаментацией широко известна в памятниках салтово-маяцкой культуры. Поскольку обломки керамики обеих групп извлечены из развала печи, надо полагать, что обитателями жилища эта посуда производилась одновременно. На основании найденной керамики селище в уроч. «Рытые горы» может быть датировано VIII—IX вв. н. э.

5. Селище в устье р. Косты находится ниже дер. Казарезовки, на мысе левобережной террасы р. Судости. Площадь, занятая селищем, ежегодно распахивается, в результате чего удалось проследить на общем фоне пять темных округлых пятен, обильно усеянных обломками керамики и, по-видимому, связанных с остатками жилых или хозяйственных сооружений. Вне этих мест керамика рассеяна редко.

Собранные здесь обломки в подавляющем большинстве принадлежат грубым лепным хозяйственным сосудам темно-коричневого и светло-коричневого цвета; тесто с примесью мелкого шамота, песка или дресвы, толщина стенок — 6—10 мм. Форма сосудов аналогична сосудам Почепского селища в уроч. «Валы». Так же как и у почепских сосудов, на обрезках венчиков нанесен орнамент в виде насечек или ямок, вдавленных кончиком пальца. На одном фрагменте имеются парные ямки, также нанесенные кончиком пальца. Небольшой процент обломков принадлежит чернолощеной посуде, в большинстве случаев — остросереберным мискам.

Судя по керамике, селище в устье р. Косты датируется первыми веками нашей эры.

Помимо керамики зарубинецкой культуры, на селище обнаружены осколки обработанного кремня и обломки сосудов, относящиеся к эпохе поздней бронзы, а также несколько черепков гончарной посуды средневекового времени.

6. Роговское селище находится к югу от с. Рогово, в уроч. «Поповка», при слиянии безыменной речушки с р. Судостью, на сниженном участке правобережной террасы. Значительная часть селища в настоящее время смыта рекой, в результате чего вся площадь разделена на две неодинаковые по размеру части. На распаханной поверхности меньшей площади собрано большое количество обломков керамики, несколько точильных камней и куски металлических шлаков.

Среди собранного материала на этом участке селища преобладают остатки грубой лепной посуды роменского типа. Один из обломков покрыт орнаментом в виде отпечатков палочки, обмотанной шнурком. Орнамент нанесен как по обрезу венчика, так и по плечикам у шейки. Другой фрагмент от глиняной крышки с утолщенным краем; в состав его глиняного теста входит шамот и крупные зерна песка. Толщина в центральной части — 9 мм, у края — 10—12 мм. Аналогичные крышки довольно часто встречаются на поселениях роменского времени в бассейне р. Десны.

Вторая группа керамики, собранная на этом же участке, может быть отнесена к гончарной посуде средневекового времени.

Здесь же, в размывах берега, на фоне светло-желтого лёссовидного суглинка обнажен целый ряд более темных пятен от жилых и хозяйственных ям, из которых наибольший интерес представляют остатки землянок.

Профиль одной из них прослежен в нижней части обнажения. Длина ямы достигает 6,8 м, наибольшая глубина — 1,25 м. С восточной стороны ямы в центральной части ее заполнения прослежено глиняное линзообразное пятно длиной 2,35 м, с наибольшей толщиной 0,3 м. Что представляло собой глиняное пятно, сказать трудно. В западной части яма имела

покатый вход, разделенный материковым уступом на две части. Здесь же на втором наклонном материковом уступе находился развал печи длиной 0,8 м, высотой 0,4 м. Днище печи имело неглубокую блюдообразную форму и было обмазано слоем глины, сильно обожженной и потемневшей. Толщина обмазки — 2—3 см.

Вокруг развала печи в заполнении ямы, а также в обвале на склоне обнажения собрано большое количество камней, крупных глиняных блоков и обломков толстостенной лепной посуды, которая по способу изготовления может быть разделена на две группы. К первой группе относятся грубая толстостенная посуда с бугристой поверхностью. Толщина стенок — 10—15 см, толщина днищ — 8—10 мм. Глиняное тесто в большинстве случаев содержит примесь крупных кусков шамота, иногда крупных зерен гранита и песка. Сосуды имели слегка выпуклые бока и несколько отогнутый наружу прямой невысокий венчик с округлым обрезом без орнамента. Сосуды аналогичной профилировки и фактуры характерны для роменской культуры.

Посуда второй группы изготовлена из хорошо промешанной глины, в которую в качестве скрепляющей примеси добавлялся мелкий отсеянный шамот. Толщина стенок — 9—10 мм. Сосуды имели хорошо заглаженную поверхность, а в верхней части даже слегка залощенную. Цвет сосудов светло-коричневатый и светло-желтый. Сосуды второй группы имели такую же форму, как и сосуды первой группы.

Разрез второй землянки прослежен в верхней части обнажения этого участка селища. Яма землянки имела прямоугольную форму и небольшим материковым уступом была разделена на две неравные части. Общая длина ямы — 7 м, глубина верхнего участка — 1,4 м, глубина нижнего участка — 1,3 м. На верхнем участке, на расстоянии 0,35 м от стенки материкового уступа, имелась яма блюдообразной формы, длиной 0,8 м, при наибольшей глубине 0,3 м. В заполнении этой ямы находились кусочки древесного угля и обожженной глины. Все это сверху прикрывала тонкая глинистая прослойка мощностью 0,01—0,02 м. Здесь же в углублении найдено несколько обломков лепной керамики. Один из них имеет зубчатый орнамент (рис. 5, 9). Подобный орнамент встречается на сосудах роменской культуры и заимствован, по-видимому, от керамики хазарского типа.

На участке 2а, у границы землянки, прослежена небольшая ямка 0,5 м длиной и 0,3 м глубиной. На этом же участке в заполнении ямы найдено еще несколько обломков керамики роменского типа, один из них с линейным орнаментом (рис. 5, 8).

На основании посуды роменского типа данная землянка также может быть отнесена к VIII—IX вв.

На расстоянии 3,9 м от этой ямы прослежен профиль круглодонной хозяйственной ямы с суженным горлом. Глубина ямы от верхнего горизонта — 1,4 м, ширина в боках — 1,2 м, диаметр горла — 0,8 м. В заполнении ямы найден только один обломок тонкостенного лепного сосуда с высоким прямым горлом и чуть отогнутым наружу краем. Он заметно отличается от роменской посуды и имеет аналогии среди зарубинецкой керамики Почепского селища в уроч. «Валы». К этой культуре относится на селище находка обломка чернолощеной острореберной миски.

В обнажении второй, более обширной части селища прослежены следы нескольких разнообразных ям. В их заполнении найдены обломки сосудов, изготовленных на гончарном круге в средневековое время, а также кости домашних животных, зачастую разбитые.

На основании собранного материала в истории развития Роговского селища прослежено три культурных этапа. Наиболее ранние материалы восходят к первым векам нашей эры и связаны с зарубинецкой культурой; более поздние относятся к роменскому времени и киевскому периоду, когда здесь размещалось обширное сельское поселение.

7. Юдиновское селище — одно из крупнейших селищ бассейна р. Судости. Оно расположено на правом берегу реки и занимает ровную площадку второй надпойменной террасы, постепенно понижающуюся к югу. В обнажении берега хорошо прослеживается мощный культурный слой, а в отдельных местах — следы хозяйственных ям и сооружений. Почти вся площадь селища ежегодно распахивается, в результате чего разрушается культурный слой и на поверхности в изобилии встречаются обломки сосудов, реже — глиняные и металлические изделия. Площадь распространения находок не менее 3 га.

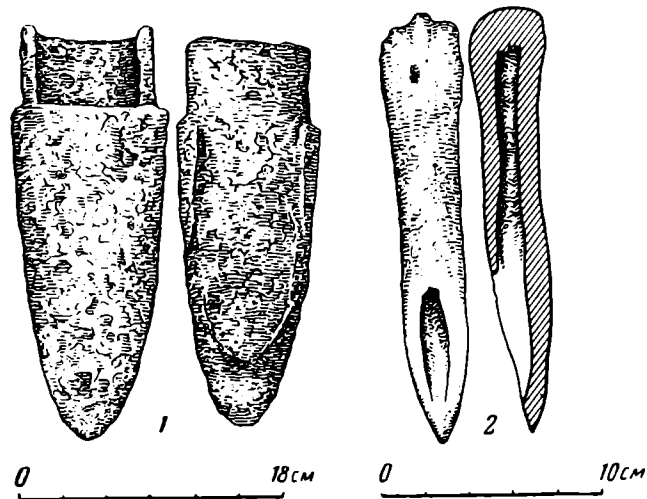

Рис. 6. Находки с Юдиновского селища
1 — наральники; 2 — костяное орудие

В 1947 г. археологической экспедицией Института истории АН БССР на селище были проведены небольшие раскопки, в результате которых исследовано несколько землянок роменского и киевского времени с характерной для этих периодов посудой и бытовыми предметами.

Особый интерес среди собранного в районе селища археологического материала представляют два наральника, найденные нами в обнажении низменного участка селища. Предметы найдены в пойменных наносах, на глубине около 0,5 м, вместе с толстостенной лепной посудой роменского типа, что дает основание отнести эту находку к VIII—IX вв. (рис. 6).

Наральники вложены один в другой и, по-видимому, были преднамеренно зарыты (рис. 6, 1). Изготовлены они из массивных треугольных железных пластин. Боковые стороны этих пластин согнуты и образуют втулку для крепления с деревянной основой. Длина большого наральника — 207 мм, ширина — 100 мм. Длина меньшего наральника — 203 мм, ширина — 80 мм, толщина — 8—10 мм. Надо полагать, что обитателям Юдиновского селища уже в роменское время хорошо было знакомо пашенное земледелие.

Здесь же, в обнажении селища, обнаружена костяная мотыжка (рис. 6, 2), рога лося со следами обработки и оловянная бляшка XI—XIII веков (рис. 7, 11), а также обломки посуды, которая может быть отнесена к эпохе бронзы и раннего железа.

8. Голяшовское селище находится на нижней окраине с. Голяшовка, в уроч. «Лысая гора», на мысе, образованном правым берегом р. Судости и кромкой левобережной террасы р. Вабли. Площадь его составляет, вероятно, не менее 1 га.

В обнажении прослеживаются профили различных хозяйственных и жилых ям. Наибольший интерес представляет разрез большой полуземлянки, расположенной в центральной части обнажения. Длина сохранившейся части достигает 7,8 м. Южная, менее углубленная часть имеет глубину

1,15 м от современного горизонта, северная — 1,45 м; стенка ямы здесь была разрушена и терялась на фоне других более поздних ям. Землянка вырублена в плотном лёссовидном суглинке и заполнена темным перегноем, более светлым в нижней половине. Из заполнения ямы извлечено только десять фрагментов толстостенной лепной керамики светло-коричне-

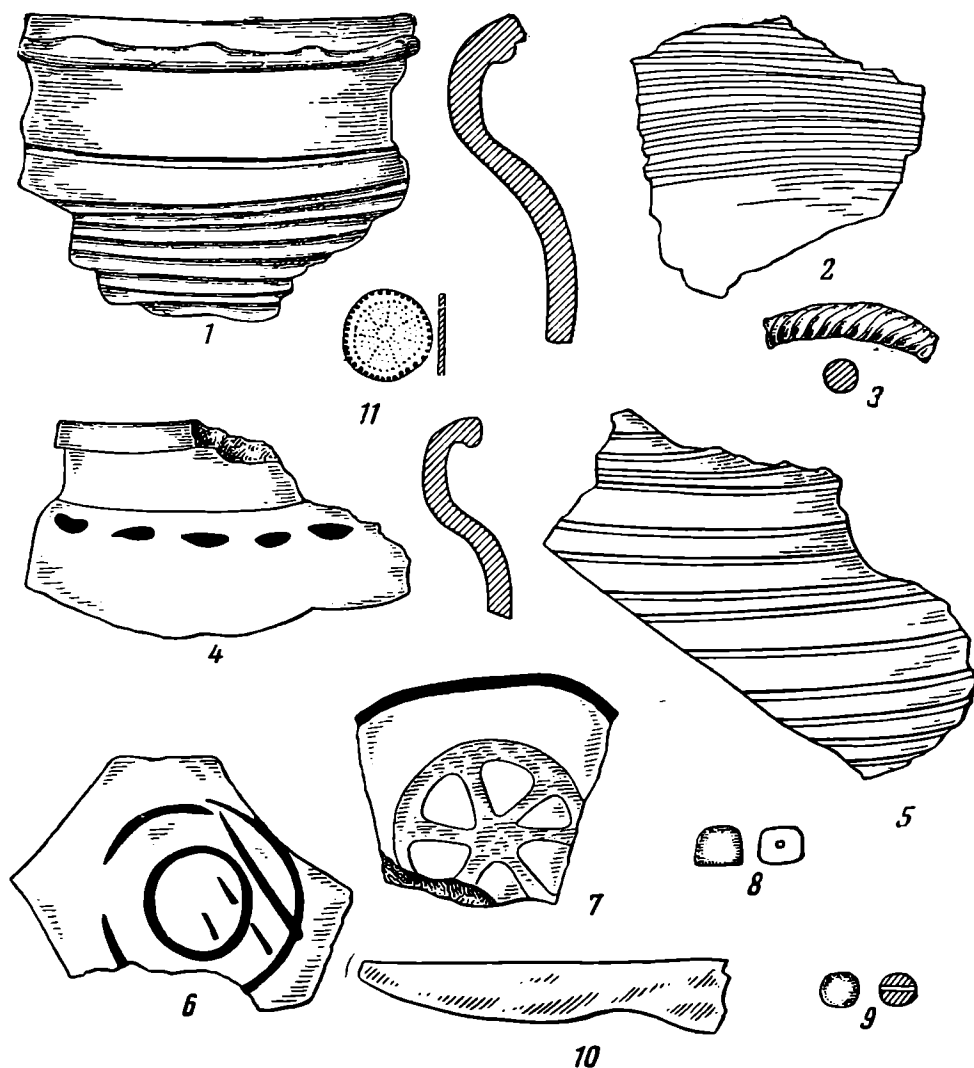

Рис. 7. Находки XI—XIII вв.

1, 5, 6, 10 — селище у с. Левенки; 2, 3, 11 — Юдиновское селище; 4, 8, 9 — селище у с. Посудичей; 7 — селище у Краснослободского городища

вого и темно-серого цветов, из глины с примесью шамота и гранитных зерен. Толщина стенок — 8—12 мм, на обрезах венчиков нанесены вдавления. По своей фактуре и формам керамика стоит ближе к зарубинецкой посуде Почепского селища в уроч. «Валы». На это как будто указывает также находка одного обломка чернолощеной острореберной миски.

Помимо того, на селище были обнаружены отдельные обломки сосудов эпохи бронзы, юхновской культуры и гончарной посуды позднего средневековья.

9. Селище у с. Посудичей расположено на мысе, образованном правосторонней террасой р. Судости и правосторонней террасой р. Вабли. Площадь, занятая под селище, разделена неглубокой ложиной на две неравные части. Низменный участок селища, примыкающий непосредственно к р. Судости, представляет собой округлую площадку около 50 м диаметром, известную у местного населения под названием «Стан».

Другой, более обширный участок, расположен значительно выше, за ложиной, и вытянут вдоль террасы р. Вабли на 200—250 м, а вдоль террасы р. Судости — на 300—400 м. Этот участок селища постоянно распахивается, вследствие чего на поверхности встречается керамика, реже — металлические предметы. Еще в 1955 г. на этом участке селища было замечено 11 невысоких распаханных насыпей. На некоторых из них помещались глиняные развалы в виде площадок. Вокруг таких площадок встречались кости животных, керамика роменского типа, иногда со следами пребывания на сильном огне. Создавалось впечатление, что здесь расположен курганный могильник. Это еще больше подтверждалось тем, что несколько западнее селища, у «погарского шляха», действительно расположена курганная группа.

В июне 1957 г. на Посудичском селище были проведены небольшие раскопки, давшие возможность определить как характер его культуры, так и назначение глиняных площадок, погребенных под курганообразными насыпями.

На площади селища, в обнажении правого берега р. Судости, нами была произведена небольшая зачистка склона и обнажения, в результате которой удалось вскрыть несколько культурных наслоений, отложившихся в разные эпохи. Непосредственно под дерном залегает слой темно-серого песка мощностью в 0,2—0,3 м, ниже него — плотный, черный, сильно гумусированный песок мощностью в 1 м. Последний подстилается коричневатосероватым песком мощностью 0,2—0,3 м, залегающим на белом материковом песке дюнного происхождения. Культурные остатки здесь распределяются следующим образом: в нижней части культурного слоя, в коричневатосероватом песке, обнаружена керамика и кремневые изделия поздне-неолитического времени; в нижней половине среднего слоя — керамика и изделия юхновского времени (рис. 2, 2, 3, 5—7, 12); в верхней половине среднего слоя толстостенная посуда роменского типа (рис. 5, 1). В верхнем слое, под дерновым покровом, наряду с роменской керамикой встречены обломки гончарной посуды и стеклянные бусы XI—XIII вв. (рис. 7, 4, 8, 9). Здесь же были прослежены остатки разнообразных хозяйственных и жилых ям, к сожалению, сильно размытых и перекопанных.

На верхнем участке селища раскопана только одна курганообразная насыпь, давшая в 1955 г. наиболее интересный подъемный материал. Диаметр этой насыпи составлял 7 м, при высоте 0,4 м. Вокруг насыпи нами был заложен раскоп 9 × 9 м (рис. 8). При исследовании насыпи в разных ее частях встречались фрагменты толстостенной лепной керамики роменского времени (рис. 5, 2), мелкие дробленые кости и мелкие камни. Из вещей здесь найдено: трехдольная стеклянная бусина (рис. 5, 13), у печного развала — глиняная льячка, небольшой обломок костяного изделия и заготовка для пряслица, выделенная из обломка ручки какого-то крупного кувшина. Здесь же был обнаружен обломок роменского сосуда с волнистым и зубчатым орнаментом (рис. 5, 3).

После зачистки раскопа на древнем горизонте открылось темное пятно правильной квадратной формы с глиняным козырьком в восточном углу. Каждая сторона квадрата равнялась 5 м, его общая площадь составляла 25 м². Было ясно, что здесь мы имеем дело не с большой погребальной камерой, а с типичной роменской землянкой. При дальнейшем исследовании выяснилось, что яму жилища заполнял темный песок, в котором встречались частицы угля и глины, а также обломки типичных роменских сосудов. На глубине 0,5—0,6 м от зачистки раскопа вскрыто дно землянки с двумя рядами ям, расположенных вдоль северо-восточной и юго-западной стенок. Возможно, это остатки нар или других внутренних конструкций. С южной стороны прослежен материковый выступ в виде лежанки или ступеньки.

В восточном углу ямы размещалась глинобитная печь-каменка с высоким полукруглым сводом и сильно разрушенной глинобитной лежанкой.

Западная часть печи разрушена еще в древности. Высота сохранившейся восточной части печи составляла 0,8 м, высота устья — 0,6 м. Печь сложена из плотной сырой глины, старшей пачины и мелких камней. Под гладкий. В заполнении внутренней части печи найдено три белых пастовых бусины (рис. 5, 12). Вокруг печного развала встречались расколотые кости, фрагменты роменской керамики и древесные угли. В других частях землянки на полу найдено лезвие ножа и часть округлого глиняного пряслица (рис. 5, 10). Здесь же было найдено несколько обломков от сосудов с гладкой и залощенной поверхностью.

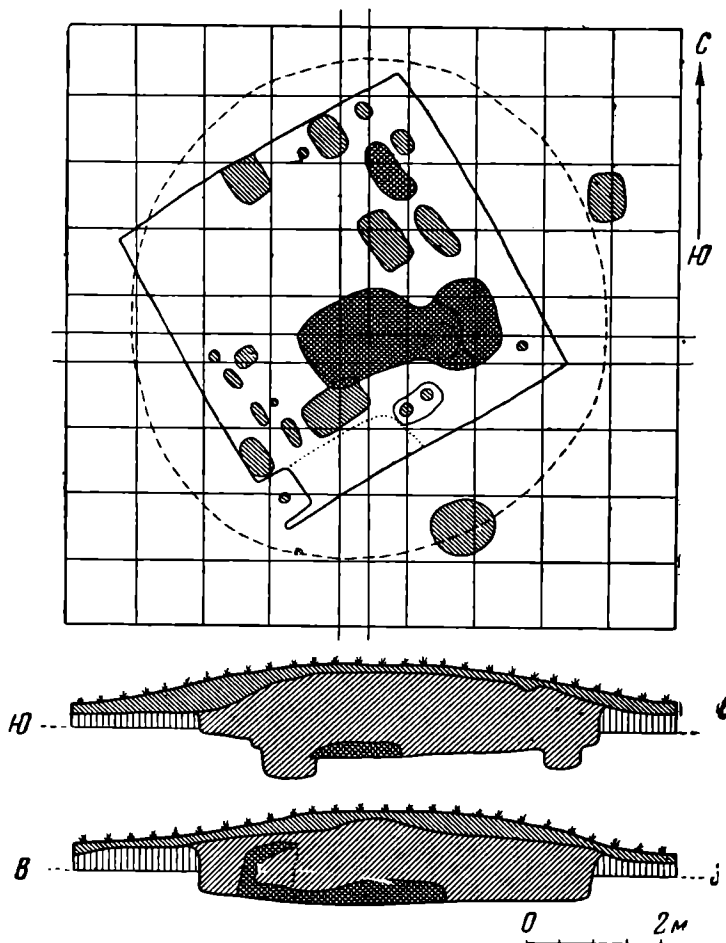

Рис. 8. Верхнее селище в устье р. Вабли

В результате проведенного исследования стало ясно, что на верхнем участке селища мы имеем дело не с погребальными курганами, а с остатками типичных роменских землянок, после обвала которых остались небольшие всхолмления.

При осмотре других насыпей и разрушенных глиняных площадок нами собрано большое количество обломков сосудов как грубых, хозяйственных, типично роменских, так и отличных от них сосудов с гладкой и залощенной поверхностью, светло-желтого или коричневатого цвета, с высоким суженным горлом, со слегка выпуклыми боками и несколько вытянутым ко дну туловом. Плечики одного крупного сосуда были украшены волнистым и линейным орнаментом, у самой шейки расположен треугольник из шести треугольных ямок. На других сосудах имеются пролощенные полосы, иногда образующие клетки или ромбы (рис. 5, 4).

Подобная посуда имеет большое сходство с посудой салтово-маяцкой культуры и указывает на культурные связи местных племен с тюркскими племенами Хазарского государства. На это указывает также фрагмент

белой фарфоровой тарелки восточного происхождения, найденной вместе с описанной керамикой.

Первое исследование Посудичского селища показало, что мы здесь имеем дело с весьма интересным и хорошо сохранившимся памятником роменской культуры.

10. Селище у дер. Яковлевици. На нижней окраине дер. Яковлевици расположено два селища, которые занимают возвышенные участки поймы, расположенные вдоль правого берега р. Судости. Площадь нижнего селища, отстоящая на расстоянии 500—600 м от верхнего, распаивается; здесь на поверхности встречаются обломки толстостенных лепных сосудов. Аналогичная посуда найдена и в размыве правобережного склона, где идет интенсивное разрушение культурного слоя. Собранные здесь обломки от сосудов роменского типа темно-коричневого цвета. Толщина стенок — 8—12 мм. Тесто содержит примесь крупных зерен шамота. На одном из днищ хорошо прослеживаются отпечатки половы. Имеется несколько фрагментов от толстостенного сосуда, изготовленного гончарным способом, несмотря на то, что по составу глиняного теста он ничем не отличается от грубых лепных сосудов.

На основании собранной керамики это селище может быть датировано VIII—IX вв.

Верхнее селище, расположенное на таком же пойменном всхолмлении, в большей своей части уже смыто рекой. Площадь его никогда не распаивалась, и все находки сделаны в обнажении правого берега реки, где четко прослеживается культурный слой темно-серого цвета, мощностью 0,3—0,4 м. В нижней части обнажения замечен разрез блюдообразной ямы, длина которой составляла 4,3 м, при наибольшей глубине 0,8 м. В темно-сером заполнении ямы на разных глубинах собрано несколько десятков фрагментов лепной посуды; за исключением нескольких, это обломки от тонкостенных (толщиной 5—6 мм) горшков юхновского типа (рис. 2, 1, 4, 8, 9, 10), темно-серого, иногда коричневатого цвета, со слегка выпуклыми боками и невысоким отогнутым наружу венчиком, обрез которого покрыт вдавлениями, нанесенными палочкой или кончиком пальца. Глиняное тесто содержит примесь гранитных зерен.

Здесь же, в нижней части ямы, вместе с керамикой обнаружены обломки грузил цилиндрической формы. На одном из них — ямочные вдавления. Подобные грузила характерны для памятников юхновской культуры. В заполнении этой же ямы найдена часть сосулика на высоком поддоне (рис. 2, 8), светло-кирпичного цвета, с хорошо обработанной гладкой поверхностью. В состав глиняного теста входил мелкий песок. Диаметр поддона — 5,2 см, высота — 2,2 см. Толщина стенок — 8 мм. Аналогичные сосулики также широко известны на юхновских городищах. Судя по находкам, яма являлась остатками юхновского жилища с углубленным полом.

Непосредственно в культурном слое находок юхновского времени нами не обнаружено. В нем встречались остатки керамики роменского типа и гончарной посуды средневекового времени.

В верхней части этого же обнажения замечено несколько хозяйственных ям с гончарной посудой XI—XIII вв.

11. Селище у с. Суворово находится на северной окраине села, на низменном участке правобережной террасы и занимает значительный участок между дорогой на с. Курово и берегом р. Судости.

Судя по распространению находок на распаханной поверхности памятника, селище занимает площадь около 1,5 га. В обнажении берега на фоне лёссовидных отложений хорошо выступает культурный слой темно-серого цвета, мощностью в 0,2—0,4 м. В центральной части обнажения прослеживаются следы нескольких жилых и хозяйственных ям. Из заполнения одной жилой ямы извлечено несколько крупных фрагментов толстостенной лепной посуды темно-кирпичного цвета. Сосуды имели баночную форму

со слегка отогнутым венчиком и округлым обрезом; глиняное тесто содержит примесь крупных зерен шамота, толщина стенок — 10—12 мм. По своей профилировке сосуды близки к древнемордовским сосудам второй половины I тысячелетия н. э. Подобная посуда изредка встречается на роменских памятниках бассейна р. Десны.

12. Селище у с. Левенки находится при слиянии р. Бабинец с р. Ваблей, близ г. Стародуба. Вся территория селища вдоль левого берега р. Вабли распахивается, и на ней удалось установить площадь распространения культурных остатков на протяжении 1,5 га. В обнажении реки на фоне лёссовых отложений достаточно ясно выступает культурный слой темно-серого цвета, мощностью 0,3—0,5 м, со следами жилых и хозяйственных ям.

Как на распаханной поверхности, так и в обнажении культурного слоя собран интересный керамический материал, несколько фрагментов шлаковидной массы, железный нож (рис. 7, 10) и обломок точильного камня с желобком.

По способу изготовления и формам собранная керамика может быть разделена на две группы. К первой группе относится толстостенная лепная посуда желто-коричневого цвета, с примесью гранитных зерен и шамота. Толщина стенок — 8—14 мм. Судя по формам и фактуре черепка, посуда этой группы может быть отнесена к роменскому времени.

Другая группа, более многочисленная, представлена гончарной посудой средневекового времени (рис. 7, 5, 6). Сосуды богато орнаментированы линейным и волнистым рисунком и находят ближайшие аналогии среди гончарной посуды Брянского селища в уроч. «Чашин курган».

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список селищ бассейна р. Судости

1. Селище в с. Городище. Киевское и роменское время
2. Марковское селище. Зарубинецкая культура
3. Селище в дер. Елисеевичи. Киевское и роменское время
4. Селище в с. Воробейне. Киевское время
5. Синьковское селище. Зарубинецкая, юхновская и киевская культуры
6. Селище между дер. Дмитрово и с. Синьково. Зарубинецкая культура
7. Дмитровское селище. Киевское и роменское время
8. Селище у Краснослободского городища. Киевское время
9. Селище у с. Сетолово. Киевская и роменская культура
10. Почепское селище в уроч. «Валы». Зарубинецкая культура
11. Почепское селище в уроч. «Стан». Зарубинецкая культура
12. Почепское селище в уроч. «Рытые горы». Роменское время
13. Селище у Запольского городища. Киевское время
14. Селище в устье р. Косты. Зарубинецкая культура
15. Роговское селище в уроч. «Поповка». Киевское и роменское время
16. Бакланское селище. Киевское время
17. Юдиновское селище. Киевское и роменское время
18. Голяшовское селище. Юхновская и зарубинецкая культуры
19. Селище у с. Левенки. Киевское и роменское время
20. Селище у с. Посудичи. Юхновская, роменская и киевская культуры
21. Нижнее селище у дер. Яковлевичи. Роменское время
22. Верхнее селище у дер. Яковлевичи. Юхновская и киевская культуры
23. Суворовское селище. Роменское время
24. Селище у пос. Джековичи. Киевское и роменское время
25. Селище в дер. Сапычи. Киевское и роменское время
26. Селище между дер. Сапычи и дер. Случевск. Киевское и роменское время

БУТАЕВСКИЙ КЛАД ЮВЕЛИРНЫХ ИЗДЕЛИЙ ВОЛЖСКИХ БОЛГАР

В 1957 г. в Гос. музей ТАССР поступил клад болгарских ювелирных украшений, найденный в Западном Закамье, близ с. Бутаево, Аксубаевского района, ТАССР, при корчевке трактором пней и кустарников во время расчистки площади под огороды. Среди корней одного куста на глубине до 0,5 м находился небольшой медный сосуд с ювелирными изделиями, состоящими из разнообразных серебряных украшений (общим весом в 730 г) и стеклянных бус.

Село Бутаево, близ которого обнаружен клад, стоит на водоразделе среднего течения рек Большого и Малого Черемшана. Здесь расположен один из крупных лесных массивов республики — Черемшанский, примыкающий на востоке к Зайско-Шемшинскому лесному массиву.

Западное Закамье в X—XIV вв. являлось центральной областью Волжской Болгарии, здесь были расположены крупные городские центры Болгар, Биляр, Сувар, многочисленные более мелкие города — крепости и значительное количество поселений сельского типа¹. Находившиеся вокруг Биляра, крупного экономического и политического центра Волжской Болгарии, феодальные замки образовывали как бы укрепленный рубеж, защищавший центральные районы Волжской Болгарии. В глубине водораздела, где был найден клад, остатки болгарских поселений неизвестны; в ту эпоху это была незаселенная лесная чаща. Местонахождение клада не может быть непосредственно связано с каким-либо близлежащим болгарским поселением, он был зарыт в лесу, на расстоянии 20—45 км от ближайших поселений волжских болгар.

Остановлюсь на характеристике вещей клада.

В и с о ч н ы е к о л ь ц а (8 экз.) обычного болгарского типа из довольно толстой (до 3 мм в сечении) проволоки, разомкнутые; на нижнюю половину кольца надеты три полые серебряные бусины в форме желудей (рис. 1). Они выполнены чеканкой из тонкого листового серебра; каждая состоит из двух вертикальных половинок; шов их соединения закрыт тремя поясками сканной проволоки. Для закрепления бусины на определенном месте дрот кольца между ними обвит сканной проволокой.

Кольца крупные, массивные. По размерам они распределяются на четыре пары диаметром: 1) 8,2 см (вес. 38,75 г и 38,72 г), 2) 6,8 см (вес 16,1 г и 17,1 г); 3) 5,5 см (вес 24,45 г и 25,50 г); 4) 4,5 см (вес 14 г и 14,25 г). Соответственно различны и размеры бусин, надетых на кольца — от 20 до 30 мм длиной, от 12 до 18 мм в диаметре.

Третья пара колец имеет три подвески в виде более миниатюрных бусин-желудей, прикрепленных на цепочках к центральной бусине кольца (рис. 2). Нижний конец подвески оформлен маленькой округлой выпук-

¹ С. М. Шпилевский. Древние города и другие болгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877, стр. 343—349.

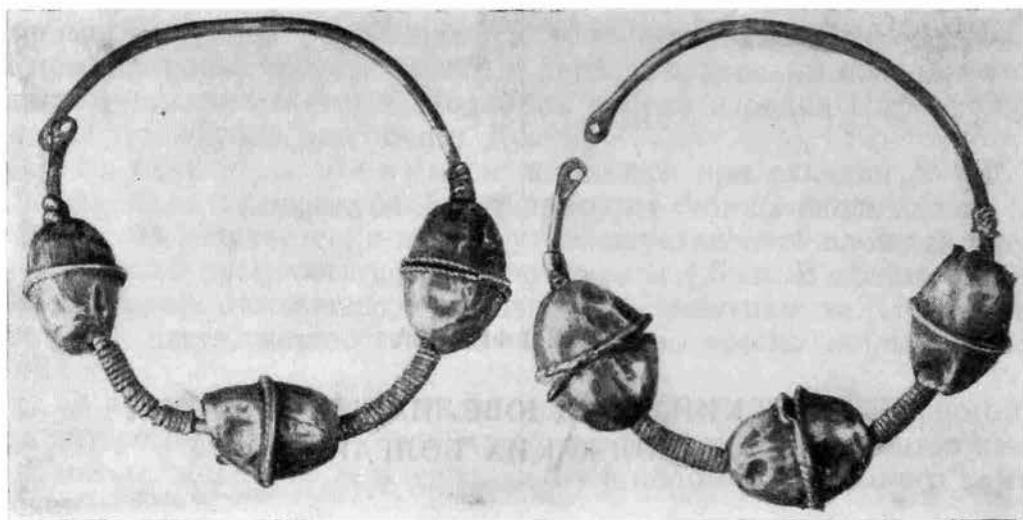

Рис. 1. Височные кольца

лостью, окруженной колечком сканной проволоки; верхний конец завершен колечком, также окаймленным сканной проволокой.

Находки подобных серебряных височных колец довольно многочисленны на городищах Болгарском, Билярском и, в меньшей мере, Суварском. Известны и золотые височные кольца тонкой художественной работы, богато отделанные зернью и сканью. Следует отметить кольца из кладов Болгарского городища 1869 и 1888 гг., хранящиеся в Гос. Эрмитаже. Имеются и более простые, скромные экземпляры из серебра и бронзы.

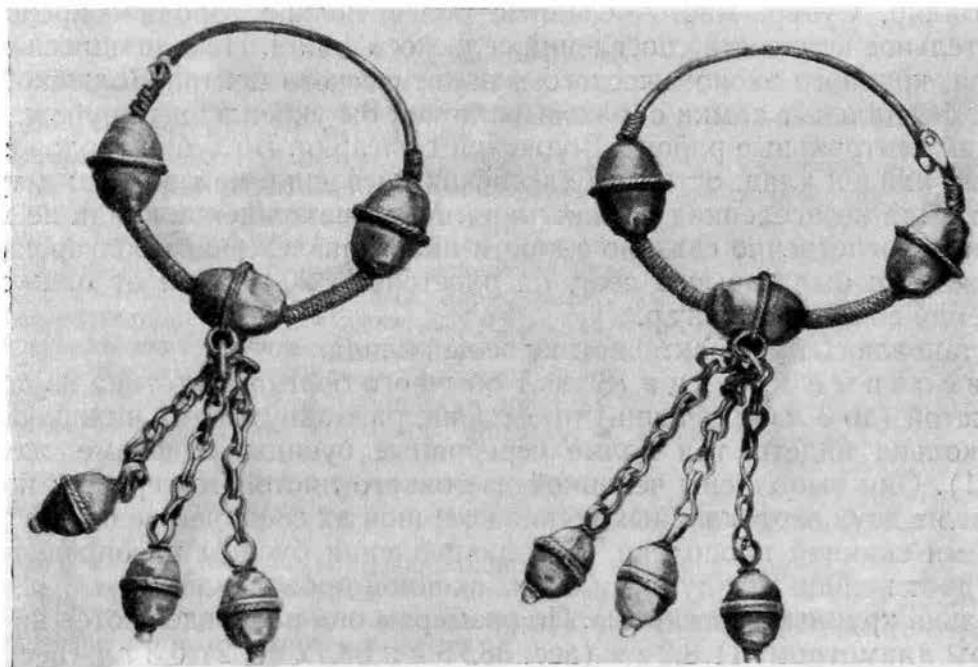

Рис. 2. Височные кольца

Чрезвычайно близки кольцам Бутаевского клада по размерам, массивности и оформлению три пары серебряных височных колец из Билярского городища².

Одновременно с трехбусинными височными кольцами в Волжской Болгарии были в употреблении близкие по форме однобусинные серьги, пред-

² Случайная находка. Коллекция ГИМ.

ставляющие собой менее развитую форму данного типа украшений. Это более миниатюрное проволочное кольцо, диаметром около 2—2,5 см, на которое надета лишь одна бусина в форме желудя, иногда отделанная зернью и сканью³.

Трехбусинные височные кольца в Восточной Европе датируются XI—XII — началом XIII в.; они неоднократно встречались в кладах домонгольского времени, найденных на территории Волжской Болгарии и древнерусских княжеств, но отсутствуют в более поздних слоях и комплексах⁴. Крупные размеры, массивность и известная примитивность оформления колец клада позволяют рассматривать их как ранние экземпляры данного типа украшений.

Височные кольца клада позволяют реконструировать головной убор болгарских женщин XI—XII вв., на котором кольца укреплялись по бокам головной повязки, по четыре кольца с каждой стороны.

Шейные украшения представлены двумя одинаковыми экземплярами, каждый из них состоит из цепочки 41 см длиной, к которой прикреплены подвески в форме желудей, по 21—22 шт. на каждой (рис. 3). Отсутствие замочков, скреплявших цепочку, позволяет полагать, что концы украшения не сохранились. Наибольшее количество подвесок находится в центральной части украшения; здесь они расположены в смежных звеньях цепочки. На концах цепочки подвесок меньше; они размещены с интервалами через одно — три звена.

Цепочка свита из тонкой проволоки — 0,3—0,5 мм в сечении, состоит из фигурных звеньев в виде согнутой восьмерки. Звенья довольно крупные, 9—10 мм длиной; на них заметны следы спайки концов. Подобное плетенье цепочки применялось в болгарском металлообрабатывающем производстве, как ювелирном, так и кузнечном.

Подвески по оформлению аналогичны описанным выше подвескам височных колец, но более крупные — длиной до 30 мм, диаметром до 15 мм.

Среди болгарских ювелирных украшений подобные ожерелья известны. Совершенно аналогичное шейное украшение найдено на Билярском городище вместе с упомянутыми выше височными кольцами⁵. Части цепочки с подвесками-желудями имеются в болгарском клада 1869 г.

Трехбусинные височные кольца и шейные украшения с подвесками-желудями, распространенные в ювелирном искусстве Волжской Болгарии, не известны в составе ранних, доболгарских, украшений Среднего Поволжья; они появились в Среднем Поволжье позднее, очевидно, в связи с приходом болгарских племен, принесших новые культурные традиции.

Близкую форму височных колец мы встречаем в древнерусском ювелирном искусстве XI—XII вв. Это так называемые кольца киевского типа; но кольца Волжской Болгарии имели свои особенности.

Некоторые ранние аналогии как височным кольцам, так и шейным украшениям мы находим в произведениях ювелирного искусства из греческих городов-колоний Северного Причерноморья, в погребальном инвентаре скифских курганов и в алано-сарматских катакомбных могильниках. Ряд близких форм имеется среди многочисленных и разнообразных украшений из погребений в Серогозских курганах на Днепровщине. Венчик с подвесками-желудями, украшение в виде фигурки утки с колечком в клюве и подвеской-желудем на цепочке являются сюжетом, впоследствии отразившимся в болгарском ювелирном искусстве⁶.

³ Сergyа из Билярска, случайная находка. См. А. Ф. Лихачева. Драгоценный клад, найденный в Казанской губернии в 1882 г. Тр. VII АС, М., 1891, т. II, стр. 175, табл. IV, рис. 15.

⁴ А. П. Смирнов. Волжские болгары. Тр. ГИМ, вып. XIX, 1951, стр. 155—160; Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 111—112, 330—342; Г. Ф. Корзухина. Русские клады. М.—Л., 1954, стр. 105—150.

⁵ Случайная находка. Коллекции ГИМ.

⁶ Отчет о раскопках в Таврической губ. в 1898 г. А. А. Сплицына. Серогозские курганы. ИАК, вып. XIX, 1906, табл. XIII, XIV.

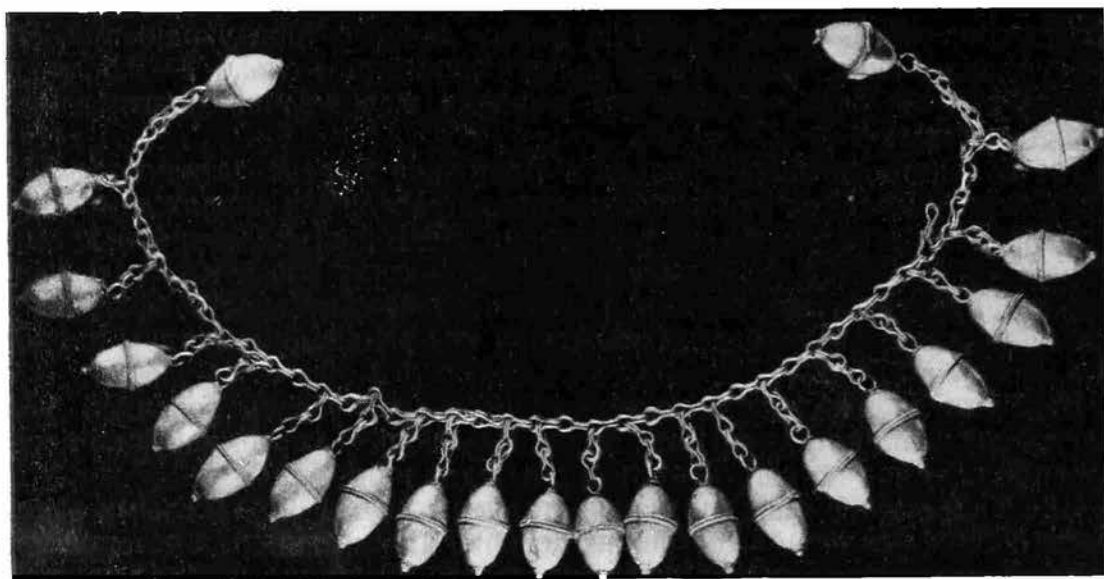

Рис. 3. Шейное украшение

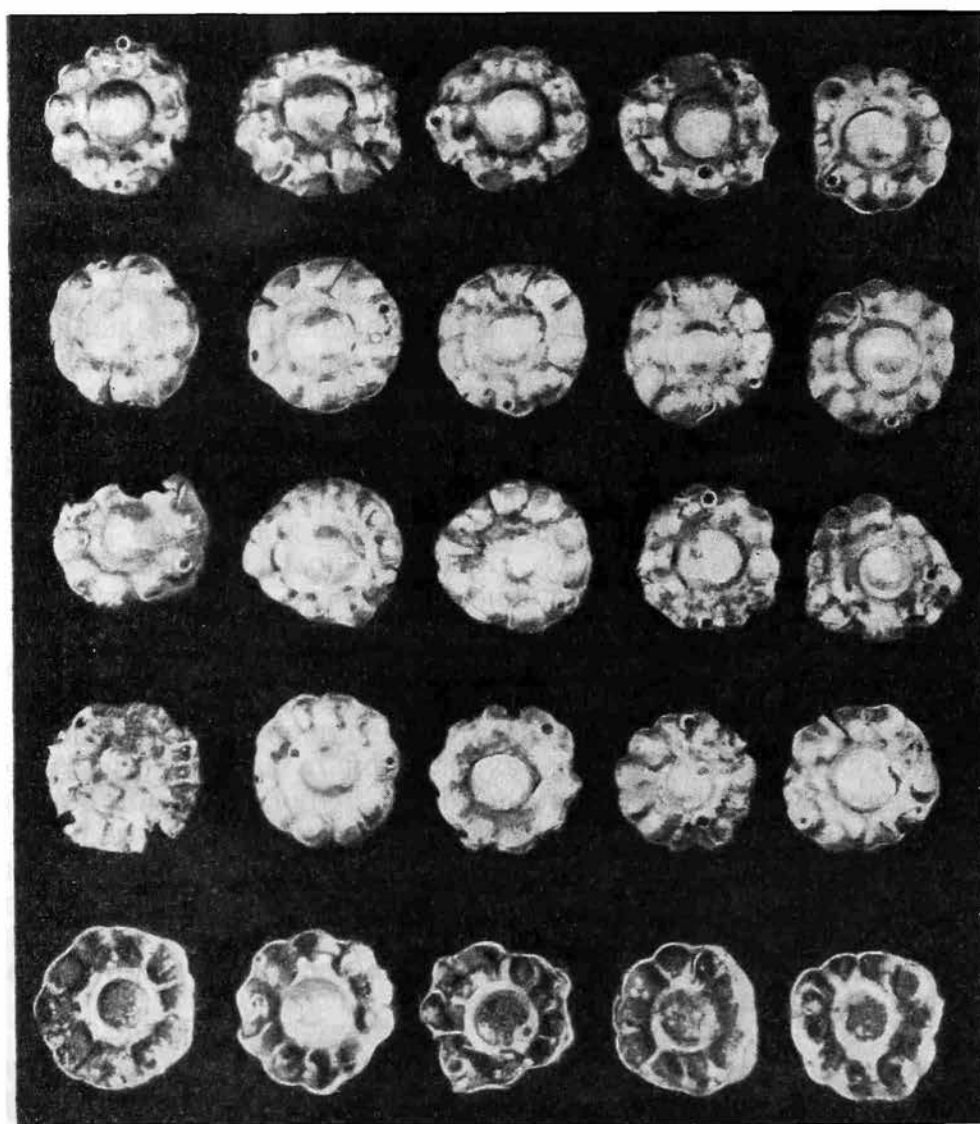

Рис. 4. Бляшки-розетки

Погребальный инвентарь Серогозских курганов связан с античным ювелирным искусством Северного Причерноморья. К этому же кругу украшений должны быть отнесены и найденные на Тамани ожерелья из бляшек и бус, к которым прикреплены подвески-желуди⁷. Мотив серьги круглой, проволочной, иногда с напускной бусиной, мы находим в ювелирных изделиях Херсонеса I—IV вв.⁸ Височные кольца из проволоки крупные, с напускными металлическими бусами известны в алано-сарматских могильниках середины I тысячелетия⁹.

Приведенные аналогии в известной мере освещают вопрос о культурных влияниях, под воздействием которых в болгарском ювелирном искусстве складывались некоторые формы украшений.

Б л я ш к и (23 экз.) из тонкого листового серебра представляют собой выпуклые розетки, в форме рельефных десятилепестковых цветов. По краям они имеют маленькие отверстия для прикрепления (рис. 4). Диаметр бляшек — 27—29 мм, вес — от 0,7 до 1,3 г; они выполнены тиснением на матрицах. Бляшки-розетки в виде цветка хорошо известны в болгарском ювелирном искусстве. Золотые бляшки из собрания Н. П. Лихачева (26 экз.) имеют форму шестилепестковых цветов, отличаются тонким художественным выполнением. Набор из 172 золотых бляшек-розеток был найден в 1957 г. при раскопках богатого дома на Болгарском городище¹⁰. Эти бляшки также имеют форму рельефных шестилепестковых цветов, очень миниатюрные, с отверстиями для прикрепления по краям.

Бляшки-розетки известны и в более ранних памятниках Среднего Поволжья. Нашивные бляшки-розетки найдены в могильниках абашевской культуры, где они использовались как украшения женского головного убора, нашитые на головную повязку¹¹.

С этим же сюжетом мы встречаемся в окских могильниках I тысячелетия, где бляшки-розетки украшают наконечники и входят в состав шумящих привесок. В Кузьминском могильнике в женском погребении найден венчик с бляшками-розетками, заставляющий нас вспомнить головной убор женщин абашевских племен¹².

Бляшка-розетка, чрезвычайно близкая по своей трактовке бляшке Бутаевского клада, известна в скифских древностях из Частых курганов под Воронежем¹³.

Таким образом, данный сюжет ювелирного болгарского искусства имеет глубокие местные корни. Зарождаясь в эпоху бронзы, он существует и в эпоху железа. Следует думать, что этот сюжет может быть связан с древним религиозным культом небесных светил — солнца, символом которого и являлась многолепестная розетка. Преломление в археологическом материале средневожских племен солнечного культа прослежено и раскрыто на материалах ананьинской культуры в работе А. В. Збруевой¹⁴. В болгарском же ювелирном искусстве пережиточно сохранился изобразительный мотив, утратив свое ритуальное значение.

⁷ Коллекции Государственного Исторического музея. См. М. И. Ростовцев. Эллинизация и иранство на юге России. Пг., 1918, стр. 99, табл. XX.

⁸ Н. В. Пятыева. Ювелирные изделия Херсонеса. Тр. ГИМ, вып. XVIII, 1956 стр. 45—46, 50—52, табл. XI.

⁹ Н. И. Репников. Некоторые могильники области крымских готов. ИАК, вып. XIX, стр. 1—80.

¹⁰ Коллекции ГМТР.

¹¹ А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, № 28, 1952, стр. 13, 53; П. Н. Третьяков. Памятники древнейшей истории чувашского Поволжья. Чебоксары, 1948, стр. 32—35, рис. 18, 19.

¹² А. Я. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы. МАР, № 25, СПб., 1901, вып. I, табл. XXIII, рис. 16.

¹³ С. Н. Замятин. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем. СА, 1946, VIII, стр. 16—19.

¹⁴ А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, № 30, 1952, стр. 131.

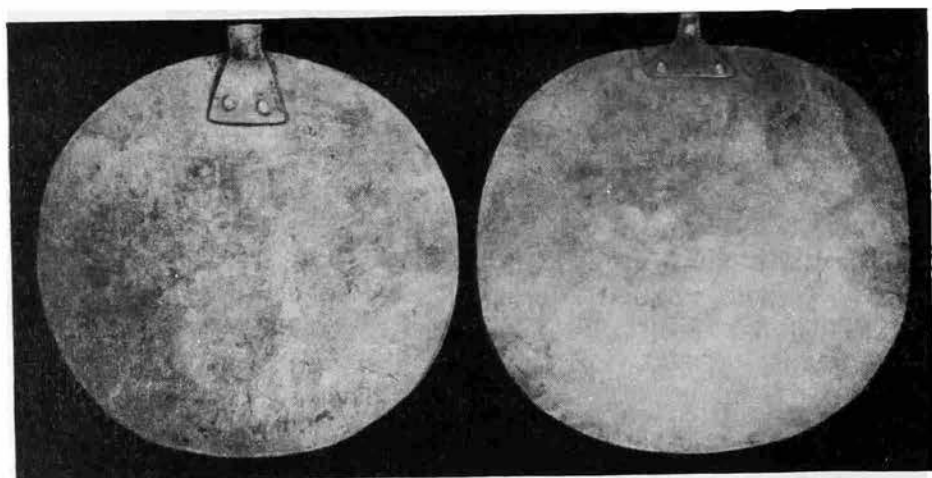

Рис. 5. Бляхи конской сбруи

Бляхи-подвески от конской сбруи. В составе клада имеется восемь больших круглых пластинчатых блях с ушками для прикрепления (рис. 5). Бляхи сделаны из низкопробного серебра толщиной до 0,5 мм, диаметром 12—13 см. Одна из блях орнаментирована точечными выпуклостями, образующими concentric circles, треугольники и розетки (рис. 6); орнамент выполнен чеканкой или тиснением.

Рис. 6. Бляха конской сбруи

Подобные бляхи известны в памятниках Волжской Болгарии. Несколько таких блях найдено вместе с другими болгарскими вещами близ сел. Новое-Альметьево на р. Марасе (ТАССР), где расположено городище с остатками валов и рвов¹⁵. По форме, размерам и орнаментации им близки бляхи из болгарских собраний Н. П. Лихачева¹⁶.

Аналогичные бляхи известны в памятниках второй половины I тысячелетия у племен, этнически и культурно связанных с волжскими болгарями.

¹⁵ Коллекция ГИМ.

¹⁶ Коллекция ГМТР.

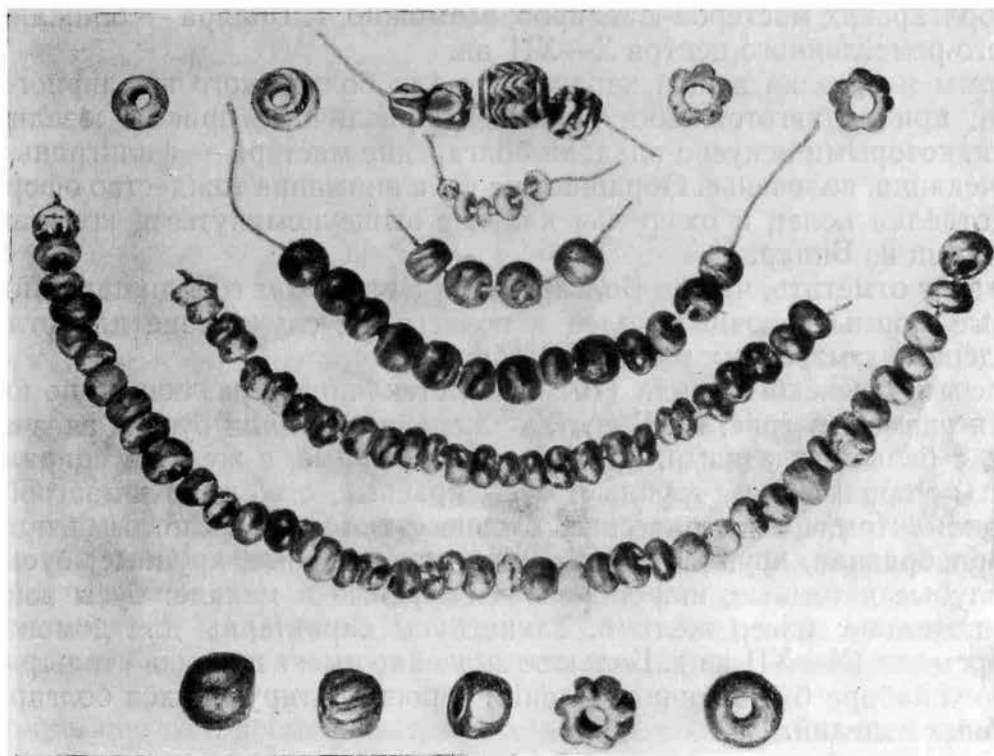

Рис. 7. Бусы

При раскопках Салтовского могильника открыто несколько конских захоронений с богатыми наборами сбруи — многочисленными пластинчатыми бляхами-подвесками, круглыми, листовидными, треугольными¹⁷. Богатые конские уборы подобного же типа найдены в катакомбных могильниках Северного Кавказа¹⁸.

Изображения богатой упряжи с бляхами-подвесками имеются и на древневосточных серебряных блюдах. Интересно изображение восточного всадника на блюде, найденном в Приобье¹⁹; сбруя его лошади украшена большими круглыми пластинчатыми бляхами, подвешенными на ремнях.

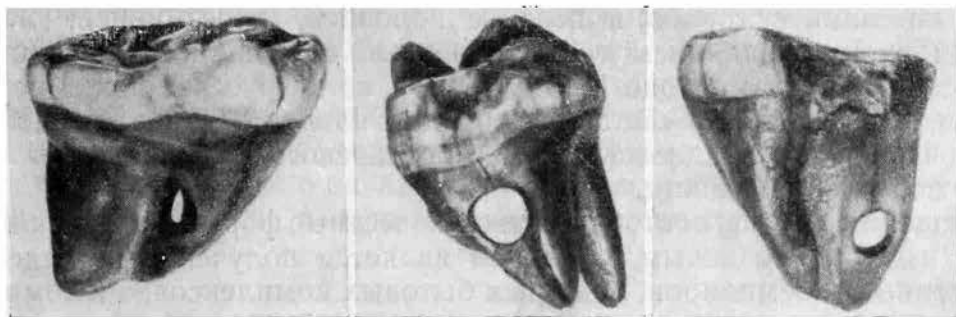

Рис. 8. Подвески из зубов медведя

Набор блях Бутаевского клада принадлежал богатому конскому убору болгарского всадника; он связан с более ранними алано-сарматскими традициями и отражает культурное влияние древнего Востока. Все украшения Бутаевского клада являются продукцией местного производства; это из-

¹⁷ Раскопки В. Бабенко. Коллекция ГИМ.

¹⁸ МАК, М., 1900, вып. VIII, табл. LXVI, 1, 2.

¹⁹ ОАК за 1898 г., стр. 81—82, рис. 153.

делия болгарских мастеров-ювелиров, возможно, г. Биляра — ближайшего крупного ремесленного центра X—XII вв.

Формы и отделка вещей характерны для болгарского ювелирного искусства; при их изготовлении применены различные приемы ювелирной техники, которыми искусно владела болгарские мастера — филигрань, тиснение, чеканка, волоченье. Обращает на себя внимание тождество оформления и отделки колец и ожерелья клада с вышеупомянутыми кольцами и ожерельями из Биляра ²⁰.

Следует отметить, что на Болгарском и Билярском городищах найдены литейные формы височных колец и подвесок ²¹, служившие для отливок более дешевых массовых изделий из бронзы.

Бусы Бутаевского клада (107 экз.), стеклянные, различные по цвету, форме и размерам (рис. 7). В состав ожерелий входили бусина глазчатая, черная, с белыми глазками, крупная; бусы черные, с желтым спирально-волнистым орнаментом, крупные; бусы красные, с желтым зигзагообразным орнаментом, цилиндрические; бусина с темными и светлыми полосами, шарообразная, крупная; бусы ребристые, голубые, крупные; бусы синие, голубые и темные, шарообразные, крупные и мелкие; бусы зонные, синие и желтые; бисер желтый. Такие бусы характерны для домонгольского времени (X—XII вв.). Большое значение имеет находка столь разнообразного набора бус в сопровождении хорошо датирующихся болгарских ювелирных изделий.

В числе вещей клада имеются также три подвески-амулета из медвежьих зубов с просверленными отверстиями для подвешивания (рис. 8). Зубы коренные принадлежали крупным медведям, чрезвычайно редко встречающимся в настоящее время ²². Культ медведя, широко распространенный у древних племен Прикамья, восходит к эпохе бронзы и раннего железа. Амулет в виде клыка медведя найден при раскопках ананьинского городища — Сорочьи горы в Лаишевском районе ТАССР ²³. Значение оберегов имели ручки глиняных сосудов из раскопок Болгарского и Билярского городищ, реалистически выполненные в виде фигур медведей ²⁴. Возникнув в эпоху родовых отношений, культ медведя пережиточно сохранялся в Волжской Болгарии, уживаясь с распространившимся исламом.

Исходя из приведенного анализа, формы украшений и типы бус позволяют нам датировать Бутаевский клад XI—XII веками.

Внешнеполитическая жизнь болгарского государства в X—XII вв. отличалась значительной напряженностью. Известны походы русских князей, набеги кочевников торков и позднее половцев, хорезмийцев; военные действия распространялись и на удаленные от границ районы страны. Летопись сообщает о походе 1183 г. (6691), когда русские полки перешли р. Черемшан и дошли до «Великого города Биляра». Ценности описанного клада, очевидно, принадлежали семье болгарского феодала, укрывшейся в лесу от военной опасности.

Украшения клада повторяют уже известные формы болгарских ювелирных изделий, но новым и ценным является получение не отдельных разрозненных экземпляров, но целых бытовых комплексов, знакомящих с богатым женским убором и набором украшений конской сбруи.

Анализ вещей клада выявляет традиции и связи, питавшие болгарское ювелирное искусство. Наряду с местными средневожскими мотивами, мы встречаем алано-сарматские элементы, отражающие влияние античного ювелирного искусства Северного Причерноморья.

²⁰ Коллекция ГИМ.

²¹ Коллекция ГМТР.

²² Определение старшего научного сотрудника Казанского филиала АН СССР В. А. Попова.

²³ Раскопки П. А. Пономарева 1880—1885 гг. См. Л. И. В а р а к с и н а. Костеносные городища Камско-Вятского края. ИОАИЭ, Казань, 1929, т. XXXIV, вып. 3—4, стр. 85, табл. 7.

²⁴ Коллекция ГМТР.

ВИЛЛАЙНЕ ЛАТГАЛОВ VII—XIII вв.

В фондах Исторического музея и краеведческих музеев Латвийской ССР, а также в Институте истории АН Латвийской ССР хранится довольно много остатков одежды, добытых в археологических раскопках могильников латгалов VII—XIII вв.¹ Из отдельных частей одежды лучше всего сохранились фрагменты женского наплечного платка — виллайне (рис. 1 и 2)².

По обычаю того времени латгалы хоронили своих умерших в праздничном одеянии, виллайне которого украшалась бронзовыми колечками. В повседневной жизни, как можно полагать, они пользовались более простой виллайне, без украшений — из одноцветной или клетчатой ткани, какие иногда находятся в могильниках вместе с украшенными и узорчатыми.

В рассматриваемый период латгалы дифференцировались уже на обособленные имущественные слои³. В богатых погребениях виллайне имеют больше бронзовых украшений.

Наиболее богато украшены бронзовыми колечками (и по этой причине лучше сохранились) виллайне XII в. Их размеры (80 × 120 см) легко установить, и они принимаются за основу при реконструкции других, хуже сохранившихся виллайне (рис. 2)⁴. Разнообразие вариантов украшений виллайне свидетельствует как о различных стадиях развития композиции, так и об индивидуальном вкусе и социально-экономическом положении мастерицы.

В досоветской латышской археологической литературе опубликованы наиболее роскошные виллайне, но нет систематических исследований о технике изготовления и способах их украшения. В настоящей статье дан краткий обзор способов изготовления и приемов украшения виллайне, установленных в результате анализа 177 фрагментов виллайне⁵.

Места находок исследованных нами виллайне показаны на карте (рис. 3), а представление о различных видах виллайне по основной ткани и материалу украшения в хронологическом порядке дает таблица 1⁶.

¹ Латгалы заселяли восточную часть нынешней Латвийской ССР.

² Передние углы виллайне скреплялись сактой (фибулой) так, чтобы не закрывались нашивные украшения. В таком же положении нередко находят виллайне и в погребениях.

³ Э. Шноре. Социальное расслоение в отражении погребальных инвентарей. МИА ЛатвССР, Рига, 1957, т. I, стр. 40—46.

⁴ V. Ģinters. Latviešu tautas tērpa aizvēsture. Сб. «Latviešu tautas tērpi», Rīga, 1936, стр. 36—50.

⁵ Проанализированы материалы Музея истории ЛатвССР (ниже — МИЛ) краеведческих музеев ЛатвССР, Института истории АН ЛатвССР (ниже — ИИЛ) и материалы из Одукалнс в Лудзе, хранящиеся в Гос. Историческом музее в Москве, в Гос. Эрмитаже в Ленинграде и в Институте истории АН ЛитовССР в Вильнюсе.

⁶ Датировка виллайне основывается на комплексах погребального инвентаря и типологии виллайне.

Рис. 1. Реконструкция одежды XII в.
из погр. № 4 Айнавского могильника
(Цесисский район) (МИЛ)

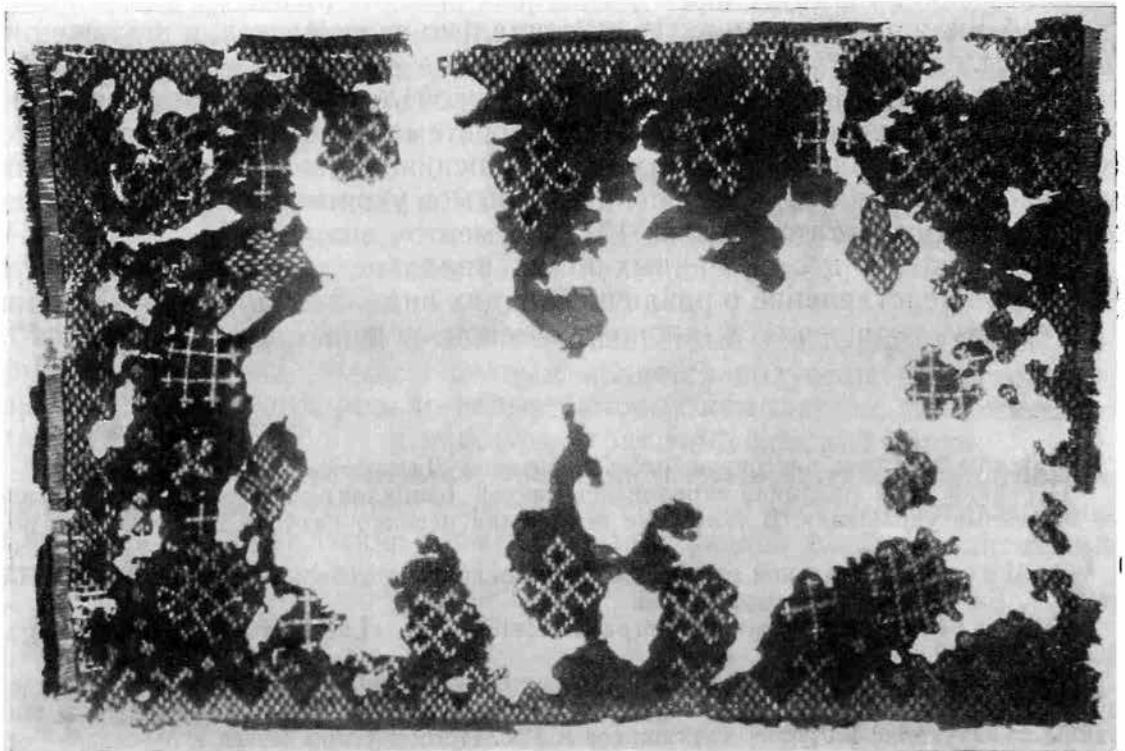

Рис. 2. Виллайне XII в. из погр. № 4 Айнавского могильника (Цесисский район) (МИЛ,
инв. № V—3344)

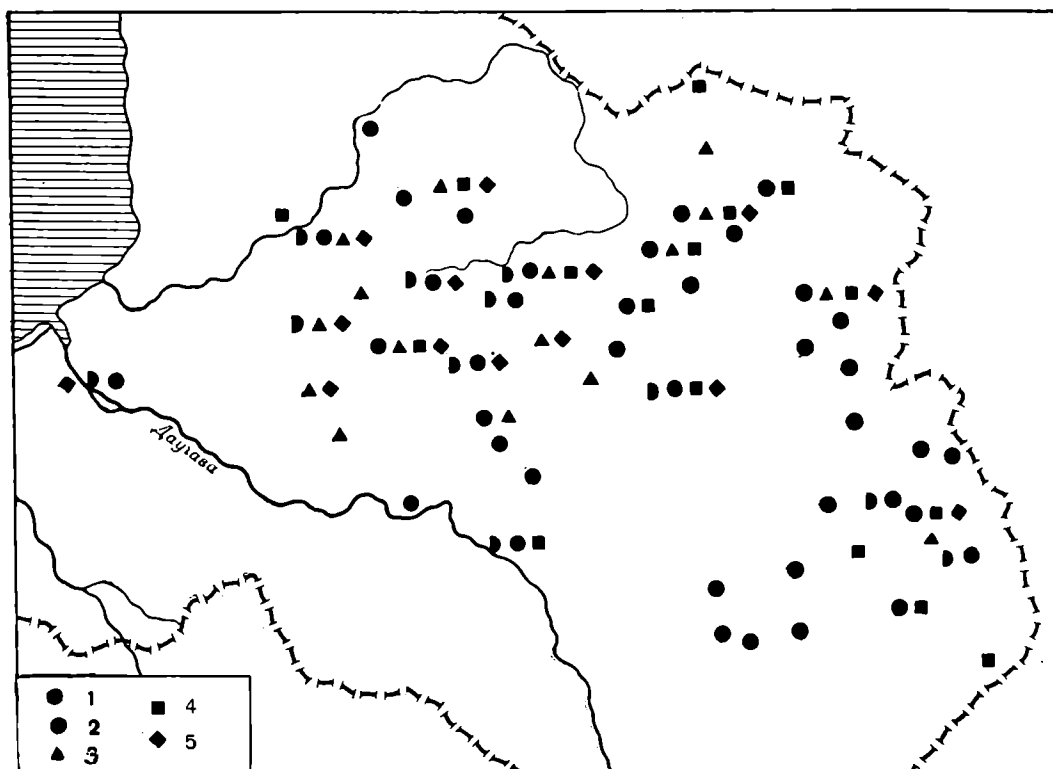

Рис. 3. Распространение видов виллайне

1 — неукрашенные виллайне; 2 — виллайне, украшенные бронзовыми колечками; 3 — виллайне, украшенные вышивками и бусами; 4 — виллайне из клетчатой ткани; 5 — виллайне из узорчатой ткани

Таблица 1

Виды виллайне в хронологическом порядке (по основной ткани и материалу украшения)

Виды виллайне	Техника тканья *	Число фрагментов по векам					
		VII—VIII	IX—X	XI—XII	XIII	XIV	XVII
I. Из шерстяной ткани:							
1) неукрашенные	2/2	1	1	7	4	—	1
2) украшенные:							
а) украшение бронзовыми колечками	2/2	10	22	60	11	—	—
б) украшение вышивкой и бусами	2/2	—	—	3**	15	3	1
II. Из шерсти и льна:							
1) из клетчатой ткани	1/2 и 2/1	—	—	12**	7	—	—
2) из узорчатой ткани	2/1 и 1/1	—	—	12**	6	1	1

* Техника тканья обозначается дробью, числитель которой показывает после скольких ниток утка в раппорте одна нить основы идет по верху, а знаменатель — скольким нитям утка одна нить основы идет снизу.

** Только XII в.

I. ВИЛЛАЙНЕ ИЗ ШЕРСТЯНОЙ ТКАНИ

За немногими исключениями⁷, соткана в четыре ремизки (2/2) из несученой, довольно грубой шерстяной пряжи, состоящей из одной нити⁸. У более ранних виллайне (VII—VIII вв.) при простом способе натягива-

⁷ Две виллайне XIII в. изготовлены в три ремизки (2/1).

⁸ Лишь у двух неукрашенных виллайне нити основы сучены, причем у одной из них сучены также и нити утка.

ния на вертикальный ткацкий станок вначале образуется косичка⁹, но у виллайне IX в. и последующих веков оставляются свободными концы нитей основы, длиной в 10—15 см, на которые по окончании тканья нанизываются бронзовые спирали. После этого концы основы были протканы через целайне (кайма) и образовали бахрому¹⁰. Равномерное расположение колечек и положение нитей утка показывают, что украшение бронзовыми колечками производилось во время самого процесса тканья.

Основная ткань в четыре ремизки встречается в виллайне с VII по XIII в. и в более поздних виллайне — XIV и XVII вв.; сохранилась она также в этнографических виллайне, украшенных вышивкой.

В нашем распоряжении нет еще систематических исследований о цвете ткани виллайне. При анализе отдельных виллайне¹¹ констатирован синий цвет (индиго). В земле ткань виллайне принимает неопределенный темный цвет, однако местами в складках обнаружен синий оттенок индиго. Способ окраски растением *Isatis tinctoria*, содержащим красящее вещество индиго, в XVIII—XIX вв. хорошо известен. Весьма возможно, что этот способ крашения был известен значительно раньше. У некоторых виллайне замечен темно-коричневый оттенок; возможно, что лишенные украшений виллайне были неокрашенными.

Концы всех шерстяных виллайне украшены притканными целайне, причем у многих виллайне между тканью и целайне на концах нитей основы нанизан ряд спиралей. Некоторые виллайне имеют целайне также вдоль длинных краев. Основное украшение виллайне размещено в самой ткани виллайне.

В зависимости от украшения ткани виллайне последние делятся на две группы: 1) неукрашенные и 2) украшенные (табл. 1)¹².

1. ВИЛЛАЙНЕ БЕЗ УКРАШЕНИЙ

Неукрашенных виллайне сохранилось мало, и то лишь в виде небольших фрагментов. Как исключение, совершенно лишенной украшений является виллайне из 2-го погребения Нукшинского могильника¹³. Концы остальных виллайне все же в некоторой мере украшены притканными целайне, а на некоторых, подобно украшенным виллайне, нанизан ряд спиралей. На концах и вдоль краев притканные целайне подобны тем целайне, которые характерны для виллайне, украшенных бронзовыми колечками того же периода.

Обобщенные в таблице этой группы виллайне относятся к периоду с VIII¹⁴ по XII—XIII вв.¹⁵ Большинство из них обнаружены в погребениях XII в., богатых бронзовыми украшениями, в которых, помимо неукрашенных, обнаружены также украшенные бронзовыми колечками виллайне¹⁶.

2. УКРАШЕННЫЕ ВИЛЛАЙНЕ

По материалу украшений виллайне делятся на две группы: А) украшенные бронзовыми колечками, Б) украшенные вышивкой и бусами.

⁹ Виллайне из погр. № 4 Кивтского могильника (Лудзенский район) и № 8 погр. Упмальского могильника (Цесисский район).

¹⁰ Такой же способ встречается также в этнографических виллайне Кулдингского района.

¹¹ Например, виллайне из Аннасмуйжа (Гулбенский район); МИЛ, инв. R L B, № 696; см. также J. Auškāps. *Balināšana un krāsošana latvju dainās, Latvju tautas dainas*, 3. sēj., Rīgā, 1929, стр. 32.

¹² В таблице не учтены те элементы украшения, которые не входят в самую ткань: нанизанные на концах нитей основы спирали, притканные или пришитые целайне.

¹³ МИА ЛатвССР, т. I, табл. XII, I.

¹⁴ Погр. № 131 Кивтского могильника (Лудзенский район); ИИЛ.

¹⁵ Погр. № 8 могильника Огленеки (Крустпилский район); ИИЛ.

¹⁶ Погр. № 9 Лаздиньского могильника (Цесисский район); МИЛ, инв. V, № 3323 и др.

А. Виллайне, украшенные бронзовыми колечками

Обычай латгалов — украшать ткань бронзовыми колечками — можно проследить, начиная с VII—VIII до XIII в. Колечки изготовлялись из бронзовых пластинок, длиною в 10—16 мм и шириною в 2—10 мм. Пластинки обернуты вокруг пяти — восьми нитей основы ткани и, скрепленные на левой стороне, образуют овальные колечки. Начиная от VII—VIII до XI вв.

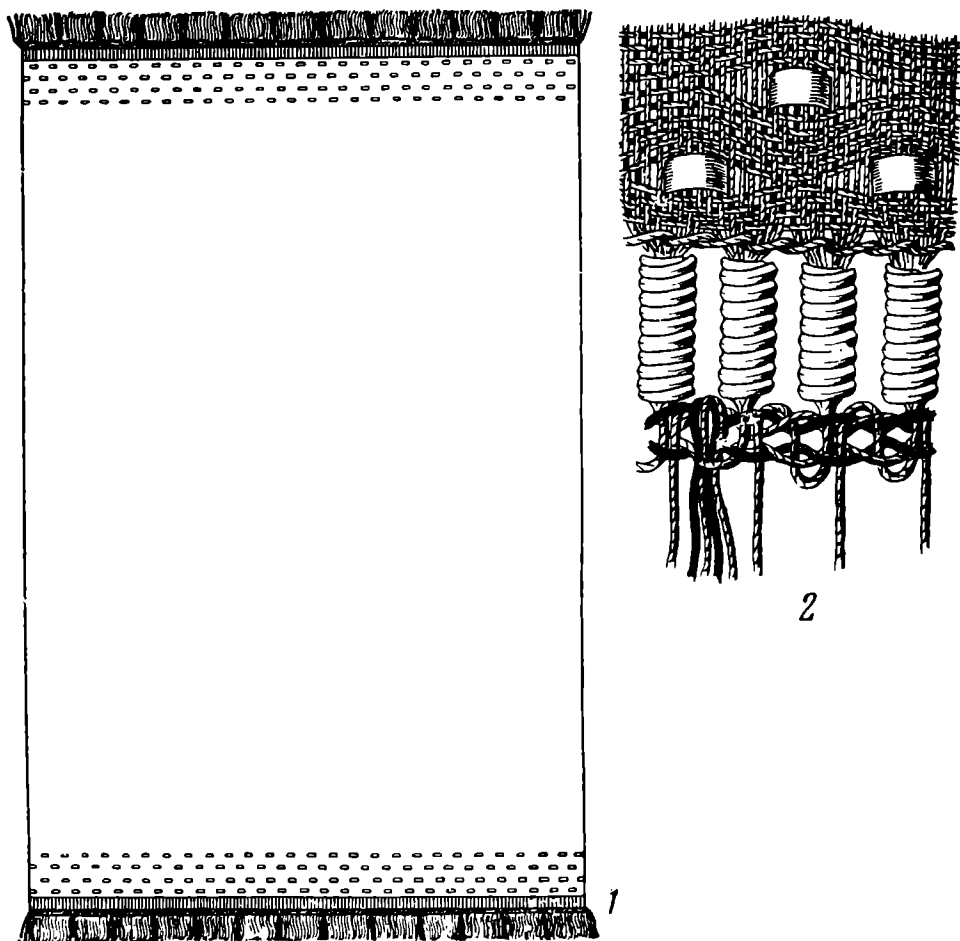

Рис. 4. Реконструкция виллайне VIII в. из погр. № 36 Киевского могильника (Лудзенский район) (ИИЛ)

для украшения виллайне употреблялись преимущественно широкие гладкие колечки, изготовленные из пластинок шириною в 5—10 мм. В XII в. широкие колечки встречаются лишь в немногих виллайне. В XII—XIII вв. характерны колечки, изготовленные из узких, шириной в 2—3 мм, в сечении треугольных пластинок.

Концы пластинок бронзовых колечек обычно заходят один за другой. Расположение ряда колечек определяется характером орнамента. Орнаменту виллайне VII—IX вв., а также некоторым виллайне XII в.¹⁷ свойствен разреженный ряд колечек, в котором после каждого колечка оставлено лишнее пасмо нитей основы, в него в свою очередь, после затканья нескольких ниток утка, вогнуты колечки следующего ряда (рис. 4). При изменении формы колечек менялся и прием украшения; у остальных виллайне XII—XIII вв., украшенных узкими колечками, орнамент плотный, и между колечками не оставлено лишнего пасма нитей основы.

¹⁷ Погр. № 4 Айнавского могильника (Цесисский район); МИЛ, инв. № V — 3344 и др.

Редко встречаются трапециевидные подвески, прикреплявшиеся к ткани при помощи бронзовых кружочков.

Бронзовые спирали для украшения виллаине изготовлялись из спирально свертнутой бронзовой пластинок (шириною в 2—2,5 мм) или проволоки. Длина спиралей — 15—25 мм, диаметр — 3—5 мм. Спирали укреплялись на концах виллаине нанизыванием их на специально для этого оставленные концы нитей основы. В VII—VIII вв. эти спирали для виллаине изготовлялись из пластинок треугольного сечения. В IX—XI вв. профиль пластинок спирали становится сегментовидным, а в XII и XIII вв. для спиралей употреблялась уже бронзовая проволока, диаметром в 1 мм. Украшенная колечками виллаине не всегда имела спирали. Способ украшения виллаине бронзовыми спиралями и колечками можно проследить начиная с VII—VIII вв. Применение спиралей встречается и позднее на виллаине XIII—XIV вв., украшенных вышивкой и бусами¹⁸.

В этот период украшение ткани бронзой наблюдается, хотя и в меньшей мере, у земгалов и куршей, так же как у литовских и финских племен. Несколько бронзовых колечек от украшения ткани найдено в погребениях земгалов X—XII вв.¹⁹ У куршей этого периода в остатках погребений с трупосожжением бронзовые колечки отсутствуют, но вместо них в XIII—XIV вв. встречаются украшения с продетыми в ткань бронзовыми кружочками²⁰. У соседей латгалов, ливов, в XII в. тоже встречаются виллаине, украшенные бронзовыми колечками и спиралями. Но колечки ливов отличаются тем, что они круглые и не продеты в ткань, а нанизаны на нить и пришиты к краю виллаине. У ливов ряд спиралей прикреплялся на концах колечек, изготовленных из бронзовой проволоки²¹. Наподобие латгальских, рядами спиралей на концах украшены также виллаине XII в. финских племен, но орнамент, созданный из мелких спиралей, прикрепленных к ткани при помощи колечек²², имеет местное своеобразие.

Среди литовских древностей IX—X вв. встречаются ткани, украшенные трапециевидными подвесками и нашитыми рядами спиралей. Колечки для этих тканей не характерны²³.

Хотя орнамент виллаине из бронзовых колечек отличается большим разнообразием и каждую виллаине можно считать новым вариантом, все же на основании сходных признаков композиции, виллаине можно разделить на несколько групп.

Таблица 2

Группы виллаине, украшенных бронзовыми колечками (по композиции)²⁴

Дата	Узор на концах	Узор, заполняющий края и концы				
		Узор на концах шире, по краям уже			Узор везде одинаков	
		середина без узора	середина частично с узором	середина заполнена узором	середина с узором	середина без узора
VII — VIII	9	—	—	1	1	—
IX — X	18	1	2	—	—	—
XI — XII	10	2	16	7	12*	11*
XIII	—	—	—	—	—	11

* Только XII в.

¹⁸ Могильник в саду Мадлиенской аптеки (Огрский район); МИЛ, инв. № 8883; 14.

¹⁹ Погр. № 18 в могильнике Подиши (Бауский район) и др.

²⁰ E. Snoge. Dundagas kājauti. Senatne un māksla, Rīgā, 1958, № 2, стр. 111—118.

²¹ Могильники в Сигулде, Кримулде и Турайде (Сигулдский район); МИЛ.

²² E. Kivikoski. Die Eisenzeit Finnlands, II. Porvoo — Helsinki, 1951, табл. 156.

²³ Литовское народное искусство. Вильнюс, 1958, рис. 536.

²⁴ На таблице представлено 100 фрагментов виллаине, по которым произведена реконструкция композиции.

Узор на концах виллайне

(табл. 2)

Колечки на концах виллайне размещены ритмичными рядами (рис. 4). Число рядов колечек на каждой отдельно взятой виллайне различно, колеблется также расстояние между колечками в ряду и число нитей утка между рядами. По виллайне VII—VIII вв. с узором из бронзовых колечек видно²⁵, что приемы работы еще слабы, несовершенны: колечки расположены в беспорядке, ряды нерегулярны и редки. В последующих веках наблюдается развитие техники украшения.

Элементарный прием украшения ритмичными рядами колечек на концах виллайне встречается в VII—VIII вв. (рис. 4) и наблюдается в виллайне IX—X вв.²⁶ В XI в.²⁷ этот прием встречается наряду с другими приемами, а в XII в.²⁸ встречается в редких случаях.

Узор, заполняющий края и концы

Узоры на концах широкие, вдоль краев узкие.

Украшение на концах виллайне дополняется украшениями, расположенными вдоль краев виллайне. Прямолинейный ряд узора на концах виллайне, граничащий с безузорной серединой, обычно образует треугольник, убывающий по направлению к середине виллайне. Треугольники, образованные тремя — шестью рядами колечек, опираются на несколько безузорных рядов и образуют в конце виллайне узорчатую полосу, шириной до 20 см. Вдоль краев расположена более узкая полоса, обычно состоящая только из небольших треугольников, составленных из колечек, расположенных в три-четыре ряда. Такой принцип украшения прослеживается с X—XI вв. и является общим признаком для всех виллайне 1-й группы. По степени украшенности срединного поля, виллайне делятся на три типа: а) с серединой без узора, б) с серединой частично узорчатой, в) с серединой, заполненной узором (см. табл. 2).

а. Середина без узора. Несколько виллайне X—XI вв. На срединном поле узоров нет. Узор на концах оканчивается или прямолинейным рядом²⁹, или имеет вид треугольников³⁰; вдоль краев имеются только один-два ряда колечек.

б. Середина частично с узором. В дополнение к украшениям концов и краев в срединном поле виллайне часто размещены небольшими группами колечки. Эти группы (обычно из четырех колечек в виде крестика) размещены рядами на концах виллайне, а иногда среди треугольников.

Число рядов крестиков различно, начиная с двух. У богато украшенных виллайне свободным от украшения остаются лишь 30 см² срединного поля³¹. Большое разнообразие наблюдается также в украшении краев. У более роскошных виллайне по краям вместо элементарных рядов колечек образованы небольшие треугольники, хорошо гармонирующие с узором на концах виллайне. Последние также нередко усложнены. Виллай-

²⁵ Погр. № 8 Упмальского могильника, Байжкалнс (Цесисский район); погр. № 4 Кивтского могильника (Лудзенский район) МИЛ.

²⁶ Погр. № 94 Нукшинского могильника (Лудзенский район); МИА ЛатвССР, т. I, табл. IX, 7.

²⁷ Погр. № 199 Нукшинского могильника (Лудзенский район); МИА ЛатвССР, т. I, табл. XII, 3 и др.

²⁸ Погр. № 124 Нукшинского могильника (Лудзенский район); МИЛ, инв. № CVVM — 65369 и др.

²⁹ Погр. № 145 Нукшинского могильника (Лудзенский район); МИА ЛатвССР, т. I, табл. XI, 2 и др.

³⁰ Погр. № 2 Айзкалнского могильника (Даугавпилсский район); МИЛ, PVN 33 523 и др.

³¹ Галгауска (Гулбенский район); МИЛ, RDM — 1, № 3 673.

не этого типа относятся к X—XII вв.³², но большинство — к XI в. (рис. 5).

в. *Середина заполнена узором.* У наиболее роскошных виллайне узором заполнено все поле. Ряды крестиков расположены в шахматном порядке, причем на 10 см² в среднем приходится девять крестиков. В углах некоторых виллайне между рядами крестиков помещены еще отдельные орнаменты больших размеров или группы орнаментов³³. Виллаине этого типа характерны для XI³⁴ и XII вв. (рис. 6).

Принцип украшения концов продолговатого четырехугольника более широкой узорчатой полосой, а краев — более узкой полосой, наряду с другими приемами, часто встречается в этнографическом материале³⁵.

Узор везде одинаков (табл. 2)

В процессе развития, как это можно наблюдать на многих виллайне XII в., узор на концах упрощается, становится более узким, одинаковым на всех краях. Подобно орнаменту предшествующей группы, он образуется из расположенных в три — шесть рядов треугольников. Исчезает узор, покрывающий виллайне предыдущей группы; на серединном поле появляются роскошные орнаменты. При исследовании виллайне этой группы в хронологическом развитии наблюдается, что в XIII в. орнамент концов и краев становится менее сложным. К этому времени серединное поле уже не украшается.

В зависимости от украшения серединного поля виллайне этой группы делятся на такие, у которых а) середина заполнена узором и б) середина без узора.

а. *Середина, заполненная узором* (рис. 1—2). Отдельные пышные узоры размещены в серединном поле виллайне по принципу центральной композиции³⁶. Поле виллайне пересекают несколько скрещивающихся в середине композиционных осей, концы которых снабжены более богатыми узорами. Остальные узоры группируются по отношению к осям симметрично. В некоторых виллайне можно усмотреть принцип трех композиционных осей: две из них пересекают поле по диагонали, третья — по вертикали. Вертикальная ось делит виллайне поперек и определяет симметрию на концах; края могут быть различные³⁷. По такой схеме построен орнамент роскошной виллайне из Стамериена Гулбенского района³⁸. Часто встречается принцип двух диагональных осей, при которых орнамент расположен только по углам³⁹. Роскошные виллайне этой группы характерны только для XII в. и по своей композиции являются высшим достижением в применении техники бронзовых украшений. Такой принцип композиции встречается еще в XVII в., например, на украшенной бусами виллайне из 3-го погребения Скубиньского могильника Огрского района⁴⁰.

Способ орнаментирования для концов и краев виллайне подобен способу предыдущих групп, украшенных широкими колечками; но в это время наблюдается изменение в форме колечек — они становятся более узкими и вместе с тем размещаются по орнаменту компактнее. Узкими колечками украшено большинство виллайне этой группы и все виллайне следующей группы.

³² Погр. № 171 Кивтского могильника (Лудзенский район); ИИЛ; см. также погр. № 3 в Раскуми (Цесисский район); ИИЛ.

³³ Могильник в Эзербричи (Цесисский район); МИЛ, V № 7807: 2 и др.

³⁴ Там же.

³⁵ Виллаине крустпилсского типа с вышитыми узорами, головные наматы и др.

³⁶ V. Ginters. Ук. соч., стр. 36—52.

³⁷ Это объясняется манерой носить виллайне; наблюдается это также в этнографических вышитых виллайне крустпилсского типа, у которых часто верхний край украшен узором, а нижний — без узора.

³⁸ V. Ginters. Ук. соч., рис. 26.

³⁹ Галкауска (Гулбенский район); МИЛ, инв. № RDM I — 3668 и др.

⁴⁰ МИЛ, инв. № PV — 26117.

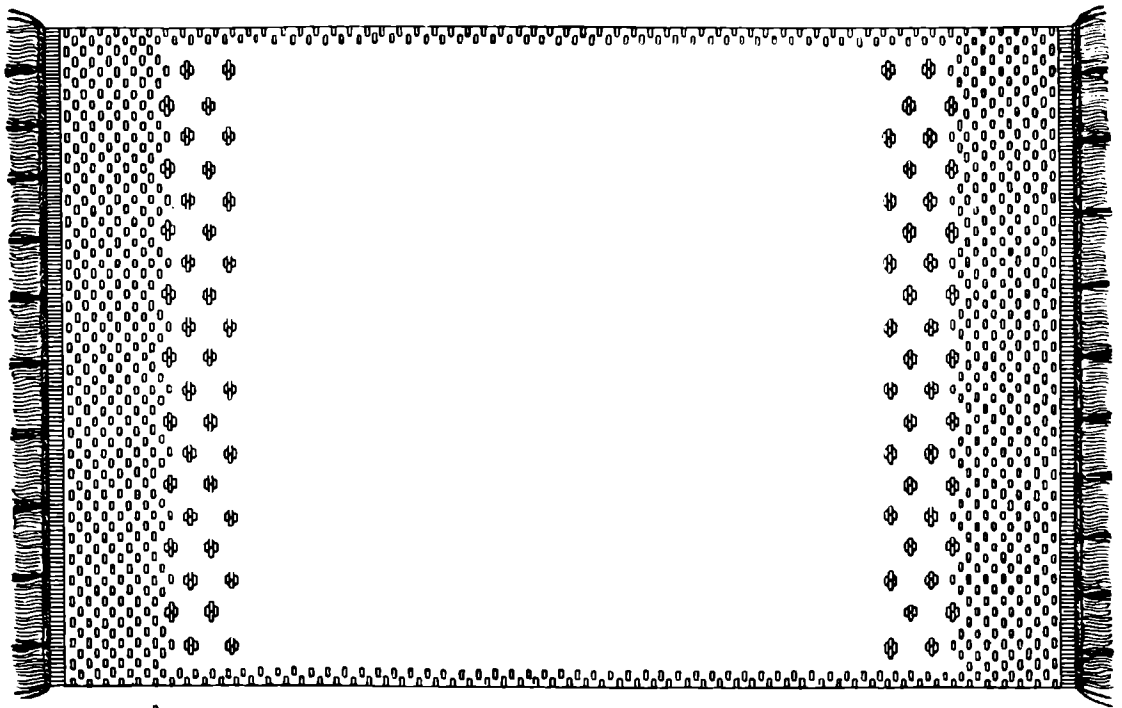
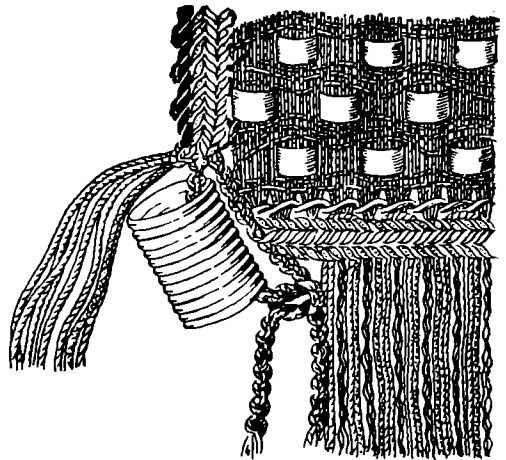
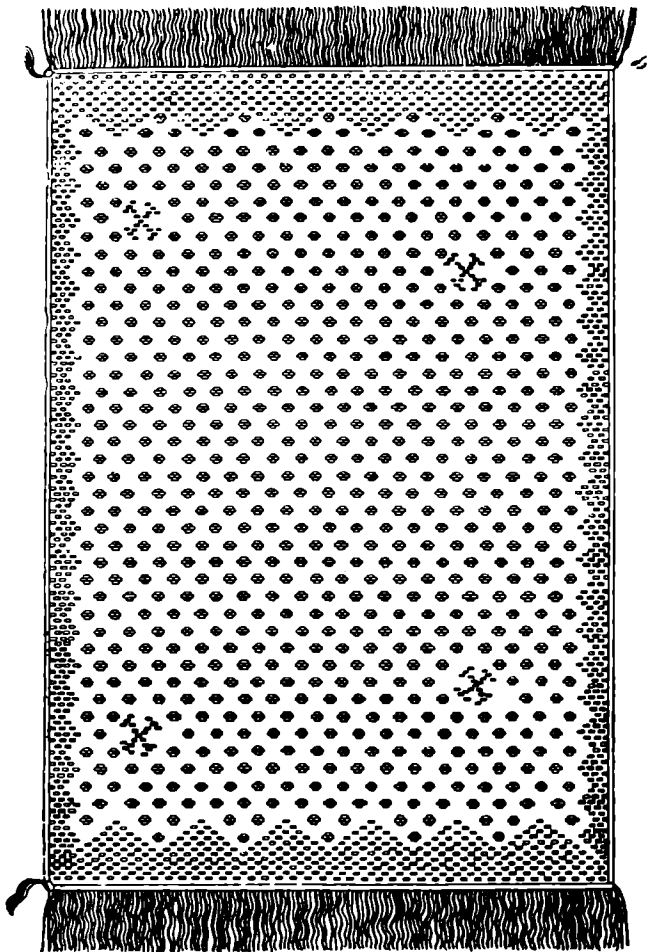

Рис. 5. Реконструкция виллайне XI в. из погр. 157 Кивтского могильника (Лудзенский район) (ИИЛ)

2

1

Рис. 6. Реконструкция виллайне XII в. из погр. № 9 в Лаздини (Цесисский район) (МИЛ, инв. № V—3520)

б. Середина без узора. В погребениях латгалов конца XII—XIII в. наблюдается уменьшение количества бронзовых украшений и оскудение орнамента, составленного из бронзовых колечек. Пышные узоры в середине виллайне исчезают, сохраняется лишь везде одинаковый, окружающий виллайне орнамент, состоящий из треугольников, располо-

Рис. 7. Реконструкция одежды XIII в.

1 — из погр. № 2, кург. 7; 2 — погр. № 2, кург. 1 могильника в дер. Даниловке (Абренский район) (ИИЛ)

женных рядами (рис. 7, 2). Треугольники образованы из трех-четырёх рядов колечек, иногда узор рядов усложняется⁴¹. Исчезновение богатой орнаментации бронзой в XIII в. объясняется общими политико-экономическими условиями в стране.

Б. Виллайне, украшенные вышивками и бусами (табл. 1)

В процессе дальнейшего развития способ изготовления основной ткани виллайне XII и XIII вв. не изменяется. Частично сохраняется традиция размещения украшения в виде узкой, всюду одинаковой по ширине, полосы орнамента. К этому времени украшения бронзовыми колечками начинают заменяться вышивкой и бусами.

Для вышивки использовалась красноватая и коричневая шерстяная сученая нитка, вышивание производилось преимущественно в технике «цепочкой» (тамбурный шов). Иногда эта полоска двухцветная⁴²: через каж-

⁴¹ Виллайне из Пакалниеши (Мадонский район); МИЛ, инв. № RDM I—3660 и др.

⁴² Рауна (Цесисский район); МИЛ, инв. № RDM I—3676—6 и др.

дые 2—4 см цвет нитки меняется. Узор таким способом не вышивался. Такой прием вышивки сохранился на некоторых латгальских этнографических виллайне; там тоже «цепочкой» исполнены лишь полосы, ограничивающие полосу узора. В некоторых виллайне «цепочка» заменяется полукрестом, причем в каждом стежке на правой стороне продета цветная нитка⁴³. Вышивка цепочкой встречается на некоторых виллайне с узором из бронзовых колечек⁴⁴.

На некоторых виллайне узкая полоска вышивки дополняется узором из нашитых бус. Для этого использованы желтый стеклянный бисер⁴⁵, диаметром в 2—3 мм, и оловянные бусы или пуговики, вдвое большие по размеру. Бусы нанизаны на нитку и плотным рядом пришиты около окаймляющей полоски, исполненной «цепочкой». Иногда размещение бус напоминает орнамент полосы треугольников из бронзовых колечек⁴⁶; однако на многих виллайне узорчатая полоса представляет собой три ряда бус — в среднем ряду оловянные, а по бокам ряды из желтого бисера (рис. 7, 1). Пышные узоры из бус на виллайне XIII в. пока не обнаружены; возможно, что они появились позже. Роскошный орнамент из бус, поразительно похожий на орнамент XII в., но относящийся к XVII в., имеется на виллайне из 3-го погребения Скубиньского могильника Огрского района.

Виллайне, украшенные вышивками и бусами, относятся к XII и XIII вв., но они встречаются в XIV и XVII вв. Убранство из бус на видземских и латгальских этнографических виллайне полностью вытеснила новейшая, в этих краях превосходно развивавшаяся разнообразная техника вышивки. Приемы украшения вышивкой и бусами, а также при помощи бронзы сохранились лишь в Кулдигском и Айзпутском районах, в Курземе.

Неизменной составной частью виллайне является целайне (кайма). Для виллайне VII—VIII вв. характерны одноцветные узкие целайне, притканные в две дощечки вокруг всей виллайне⁴⁷. Целайне укрепляет края виллайне, которая когда-то была неукрашенной, одинаковой для мужчин и женщин (в виде наплечного платка). Когда виллайне стали украшать, целайне потеряла свое практическое значение и была сохранена только на концах, которые она скрепляла, будучи притканной за рядом тяжелых бронзовых спиралей. Здесь целайне приобретает декоративное значение. Хотя ее и ткют в две дощечки, но уже двухцветную, прибавляя к ней цветную бахрому (рис. 4, 2). Подобные целайне изготовлялись вплоть до XI—XII вв. для виллайне с узором на концах шире, по краям уже, украшенных бронзовыми колечками. Одновременно с роскошным бронзовым узором, вероятно, появилась потребность в композиционном равновесии на полях виллайне, что и вызвало появление на концах некоторых виллайне XI в. группы «в» более широких целайне, заканчивающихся регулярно вотканной бахромой. Этим же объясняется появление разноцветных полосатых целайне. В XII и XIII вв. ткались уже узорчатые целайне. Обычно мотив узора целайне на концах виллайне более простой, сотканный в три — семь дощечек (рис. 8, 3), и одинаковый для всех виллайне, между тем как узоры по краям виллайне сотканы в 8—20 дощечек и поражают своей пышностью и большим разнообразием. Узор образует двухцветная⁴⁸ шерстяная пряжа основы, местами вводится третья цветная пряжа утка. Виллайне из Аннасмуйжа имеет на каждом краю

⁴³ Аннасмуйжа (Гулбенский район); МИЛ, инв. № RLB — 692 и др.

⁴⁴ Там же, инв. № 681 и др.

⁴⁵ Мелкий желтый бисер изготовлен из стеклянной массы, содержащей много свинца. Анализ произведен лабораторией Московского гос. университета под руководством Ю. Л. Шаповой.

⁴⁶ Галгауска (Гулбенский район); МИЛ, инв. № RDMI — 3664, 3672.

⁴⁷ Погр. № 4 Кивтского могильника (Лудзенский район); МИЛ, инв. № V — 9591: 24, 25 (виллайне). Погр. № 8 Упмального могильника (Цесисский район); МИЛ, инв. № V — 5317 (виллайне).

⁴⁸ Можно различить синий и красный цвета.

разные целайне: элемент композиции узора целайне верхнего края — квадрат, а нижнего — треугольник (рис. 8, 1, 2).

Несмотря на то, что в XIII в. исчезает обычай украшать виллайне бронзовыми колечками, узорчатые целайне имеются и на более поздних

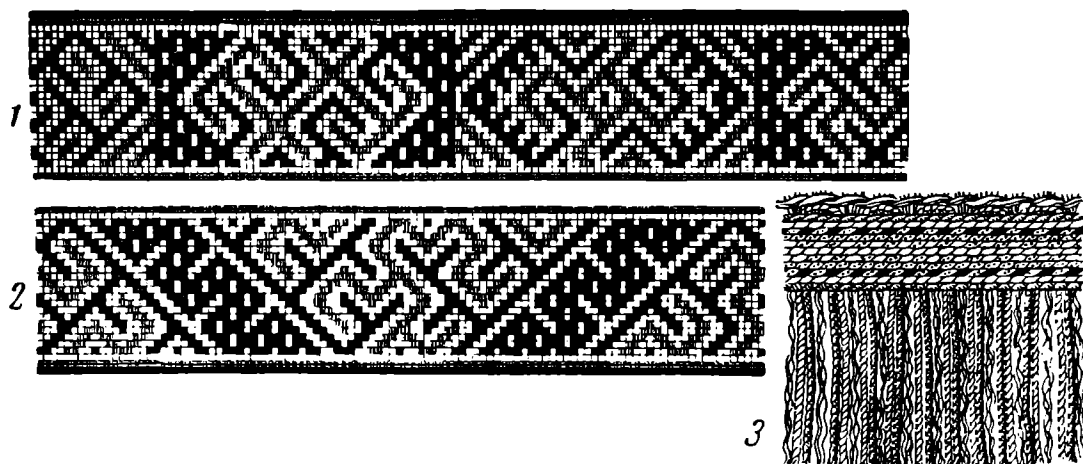

Рис. 8. Реконструкция целайне XII в. от виллайне из Аннасмуйжа (Гулбенский район) (МИЛ, инв. № RLB—696)

виллайне, украшенных вышивками и бусами и вытканых для виллайне из клетчатой и узорчатой ткани. Узорчатыми целайне украшены также этнографические виллайне из Латгале и Видземе, богато орнаментированные по схожим принципам композиции.

II. ВИЛЛАЙНЕ ИЗ ШЕРСТИ И ЛЬНА (Табл. 1)

1. ВИЛЛАЙНЕ ИЗ КЛЕТЧАТОЙ ТКАНИ

Часто встречаются фрагменты виллайне из клетчатой ткани, украшенные бронзовыми колечками (особенно виллайне группы 2 «б»). Клетки в шерстяной ткани образовывали льняные нитки, которые, истлев в земле, оставили в ткани пустое место или слабые следы. Можно предполагать, что для контраста шерстяная пряжа была окрашена в темный цвет, а льняные нитки оставались некрашенными (или, может быть, были белены). Подобная виллайне найдена в могильнике у дер. Даниловки, Абренского района. Она была подостлана под виллайне, убранной бронзовыми колечками. Обе виллайне были скреплены одной и той же сактой (фибулой) (рис. 7, 2).

Техника выработки клетчатой ткани виллайне — мелко ломаная в основе ткань в три ремизки. Узорчатая целайне на краях и цветная бахрома на концах виллайне дает возможность определить лицевую сторону ткани: у одних лицевой стороной является сторона основы (2/1)⁴⁹, у других — утка (1/2)⁵⁰.

Клетчатые виллайне XII⁵¹ и XIII⁵² вв. обнаружены вместе с украшенной шерстяной виллайне. В этот период подобного рода клетчатые ткани были найдены также на обширной территории, населенной славянами⁵³. Этнографические клетчатые виллайне для повседневного употребления

⁴⁹ Курган, 1, погр. 2 в Даниловке и др.

⁵⁰ Виллайне из Рауны (Цесисский район); МИЛ, инв. № RDMI — 3678 и др.

⁵¹ То же.

⁵² Виллайне из Вецмуйжниекс, Огрский район; МИЛ, инв. № FV — 7363 и др.

⁵³ М. Н. Левинсон-Нечаева. Ткачество. Очерки по истории деревни X—XIII вв. М., 1959, стр. 23—24.

известны по всей территории Латвии. Используется контраст шерсти и льна в клетках — в некоторых случаях наряду с темно-синей шерстью употреблялся беленый лен.

2. ВИЛЛАЙНЕ ИЗ УЗОРЧАТОЙ ТКАНИ

Среди остатков виллайне XII и XIII вв. имеются небольшие фрагменты, в которых хорошо сохранились лишь шерстяные нитки одного направления. От ниток другого направления — льняных — остались лишь слабые следы. Параллельно шерстяным встречаются также льняные нитки, которые с льняными нитями другого направления дают основную ткань, а шерстяные нити образуют регулярно повторяющиеся выпуклые узоры. Целайне, пришитые к ткани параллельно льняным нитям (основы) и при-
тканные к концам ткани⁵⁴, параллельно шерстяным нитям (утка), дают основание рассматривать эти фрагменты как часть виллайне⁵⁵.

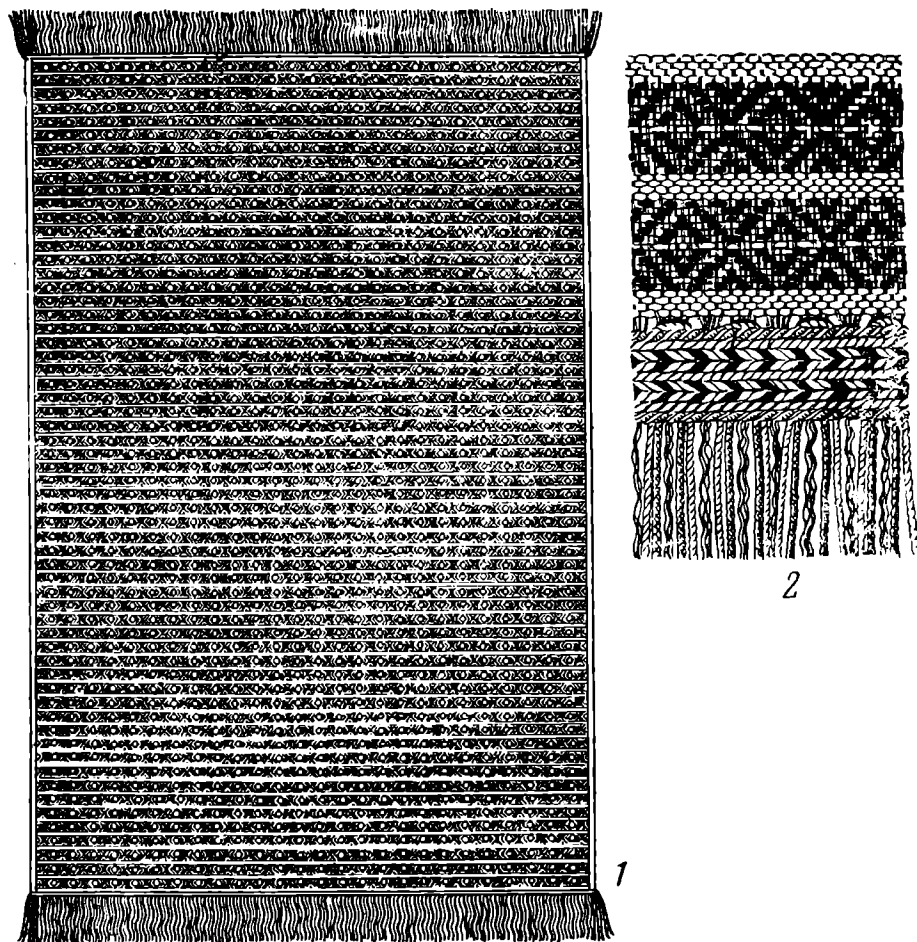

Рис. 9. Реконструкция виллайне XIII в. из погр. № 1 в Вецмужниекс (Огрский район) (МИЛ, инв. № V—2524)

Льняные нити основы и льняные нити утка дают полотно (1/1) или ткань в три ремизки (2/1). Узор можно выткать при помощи лучины или дощечки, выбирая из них соответствующие узору нити основы. Встречаются узоры, вытканые на двух — восьми лучинах и расположенные полосами, повторяющимися с интервалами. Орнаментальные полосы одну от другой отделяет узкая полоса основной ткани (1/1 или 2/1).

⁵⁴ Погр. № 4 Айнавского могильника (Цесисский район, Айнава-Некене); МИЛ, инв. № V — 9476: 30 и др.

⁵⁵ Нет основания считать, что это фрагменты узорчатого пояса, вытканного на ниту, у которого основа шерстяная, так как, во-первых, несученные шерстяные нити не пригодны для пояса, вытканного на ниту, а во-вторых, нет никакой надобности помещать целайне на концах и краях пояса, вытканного на ниту.

Мотивами узоров являются размещенные на краю квадратики или перекрещивающиеся зигзагообразные полосы. Узор, изготовленный в браной технике, мелкий: в одном раппорте узора две — четыре нити основы и одна-две шерстяные и одна-две льняные нити утка. Цвет нитей в шерстяном узоре меняется: одна синеватая, другая красноватая нитка. Довольно редко бывает, что более широкую синеватую полосу пересекает лишь одна красная (рис. 9).

Виллайне из узорчатой ткани встречаются в погребениях XII⁵⁶ и XIII вв.⁵⁷ (рис. 9) и в некоторых погребениях XIV⁵⁸ и XVII вв.⁵⁹, наряду с виллайне из шерстяной ткани, украшенными бронзовыми колечками и бусами. Наравне с описанными узорами, вытканными при помощи лучины, можно было вышивать узоры цветными нитками.

Подобный тип узора сохранился в этнографической одежде из окрестностей Абрене и в некоторых латгальских снатне⁶⁰. Подобный прием украшения заимствован и сохранился в Курземе — в Алсунгских белых узорчатых виллайне, на концах которых подобным же образом браной техники ткань или вышиванием созданы многоцветные мотивы.

Большое количество и разнообразие убранства — нашейных украшений, сакт (фибул), браслетов, колец и разных принадлежностей одежды, находимого вместе с пышно украшенными виллайне, дает основание заключить, что богаче украшенные виллайне характерны для погребений представителей высшей социальной прослойки. В погребениях, где отсутствуют бронзовые украшения или их мало, ткани не сохранились. Обычно в подобных погребениях нет и бронзовых колечек, которые бы свидетельствовали о наличии украшенной виллайне. Прямых доказательств того, что в подобных погребениях находились неукрашенные виллайне, нет, но можно предполагать их наличие, основываясь на том, что в рассматриваемый период было принято хоронить умерших в полном одеянии, неотъемлемой частью которого являлась и виллайне.

Рассматривая различные типы виллайне латгалов VII/VIII—XIII вв., мы видим, что виллайне из шерстяной ткани является принадлежностью праздничной одежды. Археологические и этнографические материалы свидетельствуют, что неукрашенные шерстяные виллайне, а также виллайне из шерсти и льна носили преимущественно в будни. В зависимости от социально-экономических условий в течение веков изменяется материал украшений виллайне, но традиции украшения и ношения виллайне сохраняются до новейшего времени.

Большое разнообразие видов украшения свидетельствует о том, что виллайне изготавливались индивидуально, кустарным способом: с другой стороны, стандартность выделки бронзовых колечек и спиралей говорит о том, что они являются изделием ремесленников.

Область распространения виллайне, украшенных бронзовыми колечками, в VII/VIII—XIII вв. ограничивается территорией, заселенной латгалами, но они не характерны для соседей латгалов. В этот период наблюдается непрерывное развитие техники украшения и композиции виллайне, наивысший уровень которого достигается в XII в. Дальнейшему развитию препятствовало вторжение немцев. Бронзовые украшения виллайне вырождаются и исчезают. В украшенных бусами виллайне XIII в., свидетельствующих о древней традиции приемов украшения, все же выявляются более элементарные формы.

⁵⁶ Кург. 1 Яунпиебалгского могильника (Цесисский район); ИИЛ.

⁵⁷ Погр. 1 в Вецмуйжниекс (Огрский район); МИЛ, инв. № LV — 2524 и др.

⁵⁸ Погр. № 10 в Берзмуйжа (Огрский район); МИЛ.

⁵⁹ Погр. № 3 в Скубини (Огрский район); МИЛ, инв. № PV — 26 117.

⁶⁰ Наплечный платок из льняной ткани. Ср. А. Dzērvītis. Latvju audumu tūkstošgadu vecas tradīcijas. Senatne un māksla, № 2, Rīga, 1938, стр. 174.

О КУЛЬТУРНОМ СЛОЕ НОВГОРОДА

За послевоенные годы, наряду с грандиозным строительством новых городов и поселков, в широких масштабах развернулись работы по восстановлению и реконструкции исторических городов нашей Родины, варварски разрушенных фашистскими захватчиками в Великую Отечественную войну. Особую заботу проявляют Коммунистическая партия и Советское правительство о строительстве одного из древнейших городов — Новгорода Великого. Небывалый для Новгорода размах строительства потребовал значительных геологических изысканий с целью определения несущей способности грунта. В течение четырнадцати послевоенных лет изыскательским сектором Новгородской областной проектной конторы были пробурены сотни скважин, в том числе на территории древнего Новгорода, остатки которого скрыты в земле.

Темпы и масштабы застройки города и связанные с этим геологические изыскания открывают перед археологами и градостроителями поистине небывалые возможности в изучении строения рельефа древнего Новгорода, интенсивности его заселения, структуры и характера образования культурного слоя. Теперь, пользуясь материалами буровых скважин, стало возможным вести раскопки не вслепую и избегать случайностей (которые нередко встречались до сих пор).

Автором статьи были зафиксированы данные около 300 буровых скважин, заложенных в границах городского вала, причем наибольшее количество скважин пришлось на прибрежные полосы, включающие особо важные участки древнего Новгорода (рис. 1 и 2). Имеющиеся материалы позволили, главным образом, определить рельеф территории, предшествующий заселению, а также мощность культурного слоя и др.

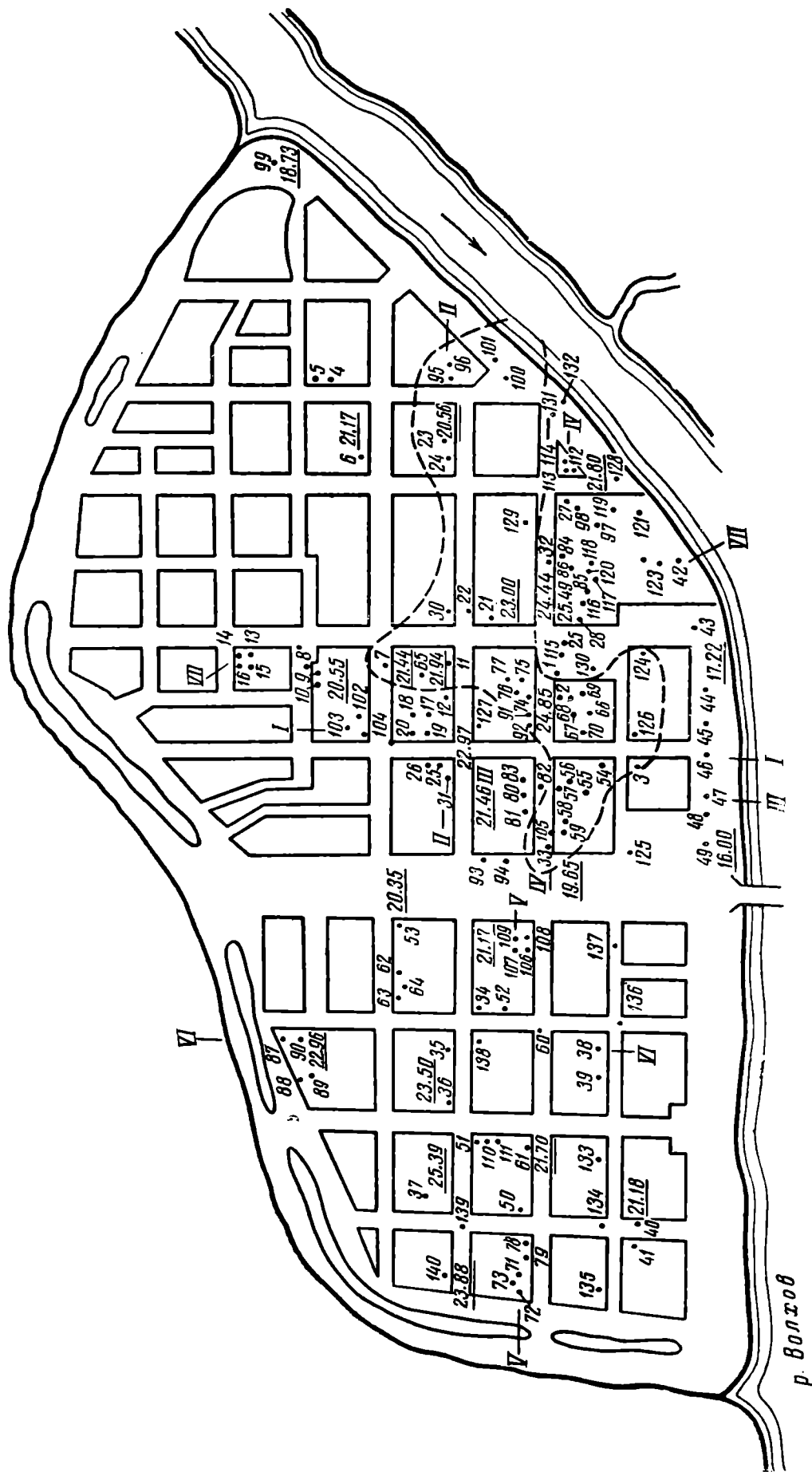
Прежде всего необходимо рассмотреть мощность культурного слоя и его распределение на территории древнего Новгорода. Как видно из описаний буровых скважин, на Софийской стороне, в районах, примыкающих к ныне существующему земляному валу, за исключением части Неревского конца и отдельных участков, очевидно, примыкающих к бывшим проездным воротам (они не сохранились), культурный слой отсутствует. Мощность его нарастает по мере приближения к реке, достигая до 7,5 м в районе Дмитриевской ул. (Неревский конец).

Несколько меньшую толщину имеет слой в Загородском конце, на территории которого он более 4 м не встречается.

Аналогичная картина и в Людином конце, за исключением небольшого района между улицами Лукинской, Труда, ближе к Пролетарской, где культурный слой достигает до 5,8 м. У вала он сходит на нет.

Разведанная площадь культурного слоя в Неревском конце, глубиной от 5 м и более, составила примерно 4,5 га, в Людином конце — почти в три раза меньше (1,4 га).

Разновременность возникновения обеих половин кремля подтверждается и мощностью культурного слоя. В северной части его глубина распределяется от 3,15 до 8,5 м у Владимирской башни (проездной в

р. Болтоб

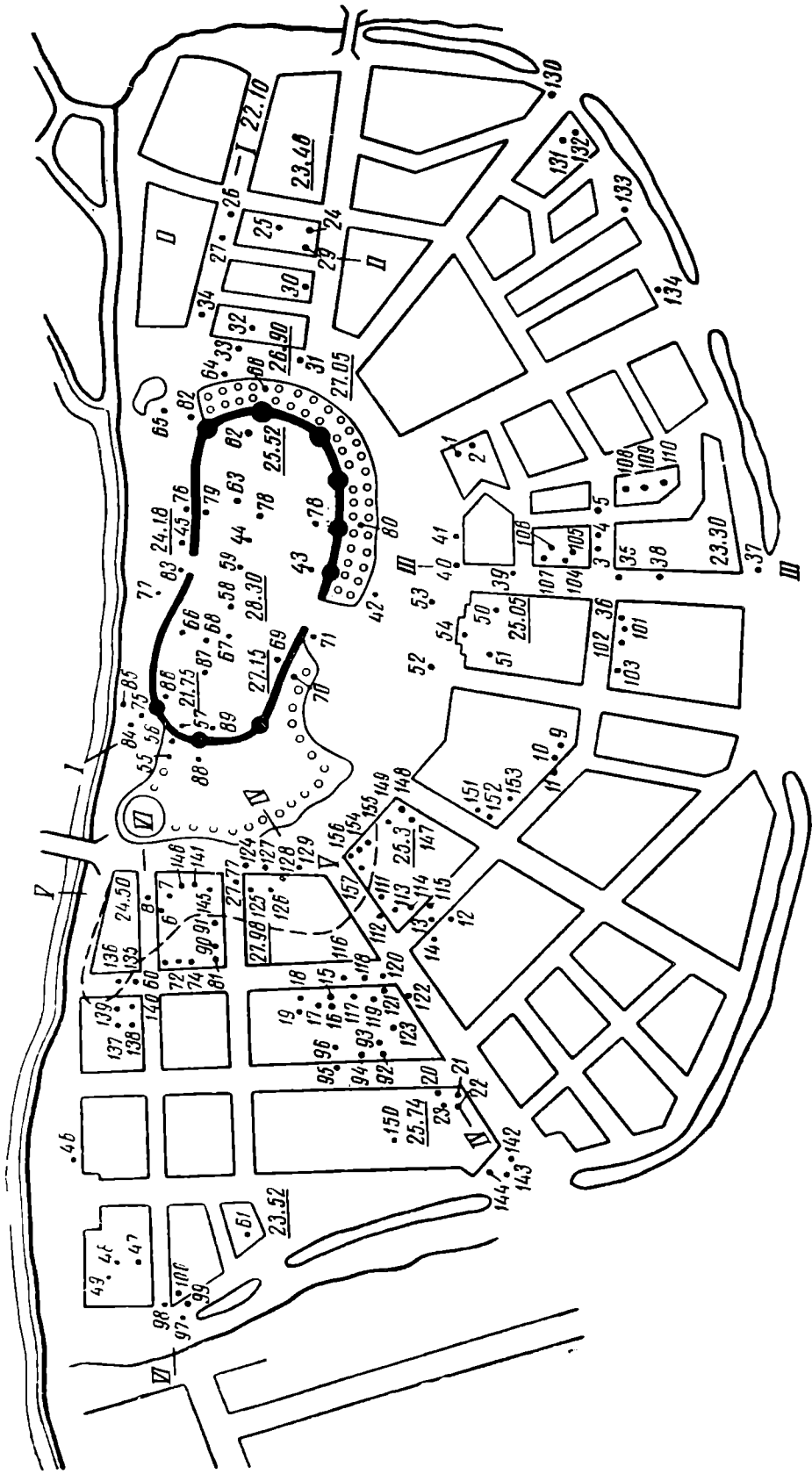

Рис 1. План Новгорода

а — Торговая сторона, б — Софийская сторона. Цифрами обозначены буровые скважины; пунктиром указаны границы распространения культурного слоя мощностью от 5 м и выше; подчеркнуты отметки материка

Неревский конец). На южной половине толщина слоя от 1,9 до 5 м.

Многих исследователей удивляло несколько странное расположение главного общественного сооружения в кремле — Софийского собора. Его смещенное положение по отношению к центру кремля вызывало недоумение. Теперь же, на основании определения рельефа материка в кремле, удалось установить, что в месте, где стоит Софийский собор, был некогда холм, являвшийся самой высокой точкой в городе, впоследствии сравнявшийся с прилегающей территорией благодаря наслоениям культурного слоя. Отметки холма над уровнем моря составляли 27,55—28,30 м, с понижением в северном направлении (у Владимирской башни) до 21,75 м, в южном (у Спасской башни) — до 25,52 м, в западном (у стены) — до 27,15 м, в восточном (у стены) — до 24,18 м.

Перейдем к рассмотрению Торговой стороны. В Плотницком конце, за Федоровским ручьем, наибольшая величина культурного слоя не превышает 4,35 м (по Московской улице, вблизи бывшего ручья), в прибрежной полосе он составляет 2,5—3,5 м и постепенно при приближении к валу исчезает совсем.

Более интенсивный культурный слой наблюдается в Славенском конце. Здесь на довольно обширной территории вскрыт слой свыше 5 м. Он простирается от Волхова, у выхода к нему современных улиц Кирова и Московской, и идет вдоль них до Федоровского ручья, приближаясь к реке. Площадь разведанного района составляет примерно 14,5 га, т. е. в три раза больше, чем в Неревском конце. Если в отношении Неревского конца можно твердо сказать, что пятиметровая зона при дальнейших изысканиях почти не увеличится, то здесь, несомненно, бурение в будущем намного увеличит район распространения культурного слоя от 5 м и выше. В сумму 14,5 га не входят районы Ярославова Дворища и Торга, где культурный слой менее 5 м, что, очевидно, вызвано специфическими условиями (как и в кремле) заселения (имеется в виду наличие многих общественных сооружений и площадей).

Во многих местах вскрыт слой от 7 до 8 м и больше на площади около 6 га. Он начинается на пересечении улиц Первомайской и Кирова и идет полосой в 150 м в северо-северо-западном направлении до пересечения улиц Большевиков и Александра Невского.

При приближении к земляному валу культурный слой не встречается. В районе церкви Спаса-Преображения он составляет всего 1—2 м, а у начала Ильинской улицы, в прибрежной полосе — 4,6 м, в районе церквей Ильи и Петра и Павла на Славне — 3 м. В то же время в ряде скважин после прохождения 8 м бурение было прекращено из-за встретившегося очень прочного деревянного настила.

Итак, не может быть и речи о более интенсивном заселении Неревского конца по сравнению со Славенским концом, судя по площади распространения более мощных напластований. Наоборот, можно сделать вывод, что Славенский конец возник никак не позднее Неревского и был заселен, очевидно, еще до X в. на значительной территории. Но, к сожалению, отсутствие раскопок в центральной части Славенского конца не позволяет дать исчерпывающий ответ на данный вопрос.

При бурении удалось установить рельеф материка в Славенском конце, залегающего под культурным слоем. Определилась его наивысшая точка, ядро территории. Оно расположено примерно в районе пересечения Московской улицы с улицами Первомайской и Большевиков. Здесь наивысшая точка материка составляет отметку над уровнем моря 23,00—24,85 м, а на Ярославовом Дворище и Торгу — 25,5—26,5 м. Встреченный здесь холм понижался к Волхову, в западном направлении до отметок 15,37—17,32 м, в восточном 20,00 м, к бывшему Федоровскому ручью — 19,65 м, в южном направлении 18,50 м. Только вблизи церквей Ильи и Петра и Павла на Славне имеется небольшой подъем с отметкой материка 22,50—23,00 м, что ниже основного ядра конца.

Основываясь на приведенных данных, а также отметках материка в Славенском конце, подкрепленных летописными сведениями, можно сделать следующий вывод: ядром Славенского конца и его холмом следует считать территорию, простирающуюся от Ярославова Дворища и Торга к Московской улице и далее к улицам Кирова и Большо-

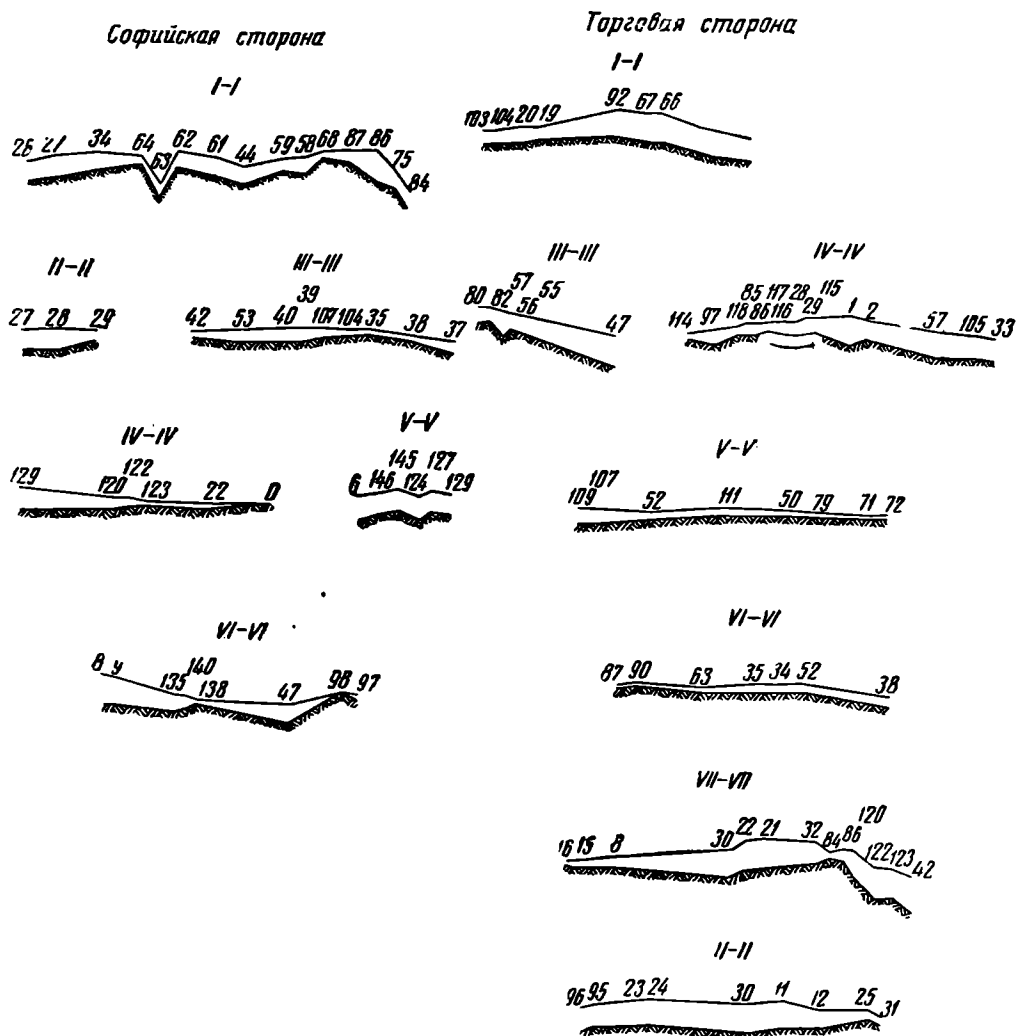

Рис. 2. Профили буровых скважин с указанием их номеров
Верхняя линия — современный уровень земли; нижняя — уровень материка

виков. Холмик, где стоят две церкви, соседствующий с действительно обширным холмом, никак не мог являться ядром Славно. О ровной и низменной местности не может быть и речи. Холмистый характер рельефа древнего Новгорода явно чувствуется.

Упоминание некоторых летописей о Славно как о довольно значительном районе, безусловно, правильно. Следовательно, Славенский конец и Холм — это одно и то же понятие, которое ни в коем случае не относится к району размещения церквей Ильи и Петра и Павла. Об этом говорят и летописные сообщения. Так, например: «В лето 613... и погореша хороми от ручия, мимо Славно, до святого Илие». Или другая запись от 1231 г.: «В лето 6739. Загореся от Матфеева двора от Вышковица и погоре весь конец Славньский... и до конца Холма, мимо святого Илию»¹.

При изучении Славенского конца удалось отчасти установить русло впоследствии засыпанного ручья, имевшего название Козий Брод или Козья Бородка. Он проходил у церкви Успенья на Торгу.

¹ Новгородская летопись по синодальному харатейному списку. СПб., 1888, стр. 119, 239.

Таблица буровых скважин в пределах древнего земляного вала в Новгороде

№ скв.	Отметка устья скв.	Отметка материка	Мощн. культ. слоев (в м)	Примечание	№ скв.	Отметка устья скв.	Отметка материка	Мощн. культ. слоев (в м)	Примечание	
I. Софийская сторона										
1	29,81	26,01	3,8		63	21,55	18,55	3,0		
2	30,01	26,01	4,0		64	29,00	27,00	2,0		
3	28,36	27,76	0,6		65	28,20	26,70	1,5		
4	28,22	27,92	0,3		66	29,10	25,50	3,6		
5	28,04	27,74	0,3		67	29,75	27,55	2,2		
6	31,48	24,38	7,1		68	30,30	28,30	2,0		
7	32,00	24,80	7,2		69	30,65	27,15	3,5		
8	32,00	24,50	7,5		70	22,24	20,34	1,9		
9	29,09	27,59	1,5		71	29,18	28,43	0,75		
10	29,64	27,74	1,9		72	29,56	26,76	2,8		
11	29,77	27,97	1,8		73	30,76	27,66	3,1		
12	28,67	26,67	2,0		74	29,42	27,42	2,0		
13	28,46	25,46	3,0		75	25,75	20,75	5,0		
14	28,68	27,18	1,5		76	23,30	22,00	1,3		
15	30,00	27,20	2,8		77	24,25	17,85	6,4		
16	29,58	25,88	2,7		78	28,82	24,52	4,3		
17	29,79	26,89	2,9		79	27,80	25,90	1,9		
18	30,06	26,86	3,2		80	22,25	20,95	1,3		
19	29,77	26,77	3,0		81	29,66	27,86	1,8		
20	—	—	1,2		82	21,25	18,25	3,0		
21	27,57	26,37	1,2		83	27,98	24,18	3,8		
22	28,02	26,42	1,6		84	20,00	15,10	4,9		
23	27,44	25,74	1,7		85	21,75	16,65	5,1		
24	28,40	25,60	2,8		86	30,25	21,75	8,5		
25	28,56	23,46	5,1		87	30,88	27,48	3,4		
26	27,25	22,10	5,15		88	30,50	28,40	2,1		
27	28,54	22,74	5,8		89	31,45	24,25	7,2		
28	28,81	23,01	5,8		90	30,18	27,98	2,2		
29	28,70	26,05	2,65		91	31,10	26,60	4,5		
30	28,63	25,58	3,05		92	27,60	26,90	0,7		
31	30,00	27,05	2,95		93	27,92	26,82	1,2		
32	30,40	27,50	2,90		94	27,56	27,06	1,5		
33	31,00	26,90	4,1		95	28,09	26,59	1,5		
34	29,81	24,81	5,0		96	28,04	26,24	1,8		
35	29,30	27,50	1,8		97	27,72	26,52	1,2		
36	27,83	26,03	1,8		98	28,14	—	0		
37	26,30	23,30	3,0		99	28,40	26,80	1,6		
38	27,52	26,02	1,5		100	29,31	27,51	1,8		
39	29,44	25,64	3,8		101	28,55	26,55	2,0		
40	29,29	25,59	3,7		102	27,52	26,32	1,2		
41	28,79	24,79	4,0		103	27,69	26,69	1,0		
42	28,30	26,60	1,7		104	29,38	27,38	2,0		
43	30,00	27,80	2,2		105	28,08	26,18	1,9		
44	26,57	21,87	4,7		106	29,21	27,21	2,0		
45	22,12	20,12	2,0		107	29,46	26,66	2,8		
46	—	—	3,8		108	25,67	25,07	0,6		
47	24,90	—	5,0	Материк не вскрыт	109	24,50	23,80	0,7		
48	22,58	—	4,0		110	24,67	—	0		
49	22,11	—	3,0		111	29,75	26,15	3,6		
50	28,40	25,05	3,35		112	29,25	23,75	5,5		
51	29,15	25,50	3,65	113	29,33	26,33	3,0			
52	29,16	25,21	3,95	114	29,50	27,50	2,0			
53	28,86	25,36	3,50	115	29,50	27,40	2,1			
54	28,97	25,12	3,85	116	29,99	25,99	4,0			
55	22,25	21,75	1,50	117	30,10	25,90	4,2			
56	30,00	26,20	3,80	118	29,91	25,71	4,2			
				119	29,76	25,76	4,0			
				120	29,40	26,10	3,3			
				121	29,02	26,02	3,0			
				122	28,93	26,93	2,0			
				123	28,36	27,16	1,2			
				124	30,73	24,53	6,2			
				125	31,92	27,77	4,15			
				126	31,70	26,30	5,40			
57	30,25	25,25	5,0	Под культ. сл. 1,7 м насыпная глина						
58	29,0	26,15	2,85							
59	28,42	25,27	3,15							
60	29,03	24,73	4,30							
61	28,52	23,52	5,0							
62	30,32	25,52	4,8							

Продолжение

№ скв.	Отметка устья скв.	Отметка материка	Мощн. культ. слоев (в м)	Примечание	№ скв.	Отметка устья скв.	Отметка материка	Мощн. культ. слоев (в м)	Примечание
127	32,50	26,80	5,70	В скв. № 124—129 встречен древний деревян. настил	35	24,02	21,82	2,2	Культ. сл. верх. 1 м, далее аллювиально-насыпной То же 1 м » 0,6 м » 2 м » 1 м » 1 м » 1 м
128	32,08	27,08	5,00		36	25,80	23,50	2,3	
129	31,75	26,05	5,70		37	26,19	25,39	0,8	
130	25,10	—	0		38	21,93	19,43	2,5	
131	25,10	—	0		39	22,10	18,60	3,5	
132	25,10	—	0		40	24,28	21,18	3,1	
133	28,47	—	0		41	23,40	21,80	1,6	
134	26,85	—	0		42	22,37	13,87	8,5	
135	27,01	22,51	4,5		43	20,22	17,22	3,0	
136	26,55	19,55	7,0		44	20,10	16,50	3,6	
137	25,48	22,98	2,5		45	20,32	17,32	3,0	
138	25,80	24,60	1,2		46	21,81	15,81	6,0	
139	26,00	23,00	3,0		47	21,18	13,18	8,0	
140	26,77	23,27	3,5		48	21,57	15,37	6,2	
141	32,50	26,50	6,0		49	21,00	16,00	5,0	
142	—	—	0		50	25,50	24,00	1,5	
143	—	—	0		51	25,63	24,13	1,5	
144	—	—	0	52	24,68	22,48	2,2		
145	32,85	26,85	6,0	53	22,95	20,35	2,6		
146	—	25,72	—	54	26,32	19,32	7,0		
147	29,50	26,50	3,0	55	26,05	21,05	5,0		
148	29,50	25,10	4,4	56	26,68	22,68	4,0		
149	29,50	25,30	4,2	57	26,90	20,40	6,5		
150	—	—	0	58	24,50	19,50	5,0		
151	28,03	25,93	2,1	59	26,15	21,35	4,8		
152	27,85	26,15	1,7	60	24,65	22,15	2,5		
153	28,36	26,26	2,1	61	25,10	21,70	3,4		
154	29,8	24,50	5,3	62	23,15	19,35	3,8		
155	29,77	25,17	4,6	63	27,07	25,57	1,5		
156	29,59	24,89	4,7	64	22,90	20,80	2,1		
157	29,92	24,62	5,3	65	26,16	21,16	5,0		
II. Торговая сторона					66	28,95	21,35	7,6	Бурение прекращено, встречена дерев. мостовая
1	30,89	23,49	7,4	67	28,91	—	7,6		
2	29,85	24,85	5,0	68	29,42	21,22	8,2		
3	24,65	17,25	7,4	69	29,02	20,72	8,3		
4	25,68	20,88	4,8	70	28,49	20,49	8,0		
5	26,73	21,93	4,8	71	24,75	23,75	1,0		
6	27,32	21,17	6,15	72	24,63	23,63	1,0		
7	26,44	21,44	5,0	73	24,50	23,50	1,0		
8	24,97	21,97	3,0	74	30,38	—	8,0		
9	24,37	20,37	4,0	75	30,31	—	7,5		
10	24,49	20,59	3,9	76	30,23	—	6,85		
11	28,74	21,94	6,8	77	30,10	—	7,85		
12	27,13	22,63	4,5	78	25,41	23,96	1,45		
13	23,44	21,74	1,7	79	25,30	23,75	1,55		
14	23,00	21,00	2,0	80	28,14	24,14	4,0		
15	23,58	21,98	1,6	81	27,95	23,75	4,2		
16	23,27	22,27	1,0	82	28,15	24,30	3,85		
17	24,89	21,59	3,3	83	28,30	24,40	3,90		
18	24,52	21,32	3,2	84	28,08	26,68	1,4		
19	24,97	21,57	3,4	85	29,08	26,08	3,0		
20	25,03	20,83	4,2	86	28,88	25,88	3,0		
21	30,55	23,00	7,55	87	23,05	22,45	0,6		
22	29,80	22,00	7,80	88	23,65	22,95	0,7		
23	26,81	20,56	6,25	89	24,90	24,30	0,6		
24	27,52	20,72	6,80	90	23,58	22,96	0,6		
25	24,79	22,09	2,70	91	29,84	23,04	6,8		
26	24,60	21,60	3,0	92	29,85	23,35	6,5		
27	26,31	23,31	3,0	93	24,86	21,46	3,4		
28	29,49	25,49	4,0	94	25,76	22,26	3,5		
29	30,55	26,55	4,0	95	25,25	19,85	5,4		
30	27,62	20,92	6,8	96	24,26	18,46	5,8		
31	24,97	22,97	2,0	97	27,25	23,05	4,2		
32	30,14	24,44	5,7	98	27,82	23,82	4,0		
33	25,35	19,65	5,7					Почвенный слой То же » »	
34	24,27	21,87	2,4						
				Нижние 1,5 м пльвун					

Продолжение

№ скв.	Отметка устья скв.	Отметка материка	Мощн. культ. слоев (в м)	Примечание	№ скв.	Отметка устья скв.	Отметка материка	Мощн. культ. слоев (в м)	Примечание
99	23,33	18,73	4,6		120	28,50	27,50	1,0	То же 5 м
100	—	—	5,0	Материк не вскрыт	121	24,25	19,75	4,5	
101	—	—	5,0	То же	122	24,75	20,75	4,0	» » 3,5 м
102	24,25	20,55	3,7		123	24,26	—	6,9	
103	24,20	20,35	3,85		124	—	—	7,0	Материк не вскрыт
104	24,20	20,50	3,70		125	22,41	—	3	То же
105	26,00	20,00	6,0		126	25,43	—	3	» »
106	24,82	20,47	4,35		127	26,74	24,52	2,2	
107	24,91	20,96	3,95		128	22,73	—	4,6	Материк не вскрыт
108	24,88	20,73	4,15		129	—	—	5,0	То же
109	25,17	21,17	4,0		130	26,80	—	3,0	»
110	25,76	23,76	2,1		131	22,77	—	5,0	»
111	25,75	23,75	2,0		132	22,80	—	4,2	»
112	24,25	21,80	2,45		133	22,90	19,90	3,0	
113	24,35	22,35	2,00		134	24,30	22,50	1,8	
114	26,25	24,60	1,65		135	23,42	21,92	1,5	
115	30,55	26,25	4,30	Под культ. сл. 3 м пльвун	136	22,30	20,50	1,8	
116	29,67	26,27	3,40	То же 3,1 м	137	21,82	18,32	3,5	
117	29,42	26,92	2,50	» » 3,2 м	138	23,86	21,36	2,5	
118	28,42	25,82	2,6	» » 4,9 м	139	26,38	24,58	1,8	
119	26,31	23,31	3,0		140	24,58	23,88	0,7	

Разведанные грунты в прибрежной полосе Торговой стороны имеют аллювиально-насыпной характер и прикрыты сверху небольшой толщей культурного слоя. Здесь наряду с ростом культурного слоя происходил процесс намывания грунта Волховом с постепенным сужением русла реки. Дно реки ранее тоже имело другую отметку. Культурный слой образовался после XVII в., когда были уничтожены укрепления вдоль берега Волхова. Как известно, при пожаре 1696 г. они сгорели и, очевидно, больше не возобновлялись. Стены и башни по берегу Волхова были, как предполагает А. Л. Монгайт, построены между 1611 и 1638 гг. По рассказам старожилов удалось установить, что в южной и северной частях Торговой стороны, по берегу Волхова, встречались сваи, возможно, это остатки деревянных укреплений XVII в.

В настоящее время самым высоким местом в городе является район раскопок в бывшем Неревском конце, затем идет кремль и далее Славенский и Людин концы. А до заселения территории самое высокое место находилось там, где разместился кремль, затем в Неревском конце, Славенском и Людином.

Выше отмечалось, что на обеих сторонах города, в ряде районов, примыкающих к валу, отсутствует культурный слой. Это объясняется, очевидно, тем, что на протяжении столетий некоторые участки не заселялись. Вполне вероятно и предположение А. Л. Монгайта о наличии в средневековье больших незастроенных площадей под садами и огородами.

В заключение необходимо отметить, что возможно поселения на территории города в IX в. существовали. Город складывался в единое целое постепенно, по мере развития отдельных поселений одновременно на обоих берегах Волхова, причем наиболее интенсивный характер этот процесс имел в прибрежной возвышенной полосе. Процесс слияния отдельных поселений происходил на протяжении длительного времени. Вполне возможно, что поселения имели и свои названия, одноименные впоследствии названиям концов.

Использование метода бурения будет способствовать ускорению и удешевлению археологических исследований древнерусских городов.

ПЕЧАТИ ПСКОВА

Псков по самому положению своему является по отношению к Новгородским землям передовой крепостью, непрерывно угрожаемой с запада. Укрепление города стенами стало первой и постоянной заботой псковичей. Вот почему известие о построении стен перешло как девиз на псковские печати.

Проф. А. И. Никитский так хорошо изложил историческую топографию Пскова, что мы можем ограничиться несколькими цитатами из его прекрасного труда, чтобы понять, что и почему занесено на печати для сведения всех, кто будет иметь документы с такой скрепой. «Находясь в углу, образуемом соединением двух рек, Псковы и Великой,— говорит А. И. Никитский,— Псков, как нельзя лучше, удовлетворял не только всем условиям опорного пункта, но и пользовался большими преимуществами торгового центра: с одной стороны, занимаемый им треугольник легко мог быть превращен по тому времени в крепость; с другой же, река Великая в соединении с двумя озерами приводила его в тесную связь не только со всею Псковской землей, но и соседями, с которыми приходилось иметь торговлю»¹.

Каменные стены появились в Пскове едва ли не раньше, чем во всех других русских городах. Под 1309 (6817) г. в летописях записано, что «Борис посадник с Псковичи заложил стену плитяну от св. Петра и Павла к Великой реке»². Так как речь идет не о Детинце, а о посаде, значит стены обыкновенного города уже существовали раньше. Неизвестно, из-за плохого ли материала, делавшего стены непрочными, или для выполнения постоянной государственной задачи всемерного усиления защитной городской оградой, только псковские стены неоднократно не то надделывались, не то вновь созидались. Г. де Ланноа в начале XV в. (1413—1421 гг.) видел Псков уже укрепленным («est Plesko mouet bien fermee de murs de pierres et de touz»), а мы знаем, что после этого уже выстроены те укрепления, известия о которых занесены на государственные печати³.

«Вплоть до XIV столетия,— говорит А. И. Никитский,— Псков, или Плесков, как он назывался в древнейшие времена, почти совсем не выходил из треугольника, образуемого реками Псковой и Великой. Угол треугольника занимал Псковский детинец, заключавший в себе две главные части: Кром (крем, кремль; в Новгороде — «город кромный») и Довмонтову стену. Кром, представлявший собственно не что иное, как первоначальный город, зерно Пскова, состоял из трех стен, из которых одна, идя в направлении от Псковы реки к Великой, была обращена к городу Пскову и называлась персями или переднею, а две другие, являвшиеся по отношению к персям сторонними стенами, тянулись по направлению берега обеих рек: на месте совпадения последних или стрелки треугольника они

¹ А. И. Никитский. Очерк внутренней истории Пскова. СПб., 1873, стр. 83.

² ПСРЛ, т. IV, 1848, стр. 184; т. V, 1851, стр. 11.

³ Отметим, что официальные записи на печатях независимы от летописи, и летописные известия излагают факты самостоятельно, независимо от записи на печатях.

соединялись вместе и образовали кут Крома, в котором впоследствии была выстроена башня, известная под именем Кутекромы или Кутнего (углового) костра. Но с явлением второй части псковского детинца, построенной также уже в первоначальный период и называвшейся по имени строителя Довмонтовою, перси из передней стены сами собой превратились в раздельную линию между Довмонтовой частью Детинца и собственно Кромом и сделались, так сказать, простым диаметром в круге, который образовался из соединения Довмонтовой стены с сторонними линиями Крома и носил техническое для подобных замкнутых укреплений название охабня»⁴.

«Заключая в себе патрональную святыню Псковской земли — Троицкий собор, Кром служил вместе с тем складочным местом, как для общественных, так и частных имуществ»⁵.

Все, что касалось укрепления Крома, являлось событием государственной важности. Вот почему печати Псковского государства XV в. снабжены столь необычными надписями, что Д. И. Прозоровский принял экземпляр печати за памятную медаль⁶.

Несомненные известные нам псковские печати делятся на два типа: 1) 1425 г. и 2) 1469 г. На таблицах нашего альбома⁷ первый тип воспроизведен в трех экземплярах (табл. XIII, 12; табл. XXXVIII, 3, 4), а второй — в шести (табл. XIII, 11; табл. XXXVIII, 5—8; табл. XLIII, 4)⁸.

Самое существование псковских печатей стало известным сравнительно недавно. Первый экземпляр — печать первого типа — был описан и воспроизведен И. И. Толстым в 1886 г.⁹ Автор прекрасно связал монетный тип псковских денег с типом печати и высказал убеждение, что печать (согласно с наблюдениями сигиллографов) была изготовлена до чеканки псковских денег, тип которых скопирован именно с нее. Надпись на печати И. И. Толстым не была прочитана полностью, так как экземпляр, ему принадлежавший, был с дефектами¹⁰.

Д. И. Прозоровский в труде своем о Пскове по летописям и другим источникам упомянул об этом экземпляре печати как о медали, «выбитой по случаю установления тогда денег. Единственный экземпляр ее находится в нумизматическом собрании графов Толстых»¹¹.

Одним из последних авторов, писавших о псковских печатях, был Ф. А. Ушаков, описавший оба типа в статье «По поводу Псковских древних печатей»¹² и исправивший мнение Д. И. Прозоровского относительно назначения памятника, но давший чтение совершенно невероятное:

Л. Ф. П. И. Н. Д. Г. В. З. Л. Б. Т. О. Ц. Л. Г. С. П. И. = печать Федора Патрикиевича

индикта 3-го в лето 1425. 288»¹³, причем число 288 якобы представляет

⁴ А. И. Никитский. Ук. соч., стр. 84 сл.

⁵ Там же, стр. 85.

⁶ Д. И. Прозоровский. Псковская медаль 1425 года. ЗРАО, т. II (новая серия), СПб., 1887, стр. 123—126.

⁷ Имеется в виду неизданный Сфрагистический альбом (ред.).

⁸ Ко второму типу относится также экземпляр, воспроизведенный Н. П. Лихачевым в Сфрагистическом альбоме на табл. LV, № 7 и оказывающийся, таким образом, седьмым известным исследователю (ред.).

⁹ И. И. Толстой. Русская допетровская нумизматика, вып. II. Монеты псковские. СПб., 1886, стр. 14—18, изображение на стр. 1.

¹⁰ «Все начало надписи... представляется мне необъяснимым, так как я не считаю возможным делать конъектуры на основании единичных букв...» (И. И. Толстой. Ук. соч., стр. 15).

¹¹ Д. И. Прозоровский. Древний Псков по двум Псковским летописям, с дополнениями из других старых источников, до конца XVII века. ЗОРСА, т. V. СПб., 1887, стр. 205.

¹² Ф. А. Ушаков. По поводу древних Псковских печатей. Тр. ОРСА, кн. V, СПб., 1901, стр. 312—322. Раньше этого Ф. А. Ушаков выступал с докладом в Псковском археологическом обществе 22 декабря 1897 г. См. «Псковские Губернские Ведомости» за 1898 г., № 7 (14 февраля).

¹³ Ф. А. Ушаков. Ук. соч., стр. 317.

в охабне и учиниша в ней погребя от Пскова межи ворот»¹⁷; «Урядиша стену новую на городе на Кромю у першей, от Великих ворот возле всхода до Малых ворот, и в той стене урядиша пять погребов»¹⁸.

Экземпляр псковской печати второго типа был в первый раз описан Ф. А. Ушаковым в вышеуказанной статье. Прочитав почти совершенно точно надпись одной стороны, Ф. А. Ушаков для другой стороны предложил фантастическое чтение: «В лето 1464 государства Псковского».

Мы пользовались многими экземплярами (табл. XIII, 11; табл. XXXVIII, 5—8; табл. XLIII, 4), сопоставляя их друг с другом, и то одна или две буквы восполнены по соображению.

Печати второго типа по внешнему виду очень схожи с первыми.

1. На одной стороне, в ободке из точек, надпись в шести строках:

ПЕЧАТЬ
ПСКОВЬСКАГА
ВОДЬЧИНЪ ИВЕ
ЛНКОГО КНАЗ
А ИВАНА ВА
СИЛЬВ(НУ)

Печать Псковская,
= водьчины великого князя
Ивана Васильевича¹⁹.

Думается, что в конце надписи, так как последние буквы шестой строки не вышли ни на одном из известных экземпляров, надо читать $\widehat{ВН}$ = «вич» (а не «вича»).

2. На другой стороне, в ободке из точек, известное по псковским монетам изображение князя с Довмонтовым мечом в руке (на печатях первого типа изображена только одна голова князя, без руки с мечом). Изображение погрудное. Круговая надпись восстанавливается так:

·ВЪ·ЛЪ·С·Ц·О·З·ДОСПЪ (ТЪ) $\widehat{БЪ}$ ·КЛЕЩН СИ =
= «В лето 6977 доспеты быша КЛЕЩИ СИ».

Попробуем по летописям объяснить эту темную фразу. В Псковской летописи под 1469 г. находим: «В лето 6977. Прибавиша и сделаша новые ворота Запсковские, больше старых, и даша мастером 30 рублей». В Первой Псковской летописи подробнее: «...того же лета заложивши сделаша великая врата каменная и костер на верху большей, выше старых, по конец мосту Запсковского; а взяша у Пскова мастера дела своего мзду от них 30 рублей сребра»²⁰.

Речь идет о вратах на мосту, вратах-укреплениях, защищавших мост. Мы не найдем в древних памятниках наименования ворот «клещами», но если мы обратимся к «Словарю» В. И. Даля, то там найдем, что «клещи» — это военный термин, обозначающий передовое укрепление. В данном случае, принимая во внимание «по конец мосту Запсковского», мы думаем, что известия печати и летописей касаются устройства мощного предмостного укрепления.

¹⁷ ПСРЛ, т. V, стр. 31.

¹⁸ ПСРЛ, т. IV, стр. 215.

¹⁹ В «Сборнике Псковской Губ. Ученой комиссии» (вып. I, Псков, 1907 г.) Х. М. Лопаревым изданы по спискам в «Сборнике собрания Погодина» три псковские грамоты (стр. 45—47). Во второй грамоте читаем: «...а дали господину Пскову те слобожаны серебро в одерень, да и грамоту тем слобожаном дахом дерноватую всем Псковом на вече в лето 6999 (1491) ... а на печати оловяной вылита: печать псковская отчины великого князя Ивана Васильевича». Нельзя сомневаться, что эта печать «оловяная», сходна с нами описанной.

²⁰ ПСРЛ, т. V, стр. 35; т. IV, стр. 233.

В надписи печати имеется еще одно место, которое не может не обратиться на себя нашего внимания. Псков подчеркнуто наименован «вотьчиной» великого князя, и это указание хронологически предшествует не только падению Псковского государства при великом князе Василии III, но и подчинению Великого Новгорода.

По-видимому, произошло нечто, что выразилось в замене старой печати новой с признанием «вотчинности», чего на прежней печати не было. Под 6975 (1467) г. в летописи записано: «...тоя же весны приехав от великого князя с Москвы князь Федор Юрьевич, месяца апреля в 29, на память святого Иоанна Прозвитера, и псковичи и все священство выидоша противу его с кресты и посадиша его на княжение, а он крест целова на псковской пошлыны; а посадники псковские и Псков ему на всех 12 пригородах даша наместников держати, и судов судити его наместником, на которых ни буди, а из веков княжии наместники не бывали, колько ни есть князей бывало во Пскове на столу, а наместники княжии были только на семи пригородах псковских»²¹. Как ни толковать такую запись, она свидетельствует о новом усилении власти московского государя в пределах Пскова со всеми его пригородами.

Б. Д. Греков в весьма ценной статье «Земледелец и землевладелец в Пскове XV века»²² вновь пересмотрел всю литературу о Пскове этого времени, разобрал сложные классовые отношения во Пскове и ловкую своекорыстную политику Москвы, чувствовавшей себя уже господином положения. Б. Д. Греков подчеркивает, что Москва уже давно стала фактическим хозяином Пскова. «Ко второй половине XV в.,— говорит он,— сделано было все для того, чтобы меры, принятые московской властью для присоединения Новгорода, сделались для Пскова в значительной мере излишними: те же цели последовательно достигались другими средствами. Псковский князь к этому времени успел уже превратиться в губернатора, присланного в Псков из Москвы, псковское боярство давно уже продало свою шпагу той же Москве и стало послушным орудием в руках московского князя»²³.

Монетные типы Псковского государства не разнообразны. Один тип с изображением (погрудным) князя, другой — с изображением князя на одной стороне и на другой — зверя, которого принято называть барсом. В Пскове найден был еще клад брактеатов, весьма оригинальных и до сих пор не исследованных (псковские ли это монеты?), но и на них то же самое — голова князя в короне.

Печати с изображением головы князя мы уже видели. Весьма естественно ждать, что были печати и с изображением барса.

На табл. XIII под №№ 13 и 14 в Сфрагистическом альбоме нами воспроизведены две серебряные печати-матрицы (по 28 мм), хранящиеся в Москве в Государственном архиве (под №№ 83/21 и 84/22)²⁴. Матрицы односторонние — с изображением барса и круговой надписью (см. рисунок к статье В. Л. Янина, помещенной ниже, рис. 1, А, Б):

А (83/21): * ПЕЧАТЬ ГОСПОДЯРЬСТВА ПСКОВСКАГО,

Б (84/22): * ПЕЧАТЬ ГОСПОДАРЬСТВА ПСКОВСКАГО

В издании Архива Министерства Иностранных Дел «Снимки древних русских печатей»²⁵ на табл. 65 воспроизведены матрица и оттиск, не сов-

²¹ ПСРЛ, т. IV, стр. 23.

²² ПИДО, 1935, № 5, стр. 54—82.

²³ Там же, стр. 55.

²⁴ В действительности, в «Альбоме» изображены не матрицы, а оттиски матриц. Ныне хранятся в Отделе нумизматики ГИМ (ред.).

²⁵ Снимки древних русских печатей, вып. I. М., 1882.

падающие друг с другом и вообще не совсем точные. О двух хранившихся в Архиве матрицах А. Б. Лакиер в известном труде своем по русской геральдике упоминает и дает воспроизведение № 83/21 на табл. XIV, № 2, в довольно точном рисунке. По мнению А. Б. Лакиера, «рано... образовалась печать псковская: на ней встречаем геральдически верное изображение барса с расправленными когтями, высунутым языком и поднятым хвостом, бегущего вправо, а вокруг надпись: «печать господарства Псковского». Источник, откуда заимствована эта геральдическая фигура, должно искать в сношениях Пскова с городами Западной Европы, с Ганзою. К дошедшим до нашего времени серебряным псковским печатям приделаны проушины, из чего можно заключить, что они носились псковскими посадниками на шее и, может быть, служили знаком их достоинства. При покорении Пскова великим князем Василием Ивановичем в 1510 году они были взяты в Москву и ныне хранятся в Московском Архиве Министерства Иностранных Дел»²⁶.

Сказанное относительно серебряных печатей заимствовано А. Б. Лакиером (как он и указывает в примечании) из предисловия Малиновского ко II тому «Собрания Государственных Грамот и Договоров»²⁷.

Выводы А. Б. Лакиера требуют некоторых исправлений. Что барс как геральдическая фигура заимствован с какого-нибудь западноевропейского геральдического изображения, в этом нет ничего удивительного: такая фигура очень распространена. Однако «барс» может напомнить нам и о том, что Псков был пригородом Великого Новгорода и, став самостоятельным, никогда не терял с ним связи. «Лютый зверь» новгородских печатей в разнообразных вариантах хронологически прошел несколько стадий, и, в сущности, это — тот же псковский «барс». Ни в Новгороде, ни в Пскове не было знатоков геральдики, которые соображались бы с правилами западноевропейской геральдики, составляя рисунок для монеты или печати. Изображение «лютого зверя» имеет некоторую историю, а печать с «барсом» сама по себе — явление позднее.

Мы видели, какая печать употреблялась в Пскове во второй половине XV в. Когда же псковичи успели выкинуть вотчинность по отношению к московскому князю и подчеркнуть псковское господство? Серебряные матрицы должны быть или древнее XV в., или же памятниками такого времени, когда Псковское государство было просто областью государства всея Руси. Показание Малиновского о взятии псковских печатей и о

²⁶ А. Лакиер. Русская геральдика, кн. I. СПб., 1855, стр. 157.

²⁷ Соображения и предположения Малиновского повторяемы еще Евгением Болховитиновым, который прибавляет сведения о более новых печатях, для нас интересные: «...На Псковских грамотах до 18 столетия около барса по краям в окружности двух линий изображалась надпись: «Печать господарства Псковского», а с 18 столетия, по учреждении в Пскове провинции: «Печать Государства Псковского». В Новгороде каждый конец города имел свою особенную печать. Может статья, то же было и во Пскове, но до нас не дошли сии печати: а из дошедших все были величиною в грошевик и востискивались только на черном воску. В Архиве Псковского Губернского Правления отыскалось несколько и новейших разных таковых печатей со Псковским гербом и с различными надписями, а именно: 1) серебряная с окружною надписью: «Печать Псковской провинции подушного сбора»; 2) медная с окружною надписью: «Печать П. П. Полку Полкового Штатного двора»; 3) медная малая с окружною же надписью: «Губернского города Пскова»; 4) стеклянная с изображением в середине уже двуглавого орла, около коего между двумя линиями надпись: «П. Дворцовых Псковских В.». В первых трех из сих печатей над бегущим барсом изображена императорская корона и под нею из облака простертая на барса рука. Еще там же нашлась и одна Губная печать без герба, с одной только строчною надписью «Псковской Губы Пахомовской». Все сии печати ныне сохраняются в ризнице Псковского Кафедрального собора. Древнее изображение бегущего барса, с прибавлением над ним из облака руки, осталось и доныне во псковском гербе на голубом поле». (Митр. Е. Болховитинов. История княжества Псковского, с присовокуплением плана города Пскова. Киев, 1831, ч. I, стр. 54). Мне неизвестно, сохранились ли до настоящего времени указанные митрополитом Евгением печати-матрицы. (Описанные Болховитиновым печати к настоящему времени не сохранились; однако, согласно сообщению Л. А. Творогова, они фигурируют еще в довоенных описях Псковского Краеведческого музея.— *Ред.*)

перевезении их в 1510 г. в Москву — не более как предположение, не подкрепляемое документами.

Самые матрицы по типу и палеографическим начертаниям должны быть отнесены к XVI в. Вопрос о поддельности исключается, так как памятки были уже в XVIII в. в Архиве и притом находились там с неизвестного времени. По величине матриц, надписи на одной стороне, заключающей в себе все, что надлежало, и по самой односторонности матриц мы можем сделать вывод, что они употреблялись для прикладных воско-матичных печатей. Тип изображения схож с «псковской» печатью на большой государственной печати царя Ивана Васильевича Грозного. В собраниях Государственного Эрмитажа имеются два черновосковских оттиска, до такой степени схожих с изображением на матрицах, что получается ложное впечатление — не сделан ли один из них матрицей № 83/21. Это те черновосковские печати, о которых говорит Евгений Болховитинов и образцы которых могут еще найтись на древних актах в архивах.

В противоположность мнению А. Б. Лакиера, что печать псковская образовалась рано, мы должны высказать удивление, что мы не имеем древних псковских печатей. Как мы видели, дошедшие до нас печати содержат точные хронологические указания на 1425 и 1469 гг. Эти печати сменили одна другую на протяжении последнего века уже призрачной псковской самостоятельности. Трудно сомневаться в том, что Псков как государство имел свою печать и ранее, но мы ее не знаем. До нас не дошли псковские архивы, находки печатей в земле редки. Вышеперечисленные нами экземпляры свинцовых псковских печатей XV в. все найдены в Пскове и все, за исключением одного-двух экземпляров, прошли через руки псковского собирателя Ф. М. Плюшкина. Происхождение этих печатей несомненно, но почему псковская почва так скупа, сравнительно с Новгородом? На это ответ один — в Пскове еще не обнаружено такого места, которое сыграло бы роль Новгородского городища. Находки случайны и редки. Все, что найдено пока в Пскове, не может относиться к древнейшему периоду. О псковских печатях эпохи до XV в. мы можем высказываться с крайней осторожностью, больше в виде предположений.

Не совмещалась ли псковская печать с печатью псковского князя? Мы знаем, что псковские князья не только имели печать для себя и своих грамот, но и прикладывали печати к частным сделкам: «...а князю запечатать, а не запечатает князь, ино у Святей Троицы запечатать, в том измены нет»²⁸.

В Погодинском сборнике № 1912 нашлись три псковские грамоты в списках с указанием на привешенные печати²⁹. В старейшей грамоте, которую издатель отнес к XV в., сказано: «список с указной харатейной грамоте князя Александра (зачеркнуто: «Васильвича Оболенского») и посадников псковских Рожитцкого исаду. От великого князя Александра и от посадника Твердила. А у грамоты печать свинчатая, а не (описка, вместо «а на ней») на коне человек»³⁰. Княжеские печати с всадником хорошо известны, нами разбирались в первом выпуске «Материалов»³¹, и можно сказать с уверенностью, что упомянутая в списке с грамоты печать — князя, а не Пскова.

Текст грамоты требует внимательной критики и исследования. Сочетание имен великого князя Александра и посадника (степенного) Твердила противоречит летописным указаниям, по которым в 1240 (6748) г. псковичи потерпели поражение от «немцев»: «...бяху бо перевет держали с

²⁸ Псковская Судная Грамота. СПб., 1914, стр. 18, статья 82.

²⁹ Изданы Х. М. Лопаревым в «Сборнике Псковской Губернской Архивной комиссии», вып. I. Псков, 1907, стр. 45.

³⁰ Новейшее издание грамоты: Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.—Л., 1949, стр. 337 сл., № 348 (ред.).

³¹ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. I. Л., 1928, стр. 47—54, 89—96.

немцы плесковичи: подвел Твердило Ивановичь с иными, а сам начал владети Псковом с немцы, воюя села новгородския...»³².

Великий князь Александр Ярославич на льду Чудского озера разбил немцев, освободил Псков и в самом Пскове произвел расправу над «немцы».

Упомянутый в тексте акта посадник Твердило не может являться летописным Твердило Ивановичем.

Князей с именем Александр в Пскове перебивало несколько. Был и князь Александр Михайлович Тверской, был и князь Александр Васильевич Черторизский. Всадника на печати могли иметь оба эти князя, всадник был и на печати великого князя Александра Невского. Анонимность княжеских печатей и условность изображений делает вопрос о приурочении их затруднительным.

В собрании Псковского музея, среди актов Спасо-Мирожского монастыря под № 27 сохранился отрывок дела о вотчинной пожне (за приписью дьяка Ивана Молчанова). Дело производилось в 1694 г., и по просьбе монастырских властей была сделана официальная копия с представленной монастырем полуистлевшей («а та де харатейная данная вся излежалась и попортилась») харатейной грамоты, текстом которой мы имели возможность пользоваться по списку Л. А. Творогова³³. Документ представляет порядную («...се порядисеся») игумена Тимофея и чернцов монастыря с многочисленными сябрами, большая часть которых перечисляется поименно (во главе — Семен Жаворонок). Игумена Тимофея нет в списках Строева, и мы не можем определить точную дату акта, к которому была привешена свинцовая печать: «а у подлинной порядной харатейной данной в конце печать свинцовая». Во главе послухов — Иван посадник и ряд лиц с отчествами, но и их имена не дают решения вопроса. Следовало бы думать, что в присутствии посадника была привешена печать псковская, но и этого нельзя утверждать с уверенностью.

Тип княжеской печати князя Довмонта стал нам известен случайно, благодаря сохранившейся единственной в своем роде грамоте. Конечно, и другие князья имели печати, к сожалению столь же трудно определяемые.

Обратим внимание на конец цитаты из Псковской Судной грамоты, хотя и отредактированной в период уже московского влияния, но хранившейся и многие древние пошлины: «а не запечатает князь, ино у Святей Троицы запечатать». Собор святой Троицы в Пскове имел большое значение. Конечно, он не играл роли «дома св. Софии» в Новгороде, но «у святой Троицы запечатать» прямо указывает на связь с каким-то правительством, особым от княжеской власти. А. И. Никитский определенно говорит, что в данном случае печать «обязан был приложить (городской) «вечевой» дьяк»³⁴. В соборе св. Троицы «в сенях» находился и знаменитый «ларь», в котором хранился архив Псковского государства. Кто именно прикладывал печать, в памятнике точно не сказано, но, очевидно, что печать эта должна была быть равносильной княжеской.

Следует обратить внимание на печать, изданную А. В. Орешниковым³⁵, с изображением Богоматери типа «Знамение» с одной стороны и

надписью **ПЕЧАТЬ ТРОИЦКАЯ** — с другой. С одной стороны — связь со святыней-палладиумом Великого Новгорода³⁶, с другой стороны — с указанием, что печать принадлежит св. Троице. А. В. Орешников отнес

³² ПСРЛ, т. IV, стр. 179.

³³ В настоящее время грамота издана. См. Грамоты Великого Новгорода и Пскова, стр. 330, № 345 (ред.).

³⁴ А. И. Никитский. Ук. соч., стр. 124.

³⁵ А. В. Орешников. Материалы к русской сфрагистике. М., 1903, № 9 и рис. 8.

³⁶ Отметим, что в древнейшем монастыре Пскова — Мирожском — одна из главных святынь была типа «Божией матери Знамения».

печать к XIV — первой половине XV в. и приписал ее Московскому Троице-Сергиеву монастырю. С таким выводом трудно было бы согласиться. В Московском государстве к тому времени, когда стал образовываться архив монастыря на Маковце, свинцовые печати вышли из употребления. Печать, изданная А. В. Орешниковым (табл. V, 43), должна быть относима к числу печатей северной Руси — новгородских или псковских. Подобные печати были находимы именно в Пскове. Отметим изданные нами в «Альбоме» на табл. XXXVII, 4 и на табл. LI, 8.

Если первая из этих печатей имеет надпись

ПЕЧАТЬ·СТЪІА ТРОИЦА,

то вторая дает чтение, совершенно тождественное с экземпляром, воспроиз-

веденным А. В. Орешниковым: **ПЕЧАТЬ·ТРОИЦКАА**. Другая сто-

рона обеих печатей — поясное изображение Богоматери в типе «Знамение» — по рисунку очень схожа с изображением изданного А. В. Орешниковым экземпляра. Мало того, все три экземпляра по исполнению указывают на одинаковое место происхождения и приблизительно одинаковое время. Все экземпляры отличаются сравнительно большой величиной, крупным шрифтом надписей и значительной грубостью работы.

Не были ли эти печати, относящиеся к концу XIV — началу XV в., именно теми, которые привешивались в случае «а не запечатает князь»? В таком случае они являлись бы и официальной печатью самого Пскова. Такое предположение не невозможно и даже соблазнительно. При этом только пришлось бы допустить смену этих больших печатей теми малой величины (1425 и 1469 гг.), которые нам известны. Было бы редким исключением в области сфрагистики, если бы государственная печать вместо постепенного увеличения в дальнейшем развитии подверглась резкому уменьшению в объеме. Однако объяснение может быть найдено путем сравнения свинцовых печатей по областям. Печати северных областей (главным образом Новгорода) в общем массивнее московских. Это происходит потому, что в Новгороде печать употреблялась по византийскому образцу на толстых пластинках в то время, когда Московского княжества еще не существовало. С течением времени печати стали больше, а пластинки их тоньше, однако традиции оставались. В Москве же был усвоен и преобладал тип на тонких пластинках. Два уцелевших до нас экземпляра (разных матриц) печати псковского князя Довмонта, из которых один сохранился еще при грамоте, оба довольно большой величины и на толстых пластинках³⁷. Экземпляры одинаково безыменны и определяются изображением редкого святого Тимофея (крестное имя Довмонта). На обратной стороне «голгофский» крест. Общее явление с новгородской практикой, которую мы можем определить путем систематических наблюдений над памятниками. Буллы, которые привешивались от имени духовного владыки Новгорода его уполномоченными (или просто владычными наместниками) в отсутствие владыки, сохраняли тип личной печати с изображением Богоматери — «Знамение», но на другой стороне вместо имени имели начертанным «голгофский» крест. То же самое мы видим и на псковской печати князя Довмонта.

Печать Пскова, что прикладывалась у св. Троицы, могла быть долгое время по образцу княжеской массивной и на толстой пластинке. Когда сказалась зависимость от Московского великого княжения, естественно, печать Пскова должна была быть меньшей, чем соответствующая ей печать князя на Москве. Печать «вотчины» — 1469 г. — печать в сущности наместничья, и понятна ее малая величина.

³⁷ Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. X, № 1; табл. LI, № 4.

Затруднения остаются с печатью 1425 г., которая мала и нова по типу, связанному с монетным, но с необычайными памятными надписями. Однако мы должны подчеркнуть, что она, несомненно, сосуществует с более крупными архиепископскими печатями, употреблявшимися в Псковских областях.

Отсутствие ранних псковских печатей может быть объяснено и тем фактом, что в сущности до середины XIV в. Псков оставался пригородом Великого Новгорода и мог довольствоваться печатью своего князя — кормленщика. Лишь в 1347—1348 гг. по договору на Болотове решено было посадникам новгородским во Пскове не быти, и новгородцы «назваша братом младшим Новугороду Псков»³⁸.

Находки печатей в Пскове настолько скудны, что мы должны с особой осторожностью делать выводы, ограничиваясь предположениями. Есть основание думать, что архиепископы новгородские, которые управляли и Псковом, имели там своего наместника и сами, наезжая в определенные сроки с особой торжественностью, имели для Пскова и особую печать.

В Сфрагистическом альбоме на табл. XXXVII под № 1 воспроизведена большая свинцовая печать, найденная в Пскове, бывшая в собрании Ф. М. Плюшкина и ныне хранящаяся в Государственном Эрмитаже³⁹. На ней изображение св. Троицы с одной стороны, а на другой — надпись в четырех строках:

ΕΥΘΙΜΙΗ ΦΧΙΕΠΠΖΒΕΛΙ ΚΟΝΟΒΑΓΡΑ Ι·ΠΣΚΟΒΑ	=	Еуфимий, архиепископ Великого Новгорода и Пскова
---	---	--

Вероятнее всего, эта печать принадлежит архиепископу Евфимию II (1434—1458 гг.).

Чем объясняется то, что традиционное изображение Божией матери «Знамение» заменено изображением Троицы? Конечно, тем, что печать была предназначена специально для Пскова. Имеются печати с изображением Троицы и для преемников Евфимия; мы их воспроизведем как не изданные в «Альбоме» в экскурсе по сигиллографии Новгорода, к которой они относятся прежде всего⁴⁰.

На табл. LI Сфрагистического альбома под № 9 нами воспроизведена большая свинцовая печать с очень грубым схематическим изображением Троицы с одной стороны и надписью в шести строках на другой (табл. VII, 63)

ΠΕΝΑΤ Β·ΑΡΧΙΕ ΠΠΑ·ΝΟ ΒΓΟΡΟΔ ΒΣΚΟ ΓΟ	=	Печать архиепископа Новгородского
--	---	--------------------------------------

Начертания букв позволяют отнести памятник полностью к XIV в. (не думая о XV в.). Печать безыменная, но с указанием принадлежности. Такого типа, за исключением единственной в своем роде греческой печати⁴¹,

³⁸ ПСРЛ, т. III, 1843, стр. 227; т. V, стр. 226; т. VII, стр. 212.

³⁹ Хранится в Отделе нумизматики Гос. Эрмитажа (см. табл. VII, 65) (ред.).

⁴⁰ Раздел рукописи Н. П. Лихачева «Печати Великого Новгорода», посвященный владычной сфрагистике, до настоящего времени не разыскан. Н. П. Лихачев имел в виду печати Ионы, см. рис. VII, 66, 67 (ред.).

⁴¹ Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. XXIV, № 1. (Печать середины XII в.— ред.).

для Новгорода мы не знаем. Надо думать, что эта печать служила для наместников владычных в Псковских областях.

Вариант такой печати, матрица которой была еще более грубой работы, имеется в Государственном Эрмитаже (из собрания Ф. М. Плюшкина) ⁴². Экземпляр 25—26 мм в диаметре на пластинке около 3 мм толщиной. Из надписи сохранилось только:

пЕВАТ [Ь]
[а] РХЕЛІС [к]
[н] ОВГО [р]
[.....]

На обоих экземплярах отметим общность работы. На изображении Троицы у всех ангелов нимбы крещатые.

Особого внимания заслуживают две печати, найденные в Пскове и воспроизведенные в Сфрагистическом альбоме на табл. XV под № 13 и на табл. XXXVII под № 2. Оба экземпляра одной матрицы, но, к сожалению, не вполне сохранившиеся. На одной стороне — изображение Троицы, во

все поле, с надписью наверху ТРОИЦ' = «Троица», а на другой стороне — вязью какое-то имя и круговая надпись как бы греческой скорописью. Круговая надпись эта загадочна.

Вязь также дает чтение сомнительное. На обоих экземплярах прорыв на месте канала, по которому проходили нити прикрепления. По разуму хотелось бы прочесть «Геннадие», но не выходит. Скорее читается «Геронтие».

Работа печати сравнительно очень хорошая и тонкая ⁴³. Имена вязью мы видим и на печатях архиепископов, и в рукописях. Новгородские архиепископские печати такого же типа относятся к очень позднему времени ⁴⁴. Описанные печати с изображением Троицы и вязью должны принадлежать по времени к XV столетию.

Припомним в виде предположения один эпизод, касающийся истории Пскова. Митрополит московский Исидор (грек) по соглашению с псковичами задумал по возможности освободить Псков от церковной зависимости от могущественной новгородской церкви. Устройство особой епархии оказывалось несвоевременным; Исидор основал тогда псковскую «архимандритию». «Псковский архимандрит,— говорит А. И. Никитский,— приобретал, если исключить право посвящения духовных лиц (pontificalia), всю власть Новгородского владыки, равно как и связанные с нею доходы, и в этом качестве представлялся как бы некоторым суффраганом Московского митрополита» ⁴⁵.

Первым архимандритом, назначенным митрополитом Исидором, был Геласий. По возвращении Исидора с Флорентийского собора Геласий был отозван и назначен другой архимандрит, по имени Григорий. В летописях под 1442 г. архимандрит Григорий упоминается после князя и посадника, но в формуле: «архимандрит Григорий и попы вся три соборы, погадавши с псковичи и поставиши церковь» ⁴⁶.

⁴² Хранится в Отделе нумизматики Гос. Эрмитажа (см. табл. VII, 61) (ред.).

⁴³ Отметим, что экземпляр на табл. XXXVII, 2, находившийся в собрании Александрова в Пскове, был обнаружен при слиянии рек Псковы с Великой под стенами Крома. (Эта печать пережила эмиграцию ее первого владельца в Прибалтику и в 1954 г. была приобретена Русским отделом Гос. Эрмитажа.— Ред.)

⁴⁴ Ко времени Макария (1524—1551 гг.) и Серапиона (1551—1553 гг.) (ред.).

⁴⁵ А. И. Никитский. Ук. соч., стр. 319; ср. В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. II, 1903, стр. 771.

⁴⁶ Во время морового поветрия обетную обыденную церковь Похвалы пресвятыя Богородицы. ПСРЛ, т. IV, стр. 212.

Одному из таких архимандритов можно было бы приписать печать с изображением Троицы и с именем, но затея митрополита Исидора быстро рухнула, и новгородский архиепископ восстановил свою пошлину в Пскове. Может быть, прибавка слов «и Пскова» на печати Ефимия II и являлась новшеством как результат такого восстановления прав. Конечно, мы не знаем печатей владычных наместников в Пскове. Возможно, не вероятно, что печать с именем Геронтия (?) принадлежит одному из таких наместников ⁴⁷.

Из немногих печатей псковского происхождения (в смысле находок в Пскове) отметим еще одну, находящуюся в Псковском музее (см. Сфрагистический альбом, табл. XLIII, № 10). С одной стороны голгофский крест (гора с уступами, как на печати Довмонта, что необычно для многочисленных новгородских печатей с таким изображением), на другой

стороне — надпись, очень грубо вырезанная: ПЕЧАТЬ (буква «Б» —

наоборот) **СТОНИКО** = «печать святого Николы» ⁴⁸.

В Пскове было несколько церквей св. Николая, из них храм на «взвозе» (над «греблею») с 1417 г. стал собором (третьим по счету) ⁴⁹.

В собрании Александрова в Пскове находилась (в конце XIX столетия) ⁵⁰ любопытная большая свинцовая печать с изображением св. Григория (по-видимому, епископа Неокесарийского) и надписью на другой стороне. Экземпляр очень попорченный, но древний. Надпись восстанавливается так:

ГРИГОР[И]ВА П[ЕЧ]АТЕКЛИ. Последнее слово €

КЛИ возбуждает догадку о принадлежности печати церкви св. Григория, но гораздо достовернее, что это печать некоего Григория Климовича и, может быть, не псковича, а новгородца. Из печатей, найденных, несомненно, в Пскове, — это одна из самых старых; я отношу ее к XIII столетию.

Нам надо еще решить вопрос о той печати, что сохранилась при грамоте из Пскова в Ригу от посадника Сидора и всех псковичей, воспроизведенной в Сфрагистическом альбоме на табл. XII под № 15. Эта безыменная печать, совершенно схожая с теми печатями, которые привешивались от имени новгородских архиепископов в их отсутствие их уполномоченными, в высшей степени любопытна.

В тексте грамоты не упоминается ни князь, ни архиепископ. Документ послан от посадника и всего Пскова. Печать при нем не личная посадника Сидора — это печать Пскова. Если мы сравним начертания креста с изображением на печати Довмонта, то установим полное сходство. Время написания документа надо отодвигать возможно в глубь XIV в. Думается, что перед нами старейшая из известных нам печатей самого Пскова.

В заключение выскажем пожелание, чтобы был произведен критический анализ документа, по позднему списку изданного Х. М. Лопаревым. Смерды Рожитчане тягались с чернецами Спасо-Мирожского монастыря о мхе и по суду, на основании предъявленной «смердьей грамоты», оправданы, а чернецам отказано! Что это за «великий князь Александр» и кому принадлежала привешенная к грамоте «печать свинчатая, а на ней на коне человек»?

27 января 1935 г.

⁴⁷ О суде владычных наместников в Пскове говорится в Псковской Судной грамоте.

⁴⁸ Псковский Краеведческий музей, инв. № 2216 (ред.).

⁴⁹ ПСРЛ, т. V, стр. 22. Отметим, кстати, что Изборск именовался «домом святого Николы». См. В. С. Иконников. Ук. соч., т. II, стр. 775.

⁵⁰ В 1954 г. эта печать вместе с другими приобретена Русским отделом Гос. Эрмитажа (ред.).

ВИСЛЫЕ ПЕЧАТИ ПСКОВА

Публикуемая выше рукопись крупнейшего знатока русской сфрагистики покойного академика Н. П. Лихачева (ум. 12 апреля 1936 г.) была подготовлена ее автором незадолго до смерти и до сих пор оставалась ненапечатанной. Сначала она хранилась в семье исследователя, а затем поступила в Ленинградский архив АН СССР, где находится в составе «Лихачевского фонда» (№ 246) под № 120 описи 1.

Статья Н. П. Лихачева не утратила научной ценности и сейчас, спустя четверть века после ее написания. Она представляет собой полный свод известных к 1935 г. печатей псковского происхождения, снабженный источниковедческими и историческими комментариями. Этот свод к тому же является и единственным в своем роде, так как псковская сфрагистика, несмотря на большую ценность ее исторического содержания, никогда не исследовалась монографически. Н. П. Лихачев классифицировал все доступные ему памятники, выделив среди псковских печатей сфрагистические группы, специфика которых определяется их назначением и принадлежностью. Он отметил также, что такие группы печатей, как датированные «Псковские печати», «Печати св. Троицы», печати с изображением богородицы и креста — результат сосуществования в Пскове разнородных институтов политической власти и что псковская сфрагистика очень хорошо отражает оба основных процесса, наполнявших политическую жизнь Пскова в XV в.— успешную борьбу за независимость от Новгорода и постепенное, но необратимое включение Пскова в орбиту непосредственного влияния Москвы.

Историческая ценность псковских печатей заключается главным образом не в том, что они пополняют фонд конкретных сведений по истории «молодшего брата Новугороду» — хотя эту сторону их полезности отрицать не приходится, — а в том, что, будучи важнейшими памятниками истории псковских институтов государственной власти, они способны дать верное направление в анализе летописных данных, касающихся псковского государственного устройства.

Располагая ограниченным материалом, Н. П. Лихачев был крайне осторожен в окончательных выводах. Его работа вводит читателя во все многообразие проблем, связанных с изучением печатей Пскова. Главнейший вопрос, поставленный исследователем, — это вопрос о том, какие же печати были государственными буллами Псковской республики. Ответить на это возможно лишь после решения целого ряда проблем, имеющих главным образом источниковедческий характер. И эти проблемы в публикуемой работе поставлены и обсуждены. Многие из них остаются нерешенными, так как недостаток материала заставил исследователя постоянно предполагать возможность заполнения многочисленных обнаруженных им лакун такими печатями, которые еще лежат в земле и со временем могут быть обнаружены. Н. П. Лихачев неоднократно сетовал на скудость псковской почвы и надеялся на открытие сфрагистической сокровищницы, подобной Новгородскому Городищу. Возможность такого открытия осталась не менее вероятной, чем раньше. Однако за 25 лет, прошедших со

времени написания этой работы, количество псковских печатей почти утроилось, состав же групп, определенных Н. П. Лихачевым, фактически остался неизменным. Псковская почва с исключительным постоянством и щедростью отдает печати все тех же типов, какие были известны десятки лет назад, но печатей, заполняющих пробелы классификации, нет, и это позволяет нам критически оценить схему, предложенную Н. П. Лихачевым.

Псковский сфрагистический материал в сильнейшей степени противоречив. Как и в Новгороде, в псковском государственном управлении сталкивались три политические силы — князь, республика и церковь, и острота их сосуществования заключается в том, что эти силы находились в постоянной борьбе, осуществляя в управлении и суде сходные функции. Эта борьба велась с переменным успехом, и один из последних ее этапов отражен в Псковской Судной грамоте, фиксирующей равенство юрисдикции князя и посадника в ущерб юрисдикции владычного наместника. Тождество функций княжеского, республиканского и церковного управления вело к тому, что и сфрагистика Пскова включила в свой состав печати князя, посадников и владычных наместников. Все группы этих печатей были группами печатей государственных, а непрерывное развитие трех институтов власти неминуемо должно было вести к созданию трех параллельных линий развития псковской сфрагистики. Тем не менее такое непрерывное развитие прослеживается далеко не всегда. Княжеская сфрагистика представлена хронологически изолированными группами печатей домонгольского времени, печатей с изображением св. Тимофея, относимых исследователями к концу XIII в., и документальных сведений о печати XV в. Сфрагистика псковских посадников, по Н. П. Лихачеву, охватывает «Троицкие печати», которые им датированы рубежом XIV—XV вв., и датированные «Псковские печати», появившиеся с 1425 г. Наконец, сфрагистика владычных наместников включает в свой состав лишь печати второй половины XIV в. и первой половины XV в. В определении времени каждой группы исследователь тщательно оговорил далеко не единичные противоречия, которые иногда кажутся необъяснимыми. Окончательные суждения о псковских печатях исследователем были отложены до той поры, когда новые находки дадут возможность устранить эти противоречия. Таким образом, состояние псковской сфрагистики требует или более подробного обоснования, или же нового источниковедческого анализа.

Н. П. Лихачеву в 1935 г. было известно 29 вислых печатей Пскова, происходящих от 18 матриц. С тех пор материал значительно пополнился, главным образом благодаря приращениям собрания Псковского музея и неутомимой деятельности Л. А. Творогова, усилиями которого были сохранены для науки многие новые находки псковских печатей. Всего сейчас известны 74 сфрагистических памятника из Пскова, происходящих от 33 матриц.

Сбор публикуемого материала, в том числе и изданного ранее Н. П. Лихачевым, оказался весьма трудоемким, так как псковские печати рассеянные по различным государственным хранилищам, в большинстве случаев не паспортизованы, а некоторые памятники за время, прошедшее с момента их находки, несколько раз переменили место хранения, что крайне плохо отражено в их документации. Поэтому нам представилось целесообразным изложить весь материал в виде систематического свода с подробными указаниями в части топографии хранения и издания печатей. В целях большего удобства иллюстративный материал к статье Н. П. Лихачева включен в общие таблицы, которые, таким образом, иллюстрируют обе статьи¹.

Все публикуемые печати — свинцовые.

¹ В тексте настоящей статьи употреблены следующие специальные сокращения: Ал. — собрание Александрова в Пскове (до 1918 г.); Д. — диаметр печати; Изд. — издание

* * *

Печати XII — начала XIII в. Древнейшие печати, происходящие из числа псковских находок, принадлежат к домонгольскому времени. Интерес, вызываемый ими, велик, так как домонгольский период псковской истории наименее освещен летописями. Однако крайняя малочисленность таких печатей — всего три — не дает достаточного материала для сколько-нибудь существенных выводов. Тем не менее нам представляется весьма важным то обстоятельство, что все три домонгольские печати, найденные в Пскове, принадлежат к числу памятников княжеской сфрагистики, что соответствует общему характеру новгородской сфрагистики того же времени.

1. (Рис. 1, 1). Л. с. Изображение св. Василия Кесарийского в рост; по сторонам колончатые надписи:

а г н о с	в а сн л
-----------------------	-------------------

О. с. Изображение архангела Михаила с жезлом и сферой; наверху, над крыльями: $\overline{M} - \overline{X}$

Д.— 19—21 мм. М. н.— Псков; Хр.— Ал. (конец XIX в.), не разыскана. Изд.— ЛСА, XLII, 20.

Публикуемый экземпляр имеет ряд аналогий в новгородских находках, где небольших печатей с изображением святых Василия и Михаила известно не менее четырех², однако найденный в Пскове обнаруживает особенности в деталях изображения, что говорит о происхождении его от особых матриц. В то же время ни стилистически, ни технически он не является своеобразным и, так же как новгородские экземпляры, должен быть датирован временем князя Рюрика Ростиславича, которого в крещении звали Василием Михайловичем. Новгородское княжение Рюрика относится к 1173 г., а псковские летописи не знают около этого года какого-либо особого псковского князя.

2. (Рис. 1, 2). Л. с. Шестиконечный крест.

О. с. Изображение княжеского знака, близкого по очертаниям обычным знакам сыновей Юрия Долгорукого³.

Д.— 12—13 мм. М. н.— Псков. Хр.— Лих., не разыскана. Изд.— ЛСА, LIII, 12.

Особенность очертания знака — отрог на его правой мачте — говорит о принадлежности пломбы одному из младших сыновей Юрия, из которых в Новгороде в 1154—1157 гг. княжил Мстислав. Однако не меньшее сходство обнаруживается и со знаком некоего Георгия, под которым мы предполагаем князя Юрия Андреевича, княжившего в Новгороде в 1173—

печати; Лих.— собрание Н. П. Лихачева в Ленинграде (до 1936 г.); ЛСА — Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом; М. н.— место находки печати; Никольский — собрание Н. К. Никольского в Ленинграде (после 1936 г.; с 1959 г.— в Эрмитаже); Орешников — А. В. Орешников. Материалы к русской сфрагистике. Труды Московского нумизматического общества, т. III, вып. I, М., 1903; Пл.— собрание Ф. М. Плюшкина в Пскове (до 1912 г.); Ушаков — Ф. А. Ушаков. По поводу псковских древних печатей. СПб., 1902; Толстой — собрание И. И. Толстого в Петербурге (до 1916 г.); Хр.— место хранения печати.

² Ср. ЛСА, III, 22; XXX, 10; XLII, 19; экземпляр, тождественный изображенному в ЛСА, III, 22, также имеется в ЛОИИ.

³ См. В. Л. Янин. Княжеские знаки суздальских Рюриковичей. КСИИМК, вып. 62, 1956, стр. 16.

1175 гг.⁴ Под указанными годами летописи также не знают особых псковских князей.

3. (Рис. 1, 3). Л. с. Изображение св. Георгия на коне, скачущем вправо; у плеча святого копье, в левой части поля надпись:

ГЕ
О
РЪГІ,

вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение святых Флора и Лавра в рост, с мученическими крестами у груди; по сторонам колончатые надписи:

·В	ЛА
Ф	ВО
ЕЛ	РЗ
О	
Р	

Д.—23 мм. М. н. — Псков, раскопки 1956 г. у Покровской башни, выброс. Хр.—ОНГЭ (от Л. А. Творогова). Не издана.

Печать не является уникальной. Еще один экземпляр, оттиснутый теми же матрицами, был найден в Новгороде и воспроизведен Н. П. Лихачевым⁵. Но сюжет печати в русской сфрагистике не повторен. Основание для датировки дают художественные и технические особенности памятника. Печать изящна и выполнена в типичной домонгольской художественной манере, которая в сфрагистике прекратилась с появлением поздних печатей Ярослава Всеволодовича в 1230-х годах с их грубыми изображениями, признаками стилистической деградации и увеличенным кружком. С другой стороны, в художественном отношении найденная в Пскове печать имеет все признаки, сближающие ее с печатями XIII в. В отличие от более ранних памятников, на которых Георгий изображается всегда в рост, с копьем и щитом, как канонически изображались все святые воины, Георгий на нашей печати изображен всадником, как обычно изображались святые воины XIII в. Впервые изображение конного воина появляется на печати Федора Ярославича, княжившего в Новгороде в 1228 и 1230—1233 гг.⁶ По-видимому, и публикуемую печать нельзя датировать иначе, как первой третью XIII в., оставляя вопрос об ее принадлежности открытым, так как христианские имена новгородских и псковских князей этого времени нам в ряде случаев неизвестны⁷.

Отметим, что в Пскове, как и в Новгороде, культ Флора и Лавра был весьма распространен. Летопись под 1543 г. сообщает о ремонте придела во имя Флора и Лавра в Троицком соборе Пскова⁸. Монастырь во имя тех же святых существовал в Пскове в Песках, над Великой рекой, за Великими воротами⁹. В собраниях Псковского музея имеется икона, происходящая из этого монастыря и изображающая Флора, Лавра и Георгия, т. е. всех тех святых, которые изображены и на печати. В Новгороде церковь Флора и Лавра существовала на Легощей улице и пострадала от пожара уже в 1349 г.¹⁰ Разумеется, признавать все эти памятники

⁴ См. В. Л. Янин. Княжеские знаки суздальских Рюриковичей. КСИИМК, вып. 62, 1956, стр. 16.

⁵ ЛСА, IV, 13.

⁶ ЛСА, II, 22; V, 22—24; XLVI, 1; XLVIII, 10; Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. II, рис. 38—39; Новгородский музей, инв. № 4069; ЛОИИ.

⁷ На начало XIII в. указывает и отсутствие обычного О АГИОС при именах святых.

⁸ Псковские летописи, т. I. М.—Л., 1941, стр. 111; т. II, М., 1955, стр. 230.

⁹ Л. А. Творогов. Сокровищница старой русской книжности. Псков, 1957, стр. 13.

¹⁰ Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, стр. 361.

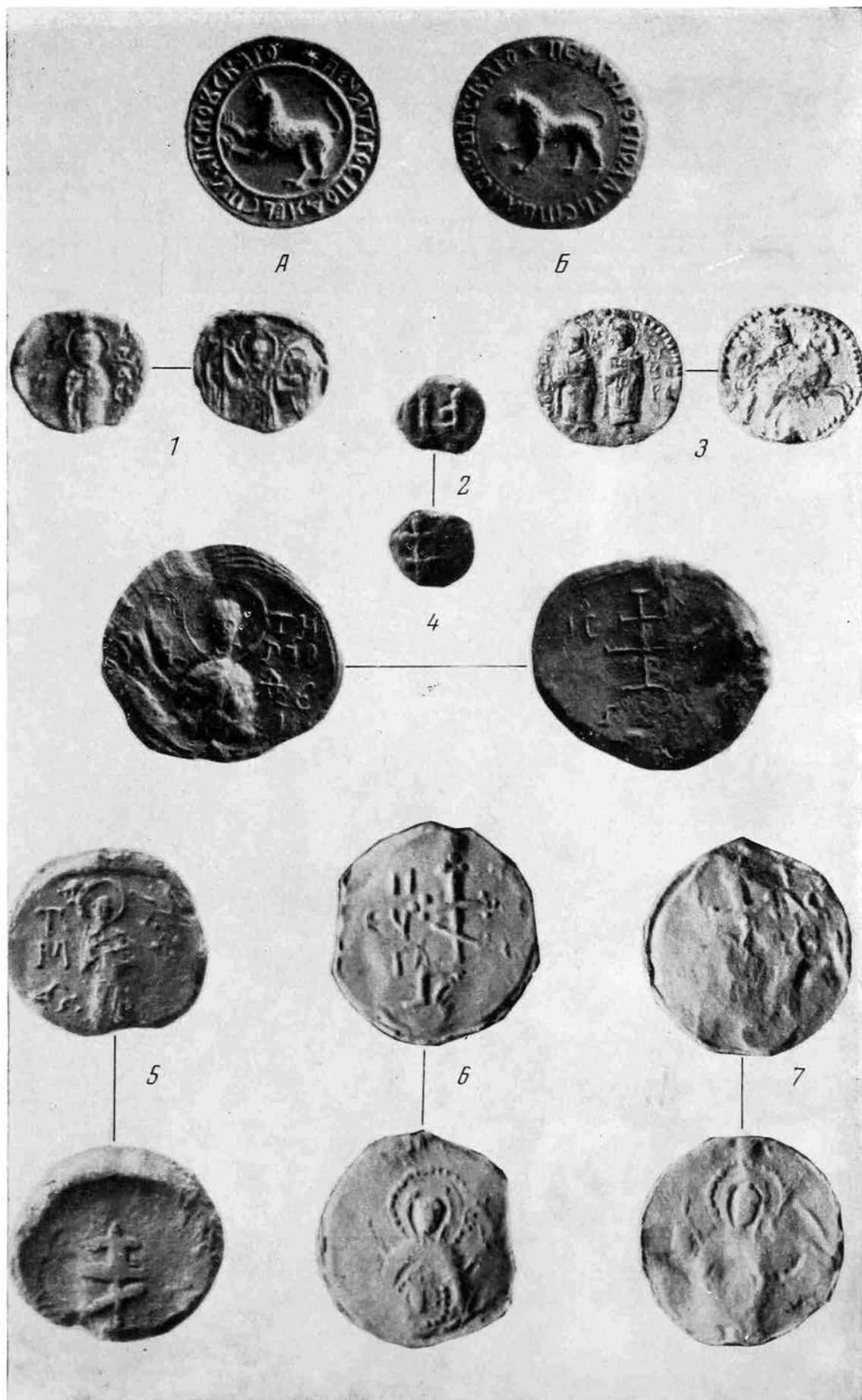

Рис. 1.

А, Б — «Печати Государства Псковского» XVI в.; 1—3 — княжеские печати XII—XIII вв.; 4—7 — печати с изображением св. Тимофея, второй половины XIV — начала XV в.

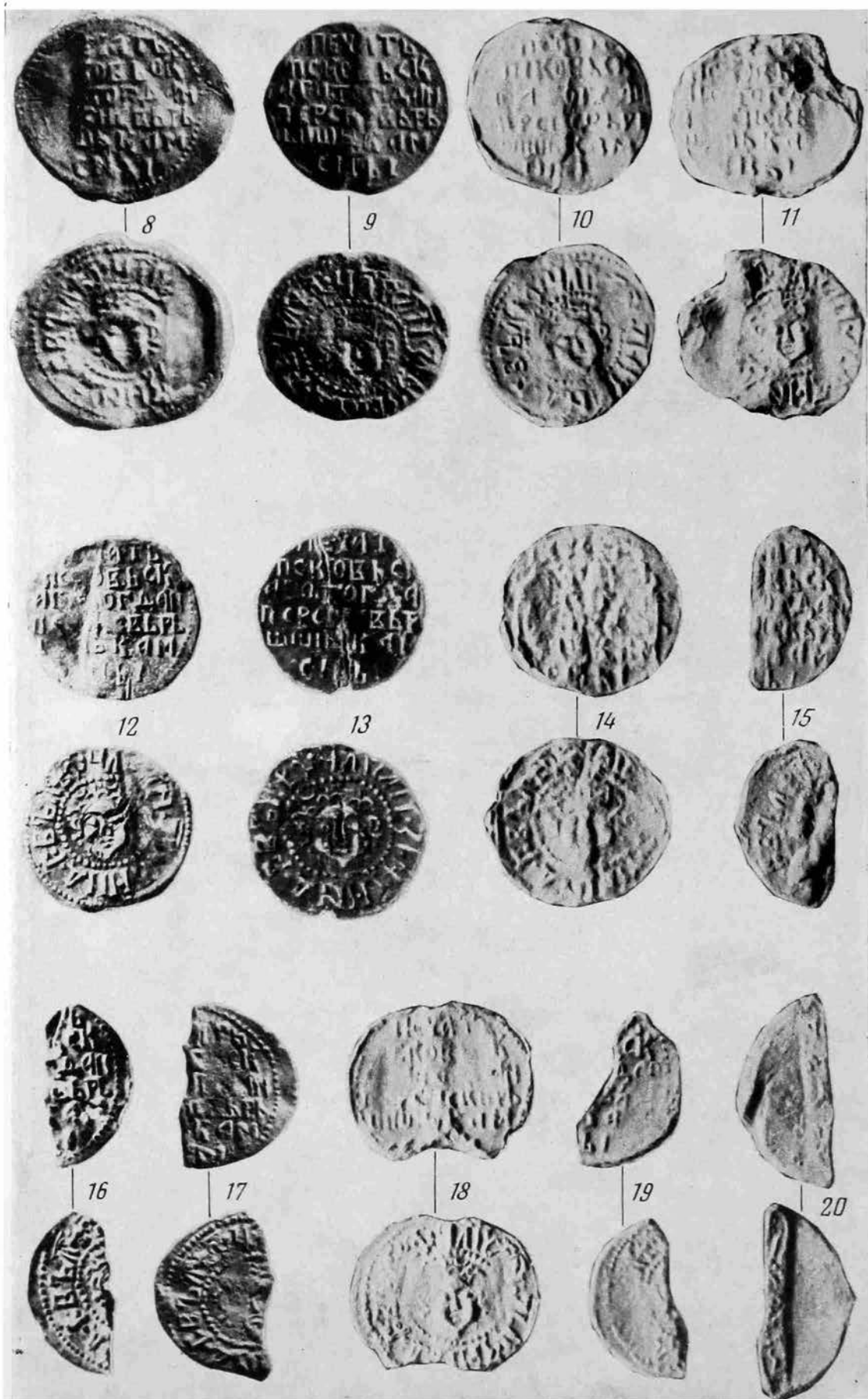

Рис. 2.

8—20 — «Псковские печати» 1425 г.

Рис. 3

22—31 — «Псковские печати» 1469 г.

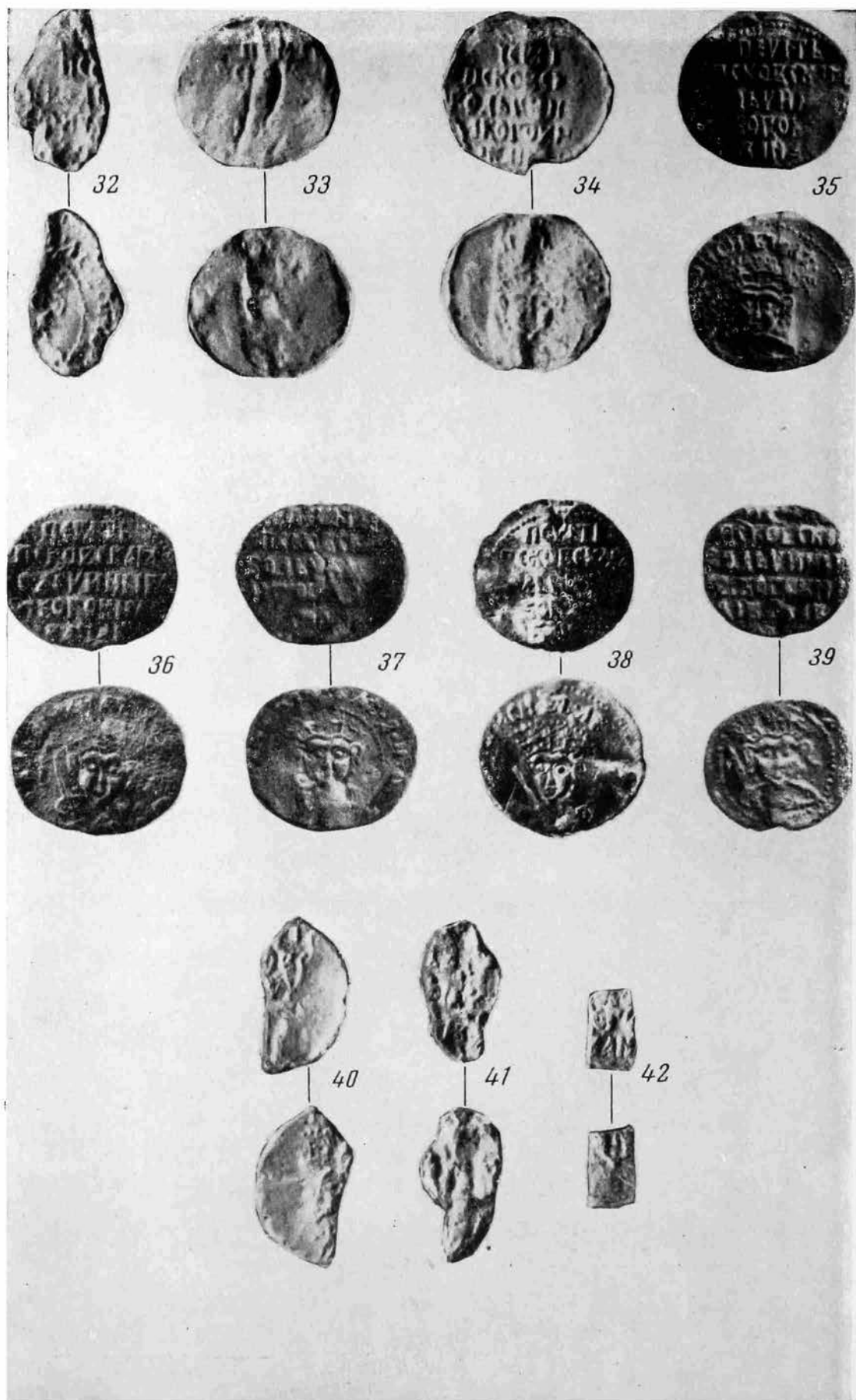

Рис. 4.

32-42. — «Псковские печати» 1469 г.

Рис. 5.

43—49 — посадничьи печати Пскова, XV в.

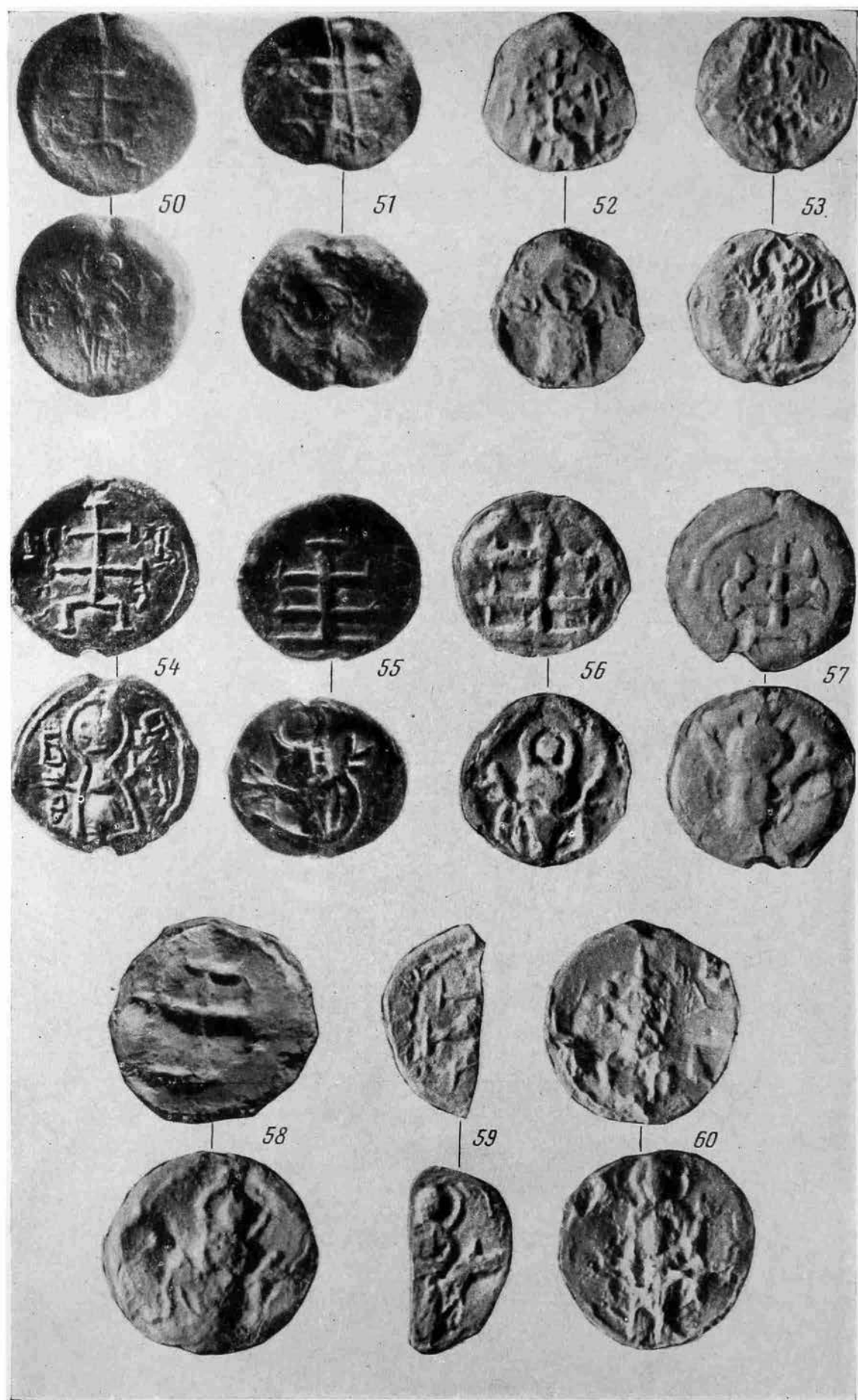

Рис. 6.

50—60 — печати владычных наместников Пскова, первая половина XIV в.

Рис. 7,

61—68 — печати владычных наместников Пскова, вторая половина XIV—XV в.

Рис. 8.

69—71 — печати псковских пригородов; 72 — Юрьевская печать; 73 — Печать Григория Климович

принадлежащими к единому княжескому патрональному культу, основателем которого мог быть владелец публикуемой печати, у нас нет достаточных оснований, но и отрицать такую возможность не следует.

Домонгольские псковские печати не обнаруживают каких-либо типических отличий от новгородских. Этого и следовало ожидать, поскольку до середины XIII в. Пскову были присущи все свойства новгородского пригорода, что не могло не отражаться и в оформлении его сфрагистических типов, единых с новгородскими.

«Печать великого князя Александра». Н. П. Лихачев первый обратил внимание на очень важную датирующую приписку к грамоте великого князя Александра и посадника Твердила рожитчанам, сохранившейся в копии XVI в.: «А у грамоты печать свинчатая, а на ней на коне человек»¹¹. Сочетание имен Александра и Твердила указывает на время Александра Невского, однако это сочетание всегда казалось исследователям противоречивым. Твердило Иванкович известен летописцу как изменник, державший перевет с немцами, «подведший» их «с инеми» к Пскову в 1240 г. «и сам нача владети Псковом»¹². Очень неконкретный летописный рассказ о казни Александром немецких наместников и их псковских сторонников в 1242 г. перед Ледовым побоищем понимается обычно как рассказ о неминуемом падении Твердилы, в силу чего его имя не могло сочетаться с именем Александра. Отсюда множественность датировок грамоты в пределах XIII—XV вв. Сомнения в дате были свойственны уже переписчику сохранившегося списка XVI в. Озаглавив его «Список с указной харатенной грамоте великого князя Александра Васильевича Оболенского и т. д.», он вычеркнул сначала «великого», так как Александр Оболенский великим князем не был, а затем такому же вычеркиванию подверглись слова «Васильевича Оболенского», так как начальная формула акта упоминала все же великого князя.

Н. П. Лихачев среди возможных владельцев печати и авторов грамоты назвал Александра Михайловича Тверского и Александра Васильевича Черторизского, имевших, по его мнению, равные шансы с Александром Невским. Составители последнего издания грамот Новгород и Пскова называли также князей Александра Всеволодовича и Александра Ивановича. Добавим еще Александра Федоровича, неоднократно княжившего в Пскове. Однако в действительности все эти многочисленные князья Александры вовсе не имеют равных шансов быть авторами рассматриваемой грамоты. Их список самым решительным образом ограничен указанием самой грамоты на то, что ее автор был великим князем. Великих князей в списке только два: Александр Невский и Александр Михайлович Тверской. Последний уже по получении ярлыка на великое княжение вынужден был бежать в Псков, где получил стол.

Следовательно, если основываться на титуле, автором грамоты и владельцем печати мог быть или Александр Невский или Александр Тверской. Однако и эти два князя не могут иметь равных шансов, так как грамота описывает печать, а буллы Александра Михайловича известны сейчас так же хорошо, как и буллы Александра Ярославича.

Печать Александра Михайловича дошла до нас в двух экземплярах, один из которых сохранился при договорной грамоте этого князя с Новгородом, составленной в 1326—1327 гг.¹³, а другой происходит из случайных находок в Новгороде¹⁴. На лицевой стороне этой печати помещено изображение св. Александра в рост, с копьем и щитом и надписью с именем святого по сторонам; на оборотной стороне — изображение Пантократора. Следовательно, тип буллы Александра Тверского не имеет ничего общего с описанным в грамоте.

¹¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.—Л., 1949, стр. 338 сл., № 348.

¹² Псковские летописи, т. II, стр. 13.

¹³ Грамоты Великого Новгорода и Пскова, стр. 26, № 14; Орешников, II, 14.

¹⁴ ЛСА, XLVIII, II.

Печати Александра Невского сохранились в гораздо большем количестве. В изданиях и собраниях их насчитывается не менее 24, а Н. П. Лихачевым посвящено этим печатям специальное исследование¹⁵. Все буллы Александра Ярославича однотипны и несут на одной стороне изображение св. Александра на коне, скачущем вправо, а на другой стороне — изображение святого патрона отца Александра — Ярослава Всеволодовича: Федора Стратилата в композиции «чудо о змии».

Чтобы исчерпать сфрагистическую часть проблемы, добавим, что во времена князей XV в. Александра Васильевича, Александра Ивановича и Александра Федоровича в Пскове уже сложился особый тип княжеской печати, который не имеет ничего общего с описанным в грамоте и которому ниже посвящается специальный раздел. Не установлен до сих пор тип печати Александра Всеволодовича (1341 г.), но этот князь не был великим.

Мы видим, таким образом, что единственно возможным автором грамоты рожитчанам может быть только Александр Невский. Это не означает, однако, что одна из первоначальных датировок грамоты 1241 годом, предложенная А. Х. Востоковым¹⁶, правильна. В 1241 г. Александр не был еще великим князем. Великокняжеский стол он получил в 1252 г. и владел им до смерти в 1263 г. В этих хронологических пределах и должна быть датирована грамота. Время ее составления возможно было бы уточнить, если бы мы знали, в какие годы псковский стол занимал Ярослав Ярославич, княжение которого находится где-то между этими датами. Однако возможностей для такого уточнения, по-видимому, не существует.

Неясно также, был ли посадник Твердило тождествен Твердиле Ивановичу летописи, тем более, что летопись не называет Твердилу Ивановича посадником. Думается, что тождественность возможна, так как летописец ничего не сообщает о казни в 1241 г. именно Твердилы.

В середине XIII в. сфрагистика Пскова продолжает сохранять общность с новгородской сфрагистикой, где к тому времени еще не сложилась посадничья печать, еще отсутствуют печати владычных наместников, а именные владычные печати исключительно редки. Княжеская юрисдикция в гражданских делах господствует безраздельно. Что касается Пскова, напомним, что в 1242 г. именно принадлежность суда представляется летописцу главным признаком власти: «...Александр... поиде ...изгонною ратию на немцы к Пскову, уже бо бяше Псков взят и тиуны посажены у них судити»¹⁷.

Печати с изображением св. Тимофея.

4. (Рис. 1, 4). Л. с. Поясное изображение св. Тимофея, правая рука святого простерта в благословляющем жесте, в левой у груди мученический крест; справа колончатая надпись:

ТН
МО
ФЄ
/

О. с. Изображение шестиконечного креста на ступенчатом основании; по сторонам:

іс — хс

¹⁵ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. I, Л., 1928, стр. 89—92.

¹⁶ А. Востоков. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея. СПб., 1842, стр. 86.

¹⁷ Псковские летописи, т. II, стр. 82.

Д.— 35 мм. Печать сохранилась при широко известном документе — Рядной Тешаты и Якима¹⁸. Хр.— Рижский Гос. архив. Изд.— ЛСА, X, 1.

5. (Рис. 1, 5). Л. с. Изображение св. Тимофея в полный рост с мученическим крестом у груди; по сторонам:

Т
М —
О

О. с. Изображение восьмиконечного креста.

Д.— 30—32 мм. М. н.— Новгород. Хр.— Лих., Никольский, ОНГЭ. Изд.— ЛСА, LI, 4.

Описанные печати принято признавать «точно датированными». Действительно, заключительная фраза грамоты, при которой сохранился один из вариантов такой печати, упоминает Довмонтова писца, что и служит основанием для определения времени буллы княжением Довмонта (1265—1299 гг.). Довмонт в крещении назывался Тимофеем. Более того, если судить по припискам к некоторым спискам жития Довмонта, он был наречен в честь Тимофея, мученика Газского¹⁹, а на обоих вариантах печати изображен именно мученик Тимофей, на что указывают кресты. Позднее в Пскове почитание князя Довмонта было тождественно с почитанием Тимофея Газского, на что указывает следующее обстоятельство. В 1373 г. псковичами в воспоминание о князе Довмонте была в Довмонтовом городе поставлена каменная церковь св. Тимофея: «в то же лето святыи Тимофеи Доманта князя поставлена бысть камена»²⁰. Можно было бы думать, что церковь посвящена самому Довмонту-Тимофею, очень рано (хотя и не официально) причисленному к лику святых. Однако эта церковь, существовавшая еще в XVIII в., носит название церкви Тимофея Газского²¹.

С формальной точки зрения отнесение описанных печатей к князю Довмонту не встречает каких-либо возражений. Однако сопоставление их с современными княжескими и другими буллами Новгорода и с аналогичным позднейшим уже псковским материалом не позволяет относить печати Тимофея к концу XIII в. Для этого времени они отличаются несоразмерной величиной, а наблюдения над их палеографией, манерой исполнения, рисунком титлов заставляют датировать рассматриваемые буллы временем не ранее второй половины XIV в.

Этот вывод, казалось бы, находится в противоречии с прямым указанием рядной Тешаты и Якима о выходе грамоты из рук Довмонтова писца. Однако обращение к терминологии княжеского управления Пскова показывает, что эти противоречия не так уж резки. Княжеское управление в Пскове сосредотачивалось в Довмонтове городе; Довмонт не был покровителем Пскова, — в отличие от Троицы, он был покровителем псковской княжеской власти. Ниже мы увидим, что само изображение Довмонта стало в XV в. неперменной эмблемой именно княжеских печатей. Поэтому возможно думать, что во второй половине XIV — первой четверти XV в. княжеские печати, бывшие такими же анонимными, как и позднее, в XV в., использовали обобщенный символ княжеской власти — изображение св. Тимофея, в отличие от новгородских, сохранявших еще личный характер. Поэтому выражение «Довмонтов писец» может оказаться тождественным выражению «княжеский писец» и, следовательно, не содержать в себе указания на конец XIII в.

¹⁸ Грамоты Великого Новгорода и Пскова, стр. 317, № 331.

¹⁹ Н. П. Лихачев. Ук. соч., стр. 33, прим. 1.

²⁰ Псковские летописи, т. II, стр. 105.

²¹ Н. Окунич-Казарин. Новые данные по топографии и истории Пскова. Тр. Псковского археологического общества, вып. II, Псков, 1915, стр. 122 и план 1740 г.

Решающим в окончательном хронологическом определении печатей Тимофея был бы независимый от ссылок на Довмонтова писца палеографический анализ самой рядной Тешаты и Якима, которая может оказаться не XIII, а XIV в. Терминология рядной (упоминание в ней еще не рублей, а гривен серебра) ограничивает младший рубеж ее составления 1360-ми — 1370-ми годами.

Ставя вопрос о передатировке этой грамоты, мы решительно настаиваем на следующих обстоятельствах. Печать с изображением св. Тимофея относится ко времени позднему, нежели конец XIII в. Сами печати с изображением св. Тимофея оказываются необходимым этапом, предвещающим появление анонимных княжеских печатей Пскова XV в.

Особенно в этом убеждают еще две печати особого типа, содержащие в своих легендах имя Тимофея. Обе печати оттиснуты одной парой матриц.

6. (Рис. 1, 6). Л. с. Изображение шестиконечного креста на подножии; на концах креста по три точки (кроме концов нижней косой переключины); под основанием креста — адамова голова; по сторонам колончатые надписи:

П	Т
ЄЧ	=
ТΔ	=

О. с. Поясное изображение Богоматери «Знамение».

Д.— 30 мм. М. н.— Псков, ул. Калинина (в окольном городе), декабрь 1957 г. Хр.— ПКМ, инв. № 2550. Не издана.

7. (Рис. 1, 7). Л. с. Изображение шестиконечного креста, по сторонам колончатые надписи, частично читаемые лишь справа от изображения:

Т
ΛΟ
Θ=
=

О. с. Поясное изображение Богоматери «Знамение».

Д.— 31 мм. М. н.— Псков. Хр.— Пл., ОНГЭ. Не издана.

Изображение креста, украшенного точками, схематично передающими дополнительные переключины на концах лопастей, и снабженного адамовой головой; принадлежит к формам, сложившимся в Новгороде с начала второй половины XIV в. Только во времена архиепископов Алексея и Иоанна, т. е. после 1359 г., на место простых крестов на печатях приходят сложные, с дополнительными переключинами. Надпись печати по двум ее экземплярам восстанавливается сравнительно просто:

П	ТН
ЄЧ	МО
λТЪ	ΘЄ
	Λ

Здесь мы видим дальнейшее развитие рассматриваемого типа, уже лишенного лично-патрональной эмблемы, которая заменена лаконичной надписью.

Псковские печати 1425 и 1469 гг.

8—21. (Рис. 2, 8—20). Л. с. Надпись в шесть строк:

ПЕЧАТЬ
 ПСКОВСКО
 АГА ТОГДА И
 ПЕРСИ СВЕРЬ
 ШИШЬКАМ
 ЕНДИ

= Печать Псковская,
 тогда и перси
 свершиша камены;

вокруг точечный ободок.

О. с. Мужская голова в короне, прямо; вокруг между двумя точечными ободками: ВЪ ЛЪ \times ЦЛГ СЛН · ЗІ · Н · ЗІ · И · Д · Г = в лето 6933, солн-

ца (круг) 17, луны 17, индикта 3.

8. Д.—28—31 мм. М. н.—Псков. Хр.—Ал. (1890-е гг.). Не разыскана. Изд.—ЛСА, XXXVIII, 3.

9. Д.—26—29 мм. М. н.—Псков. Хр.—Лих., ЛОИИ. Изд.—ЛСА, XIII, 12.

10. Д.—28 мм. М. н.—Псков. Хр.—ПКМ, инв. № 2230 (от И. Н. Ларионова). Не издана.

11. Д.—25—28 мм. М. н.—Псков, 1945 г. Хр.—ПКМ, инв. № 2231. Не издана.

12. Д.—25—26 мм. М. н.—Псков, Запсковье, начало 1950-х годов. Хр.—ОНГЭ (от Л. А. Творогова). Не издана.

13. Д.—24—25 мм. М. н.—Псков, до 1899 г. Хр.—Пл., ОНГЭ. Изд.—Ушаков, рис. 9—10, № 1.

14. Д.—23—25 мм. М. н.—Псков, около 1884 г. Хр.—Пл., Толстой, ОНГЭ. Изд.—И. И. Толстой. Русская допетровская нумизматика, вып. II. Монеты псковские. СПб., 1886, рис. на стр. 1.

15. Д.—24 мм (обл.). М. н.—Псков, 1927 г. Хр.—Лих., ЛОИИ. Не издана.

16. Д.—24—26 мм (обл.). М. н.—Псков, левый берег Великой, у Пароменской церкви, весна 1953 г. Хр.—ОНГЭ (от Л. А. Творогова). Не издана.

17. Д.—24 мм (обл.). М. н.—Куплена в Пскове в 1911 г. Н. И. Репниковым. Хр.—Лих., ЛОИИ. Изд.—ЛСА, XXXVIII, 4.

18. Д.—24—28 мм. М. н.—Псков, Строительная ул., неподалеку от Алексеевского кладбища, весна 1958 г. Хр.—ПКМ, инв. № 2643. Не издана.

19. Д.—24 мм (обл.). М. н.—Псков. Хр.—Пл., ОНГЭ. Не издана.

20. Д.—28 мм. (обл.). М. н.—Псков. Хр.—Пл., ОНГЭ. Не издана.

21. Д. неизвестен. М. н.—Псков. Хр.—музей школы № 12 г. Пскова. Не издана. Экземпляр не удалось осмотреть и сфотографировать. Сведения о нем получены от И. К. Голуновой.

Описанную группу печатей удобнее всего рассматривать вместе со следующей, однородной с ней группой:

22—42. (Рис. 3, 22—31; рис. 4, 32—42). Л. с. Надпись в шесть строк:

ПЕЧАТЬ
 ПСКОВСКАГА
 ВОДЬЧИНЫВЕ
 ЛНКОГО КНАЗ
 АИВАНАС
 = ЛЬЕВИ =

= Печать Псковская,
 = водьчины великого князя
 Ивана Васильевича;

вокруг точечный ободок.

О. с. Голова в короне; под ней, непосредственно из подбородка, маленькие ручки, в правой меч; вокруг между двумя точечными ободками:

ВЗ · Т̃ · 2̃ · 4̃ · 03 · ДОСЛЪ = = БЫ КЛЕЩИ СИ

= в лето 6977 доспе(ты) бы(ша) клещи си.

22. Д.—26—30 мм. М. н.—Псков. Хр.—Пл., ОНГЭ. Изд.—ЛСА, LV, 7.

23. Д.—27—29 мм. М. н.—Псков. Хр.—ПКМ, инв. № 2233. Не издана.

24. Д.—26—29 мм. М. н.—неизвестно. Хр.—РОГЭ (с 1954 г.). Не издана.

25. Д.—26—28 мм. М. н.—Псков, Плехановская слобода, весна 1954 г. Хр.—ОНГЭ (от Л. А. Творогова). Не издана.

26. Д.—25—28 мм. М. н.—Псков, Хр.—Пл., ОНГЭ. Изд. Ушаков, рис. 9—10, № 2; ЛСА, XXXVIII, 5.

27. Д.—24—27 мм. М. н.—Псков, 1957 г. Хр.—ОНГЭ (от Л. А. Творогова). Не издана.

28. Д.—26 мм. М. н.—Псков, Хр.—ПКМ, инв. № 2223. Не издана.

29. Д.—26 мм (обл.). М. н.—Псков. Хр.—Пл., ОНГЭ. Не издана.

30. Д.—26 мм (обл.). М. н.—Псков. Хр.—Пл., ОНГЭ. Не издана.

31. Д.—24—26 мм. М. н.—Псков. Хр.—Пл., ОНГЭ. Изд.—ЛСА, XXXVIII, 6.

32. Д.—24 мм (обл.). М. н.—Псков. Хр.—Пл., ОНГЭ. Не издана.

33. Д.—24 мм. М. н.—Псков. Хр.—Пл., ОНГЭ. Не издана.

34. Д.—25 мм. М. н.—Псков. Хр.—ПКМ, инв. № 2510 (с 1957 г.). Не издана.

35. Д.—23—25 мм. М. н.—Псков. Хр.—Лих., Никольский, ОНГЭ. Изд.—Ушаков, рис. 9—10, № 3; ЛСА, XIII, 11.

36. Д.—22—25 мм. М. н.—Псков. Хр.—Лих., ЛОИИ. Изд.—ЛСА, XLIII, 4.

37. Д.—22—25 мм. М. н.—Псков, 1904 г. Хр. ПКМ. Не разыскана. Изд.—ЛСА, XXXVIII, 8.

38. Д.—24 мм. М. н.—Псков, левый берег Псковы против колокольни Троицкого собора, весна 1954 г. Хр.—ОНГЭ (от Л. А. Творогова). Не издана.

39. Д.—20—22 мм. М. н.—Псков. Хр.—Пл., ОНГЭ. Изд.—ЛСА, XXXVIII, 7.

40. Обл. М. н.—Псков. Хр.—Пл., ОНГЭ. Не издана.

41. Обл. М. н.—Псков. Хр.—Пл., ОНГЭ. Не издана.

42. Обл. М. н.—Псков. Хр.—Пл., ОНГЭ. Не издана.

Обе группы «Псковских печатей» наиболее многочисленны в псковской сфрагистике. В одну из них входит 14, в другую—21 экземпляра, что в общей сложности составляет половину всех известных к настоящему времени псковских вислых печатей.

На них мы впервые можем наблюдать интереснейшую особенность сфрагистики Пскова XV в., не повторяющуюся в других русских сфрагистических разрядах,—присутствие точной даты изготовления матриц. На печати 1425 г. эта дата передана в цифрах года, в кругах солнца, в кругах луны и индиктах, а кроме того, снабжена отсылкой летописного характера: «тогда и перси свершиша камены». Н. П. Лихачев вслед за И. И. Толстым отмечает несоответствие этой даты летописной, однако существует еще один памятник псковского летописания—запись 6933 г. на пергаменной Минее б. Синодального собрания, в которой завершение постройки персей псковского Крома правильно датировано 1425 г.²²

²² В. Л. Янин. О начале псковской монетной чеканки. Тр. ГИМ, вып. XXV. Нумизматический сборник, ч. I. М., 1955, стр. 23.

Что касается даты печати 1469 г., то она передана только в цифрах года, и Н. П. Лихачев, на наш взгляд, совершенно ошибочно усматривал на ней летописные отсылки, подобные той, что отмечена для печати 1425 г. Фразу «доспеты бысть клещи си» Н. П. Лихачев воспринял как сообщение о постройке в Пскове под указанным годом предмостного укрепления и много места в своей работе уделил вопросу о роли в жизни Пскова крепостных сооружений. Однако ссылки на «Словарь» В. И. Даля в данном случае не могут быть аргументом, так как в числе древних терминов «клещей» в значении укрепления не существует и это слово появляется в русском языке сравнительно поздно в связи с развитием военного дела в XVII—XVIII вв.²³ Эта загадочная фраза вообще не содержит в себе никакой загадки, так как ее содержание относится к тому предмету, на котором она помещена. Термин «клещи» более всего подходит к матрицам печатей, буллотириям, закрепленным на шарнире. Эта форма буллотириев бытовала на Руси во все времена существования вислых печатей и дожила до нашего времени в обычном пломбировочном инструменте для свинцовых пломб. До сих пор древнерусское наименование инструмента для оттискивания печатей не было известно; теперь мы его прочли на самих печатях. Смысл темной фразы печати 1469 г. сводится к сообщению о годе изготовления матриц этой печати.

Однако для псковской сфрагистики эта фраза весьма значительна. Она свидетельствует о более серьезной регламентации пользования печатью в Пскове XV в., нежели в более раннее время. Отсутствие каких-либо иных типов «Псковской печати» XV в. говорит о том, что матрицами 1425 г. пользовались непрерывно на протяжении 45 лет, вплоть до введения новых матриц в 1469 г., точно так же, как эти новые матрицы использовались на протяжении нескольких десятков лет последней трети XV в. Приведенное Н. П. Лихачевым свидетельство документа 1491 г. об использовании в конце XV в. «печати псковской отчины великого князя Ивана Васильевича»²⁴ прямо указывает на бытование этих матриц до 1491 г. и, по-видимому, до смерти Ивана III в 1505 г. Следовательно, дата печатей, помещенная на них,— это не год фиксирования печатью того или иного документа, а год установления нового сфрагистического типа. 1425 и 1469 гг.— этапные даты развития псковской государственной печати.

Исследуя причины возникновения и изменения этих сфрагистических типов, мы не можем для 1425 г. указать какую-либо конкретную причину, вызвавшую к жизни появление первой датированной и — что еще более важно — анонимной «Псковской печати». С этой датой не связано события следствием которого могли бы быть серьезные изменения в порядке управления Псковом. Единственно возможное, на наш взгляд, объяснение может возникнуть из сопоставления даты печати с датой псковской денежной реформы (1425 г.). Может быть, установление собственного монетного чекана и связанное с ним официальное утверждение монетных типов повлекло за собой и оформление стандартной государственной буллы?

Что касается смены в 1469 г. сфрагистических типов, то она хорошо объяснена Н. П. Лихачевым указанием на события 1467 г., в ходе которых происходит сильнейшее укрепление московских позиций в управлении Псковом. С 1467 г., после приезда из Москвы нового псковского князя Федора Юрьевича, княжеские наместники сидели уже не только на семи, а на всех двенадцати псковских пригородах. Сама формула печати является еще более ярким документом псковской истории, нежели летописный текст, поскольку она прямо указывает на официальное признание псковви-

²³ Пользуюсь случаем выразить благодарность за консультацию, предоставленную мне знатоками древнерусского крепостного зодчества — В. В. Косточкиным и П. А. Раппопортом.

²⁴ См. примеч. 19 к статье Н. П. Лихачева, публикуемой в этом номере журнала.

чами в это время вотчинности по отношению к великому князю московскому.

Весьма сложен вопрос о принадлежности «Псковских печатей» 1425 и 1469 гг. Сравнение с новгородскими сфрагистическими памятниками XV в. как будто указывает на республиканскую принадлежность этих печатей. Так же, как «Печати Великого Новгорода», они могли быть атрибутом псковских посадников. Этой точки зрения придерживался Н. П. Лихачев. Однако сами особенности сфрагистического типа не согласуются с такими предположениями. На печати 1469 г. изображен Довмонт, на что указывает переданный археологически точно известный «меч Довмонта» в руках князя. Общая близость печатей 1469 г. к предшествующим им печатям 1425 г. позволяет утверждать, что и на последних изображен Довмонт, хотя меча в его руках и нет. Следовательно, основу композиции и в том и в другом случае составляет эмблема псковской княжеской власти. Сама формула вотчинности на печатях 1469 г. также заставляет склоняться к признанию княжеской принадлежности «Псковских печатей». Псковский князь на всем протяжении XV в. фактически был наместником великого князя московского, губернатором его «Псковской вотчины», и именно на печатях князя-наместника выражение этого порядка кажется наиболее уместным.

Однако мы долго признавали бы вопрос о принадлежности «Псковских печатей» спорным, если бы не прямое свидетельство древнего документа, раскрывающее характер посадничьей сфрагистики Пскова XV—начала XVI в. В договорной грамоте Пскова с Ливонским орденом о перемирии на шесть лет, заключенной летом 1503 г., содержится следующее описание процедуры скрепления акта псковскими представителями: «И на сей грамоте о перемирии руки дали и печати свои привесили великих государей царей всея Руси наместники в Великом Новгороде князь Даниил Васильевич и князь Василий Васильевич, а также великих государей русских царей наместник князь псковский Димитрий Владимирович руку дал и печать свою привесил на том, что посадникам псковским степенным крест целовать и добрым людям псковским за все псковские пригороды и всю псковскую державу, отчину великих государей русских царей, и привесить печать святой Троицы (в подлиннике: sigil der heiligen drivoltigkeit.— В. Я.) к этой грамоте²⁵.

Мы видим, что псковским посадникам принадлежали не «Псковские», а «Троицкие» печати, которым ниже посвящен особый раздел, а князя-наместники в Пскове имели печать иного характера. Так как Псковская Судная грамота для XV в. знает два основных сфрагистических разряда—княжеский и посадничий, — описанные выше «Псковские печати», составляющие наиболее многочисленную группу псковской сфрагистики, должны быть признаны печатями князей.

Княжеские печати Пскова на протяжении столетий переживают значительное развитие, общее направление которого вполне соответствует особенностям развития княжеского управления в Пскове. Ряд псковских княжеских печатей открывается древними буллами новгородских и собственно псковских князей, печатями, имеющими личный характер и отражающими тот период сфрагистики, когда княжеская печать одна только имела силу удостоверения документа. Замыкается этот ряд анонимными и регламентированными на долгий период печатями князей-наместников, и самый характер этих поздних булл таков, что личность князя в них не проявляется вовсе, уступая место институту княжеского управления. В оформлении княжеских печатей XV в. сказывается вполне откровенно то новое положение псковского князя, в силу которого он перестал быть самостоятельной политической личностью и превратился в промежуточную инстанцию между Псковской республикой и московским великим князем.

²⁵ Грамоты Великого Новгорода и Пскова, стр. 336 сл., № 347.

Если эти наблюдения верны, появляется возможность осмыслить место печатей с именем и изображением св. Тимофея в общем ряду псковской княжеской сфрагистики. Эти печати практически относятся к числу тех же явлений, что и «Псковские печати» 1425 и 1469 гг. Они так же анонимны и их тип так же постоянен. Принципиальное отличие их от позднейших княжеских печатей XV в. сводится к тому, что на последних патрональной княжеской эмблемой является изображение Довмонта, а на печатях Тимофея — изображение патрона Довмонта — св. мученика Тимофея Газского. Если они не принадлежали самому Довмонту — сомнения в такой принадлежности приведены выше, — то и на них личность князя растворена в принадлежности печатей административному институту. Они несут на себе не личную, а общекняжескую эмблему. По-видимому, такие печати могли возникнуть в условиях, сходных с условиями 1425 г., т. е. в тот период, когда псковские князья уже превратились в князей-наместников Москвы.

Еще И. Д. Беляев полагал, что впервые новые отношения Пскова с Москвой складываются в 1400 г., когда «псковичи послаша Луку Совькинича к великому князю Василию Дмитриевичу; и, испросивше приведоша к себе князя Ивана сына Всеволожа»²⁶. Однако имеются основания думать, что новый порядок псковского княжения образовался в значительно более раннее время. Явные формы вассалитета Пскова по отношению к московскому великому князю наблюдаются уже с первых лет княжения Дмитрия Донского, когда в 1368 г. в Псков приехал посол московского князя Никита. Под 1375 г. помещено прямое указание летописи о зависимости от Москвы: «При велицем князи Дмитрие, а при псковском князи Матфеи, при посаднице Григорьи Остафьевиче...»²⁷. Эти новые формы на первых порах сосуществуют с каким-то старым псковским порядком выбора князей из местных и литовских династий. В частности, упомянутый в приведенном отрывке 1375 г. Григорий Остафьевич был сыном псковского князя из изборской династии, упоминаемого под 1322—1360 гг. Под 1375 г. он назван посадником, но в связи с более поздними событиями носит титул псковского князя и в этом качестве сосуществует с князьями, «испрошенными» Псковом у Москвы, вплоть до своего пострижения в 1404 г.²⁸. Думается, что таким же князем-соправителем был принятый псковичами на княжение в 1377 г. Андрей Ольгердович.

Во всяком случае, раньше 1360-х годов какой либо непосредственной зависимости Пскова от Москвы не замечается, что и дает нам основание датировать печати с изображением св. Тимофея 1360-ми годами — 1425 г., усматривая в них первые памятники сложения новых форм княжеского управления Псковом, окончательно оформившихся в XV в.

Завершая рассмотрение псковских княжеских печатей, отметим, что буллы 1469 г. могут быть в общем классифицированы внутри периода 1469—1505 гг. по степени сохранности их матриц. Для части этих печатей характерен общий дефект — сглаженность штампа у левого и правого краев поля. Повторяемый на ряде экземпляров этот недостаток мог быть вызван только дефектом матриц, испорченных однажды в процессе пользования ими. Отмеченный недостаток прослеживается на печатях №№ 22, 26, 28, 35, 38, которые, таким образом, относятся к концу периода бытования булл 1469 г.

Троицкие печати. В цитированном выше отрывке «печати святой Троицы» связаны с институтом республиканского управления Псковом. К настоящему времени известен целый ряд печатей, оформление которых вполне соответствует терминологии договора 1503 г.

²⁶ Псковские летописи, т. I, стр. 26; т. II, стр. 30, 109.

²⁷ Там же, т. I, стр. 23; т. II, стр. 28, 105.

²⁸ Там же, т. I, стр. 25—27; т. II, стр. 30—31, 108—111.

43. (Рис. 5, 43). Л. с. Надпись в три строки:

ПЕУА
ТЬ ТРОИ
ЦЬКАА = Печать Троицкая;

по краю ободок из редких точек.

О. с. Поясное изображение Богоматери «Знамение», лишенное каких-либо надписей. По сторонам головы Богоматери по три точки, вокруг бусинный ободок.

Д.—30—33 мм. М. н.—неизвестно. Хр.—Толстой. Не разыскана. Изд.—Орешников, стр. 127—128, №9, рис. 8.

А. В. Орешников, впервые издавший эту печать, датировал ее XIV в. по палеографическим признакам и на том основании, что ему не были известны свинцовые датированные печати XV в. Им же была предположительно высказана мысль о принадлежности памятника Троице-Сергиеву монастырю²⁹. Н. П. Лихачев впервые связал ее с «палладиумом древнего Пскова»—Троицким собором, с чем вынужден был согласиться и А. В. Орешников, однако и Н. П. Лихачев датировал печать концом XIV в., оговорив, впрочем, свое мнение ссылками на некоторую противоречивость типических особенностей. Основанием для принятия этой даты Н. П. Лихачеву послужила уверенность в том, что государственной печатью Пскова XV в. была печать с датирующими надписями³⁰. В данном случае исследователь действовал по методу исключения.

44. (Рис. 5, 44). Л. с. Надпись в четыре строки:

ПЕУ.
АТЬ ТР
ОНЦЬК.
АА. = Печать Троицкая.

О. с. Поясное изображение Богоматери «Знамение»; надписи отсутствуют; по сторонам головы Богоматери по три точки.

Д.—30—32 мм. М. н.—Псков, 1915 г. Хр.—Лих., Никольский, ОНГЭ. Изд.—ЛСА, ЛII, 8.

По манере изображений и надписей экземпляр чрезвычайно близок к предыдущему, однако оттиснут другой парой матриц.

45—47. (Рис. 5, 45—47). Л. с. Надпись в четыре строки:

ПЕУА
ТЬ СТВ
А ТРОИ
ЦА. = Печать святых Троица;

последняя строка справа и слева ограничена тремя точками; вокруг точечный ободок.

О. с. Поясное изображение Богоматери «Знамение»; надписей нет; по сторонам головы Богоматери по три точки; вокруг точечный ободок.

45. Д.—29—33 мм. М. н.—Псков. Хр.—ПКМ, инв. №2221. Изд.—ЛСА, XXXVII, 4.

²⁹ Орешников, стр. 127—128.

³⁰ Н. П. Лихачев. Текст к «Сфрагистическому альбому», XXXVII, 4; ЛII, 8.

46. Д.—33 мм. М. н.— Псков. Хр.—ПКМ, инв. № 2219. Не издана.

47. Д.—33 мм. М. н.— Псков. Хр.—ПКМ, № 2222. Не издана.

Все пять печатей рассматриваемого разряда обнаруживают исключительную близость друг к другу, которая сказывается и в размере кружков (32—33 мм), и в оформлении. Бросается в глаза однотипность изображения Богоматери, постоянство заполнения поля трехточечными фигурами, палеография надписей, родственная для всех трех типов. Как палеографические, так и технические особенности этих экземпляров указывают не на конец XIV в. и даже не на начало XV в., а на развитой XV в. Обращает на себя внимание характер написания «Ч» и «Ц».

В то же время сравнение типов показывает, что они не принадлежали резцу одного мастера. «Печать святой Троицы» выполнена иным художником, нежели «Троицкая печать»: мастера по-разному пишут «юс». Оба начертания этой буквы — и с угловатой петлей, и с вертикальной чертой на перекладине — употребляются в XV в., однако первое начертание, присутствующее на «Троицких печатях», в XV в. постепенно уступает место второму, отмеченному на «печатах святой Троицы». Из этого обстоятельства мы можем сделать вывод об относительно поздней дате печатей «Святой Троицы». Указанием на большую близость их к рубежу XV—XVI вв. служит и терминология документа 1503 г.

Впервые псковские посадничьи печати упоминаются в Псковской Судной грамоте. Трактую о порядке утверждения документов, грамота устанавливает: «А князей писец возмет по силе истцово от позовницы или от безсудной грамоты, или от приставной, а захочет не по силе, ино волно инде написати, а князю запечатать, а не запечатает князь ино у Святей Троицы запечатать, в том измены нет»³¹.

Хронологии Псковской Судной грамоты посвящена значительная литература, и главный вывод исследователей этого памятника сводится к тому, что 1397 г., показанный в самом документе, не соответствует действительной дате грамоты. Этому указанию противоречит ссылка на грамоту князя Константина, послужившую одним из источников документа, а княжение Константина в Пскове относится к 1407—1414 гг. Противоречиво также и указание Судной грамоты на то, что она составлена по благословению пяти соборов, хотя пятый собор в Пскове был организован только в 1462 г.³² Добавим, что противоречие показанной дате содержится и в общей направленности Псковской Судной грамоты. Как можно судить по исходным статьям документа, поводом к его созданию было окончательное ограничение юрисдикции владычного наместника: «А владычню наместнику суд и на суд не судить, ни судиям ни наместнику княжа суда не судите»³³. Следовательно, грамота вряд ли могла быть составлена ранее времени архиепископа Феофила (1471—1479 гг.).

Время составления Псковской Судной грамоты подтверждает правильность общей датировки «Троицких печатей» второй половиной XV — началом XVI в. Некоторые дополнительные соображения о дате возникновения этих печатей будут высказаны ниже.

Отметим, что Судная грамота, так же как договор 1503 г., прямо связывает «Троицкую печать» с посадничьим управлением. Грамота утверждает принцип равенства княжеского суда и суда посадничьего. Судиться у князя или у посадника — «в том измены нет». И, следовательно, если «не запечатает князь», то запечатать у святой Троицы значит запечатать у посадника.

Печати с именем Елисея. В разное время в Пскове были найдены две идентичные печати, оттиснутые одной парой матриц.

³¹ Псковская Судная грамота. СПб., 1914, стр. 12, статья 50.

³² М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР, т. I, 1940, стр. 119 сл.

³³ Псковская Судная грамота, стр. 1, статья 2.

48—49. (Рис. 5, 48, 49). Л. С. Надпись вязью во все поле печати: **ЄЛІСНЄ**; по краю, за линейным ободком, круговая строка арабесок, напоминающая арабское письмо или греческую скоропись.

О. с. Изображение ветхозаветной Троицы; по сторонам головы среднего ангела надпись: **ТРОИЦ'**

48. Д.—30 мм. М. н.—Псков, стрелка Великой и Псковы, конец XIX в. Хр.—Ал., РОГЭ (с 1954 г.). Изд.—ЛСА, XXXVII, 2.

49. Д.—29—32 мм. М. н.—Псков. Хр.—Лих., Никольский, ОНГЭ. Изд.—ЛСА, XV, 13.

Общее оформление типа находит аналогию только в позднейших новгородских печатях середины XVI в., принадлежащих архиепископам Макарию и Серапиону, где также имя, написанное вязью, занимает все поле печатей. Из этого, однако, не следует, что псковские экземпляры могут быть датированы только серединой XVI в. Напротив, общий характер типа, принадлежность его к троичной сфрагистике, а также технические детали исполнения прямо указывают на то, что он не мог появиться после окончательного падения псковской независимости в 1510 г. С другой стороны, уводящие в XVI в. аналогии показывают, что печати Елисея должны относиться к самому последнему периоду псковской независимости³⁴.

Изображение Троицы, помещенное на этих печатях, заставило обратиться в поисках их владельца к именам псковских посадников. Несмотря на исключительную фрагментарность сведений такого рода для периода, непосредственно предшествовавшего окончательному присоединению Пскова к Москве, нам, при содействии Л. А. Творогова и И. К. Голуновой, удалось познакомиться с носителем имени Елисей из числа поздних посадников Пскова. Это имя упомянуто в одном из списков «Повести о чудесах святого князя Всеволода-Гавриила», который включен в состав рукописного сборника начала XIX в., хранящегося в фондах Псковского музея³⁵.

Повесть о чудесах начинается с изложения интересующего нас сюжета: «О псковском посаднике, расслабленном, именем Елисее Каплине». Здесь рассказывается, как «человек некий именем Елисей, прозвания Каплин от богата и славна града Пскова посадник бысть». Этот Елисей тяжело заболел: «вси бо уды тела его расслабишася, и не могаша нимало одно двинуться». Будучи отнесен к раке Всеволода-Гавриила, Елисей после молебна выздоровел и «отыде в дом свой, радуясь, своима ногама». Здесь же приведена дата чуда — 6992 (1484) г. В Псковской летописи под 1510 г. упоминается сын Елисея, Юрий Елисеевич с прозвищем Копыл³⁶. Очень может быть, что и прозвище самого Елисея в житийном рассказе искажено и первоначально было таким же, как в летописи у его сына.

Существование особых печатей Елисея, посадничьих, но выпадающих из общей категории «Троицких печатей», возможно, ограничивает старшую дату существования последних 1484 г. В этом случае значительная близость всех вариантов «Троицкой печати» найдет обоснование в непродолжительном времени их бытования, охватывающем каких-нибудь 25 лет.

Печати псковских владычных наместников. Еще одну значительную группу псковских печатей составляют памятники владычной сфрагистики. Это третья линия развития псковской административной печати, наиболее трудная для изучения в силу значительного постоянства сфрагистических типов.

³⁴ Н. П. Лихачев читал на этих печатях предположительно имя Геннадий и так же предположительно связывал их с новгородским архиепископом Геннадием (1484—1504 гг.). Дата у него сомнений не вызвала. См. Н. П. Лихачев. Текст к «Сфрагистическому альбому», XV, 13.

³⁵ ПКМ, инв. № 229/49, лл. 100—101.

³⁶ Псковские летописи, т. I, стр. 92—93; т. II, стр. 253—254, 294—295.

50. (Рис. 6, 50). Л. с. Изображение шестиконечного креста на ступенчатом основании; по сторонам: $\bar{ic} - \bar{x}\bar{c}$ и ниже неразборчиво.

О. с. Изображение Богоматери «Знамение», по сторонам: $\bar{np} - (\bar{\theta v})$

Д.— 28 мм. Печать сохранилась при грамоте Пскова Риге с требованием выдачи должника Нездильца поручившемуся за него псковичу Ивану Голову³⁷. Хр.— Рижский Гос. архив. Изд.— ЛСА, XII, 15.

Грамота, при которой сохранилась печать, составлена от имени псковского посадника Сидора и Рагуила, лиц, неизвестных летописцу. Поэтому сама печать привлечена издателями грамоты для датировки. Грамоту относят к началу XIV в. на основании близости ее печати к печати князя Довмонта³⁸. Выше уже были высказаны сомнения в правомерности определения печатей с изображением св. Тимофея временем Довмонта. Печать грамоты действительно обнаруживает в отдельных элементах сходство с буллами Тимофея; однако последовательное сравнение ее с памятниками новгородской владычной сфрагистики позволяет установить, что в действительности оборотная сторона рассматриваемой печати достаточно точно передает тип оборотной стороны именных и анонимных новгородских печатей Давида (1308—1324 гг.) и Моисея (1324—1330 гг.). На этом основании мы относим печать и грамоту к первой половине XIV в.

51. (Рис. 6, 51). Л. с. Изображение процветшего восьмиконечного креста; по сторонам: $\bar{ic} - (\bar{x}\bar{c})$.

О. с. Погрудное изображение Богоматери «Знамение».

Д.— 24—26 мм. М. н.— Псков. Хр.— ПКМ, инв. № 2220. Изд.— ЛСА, XLII, 2.

52—53. (Рис. 6, 52—53). Л. с. Изображение восьмиконечного креста на подножии; по сторонам: $(x) - p$.

О. с. Поясное изображение Богоматери «Знамение».

52. Д.— 24 мм. М. н.— Псков. Хр.— ПКМ, инв. № 2218. Не издана.

53. Д.— 25 мм. М. н.— Псков. Хр.— Пл., ОНГЭ. Не издана.

54. (Рис. 6, 54). Л. с. Изображение шестиконечного креста на подножии по сторонам: $\bar{ic} - \bar{x}\bar{c}$.

О. с. Поколенное изображение Богоматери «Знамение»; по сторонам:

$\bar{b} - \bar{q}$

$\bar{\theta} - \bar{y}$

Д.— 28—30 мм. М. н.— Псков, лето 1953 г. Хр.— ОНГЭ (от Л. А. Творогова). Не издана.

55. (Рис. 6, 55). Л. с. Изображение шестиконечного креста на подножии.

О. с. Схематическое изображение Богоматери «Знамение».

Д.— 26—28 мм. М. н.— Псков, раскопки 1954 г. (руководитель — Г. П. Гроздилов), глубина 311 см. Хр.— АОГЭ, инв. № П—301. Не издана.

56. (Рис. 6, 56). Подобная печать иных матриц.

Д.— 26—27 мм. М. н.— Псков. Хр.— Пл., ОНГЭ. Не издана.

57. (Рис. 6, 57). Подобная печать иных матриц.

Д.— 29 мм. М. н.— Псков. Хр.— ПКМ, инв. № 2217. Не издана.

³⁷ Грамоты Великого Новгорода и Пскова, стр. 317—318, № 332.

³⁸ Там же, стр. 317.

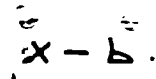
58. (Рис. 6, 58). Подобная печать иных матриц.

Д.— 31 мм. М. н.— Псков. Хр.— ПКМ, инв. № 2219. Не издана.

59. (Рис. 6, 59). Подобная печать иных матриц.

Д.— 29 мм (обл.). М. н.— Псков. Хр.— Пл., ОНГЭ. Не издана.

60. (Рис. 6, 60). Л. с. Изображение сложного восьмиконечного креста на подножии; по сторонам:

О. с. Поколенное изображение Богоматери «Знамение».

Д.— 28 мм. М. н.— Псков. Хр.— Пл., ОНГЭ. Изд.— ЛСА, XXXVII, 9.

Все эти печати, как это видно даже при первом знакомстве с ними, принадлежат к одному и тому же типу. Сфрагистический тип, сочетающий изображения креста и «Знамения», достаточно хорошо известен в новгородском материале, чтобы можно было ошибиться в его общей атрибуции. Это тип анонимных владычных печатей Новгорода, прикладывавшихся от имени новгородского владыки его уполномоченными или владычными наместниками.

Перечисленные печати, обнаруженные в Пскове, точно повторяют тип новгородской наместничьей печати, известной по многочисленным образцам из самого Новгорода; но во всех случаях их матрицы отличны. Выполненные резцом менее искусных художников, они встречаются только в Пскове. Ни одной точной аналогии в новгородском материале обнаружить не удалось. Тем самым устанавливается факт изготовления псковских печатей владычных наместников в самом Пскове.

Типовое тождество с анонимными новгородскими владычными печатями дает возможность установить обе крайние даты бытования описанных печатей. Они не могли появиться ранее начала XIV в., когда в Новгороде впервые появляются и сразу же приобретают массовый характер подобные буллы. Само их появление является свидетельством учреждения в новгородской архиепископии широкого аппарата владычных наместников. Думается, что зафиксированное псковской летописью под 1307 г. «немирье» псковичей с владыкой Феоктистом и новгородцами³⁹ и было следствием первого активного вторжения владычных наместников в дела псковского управления.

Вторая крайняя дата — время прекращения использования владычной наместничьей печати сугубо новгородского облика — совпадает с событиями 1348 г., когда псковская церковь получила заметную самостоятельность от Новгорода, а владычные наместники, отныне назначаемые из числа псковичей, превратились в представителей Пскова перед новгородским архиепископом из представителей новгородского архиепископа перед Псковом.

После 1348 г. в псковской владычной сфрагистике складывается новый тип печати, несущий на себе заметные признаки нового положения псковской церкви.

61—62. (Рис. 7, 61—62). Л. с. Надпись в пять строк:

ПЄѸАТ =	
= РХЄПІС =	= Печать
= ОѸГО =	архиепископа
= = =	новгородского

О. с. Схематичное изображение Троицы; нимбы ангелов крещатые.

61. Д.— 26—27 мм. М. н.— Псков. Хр.— Пл., ОНГЭ. Не издана.

62. Д.— 24—25 мм. М. н.— Псков, раскопки 1954 г. (руководитель Г. П. Гроздилов). Хр.— АОГЭ, инв. № П—314. Не издана.

³⁹ Псковские летописи, т. II, стр. 88.

63. (Рис. 7, 63). Л. с. Надпись в шесть строк:

ЛЕВАТ
Ь·АРХИЕ
ППА·НО
ВЪГОРОД
ЬСКО
ГО

= Печать архиепископа
новгородского.

О. с. Схематичное изображение Троицы; нимбы ангелов крещатые.
Д.— 30—31 мм. М. н.— Псков. Хр.— Лих., Никольский, ОНГЭ. Изд.— ЛСА, ЛII, 9.

64. (Рис. 7, 64). Л. с. Надпись в пять строк:

П = =
= ТАРХ =
= ППАНО
= ГОРОД
СКО =

= Печать архиепископа новгородского

О. с. Изображение Троицы; под ним полукруг, поддерживаемый двумя человеческими фигурками; на нем изображение животного вправо и в верхней части кружок и две точки по сторонам.

Сюжет печати — развернутое изображение Троицы с Авраамом и Саррой. Две человеческие фигуры по сторонам полукруга-трапезы — Авраам и Сарра; животное — жертвенный телец; кружком и точками условно изображены чаша и хлебы⁴⁰.

Д.— 29 мм. М. н.— Псков, у Покровской башни, весна 1954 г. Хр.— ОНГЭ (от Л. А. Творогова). Не издана.

На всех этих печатях их псковская принадлежность выражена изображением патрональной эмблемы Пскова — Троицы. Весьма показательно, что все они анонимные. Печати выражают зависимость псковской церкви от новгородского архиепископа, но безотносительно к имени владыки. Эта анонимность вполне в духе новых взаимоотношений Пскова с владыкой. В 1411 г. псковичи отказали в подъезде архиепископу Иоанну, а с 1419 по 1435 г. владычного подъезда не было вообще.

В середине XV в. в псковской сфрагистике появляется новый тип владычной печати:

65. (Рис. 7, 65). Л. с. Надпись в четыре строки:

ЕУФІМІИ
ФХІЄПЪВЕЛІ
КО·НОВАГРА^А
·І ПСКОВА

= Еуфимий, архиепископ Великого
Новгорода и Пскова.

О. с. Изображение ветхозаветной Троицы; по краю линейный ободок.
Д.— 29—34 мм. М. н.— Псков. Хр.— Пл., ОНГЭ. Изд.— ЛСА, XXXVII, 1.

Принадлежность печати наместнику Евфимия II бесспорна. Во времена Евфимия I Брататого (1423—1428 гг.) владычного подъезда в Пскове не было. Что касается Евфимия II (1429—1458 гг.), то именно при нем в 1450 г. вновь укрепились позиции новгородской церкви в Пскове.

⁴⁰ Пользуюсь случаем выразить благодарность А. В. Рындиной, объяснившей этот сюжет, остававшийся для автора непонятным.

В 1435 г. Евфимий посетил Псков и потребовал назначения своего наместника и печатника из новгородцев, а не из псковичей. Ему в этом было отказано, и снова на протяжении 14 лет не было владычного подъезда. В 1450 г. Евфимий был принят псковичами с почестями и затем вновь посещал Псков в 1453 и 1457 гг., но ни в 1450 г., ни позднее разговора о наместнике и печатнике не возникало. По-видимому, в 1450 г. между владыкой и Псковом был достигнут компромисс, в результате которого сохранилось прежнее положение, но дополненное союзом с владыкой. Памятником этого компромисса нам и представляется печать, несущая изображение Троицы, но титулюющая Евфимия архиепископом Новгорода и Пскова. Новый титул и новая печать — явления одного порядка.

Возникший при Евфимии тип сохраняется на всем протяжении XV в. вплоть до падения новгородской независимости:

66—67. (Рис. 7, 66—67). Л. с. Надпись в шесть строк:

·ΙΩΝΑ·
 ΠΡΨΝΝΔΙΙ
 ΑΡΧΙΕΠΠΖΙ
 ΒΛΚΑΒΕΛΙΚ
 ΟΓΟΝΟΒΑΓΟΡΟ
 ΔΑΙ ΠΣΚΟΒΑ

= Иона, преосвященный архиепископ
 и владыка Великого Новгорода и
 Пскова.

О. с. Изображение ветхозаветной Троицы; над головами ангелов надпись: $\overline{\text{CTZ}} \quad \overline{\text{TPY}} \quad \overline{\text{Z}}$; вокруг точечный ободок.

66. Д.— 28—33 мм. М. н.— Псков. Хр.— Лих., Никольский, ОНГЭ. Не издана.

67. Д.— 32—36 мм. М. н.— Псков. Хр.— Лих., Никольский, ОНГЭ. Не издана.

Архиепископство Ионы относится к 1459—1471 гг.

68. (Рис. 7, 68). Л. с. Надпись в шесть строк:

ΘΕΩΦ =
 = ΠΡΨΝΝΖ =
 = ΧΙΕΠΠ =
 = ΚΑΓΟΝΟΒ =
 = ΑΙΠΣΚ =
 = ΛΚ =

= Феофил, преосвященный архиепископ
 Великого Новгорода и Пскова владыка.

О. с. Изображение ветхозаветной Троицы; над головами ангелов надпись: = ● $\overline{\text{TP}}$ =

Д.— 27 мм. М. н.— Псков. Хр.— Лих., Никольский, ОНГЭ. Не издана⁴¹.

Архиепископство Феофила продолжалось с 1471 по 1479 г.

⁴¹ Еще один экземпляр псковской печати Феофила, фотографией которого мы, к сожалению, не располагаем, был найден в Пскове при раскопках в 1959 г. Доклад о нем был сделан В. Д. Белецким на заседании РОГЭ 15 декабря 1959 г. Новый экземпляр оттиснут теми же матрицами, что и № 68.

* * *

Сопоставление всех трех линий развития псковской государственной сфрагистики демонстрирует интереснейшие закономерности истории государственного управления в Пскове. Вся первая половина XIV в. оказывается временем безраздельного господства церковных властей в гражданских делах. Оставляя в стороне домонгольскую сфрагистику, мы до 1348 г. не знаем никаких псковских печатей, кроме владычных. Эта особенность вполне соответствует той роли новгородского пригорода, которая сохранялась за Псковом вплоть до Болотовского договора. Сфрагистика других пригородов Новгорода того же времени — Нового Торга, Старой Ладого, Порхова — представлена, как и псковская, только печатями наместников новгородского архиепископа. Безраздельное обладание всей полнотой юрисдикции в гражданских делах осуществлялось новгородским архиепископом в первой половине XIV в. на всем пространстве Новгородской земли.

После Болотовского договора не только меняется облик печати владычного наместника, ставшей псковской, подобно самому наместнику, но рядом с владычной сфрагистикой возрождается княжеская сфрагистика. Это значит, что полному господству церкви в гражданских делах пришел конец, а юрисдикция распределилась между наместником и князем. Показательно, что на ранних псковских княжеских печатях второй половины XIV — начала XV в. появляется изображение Богоматери «Знамение». Это не только владычная эмблема; для псковичей это прежде всего эмблема власти. И, получив эту власть, псковский князь берет ее вместе с ее эмблемой.

Вторая половина XIV и первая половина XV в. — время сосуществования двух основных политических и административных институтов — княжеского и владычного управления. Их развитие осуществляется за счет постепенного ослабления владычной власти, что отражено даже статистикой памятников (18 княжеских печатей и только 9 владычных).

В последней четверти XV в. процесс деградации владычного управления, особенно после падения новгородской независимости, приводит к исчезновению владычных печатей и появлению на их месте посадничьих «Троицких печатей». Это время сосуществования княжеского и посадничьего управления. И для этого времени показательно, что «Троицкие печати» оказываются как бы сфрагистическими наследниками владычных, усваивая характерное для последних изображение Троицы. По-видимому, посадники Пскова действительно были наследниками владычных наместников, приняв от них не только ту часть юрисдикции в гражданских делах, которая еще оставалась у них, но и самое место судопроизводства с ларем святой Троицы.

Для княжеского управления вторая половина XV в. была временем сильнейшего усиления московского влияния, что также отразилось в оформлении сфрагистических типов.

Печати псковских пригородов. Печати псковских пригородов в русской сфрагистической литературе не были известны вовсе, так как почти все их находки относятся к самому последнему времени. Сейчас зафиксированы печати Острова, Красного города и Изборска.

69. (Рис. 8, 69). Л. с. Надпись в четыре строки:

ПЕЧАТ
= ОСТРОВ
= = А Д А П
Н С А Н А

= Печать Островская, а писана;

над верхней строкой орнаментальное титло; вокруг точечный ободок.

О. с. Надпись в пять строк:

·HE·
 ПЕЧАТ
 ЪСАВ = = 55, печать ся в лето б..., аминь.
 ЛЕТО? =
 АЕНЬ

Д.— 29—31 мм. М. н.— Псков, левый берег Великой, у Пароменской церкви, весна 1953 г. Хр.— ОНГЭ (от Л. А. Творогова). Не издана.

Надпись обеих сторон составляет единую фразу: «Печать Островская, а писана печать ся в лето 6-55. Аминь». Год разбит на две части, и цифры десятков и единиц изображены на верху надписи оборотной стороны. Цифра сотен неразличима, однако ею могла быть только Ц (900). На XV в. указывают как размер печати и ее палеография, так и самый факт ее датирования, который может быть сопоставлен с возникновением такого обычая в самом Пскове только в 1425 г. При переводе на современное летосчисление датой островской печати оказывается 1447 г.

Интересно отметить терминологию надписи. К резьбе матрицы мастер применяет термин «писать». Матрицу не режут, а пишут.

70. (Рис. 8, 70). Л. с. Надпись в четыре строки:

·ICEVA·
 = ТГО СПС = Печать святого Спаса Красногород(ского);
 = PACHO
 = = POKDZ

вокруг точечный ободок.

Возможно, что существовала и пятая строка с окончанием слова, но на печати она не поместилась.

О. с. В центре изображение человеческой головы, окруженное ободком из точек; по краю:

ВЗ ЛЕ · 2 · 4 · 0 · Н = = = Т = Д.

Д.— 27—28 мм. М. н.— Псков. Гремячая гора, 1936 г. Хр.— ПКМ, инв. № 2224. Не издана.

Надписи сомнений не вызывают. На лицевой стороне имеется ценное сообщение о том, что управление пригородом концентрировалось в церкви св. Спаса, о которой источники до сих пор не сообщали. Обратная сторона содержит дату — 6978 (1470) г., а несохранившаяся часть этой надписи сообщала ту же дату в исчислении кругов солнца и луны и индиктов, как можно догадываться из сопоставления с псковскими печатями 1425 г. Индикт на печати вычислен по мартовскому циклу, так как при сентябрьском цикле 6978 году соответствовал 3 (Г) индикт, а не 4 (Д), как на нашем памятнике. Весьма интересно отметить, что Красный городок был заложен только в 1464 г., т. е. лишь за шесть лет до изготовления рассматриваемой печати: «Того же лета (6972) князь псковской Иван Олександрович и посадник степенный Алексей Васильевич заложил град нов древян на Сини реки, и нарекоша и Красный городец»⁴². В 1470 г., т. е. в год изготовления печати, вопрос о принадлежности земель, что «за Красным городком», стал предметом недоразумений между Псковом и Ригой⁴³. Изготовление печати только что срубленного пригорода характеризует его выдающееся политическое и военное значение.

⁴² Псковские летописи, т. II, стр. 159.

⁴³ Там же, стр. 174 сл.

71. (Рис. 8, 71). Л. с. Надпись в четыре строки, из которых нижняя неоттиснулась:

ПЕЧА
ТАСТО
НИКО

= Печать святого Николы.

О с. Изображение шестиконечного креста на ступенчатом основании; по сторонам: $IC - (XC)$.

Д.— 26—28 мм. М. н.— Псков. Хр.— ПКМ, инв. № 2216. Изд.— ЛСА, XLIII, 10.

Н. П. Лихачев, публикуя эту печать, высказал предположение, что она принадлежит к кругу церковной или монастырской сфрагистики Пскова⁴⁴. Однако мы видели, что псковская сфрагистика регламентирована достаточно четко и что все известные к настоящему времени печати Пскова принадлежат только к числу памятников, связанных с государственным управлением и судом. С другой стороны, формально толкуя надписи, мы могли бы и троицкую печать посчитать чисто церковной. В псковской сфрагистике вообще может быть отмечена некоторая склонность к символам: «Печать святой Троицы» — вместо «Псковская печать», «Печать Тимофея» — вместо «княжеская печать». Упоминание церкви отмечено также на красгородской печати, что лишает эту особенность псковской сфрагистики XV в. той конкретности, которую видел в ней Н. П. Лихачев. Поэтому следует проверить, был ли храм святого Николая патрональным для какого-либо из псковских пригородов.

Оказывается, что такой храм существовал в главнейшем псковском пригороде — Изборске. Более того, выражение «дом святого Николы» служит в летописи синонимом обозначения Изборска. Под 1341 г. летописец сообщает: «Немци... оступивше город Изборск, хотяще пленити дом святого Николы»⁴⁵. В 1369 г. «приидоше немцы ко Изборску ратью..., хупучися безбожнии на дом святого Николы»⁴⁶. Так же «хупучились» немцы при аналогичных обстоятельствах и в 1480 г.⁴⁷

Монастырь св. Николая существовал также в Ивангороде, но он, по видимому, не занимал здесь сколько-нибудь заметного положения. Во всяком случае, говорить о том, что этот монастырь мог олицетворять Ивангород, не приходится.

Пытаясь датировать печать св. Николы в пределах XV в., мы можем указать как на ближайшие аналогии на «Троицкие печати» Пскова, т. е. на памятники рубежа XV—XVI вв.⁴⁸

* * *

Рассмотрение и сравнение описанных печатей при всей их малочисленности все же приводит к некоторым существенным наблюдениям. Три печати, относящиеся к разному времени в пределах XV в., содержат не-

⁴⁴ Н. П. Лихачев. Текст к «Сфрагистическому альбому», XLIII, 10.

⁴⁵ Псковские летописи, т. II, стр. 95.

⁴⁶ Там же, стр. 104.

⁴⁷ Там же, стр. 221.

⁴⁸ По сведениям Л. Ф. Зурова (Париж), сообщенным им В. В. Косточкину, у бывшего заведующего изборской школой А. И. Макаровского хранилась свинцовая печать размером несколько более дирхема, найденная в осыпи на Труворовом городище. Печать якобы принадлежала посаднику Селогю, была датирована и «выбита на построение изборских башен». Думается, что в Изборске была найдена обычная псковская печать 1425 г., упоминающая построение персей, а ассоциации с Селогю и изборскими башнями возникли у А. И. Макаровского и Л. Ф. Зурова в связи с летописными сообщениями о построении города в Изборске Селогю и о построении при нем же персей Псковского детинца. К сожалению, коллекции покойного А. И. Макаровского погибли в Изборске во время Отечественной войны.

которые черты, типические для тех небольших периодов, которыми они датируются.

Самая ранняя, островская, печать принадлежит к тому времени, когда управление пригородами находилось в руках республиканских властей, тогда как следующая за ней по времени красгородская печать представляет новый этап в управлении. В 1467 г. в Псков приехал от великого князя московского князь Федор Юрьевич, привезший новый порядок управления: «а посадники псковски и Псков ему на всих 12 пригородах даша наместников держяти и судове судити его наместником, на которых ни буди, и из веков княжиин наместники не бывали, колко ни есть княжей бывало во Пскове на столу, а наместники княжиин были только на 7 пригорсдах псковских»⁴⁹. Легко заметить, что красгородская печать, появившаяся через три года после введения этого порядка, детально повторяет тип княжеской печати Пскова 1469 г., тогда как островская достаточно самостоятельна в своем оформлении. Если это действительно существенный признак, то от новых находок печатей псковских пригородов, изготовленных до 1467 г., мы вправе ждать важных указаний на принадлежность пригорода к княжескому или республиканскому управлению.

К концу XV в. противоположность между княжеским и республиканским управлением Пскова была, по-видимому, в известной степени ослаблена, что отражено и самим появлением Псковской Судной грамоты, и оформлением изборской печати, и, наконец, самим фактом легкого присоединения Пскова к Москве в 1510 г.

Юрьевская печать. В числе псковских сфрагистических находок последних лет одна имеет большое значение для истории международной жизни Пскова.

72. (Рис. 8, 72). Л. с. Надпись в три строки:

ПЕЧА
ТЬ ЮРЬ = Печать Юрьевская;
ЕСКА

вокруг точечный ободок.

О. с. Надпись в четыре строки:

ПЕЧА
ТЬ СВА
ГОГОГ = Печать святого Георгия,
= = РГ =

вокруг точечный ободок.

Д.— 28—30 мм. М. н.— Псков, Завеличье, у Пароменской церкви, 1957 г. Хр.— ОНГЭ (от Л. А. Творогова). Не издана.

По манере исполнения печать чрезвычайно близка островской 1447 г. и может быть датирована серединой XV в. По смыслу легенд эта печать вполне совпадает с обычными печатями пригородов, поскольку на ней помещено и место изготовления, и название патронального храма.

Однако среди псковских пригородов нет Юрьево и поэтому единственным определением для нашего экземпляра может быть истолкование его как принадлежащего городу Юрьеву в Ливонской земле. Действительно, источники сообщают о существовании в Юрьеве особого русского конца, состояние которого иногда обсуждалось во время переговоров между Псковом и Новгородом, с одной стороны, и юрьевским епископом, с другой. В 1474 г. во время заключения тридцатилетнего мира между этими сторонами в договоре был оговорен специальный пункт: «Што светии божьи церкви у Юрьеве у Руском коньци и русский конец, а то чест-

⁴⁹ Псковские летописи, т. II, стр. 164.

ному бискупу юрьевскому, и посадником юрьевским, и всим юрьевцом держати чисто, по старыне и по крестному целованью, и ни обидити»⁵⁰. Особо отметим указание на «старину».

Находка юрьевской печати является первым свидетельством того, что русский конец в Юрьеве действительно был самоуправляющейся организацией с собственным управлением и администрацией и с патрональным храмом святого Георгия, стоявшим в центре общественной жизни Русского конца.

Печать Григория Климовича. Особняком среди описанных выше памятников стоит печать некоего Григория Климовича.

73. (Рис. 8, 73). Л. с. Надпись в четыре строки:

ГРИГО
Р=ЄВА = Григорьева печать Климовича;
П=АТ
ЄКЛИ

вокруг линейный ободок.

О. с. Изображение св. Григория в полный рост; по сторонам:

А	Г
Г	Р
Ω	Н
С	Г

вокруг линейный ободок

Д.—26 мм. М. н.—Псков, до 1890 г. Хр.—Ал., РОГЭ (с 1954 г.).
Изд.—ЛСА, XLIII, 12.

Печать не только не находит аналогий в псковских памятниках, но и не укладывается в общую схему развития псковской сфрагистики. Между тем среди печатей Новгорода можно указать несколько десятков близких ей аналогий. Думается, что этот памятник XIV в. не имеет отношения к псковской сфрагистике. Более того, удивительный факт ее находки в саду первого владельца печати, псковского собирателя Александрова, наводит на подозрения относительно действительного происхождения этого экземпляра. Разумеется, лишь будущие находки подтвердят или опровергнут псковскую принадлежность печатей Григория Климовича.

⁵⁰ Грамоты Великого Новгорода и Пскова, стр. 133, № 78.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О КРЕПОСТИ КОПОРЬЕ

Крепость Копорье (рис. 1) — один из интереснейших и наиболее хорошо сохранившихся памятников древнерусского оборонного зодчества¹. По своим техническим достоинствам и художественным качествам этот памятник нисколько не уступает таким великолепным произведениям русской военной архитектуры XIV—XV вв., как крепости Изборска и Порхова.

Несмотря на то, что о копорской крепости уже писали достаточно², изученной ее считать никак нельзя; можно, пожалуй, сказать, что ее исследование вообще еще и не начиналось. Во всяком случае, в литературе эта крепость рассматривается как совершенно одновременное сооружение конца XV — начала XVI в., не несущее в себе фрагментов более раннего времени³. Между тем наше обследование памятника⁴ дает возможность посмотреть на него совершенно иначе — как в смысле его одновременности, так и в смысле его датировки. Впрочем, обратимся сперва к его истории.

Впервые крепость в Копорье была построена в 1240 г. Это было деревянное сооружение, поставленное немцами на остатках русского погоста, разрушенного ими во время захвата Вотской пятины Великого Новгорода⁵. В 1241 г. войска Александра Невского, очищая новгородские земли от иноземных захватчиков, взяли⁶ и разрушили⁷ эту крепость. В 1279 г. сын Александра Невского, князь Дмитрий Александрович, с позволения Новгорода на месте уничтоженной немецкой крепости выстроил себе деревян-

¹ Крепость стоит в 120 км к западу от Ленинграда, в 12 км от южного берега Финского залива. Она занимает вершину высокой и обрывистой скалы, которая почти со всех сторон окружена глубокими оврагами.

² Первые заметки о крепости стали появляться еще в прошлом столетии (см. А. Глаголев. Краткое обозрение древних русских зданий и других отечественных памятников, ч. 1, тетрадь 1, О русских крепостях. СПб., 1838, стр. 52—53; И. Пушкарев. Описание Санктпетербурга и уездных городов С. Петербургской губернии, ч. IV, СПб., 1842, стр. 34—35; Жуковский. Военно-статистическое обозрение Российской империи, т. III, ч. 1, СПб., 1851, стр. 403—404; Ф. Ласковский. Материалы для истории инженерного искусства в России, ч. 1, СПб., 1858, стр. 47—48 и 110). Небольшие статьи публиковались о ней и в начале текущего столетия (С. Н. Жарков. Крепость Копорье. «Живописная Россия», т. 1, № 41, СПб., 1901, стр. 533—536; Лаврецкий. Копорье, «Столица и усадьба», № 25, 1915, стр. 4—5).

³ В. А. Богусевич. Уничтожение Александром Невским немецко-рыцарского войска в Копорье. Новгородский исторический сборник, вып. III—IV, Новгород, 1938, стр. 24—38; А. Строков и В. Богусевич. «Новгород Великий», Л., 1939, стр. 171—183; В. А. Богусевич. Военно-оборонительные сооружения Новгорода, Старой Лядоги, Порхова и Копорье. Новгород, 1940, стр. 36—48; В. В. Косточкин. К характеристике памятников военного зодчества Московской Руси конца XV — начала XVI вв. МИА, № 77, 1958, стр. 102—120.

⁴ Первый раз обследование крепости мы производили в августе 1956 г. Его результаты изложены в названной выше работе. Вторично памятник мы обследовали в июле 1959 г. В этом обследовании принял участие А. Н. Кирпичников.

⁵ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, стр. 78.

⁶ НПЛ, стр. 78.

⁷ ПСРЛ, т. V, СПб., 1851, стр. 4.

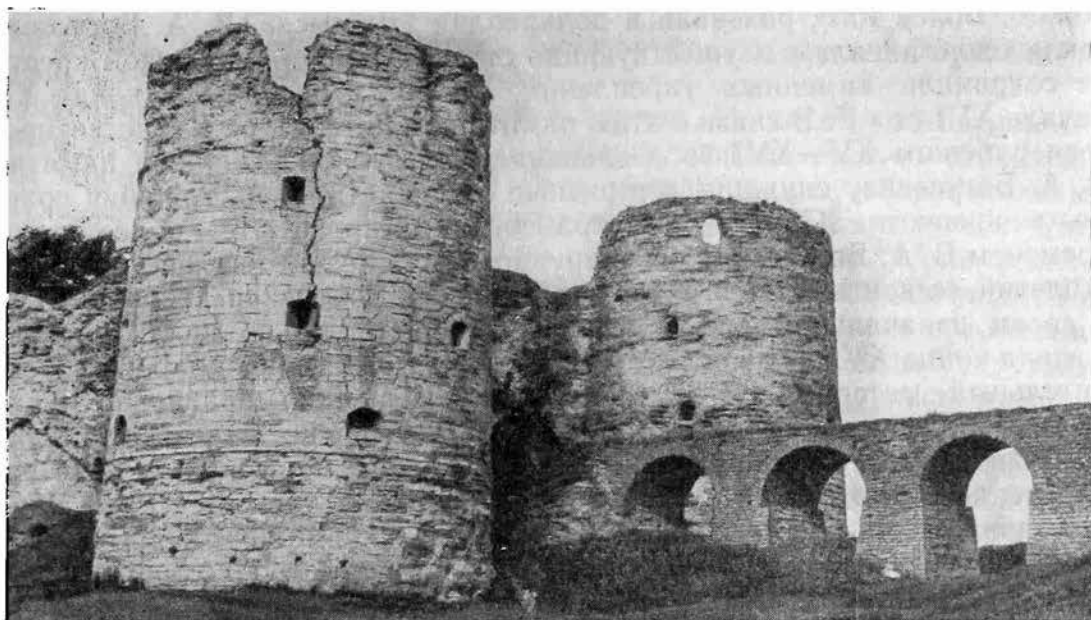

Рис. 1. Копорье. Общий вид крепости с юго-востока

ный городок-замок⁸, который на следующий год с помощью новгородцев заменил каменным⁹. В 1282 г., во время конфликта с князем Дмитрием, новгородцы разрушили каменную крепость 1280 г.¹⁰. Однако в 1297 г., учтя чрезвычайно выгодное стратегическое расположение Копорья, новгородцы вновь выстроили в нем каменную твердыню¹¹, ставшую оплотом Новгорода на южном побережье Финского залива. Вплоть до постройки в 1384 г. неподалеку крепости Ям¹² она была и центром Вотской пятины Новгородской республики¹³.

Такова история укрепления Копорья в XIII в. О перестройке каменной копорской крепости 1297 г. в последующее время летописи и другие источники ничего не сообщают. Между тем в конце XIII в. русское оборонное зодчество продолжало видоизменяться и совершенствоваться, приобретая все новые и новые качества. Особенно ощутимыми должны были быть изменения, внесенные в военную архитектуру Руси после появления огнестрельного оружия, очень быстро получившего широкое распространение. В связи с этим естественно предположить, что выстроенная до появления артиллерии копорская каменная крепость 1297 г. в более позднее время не осталась в первоначальном виде, а была либо коренным образом реконструирована, либо полностью перестроена.

В. А. Богусевич, исследовав существующую поныне крепость Копорье¹⁴, пришел к выводу, что это сооружение, «несомненно, сохраняет общий план своих деревянных предшественников эпохи Александра Невского», но что «стены Копорской крепости постройки 1280—1297 гг. не дошли до нас, так как вследствие переворота в военной технике, вызванного появлением и развитием огнестрельного оружия, каменные стены и башни Копорья были выстроены московским правительством в начале XVI в. в новых формах, применительно к технике развитого огненного

⁸ НПЛ, стр. 323.

⁹ Там же.

¹⁰ ПСРЛ, т. V, стр. 200.

¹¹ НПЛ, стр. 328.

¹² Там же, стр. 379.

¹³ С. С. Гадзьяцкий. Вотская и Ижорская земля Новгородского государства. Исторические записки, № 6, 1940, стр. 113 и 118.

¹⁴ Исследование Копорской крепости В. А. Богусевич производил вместе с Н. Н. Белеховым в июне 1935 г.

боя»¹⁵. Более того, развивая и подкрепляя эту мысль, В. А. Богусевич в заключение писал: «...Существующие стены и башни Копорской крепости не сохранили каменных укреплений XIII в., а сделаны в конце XV и начале XVI ст.»¹⁶. В связи с этим памятник в литературе и стал датироваться рубежом XV—XVI вв. Основанием для такой датировки памятника В. А. Богусевичу служили летописные сведения и очень хорошая сохранность крепости. При такой сохранности датировать ее более ранним временем В. А. Богусевичу было трудно, тем более что за шесть с лишним столетий (с конца XIII в. и до наших дней) Копорская крепость 1297 г. в своем изначальном виде сохраниться действительно никак не могла, а эпоха конца XV — начала XVI в. давала в этом отношении богатый сравнительный материал. В эту пору, как совершенно правильно указал В. А. Богусевич, Московское государство, вступившее в непосредственное соприкосновение с границами Ливонии и Швеции, производило энергичные работы по реконструкции старых северо-западных крепостей Руси, наряду с созданием новых. Оно заново перестроило кремль Новгорода, в северо-западном углу бывшей новгородской территории выстроило новую мощную крепость Ивангород и реконструировало укрепления Пскова, Ям, Старой Ладogi¹⁷. Одновременно Москвой была перестроена и крепость Орехов¹⁸.

Другими не менее важными аргументами, позволившими В. А. Богусевичу датировать крепость Копорье рубежом XV—XVI вв., были ее архитектурные формы и техника кладки. «Все четыре копорские башни,— писал он,— имеют тип, чрезвычайно близкий к псковской Гремячей башне 1525 г. Тождественность приемов тески камня, кладки, формы башен, толщина стен, устройство лестниц, сводов и бойниц заставляет предполагать, что Копорская крепость и псковская Гремячая башня строены, по-видимому, одними и теми же мастерами»¹⁹.

Со всеми этими аргументами можно согласиться почти полностью. Недавно это так и было сделано нами²⁰. При этом мы указывали, что на башнях Копорья существует цокольный валик, подобный валикам крепостных сооружений конца XV—начала XVI в. в Орехове²¹ и Ладoge²², что также дает как будто основание отнести копорскую крепость к рубежу XV—XVI вв.

Однако вполне законен вопрос: почему за эталон для датировки существующей в Копорье каменной крепости (довольно большого и монументального сооружения) изолированно берется псковская Гремячая башня, являющаяся лишь элементом огромного оборонительного пояса? Не правильнее было бы сравнить ее с какой-нибудь другой древней крепостью, тем более что архитектурные формы, характерные для Гремячей башни, могли появиться в русском военном зодчестве и значительно ранее начала XVI в.; ведь конструктивные приемы в строительстве древней Руси были

¹⁵ В. А. Богусевич. Военно-оборонительные сооружения Новгорода..., стр. 42.

¹⁶ Там же, стр. 48.

¹⁷ Там же; см. также А. Л. Монгайт. Оборонительные сооружения Новгорода Великого. МИА, № 31, 1952, стр. 57—58 и 95; П. А. Раппопорт. Из истории военного инженерного искусства древней Руси. Там же, стр. 148; В. В. Косточкин. Крепость Ивангород. Там же, стр. 232, 241—245 и 254—258.

¹⁸ В. В. Косточкин. К характеристике памятников..., стр. 121.

¹⁹ В. А. Богусевич. Военно-оборонительные сооружения Новгорода..., стр. 44.

²⁰ В. В. Косточкин. К характеристике памятников..., стр. 104.

²¹ Там же, стр. 133.

²² Совсем недавно цокольный валик Ладожской крепости был известен только по раскопкам Н. Е. Бранденбурга (см. Н. Е. Бранденбург. О раскопках в Староладожском городище. ЗОРСА РАО, т. 4, 1887, стр. 316). Сейчас же в связи с реставрационными работами, проводимыми в Ладожской крепости специальной научно-реставрационной мастерской Леноблисполкома, он открыт как на Воротной, так и на Раскатной башнях.

подчас традиционными, а способы тески и кладки камня бытовали не годами, а десятилетиями и столетиями.

Одновременно возникает и другой вопрос: на каком основании постройка крепости, существующей в Копорье, связывается со строительством конца XV—начала XVI в.? Ведь реконструкция оборонительных сооружений Новгорода и других новгородских крепостей в эту эпоху хотя и производилась с учетом применения огнестрельной артиллерии, однако вызвана она была не появлением пушек, а той обострившейся политической обстановкой на северо-западе, которая сложилась после воссоединения Новгородской республики с Русским централизованным государством. Не логичнее было бы считать, что крепость перестраивалась намного раньше, например в первой половине XV в.? Во всяком случае трудно предположить, что вплоть до конца XV в. копорская каменная крепость конца XIII в. простояла без изменений и что только Москва обратила внимание на ее боевую непригодность. За этот двухсотлетний промежуток времени, отмеченный в истории военного искусства появлением и внедрением огнестрельного оружия, ее наверняка должны были перестроить. Недаром время с конца XIV по первую половину XV в. было также насыщено различными перестройками крепостей как и время с конца XV по начало XVI в. В эту эпоху были реконструированы укрепления Пскова, с 1377 г. получившие много башен-«костров» и более толстые стены²³, значительно усилена пристройкой башен и устройством прикладок Изборская крепость начала XIV в.²⁴, в три приема перестроен детинец Новгорода²⁵, утолщены стены и башни только что выстроенного тогда Порхова²⁶ и повышена обороноспособность новопостроенных Выбора и Гдова²⁷.

Наконец, необходимо разрешить и вопрос о судьбе крепости конца XIII в., остатков которой, по мнению В. А. Богусевича, не сохранилось.

Начнем с последнего вопроса и обратимся непосредственно к памятнику. Вглядываясь в него можно установить, что он не однороден, как это считалось до сих пор; не везде его кладки одинаковы, не везде характер лицевых поверхностей его стен один и тот же²⁸. Это относится в основном к юго-западной стене, стоящей на краю обрыва копорской скалы. На участке этой стены между проломом (брешью) и юго-восточной башней, имеются три вертикальных шва, идущих почти на всю высоту стены и отстоящих друг от друга на разных расстояниях (рис. 2). Характер кладки по сторонам этих швов все время меняется.

Между башней и восточным швом (рис. 2, А) стена сложена из относительно крупных камней плитняка и имеет пять горизонтальных рядов гнезд от пальцев строительных лесов. Подобные гнезда существуют и в юго-восточной башне, однако в ней они почти везде заложены. Закладки эти хорошо видны, так как представляют собой вертикальные каменные «пробки», выделяющиеся на фоне горизонтальных рядов кладки.

²³ Псковские летописи, вып. 1, М.—Л., 1941, стр. 24—34.

²⁴ В. В. Косточкин. Строительная биография крепости Изборска. СА, 1959, № 1, стр. 133—137 и 141—142.

²⁵ Началась эта перестройка в 1400 г., когда «заложи владыка Иоан детинец город камен от святого Бориса и Глеба» (НПЛ, стр. 396). Затем она, вероятно, приостановилась, но в 1424 г. возобновилась вновь, так как в этом году новгородцы «ставиша в Новегороде город» (ПСРЛ, т. III, стр. 140), а через шесть лет работы эти развернулись во всю ширь, ибо в 1430 г. «...пригон был христианом к Новугороду город ставити» (НПЛ, стр. 416).

²⁶ П. А. Раппопорт. Ук. соч., стр. 149 и 162—163.

²⁷ Псковские летописи, вып. 1, стр. 41.

²⁸ Натурное исследование Копорской крепости очень затруднено: это объясняется большими осыпями, которые вместе с растительностью во многих местах почти целиком закрывают тыльную поверхность крепостных стен, а также полной невозможностью приблизиться к основной части юго-западной стены снаружи, ибо она стоит на самом краю высокого каменистого и отвесного обрыва.

Необходимо отметить, что в данном участке стены, примерно на середине высоты, имеются два широких и больших арочных проема. Один из них сквозной, сильно разбитый по краям, а другой — сохранился хорошо и полностью заложен плитняковой кладкой. Оба эти проема по форме и размерам примерно одинаковы²⁹. Около каждого из них имеется по бойнице — в одном случае справа, а в другом слева.

Между восточным и средним (рис. 2, Б) швами юго-западной стены характер кладки другой. Кусок стены между этими швами сложен из более мелких камней и в нем нет гнезд от пальцев лесов. Нет на этом участке и боевых отверстий.

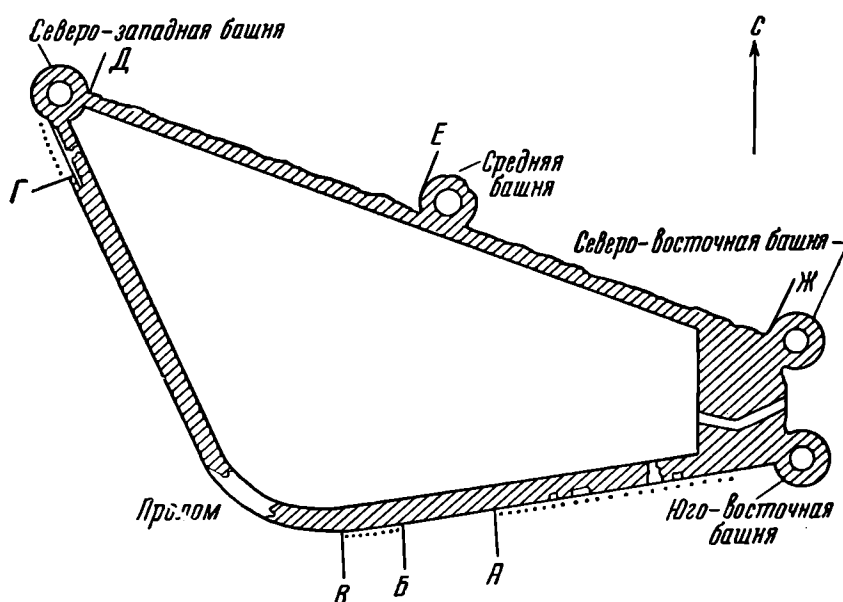

Рис. 2. Копорье. Схема плана крепости (А — Ж — места расположения швов. Точками обозначены участки стены между швами, имеющие гнезда от пальцев лесов)

Далее, между средним и западным (рис. 2, В) швами, кладка стены снова более крупная и в ней опять имеется пять горизонтальных рядов гнезд от пальцев лесов. Боевых отверстий на этом участке нет. По отношению к соседним участкам стены он слегка выступает вперед.

Наконец, между западным швом и проломом кладка опять становится более крупной. Гнезд от пальцев лесов и боевых отверстий в ней нет. Далее эта кладка повторяется и за проломом; она идет почти до самой башни, стоящей на остром северо-западном углу крепости, где снова упирается в вертикальный шов (рис. 2, Г), уже четвертый по счету (рис. 3). Подобно трем остальным, этот шов также идет почти на всю высоту стены. За ним кладка вновь имеет гнезда от пальцев лесов. В стенах стоящей рядом башни гнезда лесов, так же как и в юго-восточной башне, заложены вертикально вставленными камнями.

Примечательно, что слева от данного шва в стене находится сквозное отверстие, являющееся, очевидно, сильно разрушенной бойницей³⁰, а

²⁹ В отношении открытого и разбитого проема нами высказывалось предположение о принадлежности его вылазу (см. В. В. Косточкин. К характеристике памятников..., стр. 115). Однако сейчас, когда неподалеку обнаружен второй подобный же проем, расположенный чуть ли не над самой отвесной частью скалы, от сделанного предположения следует отказаться.

³⁰ Отметим попутно, что сейчас через это отверстие можно выйти из крепости на кромку копорской скалы. Осторожно двигаясь по ней на юго-восток, мы подойдем ко второму отверстию в стене, также разбитому по краям. Отверстие это очень небольшое. Расположено оно на высоте человеческого роста от земли. Через него ползком можно пролезть в довольно большое и совершенно темное крытое коробовым сводом помеще-

справа, почти на всю ее высоту, существует уступ, вынесенный вперед на 90 см (рис. 4). Между этим уступом и основной массой стены имеется щель, которая и является фактически швом.

Наличие четырех перечисленных швов, разный характер кладки между ними и неодинаковая структура частей стены — все это убеждает в том, что юго-западная стена не одновременна. В ней следует видеть результат не менее чем двух этапов строительства. При этом к наиболее раннему времени следует отнести части стены между швами, которые не имеют

Рис. 3. Копорье. Фрагмент юго-западной стены крепости с местом расположения шва «Г»

гнезд от пальцев строительных лесов, а к более позднему — части стены с гнездами от лесов. К этому заключению приходим потому, что у северо-западной башни участок стены с гнездами наложен сверху на следующий за ним участок стены без гнезд. То же самое можно видеть и в месте разрушения боевого хода юго-западной стены значительно южнее места расположения шва «Г».

Датировать участки стены с гнездами и без них частично позволяет связующий раствор. На участке стены без гнезд он как будто несколько иной, нежели на участках с гнездами. Во всяком случае в первом имеется добавка из дробленого плитняка, благодаря чему он в какой-то степени напоминает цемянку, а во втором такой добавки, видимо, нет. Отсюда раствор с добавкой, а вместе с ним и участки стены, сложенные без применения лесов, можно ориентировочно отнести к концу XIII в. и связать, вероятно, с новгородской каменной крепостью этого времени. Что же касается

ние с двумя дверными проемами. Один из проемов, расположенный в торцевой части помещения, против отверстия в крепостной стене, выводил, видимо, в крепость. Сейчас он засыпан камнем и землей. Второй дверной проем существует в боковой северо-западной стене помещения. За ним находится другое помещение, также сводчатое и также без окон. По всей вероятности, два названных помещения являются подвалом одного из зданий, стоявших внутри крепости рядом со стеной. Здания эти помечены на планах Копорья первой половины XVIII в. (см. В. В. Косточкин. К характеристике памятников..., рис. 2, 3). В сквозном отверстии между крепостной стеной и первым помещением существует шов, указывающий на их одновременность.

раствора без добавки, то он наверняка более поздний. Об этом говорят сложенные на этом растворе крайние участки юго-западной стены: они имеют боевые отверстия, а их кладка перевязана с кладкой башен, что свидетельствует об их одновременности. Башни же в свою очередь снабжены бойницами, явно рассчитанными на применение пушек (рис. 5). В связи с этим участки юго-западной стены с гнездами от пальцев лесов также следует отнести ко времени применения огнестрельного оружия.

Рис. 4. Копорье. Уступ юго-западной стены
близ северо-западной башни

Если сказанное верно, то Копорская крепость конца XIII в. не исчезла полностью, как это считал В. А. Богусевич, а, наоборот, оставшиеся от нее фрагменты в более позднее время, когда уже применялась артиллерия, были включены в новую постройку. К этой постройке, наряду с участками юго-западной стены, имеющими гнезда от пальцев лесов, следует отнести также все четыре башни крепости и прясла стен между ними, наружные поверхности которых почти полностью осыпались. Правда, с левой стороны северо-западной башни, а также с правых сторон средней и северо-восточной башен существуют вертикальные швы (рис. 2, Д, Е и Ж),

как бы отделяющие башни от стен³¹. Однако с других сторон этих башен таких швов уже нет. Отсутствие их с этих сторон говорит об одновременности постройки стен и башен, а наличие их с других, — видимо, о том, что создание существующей крепости велось «захватками». Может быть, это связано с тем, что остатки новгородской крепости конца XIII в. с северной стороны копорской скалы разбирались не сразу, а по мере строительства существующих стен и башен, определяющих архитектурный облик современного Копорья³².

Когда же была произведена постройка новой Копорской крепости, включившей в себя более древние остатки? Если это произошло в период употребления артиллерийского оружия (о чем выше уже говорилось), то когда именно — в конце XV — начале XVI в., как это считал В. А. Богусевич или же в первой половине XV в., что ориентировочно предполагали мы вначале?

Чтобы ответить на такой вопрос, обратимся к оборонительным системам других русских крепостей — с одной стороны, Ладоги и Орехова, а с другой — Изборска и Порхова.

Первые две крепости, выстроенные в конце XV — начале XVI в., рассчитаны на круговую активную оборону, в связи с чем их башни расставлены по всему периметру стен более или менее равномерно. У двух других оборонительные системы сформировались на исходе XIV и в первой половине XV в.; они были рассчитаны только на лобовую активную оборону, в силу чего основная часть их башен сосредоточена у них только на приступных стенах³³.

Сопоставляя с этими системами оборонительную систему Копорья, не трудно заметить, что она полностью соответствует оборонительным системам Изборска и Порхова и совершенно не соответствует оборонительным системам Ладоги и Орехова. Так же как в Изборске и Порхове, башни Копорья стоят преимущественно на той стороне копорской скалы, которая была доступна для противника. Со стороны же крутого обрыва этой скалы, являющегося непреодолимой преградой, башен в Копорье нет, как нет их с подобных же сторон в Изборске и Порхове³⁴. Отсюда напрашивается вывод, что крепость Копорье, так же как крепости Изборска и Порхова, была выстроена с учетом только лишь лобовых штурмов.

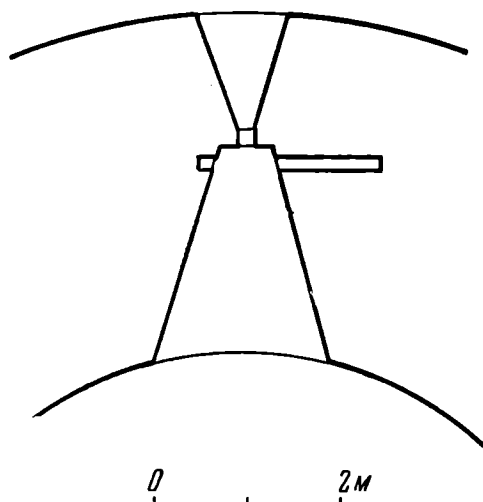

Рис. 5. Копорье. Типовая бойница башен

³¹ У средней башни в связи с ее осадкой шов сверху разошелся примерно на 20—30 см.

³² На западном прясле северной стены существуют три бойницы и широкая заложная плитняком арка, расположенная у основания стены, а на восточном прясле этой стены есть одна бойница, находящаяся рядом с северо-восточной башней, фланкирующей крепостной въезд. Последняя бойница по своему типу совершенно отличается от всех других бойниц крепости. Она прорезана в стене, внутри которой идет лестница, спускающаяся в нижний сводчатый этаж упомянутой башни. Отметим попутно, что восточное прясло северной стены сложено внизу на более светлом растворе, чем вверху. Кроме того, на одной трети высоты от земли по этому пряслу примерно на протяжении 20—25 м проходит полоса раствора, перемешанного с землей. Поверх этой полосы камень кладки более крупный, нежели ниже. Не является ли эта полоса границей двух строительных периодов?

³³ В. В. Косточкин. Оборонительные системы русских крепостей XIV — начала XVI вв. СА, 1957, № 1, стр. 132—140.

³⁴ В. В. Косточкин. О «регулярной» планировке в крепостной архитектуре Русского государства. Ежегодник Института истории искусств АН СССР за 1957 г. М., 1958, стр. 103—106.

В связи с изложенным становится очевидным, что датировать существующую в Копорье крепость рубежом XV—XVI вв. нельзя. В это время захват укрепленных пунктов с помощью лобовых штурмов отошел фактически уже в область преданий, а в русском военном зодчестве получила распространение совершенно новая система обороны, созданная с учетом отражения нападений с любого направления. Ее скорее всего следует отнести к первой половине XV в., т. е. ко времени, когда проводились упомянутые выше работы в Пскове, Изборске, Новгороде, Порхове, Выборе и Гдове.

Возможно, что сохранившуюся в Копорье каменную крепость следует связывать со строительной деятельностью энергичного новгородского политика и главы новгородского «Совета господ» архиепископа Евфимия II (1429—1458 гг.). Деятельность его, как видно по летописям, была очень разнообразной. В 1432 г. Евфимий поставил «церковь древяну святых Апостол на Чюдинцеве улице». В 1433 г. он «во дворе у себя владычне» поставил каменную палату с тридцатью дверями, что говорит о больших размерах здания и о его «дворцовом» характере. В 1435 г. «у себя в дворе» Евфимий выстроил каменную надвратную Иоанновскую церковь, которая, правда, сразу же рухнула, но на другой год была сложена заново. Одновременно с Иоанновской церковью новгородский владыка в 1436 г. «часы над полатою наряди звонящи» и выстроил каменную Никольскую церковь в Вяжищах. В 1437 г. он разобрал «у себя во дворе на воротех» старую церковь Петра и вместо нее поставил новую. В 1439 г. Евфимий «у себя в дворе поставил ключницу хлебную камену», «пообнови церковь святую Софию и обели», «поставил колокольницу камену на городе, на старом месте», «позлати гроб» князя Владимира Ярославича и «подписа» его. В 1440 г. он выстроил каменную церковь Анастасии и «комънату меньшую постави у себя на дворе». В 1441 г. Евфимий «на старом основании» выстроил каменную Спасскую церковь в Руссе, устроив на ее базе монастырь, поставил церковь Бориса и Глеба «на старои основе, во Околотке», а у себя на дворе выстроил сразу несколько каменных зданий — Никольскую церковь, поварню и «комнату». В 1443 г. он «поставил духовницу камену и сторожню камену на своем дворе». В 1445 г. Евфимий выстроил «у себя в сенях» теплую каменную церковь Евфимия, создал Варлаамовскую каменную церковь на Хутины с колокольницей наверху³⁵, «в городе в Ладогe стену каменную понови», заложил в этом городе монастырь и обновил древнюю церковь Георгия³⁶. В 1448 г. Евфимий ездил «на городок на Яму, и заложил городок нов, охабень болши перваго». Наконец, в 1450 г. в Новгороде «почал владыка Евфимий Детинець покрипливати, и поставил на городе часозвон»³⁷.

В связи с тем, что среди перечисленных работ были работы по «обновлению» стен Ладого, полной перестройке крепости Ям (конца XIV в.) и укреплению новгородского детинца, а возможно, и по восстановлению каменной стены этого детинца, подмытой водами Волхова в 1437 г.³⁸, можно предположить, что одновременно новгородский владыка мог перестроить заново и старую крепость Копорье, выстроенную новгородцами еще в конце XIII в.

³⁵ ПСРЛ, т. XII, СПб., 1901, стр. 19, 21—23, 30, 36, 42 и 112; НПЛ, стр. 416, 418—425.

³⁶ ПСРЛ, т. IV, стр. 123.

³⁷ ПСРЛ, т. XVI, СПб., 1889, стб. 192.

³⁸ В 1437 г. «вода подмывала у Дитинца город, и оползевала земля от стены, и падеся стена камена и колоколница от Волхова» (НПЛ, стр. 419). К сожалению, год восстановления этой стены в летописях не отмечен, но известно, что в 1439 г. архиепископ Евфимий поставил «колокольницу камену на старом месте, на городе, иде же палася до основания» (Там же, стр. 420). Это хорошо свидетельствует, что работы по ее строительству к этому времени были полностью закончены. Это же известие дает возможность восстановление упавшей стены новгородского кремля приписать строительной деятельности Евфимия II.

Для перестройки этой крепости в то время были все основания. В 1444 г. «събравшися Немци, местер • всеми своими вои, пришедше под город под Яму, бивше город пушками»³⁹. В 1447 г. также «придоша Немци к Яме городку, и начаша многыми пушками сильными бити город»⁴⁰. Произведенная на другой год после этого полная перестройка крепости Ям архиепископом Евфимием была явно связана с повреждением крепости этими осадами; в 1430 г., после осады войсками Витовта в 1428 г., применившими крупнокалиберную артиллерию, была реконструирована и крепость Порхова⁴¹. Поскольку же более чем 150-летней давности крепость Копорье находилась неподалеку от крепости Ям и при ожидавшемся новом вторжении вражеских сил не могла задержать их продвижение по новгородской территории, архиепископ Евфимий заодно перестроил и старые копорские укрепления, уже давно не отвечавшие требованиям шагнувшей далеко вперед огнестрельной техники.

Таким образом, пришла пора отказаться от датировки крепости Копорье рубежом XV—XVI вв. и считать ее не московским, а новгородским военно-оборонительным сооружением, относящимся примерно ко второй четверти XV в. Стало очевидным также наличие остатков частей крепости конца XIII в., входящих в состав стен поныне существующей крепости, которые ждут своего исследования.

³⁹ ПСРЛ, т. XVI, стб. 185.

⁴⁰ Там же, стб. 191.

⁴¹ В. В. Косточкин. О «регулярной» планировке в крепостной архитектуре... стр. 108.

ЗАМЕТКИ

В. А. ФИЛИПЧЕНКО, Ю. В. КУРОЧКИН

КРЕМНЕВЫЕ ОРУДИЯ С о. КУЛАЛЫ

Процесс заселения в древности островов Каспийского моря не изучен. В связи с этим находка в 1957 г. одним из авторов настоящей заметки кремневых орудий и отщепов на о. Кулалы представляет особый интерес.

Остров Кулалы расположен в группе островов Тюленьего архипелага, в 40 км к северу-северо-западу от полуострова Мангышлака (рис. 1). Его протяженность по внешнему берегу — 37—38 км, ширина — 1—3 км, высота над уровнем моря — до 5 м. На плоской поверхности острова, сложенной из песка и ракушек соленоводных моллюсков, возвышаются вытянутые параллельно берегам невысокие гряды. Растительность острова — полупустынного типа.

Кремневые изделия и отщепы были обнаружены на участках, лишенных растительного покрова, в северо-западной части острова, в 100—300 м от западного берега, на протяжении 4—5 км к югу от брошенного рыбацкого поселка.

Всего было собрано 46 кремневых орудий и отщепов. Материал можно подразделить на несколько типов.

Скребки (2 экз.) из бурого кремня. Первый скребок представляет собой пластинку с двумя гранями по спинке (рис. 2, 1). Рабочие торцовые края оформлены со стороны спинки рядами крупных фасеток. Широкий торец округлой формы, узкий имеет скошенное лезвие. На длинных сторонах ретушь не прослеживается.

Для изготовления второго скребка был использован обломок широкой пластины с двумя гранями на спинке (рис. 2, 2). Его слегка выпуклый торцовый рабочий край отретуширован со стороны спинки. Крупные фасетки зазубривают рабочую часть.

По своему назначению к этой группе изделий примыкает орудие из светло-серого кремня (рис. 2, 5). Это массивная пластинка с двумя гранями на спинке. Широкая торцовая часть, полукруглая в плане, отретуширована со стороны спинки крупными фасетками. На втором, узком скошенном конце сохранились следы нанесенных со стороны спинки узких фасеток. На длинных сильно выщербленных краях пластинки ретушь не прослеживается.

Проколка (рис. 2, 3) со слегка искривленным острием, изготовленная из кремневой пластинки пепельно-серого цвета, имеет две грани на спинке. Длинные стороны и острие тщательно отретушированы со стороны спинки, но от длительного употребления ретушь сильно сглажена.

По характеру обработки в одну группу можно объединить три ножевидные пластинки.

Ножевидная пластинка из бурого кремня, с двумя гранями на спинке (рис. 2, 13). Длинные края обработаны со спинки мелкой ретушью.

Участки, длиной 2 см, у одного из торцов сильно притуплены противоположной ретушью.

Фрагмент ножевидной пластинки бурого цвета, с двумя гранями на спинке (рис. 2, 12). Длинные рабочие края сильно сработались и выкрошились. Узкий конец на участке 2,2 см притуплен противоположной ретушью.

Фрагмент третьей пластинки, с двумя гранями на спинке, из темно-серого кремня (рис. 2, 8), несколько отличается от ранее описанных. Если края пластинки со следами сильной сработанности отретушированы, как

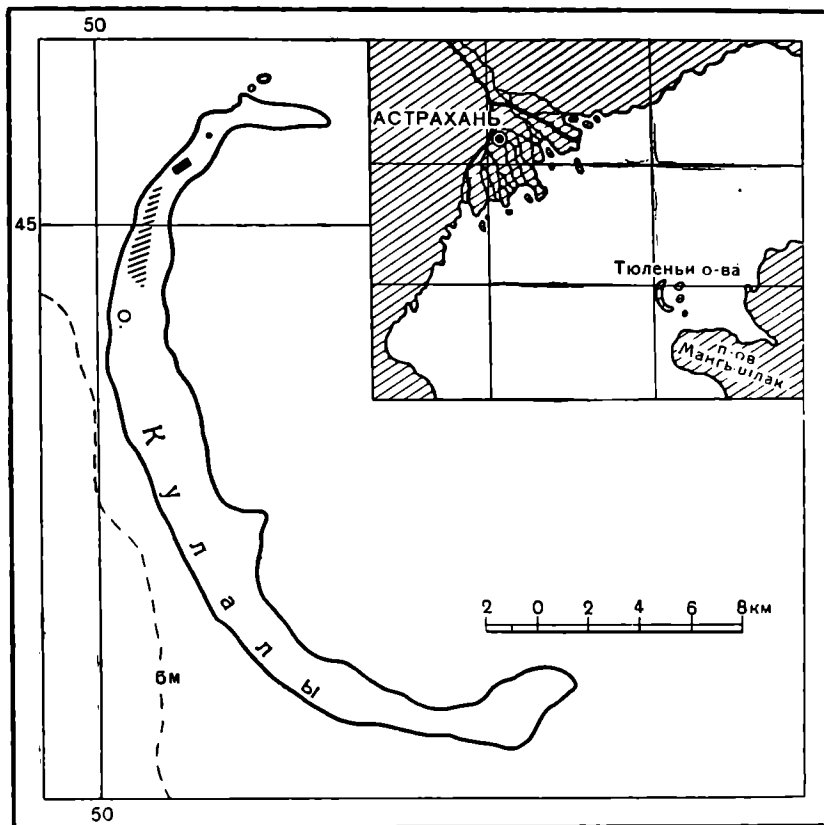

Рис. 1. Карта северной части Каспийского моря и о. Кулалы. (Штриховкой обозначено место находки кремневых орудий на острове)

и у описанных выше пластинок, со стороны спинки, то участки длиной 1,4—1,5 см у одного из торцов притуплены со стороны брюшка. Создается впечатление, что притупление участков лезвия у одного из концов производилось для удобства крепления пластинок в деревянных или роговых рукоятках.

Орудие, изготовленное из кремневой пластинки серого цвета, со следами патины, с двумя гранями на спинке (рис. 2, 4). Один из рабочих краев пластинки частично сбит (за счет чего образовалась удобная опорная площадка), второй сильно сработан. Мелкая ретушь, некогда оформлявшая лезвие, прослеживается на отдельных участках. Наличие опорной площадки, противоположной рабочему краю, позволяет квалифицировать это орудие как режущий инструмент.

Пластинка из серого кремня, с двумя гранями на спинке (рис. 2, 7). Слегка вогнутые рабочие края отретушированы со стороны спинки притупляющей ретушью и сильно сглажены от употребления.

Массивный предмет из серого кремня, с двумя гранями на спинке. Длинные рабочие стороны обработаны со стороны спинки притупляющей ретушью (рис. 2, 9).

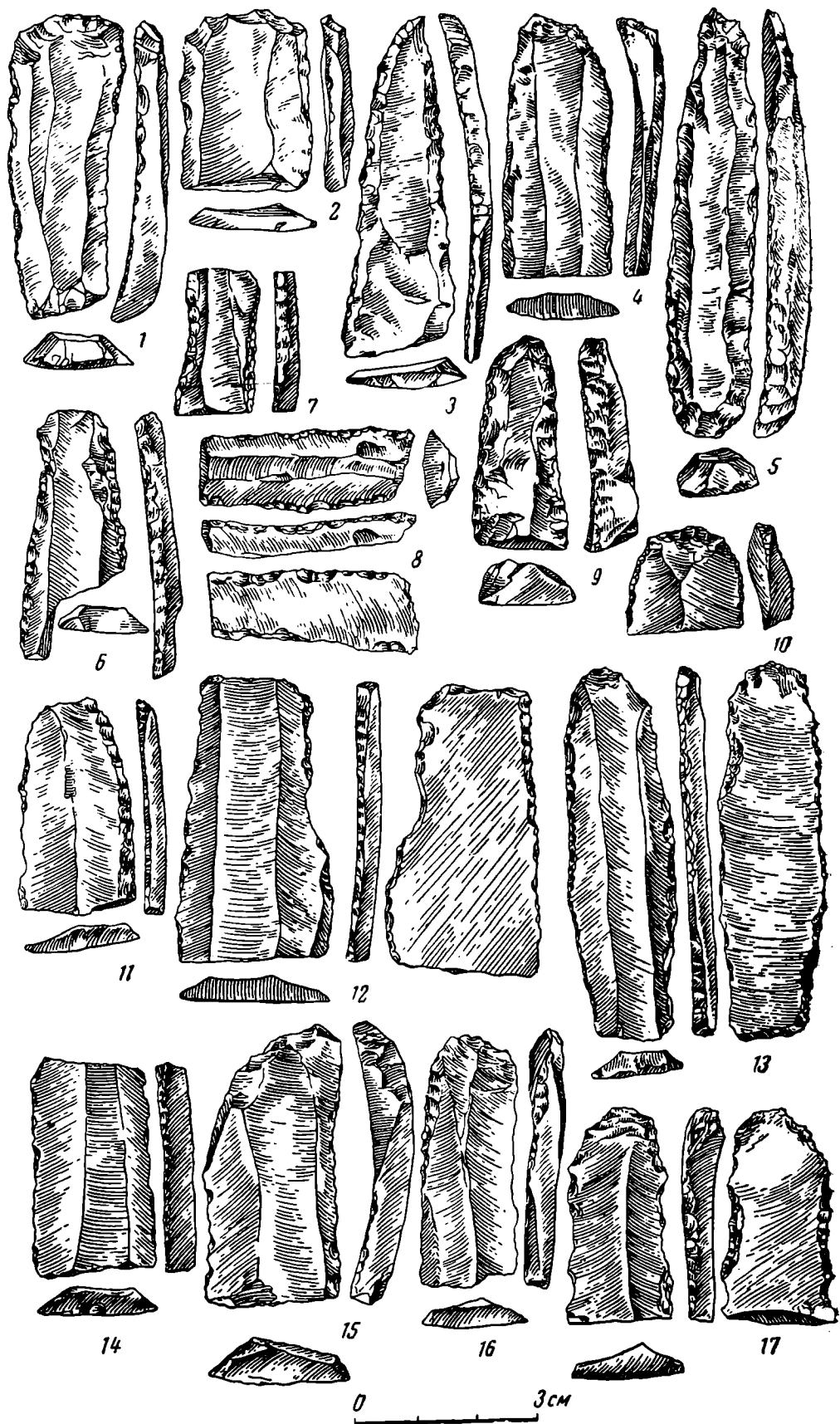

Рис. 2. Кремневые орудия

Пластина из серо-бурого кремня, с двумя гранями на спинке (рис. 2, 12). Рабочие края подправлены ретушью со стороны брюшка.

Небольшое орудие из пластинки светло-песчаного цвета, с двумя гранями на спинке (рис. 2, 11). Края орудия и один из закругленных торцов, сглаженные от употребления, оформлены ретушью противоположного характера.

Небольшое орудие из пластинки серого цвета, с одним ребром на спинке (рис. 2, 17). Ретушь, оформляющая края изделия, грубая, притупляющего характера, нанесена с брюшка.

Небольшая ножевидная пластинка из серого кремня, с одним ребром на спинке (рис. 2, 16). Края слегка подправлены ретушью противоположного характера.

Неретушированные кремневые изделия представлены следующими орудиями.

Пластинка из серого со следами патины кремня, изогнутая в продольном направлении, с двумя гранями на спинке (рис. 2, 15). Орудие имеет один рабочий край, выщербленный в результате длительного употребления; противоположное лезвие отбито, за счет чего образовалась удобная опорная площадка.

Орудие из серого кремня, с двумя близко расположенными гранями на спинке (рис. 3, 1). Рабочие края сработаны.

Ножевидная пластинка из серого, со следами патины, кремня, с гранью на спинке, изогнутой в продольном направлении (рис. 3, 4). Края сработаны.

Ножевидная пластинка из кремня песчаного цвета, с ребром на спинке (рис. 3, 5). Длинные рабочие края и один из торцов пластинки сильно выщербились в результате длительного употребления.

Вместе с изделиями найдено большое количество осколков кремня, свидетельствующих о местном производстве кремневых орудий (рис. 3, 7—15).

К сожалению, находки изделий из кремня на развеечных участках о. Кулалы, а не в культурных слоях поселений, значительно усложняют решение вопроса о их датировке. Однако сопоставление кулалинских материалов с материалами, добытыми в результате раскопок среднеазиатских поселений с кремневым инвентарем, и привлечение данных о периодах трансгрессий и регрессий Каспия позволяют сделать некоторые выводы о времени заселения островов Тюленьего архипелага.

В Восточном Прикаспии стоянкой, давшей много хорошо датированных кремневых изделий, является пещерное поселение в окрестностях Джебел, Ашхабадской ж. д. 4-й и 5-й горизонты культурного слоя этого поселения А. П. Окладников относит к раннему неолиту, датируя 4-й слой IV тысячелетием до н. э.¹

Как и в отмеченных слоях Джебельской стоянки, кулалинский набор кремневых изделий содержит орудия определенного функционального назначения: скребки на ножевидных пластинах с округлыми или скошенными лезвиями, проколки со слегка искривленными остриями, ножевидные отретушированные пластинки. Отдельные кремневые предметы обоих комплексов поразительно сходны по форме, размерам и степени обработки, как, например, проколка с изогнутым острием с о. Кулалы (рис. 2, 3) и проколка из 4-го слоя Джебельской стоянки²; скребок с притупляющей ретушью на торце, прослеживающейся в виде удлиненных фасеток с о. Кулалы (рис. 2, 2), и скребок из 4-го слоя Джебельской стоянки³. Некоторое различие скребков проявляется в том, что у джебельского рабочий

¹ А. П. Окладников. Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении. Тр. ЮТАКЭ, т. VII, 1956, стр. 200, 208.

² Там же, стр. 94, рис. 55, 8.

³ Там же, стр. 88, рис. 52, 5.

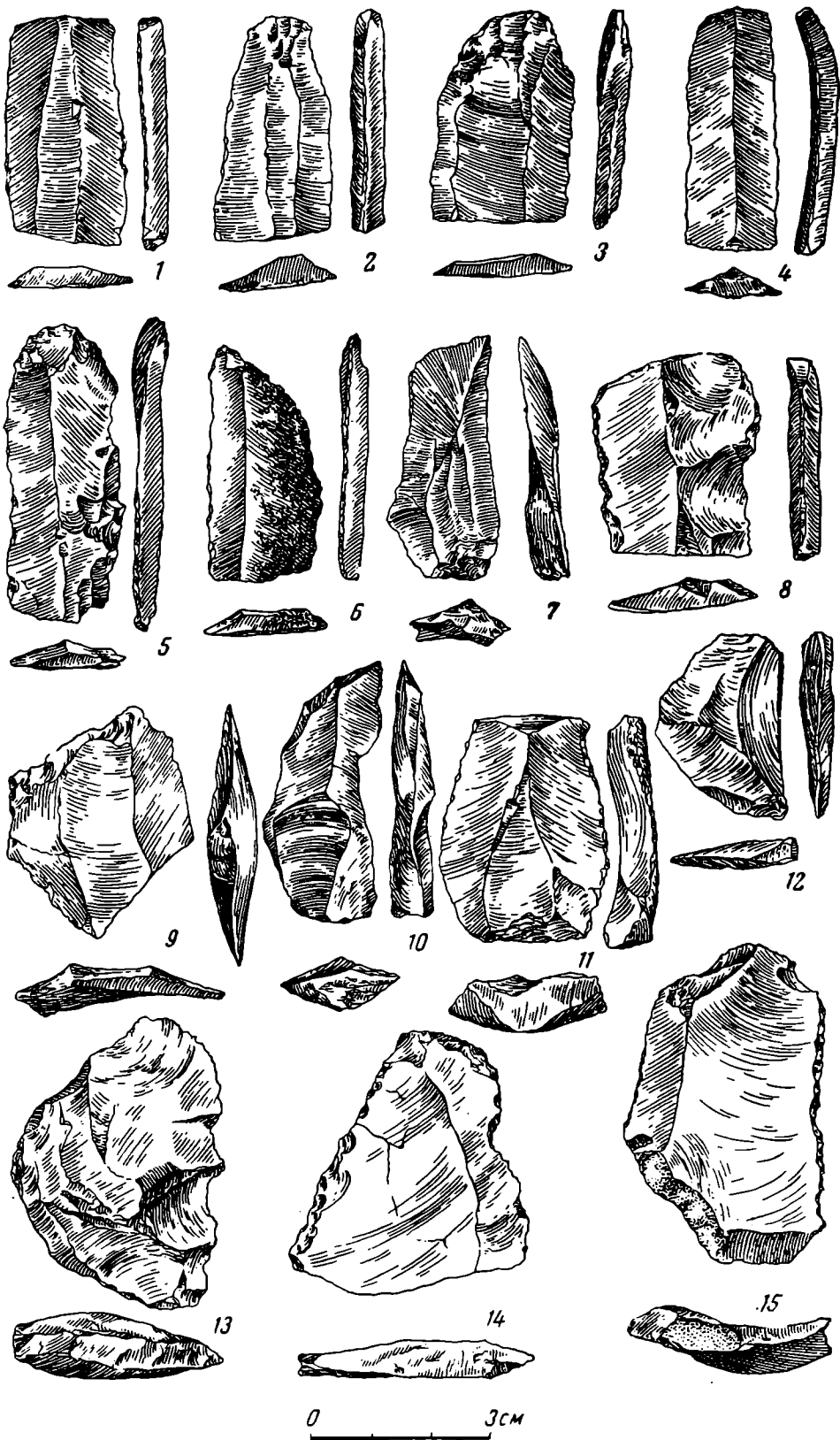

Рис. 3. Кремневые орудия без ретуши и осколки

край дополнительно подправлен мелкой ретушью, сгладившей грани крупных фасеток. То же можно сказать о фрагментах массивных предметов, представленных в кулалинском (рис. 2, 9) и джебельском⁴ комплексах.

⁴ А. П. Окладников. Ук. соч., стр. 98, рис. 57, 6 (правый).

Пластинка с одним из режущих краев, превращенным в опорную площадку (рис. 2, 15), поразительно схожа с пластинкой из 4-го слоя стоянки Джебел⁵ и отличается только наличием второй грани на спинке. Ножевидная пластинка с характерной противолежащей ретушью (рис. 2, 13) также имеет аналогии среди джебельских материалов⁶. Наконец, фрагмент неретушированной пластинки (рис. 3, 2) отличается от джебельской из 5-го слоя⁷ лишь несколько более заостренным торцом.

Датировка кулалинских кремневых изделий V—IV тысячелетиями до н. э. находится в соответствии и с данными о периодах колебания уровня Каспийского моря. До новокаспийской трансгрессии, когда о. Кулалы в течение трех-пяти тысячелетий находился под водой, имела место так называемая «мангышлакская» регрессия, во время которой уровень Каспийского моря был на несколько десятков метров ниже современного. Как указывает С. В. Бруевич⁸, эта регрессия закончилась между VI и III тысячелетиями до н. э.

В V—IV тысячелетиях до н. э. Тюленьи острова были соединены с материком и находились в пресноводной зоне, возможно, в непосредственной близости от устьев рек, впадавших в море с севера. Именно в это время и мог быть заселен данный район. На наличие здесь в далеком прошлом пресной воды указывают найденные нами на о. Кулалы в небольших обрывах близ уреза воды слои раковин пресноводных моллюсков рода *viviparus*, тогда как на поверхности острова ракушки представлены исключительно солоноводными морскими видами.

Позднее, в связи с начавшейся новокаспийской трансгрессией, Тюленьи острова были покинуты обитателями и на несколько тысячелетий скрылись под водой.

⁵ А. П. Окладников. Ук. соч., стр. 84, рис. 49, 10.

⁶ Там же, стр. 126, рис. 45, 5.

⁷ Там же, стр. 121, рис. 71, 6.

⁸ С. В. Бруевич. Изменения климата и уровня Каспийского моря за последние тысячелетия по химическим данным. Тр. Гос. океанографического ин-та АН СССР, вып. 4 (16), 1948, стр. 68.

А. Я. БРЮСОВ

ЛЬЯЛОВСКАЯ СТОЯНКА НА р. КЛЯЗЬМЕ В МОСКОВСКОЙ ОБЛ.

Введенный за последние десятилетия в научный оборот большой новый археологический материал заставляет пересмотреть ряд старых датировок и выводов. К таким датировкам и выводам относятся, в частности, выводы, сделанные в свое время Б. С. Жуковым на основании произведенных им в 1923 г. раскопок Льяловской стоянки в верховьях р. Клязьмы, в Московской области. Результаты этих раскопок, производившихся студентами МГУ под руководством Б. С. Жукова (который только время от времени лично присутствовал на раскопках), были опубликованы самим Б. С. Жуковым¹, а также принимавшим участие в этих раскопках Б. А. Куфтиным².

¹ Б. С. Жуков. Неолитическая стоянка близ с. Льялова, Москов. уезда. Тр. Антропологического института. Приложение к «Русскому антропологическому журналу», т. XIV, вып. 1—2, М., 1925.

² Б. А. Куфтин. Льяловская неолитическая культура на реке Клязьме в Московском уезде в ее отношении к окскому неолиту Рязанской губернии и раннеолитическим культурам Северной Европы. Тр. Об-ва исследователей Рязанского края, вып. V, «К материалам по археологии Рязанского края», Рязань, 1925.

Очень далеко идущие выводы, сделанные Б. С. Жуковым на основании этих раскопок, частично нашли отклик в последующей археологической литературе; в частности, его предположение, что Льяловская стоянка характеризует наиболее древний этап развития неолитической культуры в Окской долине и что этот этап может рассматриваться как исходный пункт развития неолитических культур на данной территории³.

Небезынтересно в этом отношении привести основные выводы Б. С. Жукова, содержащиеся в его статье. Он полагал, что «генетические связи льяловской культуры тяготеют в сторону Балтики и, уходя в глубь тысячелетий, захватывают древнейшие балтийские комплексы типа Маглемозе»; что культура Маглемозе дала ряд дериватов, в том числе «культуру гребенчатой керамики Айлио»; что можно «предполагать существование в начале мезолита *крупной и мощной этнической группы*, которую можно рассматривать как *балтийскую*»; что при благоприятных условиях эта группа «могла дать еще в анциловые времена волны колонизаторов, разошедшихся по различным направлениям к юго-западу (Великобритания), западу (Дания — Южная Скандинавия), а также к северо-востоку»; что последняя из волн «представлена в районе верховьев Клязьмы»⁴.

Эти крайне широкие выводы и повели к тому, что Льяловскую стоянку стали считать чуть ли не древнейшей неолитической стоянкой во всей северной половине европейской части СССР. Мне уже приходилось выступать с возражениями против такого понимания Льяловской стоянки и льяловской культуры⁵. Полагаю, что небезынтересно привести некоторые конкретные факты, позволившие мне не соглашаться с мнением Б. С. Жукова и некоторых других археологов, разделявших его мнение о древности и значении Льяловской стоянки.

Хотя Б. С. Жуков и утверждал в своей статье, что Льяловская стоянка полностью исчерпана его раскопками, сомнения, которые у меня возникли в отношении этих раскопок, побудили меня в 1951 г. попытаться отыскать и раскопать хотя бы незначительную сохранившуюся часть этой стоянки. О результатах этой попытки я и хочу сообщить в данной статье.

Обращают на себя внимание крайне малые размеры стоянки. Б. С. Жуковым было вскрыто, по его словам, 160 м² (по Б. А. Куфтину, даже 320 м²). По моим измерениям, Б. С. Жуковым была вскрыта значительно меньшая площадь (см. рис. 1). Культурный слой был при этом действительно почти весь исчерпан. Поэтому мои раскопки 1951 г. смогли охватить только периферию древнего поселения. Как выяснилось, культурный слой лежит на плотной глине и прикрыт сверху торфом, образовавшимся вследствие запружения местных подпочвенных вод, стекающих по крутому берегу на всем пространстве от с. Льялова до с. Никольского, на протяжении более 2 км.

Предположение Б. С. Жукова о том, что стоянка находилась на берегу озерообразного расширения р. Клязьмы (против чего возражал Б. А. Куфтин), действительно маловероятно. Скорее можно думать, что уровень воды в реке стоял в то время еще ниже, чем в настоящее время, поскольку, как мы увидим ниже, Льяловская стоянка относится далеко не к такой древности, к которой относил ее Б. С. Жуков (в геологическом отношении). Она, несомненно, одновременна с целым рядом стоянок, нижний край которых в настоящее время уходит под воду, свидетельствуя о том, что во времена существования этих стоянок вода в реках стояла

³ Ср. М. Е. Фосс. Древнейшая история севера европейской части СССР. МИА, № 29, 1952, стр. 154 сл.

⁴ Б. С. Жуков. Ук. соч., стр. 74.

⁵ А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 43 сл. См. также А. J. Brjussow. Geschichte der neolithischen Stämme im europäischen Teil der UdSSR. Berlin, 1957, стр. 50 сл.

ниже. Таковы, например, Федоровская стоянка на р. Вексе близ г. Чухломы, Караваевская стоянка на р. Еломе на севере Вологодской области, стоянки на северном и восточном берегах Бисерова озера под Москвой и т. д. Река Клязьма у с. Льялова, в настоящее время узкая и мелководная, должна была представлять собой в то время совсем маленькую речку. Характерно при этом, что Льяловская стоянка находится не на берегу реки, а в дальнем конце очень широкой поймы, на террасовидном воз-

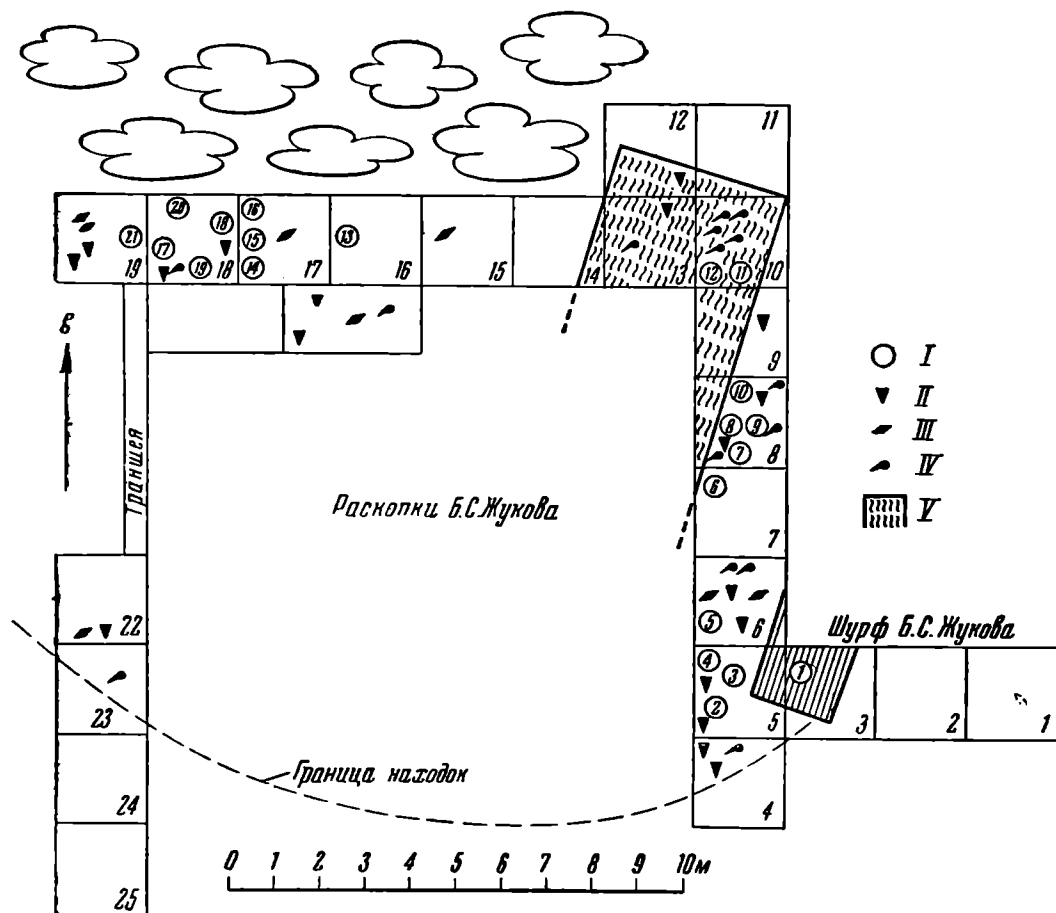

Рис 1.

I — каменное или костяное орудие; II — до 5 черепков; III — до 5 кремневых осколков; IV — до 5 костей; V — устланный корою пол дома; 1 — каменный отбойник; 2 — кремневый скребок; 3 — обломок кремневого наконечника стрелы; 4, 18, 19 — обломки кремневых орудий; 5 — обломок костяного гарпуна; 6 — каменный отбойник; 7 — кремневая ножевидная пластинка; 8, 9 — кремневые нуклеусы; 10 — обломок кремневой заготовки; 11 — костяное долото; 12 — обломок костяной орнаментированной трубки; 13 — кремневое рубило; 14 — кремневая заготовка; 15 — кремневое рубильце; 16 — шлифовальная плита; 17 — обломок костяного орудия; 20 — кремневая ножевидная пластинка; 21 — кремневый нуклеидный осколок

вышении, где можно было использовать выходы грунтовых вод. Водой из р. Клязьмы человек мог пользоваться здесь только летом, так как в зимнее время река должна была промерзнуть до дна⁶.

Это обстоятельство было отмечено Б. С. Жуковым, писавшим следующее: «Весьма вероятно, что стоянка располагалась около источника — выхода грунтовых вод, который находился у ее западной части»⁷. Обращает на себя внимание при этом наличие ольхи в этой местности во времена существования стоянки, что было установлено пылевым анализом

⁶ Ср. А. Я. Брюсов. Проблема питьевой воды в неолите. Доклад на 5-й Конференции Международного об-ва по доисторическим и раннеисторическим знаниям в Гамбурге в авг. 1958 г.

⁷ Б. С. Жуков. Ук. соч., стр. 70.

(до 22%)⁸. Я уже отмечал⁹, что почти все неолитические стоянки севера европейской части СССР, судя по пыльцевым анализам, располагались на местах, где росла ольха. По-видимому, помимо своей пригодности для постройки легких жилищ¹⁰, ольха служила первобытному человеку также верным указателем наличия чистой и достаточно обильной воды, которой можно пользоваться и летом, и зимой, вырыв небольшую ямку у подножья повышенной части берега вблизи от поселения¹¹. К такому способу прибегают, например, поморы в местах расположения рыбачьих тонь на берегу Белого моря, правда, пользуясь для этого другими приме-тами.

Специальной траншейкой, заложенной в 1951 г. в нескольких шагах к западу от Льяловской стоянки, действительно были обнаружены следы существовавшего здесь небольшого ручейка, сбегавшего с окрестной вы-соты и, возможно, в то время протекавшего под землю. Ложе его ясно обозначилось в виде узких полос мелкой гальки и песка. В других местах на той же высоте над уровнем р. Клязьмы песок отсутствовал. На берегу этого ручья и была расположена Льяловская стоянка.

На этом маленьком поселении находились один или два своеобразных домика. Часть одного из них была обнаружена раскопками 1951 г. Боль-шая же часть его, к сожалению, была уничтожена раскопками Б. С. Жу-кова. Судя по размеру стоянки, на ней едва ли могло поместиться более двух таких домиков (см. рис. 1).

Следы дома представлены имевшим форму правильного четырехуголь-ника настилом из нескольких слоев коры, положенной на плотную глину. Ширина настила — 2 м, длина же остается неизвестной, так как часть этого настила приходилась на участки раскопок Б. С. Жукова и не была им прослежена. Факт этот кажется очень странным. На вскрытой нами площади слой коры залегал непрерывно, без пустых промежутков, и от-четливо выделялся на подстилавшей его глине. Я не берусь судить о при-чинах допущенного Б. С. Жуковым недосмотра.

Находки вещей на площади, покрытой этой корой, были сделаны именно на этой коре. Выше находок в беспорядке встречались мелкие и сравнительно тонкие куски дерева — очевидно, остатки обрушившихся стен жилища, представлявших собою, вероятно, оплетенные прутьями колья, вбитые в почву¹².

Некоторый намек на то, что и в раскопах Б. С. Жукова встречалось нечто подобное, можно найти в его печатном отчете. Он пишет: «Любо-пытным участком явился примыкавший с севера к северо-западному углу выемки М. На самом культурном слое, мощностью в 10—14 см, сни-жавшемся здесь в западном направлении с глубины (по верхнему его горизонту) 86 см на расстоянии 2-х метров до глубины в 11 см и глуб-же, оказалось несколько почти параллельных горизонтально лежащих, приблизительно в с.-ю. направлении кусков дерева (ольхи и дуба) в виде недлинных (ок. 15—40 см) обломков веток. По вынугии их, в культур-ном слое оказалась значительная группа обломков керамики с частью днища, — обломков, из которых большая часть принадлежала, по-види-мому, одному сосуду»¹³.

⁸ В. С. Докторовский. Определение возраста Льяловской стоянки по пыльце в торфе. Тр. Антропологического института. Приложение к «Русскому антропологиче-скому журналу», т. XIV, вып. 1—2, стр. 84.

⁹ А. Я. Брюсов. Проблема питьевой воды в неолите.

¹⁰ Ср. А. Я. Брюсов. Неолитические жилища лесной зоны европейской части СССР. Сб. «Вологодский край», Вологда, 1959.

¹¹ Как известно, ольха требует обильной и чистой подпочвенной воды и указывает на наличие последней в местах своего произрастания.

¹² Ср. с домиками свайного поселения на р. Модлоне в Кирилловском (бывш. Чарозерском) районе Вологодской области. См. А. Я. Брюсов. Свайное поселение на р. Модлоне и другие стоянки в Чарозерском районе Вологодской области. МИА, № 20, 1951.

¹³ Б. С. Жуков. Ук. соч., стр. 41.

В другом месте, говоря об обнаружении при раскопах «горизонтально лежащих обломков тонких ветвей», Б. С. Жуков даже высказывает мысль, не было ли это остатком настила, но отвергает ее, так как «исследования на других участках не подтвердили этого предположения»¹⁴.

Другим вопросом, касающимся датировки Льяловской стоянки, является вопрос о наличии на ней шлифованных каменных орудий и назначения найденных там грубо оббитых, макролитического вида кремней, названных им «пиками»¹⁵. Б. С. Жуков отрицает существование у обитателей Льяловской стоянки шлифованных орудий и сравнивает «пики» с мезолитическими орудиями Кампиньи и Маглемозе, несмотря на находки им на Льяловской стоянке полировальных камней. Б. А. Куфтин, напротив, при перечислении находок на Льяловской стоянке считал, что «обломки шлифовальных камней треугольной формы со следами трения о них твердого материала» свидетельствуют о наличии у льяловцев «шлифуемых каменных орудий, однако не найденных пока в стоянке»¹⁶. При наших раскопках на одном из участков (№ 17) была найдена шлифовальная плита и рядом с ней — кремневая заготовка того типа, что нередко можно встретить на многих неолитических стоянках, предназначенная к шлифовке и совершенно аналогичная тем предметам, которые Б. С. Жуков называл «пиками». Вероятно, Б. А. Куфтин был прав, и отсутствие среди находок на Льяловской стоянке шлифованных орудий является простой случайностью.

В связи с этим необходимо сказать о датировке самой стоянки. Б. С. Жуков отнес ее чуть ли не к мезолиту (по типам найденных на ней вещей), хотя в абсолютной хронологии датирует ее 2500—3000 гг. до н. э.¹⁷ По-видимому, и последняя дата сильно удревнена, а на сближение комплекса вещей, найденных на Льяловской стоянке, с мезолитическими комплексами Кампиньи и Маглемозе не может быть и речи. Все данные по Льяловской стоянке свидетельствуют о развитом неолите, и датировать ее временем ранее начала II тысячелетия до н. э. нет никаких оснований. Для более точной датировки данных нет.

Однако среди части советских археологов все еще имеет хождение предположение Б. С. Жукова, что Льяловская стоянка является одной из наиболее древних среди стоянок средней полосы европейской части СССР, а льяловская керамика положила начало керамике всех археологических культур Волго-Окского междуречья¹⁸.

Несомненно, что льяловская керамика обладает известным своеобразием, как и всякая другая керамика любой неолитической культуры. Но своеобразие еще не дает повода считать ее наиболее древней. В настоящее время на Севере, в местах, несомненно заселенных человеком значительно позже, чем Волго-Окское междуречье, открыты стоянки, древнейшие части которых были заселены не позже середины III тысячелетия до н. э.¹⁹ Датировка эта основана не только на археологических данных, но и на данных естественно-исторических дисциплин. Керамика этих стоянок не менее своеобразна, чем льяловская, но из этого и из подавляющего преобладания на ней круглоямочного орнамента (на что особенно делается упор при утверждении особой древности льяловской стоянки) никто не в праве делать заключение о «первородстве» этой керамики. Напомню, что, по данным Б. С. Жукова, в его находках имелось черепков с круглоямочным орнаментом — 83%, с гребенчатым — 78%, с ромбическим — 7% и с прочими видами орнамента — также 7%²⁰.

¹⁴ Б. С. Жуков. Ук. соч., стр. 42.

¹⁵ Там же, стр. 52—55.

¹⁶ Б. А. Куфтин. Ук. соч., стр. 25.

¹⁷ Б. С. Жуков. Ук. соч., стр. 74.

¹⁸ Ср. М. Е. Фосс. Ук. соч., стр. 154.

¹⁹ А. Я. Брюсов. Караваевская стоянка. Архив ГИМ.

²⁰ Б. С. Жуков. Ук. соч., стр. 68.

Если бы Б. С. Жуков составил кумулятивную таблицу и сравнил бы эти процентные соотношения видов орнамента на керамике Льяловской стоянки с такими же данными многих других неолитических культур, то он не нашел бы здесь разницы между ними.

О так называемых Б. С. Жуковым «пиках» я уже говорил. Остальные типы кремневых орудий, найденных на Льяловской стоянке, можно отыскать в любой обширной коллекции со стоянок других неолитических культур. Особенно типичны среди них для развитого неолита кремневые накопечники стрел листовидной и подромбической формы, тщательно обработанные ретушью по всей поверхности²¹.

И, наконец, довольно скудные данные пыльцевого анализа, произведенного В. С. Доктуровским, свидетельствуют только о том, что Льяловская стоянка находится в торфе суббореального периода, т. е. в слое, отлагавшемся после 2500 г. до н. э. Но при этом В. С. Доктуровский предупреждает, что данными его пыльцевого анализа «следует пользоваться с большой осторожностью, и выводы, которые могут быть сделаны на основании их, могут считаться лишь приблизительными»²².

В итоге всего сказанного следует признать, что Льяловская стоянка не является чем-то исключительным среди других стоянок лесной зоны европейской части СССР и не относится к очень большой древности. Во всяком случае, льяловская культура не может считаться родоначальницей всех окских неолитических культур и даже не является первой среди равных. Имеющая до сих пор хождение гипотеза о «приоритете» льяловской культуры как родоначальницы чуть ли не всех неолитических культур Волго-Окского междуречья и даже Севера, культур, характеризующихся ямочно-гребенчатой керамикой, является только отголоском ошибочно высказанного Б. С. Жуковым предположения и решительно ничем не подтверждается.

²¹ Б. С. Жуков. Ук. соч., стр. 54, 55, рис. 6 и 7.

²² В. С. Доктуровский. Ук. соч., стр. 84.

А. П. ОКЛАДНИКОВ, Э. В. ШАВКУНОВ

ПОГРЕБЕНИЕ С БРОНЗОВЫМИ КИНЖАЛАМИ НА р. МАЙХЭ (ПРИМОРЬЕ)

В долине р. Майхэ, на правом ее берегу, в 5—6 км выше деревни того же названия, возвышается живописная сопка, сложенная известняком. Она известна под двумя названиями. Раньше ее называли Голубиной сопкой, так как в пещерах и расщелинах сопки гнездились дикие голуби. Теперь эту сопку знают преимущественно как Известковую сопку, потому что здесь в большом количестве добывают известняк, а поблизости расположены печи для выжигания извести. Вершина сопки представляет собой наклонную плоскость. На ней видны многочисленные террасовидные уступы средневекового поселения. Кроме того, вершина сопки укреплена довольно мощными рвами и сложенными из дикого камня стенами. К р. Майхэ сопка обрывается вертикальным уступом высотой около 40—60 м. С этой стороны она была совершенно неприступна, тем более что у подножия этой скалистой естественной стены располагается старица р. Майхэ.

Выгодное положение Голубиной сопки для обороны и наличие на ней обширного ровного пространства, удобного для поселения, были оценены

и более древними обитателями долины р. Майхэ, задолго до средневековья. На вершине сопки имеются следы поселения времени культуры раковинных куч в виде фрагментов характерной для этой культуры керамики, шиферных ножей, а также отщепов обсидиана¹.

В марте 1959 г. экскаваторщиком В. И. Загородным в Приморский краевой музей им В. К. Арсеньева были доставлены новые находки, обнаруженные им во время выемки экскаватором грунта для строящегося полотна шоссейной дороги у восточного подножия сопки. Как оказалось, это был комплекс предметов из древнего захоронения.

В музей были доставлены: челюсть человека сравнительно хорошей сохранности, два кинжала, бронзовый наконечник копья, бронзовое зеркало, миниатюрная бронзовая стамесочка, бронзовая ножевидная пластина, каменное тесло и каменная шлифованная поделка.

Сразу же после того, как об этой замечательной находке сообщил в Отдел истории, археологии и этнографии ДВ филиала СО АН СССР научный сотрудник Музея Ю. М. Дегтярев, Отдел командировал на Голубиную сопку Э. В. Шавкунова, чтобы на месте установить характер захоронения и, если возможно, собрать оставленный на месте керамический и костный материал. К сожалению, костный материал, собранный В. И. Загородным у обочины дороги, бесследно исчез. Однако все же удалось собрать вблизи того места, где было обнаружено захоронение, несколько фрагментов керамики, в том числе и орнаментированной, а также отдельные фрагменты костей скелета и обломок небольшого каменного тесла того же типа, что и доставленное в музей.

Со слов очевидцев удалось установить, что захоронение представляло собой ящик, выложенный из дикого камня-плитняка. Ящик имел форму куба, причем длина каждой его стороны не превышала 0,7 м. К сожалению, расположение как самого костяка, так и погребального инвентаря установить не удалось, так как захоронение было обнаружено лишь после того, как его разрушил ковш экскаватора. Могильный ящик находился на глубине 1—1,5 м.

Первое, что следует отметить в инвентаре захоронения, — бронзовые кинжалы и зеркало, которые являются основным материалом для определения даты и культурной принадлежности захоронения.

Бронзовые кинжалы представлены двумя экземплярами (рис. 1). Оба кинжала однотипны и отличаются друг от друга лишь своими размерами: длина одного — 31,2 см, второго — 31,4 см. Каждый кинжал состоит из

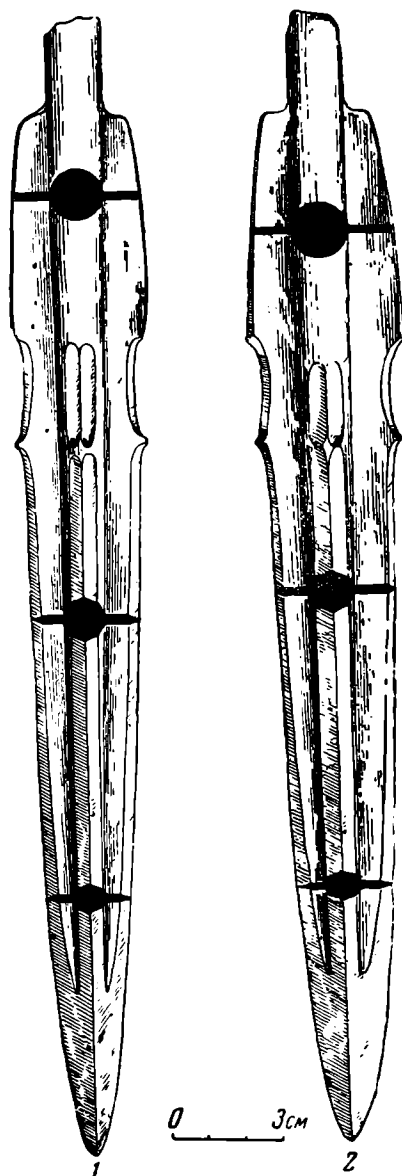

Рис. 1. Бронзовые кинжалы из погребения у Известковой сопки

¹ А. П. Окладников. Археологические исследования в Приморье в 1953 г. Сообщения Дальневосточного филиала АН СССР, вып. 8, 1955, стр. 10—11; его же. Далекое прошлое Приморья. Владивосток, 1959, стр. 145.

Рис. 2. Бронзовое зеркало из погребения у Известковой сопки

Рис. 3. Бронзовое зеркало из погребения у Известковой сопки

стержня, по обеим сторонам которого идут широкие лопасти лезвий. На нижнем конце стержень плавно сливается с боковыми лопастями лезвий, образуя острие ромбической в сечении формы. В верхней части клинка стержень переходит в небольшую массивную рукоять. На поверхности ее имеются неглубокие поперечные нарезки, служившие, по-видимому, для закрепления еще одной насадочной рукояти из дерева или иного материала. Характерной особенностью обоих клинков является наличие на боковых лопастях лезвий перехвата в виде выемок. В нижней части перехвата на боковых лопастях лезвий имеются небольшие острые зубчики. Стержень рукояти и части самого клинка выше перехвата имеет в поперечном сечении круглые очертания, а в месте перехвата и ниже его — четырехугольные. Две боковые грани его сливаются здесь с боковыми лопастями лезвий, тогда как две другие грани выступают своим ребром перпендикулярно плоскости клинка. Поверхность обоих кинжалов тщательнейшим образом отполирована и покрыта тонким слоем белого серебристого металла (очевидно, олова), благодаря чему клинки почти не пострадали от окиси.

Примечательно, что, кроме кинжалов и зеркала, все остальные бронзовые предметы не имеют на своей поверхности каких-либо признаков покрытия их белым металлом. Им покрыты лишь самые дорогие вещи, такие как клинки-кинжалы и зеркало, являвшиеся, по-видимому, скорее внешними признаками знатности и богатства их владельца, чем предметами первой необходимости.

Зеркало (рис. 2 и 3) представляет собой правильный круг диаметром 12,5 см. Отражающая поверхность несколько вогнута и тщательно отполирована. Обод диска имеет вогнутую поверхность. Тыльная сторона зеркала сплошь покрыта орнаментом, состоящим из сочетания небольших параллельных рельефных линий, расположенных под углом друг к другу.

Характерным образом оформлены ушки для подвешивания зеркала. В отличие от китайских зеркал, где ушко расположено в центральной части диска, здесь ушки помещены несколько выше центра. Кроме того, на данном зеркале мы имеем не одно ушко полусферической формы, как на древних китайских зеркалах, а два параллельных друг другу ребристых выступа с отверстиями для продевания через них шнурка для подвешивания. Поперек этих выступов проходят два рельефных валика. Поверхность зеркала, как это уже отмечалось выше, покрыта тонким слоем белого серебристого металла.

Следующим предметом является бронзовый наконечник втульчатого копья, длина которого 13,6 см (рис. 4, 2). Насад наконечника имеет по бокам два небольших прореза. Кроме того, у основания насада имеется еще круглое сквозное отверстие. Как боковые прорезы, так и сквозное отверстие служили, очевидно, для закрепления наконечника на древке копья. Перо копья состоит из четырехугольного стержня, переходящего во втульчатый насад, и боковых лопастей лезвий, подобно тому, как это мы имеем на клинках кинжалов.

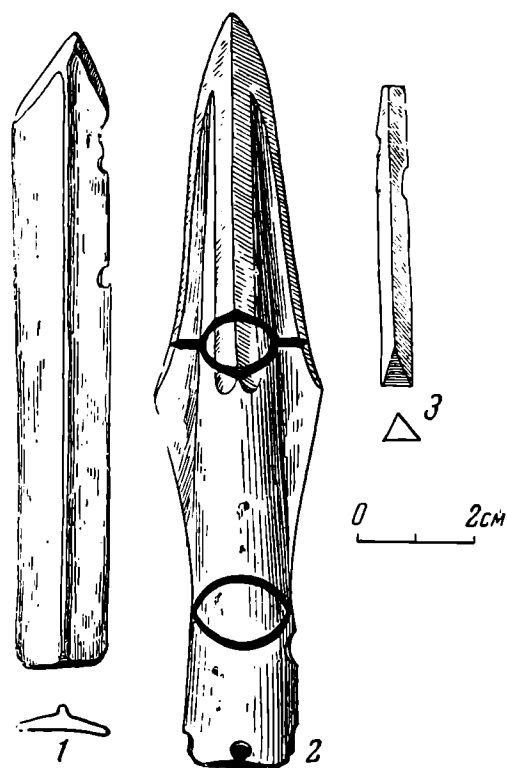

Рис. 4. Бронзовые изделия из погребения у Известковой сопки
1 — стамеска; 2 — наконечник копья;
3 — стамесочка

Остальные бронзовые предметы представлены пластиной-острием и небольшой стамесочкой.

Пластина (рис. 4, 1) имеет длину 11,6 см и ширину 1,75 см. Одна сторона пластины совершенно плоская, вторая имеет подтреугольные очертания, причем вершина грани оформлена в виде узкого рельефного ребра, проходящего по центру пластины. Верхний конец пластины клиновидный, круто заточенный. Боковые края не имеют никаких следов заточки. Очевидно, пластина использовалась в качестве ножа, причем, судя по оформлению ее лезвия, это был нож для резьбы по дереву и кости, а возможно, и для кройки кожи.

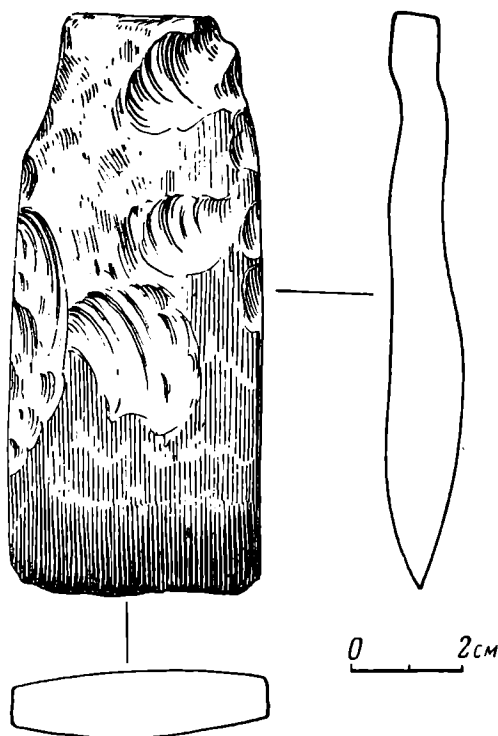

Рис. 5. Каменное тесло из погребения у Известковой сопки

Кроме изделий из бронзы, вместе с костяком были найдены предметы из камня, представленные, прежде всего, небольшим теслом (длина — 10,7 см, ширина у рабочего края — 4,75 см). Обушок тесла несколько сужен (рис. 5). Тесло типологически тождественно теслам эпохи культуры раковинных куч, памятники которой широко распространены на территории Приморского края и Северной Кореи.

Стамесочка (рис. 4, 3) имеет в сечении треугольные очертания. Длина ее — 5,4 см, ширина — 0,5 см.

Второй предмет из камня (рис. 6) уникален. Он имеет дугообразную форму и напоминает при взгляде на него сбоку равнобедренную трапецию с несколько вогнутым основанием, в центральной части которого проходит неглубокий поперечный желобок. Предмет сделан из яшмовидной породы зеленоватого цвета. Вся его поверхность отшлифована, местами — до зеркального блеска. В длину предмет имеет 9,6 см, в ширину — 2,5 см. Назначение его не вполне ясно. Вполне возможно, что мы имеем здесь дело с центральной переключиной сложного лука.

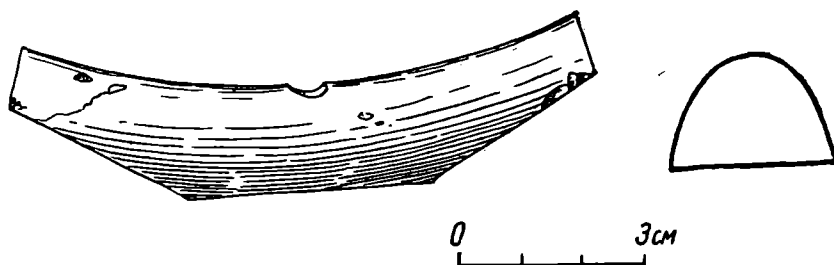

Рис. 6. Каменное шлифованное изделие из погребения у Известковой сопки

Из остеологического материала, собранного на месте находки, имеются нижняя челюсть человека, фрагмент берцовой кости и несколько фаланг, принадлежащих, очевидно, одному костяку. Кроме того, здесь же было подобрано небольшое тесло того же типа, что и описанное, а также несколько фрагментов керамики, близкой к керамике культуры раковинных куч. Керамика эта, однако, как показал внимательный осмотр разреза осы-

пи, в которой находился каменный ящик с захоронением, попала сюда в результате сползания сверху, из культурного слоя поселения эпохи раковинных куч. Осенью 1959 г. при посещении нами Голубиной сопки здесь было найдено около двух десятков черепков различных глиняных сосудов, украшенных типичным для керамики из раковинных куч Приморья орнаментом. Здесь же оказалось пряслице типа пряслиц, известных в тех же раковинных кучах.

Описанный комплекс предметов из инвентаря захоронения у подножия Голубиной сопки является единственным известным нам сейчас на территории Приморского края. Правда, в японской археологической литературе упоминались бронзовые изделия сходного, по-видимому, типа, найденные в районе Владивостока. Но подробнее о них ничего неизвестно.

Металлические изделия из этого комплекса находят ближайšie аналогии в Корее. Таковы, в первую очередь, бронзовые клинки-кинжалы. Аналогичные кинжалы с длинным узким клинком, с характерными боковыми выемками на его лезвиях и массивной короткой рукоятью известны из различных пунктов на территории Кореи. Два совершенно тождественных клинка найдены были, например, в 1924 г. в дер. Синчхон, в земляной насыпи, и в 1919 г. — в дер. Ипсилри. Такие же клинки обнаружены в последнее время в следующих местах: 1) в дер. Чхокчу, уезд Хванчу, в 1955 г.; 2) в дер. Тончон, уезд Канкам, во время ирригационных работ в 1955 г.; 3) в дер. Чоно, вблизи Пхеньяна, в 1956 г.; 4) в дер. Кыльхен, уезд Ынпха, в провинции Северная Хванхэдо, в 1956 г.²

Известны случаи, когда такие клинки находились вместе с различными другими предметами: в дер. Очхон, близ Пхеньяна, во время строительных работ найдены были такие кинжалы, а также части рукоятей и навершия к ним³.

Великолепный образец такого клинка обнаружен в дер. Тондевон, близ Пхеньяна, вместе с медным сосудом «баночной» формы с боковым ушком, сосудом цилиндрической формы и металлическими частями колесницы⁴. Не менее замечательное погребение такого рода было обнаружено при больших строительных работах по сооружению ирригационной системы, охватывающей провинции Тэдон, Чынсон, Рёнгон, Ончхон и Нампхо. Погребение было найдено около дер. Тхэсон. В нем вместе с двумя глиняными сосудами уцелели бронзовые наконечник копья с боковым ушком в основании втулки и меч такого же рода, какой оказался на Голубиной сопке. Здесь же были части паланкина или экипажа, медные биконические сосуды, аналогичные по форме глиняным сосудам из верхних культурных слоев поселения на р. Чапигоу, датируемых ранним железным веком, медные же сосуды в виде цилиндрических кубков с поддоном, железное долото, навершие меча, отлитое из бронзы, и другие предметы.

В Корее такие клинки связываются с памятниками конца I тысячелетия до н. э. и отчасти — первых веков нашей эры, но точнее время их бытования не установлено. Столь же широко распространены в Корее бронзовые зеркала того типа, к которому принадлежит зеркало, найденное на Голубиной сопке: с орнаментом из выпуклых линий, образующих треугольники, заполненные внутри прямыми параллельными линиями⁵. Такие зеркала найдены в районе Пхеньяна, в дер. Панчхон, в дер. Пинчхон, в дер. Ипсиль, в Кёнчу (Южная Корея). В Южной Корее и в дер. Ипсиль такие зеркала сопровождалась бронзовыми мечами типа найденных на Голубиной сопке⁶.

² Ген Бяк Ун. Археологические материалы о начале культуры металла в Корее. Пхеньян, 1957, рис. 20, 21 (на корейск. яз.).

³ Там же, рис. 43.

⁴ Там же, рис. 16.

⁵ Там же, рис. 26, 27.

⁶ Ден Дю Вон. Краткое сообщение о результатах раскопки памятников первобытного времени на месте строительства водохранилища Тхэсон. «Мунхва Юсан», № 2, 1958 (на корейск. яз.).

В Корее встречаются также бронзовые втульчатые наконечники копий, аналогичные или очень близкие найденному на Голубиной сопке по общей их форме и пропорциям. Таковы, например, наконечники копий, найденные в уезде Пханмун (1956 г.); в уезде Ынпха, дер. Кальхён в провинции Северная Хванхэдо (1956 г.); в уезде Ынрюль, дер. Унсон (1954 г.)⁷.

Обнаружены в Корее, далее, и своеобразные бронзовые орудия, похожие на стамеску с треугольным острием на конце и продольным ребром посередине, аналогичные обнаруженному на Голубиной сопке. Таковы, например, изделия, найденные в Чендоне и в дер. Хвехен⁸.

На территории Японии, главным образом на юге, также встречаются близкие по типу к найденным на Голубиной сопке бронзовые клинки. Как отмечают японские археологи, бронзовые кинжалы здесь делятся на две основные группы: узкие длинные и широкие, т. е. с широким фигурным по очертаниям пером. Узкие клинки, наиболее близкие по форме к интересующим нас изделиям из Приморья и Кореи, датируются бронзовыми же зеркалами, которые встречаются в захоронениях вместе с ними. Дата эта определяется в границах стадий Онгагавы и Сугу культуры яёй, около 100 г. до н. э. — 100 г. н. э. Широкие клинки относят к 100—300 гг. н. э. (стадия Такамитсума культуры яёй). В Японии они встречаются в каменных ящиках, а также в двойных кувшинных могилах (из двух больших сосудов, соединенных устьями).

На территорию Японских островов бронзовые клинки, а вместе с тем и обряд захоронения в двойных урнах и каменных ящиках распространяются с материка в эпоху культуры яёй, сначала — на о. Кюсю⁹. В Японии эти кинжалы могут быть, следовательно, позднее, чем на материке, т. е. в Корее и в Приморье. Учитывая весь имеющийся материал, можно полагать, что погребение на Голубиной сопке относится к середине или второй половине I тысячелетия до н. э., когда в Приморье основная масса земледельческих орудий выделывалась уже из железа, а оружие все еще употреблялось бронзовое¹⁰.

В нем был погребен, очевидно, представитель местной племенной верхушки, вождь рода или племени, располагавший такими дорогими и редкими предметами, как бронзовые мечи и зеркало, по всей вероятности изготовленными в соседней Корее, где имеются и соответствующие литейные формы для литья бронзовых мечей¹¹. Инвентарь погребения на Голубиной сопке снова свидетельствует, таким образом, о тесных культурных связях Приморья с соседней Кореей в I тысячелетии до н. э.

⁷ Ден Дю Вон. Ук. соч., рис. 23.

⁸ Там же, рис. 14.

⁹ Seiichi Mizuno, Takayasu Higuchi, Takasi Okazaki. Tsushima. Archaeological Survey of Tsushima Island in the Korea Strait carried out in 1948. *Archaeologia Orientalis*, сер. В, т. VI, Tokyo — Kyoto, 1953, рис. 35 и 40; R. Morimoto. L'âge du bronze au Japon et l'expansion de la civilisation des Han vers l'Est. *Revue des Arts Asiatiques*, т. VIII, 2, 1934; А. П. Окладников. К вопросу о древнейшем населении Японских островов и его культуре. СЭ, 1946, № 4; М. В. Воробьев. Древняя Япония. Историко-археологический очерк. М., 1958, стр. 62, 63.

¹⁰ А. П. Окладников. Далекое прошлое Приморья, стр. 158.

¹¹ Тянь Бяк Ун. Ук. соч., рис. 32—35.

К. Л. ОГАНЕСЯН

РАСКОПКИ УРАРТСКОГО ГОРОДА ЭРЕБУНИ

Остатки урартского города Эребуни находятся на юго-восточной окраине Еревана (между районами Нор-Ареш и Вардашен), где на холме Арин-Берд, начиная с 1950 г., систематическими раскопками исследуется цитадель этого древнего города¹.

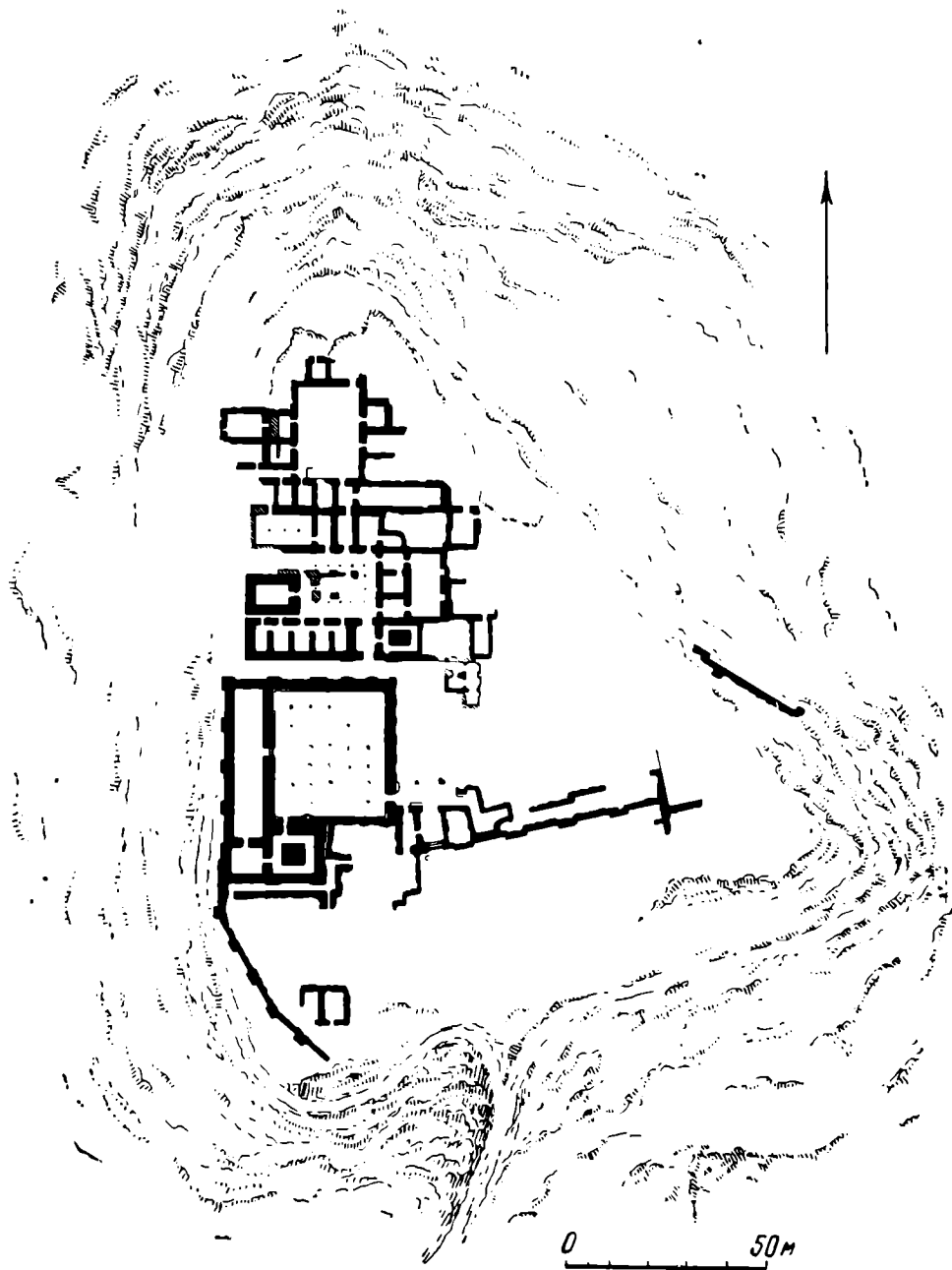

Рис. 1. Генеральный план Арин-Берда

За время работы² найдены уже восемь строительных клинообразных

¹ См. К. Л. Оганесян. Арин-Берд (Ганли-Тапа) — урартская крепость города Ирлуни. ИАН АрмССР, обществ. науки, 1951, № 8; И. М. Лосева. Раскопки урартской крепости города Ирлуни (Эребуни) на холме Арин-Берд. СВ, 1955, № 3; е е ж е. Раскопки цитадели урартского города Ирлуни. КСИИМК, вып. 58, 1955; е е ж е. Новые археологические исследования отряда ГМИИ им. А. С. Пушкина на холме Арин-Берд. СА, 1958, № 2.

² Начальник экспедиции — К. Л. Оганесян, научный руководитель — Б. Б. Пиотровский, нач. отряда ГМИИ — И. М. Лосева (1952—1958 гг.) и С. И. Ходжаш (1959 г.), нач. отряда Ин-та археологии и этнографии АН АрмССР — М. М. Исраелян.

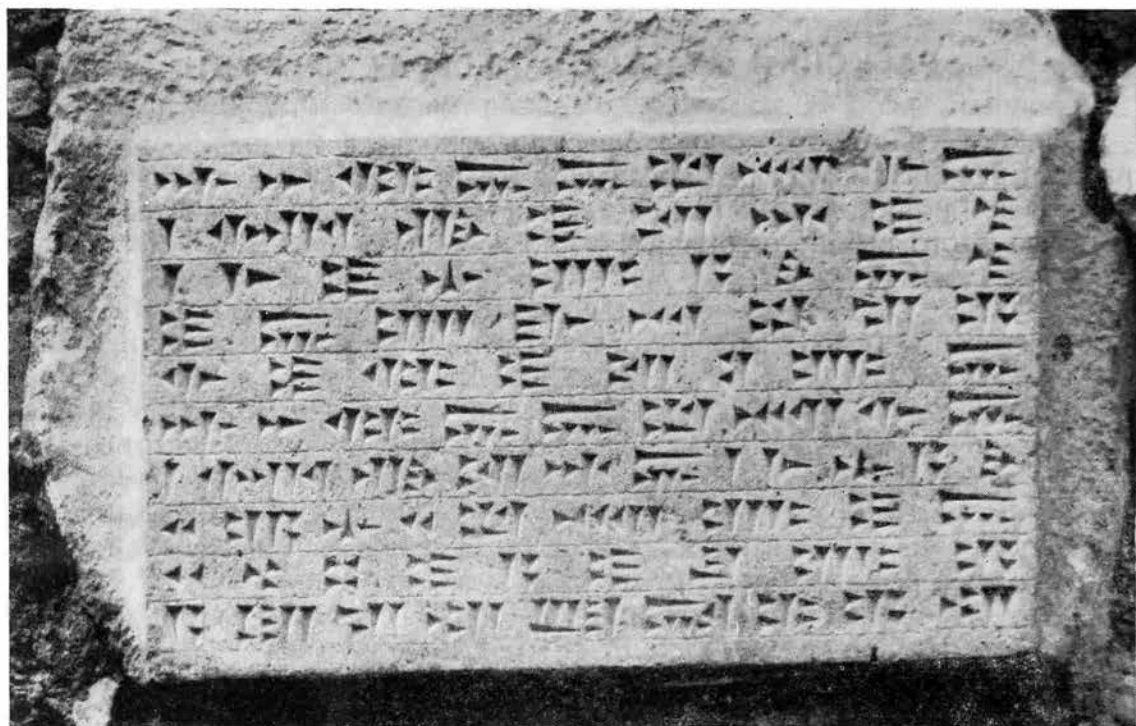

Рис. 2. Надпись Аргишти I о построении дворца

надписей царей Аргишти I и Сардури II. По всем данным, Эрбуни, заложенный для могущества страны Биайны, был большим городом, в котором Аргишти поселил 6600 пленных воинов, взятых им в странах Хате и Цупани, расположенных в Северной Сирии и в западной излучине р. Евфрата. Эрбуни являлся преимущественно военно-административным центром страны, воздвигнутым для устрашения вражеских стран, как об этом говорится в надписи Аргишти.

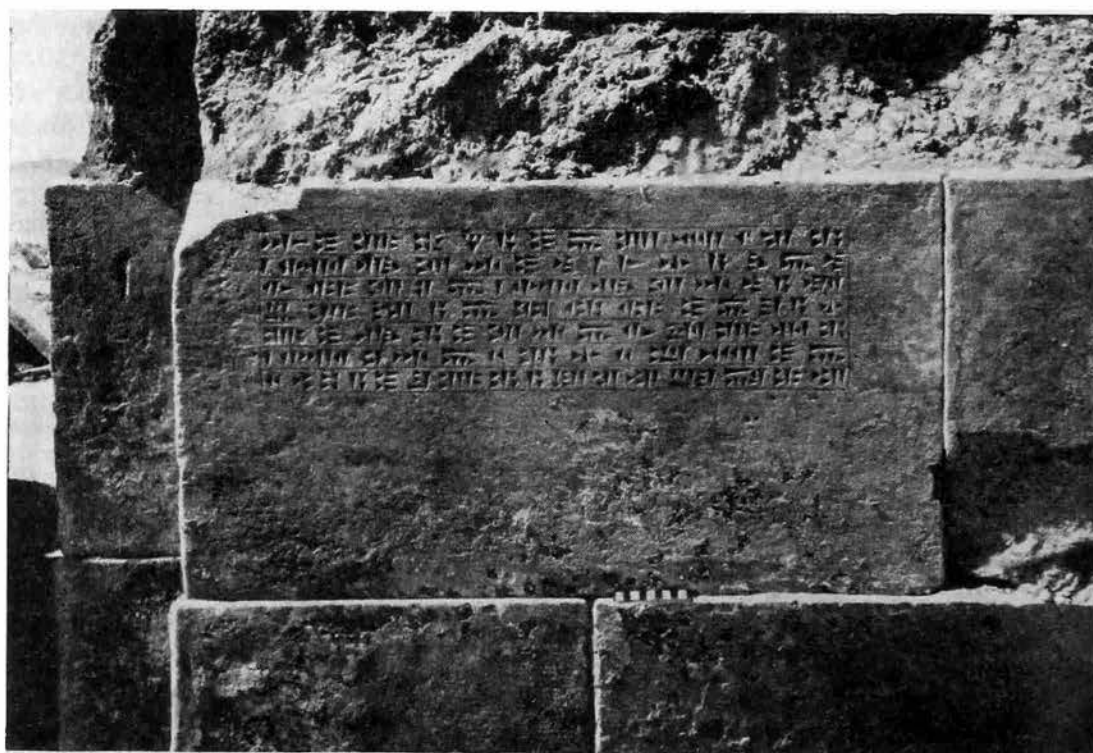

Рис. 3. Надпись Аргишти I о построении храма

Рис. 4. Комната дворца с базами для колонн

В то же время, как можно судить по остаткам различных построек, цитадель города (рис. 1) включала ряд монументальных сооружений дворцового и храмового характера. Это были дворцовые помещения, украшенные богатой росписью, расположенные вокруг перистильного двора, храм с колоннадой по фасаду, массивные башни. Кроме того, на Арин-Берде, благодаря строительным надписям (рис. 2 и 3), впервые удалось связать хорошо известные в клинописи термины *e. gâl* («дворец-крепость») и *susi* («храм») с определенными постройками.

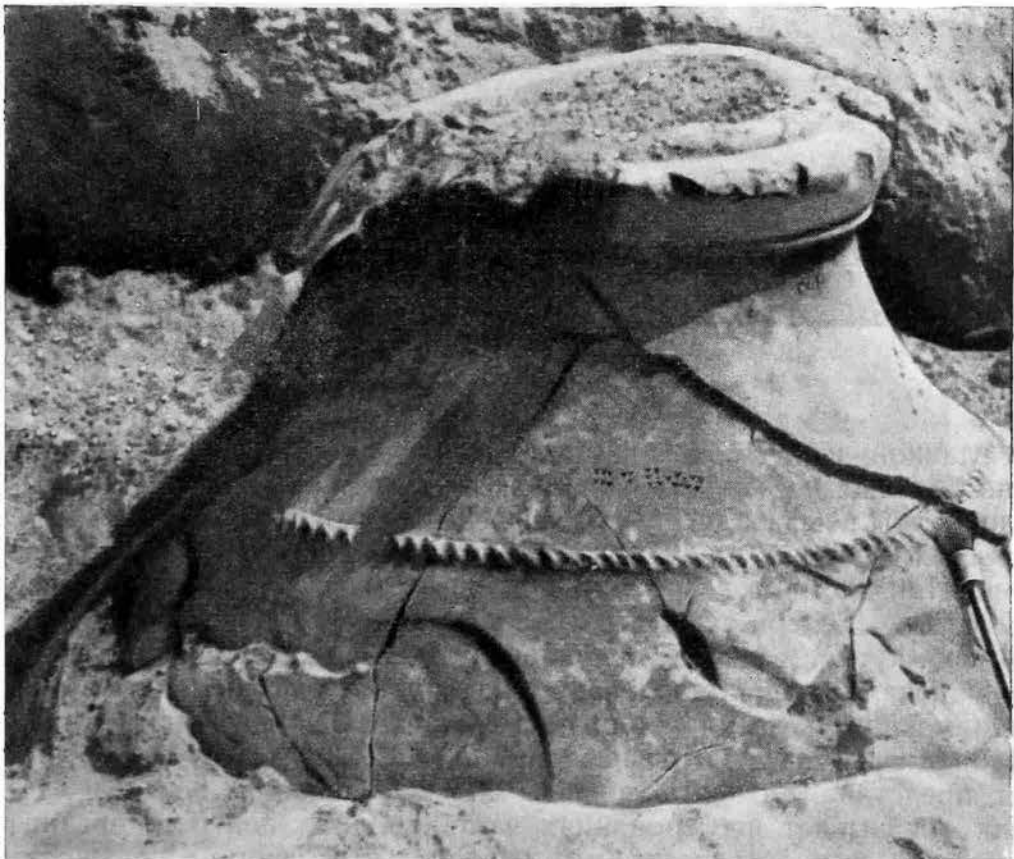

Рис. 5. Карас с клинообразной надписью

Весьма интересной и новой страницей в исследованиях Арин-Берда явился археологически документируемый следующий этап исторической жизни Эребуни, относящийся к ахеменидскому времени. К нему относятся многочисленные перестройки и реконструкции урартских архитектурных сооружений. Раскопаны остатки построек цитадели, в которых четко видна первоначальная урартская архитектура и также четко — позднейшая ахеменидская.

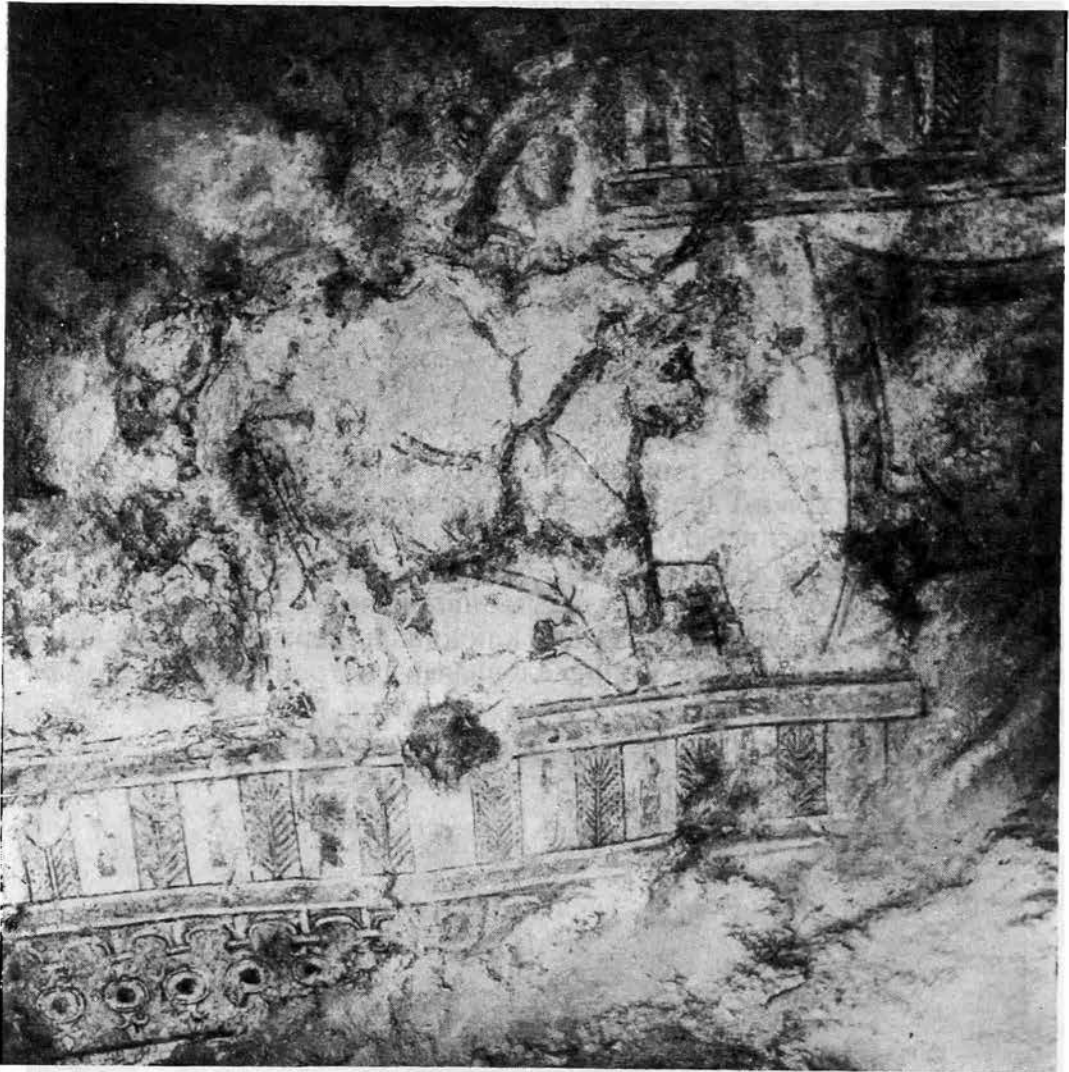

Рис. 6. Фрагмент росписи дворца

В главной, центральной части цитадели в урартскую эпоху была довольно большая площадь. К западной ее части примыкал урартский храм с колоннадой по фасаду, позднее перестроенный в ападану, а к северной — фасад дворца, о чем можно судить по надписи Аргишти в дверном проеме. При застройке площади ападаной вход во дворец оказался в узкой улочке. Теперь становится ясным, что перевод урартского термина *e. gâl* как «крепость» будет правильным лишь в том случае, если эта крепость включала в себя дворцовое помещение и была временным местопребыванием урартского царя или постоянной резиденцией наместника.

Дворец Эребуни, построенный Аргишти I в пятый год своего царствования, представлял собой единый комплекс различных построек.

Как показывает исследованная часть дворца, центром организации его внутреннего пространства был перистильный двор, в юго-восточный угол которого вели ворота. Западную часть двора занимал храм «*susi*», а вокруг двора располагались различные помещения, часть которых, как

и стены самого двора, были украшены росписью. Значительный по своим размерам (17×19 м) перистильный двор являлся, надо полагать, официальным местом, из которого можно было попасть в дворцовые покои, приемный зал, в храм и служебные помещения.

Архитектура перистильного двора совершенно меняет наши представления о характере урартских дворцовых построек, как имеющих массивные, мощные и тяжелые архитектурные формы. Деревянная колоннада, стоявшая здесь на фоне раскрашенных стен, придавала общему облику двора определенную вертикальную устремленность и световой контраст

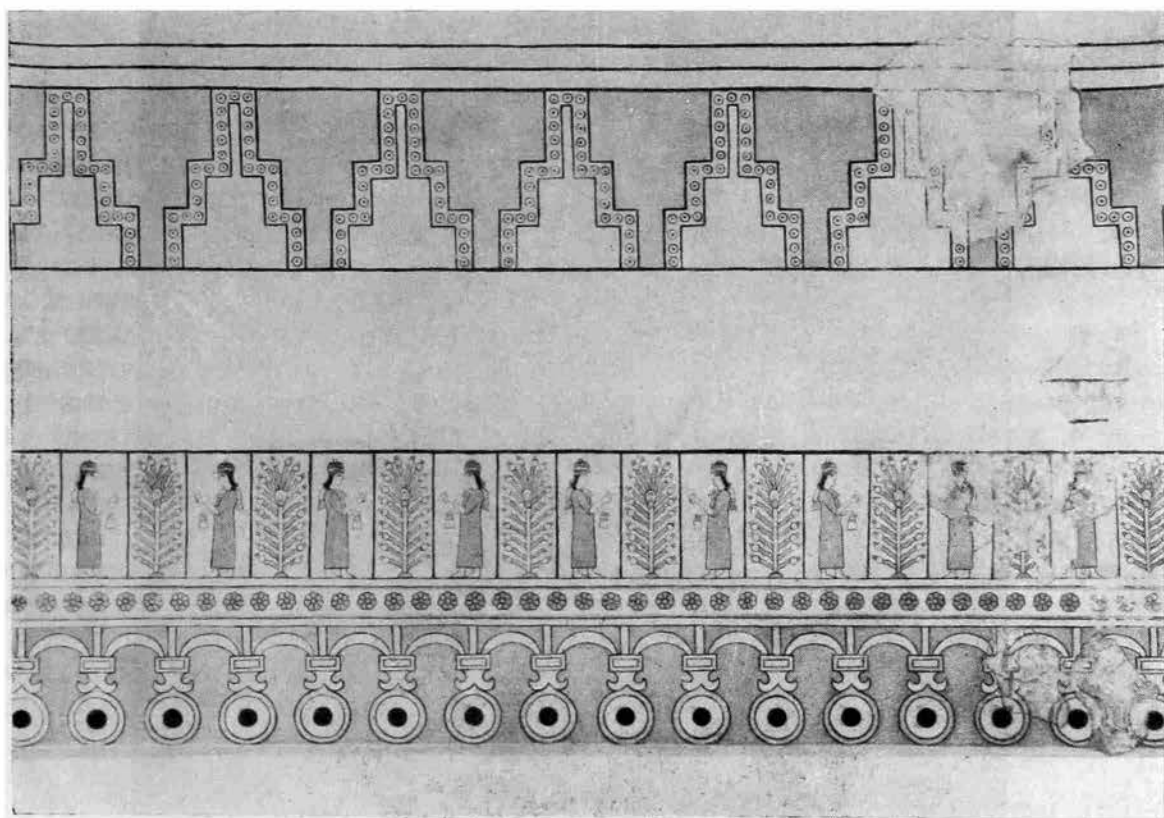

Рис. 7. Элементы росписи храма (реконструкция)

глубоких портиков и открытой части. Общие формы двора с колоннадой связаны с урартскими жилыми постройками, что можно видеть по раскопанным в городе Тейшебаини (Кармир-Блур) жилищам.

Во двор выходил фасад храма «susi», который, судя по двум одинаковым надписям, помещенным по сторонам входа в него, был построен царем Аргишти I и посвящен богу Иубше (возможно чтение «Иуарша»).

Храм «susi», имевший толстые стены, был прямоугольным в плане (наружные размеры 10×13,45 м; внутренние — 5,05×8,08 м) и состоял из одного помещения, площадью около 40 м². Стены его выше каменного цоколя были покрыты штукатуркой и окрашены охрой; в верхней части, под самым карнизом здания, по-видимому, находился расписной фриз. Обломки обмазки с росписью были обнаружены как вне храма, так и внутри него.

Совершенно очевидно, что храм «susi», несмотря на законченность своих лаконичных форм, находился все же в подчинении архитектуры перистиля, являвшегося ядром дворцовых помещений.

Раскопки 1959 г. в северной части дворца открыли второй двор, вокруг которого группировались помещения хозяйственного назначения; по-видимому, в этом дворе колонны отсутствовали. Из дворцовых помещений, группировавшихся вокруг первого перистильного двора, следует

упомянуть большой зал в северо-западной части, по продольной оси которого были расположены колонны (сохранились три массивные каменные базы; рис. 4), кладовую для вина (быть может, служившую также для культовых церемоний) с 11 карасами, вкопанными в земляной пол (рис. 5), и дза помещения, непосредственно справа от входа. Второе из них замечательно тем, что в 1959 г. в нем были найдены крупные куски многоцветного расписного фриза, имеющего близкие аналогии в росписи дворца ассирийского царя Саргона (в Дур-Шаррукине).

Рис. 8. Фрагмент росписи в храме — изображение бога Халди

Возвращаясь к описанию площади перед дворцом, следует отметить, что в ней основное место принадлежало не фасаду дворца, а храму, посвященному, по-видимому, главному богу урартского пантеона — богу Халди. Храм этот, как уже указывалось, в ахеменидское время был достроен, получив вид ападаны (тридцатиколонного зала). Первоначально, в урартский период, этот храм был построен по типу Бит-Хилани, хорошо известному в зодчестве Передней Азии. Фасад храма имел колоннаду из 12 колонн, размещенных в два ряда. С южной стороны фасад завершался башнеобразным сооружением, контрастировавшим с легкой колоннадой. Дверь в продольной стене вела в храмовое помещение, длиной в 40 м и шириной 8 м. Стены были покрыты росписями, сочетающими в себе орнаментальные и изобразительные мотивы. Обнаружены орнамен-

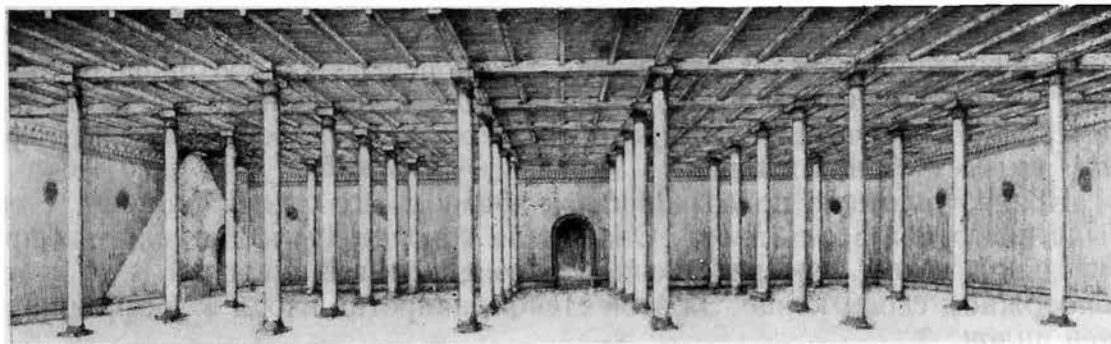

Рис. 9. Реконструкция ападаны ахеменидского времени

тальные фризы, состоящие из кругов с вписанными в них розетками, башенками, пальметками и цветами гранатов, из священных деревьев со стоящими по их сторонам божествами, из процессий жертвенных животных (рис. 6 и 7). В средней полосе росписи были изображены боги, стоящие на львах; от них сохранилась лишь фигура бородатого бога на льве, изображавшая бога Халди (рис. 8; раскопки 1951 г.).

Росписи, открытые на Арин-Берде, отличаются простотой композиционного построения и гармоничностью ярких красок, обычно — белой, синей и красной. В поясе крупных изображений встречается большое число цветов: к трем указанным прибавляются еще желтая краска и несколько тонов красной.

Раскопки Эребуни открыли целый ансамбль памятников урартской архитектуры, причем, в отличие от Кармир-Блура, цитадель Эребуни представляла собой не одно монументальное сооружение, а комплекс отдельных построек.

В VII в. до н. э. жизнь на Эребуни приходит в упадок. Судя по строительным надписям, прекращается постройка новых зданий, сокровища из кладовых Эребуни перевозятся в новый центр — Тейшебаини. Там найдены бронзовые щиты с надписями Аргишти I, рассказывающими о том, что щиты эти были изготовлены именно для Эребуни.

Но Эребуни является памятником, не только предшествующим Тейшебаини, но и последующим. После гибели Тейшебаини в начале VI в. до н. э. жизнь возобновилась не на его пожарище, а на избежавшей разрушения цитадели Эребуни. Именно там в ахеменидский период мы видим интенсивное строительство, связанное с созданием нового центра.

В ахеменидский период были использованы существовавшие на цитадели Эребуни монументальные постройки, которые были подвергнуты коренным реконструкциям, изменявшим иногда общие формы первоначальных зданий, причем урартские строительные надписи сохранялись.

Прежде всего был реконструирован большой храм. К его портику, имеющему 12 колонн, расположенных по шесть в два ряда, была пристроена новая часть, повторяющая расположение и расстояние этих колонн. В результате был создан грандиозный тридцатиколонный зал — ападана, — характерный для ахеменидского зодчества (рис. 9).

Реконструкция, таким образом, превратила культовое урартское сооружение — храм — в светскую постройку ахеменидов, в пышный приемный зал. Надо полагать, что эта перестройка, выдвинувшая ападану на первый план в цитадели, относится к V в. до н. э., когда именно ападанам и отводилось главное место в ахеменидских дворцовых ансамблях. Главным элементом ападаны Эребуни являются стройные деревянные колонны, ритмичное чередование которых, как по фронту, так и в глубину, создает четкое композиционное построение интерьера. Колонны не делили интерьер в зрительном восприятии на самостоятельные участки, а создавали единое, нерасчлененное пространство.

Реконструкции подвергся и перистильный двор дворца, где были заложены все выходящие в него дверные проемы, портики снесены, а сам двор перепланирован. В результате такой переделки центральная часть урартского дворца оказалась совершенно изолированной от остальных помещений, не считая единственного прохода, оставленного между храмом «susî» и стеной дворца.

Новая, вплотную примыкавшая к храму у его входа мощная стена была построена вдоль двора. Она имела контрфорсы и два входных проема: один, узкий, непосредственно у храма, а другой, широкий — на противоположном своем конце. За этой стеной, напротив входа в храм, обнаружен пилон.

Назначение нового здания, образованного путем перестройки перистильного двора, также определяется аналогиями из ахеменидской архитектуры. Это был храм огня, известный нам по росписям в Сузах. Для камеры, в которой поддерживался священный огонь, был использован урартский храм «susî». Но для того, чтобы этот огонь не соприкасался с лучами солнца или даже дневным светом, была устроена дополнительная преграда: поскольку дверь в урартском храме уже существовала, достичь нужного шахматного расположения дверных проемов здесь удалось путем устройства пилона.

Итак, в результате перестройки на Эребуни двух урартских храмов были созданы новые здания, характерные для ахеменидского времени. Перестроенные участки стен и заклады дверных проемов выделяются не только характером кладки, но и уровнем подошвы. Для датировки периода после реконструкции зданий большое значение имеют две серебряные монеты милетской чеканки V в. до н. э. (не ранее 478 г. до н. э.).

А. Н. ЗЕЛИНСКИЙ

МОГИЛЬНИК ДАРАЙ-АБХАРВ В ВЕРХОВЬЯХ ПЯНДЖА

В Ишкашимском районе Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР (Юго-Западный Памир) вдоль одной из высоких террас правого берега р. Дарай-Абхарв, в 10 км от ее впадения в р. Пяндж, расположена небольшая группа погребальных памятников¹.

Первым памятником (описание ведется по направлению с юго-запада на северо-восток) является мегалитическое сооружение, представляющее собой массивную каменную плиту овальных очертаний, с наибольшим диаметром 1,3 м, врытую в землю и окруженную валунами разных размеров (рис. 1, 1).

Второй памятник (в 10 м от первого) представляет собой кольцевую выкладку, шириной 1 м и внутренним диаметром 2 м, выложенную из неотесанных сланцевых глыб прямоугольных очертаний. Глыбы грубо пригнаны друг к другу, без следов скрепляющего раствора, и расположены в три ряда как в высоту, так и в ширину. Над уровнем дневной поверхности это сооружение возвышалось на 0,5 м, а его середина была заполнена осколками камней разных размеров на высоту 0,25 м от подошвы каменной кладки (рис. 2).

¹ Могильник был обнаружен и частично раскопан в 1957 г. во время работ на Западном Памире Антропологической экспедиции МГУ. Предварительное сообщение об этих работах см. А. Н. Зелинский. Новые материалы к археологическому изучению Западного Памира. Тр. ИИАЭ АН ТаджССР, т. СIII. Археологические работы в Таджикистане в 1957 г., вып. V, Сталинабад, 1959. В 1958 г. раскопки были продолжены автором настоящей заметки, работавшим в составе Памирской археологической экспедиции ИИАЭ АН ТаджССР.

Рис. 1.

1 — мегалитический памятник; 2 — кромлехообразная выкладка

В 50 м от описанного памятника было расположено несколько плоских кромлехообразных каменных выкладок архаичного облика, диаметром от 1 до 0,5 м. Часть их оказалась кенотафами, и только две одинаковые выкладки, на расстоянии 20 м друг от друга по краю террасы, дали захоронения (см. рис. 1, 2).

Исследование было начато с кольцевой каменной выкладки, внутреннее пространство которой после выброса камней было вскрыто до материка на глубину 1,15 м. Начиная с глубины 0,5 и до глубины 1 м в раскопе были обнаружены вперемежку с крупными камнями и песком отдельные фрагменты полуистлевших человеческих костей, расположенных на разном уровне и без всякой системы. Вместе с ними были обнаружены фрагменты железной пряжки, два каменных предмета, бронзовый браслет и фрагменты двух бронзовых привесок. Из-за чрезвычайной фрагментарности остеологического материала выяснить количество погребенных не удалось. Вероятно, здесь было несколько повторных захоронений, возможно, расчлененных человеческих костяков, судя по тому, что никаких следов ограбления обнаружено не было.

Анализ вещественных находок этого памятника дал следующие результаты.

Незамкнутый бронзовый браслет с несколько утолщенными концами (рис. 3, б) является чрезвычайно распространенным предметом, как территориально, так и хронологически. Из ближайших аналогий со стороны

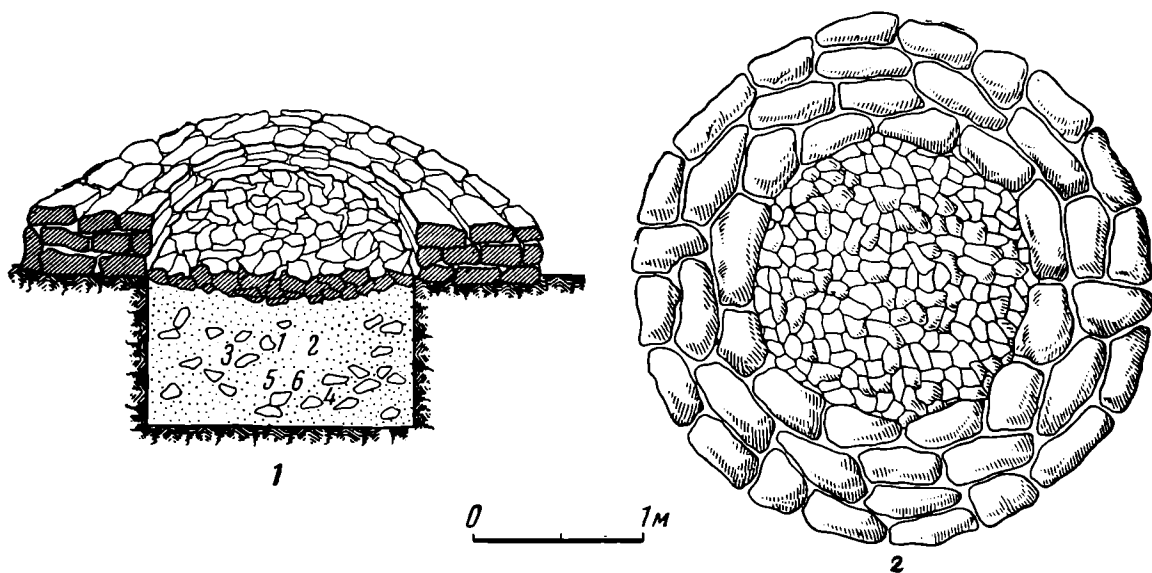

Рис. 2 Разрез и перспективный рисунок (1) и план (2) круглого погребального сооружения
1, 2 — каменные изделия; 3 — железная пряжка; 4, 5 — фрагменты бронзовых подвесок; 6 — бронзовый браслет

Северного Припамирья с ним можно сопоставить по форме бронзовый браслет сарматского типа, найденный в одном из курганных погребений могильника у Дараут-Кургана в долине Чон-Алая, датированного А. Н. Бернштамом II—I вв. до н. э.²

Железная пряжка с подвижным язычком (рис. 3, 7) также является широко распространенным предметом. Пряжки такого типа известны, например, в памятниках Тувы³ и Казахстана⁴, относящихся к гунно-сарматскому времени.

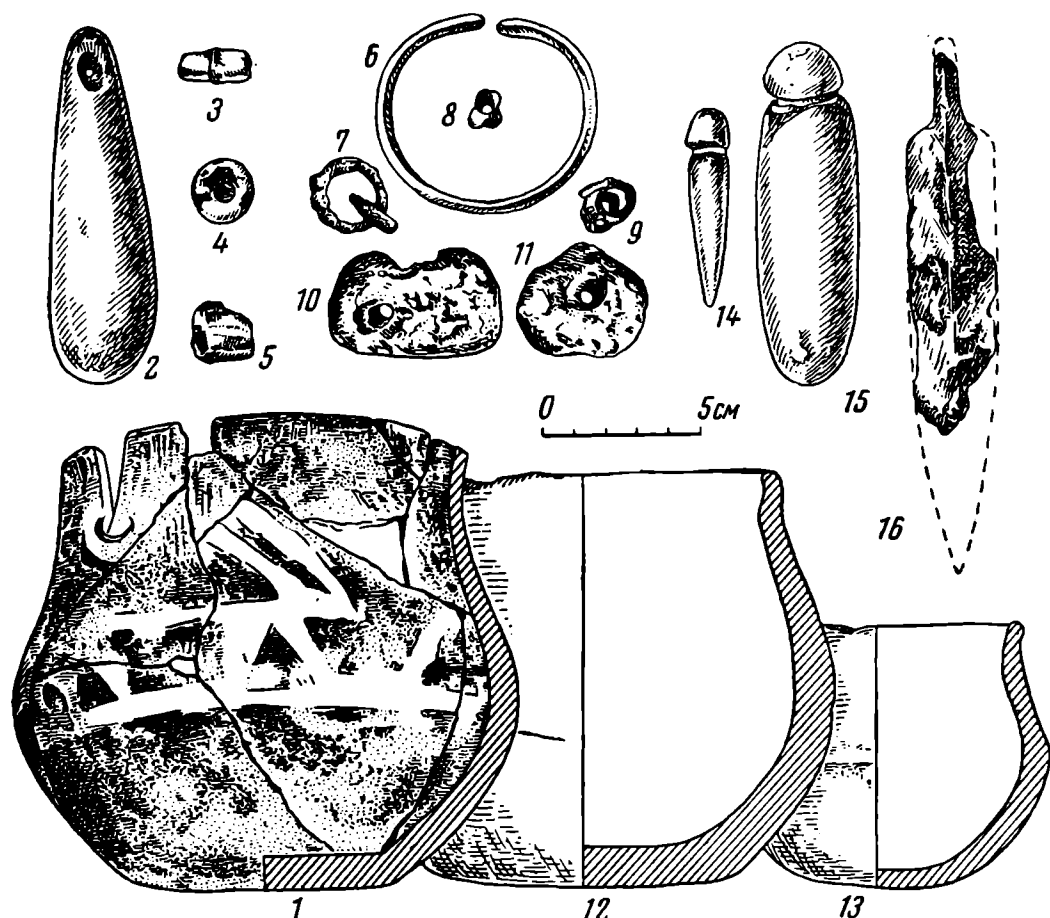

Рис. 3. Инвентарь из могильника Дарай-Абхарв

1 — расписной сосуд с изображением горного барана; 2 — каменный оселок; 3 — пастовая пронизка; 4 — бронзовая седельная подвеска; 5 — стеклянная бусина; 6 — бронзовый браслет; 7 — железная пряжка; 8, 9 — фрагменты бронзовых подвесок; 10, 11 — каменные изделия; 12 — сосуд со следами красного лощения; 13 — лепной сосуд; 14 — косметическая каменная палочка; 15 — каменный оселок; 16 — фрагмент железного кинжала

Две бронзовые поделки, являвшиеся, по-видимому, частью украшения конской сбруи, из-за своей фрагментарности не могут быть датирующими предметами (рис. 3, 8, 9). Это же относится и к двум каменным поделкам с просверленными отверстиями (рис. 3, 10, 11).

Таким образом, инвентарь описанного выше погребения может быть лишь весьма предположительно отнесен к самому началу I тысячелетия н. э.

Что касается самой конструкции погребального сооружения, то подобные памятники пока неизвестны на территории Средней Азии.

Отдаленную аналогию ему можно найти в двух своеобразных костехранилищах — глиняных цистернах, обнаруженных в одной из башен горо-

² А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952, стр. 79.

³ Л. Р. Кызласов. Этапы древней истории Тувы. Вестник МГУ, ист.-филол. серия, вып. 4, 1958, стр. 90.

⁴ И. В. Синицын. Археологические исследования в Западном Казахстане. Тр. ИИАЭ АН Казахской ССР, т. I, 1956, стр. 110.

дища античного периода Калалы-Гыр в Хорезме, которые С. П. Толстов предположительно определяет как «башни молчания», игравшие крупную роль в зороастрийском погребальном ритуале⁵.

Упоминания о памятниках, связанных с зороастризмом, на территории Вахана и Южного Припамирья имеется у ряда путешественников и исследователей прошлого века⁶.

Некоторые данные о сооружениях Вахана, близких, по мнению автора, к «башням молчания» парсов, приводит О. Олуфсен⁷.

Интересные описания целых комплексов древних памятников, близких по типу к описанному нами, находящихся на территории Северного Пакистана в селениях Читрал, Мастудж и Сар-Ласпур, приводит литовский писатель и этнограф А. И. Пошка, который определяет их как «башни молчания»⁸. В свете этого попытка объяснить принадлежность описанного памятника с точки зрения маздеистско-зороастрийских представлений заслуживает внимания.

Две однотипные кромлехообразные выкладки из могильника (см. рис. 1, 2) по Дарай-Абхарву дали захоронения человеческих костей и вещевой инвентарь. Под первой выкладкой, находящейся у края террасы на расстоянии 50 м от описанного выше памятника, оказалось захоронение фрагментов нескольких человеческих костяков. Вторая выкладка, на расстоянии 20 м от первой, дала фрагменты двух костяков, прикрытых сверху тонкими плитами необработанного сланца. Характерным для обоих погребений является отсутствие могильной ямы и бессистемное захоронение на дневной поверхности, под тонкой слежавшейся засыпкой из песка и мелких камней, фрагментов человеческих костей.

Найденный под первой выкладкой лепной плоскодонный сосуд с выпуклыми боками (рис. 3, 1) по своей форме имеет ряд общих черт с некоторыми типами керамики из сако-усуньских погребений Восточного Памира⁹, а также с сосудом из курганного могильника Дараут-Кургана в Чон-Алае, относимого А. Н. Бернштамом к культуре кумедов второй половины I тысячелетия до н. э.¹⁰. Интересна роспись сосуда, до сих пор не встречавшаяся на памирской и среднеазиатской керамике рассматриваемого времени. Сохранившаяся часть росписи, выполненная желтовато-белой краской по коричнево-красному фону, изображает идущего горного барана. Рисунок стилизован и дан несколькими скупыми линиями, с гиперболической трактовкой закрученных в спираль рогов. Мотив горного козла (реже — барана) постоянно фигурирует в наскальных изображениях Памира¹¹. Вполне возможно, что в этой своеобразной росписи нашел свое отражение древний местный культ горного козла. Наскальные изображения горных козлов и баранов, повторяющие стиль описанной росписи и изученные А. Н. Бернштамом по памятникам Саймалы-Таш¹² в Киргизии,

⁵ С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции 1949—1953 гг. Тр. Хорезмской экспедиции, т. II, М., 1959, стр. 163—166.

⁶ См. А. М. Мандельштам. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей с древнейших времен до X в. н. э. Сталинабад, 1957. В книге приводится библиография, связанная с этим вопросом.

⁷ O. Olufsen. Through the Unknown Pamirs. London, 1904, стр. 197.

⁸ A. Poška. Nuo Baltijas iki Bengalijos, т. 8, Kaunas, 1939, гл. «Laukiniame Kafiristane».

⁹ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, стр. 311.

¹⁰ Там же, стр. 79.

¹¹ А. А. Бобринский. Горцы верховьев Пянджа. М., 1908, табл. XIV—XV; А. В. Гурский. Наскальные рисунки в Горно-Бадахшанской Авт. Обл. ДАН ТаджССР, вып. 3, 1952; О. Е. Агаханянц. Наскальные рисунки в Язгулеме. Изв. Отд. общ. наук АН ТаджССР, вып. 14, 1957; В. А. Ранов. Наскальные изображения у кишлака Намангуг. Там же.

¹² А. Н. Бернштам. Наскальные изображения Саймалы-Таш. СЭ, 1952, № 2, стр. 59.

относятся, по его классификации, к сако-усуньской группе изображений и датируются VIII—I вв. до н. э.

Характерным предметом в этом погребении является бронзовая литая бляшка в виде усеченного конуса, вероятно игравшая роль седельной подвески (рис. 3, 4). Такие конусообразные бронзовые подвески известны в Пазырыке¹³, в уюкской культуре Тувы¹⁴ и в Казахстане¹⁵.

Все они относятся к эпохе ранних кочевников и датируются второй половиной I тысячелетия до н. э. Ряд других предметов из этого погребения (рис. 3, 2, 3, 5,) не дает ничего определенного в отношении датировок.

Таким образом, описанное погребение можно отнести к сако-усуньскому времени и датировать второй половиной I тысячелетия до н. э.

Инвентарь второй выкладки состоял из двух лепных горшков, каменного оселка, фрагмента железного кинжала и косметической шиферной палочки (рис. 3, 12—16).

Большой толстостенный плоскодонный горшок сохранил на себе следы красного лощения. Меньший горшок имеет более симметричные формы и слегка уплощенное дно. Оба сосуда можно отнести по своему характеру к керамике усуньского времени.

Железный кинжал аналогичен кинжалу изклада Абаканского музея¹⁶ конца II и начала I в. до н. э. Что касается косметической палочки, то палочки подобного рода хорошо известны в могильниках Ферганской долины, Ташкентского оазиса и других районов Средней Азии, относящихся к первым векам нашей эры¹⁷.

Исходя из вышесказанного, это погребение можно отнести к позднеусуньскому и раннегуннскому времени и датировать началом I тысячелетия н. э.

Сопоставляя внешний вид раскопанных выкладок с известными нам по исследованиям А. Н. Бернштама погребальными памятниками Восточного Памира, можно прийти к выводу, что для последнего они нехарактерны. Территориально к выкладкам этого типа ближе всего примыкают надмогильные памятники Северного Тибета, открытые среднеазиатской экспедицией акад. Н. К. Рериха в 1925—1928 гг. и описанные его сыном, выдающимся русским востоковедом Ю. Н. Рерихом в его замечательных исследованиях, посвященных Центральной Азии¹⁸. Наличие на рубеже нашей эры тибетских племен цянов в непосредственной близости от Памира было отмечено в исследованиях Н. А. Аристов¹⁹. Эта точка зрения была впоследствии поддержана А. Н. Бернштамом²⁰, полагавшим, что пустые выкладки, дольмены и жертвенные места Восточного Памира являются памятниками тибетских племен. Однако эти вопросы требуют дальнейшего серьезного изучения.

¹³ С. М. Руденко. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.—Л., 1953, табл. 66, 70.

¹⁴ Л. Р. Кызласов. Ук. соч., стр. 78.

¹⁵ А. Г. Максимова. Предметы ранних кочевников в Центральном Музее Казахстана. Тр. ИИАЭ АН Казахской ССР, т. I, 1956, стр. 254.

¹⁶ Клад поступил в Абаканский музей в 1950 г. из пос. Аскыровка. Датировка любезно сообщена мне Л. Р. Кызласовым.

¹⁷ Н. Г. Горбунова, Б. З. Гамбург. Могильник Хангиз. Изв. Отд. обществ. наук АН ТаджССР, вып. 4, 1957, стр. 41; М. Э. Воронец. Отчет археологической экспедиции Музея истории Академии наук УзССР с раскопками погребальных курганов первых веков н. э. возле станции Вревская. Тр. Музея истории народов Узбекистана, вып. I, 1951, стр. 60.

¹⁸ Ю. Н. Рерих. Звериный стиль у кочевников Северного Тибета. Прага, 1930, стр. 10—14; J. N. Roerich. Trails to Inmost Asia. London, 1931, стр. 416.

¹⁹ Н. А. Аристов. Этнические отношения на Памире и в прилегающих странах, по древним, преимущественно китайским историческим известиям. Русский антропологич. журнал, 1900, № 3, стр. 47.

²⁰ А. Н. Бернштам. Саки Памира. ВДИ, 1956, № 1, стр. 133.

П. О. КАРЫШКОВСКИЙ

ЗАМЕТКИ О МОНЕТАХ ОЛЬВИИ

1. Ольвийские монеты с изображением букrania

Просматривая некоторое время тому назад одну из небольших частных нумизматических коллекций, мы обратили внимание на необычную монету Ольвии, как первоначально казалось — медную; однако очистка показала, что монета серебряная. Хотя она и принадлежит к числу известных в литературе вариантов, но по существу не описана и не поставлена в связь с другими монетами Ольвии. Так как к тому же монета представляет большую редкость (достаточно сказать, что таких монет нет в музеях Москвы, Ленинграда, Киева и Одессы), мы считаем целесообразным опубликовать ее.

Даем прежде всего описание монеты (рис. 1 и рис. 2, 1).

Л. с. Бычий череп с рогами, впрямь.

О. с. Вертикально стоящий тирс, вокруг него буквы: слева сверху О, справа сверху Λ, справа снизу Ϙ (В в начертании справа налево), слева снизу Ι (т. е. сокращение имени Ольвии — ОΛΒΙ).

Серебро. Диаметр 8 мм. Вес 0,906 г. Сохранность хорошая.

Серебряные монеты Ольвии с изображениями букrania и тирса включены в известную сводку А. Л. Бертье-Делагарда; описание здесь чрезвычайно лаконичное («голова быка; тирс»); вес единственного известного экземпляра, принадлежавшего в 1913 г. А. М. Романову, 0,53 г¹. Изображение этой же монеты было помещено в аукционном каталоге части указанного собрания, распроданного в Люцерне в 1922 г.; монета описана еще более расплывчато (A v.—Vucrane; R e v.—O—Λ), вес показан всего 0,51 г². Экземпляр из собрания А. М. Романова во всем подобен публикуемому, но принадлежит другой паре штемпелей; размеры его, к сожалению, неизвестны — изображенная в каталоге монета чуть меньше нашей, но находящиеся на той же таблице изображения других монет тоже несколько уменьшены (рис. 2, 2). В дальнейшем, насколько нам известно, монеты с такими изображениями не упоминались на страницах нумизматических изданий.

А. Л. Бертье-Делагард относил известный ему экземпляр ольвийских монет с изображениями букrania и тирса несколько неопределенно к III—I вв. до н. э.³ Нам представляется, однако, что эти монеты были выпущены значительно раньше; более того, имеется возможность датировать их вполне точно. Решающим моментом при датировке является надпись: она читается по окружности монеты, по ходу часовой стрелки — в точности так, как это было на древнейших литых монетах Ольвии. При этом одна из групп ольвийской литой меди, на которой изображены горгонейон и орел с поднятыми параллельно туловищу крыльями и с дельфином в лапах (рис. 2, 3), представляет особенно близкую аналогию публикуемой монете: и здесь четыре буквы О—Λ—Ϙ—Ι расставлены вокруг изображения, и здесь необходимость чтения надписи по кругу, начиная

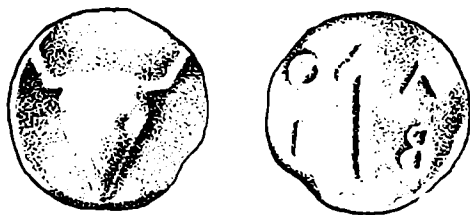

Рис. 1.
Увеличено в 3 раза

¹ А. Л. Бертье-Делагард. Материалы для весовых исследований монетных систем Сарматии и Тавриды. НС, т. II, 1913, стр. 66, № 20.

² Naville et Co. Catalogue IV. Monnaies grecques antiques provenant de collection de S. A. I. le Grand-Duc Alexandre Michailovitch. Genève, 1922, табл. XX, 506, стр. 32, № 506.

³ А. Л. Бертье-Делагард. Материалы..., стр. 65.

с левого верхнего угла, подчеркивается обратным начертанием «беты». Судя по тому, что подобное размещение букв не встречается ни на каких других монетах Ольвии и что даже внутри упомянутой серии литья надпись принимает в конце концов форму O—Λ—BIO (рис. 2, 4), мы полагаем, что одновременность серебра с букранием и литых медных монет с буквами O—Λ—Ϙ—I может считаться доказанной. Но в таком случае эти серебряные монеты должны быть отнесены, как и упомянутая литая медь, к последним годам V или к самому началу IV в. до н. э.⁴

Отнесение серебряных монет с изображением букrania к грани V—IV вв. до н. э. не встречает препятствий с точки зрения их фактуры, стиля и характера представленных на них изображений. Четко обозначенная вдавленность реверса, простота и подчеркнутая сакральность типов⁵, отсутствие на рогах быка характерных для подобных изображений в эллинистическое время посвячительных повязок, гирлянд, других священных атрибутов — все подкрепляет указанную датировку⁶.

Касаясь сюжетов изображений на занимающих нас ольвийских монетах, нельзя не подчеркнуть, что объединение букrania с тирсом явно указывает на культ Диониса и невольно вызывает в памяти рассказ Геродота о Скиле, павшем жертвой своего пристрастия к вакхическим таинствам⁷. Наконец, букраний на ольвийских монетах должен быть поставлен в связь с недавней находкой на агоре серии бычьих черепов, принадлежавших жертвенным животным и украшавших некогда стены ольвийских храмов⁸. Свинцовые вотивные букrania неоднократно встречались в Ольвии и в прежние годы; значительная группа таких свинцовых изделий хранится в Эрмитаже (ср. рис. 2, 9)⁹.

Монеты с изображениями букrania и тирса представляют собой весьма своеобразную группу среди серебряных эмиссий Ольвии: в отличие

⁴ О датировке этих литых монет см. следующий раздел нашей статьи.

⁵ О значении быка и букrania в монетном деле греков см. G. Masdonald. *Coin Types, Their Origin and Development*. Glasgow, 1906, стр. 23 сл.

⁶ Например, на монетах Фокиды, где букраний был главным сюжетом изображений, до IV в. до н. э. он лишен всяких атрибутов (см. В. В. Head. *Historia numorum*, Oxford, 1911, стр. 338—339; его же. *SBM, Central Greece*. London, 1884, табл. III, 1 сл.). Священная повязка отсутствует и на ранних монетах Афин (Ch. Seltman. *Athens, Its History and Coinage*. Cambridge, 1924, табл. IV, A—51; табл. XIV, A—203, P—260), Эретрии (E. Babelon. *Traité des monnaies grecques et romaines*, ч. 2, т. I, Paris, 1907, табл. XXXII, 7—13), Коринфа (там же, табл. XXXVI, 5) и др. В Херсонесе букраний уже украшен гирляндой и на медных монетах (А. Н. Зограф. *Античные монеты*. МИА, № 16, 1951, табл. XXXV, 5; П. О. Бурачков. *Общий каталог монет*, ч. I, Одесса, 1884, табл. XV, 72—73; ср. наш рис. 2, 5), и на свинцовых пломбах (Х. Х. Гиль. *Описание монет, поступивших в мое собрание в 1892—1893 гг.* ЗРАО, новая серия, т. VII, 1895, табл. XX, 76 сл.; П. О. Бурачков. *Ук. соч.*, табл. XV, 82 сл.; ср. наш рис. 2, 6, 7); на монетах Феодосии также представлены посвячительные гирлянды (Х. Х. Гиль. *Новые приобретения моего собрания*. ЗРАО, новая серия, т. V, 1892, табл. IV, 13; П. О. Бурачков. *Ук. соч.*, табл. XVIII, 1; ср. наш рис. 2, 8).

⁷ Herod., IV, 78—80. Об историчности Геродотова Скила свидетельствует кольцо с его именем, недавно найденное близ места его гибели (см. V. Sapaгасhe. *Monetele scifilor din Dobrogea*. SCIV, anul I, 1950, № 1—2, стр. 216, 217; упоминаемая автором статья Д. Апостолиди осталась нам недоступной). С другой стороны, мраморный сфинкс, найденный в прошлом веке в Ольвии (195 протокол заседания ООИД, 26 ноября 1880 г., стр. 5, XII-B) и хранящийся поныне в Одесском археологическом музее (см. краткий указатель Музея ООИД. Одесса, 1915, стр. 15, № 9), невозможно, как нам кажется, отделять от слов Геродота, указывающего, что вокруг дома Скила в Ольвии стояли «беломраморные сфинксы и грифоны». Заметим попутно, что отнесение этой скульптуры к концу VI в. до н. э. (E. Oksman. *Antike Skulpturen in Odessa*, AA, 1928, № 1/2, стр. 88) представляется нам менее убедительным, чем датировка, предложенная Б. В. Фармаковским, который относил памятник к середине V в. до н. э. (*Древний мир на юге России*. М., 1918, стр. 39, рис. 34).

⁸ А. Н. Карасев, Е. И. Леви. *Ольвийская агора (по раскопкам 1946—1957 гг.)*. СА, 1958, № 4, стр. 140, рис. 13.

⁹ См., например, Е. О. Прушевская. *Художественная обработка металла*. Сб. «Античные города Северного Причерноморья», т. I, М.—Л., 1955, стр. 332, 333, рис. 11, в; ср. ОАК за 1900 г., стр. 8, рис. 17; ОАК за 1902 г., стр. 12; ОАК за 1912 г., стр. 35.

Рис. 2

от Боспора, где обильно чеканили мелкие и мельчайшие номиналы¹⁰, ольвиополиты начали чекан серебра с выпуска статеров эгинской системы и продолжали выпуск таких монет более ста лет¹¹; относящиеся к этим статерам драхмы весьма редки¹²; то же можно сказать и о триоболах¹³. В дальнейшем ольвиополиты переходят от эгинской системы к родосско-хиосской, но и тогда продолжают выпускать дидрахмы, драхмы и триоболы¹⁴. Что же за номинал представляют собою монеты с букранием и к какой системе они относятся?

А. Л. Бертье-Делагард относил известный ему экземпляр, весом 0,53 г, к аттической системе и называл его обол¹⁵. Имея теперь еще другой экземпляр, весящий 0,91 г, не так-то легко решить, следует ли рассматривать обе монеты как принадлежащие к одному номиналу или к двум соседним: они биты разными парами штемпелей, а пример Боспора показывает, что близость и даже тождество монетных типов в двух соседних номиналах не останавливали древних монетчиков¹⁶. Таким образом, при наличии всего двух таких монет нам не представляется возможным объективно определить, должны ли они расцениваться как два различных номинала (отношение весов 0,91 и 0,53 практически очень близко к отношению 2 : 1) или как два экземпляра одного и того же номинала.

Но как бы мы ни относились к изложенному выше затруднению, следует подчеркнуть со всей определенностью, что монета весом 0,91 г, чеканенная в Ольвии на рубеже V и IV вв. до н. э., не может быть нечем иным, как только обол¹⁷ эгинской системы. В самом деле, средний вес непосредственно предшествующей группы ольвийского серебра, статеров с надписью ΕΜΙΝΑΚΟ, составляет 11,43 г, откуда теоретический вес оболы — 0,95 г¹⁷. Для следующей серии статеров средний вес составляет 11,94 г, что дало бы для оболы 0,995 г, но так как упомянутая группа статеров отделена от монет с букранием сорокалетним промежутком¹⁸, то правильнее исходить из веса монет Эминака. Тогда монета весом 0,53 г должна рассматриваться (разумеется, в том случае, если это другой номинал) как гемиобол той же эгинской системы.

Одновременность изучаемых серебряных монет с изображением букрания и одной из серий литой ольвийской меди дает возможность сделать еще некоторые наблюдения. Медные «ассы» с надписью Ο — Λ — Ϙ — или Ο — Λ — ΒΙΟ отличаются от прочих серий ольвийского монетного литья тем, что во всех остальных случаях в ряду соответствующих «ассов» имеются крупные монеты, весящие около 120—110 г, а здесь налицо только мелкие экземпляры, весящие в среднем 22 г¹⁹. А. Н. Зограф пред-

¹⁰ Д. Б. Шелов. Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э. М., 1956, стр. 52 сл., 114 сл.

¹¹ Имеем в виду монеты с именем ΕΜΙΝΑΚΟ (П. О. Карышковский. О монетах с надписью ΕΜΙΝΑΚΟ, СА, 1960, № 1, стр. 179—195) и статеры с изображением Деметры (см. П. О. Карышковский. О классификации серебряных статеров Ольвии IV в. до н. э. КСИИМК, вып. 66, 1956, стр. 69—77; его же. Дополнения до истории монетной справи Ольвии наприкінці IV ст. до н. э. МАПП, вып. III, Одесса, 1960, стр. 234—242).

¹² См. П. И. Карышковский. З історії монетної справи та грошового обігу в Ольвії. Археологія, т. XI, 1957, стр. 54, прим. 1, табл. I, 9, 10, 13—16.

¹³ Там же, стр. 54, прим. 2, табл. III, 15—17.

¹⁴ См. А. Л. Бертье-Делагард. Материалы..., стр. 63—66, №№ 7—20. Автор везде говорит об аттической системе; о монетных системах Ольвии в эллинистическое время см. П. И. Карышковский. З історії зовнішньополітичних зв'язків Ольвії, Ольвія та Родос. МАПП, вып. II, Одесса, 1959, стр. 73—78.

¹⁵ А. Л. Бертье-Делагард. Материалы..., стр. 66, № 20.

¹⁶ См. Д. Б. Шелов. Ук. соч., стр. 55, 61—65 и др.; ср. нашу рецензию на эту книгу (СА, 1957, № 1, стр. 277).

¹⁷ А. Л. Бертье-Делагард. Материалы..., стр. 62, № 2.

¹⁸ Ср. П. О. Карышковский. О классификации серебряных статеров Ольвии IV в. до н. э., стр. 72—73; его же. З історії монетної справи..., стр. 56—58.

¹⁹ Весовые данные приведены по А. Л. Бертье-Делагарду. См. А. Л. Бертье-Делагард. Относительная стоимость монетных металлов на Боспоре и Борисфене в половине IV в. до Р. Х. НС, т. I, 1911, стр. 72.

полагал по этому поводу, что монеты с буквами O—Λ—Ϙ—Ι или O—Λ—ΒΙΟ представляют собой тот же номинал, что и крупный сорт предшествующих серий, но редуцированный до $\frac{1}{5}$ первоначального веса; при этом ему приходилось видеть в них заключительное звено во всем ряду литой ольвийской меди²⁰. Ряд соображений заставляет, однако, предпочесть иную относительную последовательность «ассов», а именно — считать наиболее поздними из них крупные монеты с изображением Деметры²¹. Что касается предположения о том, что монеты с буквами O—Λ—Ϙ—Ι или O—Λ—ΒΙΟ являются результатом редукции, то оно основано лишь на аналогии с литыми медными монетами Италии. Одновременность серебра с изображением букрания и «ассов» с точно такой же надписью устраняет необходимость такого предположения и подтверждает догадку, высказанную А. В. Орешниковым: крупные номиналы не отливались в этой серии литых монет по той причине, что они были заменены серебром²².

В связи со всем изложенным вопрос о достоинстве монет с изображением букрания приобретает особенный интерес и значение. Действительно, в самой ранней серии ольвийских литых монет были два номинала, весящие соответственно около 117 и около 38 г; во второй серии были отлиты уже три номинала, весом соответственно 116, 28 и 12 г; в следующей серии находим серебро с букранием и медь, весящую 22 г; наконец, в последней — один номинал меди, весом около 112 г²³. Трудно воздержаться от естественно возникающего предположения, что крупные литые медные монеты всех серий выражают один и тот же номинал. Но какой именно?

Б. В. Кёне считал, как известно, крупные литые монеты Ольвии триоболами²⁴; однако Э. Бабелон и вслед за ним А. Л. Бертье-Делагард высказали мысль о том, что это оболы; последний вычислял на этой основе относительную стоимость серебра и меди в Ольвии²⁵. Но исчерпывающих доказательств в распоряжении А. Л. Бертье-Делагарда не было, и хотя А. Н. Зограф, указавший на искусственность его построения, допускал что крупные литые монеты были полноценными медными оболами²⁶, другие нумизматы искали новых решений этого вопроса. Так, А. В. Орешников приравнивал самые тяжелые из литых монет к серебряным статерам²⁷, А. Бёрнс вернулся ко взглядам Б. В. Кёне²⁸, Э. Миннс соединял ольвийские «ассы» в одну систему с медными дельфинами и находил в этом ряду монеты в 1, 2, 3, 5, 7 и 10 единиц, воздерживаясь, впрочем, от их наименования²⁹. Считая монеты с букранием оболом (и темиоболом?), можно с полным основанием видеть оболы и в самых крупных из литых монет других серий, как это представлено на табл. 1.

Если крупный номинал ольвийских «ассов» представлял собой медный обол эгинской системы, то этим самым получают подтверждение и основанные на этом предположении расчеты А. Л. Бертье-Делагарда об отно-

²⁰ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 124, 128 и др.; ср. его же. Монеты Ольвии из раскопок в Лузановке 1939 г. МАП, вып. I, Одесса, 1957, стр. 99—100.

²¹ См. об этом следующий раздел нашей статьи.

²² А. В. Орешников. Этюды по нумизматике Черноморского побережья. ИРАИМК, т. I, 1921, стр. 223, 225.

²³ А. Л. Бертье-Делагард. Относительная стоимость..., стр. 72.

²⁴ Б. В. Кёне. Описание музея князя В. В. Кочубея, т. I, СПб., 1856, стр. 33—39. Вряд ли заслуживает опровержения взгляд А. С. Уварова, видевшего в ольвийских литых монетах ассы, триенсы и секстансы (А. С. Уваров. Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря, вып. I, СПб., 1851, стр. 108, 109).

²⁵ А. Л. Бертье-Делагард. Относительная стоимость..., стр. 75—76, 85—86 и др.; ср. E. Babelon. Les origines de la monnaie. Paris, 1897, стр. 371.

²⁶ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 125.

²⁷ А. В. Орешников. Ук. соч., стр. 224, 225.

²⁸ A. R. Burns. Money and Monetary Policy in Early Times. London—New York, 1927, стр. 146.

²⁹ E. H. Minns. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, стр. 482—484.

Таблица 1

Серия	Краткое описание и издание	1 обол	1/2 обола	1/8 обола	1/4 обола	1/8 обола
I	Л. с. Афина — о. с. колесо, ПАΥΣ А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. XXX, 3, 4	117 г	—	38 г	—	—
II	Л. с. горгонейон — о. с. орел на дельфине, ΑΡΙΧ	116 г	—	—	28 г	12 г
III	Л. с. букраний — о. с. тирс, Ο—Λ—Ϙ—Ι	0,91 г (серебро)	—	—	22 г	—
IV	Л. с. горгонейон — о. с. орел на дельфине, Ο—Λ—Ϙ—Ι = Ο—Λ—ΒΙΟ А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. XXXI, 5. Л. с. Деметра — о. с. орел на дельфине, ΟΛΒΙΗ А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. XXXI, 4	112 г	Чеканные медные монеты			

сительной стоимости меди и серебра в Ольвии³⁰. Именно в том, что монеты с букранием позволяют определить номинал «ассов», и состоит, на наш взгляд, главное значение их для истории денежного хозяйства Ольвии.

2. К хронологии ольвийских ассов

Во время раскопок античного городища у с. Роксоланы (Овидиопольского района Одесской обл.), проводившихся археологической экспедицией Одесского государственного университета под руководством М. С. Сеницына в 1958 г., наряду с другими нумизматическими находками³¹ была обнаружена группа монет Ольвии.

Все три ольвийские монеты были найдены на кв. 23-а, на глубине 1,9 м, в ненарушенном слое древнего поселения. В том же слое обнаружено несколько чернолаковых черепков, один фрагмент ионийского килика, множество обломков амфор, в том числе — сравнительно ранних типов. Керамический материал и стратиграфия находки позволяют отнести ее к IV в. до н. э., причем скорее — к первой половине или к середине столетия, чем к последним десятилетиям. Ольвийские монеты были извлечены из земли в окисленном состоянии, соединенные окисью в один ком. После расчистки оказалось, что сохранность монет вполне удовлетворительная. Приводим их описание.

№ 1 (рис. 2, 3).

Л. с. Горгонейон с высунутым языком.

О. с. Орел с поднятыми параллельно туловищу крыльями, держащий в лапах дельфина и клюющий его в голову, оба влево; вокруг буквы: слева у головы орла Ο, справа у хвоста дельфина Ϙ (В в начертании справа налево), слева у головы дельфина Ι; буква Λ, стоящая между крылом и хвостом орла, стерта.

Медь. Диаметр 35—37 мм. Вес 18,28 г. Сохранность удовлетворительная.

³⁰ А. Л. Бертье-Делагард. Относительная стоимость..., стр. 85—93.

³¹ Одна монета Тиры (см. А. Н. Зограф. Монеты Тиры. М., 1957, табл. II, 7), 27 монет с колесом и буквами ΙΣΤ (А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. XXX, 6), одна медная монета Филиппополя времени Антонина Пия. Монеты найдены в разных частях городища и на различной глубине. Пользуемся случаем выразить благодарность руководителю экспедиции М. С. Сеницыну за разрешение издать монеты.

№ 2 (рис. 2, 10).

Л. с. Деметра вправо; ухо не видно, на шее следы ожерелья, волосы заложены вокруг ленты и ниспадают локонами на шею.

О. с. Орел с прижатыми к туловищу крыльями, держащий в лапах дельфина и клюющий его в голову, вправо; над орлом сокращение имени города ОЛВ[O]; от сокращения имени магистрата ΘΕΟ, помещенного между хвостами орла и дельфина, уцелела одна начальная буква.

Медь. Диаметр 16—17 мм. Вес 3,99 г. В нижней части монетного кружка частично сохранившийся литник. Сохранность удовлетворительная.

№ 3 (рис. 2, 11).

Л. с. То же, изображение крупнее; в ухе серьга, составленная из двух шариков; на шее ожерелье; волосы убраны так же, как на предыдущей монете.

О. с. Орел и дельфин, как на предыдущей монете; имя города частично не вместились, частично стерт; под дельфином имя магистрата, начертанное справа налево: ΩϞΗ.

Медь. Диаметр 16—17 мм. Вес 2,71 г. Следы литников; края обломаны. Сохранность удовлетворительная.

Заметим сразу, что все три монеты хорошо известны³².

Несмотря на то, что монеты из Роксолан не представляют собой нумизматической новинки в точном смысле слова, они очень важны для изучения денежного обращения в Северо-Западном Причерноморье в IV в. до н. э. Прежде всего, этой находкой прочно и окончательно устанавливается одновременность обращения литых монет с горгонейоном и именем города и чеканенных монет с изображениями Деметры и орла на дельфине. Этот важный факт был впервые установлен А. Н. Зографом на основании аналогичной находки в Лузановке (в окрестностях Одессы): там были найдены два «асса» того же типа и десять чеканенных монет с орлом и дельфином, а кроме того, еще монета с изображениями Деметры и одного дельфина³³. Нельзя не признать значение того обстоятельства, что оба поселения, и Лузановское и Роксоланское, дали однородные находки ольвийских монет, относящихся к одному и тому же времени — к IV в. до н. э. Это должно, очевидно, свидетельствовать о том, что в указанное время торговое влияние Ольвии чувствовалось во всей северо-западной части побережья Черного моря³⁴.

Следует также заметить, что новая групповая находка ольвийских монет должна повлечь за собой частичный пересмотр установленной А. Н. Зографом хронологии обеих представленных в ней серий. А. Н. Зограф, подвергший серьезной критике хронологические заключения В. В. Голубцова и показавший, что они основаны на недоразумении, относил и «ассы», и чеканенные монеты из Лузановки к последней четверти IV в. до н. э. и пришел к очень важному и вполне правильному выводу о том, что обращение чеканенных монет с Деметрой и орлом, держащим в когтях дельфина, предшествовало выпуску монет с изображениями речного божества и скифского оружия — так называемых «борисфенов»³⁵. Однако начало чекана «борисфенов» должно быть, как показано в другой статье³⁶, ото-

³² См., например, В. В. Голубцов. Монеты Ольвии по раскопкам 1905—1907 гг. ИАК, вып. 51, 1914, стр. 67—118, табл. I—XXVII. Очень близкий вариант «асса» представлен на табл. VII, 1, а обе чеканенные монеты могут быть отождествлены даже по штемпелям: экземпляр, изданный нами под № 2, см. на табл. XVII, 7, а № 3 — на табл. XXVI, 5 (ср. табл. XVIII, 9).

³³ А. Н. Зограф. Монеты Ольвии из раскопок в Лузановке 1939 г., стр. 97—101.

³⁴ Об этом же свидетельствует постановление ольвиополитов в честь неизвестного, заботившегося об о. Левке (IOSPE, 1², № 325), а также проксении граждан западно-понтийских городов (там же, №№ 20, 27; ср. П. О. Карышковский. Утерянная ольвийская надпись. СА, XXVIII, 1958, стр. 151 сл.).

³⁵ А. Н. Зограф. Монеты Ольвии из раскопок в Лузановке 1939 г., стр. 99; его же. Античные монеты, стр. 129.

³⁶ См. П. О. Карышковский. Заметки по нумизматике античного Причерноморья. ВДИ, 1957, № 2, стр. 141—144.

двинуто от 290 г. до н. э., к которому относил его А. Н. Зограф³⁷, примерно к 330—325 гг. до н. э. Но в таком случае и монеты с Деметрой и орлом, терзающим дельфина, должны быть передвинуты в глубь IV в. до н. э. Именно такая датировка и вытекает, как отмечено выше, из условий их находки на Роксоланском городище.

Если приурочение упомянутых чеканных монет к несколько более раннему времени, чем это предполагал А. Н. Зограф, не вызывает возражений с точки зрения археологии, то и сами по себе монеты с изображением Деметры не имеют черт, которые исключали бы такую передатировку. Неровный монетный кружок со следами литников, с сильно скошенным острым гуртом, характерный для значительной их части, свидетельствует о том, что болванки для монет изготовлены литьем в односторонней, возможно, даже открытой форме; сильная вогнутость реверса, неаккуратность чекана, при котором вокруг углубленного, четко обозначенного круглого штемпеля остаются незаполненные «поля» неправильных очертаний, — все говорит о сравнительной примитивности монетной техники. С другой стороны, многие из голов Деметры на этих монетах выглядят еще довольно архаично по сравнению с серебряными статерами, относящимися ко второй половине IV в. до н. э.³⁸ Следует, впрочем, предостеречь от слишком поспешных хронологических заключений, основанных на одном лишь облике Деметры: как показывают две монеты Эрмитажного собрания (Ольвия, №№ 154 и 175; ср. рис. 2, 12, 13), совершенно различные по стилю и передаче прически богини штемпеля аверсов объединялись подчас одним штемпелем реверса. Однако, несмотря на это, отнесение интересующих нас монет к первой половине IV в. до н. э. вполне возможно: сравнивая головы Деметры на некоторых сериях³⁹, нельзя не заметить общего стилистического сходства с несколько более древними изображениями нимф на хорошо датированных монетах Лариссы и Синопы. В первом случае речь идет о монетах, отнесенных Ф. Германом к группам IV-с и V, т. е. незадолго до 395 г. до н. э.⁴⁰; во втором — о ранних сериях, датируемых Э. Робинзоном концом V в. до н. э.⁴¹ Эта хронология подкрепляется и особенностями типа орла и дельфина: крупный орел, с сильно наклоненным к небольшому, слабо изогнутому дельфину корпусом, находит себе аналогии среди первых выпусков истрийского серебра, которые должны быть отнесены также к концу V в. до н. э.⁴²; нельзя не подчеркнуть, что находка именно таких ранних монет Истрии в окрестностях Ольвии⁴³ делает весьма вероятным прямое заимствование ольвийскими монетариями этого изображения из Истрии, точно так же, как под влиянием надписи ΙΣΤΡΙΝ на более поздних монетах ольвиополиты усваивают для части своих литых монет форму ΟΛΒΙΝ⁴⁴. Наконец, относительная древность ольвийских монет с изображением Деметры подтверждается и частым начертанием надписей справа налево, почти никогда не встречающимся на более поздних монетах Ольвии⁴⁵.

³⁷ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 131.

³⁸ Ср., например., В. В. Голубцов. Ук. соч.; П. И. Каршковський. З історії монетної справи..., табл. I и II.

³⁹ В. В. Голубцов. Ук. соч., табл. XXI, 1, 3, 5, 7, 9, 11; табл. XXIV, 2, 4—8, 10; табл. XXV, 1—5, 7; табл. XXVI, 2, 4, 6, 8—10.

⁴⁰ F. Heugan. Die Silbermünzen von Larissa in Thessalien. ZfN, т. XXXV, 1925, табл. IV, 10—16, стр. 36—39.

⁴¹ E. G. S. Robinson. Sinope. NC, 5 серия, т. X, 1930, табл. I и II, стр. 1—15; его же. A Find of Coins of Sinope. NC, 4 серия, т. XX, 1920, табл. I, стр. 1—16.

⁴² В. В. Голубцов. Ук. соч., табл. XVII, 5, 7; табл. XX, 4, 9, 10; табл. XXIII, 5; табл. XXIV, 10; табл. XXV, 9; В. Pick. Die Antiken Münzen von Dacien und Moesien. NB, I, Berlin, 1898, табл. II, 20, стр. 159, № 405.

⁴³ Один клад издан (Ю. Кристин. Нумізматична знахідка біля Херсону. Хроніка археології та мистецтва, т. I, Київ, 1930, стр. 67); другой, найденный в с. Висунцы в 1951 г., хранится в Херсонском музее.

⁴⁴ В. Pick. Ук. соч., № 406 сл.; ср. В. В. Голубцов. Ук. соч., табл. VIII—XIV.

⁴⁵ В. В. Голубцов. Ук. соч., табл. XV, 2; табл. XVI, 1; табл. XVII, 1, 10; табл. XVIII, 2, 3, 6, 9, 11; табл. XXIV, 8; табл. XXVI, 5.

Но если чеканенные монеты из лузановской и роксоланской находок могут быть без всякой натяжки отодвинуты к первой половине IV в. до н. э., то по отношению к литым медным монетам эту дату можно даже приблизить к грани V и IV вв. до н. э. А. Н. Зограф считал их образцами того же номинала, что и крупные «ассы» других групп, уменьшенными в пять раз в весе в результате редукции, но выше⁴⁶ показано, что такое предположение устраняется наличием мелкого серебра, входившего в одну серию с упомянутыми литыми монетами среднего размера. Здесь остается лишь добавить, что «ассы» с горгонейоном и именем города и по ряду других причин не могут рассматриваться как заключительное звено в обращении ольвийского монетного литья.

В самом деле, если А. Н. Зограф привел убедительные доводы в пользу предложенной им последовательности двух первых групп «ассов» и вполне обоснованно выдвинул на первое место в их ряду монеты с Афиной и буквами ΠΑΥΣ, отведя монетам с горгонейоном и буквами ΑΡΙΧ второе место⁴⁷, то в отношении двух последних групп этих монет он допустил явную натяжку, вызванную стремлением видеть в непосредственно интересующей нас серии результат редукции. Между тем еще А. Л. Бертье-Делагард и А. В. Орешников правильно считали самой последней серией литья монеты с Деметрой⁴⁸. В пользу именно такой последовательности (т. е. монеты с Афиной и буквами ΠΑΥΣ, затем с горгонейоном и буквами ΑΡΙΧ, затем с горгонейоном и именем города, затем с Деметрой) можно привести многие соображения. Не имея здесь возможности рассмотреть вопрос об относительной и абсолютной хронологии ольвийских литых монет во всем его объеме⁴⁹, укажем лишь наиболее важные и относящиеся непосредственно к тому сорту, образцы которого найдены в Лузановке и в Роксоланах.

Во-первых, нельзя не заметить, что сам тип Горгоны на монетах с буквами ΑΡΙΧ и с именем города представляет две последовательные ступени развития: первые относятся к ранним образцам так называемого «среднего» типа, а вторые — к так называемой «спокойной» разновидности «прекрасного» типа Горгоны⁵⁰, и вклинивать между ними монеты с Деметрой не приходится, не говоря уже о том, что невозможно допустить между горгонейонами этих серий хронологический разрыв на полтора-два года, как это следует из их датировки А. Н. Зографом⁵¹. Во-вторых, надписи на двух первых сериях ассов (т. е. буквы Π—Α—Υ—Σ и Α—Ρ—Ι—Χ) расположены либо между спицами колеса, либо вокруг крестообразно распластанного орла и читаются по окружности. На интересующих нас монетах с горгонейоном буквы, образующие начало имени города, сначала также распределяются по четырем углам монетного поля⁵², но затем эта схема, первоначально связанная с типом колеса, начинает отмирать: то буквы размещаются в направлении против движения часовой стрелки⁵³, то «лямбда» перемещается в верхнюю часть поля⁵⁴ или, напротив, опус-

⁴⁶ См. первый раздел нашей статьи.

⁴⁷ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 123, табл. XXX, 3—4; табл. XXXI, 1—3.

⁴⁸ А. Л. Бертье-Делагард. Относительная стоимость..., стр. 72; А. В. Орешников. Ук. соч., стр. 221—225.

⁴⁹ Об этом см. П. И. Карিশковский. З історії монетної справи та грошового обігу в Ольвії. Праці ОДУ, т. 149, серія історичних наук, вып. 7 (Археологічний збірник, ч. I), 1959, стр. 47—69.

⁵⁰ A. Furtwängler. Die Gorgonen in der Kunst. ALGRM, т. I, 1886—1890, стлб. 1701—1727; Ziegler, Gorgo. RE, т. VII, 1912, стлб. 1648—1655 (здесь указана литература).

⁵¹ Первые, по А. Н. Зографу, отлиты около 475 г. до н. э., вторые — в последней четверти IV в. до н. э. См. А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 123—124.

⁵² А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. XXXI, 5; П. О. Бурачков. Уч. соч., табл. I, 8; S. W. Grose. Fitzwilliam Museum. Catalogue of the Mac-Clean Collection of Greek Coins, т. II, Cambridge, 1926, табл. 159, 2.

⁵³ E. H. Minns. Ук. соч., табл. II, 3.

⁵⁴ В. В. Голубцов. Ук. соч., табл. VII, 1.

кается ниже хвоста орла⁵⁵; наконец, окончание надписи переходит в об-рез, причем сначала лишь буквы I Я в начертании справа налево⁵⁶, потом к ним добавляется еще O, но направление надписи справа налево сохра-няется⁵⁷, и вся эта эволюция завершается уникальной монетой из Лузанов-ки, где буквы BIO в обрезе уже имеют обычное начертание слева напра-во⁵⁸. На монетах с Деметрой надпись всегда читается в одну строку, и с точки зрения эволюции надписи их также невозможно помещать между двумя группами монет с Горгоной.

Если самыми ранними из ольвийских «ассов» были монеты с буквами ПАУΣ, затем монеты с буквами APYX, потом монеты с горгонейоном и име-нем города и, наконец, монеты с Деметрой, то третья группа этих ассов должна относиться не к последней четверти IV в. до н. э., а к гораздо более раннему времени. Действительно, дата литых монет с Деметрой не вызы-вает в научной литературе разногласий — и А. Л. Бертъе-Делагард, и А. В. Орешников, и А. Н. Зограф единодушно относят их к IV в. до н. э.; сравнение с серебряными статерами позволяет уточнить эту дату и размес-тить серии «ассов» с Деметрой между 375 и 330 гг. до н. э.⁵⁹. Но тогда монеты предыдущей серии, с горгонейоном и именем города, были изгото-влены несколькими десятилетиями ранее, примерно на рубеже V и IV вв. до н. э. Это не опровергается характером помещенных на них горго-нейонов, а изображение орла с поднятыми параллельно туловищу или плотно прижатыми крыльями появляется на монетах Причерноморья именно в последней четверти V в. до н. э.⁶⁰. Такая датировка вполне согла-суется с тем обстоятельством, что и на Лузановском, и на Роксоланском городищах эти «ассы» встречены совместно с чеканенными медными моне-тами первой половины IV в. до н. э. — они, без сомнения, оставались в обращении еще 25—30 лет после выпуска.

Подводя итоги всему сказанному, мы приходим к заключению, что роксоланская находка ольвийских монет представляет немалый интерес и позволяет уточнить хронологию некоторых серий монет Ольвии.

⁵⁵ S. W. Grosse. Ук. соч., т. II, табл. 159, 3; R. Ball. Versteigerungskatalog № VI, Antike Münzen. Berlin, 1931, табл. II, 63; П. О. Бурачков. Ук. соч., табл. I, 6.

⁵⁶ Ch. Giel. Kleine Beiträge zur antiken Numismatik Südrusslands. Moskau, 1886, табл. I, 1.

⁵⁷ В. В. Голубцов. Ук. соч., табл. VII, 3; O. Helbing. Auktion 22. März 1926, Griechische und Römische Münzen. München, табл. IV, 70. Монета такого типа была найдена в Лузановке; см. А. Н. Зограф. Монеты Ольвии из раскопок в Лузановке 1939 г., стр. 98, № 12.

⁵⁸ А. Н. Зограф. Монеты Ольвии из раскопок в Лузановке 1939 г., стр. 98, № 13.

⁵⁹ А. Л. Бертъе-Делагард. Относительная стоимость..., стр. 68; А. В. Ореш-ников. Ук. соч., стр. 221—225; А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 124, 126; ср. П. И. Каршковский. З історії монетної справи... Археологія, т. XI, стр. 54—55.

⁶⁰ В Синопе; см. выше, примеч. 41.

В. Б. ВИНОГРАДОВ

ЕГИПЕТСКИЕ ПРЕДМЕТЫ ИЗ САРМАТСКОГО ПОГРЕБЕНИЯ БЛИЗ г. ГРОЗНОГО

В 1954 г. на окраине г. Грозного (Чечено-Ингушская АССР) во время строительных земляных работ был вскрыт курган, который дал интересные материалы сарматского времени. Кроме небольшой сероглиняной миски, типичной для сарматских памятников первых веков нашей эры, в Чечено-Ингушский краеведческий музей с места находки поступила группа египет-ских предметов: три скарабея и подвеска в виде двух соединенных цилин-дриков (рис. 1). Эти предметы сделаны из голубой «египетской пасты». На

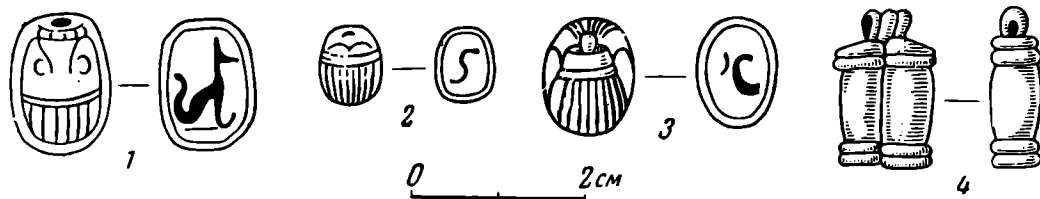

Рис. 1. Египетские предметы из кургана близ г. Грозного
1—3 — скарабей; 4 — подвеска

плоской стороне одного из скарабеев (рис. 1, 1) имеется изображение сидящего животного (по-видимому, кошки), на плоской стороне другого (рис. 1, 2) — изображение змеи, третьего (рис. 1, 3) — иероглифические знаки. Скарабей, которые в древности имели апотропеическое значение (как охранительные амулеты), снабжены небольшими отверстиями для подвешивания.

Подобные скарабей и подвески на территории СССР встречаются в погребениях начала нашей эры в Закавказье, на Украине, в Средней Азии, Придонье и на Северном Кавказе¹. Однако находка египетских предметов в погребении на территории Чечено-Ингушской АССР имеет особое значение, как показатель далекого проникновения импортных вещей в глубь Кавказского перешейка. В силу еще слабой изученности Северо-Восточного Кавказа египетские предметы, обнаруженные здесь, пока исчерпывались лишь старыми находками в Ингушетии и Чечне², опубликованными Л. П. Семеновым, и новыми находками Е. И. Крупнова в Дагестане³.

Публикуемые изделия египетского производства являются новым доказательством того, что древнее население Северо-Восточного Кавказа, как и всего Кавказского перешейка, через посредство других стран и народов, состояло в торговых и культурных связях с далекими центрами производства изделий из «египетской пасты» — городами Навкратисом и Александрией⁴. В то же время наличие египетских предметов в сарматском погребении под г. Грозным свидетельствует о том, что в эти связи были вовлечены обитатели прикаспийских степей — сарматы.

В начале нашей эры главенствующая роль в сношении предкавказских племен с древними цивилизациями Средней Азии и Восточного Средиземноморья перешла к античным городам-колониям Северного Причерноморья, о чем можно судить по большому количеству находок аналогичных предметов в Керчи и других городах Боспорского царства⁵. Однако египетские изделия, найденные в Центральном и Восточном Закавказье в памятниках начала нашей эры (Мцхета, Мингечаур)⁶, и новые находки на Центральном (Северная Осетия) и Северо-Восточном Кавказе служат доказательством того, что и в римский период истории не теряют своего значения древние торговые артерии, издревле связывавшие Закавказье с Предкавказьем — Дарьяльский и Дербентский проходы, через которые осуществлялись сношения сарматского мира с Иберией и Кавказской Албанией.

¹ Б. Б. Пиотровский. Египетские предметы в Северо-Кавказском крае СГАИМК, № 6, 1931, стр. 29; его же. Древнеегипетские предметы, найденные на территории Советского Союза. СА, 1958, № 1, стр. 20—27; М. А. Коростовцев. Древнеегипетские находки в СССР. ВИМК, 1957, № 2, стр. 72—86.

² Л. Семенов. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1928 и 1929 гг. Изв. Ингушского НИИ, т. II—III, 1930, стр. 384—385.

³ Е. И. Крупнов. Новый памятник древних культур Дагестана. МИА, № 23, 1951, стр. 216, рис. 8, 1.

⁴ Б. Б. Пиотровский. Египетские предметы в Северо-Кавказском крае. СГАИМК, № 6; его же. Древнеегипетские предметы, найденные на территории Советского Союза. СА, 1958, № 1, стр. 20—27.

⁵ М. А. Коростовцев. Ук. соч., стр. 76—79.

⁶ Б. Б. Пиотровский. Древнеегипетские предметы, найденные на территории Советского Союза, стр. 27.

С. В. КИСЕЛЕВ

О ДРЕВНЕЙ ЧЕРЕПИЦЕ В МУЗЕЯХ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

В 1959 г. в № 3 журнала «Советская археология» была опубликована моя статья «Из истории китайской черепицы». В этой работе на основании материалов из раскопок, произведенных на развалинах городов, расположенных в Южной Сибири, в Забайкалье, на Дальнем Востоке и в МНР, с привлечением сравнений из китайских публикаций, была сделана попытка классификации черепицы. Были выделены формы, типичные для той или иной эпохи, могущие служить определителями.

В конце 1959 г. я смог заниматься в музеях Китайской Народной Республики — в Историческом музее и Музее Гугун в Пекине, в Хэйлуцзянском музее в Харбине, в Гиринском музее в Чаньчуне, в Ляонинском музее в Шэньяне, в Музее парка Писаньсан в Чжэнчжоу, в Музее Гуанлин в Лояне, в Шэнсийском музее и музее Бань-по в Сиани и на постоянных выставках Института археологии АН КНР в Пекине, «Экспедиции по изучению культурных памятников провинции Хэнань» в Чжэнчжоу, Станции Пекинского Института археологии в Лояне и Института археологии Отделения АН КНР в Сиани¹.

В ходе этой работы я имел возможность знакомиться с богатейшими коллекциями черепиц из различных районов Китая, собранными при изучении древних сооружений разных эпох. С удовлетворением могу сказать, что основные ступени развития китайской кровельной черепицы, намеченные в прошлогодней статье, подтвердились. Однако, поскольку стал известен большой новый материал, следует использовать предоставляемую журналом возможность для дополнений и уточнений.

Весь просмотренный материал подтверждает, что только с эпохи Чжань-го появляются украшения концевых черепиц. В большинстве случаев это полудисковидные налепы, украшенные спиральями и завитками, схемами личины Тао-тэ, а также вполне реалистичными изображениями животных и всадников, обычно стоящих друг против друга, по обеим сторонам дерева, разделяющего полудиск пополам. Они одинаково встречаются и в центре — в Лояне² и в Чжали³, а также на северной окраине, в бывшей провинции Жэхэ⁴, в княжестве Янь и на востоке, в Шандуне, в княжестве Ци⁵. Вместе с тем выяснилось, что уже в эпоху Чжань-го появились и дисковидные налепы, украшенные выпуклыми линиями, делящими диск на четыре сектора, на которых размещены скобкообразные и спиральные орнаменты. Эти диски уже очень близки к ханьским, но встречаются гораздо реже, чем полудиски⁶.

В Историческом музее в Пекине хранится интереснейший полудиск от черепицы с кровли поминального храма, стоявшего у кургана, под которым погребен знаменитый Цинь Ши-хуанди (246—209 гг. до н. э.). Курган этот расположен к востоку от Сиани, около городка-курорта Линтун. Этот полудиск отличает оригинальная орнаментация, весьма сходная с рисунками, украшающими лаковые изделия и ткани времени Чу и Запад-

¹ Всем руководителям и сотрудникам этих учреждений я приношу глубокую благодарность за тот радушный прием, который они мне оказали, за ту терпеливую работу, которую они со мной проводили, стремясь посвятить меня во все детали сложных вопросов китайской археологии.

² Хранится на станции Археологического института АН КНР в Лояне.

³ Хранится в Историческом музее в Пекине.

⁴ Хранится в Ляонинском музее в Шэньяне.

⁵ Хранится в Историческом музее в Пекине.

⁶ Так, в одном только пункте Лояна полудисков найдено восемь, а дисков всего два. Хранятся на станции Археологического ин-та АН КНР в Лояне.

ной Хань (рис. 1), а его форма свидетельствует о том, что и в конце III в. до н. э. полудиски еще украшали черепицу.

Огромное большинство дисков черепиц эпохи Хань украшено по единой схеме. В центре помещена округлая выпуклина, и от нее крестообразно расходятся парные рельефные линии, делящие поле диска на четыре сектора. Внутри этих секторов размещены различные спиральные фигуры или иероглифы⁷. Реже встречается размещение иероглифов по всему полю диска, не имеющего ни выпуклины, ни деления на сектора. Иероглифы, размещенные вокруг центральной выпуклины, как это имеет место на дисках из дома китайской архитектуры, раскопанного близ Абакана⁸, не встре-

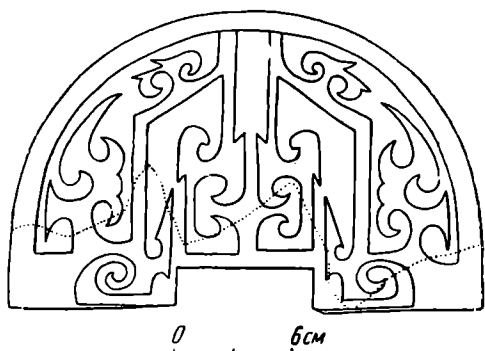

Рис. 1. Черепица из кургана Цинь Шихуанди (III в. до н. э.) (ниже пунктира — реконструкция)

тились мне ни разу⁹. Диски, украшенные выпуклиной и изображением дракона, тигра, феникса и черепахи (символов Востока, Запада, Юга и Севера), выделялись, видимо, только в Сиани, судя по тому, что их находят только там.

Важно отметить, что в собрании Станции Археологического института в Лояне хранятся найденные в Сяотуньском поселении времени Западной Хань семь полудисков. Они свидетельствуют о том, что, по крайней мере, в раннеханьское время еще продолжали украшать обрез черепичной кровли полудисками, очень близкими к выделява-

вшимся в период Чжань-го. Более того, эту близость подчеркивает в Сяотуни и украшение пяти черепичных дисков в центре не выпуклиной, а концентрическими кругами. Так украшались и диски в эпоху Чжань-го, например найденные на улице Цон Чжоу Лу в Лояне.

Работая в музеях Китая, я смог ознакомиться с черепичными дисками эпохи Хань, происходящими из Сиани¹⁰, из Лояна¹¹ и его окрестностей — с. Сяотунь-цзюнь и горной местности Бэймасышан¹², из Баотоу¹³ и Ляояна¹⁴. При этом китайские специалисты сообщили мне и некоторые детали, по которым можно уточнять время черепиц. Так, например, в Археологическом институте в Сиани считают, что встречающееся иногда обрамление центральной выпуклины жемчужником возникло в конце

⁷ Соотношение в проработанных мною коллекциях из Сиани следующее: дисков, имеющих выпуклину, разделенных на четыре сектора и украшенных спиралью — 14; таких же, но без выпуклины — 1; дисков, имеющих выпуклину, разделенных на четыре сектора и украшенных иероглифами — 8; таких же, но без выпуклины — 3; таких же, но без выпуклины и деления на сектора — 6; таких же, но с делением двумя вертикальными линиями по обе стороны выпуклины — 1.

⁸ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, табл. XLIV, 5.

⁹ Как сообщил мне ученый секретарь Ин-та археологии АН КНР Ван Чжун-шу, часть китайских филологов сомневается в возможности связывать абаканский дом с правителем хакассов, плененным гуннами китайским полководцем Ли Лином (II—I вв. до н. э.). Эти ученые указывают, что в эпоху У-ди обычно для обозначения слова «долго» — «чан» употреблялся иероглиф 長 а не 常, поставленный на абаканских дисках. Этот последний вошел в широкое употребление позднее, с эпохи Ван Мана. Однако и от времени У-ди уже известен один случай его применения на надписи, высеченной князем Лю Ан в память своего отца Лю Чан. Одновременно Ван Чжун-шу сообщил, что, как сейчас выяснено, известное письмо Ли Лина, в котором он, как Овидий, жалуется на свое изгнание и рассказывает о жизни в юрте, является позднейшим литературным вымыслом II в. н. э.

¹⁰ Хранятся в Историческом музее в Пекине, в Шэнсийском музее и в собрании Археологического института в Сиани.

¹¹ Хранятся в музее «Гуан-лин» в Лояне.

¹² Хранятся в Собрании Археологической станции в Лояне.

¹³ Хранятся в Историческом музее в Пекине.

¹⁴ Хранятся в Ляонинском музее в Шэньяне.

Западной Хань и употреблялось при Ван Мане. Отсутствие выпуклины говорит вообще о большей древности и позволяет относить такие диски к началу эпохи Хань¹⁵.

В Историческом музее в Пекине хранятся черепичные диски времени Западной Цинь (265—316 гг.). Один из них происходит из Цинхя и представляет собой прямое продолжение ханьской формы с центральной выпуклиной, делением на четыре сектора и иероглифами в них. Другой найден в Сиани и отличается только тем, что разделен на восемь секторов, в каждом из которых помещен иероглиф. Там же хранятся диски, найденные в развалинах здания времени Северной Вэй (386—535 гг.) в уезде Датун, провинции Шанси. Они украшены уже совершенно по-иному — одиннадцатилепестковой розеткой с покрытой точками выпуклиной в центре, по-видимому имитирующей цветоложе. В этом изображении видят цветок лотоса, ставший особенно популярным украшением в связи с широким распространением буддизма в эпоху Северной Вэй.

Вопрос о том, когда на черепичных дисках появилось украшение в виде рельефной розетки, может быть уточнен благодаря замечательным находкам, сделанным в г. Тиань, который в III—IV вв. являлся центром корейского царства Когурё. В Гиринском музее в Чаньчуне хранится значительное количество дисков, найденных в г. Тиань и относящихся к той эпохе. Из них десять экземпляров, украшенных расположенными вокруг центральной выпуклины всевозможными завитками и фигурами «сегнерова колеса» (рис. 2, 2), явно представляют собой по орнаментации пережиток дисков времени Хань. Затем в коллекции из Тиани имеется десять дисков, украшенных рельефным, исполненным в линейной манере изображением личин рогатого гения с устрашающим оскалом клыков (рис. 2, 1). Большинство дисков обычных размеров — 12—15 см диаметром, но в Ляонинском музее хранится происходящий из той же Тиани очень крупный диск,

Рис. 2. Черепицы из г. Тиань, времени Когурё (III в. н. э.)

¹⁵ По вопросу о времени ханьских черепичных дисков, украшенных изображениями фантастических зверей, существуют два мнения. В Историческом музее в Пекине их относят ко времени У-ди, а в Археологическом институте в Сиани — к правлению Ван Мана.

украшенный оскаленной личиной гения. Он достигает 21 см в диаметре и прозван «королем черепицы»¹⁶. Изучение этих изображений приводит к выводу о их происхождении от гениев-охранителей дверей гробниц ханьского времени. В частности, особенно близок к ним рисунок такого гения-охранителя, помещенный над дверью гробницы № 11 эпохи Хань, открытой к северу от Порт-Артура¹⁷. Таким образом, две рассмотренные серии украшений черепичных дисков из Тиани представляют собой пережиток ханьской орнаментации.

Третья группа дисков из Тиани, в которую входит до 25 экземпляров, отличается совершенно иной орнаментикой. На дисках этой группы помещена розетка, весьма близкая к упомянутой выше шансийской времени Северной Вэй. Это позволяет отодвинуть время возникновения орнаментации черепичных дисков рельефной розеткой в древность, по крайней мере до рубежа III и IV вв. (рис. 2, 3).

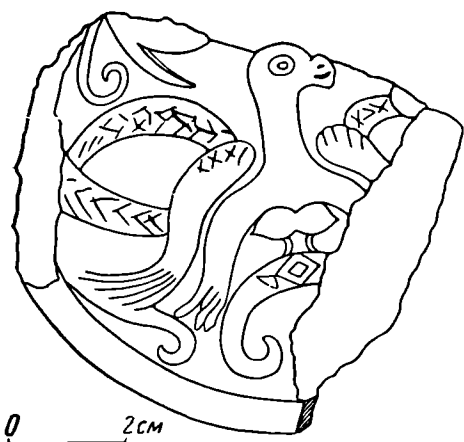

Рис. 3. Черепицы из Чанъани (Сиань).
Эпоха Тан

Новая орнаментация черепичных дисков розеткой стала особенно распространенной в эпоху Тан (618—907 гг.). В Сиани огромное количество таких черепичных дисков найдено при раскопках танского дворца Дамин, построенного в 662 г.¹⁸ При этом некоторые из них совершенно сходны с найденными нами в уйгурской столице IX в. Орду-Балыке на р. Орхон в МНР¹⁹.

Уже отмечалось широкое распространение танских черепичных дисков, украшенных розеткой²⁰. К прежнему можно прибавить находку таких дисков на юге, в Юннани, на территории княжества IX в. Нан-Чао и на севере, в Санкине, в провинции Хэйлуцзян²¹.

Наряду с розеткой, но гораздо реже встречается на танских черепичных дисках окруженное жемчужником изображение личины гения, отличающееся большей рельефностью, чем тианьские²². Уникальным является найденный в танской Сиани обломок диска, украшенного рельефным изображением птицы-женщины, борющейся со змеем (рис. 3)²³.

С танского времени появляются украшения и на концевых вогнутых черепицах. На юге, на территории княжества Нан-Чао (Юннань), найден отливный налест вогнутой черепицы, имеющий серповидную форму и покрытый штампованным орнаментом²⁴. На севере концевые срезы вогну-

¹⁶ Хранится в Ляонинском музее в Шэньяне, инв. № 5384.

¹⁷ *Archaeologia Orientalis*, серия А, т. IV, Токио-Kyoto, 1933, табл. XLV; ср. С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, табл. XLV, 3.

¹⁸ Хранятся в Историческом музее в Пекине, в Институте археологии и в Шэнсийском музее в Сиани. Ср. «Дворец Дамин в столице Чанъань Танской империи». Пекин, 1959, табл. LVIII—LX (на кит. яз.).

¹⁹ Хранятся в Собрании Археологической станции в Лояне. Ср. С. В. Киселев. Из истории китайской черепицы. СА, 1959, № 3, стр. 167, рис. 6.

²⁰ Там же, стр. 165—168.

²¹ Хранятся в Историческом музее в Пекине. В статье 1959 г. я уже упоминал о находке типично танских черепиц при раскопках поминального храма принца Кюль-Тегина на р. Орхон. Об этом теперь см. L. Jisl. Výzkum Külteginova pamatniku v Mongolské Lidové Republice. Archeologické rozhledy, 1960, т. XII, вып. 1, стр. 86—115, рис. 50.

²² Хранятся в собрании Археологической станции в Лояне. Они весьма близки к найденным в городе Дён-Терек в Тувинской АО. Ср. С. В. Киселев. Из истории китайской черепицы, рис. 9, 1.

²³ Хранится в Шэнсийском музее в Сиани.

²⁴ Хранится в Историческом музее в Пекине.

тых черепиц украшались в то же время штампованными ямками, располагавшимися в один или два горизонтальных ряда²⁵. В статье о китайской черепице я писал, что на черепичных дисках танского времени не встречена полива²⁶. Это остается в силе и теперь. Однако из раскопок танского дворца Дамин в Сиани происходит обломок украшения конька крыши с изображением дракона, покрытый хорошей темно-зеленой поливой²⁷. Темно-зеленой поливой покрыты и плоскости танских черепиц из Санкина (провинция Хэйлуцзян)²⁸.

Ближайшей аналогией танским черепицам являются черепицы, найденные в развалинах городов царства Бохай (VIII—X вв.). Мне удалось осмотреть большое количество бохайских черепичных дисков, украшенных розеткой, лепестки которой часто как бы раздвоены. Они происходят из раскопок г. Дунцзинчэна на р. Муданцзян в провинции Гиринь²⁹. Большинство из них очень близко к найденным в раскопках танского дворца Дамин в Сиани. Из бохайской столицы Дунцзинчэна происходят и многочисленные концевые вогнутые черепицы, украшенные оттисками круглых штампов и защипами. Следует отметить, что полива желтого и зеленого цветов встречается в Дунцзинчэне, так же как и в Сиани, на драконовых украшениях коньков крыш. Близкую аналогию дунцзинчэнским представляют черепичные диски с розеткой, найденные в развалинах древнего бохайского города Лун Янь Фу в местности Палинчен, в уезде Хунцун, провинции Гиринь³⁰.

Рис. 4. Черепица из г. Бали. Эпоха Цзинь

В Ляонинском музее в Шэньяне хранятся черепичные диски, украшенные личинами, обрамленными жемчужником, особенно близкие найденным Л. Р. Кызласовым в киданьском городе Дён-Терек в Тувинской АО. Они найдены в местности Линдун во Внутренней Монголии и происходят из одного из трех мавзолеев «Ло Тай цзу» киданьских правителей XI—XII вв. Однако один из дисков Линдуна отличается от дён-терекских наличием зеленой поливы³¹.

В Гириньском музее в Чаньчуне хранится большая серия черепичных дисков из развалин городов времени Ляо — Цзинь (XI в.). Большинство из них украшено рельефными личинами, иногда окруженными жемчужником, иногда лишенными его. Некоторые из них, например происходящие из Пянанчен, представляют собой как бы продолжение того типа, который впервые появился в Тиани царства Когурё³². Другие более

²⁵ Хранятся в Историческом музее в Пекине. Найденные в Дён-Тереке см. С. В. Киселев. Из истории китайской черепицы, рис. 10.

²⁶ С. В. Киселев. Из истории китайской черепицы, стр. 169.

²⁷ Хранятся в Историческом музее в Пекине. Ср. «Дворец Дамин в столице Чанъань Танской империи», табл. I.

²⁸ Хранятся в Историческом музее в Пекине.

²⁹ Хранятся в Ляонинском музее в Шэньяне. Ср. Tung-ching-cheng. *Archaeologia Orientalis*, серия А, т. V, Токуо — Киото, 1939.

³⁰ Хранятся в Гириньском музее в Чаньчуне.

³¹ Хранятся в Ляонинском музее в Шэньяне.

³² Ср. рис. 2 в настоящей статье. Аналогичные диски с личинами тианьского типа только что опубликованы в № 2 журнала «Каогу» за 1960 г., стр. 39. Они происходят из раскопок цзиньского города Бали, расположенного в уезде Чжаодун, провинции Хэйлуцзян.

сходны рельефностью лепки личин с западнокиданьскими из Дён-Терека и даже с монгольскими из Каракорума³³. К сожалению, очень нечетко изображение на покрытом поливой диске из гиринского Пайчена. Однако, по-видимому, на нем изображен свернувшийся дракон, весьма сходный с драконами, украшающими поливные черепицы из древнемонгольских дворцов XIII—XIV вв., исследованных в Каракоруме (МНР) и в Кондуе (Читинская область)³⁴.

Цзиньские черепицы XI—XII вв. сосредоточены главным образом в коллекциях Хэйлуцзянского музея в Харбине. Особенно богато ими собрание из хэйлуцзянского Пайчена, где большинство дисков, украшенных личинами, особенно напоминает найденные в Дён-Тереке. Также близки к дён-терекским и вогнутые черепицы, украшенные по обрезу штампованными и волнистыми узорами³⁵. Из их числа выделяется одна вогнутая черепица, красиво орнаментированная гирляндой цветов, напоминающая найденную в кондуйском дворце³⁶. Особо следует отметить один черепичный диск из хэйлуцзянского Пайчена. Он обращает на себя внимание крайним схематизмом изображения личины, напоминающей схемы, украшающие чжурчженскую черепицу с Николаевского городища Приморского Края³⁷.

В цзиньское время черепичные диски украшались иногда и цветами. Прекрасные образцы этого типа, орнаментированные веткой цветов, найдены на городище Бали, в уезде Чжаодун, провинции Хэйлуцзян (рис. 4)³⁸.

Таков краткий обзор собранных данных по истории китайской черепицы. Он еще раз убеждает в большой важности этого материала и требует от нас самого внимательного изучения. Вместе с тем он показывает, что история китайской черепицы и ее орнаментации была очень сложной. Многие формы и мотивы украшений известное время сосуществовали, и далеко не всегда ту или иную эпоху может представить какой-то один тип. Поэтому необходимо изучать черепицу и ее орнаментацию не только в «больших сериях». Необходимо выделять в них более дробные отделы, отражающие тот сложный путь развития, который проделало в искусных руках китайских керамистов художественно прекрасное черепичное ремесло.

³³ С. В. Киселев. Из истории китайской черепицы, рис. 9 и 11.

³⁴ Там же, табл. 1, 2.

³⁵ Там же, рис. 10.

³⁶ Там же, рис. 13.

³⁷ Там же, рис. 8, 2.

³⁸ Ср. Доклад о раскопках города Бали. «Каогу», 1960, № 2, стр. 36—40. Уже во время печатания этой статьи в журнале «Каогу» за 1960 г., № 5, была опубликована статья Ма-Дэ-чжи «Обследование развалин дома Аньси вана юаньского времени на территории Сиань» (стр. 20—23). В нем найдены покрытые поливой диски и отливы с изображением драконов, лапы хищных птиц и другие украшения черепиц, совершенно аналогичные найденным при раскопках дворца Угедя в Каракоруме XIII в. и монгольского дворца в Кондуе (Читинская область) XIV в. (ср. С. В. Киселев. Из истории... табл. I, 1, 2 и рис. 12, б).

В. А. ПАДИН

РАННЕСЛАВЯНСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ И МОГИЛЬНИК В РАЙОНЕ ТРУБЧЕВСКА

Археологической экспедицией Трубчевского музея в 1956 г. был открыт интересный могильник, расположенный на пологом склоне правого коренного берега Десны у Крахмального завода, в 7 км от г. Трубчевска. Здесь на поверхности поля были замечены пятна измельченного угля, золы и кальцинированных костей. При раскопках было вскрыто 18 погребений, большинство из которых в той или иной степени сверху разрушено вспашкой.

Погребальные ямы небольшие, в плане округлые, иногда (погребение № 4) вытянутые с востока на запад. Диаметры ям в среднем — около 50 см, глубина в материке — от 15 до 40 см. Расстояние между погребальными ямами колеблется от 1 до 13 и более метров.

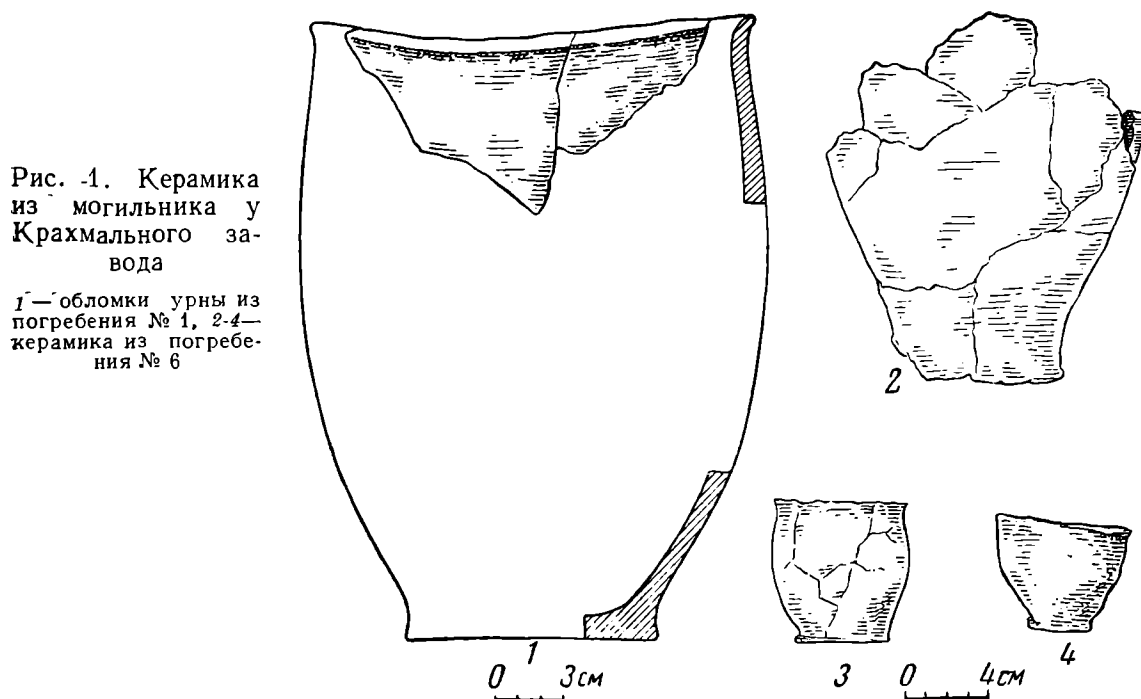

Рис. 1. Керамика из могильника у Крахмального завода

1 — обломки урны из погребения № 1, 2-4 — керамика из погребения № 6

Все ямы заполнены золой, мелким углем и кальцинированными костями. Кострища не прослеживались, что свидетельствует о трупосожжении на стороне. Кальцинированные кости были собраны в урну или сложены на дне ямы (например, погребение № 14). В погребении № 6 была найдена урна, в которой находились маленький горшочек, биконическое пряслице и железное кольцо. Кроме того, рядом с урной стоял еще один небольшой горшочек.

Керамика встречена в восьми погребениях. Это обломки или почти целые лепные сосуды со слабо выраженной шейкой, слегка отогнутым венчиком и узким дном (рис. 1). Цвет сосудов серовато- или желтовато-бурый, в тесте примесь дресвы и охры. Поверхность сосудов шероховатая, иногда со следами вертикального заглаживания. Найденная керамика аналогична посуде из цветунских курганов с трупосожжением¹. По сведениям, любезно предоставленным мне Ю. В. Кухаренко, у Пироговки, близ Новгорода-Северского, были найдены две урны, похожие на урны из погребений №№ 1 и 6.

Предметы из металла были найдены в шести погребениях. Все металлические вещи носят следы огня, некоторые из них совершенно испорче-

¹ Фонды Трубчевского музея (раскопки Л. В. Артишевской).

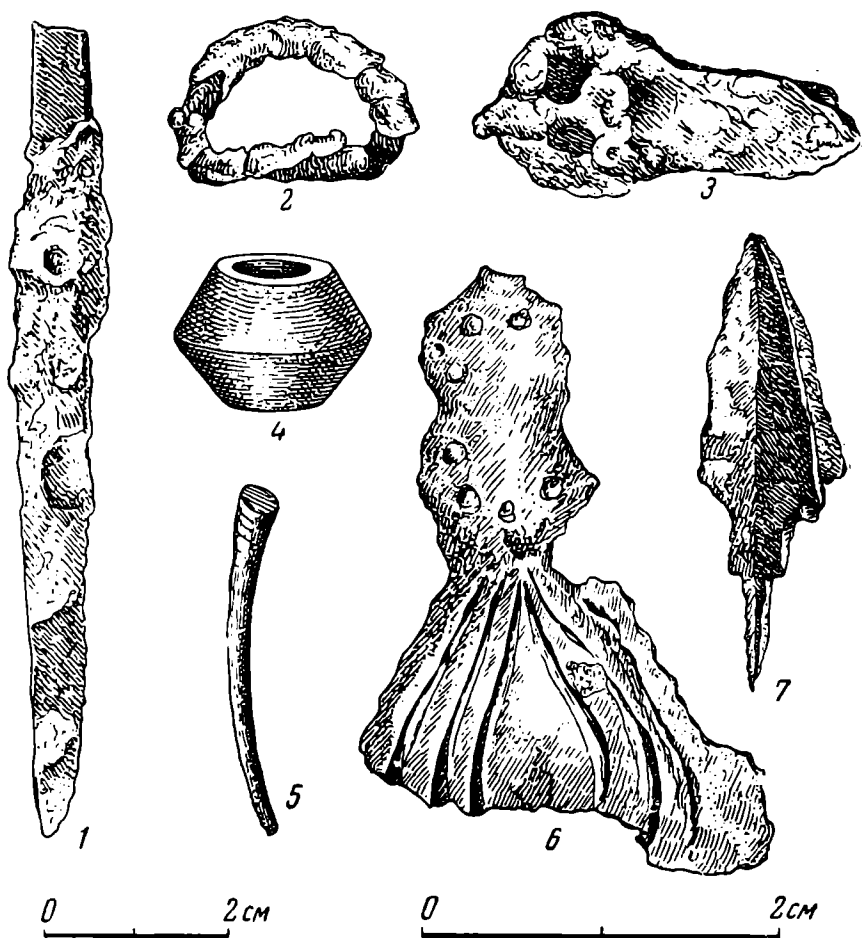

Рис. 2. Предметы из могильника у Крахмального завода (1—6) и с поселения Хохлов Вир

1 — железный нож из погр. № 4; 2 — железный предмет из погр. № 6; 3 — железная пряжка из погр. № 9; 4 — глиняное пряслице из погр. № 6; 5, 6 — части медных браслета и пальчатой фибулы из погр. № 4; 7 — железная стрела

ны. Наиболее интересными являются обломок медного браслета с утолщенным концом (рис. 2, 5), железная пряжка, несколько похожая на изданную А. А. Спицыным пряжку так называемого «готского типа» (рис. 2, 3)², часть медной пальчатой фибулы (рис. 2, 6), железный нож (рис. 2, 1). Время могильника, судя по этим находкам, может быть определено как VI—VII вв. н. э.

В 500 м от могильника вверх по течению р. Десны, на ее противоположном левом берегу, находится поселение Хохлов Вир. Поселение лежит в пойме реки и сильно размывается весенними водами. Подъемный керамический материал с поселения и материал из небольшого шурфа, заложенного на его площади, напоминает керамику могильника у Крахмального завода, но на поселении преобладает лощеная посуда. На поселении найдены железный серп и трехлопастной черешковый наконечник стрелы, принадлежащий к типу, известному из могильника Девинска Ноза Вель, который датируется VII—VIII вв.³ (рис. 2, 7).

Кроме могильника у Крахмального завода и поселения Хохлов Вир, разведками Трубчевского музея обнаружен целый ряд памятников, дающих подобную же керамику и относящихся, по-видимому, к VI—VIII вв. По данным этих разведок можно предположить, что в бассейне Десны в это время существовали открытые поселения, расположенные на пологих

² А. А. Спицын. Предполагаемые литовские курганы VII—IX вв. ЗРАО, т. VIII, вып. 1—2, 1896, стр. 107, рис. 22.

³ J. Eisner. Devinska nova ves. Bratislava, 1952.

склонах коренных берегов рек, на дюнах, останцах или в пойме. Изучение этих памятников позволит значительно сократить лауну, существующую между поселениями раннего железного века и славянскими памятниками конца I тысячелетия н. э.

Б. А. ШРАМКО

НОВЫЕ ДЕТАЛИ УСТРОЙСТВА РАННЕСЛАВЯНСКИХ ЖИЛИЩ

Во время раскопок 1955—1957 гг. на Донецком городище, расположенном на окраине г. Харькова (у ст. Карачевка), выяснилось, что здесь очень хорошо сохранились остатки жилищ и хозяйственные ямы раннеславянского поселения, разрушенного в конце IX — начале X в. Сохранность этих остатков объясняется тем, что вскоре после гибели местного раннеславянского поселения роменской культуры городище было вновь заселено и при этом площадка мыса была выровнена путем засыпки чистой глиной всех ям, в том числе и углублений на месте сгоревших полуземлянок. Поверх этой засыпки образовался культурный слой с остатками X—XIII вв., связанный с существованием на этом месте детинца древнерусского города Донца. Последний упоминается в Ипатьевской летописи под 1185 (6693) г., в связи с рассказом о бегстве из половецкого плена новгород-северского князя Игоря Святославича¹.

Особый интерес представляют вскрытые на городище раннеславянские полуземлянки, которые были расположены на одной прямой линии и образовывали улицу, протянувшуюся вдоль длинной оси городища с северо-запада на юго-восток. Хорошая сохранность даже верхних краев ям полуземлянок дала возможность проследить интересные конструктивные детали, которые при исследовании роменских поселений до этих раскопок не наблюдались. В частности, в трех жилищах были обнаружены остатки оконных проемов, а в одном жилище были ясно видны остатки ступенчатого входа.

Окна в роменском жилище удалось впервые проследить при расчистке полуземлянки «В». Яма полуземлянки имела в плане форму четырехугольника, $4,15 \times 4,05$ м. Нижняя часть ямы (пол жилища) была углублена в материковый суглинок на 1,25 м. В центре полуземлянки пол имел небольшое корытообразное углубление неправильно-овальной формы. Вдоль стен жилища прослеживались остатки обуглившегося дерева от облицовки, сделанной из бревенчатых плах диаметром 0,12—0,15 м. По отдельным лучше сохранившимся остаткам видно, что обращенная внутрь полуземлянки сторона плах была гладко отесана. Восточный угол жилища был частично разрушен: его перерезала зерновая яма № 16 с находками X—XIII вв. В трех других углах и у средней части стенок находились четырехугольные столбовые ямки с остатками дерева, глубиной 0,3—0,4 м. Располагались столбовые ямки не вплотную к стенкам ямы, а отступя от них до 0,15 м. Таким образом, облицовочные плахи были как бы зажаты между вертикальными столбами и стенкой ямы. В заполнении полузем-

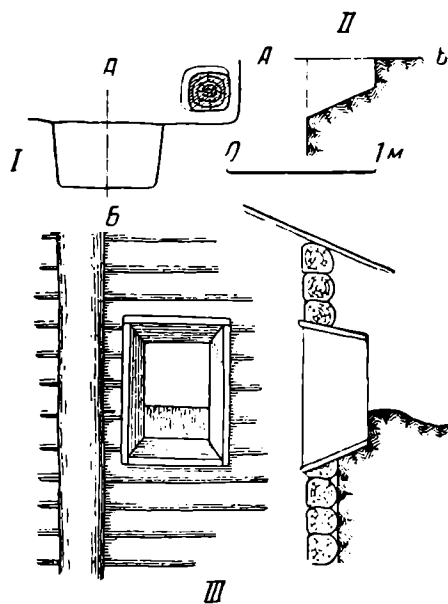

Рис. 1

I — угол полуземлянки «В» с остатком оконного проема (план); II — разрез нижней части оконного проема по линии АБ; III — реконструкция окна в жилище подобного типа

¹ ПСРЛ, т. II, ч. 3, СПб., 1843, стр. 134.

лянки были отмечены куски также обуглившегося дерева от перекрытия, в том числе один лежавший наклонно большой кусок от основной, так называемой «князевой» следи двускатной крыши. В восточном углу жилища находились остатки глиняной печки с укрепленной на своде большой глиняной сковородой.

При расчистке верхней части стенки, прилегающей к южному, противоположному печке углу жилища, был замечен трапециевидный в плане вырез (рис. 1, I). Размеры его в плане $0,65 \times 0,72 \times 0,45$ м. Дно выреза имело наклон в сторону жилища. Таким образом, глубина выреза у стенки жилища равнялась $0,39$ м, а в противоположной стороне — $0,20$ м (рис. 1, II). Стенки выреза очень хорошо прослеживались, так как они были облицованы деревянными досками, от которых сохранились обгоревшие куски и уголь. Кроме того, стенки выреза, так же как пол и стенки полуземлянки, местами были довольно сильно обожжены во время пожара.

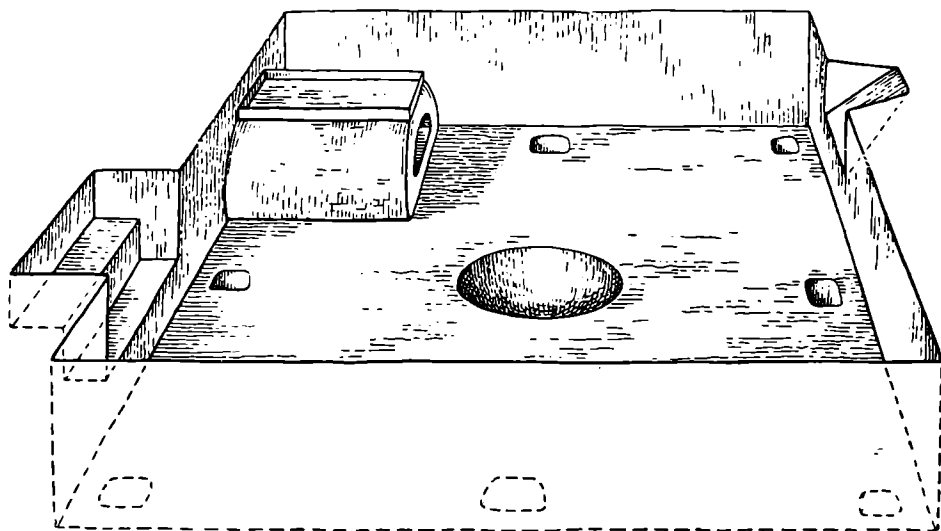

Рис. 2. Общий вид нижней части полуземлянки «Г» на Донецком городище

Расположение и устройство этого выреза показывают, что здесь мы имеем дело с нижней частью оконного проема жилища. Характерно применяемое и в современном домостроительстве расширение оконного проема в сторону жилища, способствовавшее улучшению его освещения.

Правильность этого вывода подтверждается находками аналогичных остатков окон в полуземлянках «Г» и «Д», хотя в последней он был значительно поврежден поздней ямой. В жилище «Г» (рис. 2) оконный проем был расположен в том же месте, также имел трапециевидную в плане форму (размеры: $0,60 \times 0,75 \times 0,45$ м) и был облицован деревом, обгоревшие остатки которого хорошо прослеживались. И здесь подоконник (дно выреза) имел наклон в сторону жилища. Таким образом, невозможно говорить о какой-то случайности в устройстве лишь одного жилища.

В той же полуземлянке «Г», между северным углом и печкой, был обнаружен ступенчатый вход в жилище. Он имел вид двух прямоугольных ступенек, подошвы которых были облицованы деревом. Пол жилища в этой части помещения был расположен на $1,15$ м ниже верхнего горизонта материкового суглинка, а ступеньки имели высоту $0,25$ и $0,35$ м. Ширина входа — $1,12$ м, а ширина ступенек — около $0,4$ м. В других полуземлянках подобные вырезанные в материке входы отсутствовали. По-видимому, их заменяли простые деревянные лестницы, которые несколько уменьшали полезную площадь жилища, но не требовали специальной пристройки в виде сеней или навеса. В данном случае подобная лег-

кая пристройка должна была прикрывать ступенчатый вход на случай дождя.

Находки вещей во всех роменских жилищах на Донецком городище немногочисленны, так как поселок, по-видимому, заблаговременно был покинут жителями. На полу и под остатками сгоревшего перекрытия в жилище «В» найдены фрагменты типичной роменской керамики и несколько мелких костей животных. У северо-западной стены на полу, под обломками опрокинутого и раздавленного роменского горшка, сохранились обуглившиеся остатки стеблей льна вместе с семенными коробочками. Очевидно, в горшке готовился отвар из льна, который и сейчас применяется в народной медицине. В полуземлянке «Г», кроме фрагментов роменской керамики, найдены два обломка жернова, железная пластинка, обломок железной втулки и несколько мелких костей животных. Никаких остатков, не относящихся к роменской культуре, в указанных жилищах не обнаружено.

Раскопки на Донецком городище показывают, что уровень домостроительной техники у местного раннеславянского населения в конце IX — начале X в. был уже довольно высоким, что позволяло строить благоустроенные жилища с хорошими печами, гладкими деревянными стенами и окнами.

Л. А. ГОЛУБЕВА

НАДПИСЬ НА КОРЧАГЕ ИЗ БЕЛООЗЕРА

В 1957 г. при раскопках древнего Белоозера¹ в третьем горизонте культурного слоя городского поселения были найдены два обломка корчаги, на одном из которых сохранились древнерусские буквы, образующие надпись. Работами Белоозерской экспедиции, ведущимися с 1949 г. под руководством автора данной заметки, вскрыта в разных местах значительная площадь города и определена стратиграфия культурных наслоений. Нижней датой поселения является конец IX—X в., верхней — конец XIV в. Третий горизонт культурного слоя («слой с перегнившим деревом») — один из наиболее насыщенных находками и остатками сооружений. На участке, где была найдена надпись² (раскопы IV—XVII), вскрытая раскопками площадь составила около 1900 м². На уровне 4—5-го пластов в этом горизонте культурного слоя была обнаружена часть улицы с мостовой, замощенной в два яруса, протянувшейся от реки в сторону поля на 50 м.

Восточнее мостовой на уровне нижнего яруса ее настила выявлены остатки большой феодальной усадьбы, огороженной частоколом, с выходившими на улицу воротами и калиткой. В глубине замощенного двора располагались в одну линию постройки, от которых сохранились нижние венцы срубов: клеть, жилой дом (4,7 × 5,4 м), крытый хозяйственный двор и амбар (5,4 × 3,4 м). Обломки корчаги найдены в 2 м к югу от юго-восточного угла амбара. В пределах построек обнаружено особенно много стеклянных браслетов и шиферных пряслиц, трапециевидных гребней, бус из прозрачного стекла (желтых, круглых и зонных, синих биконических) и обломки перстней из фиолетового стекла. Там же найдены трехбусинное височное кольцо из серебра с позолотой (местное литое подражание киевским зерненым трехбусинным серьгам) и чашка от весов. Пе-

¹ Руины Белоозера расположены в 2 км от истоков р. Шексны из Белого озера, у с. Каргулино Белоозерского района, Вологодской области. См. Л. А. Голубева. Древнее Белоозеро. КСИИМК, вып. XLI, 1951, стр. 37—40.

² Раскоп VI 1957 г., пласт 4, кв. 7, по описи 1957, № 73.

речисленные находки, а также замочек в виде конька из Волжско-Камской Болгарии, найденный на мостовой, наряду со стратиграфическими данными, позволяют датировать этот горизонт культурного слоя второй половиной XII — началом XIII в.

Обломки амфор-корчаг, в том числе с граффити, неоднократно находили как в этом, так и в нижележащем горизонте культурного слоя, датирующемся первой половиной XII—XI в.

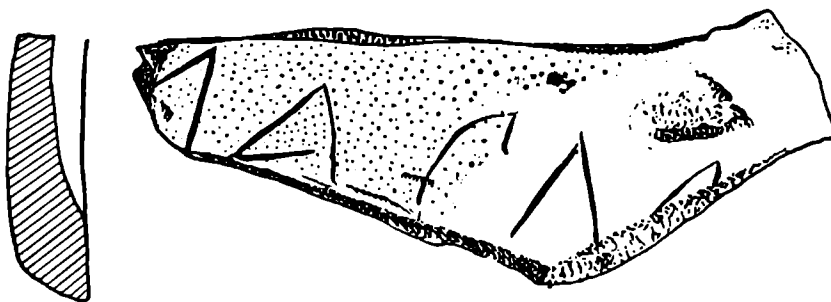

Рис. 1

Публикуемая находка представляет собой часть стенки корчаги. Размер обломка — $10,5 \times 3,5$ см, толщина — 0,9 см. Глина хорошо отмучена и обожжена, цвет желто-розовый, на лицевой стороне — слабые следы крупного рифления. Буквы, процарапанные по обожженной глине, расположены в одну строку. Букв всего пять, первая и пятая сохранились частично, три средние читаются полностью. Буквы крупные, почти одинаковые по высоте и ширине (1,3 см), расположены с интервалом 0,7—1,1 см. Три средние буквы: «АСЛ»³; от первой буквы — «М» — сохранилась лишь правая половина, от последней — «О» — верхняя часть. Все слово в целом восстанавливается как «масло» (рис. 1).

Буквы написаны уставом, геометрически правильны и симметричны. Надпись не содержит характерных для палеографического определения букв. По манере исполнения буквы «А» и «С» близки к буквам новгородских берестяных грамот XII в. По определению М. В. Щепкиной, видевшей надпись в натуре, она может относиться к концу XII в., что, как мы видим, не противоречит и стратиграфическим данным.

Надпись из Белоозера — седьмая из известных в русской археологии древнерусских надписей на корчагах. Четыре из опубликованных надписей содержат упоминание о вине (киевская, старорязанская, пинская, таманская)⁴, одна — о «гороухще» (горчице). Найденная Ф. Д. Гуревич в г. Новогрудке Брестской области надпись на корчаге читается как имя⁵.

Масло, которое, судя по надписи, хранилось в корчаге из Белоозера, вероятно, оливковое; так же как и виноградное вино, оно привозилось на Русь с Юга.

О том, что в домонгольской Руси оливковое масло имело значительное употребление, нам неоднократно сообщают письменные источники⁶. Оно было необходимо при совершении церковных обрядов, для монастырского обихода, употреблялось и в медицинских целях. Применялось оливковое масло и в пищу — в качестве приправы к овощным блюдам.

³ Черточка, пересекающая у основания букву «С» — не штрих, а углубление в глине сосуда, образовавшееся до написания буквы.

⁴ Т. В. Равдина. Надпись на корчаге из Пинска. КСИИМК, вып. 70, 1957, стр. 153.

⁵ Сообщение Ф. Д. Гуревич на секции славяно-русской археологии Пленума Отделения исторических наук и ИИМК АН СССР в апреле 1959 г.

⁶ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. II, М., 1958, стлб. 113—114, Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. СПб., 1910, стр. 184.

Низшие сорта оливкового масла (деревянное масло) использовались для освещения.

При отсутствии прямых указаний письменных источников о вывозе на Русь оливкового масла⁷ надпись на амфоре-корчаге, служившей традиционным видом тары для транспортировки вина и масла еще с античного времени⁸ представляет несомненный интерес. На Руси существовала выделка масла из льняного и конопляного семени, что засвидетельствовано археологическими источниками. Вряд ли, однако, в дорогой привозной таре сохранялось масло местного производства. Находка обломка корчаги с надписью «масло» вблизи хозяйственной постройки богатой усадьбы заставляет предполагать, что в ней было именно оливковое масло. Вероятно, владельцу, у которого могли храниться корчаги как с вином, так и с маслом, важно было различить их, поскольку внешне эти амфоры-корчаги были одинаковы.

⁷ Само название масла — общеславянское «oley» и старославянское «елей» — греческого происхождения и может свидетельствовать о греческом импорте масел. См. Л. Нидерле. Славянские древности. М., 1956, стр. 349.

⁸ Н. А. Онайко. Античный импорт на территории Среднего Приднепровья (VII—V вв. до н. э.). СА, 1960, № 2, стр. 28.

Г. А. ПУГАЧЕНКОВА

АК-АСТАНА-БАБА

В далеких, незаселенных районах Средней Азии порой таятся незаурядные творения древней архитектуры. Одним из таких сооружений оказался мазар Ак-Астана-Баба в Сары-Асийском районе Узбекской ССР, обследованный нами осенью 1959 г.

На обрывистом левом берегу Сурхан-Дарьи, который вздымается почти на 30 м над пойменной равниной реки и земель колхоза им. Калинина, напротив кишлака Халчаян, простирается огромное, функционирующее поныне мусульманское кладбище. Здесь возвышается мавзолей — единственное сооружение в бесконечной гряде окружающих его могильных холмов (рис. 1).

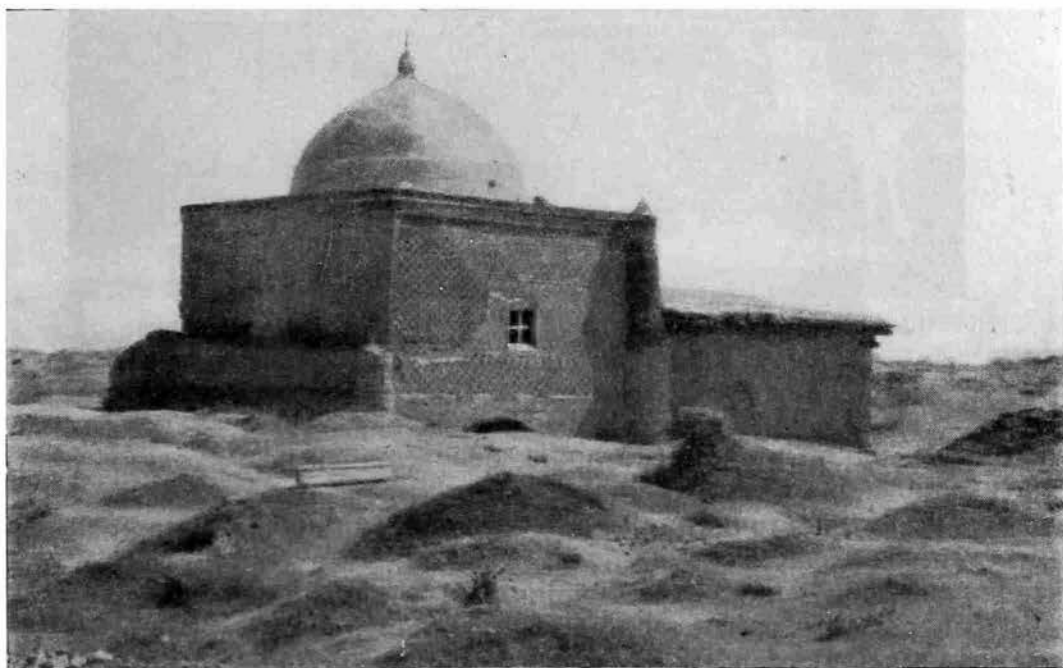

Рис. 1. Мазар Ак-Астана-Баба. Общий вид памятника

Здание почти квадратное в плане: $9 \times 8,7$ м по внешнему обводу и $5,65 \times 5,80$ м — по внутреннему. Оси ориентированы диагонально к странам света.

По своей композиции мавзолей имеет форму куба, увенчанного стрельчатым куполом. Однако позднейшие ремонты и пристройки исказили эту первоначально простую и строгую систему. Отчетливо чувствуется не менее двух значительных реставраций.

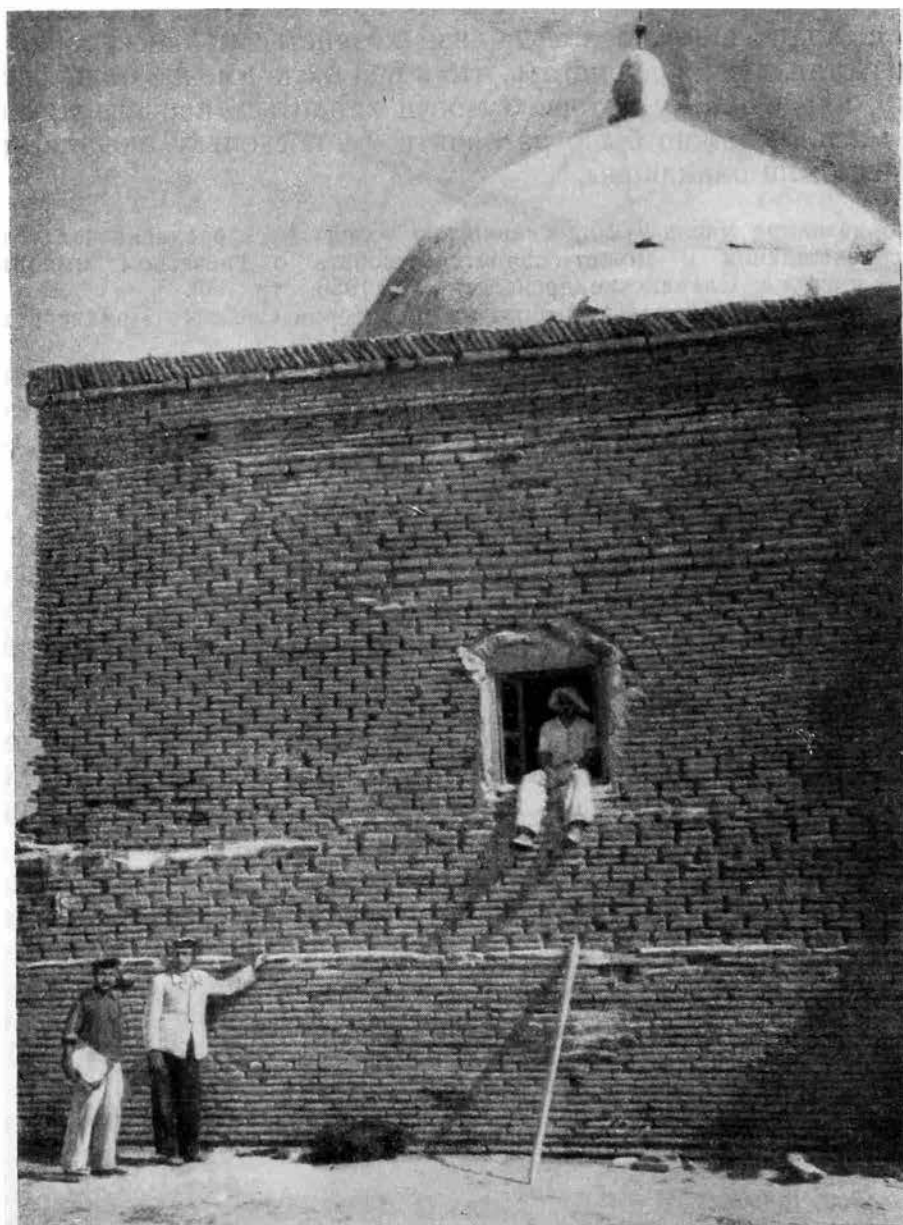

Рис. 2. Древние и ремонтные кладки стен

Во время одной из них (которую, основываясь на находках фрагментов «тимуридской» белой с синим керамики, мы относим к XV в.) была переложена юго-восточная стена, обложены кирпичом нижние участки трех остальных фасадов, на трех углах (кроме восточного) выведены контрфорсные башенки, отреставрированы подкупольные части.

Другой ремонт, по сведениям старожилов, был выполнен лет 70—80 тому назад дедом одного из местных колхозников, известным в свое время строителем Усто Худай-Берды из с. Юрчи, который свел полуразрушенный купол, опечатав на ганче в замке его свою пятерню. Тогда же,

по-видимому, с восточной стороны появилась и входная пристройка грубоватой архитектуры, но с фигурными деревянными колоннами, несущими плоский потолок.

Древнейшая часть мавзолея отчетливо выделяется фигурной кладкой из спаренных кирпичей (размеры кирпича $23 \times 23 \times 3,5$ см), разделенных очень широкими (до 4,5 см) вертикальными швами (рис. 2; рис. 3, III). Кладка — на глиняном растворе, который, однако, не заполняет этих швов, образуя эффектную игру затененных пятен. Цокольный ряд выведен из особого крупноразмерного кирпича (45—50 см по стороне и

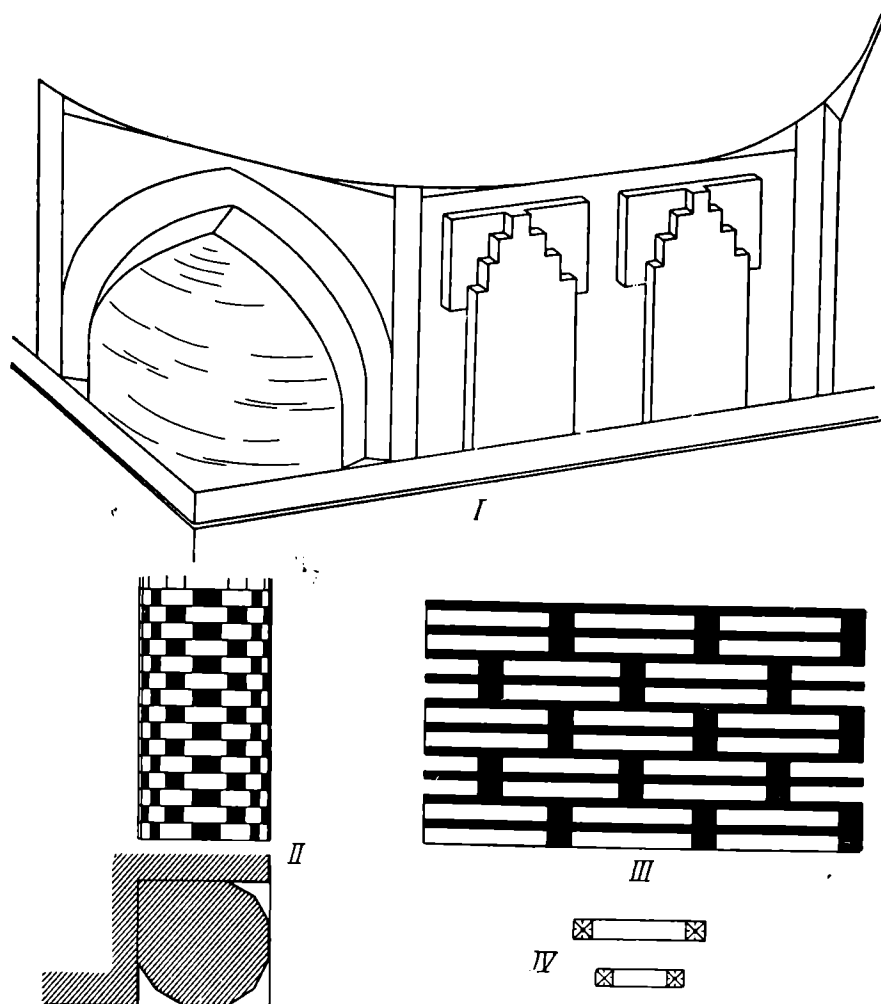

Рис 3

I — схема подкупольной конструкции; II — кладка угловых колонок интерьера; III — древние кладки наружных стен; IV — фигурные кирпичики

6 см толщиной). В ремонтных контрфорсах, сложенных из древнего кирпича, вмазано несколько фигурных кирпичиков, на концах которых вырезаны квадратные X-образные «бантики» (рис. 3, IV).

Первоначальный вход, по-видимому, располагался с северо-восточной стороны: здесь видна заложённая арка, архивольт которой выведен в полтора кирпича, вперемежку. Позднее вход был пробит с юго-востока (рис. 4).

В интерьере на осях стен располагались арочные ниши. Переход к куполу осуществлен посредством восьмигранника тромпов — переброшенных на углах под 45° подпружных арок, пазухи которых выведены кольцевыми рядами, наподобие полукуполов, и настенных участков, оформленных парами уступчато-треугольных арочек в прямоугольных

обрамлениях (рис. 3, II). В углах восьмигранника встроены маскирующие столбики в размер полукирпича. Купол был выведен кольцевыми рядами. Два завершающих ряда кладки стен и первое кольцо купола сложены из того же, что в цоколе, особого крупноразмерного кирпича.

Стены интерьера подвергались перестройкам и ремонтам: поверхности их грубо оштукатурены, ниши частично заложены. Однако в двух нишах сохранились две первоначальные колонки, двенадцатигранные в плане, встроены на $\frac{1}{4}$ в углы. Они выведены из полукирпичиков, вперемежку, с широкими, углубленными швами; поверхности отполированы до блеска прикосновениями многих рук.

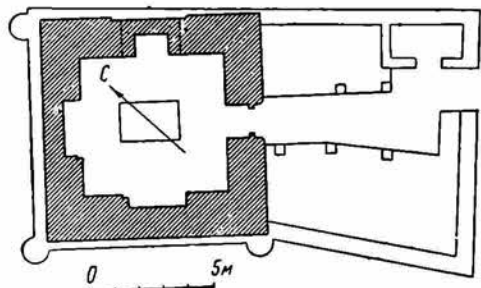

Рис. 4. План мазара Ак-Астана-Баба

Архитектурные особенности позволяют определить дату мавзолея. Фигурные кладки спаренным кирпичом с расшитыми широкими вертикальными швами типичны для построек Средней Азии с конца X—XI в. (мавзолей Мир-Сейид-Бахром в Кермине, Султан-Саадат в Термезе, Ярты-Гумбез близ Серахса и др.). Центрическая композиция

объемов, но не с равнозначными, как в бухарском мавзолее Саманидов (X в.), фасадами, а с особо оформленным входным фасадом свойственна тем же перечисленным памятникам. Характер угловых колонок интерьера находит параллели в мавзолее Саманидов и мавзолее Мир-Сейид-Бахром. Уступчато-треугольные настенные арочки появляются в ряде сырцовых зданий XI в. в районе Мерва. Сочетание крупноразмерных кирпичных плит с мелкоформатным кирпичом основных кладок встречается еще в мавзолее Саманидов, однако появление резных «бантиков» отмечается в среднеазиатской архитектуре не ранее XI в.

Рис. 5. Лёссовые обрывы на левом берегу Сурхан-Дарьи

Таким образом, весь круг аналогий позволяет установить дату мазара Ак-Астана-Баба в пределах конца X — первой половины XI в. Косвенным подтверждением этого является также отсутствие тех усложненно-узорных кладок и разнообразных фигурных резных кирпичиков, которые присущи памятникам конца XI — первой половины XII вв. (ср. мечеть

Талхатан-Баба, мавзолей Мухаммеда-ибн-Зейда, мазары в Саяте и ряд других).

Внутри мавзолея имеется непропорционально крупное, обмазанное ганчем надгробие позднего, по-видимому, происхождения. Имя погребенного здесь лица неизвестно. Само название «Ак-Астана» — «белая палата», «благородное сооружение» — ничего не раскрывает. При опросе местных жителей одни отвечали неведением, другие говорили, будто это кадамджой (т. е. «место следа») Абу-Хурейры, сподвижника пророка Мухаммеда, который, однако, здесь не был погребен.

По-видимому, первоначально здание возводилось именно как памятное сооружение, а не как погребальное. Об этом говорит его ориентация — не по странам света, как положено в мусульманской погребальной обрядности, а под углом 45° к ним. Это направление, по существу, соответствует ориентации среднеазиатских мечетей, и возможно, что юго-западная ниша здания, расположенная против первоначального входа, служила именно михрабом.

Вокруг мазара раскинулось обширное кладбище, на котором местами обнажились крупные древние склепы-саганы, в настоящее время почти вросшие в землю. Саганы эти имеют перекрытие стрельчатым сводом, сложенным либо из жженого кирпича, либо, по преимуществу, из сырца. Один из таких сырцовых сводов преобразован в чилля-хану — подземную комнату для 40-дневного поста; по начертанию кривой и по стандарту сырцового кирпича ($30 \times 30 \times 6$ см) он аналогичен перекрытиям термезского Кырк-Кыза (IX—X вв.).

Мазар Ак-Астана-Баба является не единственным археологическим объектом на данном участке. В 3 км южнее кладбища во время обвала подмытого рекой массива крутого берега обнажилась какая-то старая постройка; часть кладки из средневекового жженого кирпича ($23 \times 23 \times 4,5$ см) на ганчевом растворе, ганчевая штукатурка стен и водопроводные кобуры, уходящие в землю. Над руинами этого сооружения в течение веков была намыта почти трехметровая толща лёссовых отложений (рис. 5). По-видимому, район был освоен в X—XII вв. (по Макдиси, в области средневекового Чаганиана было до 16 000 селений), но после монгольского завоевания в XIII в. заброшен на многие века.

Мазар Ак-Астана-Баба должен по праву войти в список памятников, находящихся под государственной охраной, как одно из немногих дошедших до нас архитектурных сооружений Средней Азии рубежа X—XI вв. Он принадлежит к категории построек того особого «кирпичного стиля», который получил широкое развитие в X—XII вв. на всем Среднем Востоке, но преимущественно — на территории теджено-мургабских и приамударьинских земель. Стиль этот характеризуется необычайно виртуозным использованием художественных качеств фактуры обожженного кирпича, применением фигурных выкладок и штучных изразцов, богатой орнаментальной тканью облекающих архитектурные поверхности.

Б. П. ПОЛЕВОЙ

О МЕСТОНАХОЖДЕНИИ АЧАНСКОГО ГОРОДКА

Прошло более ста лет с тех пор как исследователи, плававшие по Амуру, начали разыскивать Ачанское городище, остатки знаменитого Ачанского острожка, в котором в 1651—1652 гг. зимовали участники похода Ярофея Хабарова¹. Поскольку известно, что амурские казаки обороняли этот острожек сперва от нападавших на него «дючеров» (начало октября 1651 г.), а затем от маньчжуров — «богдойцев» (конец марта 1652 г.), то, естественно, исследователи считали, что на месте Ачанского городища должны существовать следы военных русских укреплений середины XVII в.

Видный исследователь Амура Р. К. Маак еще сто лет тому назад высказывал предположение, что Ачанский острожек был сооружен на правом берегу Амура, выше устья Уссури, вблизи нанайской деревни Нюнгя².

В 1946 г. хабаровский историк Н. И. Рябов во время поездки по Амуру обнаружил на мысе Джари следы каких-то старинных военных укреплений³. Этого было достаточно для того, чтобы в его статье появился следующий абзац: «Сейчас установлено, что место, где построен был городок — мыс Джари — в трех километрах выше села Троицкого Нанайского района. Скалистый выступ, господствующий над просторами Амура, открывает широкую перспективу. Это и привлекло Хабарова»⁴. Столь безапелляционное заявление произвело впечатление на некоторых историков. Поэтому до 1956 г. в дальневосточной литературе уже без оговорок утверждалось, что Ачанский городок Я. П. Хабарова был будто бы поставлен «на правом берегу Амура на мысе Джаори»⁵.

В сентябре 1956 г. во Владивостоке на объединенной сессии отделения исторических наук и Дальневосточного филиала Академии наук СССР этнограф Б. О. Долгих высказал еще одно суждение о местоположении Ачанского улуса. Он решил, что амурские казаки называли в середине XVII в. Ачанским улусом нанайское селение Ачма, расположенное значительно выше мыса Джай, на полпути к Хабаровску⁶. Б. О. Долгих сделал

¹ В подавляющем большинстве документов XVII в. Хабаров именуется не Ерофеем, а Ярофеем, т. е. так, как он сам себя называл. Поэтому мы, вслед за покойным историком С. В. Бахрушиным, считаем более правильным называть Хабарова Ярофеем.

² В своем дневнике Р. Маак писал: «...Мы поравнялись с тем местом, где береговой скат образует скалистый выступ, известный у местных жителей под именем Кырма, и проводник рассказал нам, что в давние времена на этом выступе был выстроен город. Он не мог сообщить нам о нем никаких подробностей и знал только по изустным преданиям, что город этот был выстроен не их племенем, а какими-то пришельцами, которые имели здесь временное пребывание.

Рассказ проводника был для нас так важен и интересен, что мы пожелали проверить его и, остановившись у подножья выступа, пошли осмотреть развалины древнего города.

На вершине выступа мы в самом деле нашли остатки четырехугольного укрепления, которого две стены были обнесены валом и рвами и с одной из них по середине находилось свободное пространство, которое, по-видимому, служило входом в укрепление, внутренность его напоминала Албазинское, но было обширнее, столетние дубы, выросшие во рвах и внутри укрепления, ясно указывали на его древность.

Очень вероятно, что это укрепление есть знаменитый «Ачанский городок», которого географическое положение нам неизвестно, тем более, что самое имя его напоминает нам название Ходзэнгского племени, населяющего эту местность» (Р. Маак. Путешествие на Амур в 1855 г. СПб., 1859, отд. 1, стр. 160).

³ И. Машуков. Ерофей Павлович Хабаров. «Дальний Восток», 1949, № 5, стр. 117.

⁴ Н. Рябов, М. Штейн. Не искажать историю! «Дальний Восток», 1954, № 4, стр. 188.

⁵ Ф. Г. Сафронов. Ерофей Павлович Хабаров. Хабаровск, 1956, стр. 23.

⁶ Б. О. Долгих. Этнический состав и расселение народов Амура в XVII в. по русским источникам. Об. статей по истории Дальнего Востока. Под ред. академика М. Н. Тихомирова. М., 1958, стр. 132.

этот вывод, опираясь на текст недавно выявленной в Москве любопытнейшей амурской ясачной книги 1655 г., в которой большинство нанайских и нивхских селений даны под их местными названиями.

Таким образом, существуют три различные точки зрения относительно местоположения Ачанского городка. Спрашивается: где же в таком случае археологам надлежит искать Ачанское городище?

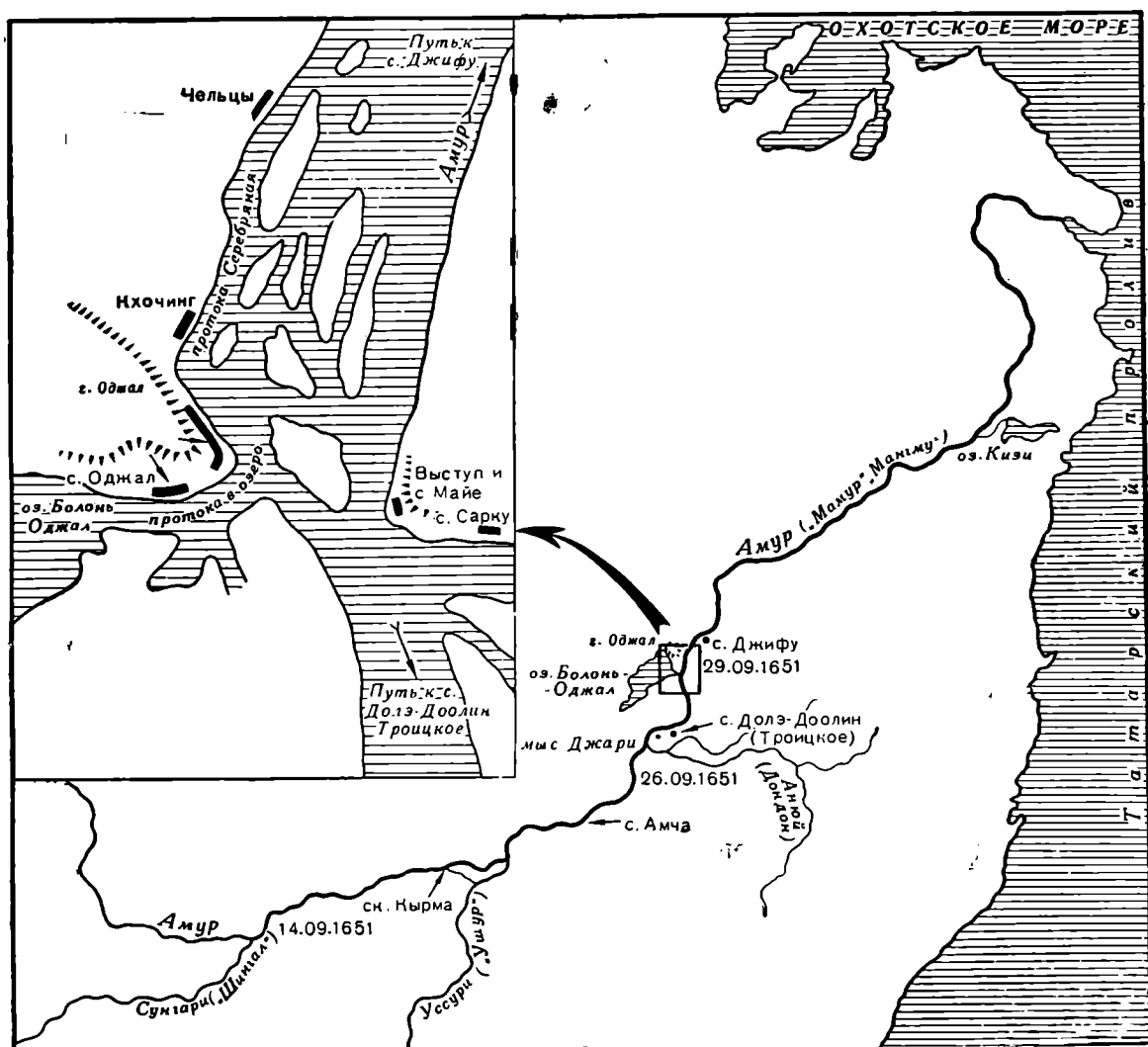

Рис. 1. Район Ачанского городка Я. П. Хабарова на Амуре (1651—1654 гг.)

Стремясь дать ответ на этот вопрос, мы еще раз обратились к различным письменным источникам XVII в., и тут-то неожиданно выяснилось, что ни одно из этих трех суждений не может считаться правильным.

В самом деле, Р. К. Маак и Н. И. Рябов полагали, что Ачанский острожек находился на правом берегу Амура. Между тем в общеизвестной отписке Я. П. Хабарова от 8 августа 1652 г. вполне ясно говорится: «И сентября в 29 день наплыли улус на левой стороне (рязрядка моя. — Б. П.), улус велик и яз, приказной Ярофейко, и служилые и вольные казаки посоветовали и в том улусе усуетовали зимовать и тут город поставили...»⁷.

⁷ Дополнения к «Актам историческим», т. III, СПб., 1848, стр. 364. На эту ошибку Р. К. Маака указывал еще академик Л. И. Шренк в своем труде «Об инородцах Амурского края» (СПб., 1883, т. I, стр. 147).

Трудно отнести это сообщение и к селению Амча, расположенному на острове. Во всех известных нам документах XVII в. об Ачанском городке нет никаких упоминаний о том, что он был построен на острове.

Теперь обратим внимание на то, в каком контексте упоминается «Ачанский улус» в ясачной книге 1655 г. Оказывается, в ней «Ачанский улус» встречается только один раз. В книге отмечено, что 30 августа 1655 г. — всего лишь за один день — русские смогли собрать ясак со следующих последовательно записанных «дючерских» (нанайских) селений: «Долинскова», «Шаргунскова», «Мая», «Ачанскова», «Чюланскова», «Дифунскова» и др.⁸ В этих названиях действительно нетрудно узнать следующие нанайские селения: Долэ (у Р. Маака — Доолэ или Доолин⁹, теперь — с. Троицкое), Саргу или Сарку, Майе или Май (оно же с. Малмыж). И после «Ачанскова улуса» — селения Чельцы и Джифу.

Если учесть, что перечисленные селения расположены последовательно сверху вниз по Амуру, то станет вполне вероятным, что Ачанский улус надо искать где-то между селениями Майе (Малмыж) и Чельцы. Если же мы к тому же вспомним, что Ачанский городок был поставлен на левом берегу Амура, то можно будет сделать вывод, что этот улус скорее всего стоял где-то около горы Оджал (рис. 1). Говоря об этой горе, Р. К. Маак отмечал: «Место это находится на левом берегу Амура почти против, несколько наискось выступа Майэ»¹⁰.

На первый взгляд этот вывод может показаться надуманным. Однако другие источники XVII в. также говорят о том, что Ачанский улус стоял около горы Оджал. Так, в одном из давно уже опубликованных, но забытых маньчжурских документов 80-х годов XVII в. имеется следующее сообщение: «В прежнее время, когда лоча поселились в местечке Учжала, основав там деревянный город (укрепление), посланный для познания их нингутский Майрен-Чжангин Хайсе, не имея осадных орудий, сражался там с ними без всякого успеха»¹¹.

Нетрудно понять, что здесь идет речь о русских («лоча»), сражавшихся у Ачанского острожка с присланным из маньчжурского города Нингуты отрядом, во главе которого стоял мейрень-чжангин хя¹² по имени Исе, т. е. тот самый маньчжурский военачальник, которого Я. П. Хабаров в своей отписке называл Исенеем (окончание «ней», вероятно, происходит от нанайского «най» — «человек»). А из этого отрывка видно, что, по мнению маньчжуров, Ачанский городок находился в сел. Учжала. Несомненно, здесь идет речь о селении Оджал, которое фигурирует в трудах Р. К. Маака под названием «Уотзял»¹³.

Далее, исследователи до сих пор не обратили внимание на то, что на знаменитой карте Татарии Н. К. Витсена, датированной 1687 г.¹⁴, а также

⁸ ЦГАДА, Якутская приказная изба, оп. 4, кн. 505, л. 18. Б. О. Долгих правильно расшифровал три из перечисленных нами названий, но он ошибочно прочел «Долинский улус» как «Болинский», а отсюда увидел в этом названии нанайское селение, будто бы расположенное на «оз. Болан»; «Чюланский» же улус он считает селением «Цоляци».

⁹ Р. Маак. Ук. соч., отд. II, стр. 53.

¹⁰ Там же, отд. I, стр. 193.

¹¹ Н. Е. Черных. Разорение Албазина (1685—1689 гг.). По китайским источникам. «Иркутские губернские ведомости», 1857, № 18, Часть неофициальная, стр. 7.

¹² «Мэйрень-чжангин» — должностное звание в маньчжурской восьмизнаменной армии — помощник командира корпуса, или, в буквальном переводе, фланговый начальник: «мэйрень» — фланг, сторона, «чжангин» — начальник. «Хя» — личное звание, присваивавшееся маньчжурским воинам за особые заслуги, подобно тому, как в те же времена русским казакам присваивалось звание «сына боярского».

¹³ Р. Маак. Ук. соч., отд. I, стр. 193.

¹⁴ На этой карте имеется упоминание о деятельности мореплавателя Флемминга в 1688 г. Это давно уже дало исследователям основание сделать вывод, что эта карта на самом деле была составлена позже 1687 г. В дневнике известного голландского ученого Христиана Гюйгенса оказался ряд записей, из которых видно, что Н. К. Витсен

на карте Алларда 1698 г. с левой стороны Амура между устьями «Ушура» (Уссури) и «Хамуна» (Амгуни) изображено крупное озеро. В этом озере нетрудно узнать оз. Болонь-Оджал. Но на картах Витсена и Алларда оно названо «Asanskoje Lacus». Если мы вспомним, что на той же карте Н. К. Витсена русский предлог «через» транскрибирован как «seges», то тогда станет очевидным, что название «Asanskoje Lacus» означает не что иное, как «Ачанское озеро». Это название, несомненно, было заимствовано Н. К. Витсеном из какого-то раннего, не дошедшего до нас русского географического чертежа. Гора Оджал, как известно, находится в непосредственной близости от оз. Болонь-Оджал. Нетрудно понять, что само оз. Болонь-Оджал получило от русских в XVII в. наименование Ачанского, потому что рядом с ним у горы Оджал находился Ачанский городок.

В опубликованных и неопубликованных документах о походе Я. П. Хабарова также имеется ряд данных, подтверждающих этот наш основной вывод. Вот главные из них.

1. Участники похода Я. П. Хабарова указывали, что они избрали Ачанский острожек для зимовки прежде всего потому, что этот район был относительно густо населен. Из показаний казаков нам известно, что в самом Ачанском улусе жил весьма влиятельный «дючерский князец Жакшур» (Заксор). «А тот Жакшур князец над тремя улусами большей, а в тех улусах больше трехсот человек...»¹⁵. Вблизи Ачанского улуса жил другой дючерский князец — Кеча, родственник Жакшура (Заксора), также с весьма значительным числом «улусных людей»¹⁶. Нам же точно известно, что в сравнении с другими районами Амура ниже устья Уссури район горы Оджал и в середине XIX в. имел относительно большое население.

2. Нам достоверно известно, что участники похода Хабарова совершали свое плавание по Амуру в весьма крупных дощаниках, построенных в Албазине зимой 1650—1651 гг. В каждом таком дощанике плыли 40—50 участников похода с весьма значительным грузом. У них имелись большие запасы продовольствия, пушки и пушечные ядра, пищали и свинец, различный «уклад» — топоры, косы, серпы, котлы и, наконец, всякого рода добро, взятое у амурского населения. Все это не оставляет ни малейших сомнений в том, что у Хабарова были настолько крупные дощаники, что на период зимовки их пришлось оставить на воде¹⁷. В этом отношении район горы Оджал был особенно удобен: эти суда можно было оставить на зимовку в протоке, соединяющей Амур с оз. Болонь — здесь им не был опасен амурский ледоход.

3. Не исключена возможность, что еще одна причина побудила Хабарова обратить особое внимание на район горы Оджал. Дело в том, что у жителей Амура эта гора также называется «Мунгу-Хонгко» — «Серебряная Гора»¹⁸. Такое название она получила у местного населения по обилию в ней мышьякового колчедана, который принимался местными жителями за серебро. Нам же достоверно известно, что еще задолго до похода Хабарова до русских дошли сообщения местных жителей о суще-

закончил составление своей карты Татарию в конце 1689 г. Из печати же она вышла лишь в самом начале 1691 г. Именно тогда первые экземпляры этой исторической карты были отправлены из Голландии в Англию и Россию.

¹⁵ ЦГАДА, Сибирский приказ, ст. 460, л. 8.

¹⁶ Там же, л. 9.

¹⁷ В мае 1652 г., после возвращения на Амур Т. Е. Чечигина, вместе с новым пополнением в отряде Ярофея Хабарова число участников похода дошло до 338 человек. (Архив Академии наук, ф. 21, оп. 4, кн. 30, л. 274). Все эти люди размещались всего лишь на шести больших дощаниках. Казаки Филипп Самсонов и Сергей Андреев, прибывшие от Хабарова в декабре 1652 г., в распросе в якутской воеводской избе сообщили, что для плавания по Амуру необходимо делать «суды большие дощенники, чтобы подняли дощенники по сороку и по пятидесяти человек» (ЦГАДА, Сибирский приказ, ст. 427, л. 469). Именно такие дощаники и были у Хабарова, когда он зимовал в Ачанском.

¹⁸ Об этом подробно см. Р. Маак. Ук. соч., отд. I, стр. 191—193; отд. II, стр. 54.

ствовании на Амуре какой-то таинственной серебряной горы. Я. Хабаров, как и некоторые другие русские землепроходцы середины XVII в., имел задание разыскать на Амуре эту легендарную серебряную гору. В верховьях Амура Хабаров и его спутники никакой серебряной горы найти не могли. А поэтому создается впечатление, что Я. П. Хабаров отправился к горе Оджал отчасти для того, чтобы проверить, нет ли там давно уже интересующей русских серебряной руды.

Таким образом, самые разнообразные данные говорят об одном: Ачанский острожек явно стоял где-то у горы Оджал. Этим именно районом и должны теперь заинтересоваться археологи.

Наше толкование текста ясачной книги 1655 г. дает основание обратить особое внимание, во-первых, на нанайское селение Оджал, во-вторых, на район так называемой «Серебряной протоки» — ниже с. Оджал, до с. Чельцы, в частности на то самое место (см. рис. 1), где, по данным Р. К. Маака, еще в середине XIX в. существовало нанайское селение Кхочинг¹⁹.

Если мы вспомним, что еще в середине XVII в. русские чаще всего называли селения Нижнего Амура их подлинными нанайскими и нивхскими наименованиями, то тогда мы должны будем признать вполне возможным, что одно из этих двух названий — Оджал или Кхочинг — могло превратиться в устах русских казаков XVII в. в «Ачанское».

В пользу первого варианта говорит одна из любопытнейших до сих пор не опубликованных челобитных Я. П. Хабарова 1655 г., в которой сказано: «...Плыл вниз реке с войском, пришел в Отщанской улус и той я улус своими людьми за боем взял, городок поставил...»²⁰. Русские казаки вполне могли принять название Оджал за «Отщан» и затем превратить его в «Ачанское».

В пользу второго варианта говорит то, что название «Кхочинг» без несвойственного русскому языку придыхательного «кх» и носового «нг» произносится как «Очин», что также легко могло превратиться в устах казаков в «Ачанское».

В архиве мы встретили несколько неопубликованных документов середины XVII в., в которых этот улус назван «Очанским»²¹. Такое название, бесспорно, ближе, чем «Ачанское», и к названию «Оджал» и к названию «Кхочинг»²².

Из этих двух вариантов первый является более правдоподобным, во-первых, потому, что маньчжуры считали, что русские жили в «местечке Учжала» (Уотзял-Оджал), во-вторых, потому, что селение Оджал скорее могло быть названо Хабаровым «великим улусом», и, в-третьих, потому, что это селение было наиболее удобным для создания в нем русского поселения. Любопытно отметить, что и в середине XIX в. одно время обсуждался вопрос о создании русского поселка на месте нанайского селения Оджал. Ратуя за это, оберквартирмейстер Будогосский писал в 1858 г.: «При д. Оджал на низком уступе гор левого берега Амура поселение особенно удобно: вблизи огромного озера Оджал (Болонь) с хорошей рыбной ловлею, на окрестных горах почва сухая, лесу и лугов много. По большому здесь населению, вероятно, имеются удобные места»²³.

¹⁹ Р. Маак. Ук. соч., отд. I, стр. 193.

²⁰ ЦГАДА, Сибирский приказ, ст. 344, ч. I, л. 79.

²¹ ЦГАДА, Сибирский приказ, ст. 460, лл. 8—9, 31, 77; ст. 556, л. 103 и др.

²² Само название «Оджал», несомненно, связано с названием нанайского рода «Одзял» — названия, которое нередко передается в литературе в сильно искаженном виде. Даже у такого видного знатока нанайцев, каким был В. К. Арсенев, название Оджал превратилось в «Узала». Именно к этому роду принадлежал главный герой многих книг В. К. Арсеньева — Дерсу Узала. Об этой неточности см. И. А. Лопатин. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские. Зап. Об-ва изучения Амурского края. т. XVII, Владивосток, 1922, стр. 6.

²³ Центральный гос. архив Военно-Морского флота, ф. 909, д. 41, л. 8 об.

И все-таки, учитывая, что маньчжуры вполне могли отнести к местечку Учжала и район «Кхочинг», находящийся в 3—4 км от с. Оджал, археологам на всякий случай надлежит также осмотреть то самое место, где, по данным Р. Маака находилось когда-то нанайское селение Кхочинг.

Несомненно, уже в ближайшем будущем археологи, работая совместно с этнографами, смогут окончательно установить на Амуре, у горы Оджал, точное местоположение давно уже искомого Ачанского городка Я. П. Хабарова.

Ю. М. ЗОЛотов

КАМЕННЫЙ КРЕСТ XVII в. СО ст. ЖИЛЕВО

Недалеко от ст. Жилево Московско-Курско-Донбасской ж. д. недавно был обнаружен интересный памятник старины — каменный крест с надписью.

Памятники такого рода известны давно и были в свое время изучены, описаны и классифицированы в трудах дореволюционных и советских историков¹. Однако некоторые особенности выделяют жилевский крест из числа других. Он принадлежит к группе редких памятников, к тому же совсем почти не описанных. Нашел его рабочий Жилевского химзавода Н. А. Шитиков во время охоты.

Крест стоял в глухом лесу (рис. 1), в 4 км к юго-западу от дер. Ситня-Щелканово, по направлению к р. Лопасне.

Крест вытесан из белого камня (известняка), очень грубо. Высота креста — 0,82 м, толщина стержня — 0,17—0,2 м. От двух поперечин остались лишь небольшие выступы.

Крест был укреплен на оригинальной подставке, которая хорошо сохранилась. Она состоит из двух лежащих рядом белокаменных плит (рис. 2). В середине подставки прорублено сквозное отверстие для креста в виде прямоугольника. Крест сильно обветшал и покрылся мхом. Последнее обстоятельство видимо, и послужило причиной того, что он в последнее время как бы потерялся, пропал, хотя молва о нем продолжала жить.

Урочище, где был найден крест, носит характерное название «Полчиха». Здесь, по преданию происходила когда-то большая битва между русскими и татарами (золотоордынскими или крымскими — неизвестно).

Скорее всего, это — отзвуки знаменитой битвы при Молодях (1571 г.), когда отдельные группы разгромленных войск Девлет-Гирея преследовались в лесах по Лопасне.

Рис. 1. Крест в момент его обнаружения

¹ А. А. Спицын. Заметка о каменных крестах, преимущественно новгородских. ЗОРСА, т. V, вып. 1, 1903; И. А. Шляпкин. Древние русские кресты. СПб. 1906; Н. Н. Воронин. Новые памятники русской эпиграфики XII в. СА, VI, 1940; В. Л. Янин. К вопросу о дате лопастницкого креста. КСИИМК, вып. 68, 1957.

Однако памятник не имеет отношения к этим событиям.

На кресте вырезана шестистрочная надпись (рис. 2 и 3)², которая гласит:

ЛТА 7200/ 2 ГОДУ НАЯ/БРЯ ВЪ/ 9 ДЕ УБИЕН/ РАБЪ БЖИ/ ЗЕ-
НОВ....

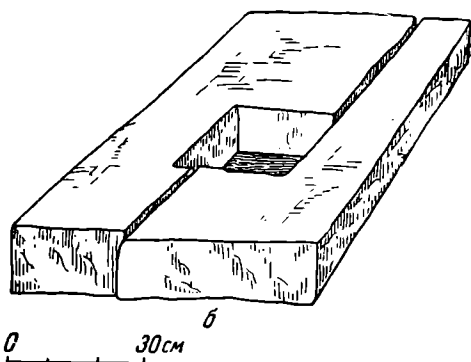
т. е. «Лета 7202 году (1693 г.) ноября в 9 день убиен раб божий Зе-
нов...». Судя по всему, ниже надписи не было.

Видна всего одна лигатура — традиционное сочленение букв «т» и «а» в слове «лета». Имеются четыре надстрочных выноса букв и слогов: «ду»

в слове «году», «б» в слове «ноября», «де» (сокращенное написание слова «день»), а также «би» в слове «убиен» (последнее несколько необычно и объясняется, возможно, неопытностью мастера, неумением правильно разместить количество букв на имеющейся поверхности). Титлов в надписи всего два: одно традиционное — «бжий» (божий), другое не-

а

б

Рис. 2

а — реконструкция памятника с подставкой (белокаменные плиты); б — подставка

ожиданное — вместо обычного «лета» написано «лта». Эта особенность, а также написание слова «Ноября» через «а» объясняется, видимо, только малограмотностью резчика. Буквы вырезаны грубо, разностильно.

Что касается имени, то здесь, очевидно, мы имеем имя «Зеновий» (заметен, хотя и слабо, нижний кружок буквы «в»). Написание этого имени через «е» встречается очень часто в документах XVI—XVII вв.³

По народному преданию, дошедшему до наших дней, на месте, где стоит крест, был убит разбойниками крепостной помещичий конюх. Скромные размеры памятника, небрежно исполненная полуграмотным мастером надпись, грубость обработки камня — все это как будто говорит в пользу упомянутого предания.

Характерно также, что на памятнике обозначено одно имя убитого, нет даже отчества. Видимо, это, действительно, был один из слуг какого-то помещика.

² К сожалению, вскоре после обнаружения памятника он был серьезно попорчен, у него был разбит верх, ввиду чего начало надписи приходится давать в реконструкции по сохранившемуся у меня рисунку.

³ Русская историческая библиотека, т. 22, кн. 2. СПб., 1908, стр. 815; т. 24, кн. 2, 1906, стр. 993; Тр. Моск. отд. Русского военно-историч. об-ва. Росписной список г. Москвы 1638 г. М., 1911, стр. 223, 224.

По народной традиции, шедшей еще от языческих верований, люди, подобные Зиновию, умершие «не своей смертью», относились к категории так называемых «заложных» покойников и лишались погребения на общих кладбищах⁴.

Отношение народа к разным категориям «заложных» было, конечно, неодинаково, но тем не менее сами обстоятельства их смерти, подчас необъяснимые и таинственные, вселяли тогда в людей ужас. Места, где обнаруживался умерший «не своей смертью», считались недобрыми, гиблыми.

Церковь и правительство вели разными способами долгую и упорную борьбу с этими пережитками язычества. Установка крестов в местах обнаружения «заложных» покойников являлась одним из мероприятий этой борьбы, затянувшейся чуть ли не на целое тысячелетие⁵. Такие кресты ставились еще в XIX в.⁶

Кроме описываемого креста, нам известны еще только три креста подобного типа.

Один из них стоял около г. Шуи, близ дороги на с. Палех. Надпись на нем гласила: «Лета 7132 (1624 г.) октомврия 19 дня на память святаго пророка Иоиля убиен бысть раб Божий Григорий Иванов сын Груздев»⁷. Согласно народному преданию, Груздев был богатый купец, гость, убитый разбойниками⁸.

Второй крест хранится сейчас в музее-усадьбе «Коломенское» под Москвой. Его передал туда М. Н. Тихомиров⁹. Крест этот, относящийся тоже к концу XVII в., был найден на севере Московской области и поставлен также на месте убиения «от разбойников» одного московского дворянина, стряпчего Пустошкина. Оба эти креста, как и описываемый, белокаменные.

Наконец, третий крест был поставлен на окраине г. Старицы, на месте, где, по преданию, скончался, упав с воза, крестьянин из ближней деревни. Надпись сообщает: «1756 года генваря 26 дня на сем месте Иван затупился с воза дров Старицкого купца Петра Опонешникова сын Васильев идущим сим путем просим помянуть»¹⁰. Данная надпись особенно интересна тем, что яснее всех предыдущих раскрывает характер этих своеобразных памятников.

Рис. 3. Крест в теперешнем состоянии (верхняя часть с обозначением даты отбита)

⁴ Д. К. Зеленин. Очерки русской мифологии, вып. 1. Птр., 1916.

⁵ Там же, стр. 166.

⁶ И. Малишевский. О придорожных крестах. Киев, 1865, стр. 57.

⁷ «Владимирские губернские ведомости», 1846, № 34, часть неофициальная, стр. 158.

⁸ Там же.

⁹ Пользуясь случаем, благодарю академика М. Н. Тихомирова за предоставленную возможность использовать необходимые данные по этому памятнику.

¹⁰ И. П. Крылов. Старица и ее достопримечательности. Старица, 1903, стр. 43.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ИЗ ЛИТЕРАТУРЫ ПО АРХЕОЛОГИИ МАЛОЙ АЗИИ

Интерес к археологическим объектам Малой Азии чрезвычайно возрос после прочтения клинописных текстов, найденных преимущественно в Богазкёе и написанных на языке древних хеттов. Происхождение этого народа является в достаточной степени загадочным; выяснилось, что хетты представляют собой сложный культурно-этнический конгломерат, ставший доступным для понимания и изучения после прочтения языка назили (наименование это произошло, по-видимому, от древнеанатолийского города Неши в Каппадокии — Ниссы античного времени) лишь в незначительной части. В особенности вызывали интерес хеттские иероглифические надписи, чтение которых по сей день, после открытия знаменитой билингвы (с хеттским иероглифическим и арамейским текстами) царя Азитаваанда на Кара-Тепе в Киликии, не является в достаточной мере удовлетворительным. Из хеттских и аккадских текстов Богазкёя и Тель-Амарны получили известность некоторые имена древнеанатолийских народностей, ставших носителями хеттской культуры и подчинившихся хеттской государственности: хатти, лувии, хурриты, палаи. В период между двумя мировыми войнами, а отчасти и в самые последние годы был открыт и обследован целый ряд древнеанатолийских археологических памятников эпохи бронзы и раннего железа, имеющих отношение к культуре названных народностей, а также и других, находившихся на периферии хеттского мира, чьи имена сделались известны из тех же самых источников.

Положение древней Анатолии между месопотамским и эгейским культурными очагами определило в значительной степени ее собственное культурное развитие. Однако она была не только восприимчивой и передатчицей перекрестных влияний, но и сама вырабатывала определенные культурные формы, обнаруживаемые иногда довольно далеко за ее пределами как на Западе, так и на Востоке. Возникающие в связи с этими историческими обстоятельствами проблемы породили большую литературу и определили направление археологических исследований. В частности, они привели к необходимости переисследования некоторых наиболее важных археологических объектов, как Троя, Богазкёй, Сакчегёзу и др., изучавшихся устаревшими методами и без достаточного интереса к проблемам, оказавшимся в центре внимания современной науки.

Вопросы, связанные с начальными периодами человеческой жизни в Малой Азии, еще долго, вероятно, останутся без сколько-нибудь удовлетворительного ответа ввиду недостаточной обследованности Турции в археологическом отношении. Несомненно, лишь отсутствием систематических поисков объясняется тот факт, что палеолитические находки (большей частью случайного характера) сосредоточиваются пока преимущественно в двух районах, наиболее изученных археологически: на центральном плато (Джубук, Бараджи, Эргази), главным образом вокруг Анкары и на Верхнем Евфрате (Пирун, Адияман) близ границы Сирии. При этом до самого недавнего времени не было обнаружено каких-либо последовательных залегающих, на основании которых могла бы быть изучена палеолитическая стратиграфия. Лишь впервые в пещере Караин близ Анталии (Памфилия), исследовавшейся с 1946 г., прослежена стратиграфия начиная с ашельской эпохи и вплоть до ориньяка. В 1949 г. в этой пещере был найден зуб ребенка неандерталоида¹. Исследователи² отмечают долговременные переживания мустьерских форм в анатолийском палеолите, обусловившие отсутствие выраженных верхнепалеолитических культур типа солютре и мадлен³. Это наблюдается и в неко-

¹ J. K. Kökten. Ein Allgemeiner Überblick über die Prähistorischen Forschungen in Karain-Höhle bei Antalya. ТТКВ, т. XIX, 1955, стр. 284. Автор отмечает наличие в пещере остатков неолитического, а также и еще более позднего времени.

² M. J. Mellink. Archaeology in Asia Minor. AJA, т. 60, 1956, № 4, стр. 369; см. также *Orientalia*, т. 25, 1956, стр. 89.

³ M. Pfannenstiel. Die Altsteinzeitliche Kulturen Anatoliens. Leipzig, 1941, стр. 37 сл.; ср. K. Bittel. Grundzüge der Vor- und Frühgeschichte Kleinasiens. Tübingen. 1950, стр. 13 сл.

торых других местах Средиземноморья, в частности в Италии, где каспийские формы каменной индустрии дают себя чувствовать вплоть до эпохи металла.

Как и в Италии, и на Балканах, в Малой Азии трудно выделить чисто неолитические культуры: в тех немногих пунктах, где раскопаны лишенные металла слои (например, в Мерсине), присутствие расписной керамики на самых ранних горизонтах свидетельствует о влиянии древнейших сирийских и месопотамских культур, уже знакомых с употреблением металла. Следует думать, что дальнейшее изучение древнейших культур Анатолии обнаружит такую же общность их с культурами Месопотамии и Кавказа, которая прослеживается все более отчетливо для культур раннеметаллической эпохи⁴. Впрочем, эта общность характерна для юго-восточной и северо-восточной частей Анатолии. Центральное плато, и в особенности западная часть Анатолии, развивались под влиянием других факторов, особенно заметных в кругу троянской культуры, а именно — эгейско-балканских культурных элементов.

Исследователи выделяют, по крайней мере, четыре самостоятельных в историко-культурном отношении района Анатолии в эпоху бронзы: запад, центральное плато, область к югу от Тавра и восточные области⁵. Однако по мере увеличения материала и более равномерного изучения территории границы этих областей начинают несколько стираться.

Наиболее удаленным к востоку пунктом, содержащим остатки древнеанатолийской культуры, начиная с эпохи, предшествующей введению в употребление металла, является Сакчегёзу, расположенный глубоко внутри страны, у северо-восточного угла залива Искандерон (у соврем. Мараша). Раскопки этого пункта, начавшиеся в 1907 г., были возобновлены после многолетнего перерыва в конце 40-х годов⁶. Стратиграфия Сакчегёзу и состав находок имеют ближайшие аналогии в Мерсине. Древнейшие слои этих поселений содержат простую монохромную, а также и лощеную керамику простейших форм и орудия из кремня и обсидиана. Однако уже в самых нижних слоях чувствуется все усиливающееся влияние культуры Галафа — пункта на Верхнем Евфрате, расположенного недалеко от залива Искандерон, по имени которого назван наиболее ранний период эпохи металла в Месопотамии.

Древнейшие слои, не содержащие прямых признаков металла, особенно мощны в Мерсине, достигая толщины около 10 м, при наличии семи строительных периодов⁷. Остатки древнейших жилищ, имеющих в обоих названных пунктах прямоугольную форму, сложены из необработанного камня и имели небольшую высоту, так что в них можно было, по-видимому, только сидеть, но не стоять. Однако уже на достаточно раннем этапе, и весьма вероятно, под влиянием культуры Галафа, архитектура усложняется: появляется кладка из сырцового кирпича на каменном основании, позволявшая возводить гораздо более высокие мегаронообразные здания⁸.

В это время Мерсин знает уже глиняные очаги подковообразной формы, еще ранее известные в Северной Сирии (Табара-эль-Акрад), которые несколько позднее получили весьма широкое распространение в Анатолии, приобрели культовое значение и стали принадлежностью древнейших святилищ⁹. Первые признаки металла, отмеченные в Мерсине (медные булавки простейших форм), связаны с появлением керамики, близкой по технике и ornamentации к керамике ранних слоев Гассуны и Ниневии. Позднее последний из названных пунктов вступил в весьма тесные отношения с анатолийскими центрами, и его купцам наука обязана письменными свидетельствами об анатолийских делах, восходящими к первым столетиям II тысячелетия до н. э.

На следующем этапе развития, ознаменованном появлением среди находок металлических орудий (плоский медный топор простейшего типа) и некоторых образцов эгейской (минойской) ornamentики в керамике, Мерсин становится укрепленным пунктом. При этом оборонительные сооружения представляют собой как бы гипертрофиро-

⁴ S. Lloyd. *Early Anatolia*. London, 1956, стр. 52 сл.

⁵ K. Bittel. Ук. соч., стр. 16 сл.; ср. H. Th. Bossert. *Altanatolien*. Berlin, 1942, стр. 21.

⁶ J. Waechter, S. Göğüş, V. S. Williams. *The Sakceğözü Cave Site*, 1949. ТТКВ, т. XV, 1951, стр. 193 сл.

⁷ J. Garstang. *Prehistoric Mersin. Jümük Tepe in Southern Turkey*. Oxford, 1953, стр. 14 сл.

⁸ Любопытно отметить, что спор о происхождении и направлении распространения мегаронообразной архитектуры продолжается и поныне. К. Шухгардт в свое время утверждал северное происхождение мегарона. Р. Норт (в рецензии на «Carchemish», т. III, London, 1952, в журн. «Orientalia», № 25, 1956, ч. 2, стр. 171) отмечает наблюдение Гарстанга (J. Garstang. *Studies in Archaic Greek Chronology*. Liverpool Annals of Archaeology and Anthropology, № 21, 1934, стр. 69) о присутствии мегаронообразных зданий в самом раннем (докерамическом) слое Иерихона, такого же точно типа, как и в Димини. Гарстанг считал родиной мегарона Малую Азию, где он действительно получил широкое распространение с эпохи ранней бронзы (J. Garstang. *L'art néolithique à Jéricho*. Syria, т. XVI, 1935, стр. 355). Как бы в противоположность этому, Меллаарт (J. Mellart. *The End of the Early Bronze Age in Anatolia and the Aegean*. AJA, т. 62, 1958, № 1, стр. 9 сл.) отмечает культурную экспансию балканских элементов с запада Анатолии на восток, в том числе и мегаронообразной архитектуры.

⁹ W. Lamb. *Some Early Anatolian Shrines*. ASt, т. VI, 1956, стр. 87 сл.

ванную заднюю стену жилых помещений, вытянувшихся в один длинный ряд. По мнению Дж. Гарстанга¹⁰, это превращение открытого поселения в крепость, свидетельствующее об определенных социальных сдвигах внутри Мерсина и соответствующих изменениях политического характера вне его, произошло во времена, близкие к началу династического периода, т. е. возникновения государственности в Месопотамии.

Период этот отмечается в Мерсине появлением керамики с черной облицовкой и белой орнаментацией, знаменующей собой проникновение к югу культурных явлений, характерных более для центральноанатолийского плато (Фрактин, Караоглан) и для Западной Анатолии: Гачилар, Кузура, Троя, Терми на о. Лесбосе¹¹. Эта керамика, характерная для ранних слоев названных пунктов, роднит древнеанатолийскую культуру с культурами середины III тысячелетия в Эгейском бассейне и на Балканах. Она выступает в качестве одного из признаков первоначальной культурной общности восточных и западных берегов Эгейского бассейна, представление о которой сохранила древнегреческая традиция и для которой у Фукидида (I, 8) имеются археологические подтверждения.

К этому же примерно времени относится и еще одно культурное явление, прослеживающееся преимущественно по керамике чернолощеной (небольшие горшки и кувшины) с рельефной или процарапанной орнаментацией на тулове, главным образом в виде спиралей. Подобная керамика широко распространена от Закавказья до Палестины. В Палестине она известна под названием керамики Кирбет-Керака¹² и датируется периодом ранней бронзы. Распространена она также и в Северной Сирии, где в больших количествах ее обнаружили при раскопках Табара-эль-Акрада — холма близ Алалаха (Тель-Атхана). Стратиграфически керамика типа Кирбет-Керака залегает в Табара-эль-Акраде над слоями (VII—V), характеризующимися влияниями культуры Обеида и Урука, т. е. месопотамскими культурными явлениями рубежа династического периода¹³. Керамика типа Кирбет-Керака появляется в Сирии и в долине Амука несколько раньше, чем в Палестине. Ганфман¹⁴ относит ее в Сирии к средней поре эпохи ранней бронзы, в Палестине же к поздней поре той же эпохи.

Далее к северу такой же керамикой характеризуется культура восточноанатолийского Кячаза, близ Эзерума, где на развитой ее стадии, относимой к ранней бронзе¹⁵, она сопоставляется так же с керамикой, найденной в 1948 г. на Геой-Тепе близ о. Урмии¹⁶ в иранском Азербайджане, залегающей выше горизонтов, обнаруживающих на себе влияние месопотамской культуры Обеида. К тому же керамика вышележащего слоя имеет некоторые признаки сходства с западноанатолийской и эгейской керамикой эпохи ранней Трои¹⁷.

Исследователи, работавшие над этим материалом¹⁸, связывают керамику Кирбет-Керака с закавказской, распространенной в Армении (Шенгавит близ Еревана¹⁹ и др.) и Грузии (Триалети)²⁰. Они склонны выводить ее именно с Кавказа, а проникновение ее в Сирию приписывают экспансии кавказских и североиранских этнических элементов²¹. Как бы то ни было, приходится констатировать, что граница распространения керамики Караза и Табара-эль-Акрада к югу примерно соответствует границе проникновения в Сирию киммерийско-скифских кочевников в VII в. до н. э., а еще до этого — проникновению туда же хеттов и филистимлян.

На северо-западе Анатолии практически до сих пор не известны пункты, содержащие археологический материал более древний, чем Троя и Иортан. Хотя зондажные исследования, производившиеся на Кум-Тепе близ Трои и на Фикир-Тепе близ Истанбула, в Смирне, в Гёйючек близ Ларисы на Герме, на Бозкёй-Гёйючек около Куми и в Байракли близ Измира²², материал которых не опубликован, свидетельствуют как будто бы о наличии в Западной Анатолии памятников троянской культуры более древних, чем сама

¹⁰ J. Garstang. Prehistoric Mersin, стр. 143 сл.

¹¹ Там же, стр. 189.

¹² M. Amigani. Connection between Anatolia and Palestine in the Early Bronze Age. Israel Exploration Journal, 2, 1952, № 2, стр. 89.

¹³ S. Hood. Excavations at Tabara el Akrad, 1948—49. ASt, т. I, 1951, стр. 113 сл.

¹⁴ G. Hanfmann. The Bronze Age in the Near East. A Review Article. AJA, т. 55, 1949, № 4, стр. 350 сл.

¹⁵ J. Mellaart. Ук. соч., стр. 9 сл.

¹⁶ AJA, т. 54, 1950, № 1, стр. 66 сл.

¹⁷ I. Burton Group. Excavations in Asarbeijan, 1948. London, 1951, стр. 47 сл.

¹⁸ L. Wölley. A Forgotten Kingdom. Baltimore, 1953, стр. 31 сл.; W. Lamb. The Culture of Nord-East Anatolia and its Neighbours. ASt, т. IV, 1954, стр. 21 сл.

¹⁹ Е. А. Байбуртян. Культурный очаг из раскопок Шенгавитского поселения. ВДИ, 1939, № 4, стр. 225.

²⁰ Б. А. Куфтин. Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и куро-аракский энеолит. ВГМГ, т. XII-B, 1944, стр. 85 сл.; см. его же. Раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 106 сл.; ср. Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 32 сл.

²¹ Ср. также L. Wölley. Alalakh. Oxford, 1955, стр. 7 сл.

²² M. S. Senuyrek и др. The Test Excavations at Höyücek in the Vicinity of Larisa. ТТКВ, т. XIV, 1950, стр. 496; ср. Orientalia, 25, 1956, стр. 89; E. Akurgal. Fouilles anglo-turque de Bayrakli, 1949—50. Anadolu, т. I, 1951, стр. 65 сл.

Троя²³. Предварительные сообщения, касающиеся раскопок начала 50-х годов на Фиркир-Тепе, настаивают на значительной древности нижних горизонтов этого пункта, где нет ни каменной, ни сырцовокирпичной архитектуры, а имеются лишь примитивные мазанки, с основой из хвороста. При отсутствии каких-либо признаков металла обнаружены обсидиановые и костяные орудия. Керамика довольно разнообразных форм, темно-бурая и серая, иногда с процарапанным орнаментом, имеющая соответствия в Трое I и в керамике Бейюк Гюлючек на центральном плато. Найдено много костей диких животных и рыб, что позволило высказать предположение об охотничье-сезонном характере этого поселения²⁴. Что же касается самой Трои, то несмотря на то, что ее древние горизонты исследованы лишь на весьма незначительной площади (отчасти вследствие необходимости сохранения вышележащих древних остатков), трехкратные раскопки этого самого знаменитого в археологии из всех исследованных древних объектов вообще, судьба которого столь ярко отразила историю археологической науки, определили его уже и на древнейшей стадии как небольшой по площади укрепленный пункт, лежащий на торговых путях, связывающих Западную Анатолию с Фракией и Эгейдой.

Если Г. Шлиману и даже еще В. Дёрпфелду²⁵ культура Трои представлялась теснейшим образом связанной с культурой микенской Греции, то предприятия на протяжении 30-х годов новые раскопки²⁶ подчеркнули, с одной стороны, явно анатолийский характер троянской культуры, с ее комбинированной архитектурой из камня и сырцового кирпича, с ее керамикой, во многом отличной от эгейской, наконец, с ее бесписьменностью; с другой стороны, ее своеобразие и отрыв от ставшей уже тогда после раскопок на Богазкёе, на Алишаре и в Сенджири хорошо известной материальной культуры хеттов. На все это неоднократно указывал Бледжен в своих предварительных публикациях результатов троянских раскопок²⁷. И преимущественно лишь в послевоенные годы были добыты новые или соответствующим образом переосмыслены прежние материалы, представляющие древнетроянскую культуру в ее широких балкано-эгейских и центральноанатолийских связях. В этом смысле особенно полезными оказались сопоставления материала, добытого в Трое, на холме Иортан²⁸ и в могильнике Баба-Кей²⁹, с материалом так называемого «холма Протесиляя (Чанна-Кале)»³⁰, находящегося на европейской стороне Босфора, и из Терми на Лесбосе³¹ — пунктов, которые вполне соответствуют по характеру добытого материала древнейшим слоям Трои, но еще более отчетливы, чем сама Троя, в своей культурной общности с Северными Балканами. Уже довольно давно было обращено внимание на некоторые параллели с ранней Троей в керамике Винчи на Дунае³². Позднее, уже на более обширном сравнительном материале западноанатолийских пунктов, общность эта была прослежена также и в керамическом материале из Кириллова, Микалича и Каранова в Болгарии³³, содержащем такие характерные формы, как высокие двуручные чаши и сосуды с одной ручкой, имеющей цилиндрический отросток кверху или не менее характерную поперечную волнообразную профилировку. Сосуды этих категорий нередко имеют, кроме того, белую орнаментацию, расписную или инкрустированную по черному (матовому или лощеному) фону, которая также весьма широко распространена по берегам Эгейского моря и на его островах (в так называемой культуре Сескло) и указывает на общность еще более широкую, чем та, какая на основании упомянутых выше признаков была недавно установлена для Болгарии и Румынии³⁴.

Несколько позже, уже в эпоху средней бронзы, эта общность прослеживается почти столь же широко по ареалу серой лощеной (иногда — с процарапанным орнаментом) керамики, названной Шлиманом «минийской». Эта керамика, широко наличествуя в Западной Анатолии (в особенности в Трое) и будучи прочно связана с азиатской стороной Эгейского бассейна некоторыми более древними формами («протоминийская» керамика Бейцесултана, восходящая, быть может, к III тысячелетию до н. э.), распространена также в Греции и Македонии, в центрах микенской культуры. Туда она первоначально импортировалась, возможно, из Малой Азии, судя, в особенности, по формам и отделке некоторых сосудов, явно воспроизводящих металлические образцы.

²³ S. Lloyd. Ук. соч., стр. 88.

²⁴ M. Mellink. *Archaeology in Asia Minor*. AJA, т. 60, 1956, № 4, стр. 369 сл.; ср. *Orientalia*, 25, 1956, стр. 88; *Anadolu*, т. 2, 1955, стр. 26; ТТКВ, т. 70, 1954, стр. 132.

²⁵ W. Dörpfeld. *Troja und Ilion*, т. 2, Athen, 1901—1903.

²⁶ Л. А. Ельницкий. Результаты американских раскопок Трои. ВДИ, 1946, № 3, стр. 219 сл.

²⁷ C. Blegen. *Excavations at Troy*. AJA, тт. XXXVI—XLIII, 1932—1939.

²⁸ R. W. Hutchinson. *Uruk and Yortan*. Iraq, T. II, 1940, стр. 211 сл.

²⁹ K. Bittel. Ein Gräberfeld der Yortan-Kultur bei Babaköy. *Archiv für Orientforschung*, т. XIII, 1939, № 1—2, стр. 1 сл.

³⁰ K. Bittel. *Prähistorische Forschung in Kleinasien*. Istanbul, 1934, стр. 31.

³¹ W. Lamb. *Excavations at Thermi in Lesbos*. Cambridge, 1937.

³² G. Child. *The Danube in The Prehistory*. Oxford, 1929, стр. 32 сл.

³³ Н. Мавродинов. Раскопки и исследования в Болгарии. СА, XXIV, 1955, стр. 125 сл.

³⁴ G. Child. *Anatolia and Thrace. Some Bronze Age Relations*. ASt, т. VI, 1956, стр. 45 сл.

Кроме этих явлений, которые могут рассматриваться в качестве свидетельств аналитического культурного проникновения в западные области Эгеиды, начиная с ранних горизонтов Трои наблюдаются явления противоположного свойства: находки древнеэллинической керамики в Трое и более поздней микенской керамики, а также и подражаний ей на значительно более широкой территории Западной и Южной Анатолии (во многих пунктах Киликии)³⁵. При этом археологические наблюдения показывают, что культурные связи развивались с запада на восток гораздо интенсивнее по внутренним путям, чем по морским, вдоль средиземноморского побережья. Малопригодный для каботажного плавания берег Ликии и Киликии почти пуст в отношении поселений эпохи бронзы, тогда как внутренние области дают большое количество находок, начиная от эпохи энеолита, и в особенности много в эпоху развитой бронзы. Это показывает, что хеттские географические наименования Арзава и Китцуватна, связываемые с аналитическим юго-западом и юго-востоком, вряд ли могут быть распространены вплоть до побережья по всей его линии³⁶.

Культурные явления, сопровождающиеся наличием черной лощеной керамики с белой раскраской или инкрустацией, весьма характерны также и для аналитического юга — для древних поселений, расположенных по склонам горного хребта Тавра, в особенности в долине р. Каликадна (Гёксу), и в районе Коньи, где пока еще было мало регулярных раскопок, но произведено много сборов на поверхности и исследований зондажного характера³⁷.

Пункты, содержащие материал, соответствующий нижним слоям Мерсина и Сакче-гёзу, т. е. относящийся еще к дометаллической эпохе, весьма немногочисленны (Тармил, Шамши и Татарли). К этим трем пунктам Дж. Меллаарт склонен присоединить еще Ярим и Гачилар³⁸, со значительными энеолитическими находками, позволяющими предполагать также и более ранние данные. Но если материал названных эпох соответствует культуре Юго-Восточной Анатолии, развивавшейся под влиянием древне-месопотамской цивилизации, и прежде всего культуры Галафа, то уже в несколько более позднее время, соответствующее началу культуры Трои, в этих районах сказывается сильное влияние Западной Анатолии, прослеживающееся не только в керамике, но и в архитектуре. Отмеченные явления характерны также и для юго-западного района (Бейшехир и Сейдизехир), где при этом эгейские элементы еще более выступают на передний план и позволяют сравнивать образцы культуры местного энеолита с соответствующими находками на о. Хиосе и в Фессалии (Сескло)³⁹. В особенности любопытны черты скрещивания восточно- и западноанатолийских культур могут быть наблюдаемы в двух пунктах, расположенных на верхнем течении Меандра, — Бейчесултане и Кузуре. В первом из названных пунктов раскопками, производившимися начиная с 1954 г.⁴⁰, открыто поселение, существовавшее с эпохи раннего металла и развивавшееся параллельно Трое, хотя, может быть, его истоки даже и несколько древнее. Ранние его слои (XIII—XV) дали образцы весьма развитой архитектуры (по-видимому, остатки храма, тогда как Троя этой и более поздней эпохи знает не храмы, а лишь небольшие святилища в зданиях какого-либо другого назначения). В горизонте, соответствующем Трое V и VI, которому предшествовало развитие, роднящее Бейчесултан также и с культурой Киликии, найдено здание дворцового типа, планом своим напоминающее критские дворцы, а по времени сооружения, может быть, несколько им предшествующее.

Керамика раннего Бейчесултана имеет формы, характерные для Трои (высокие двуручные чаши), а также для района Коньи: открыты сосуды на высокой ножке,

³⁵ M. V. Seton-Williams. Cilician Survey. ASt, т. IV, 1954, стр. 121 сл.

³⁶ J. Mellaart. Preliminary Report on a Survey of Preclassical Remains in Southern Turkey. ASt, т. IV, стр. 175 сл.

³⁷ Там же, стр. 175 сл.; M. V. Seton-Williams. Ук. соч., стр. 121 сл.

³⁸ В последнем из названных пунктов раскопками 1957 г. отмечено девять культурных напластований неолитической и халколитической эпохи. Жилые здания, сложенные из сырцового кирпича на каменном фундаменте или без такового, имеют четырехугольную (мегаронообразную) форму. В нижних горизонтах найдено много темной, неокрашенной керамики, с процарапанным орнаментом, близким юго-западно-анатолийским, островным, а также древнефессалийским (Сескло и прото-Сескло) образцам. В халколитических горизонтах ей соответствует раскрашенная керамика, повторяющая черты более древней орнаментики. Найдены также в большом количестве глиняные статуэтки, близкие таковым из Сескло и Бейчесултана, но с более выраженными признаками стеатопигии. В хозяйственном отношении халколитический Гачилар дал также весьма интересные находки в виде зерен пшеницы, ржи, вики и чечевицы. О ремесле свидетельствуют признаки местного гончарного производства и приспособления для изготовления красной и белой краски. См. J. Mellaart. Excavations at Hacilar. First Prelim. Report. ASt, т. VIII, 1958, стр. 127 сл.

³⁹ J. Mellaart. Preliminary Report..., стр. 177.

⁴⁰ S. Lloyd, J. Mellaart. Beycesultan Excavations. ASt, т. V, 1955, стр. 39 сл.; их же. Beycesultan Excavations. Second Preliminary Report. ASt, т. VI, 1956, стр. 101 сл.; M. Mellink. Archaeology in Asia Minor. AJA, т. 59, 1955, № 3, стр. 231 сл.; т. 60, 1956, № 4, стр. 369 сл.; т. 62, 1958, № 1, стр. 91 сл.; ASt, т. VII, 1957, стр. 27 сл.; т. VIII, 1958, стр. 93 сл.

«фруктовые вазы», свойственные также и центральноанатолийским пунктам эпохи ранней бронзы (Алишар). Отмечены они и в Кархемише, в могилах эпохи ранней бронзы⁴¹, обозначая тем самым весьма широкий ареал для этой керамики. Для более позднего времени характерны сосуды, исполненные соответственно микенским образцам, хотя сами эти образцы пока в раскопках Бейчесултана обнаружены не были. Одним из наиболее интересных сортов керамики Бейчесултана является, несомненно, уже упомянутая «протоминийская», предшествующая во времени и по технике образцам эпохи средней бронзы, происходящим из Трояды, Македонии и Эллады. Ее наличие в Бейчесултане служит для Меллаарта⁴² доказательством анатолийского происхождения минийской керамики.

Раскопки 1957 г. привели к открытию святилища эпохи халколита и ранней бронзы в мегаронообразных помещениях, с остатками рогатых глиняных очагов — алтарей, роднящих культуру раннего Бейчесултана с культурами восточноанатолийского и кавказского круга. С другой стороны, в более поздних слоях (VII—V) найдены образцы керамики, аналогичной протохеттской из Центральной Анатолии, а также глиняная печать с пиктограммой, принимаемой за прототип хеттских иероглифов⁴³. Наиболее высокие горизонты Бейчесултана (IV—I) содержат типично хеттскую керамику.

Такой же «промежуточный» облик между культурами анатолийского запада и востока имеет Кузура, раскопки которой были произведены в середине 30-х годов⁴⁴. Развитие этого поселения, также содержащего материал, в нижних слоях соответствующий ранним горизонтам Трои и Юго-Восточной Анатолии, характеризуется лощеной керамикой с белой раскраской или инкрустацией. Несколько позднее керамика содержит образцы, свойственные Трое II—V и представляющие собой пережиточные явления форм, обычных для Иортана. Еще позже (в слоях, соответствующих Трое VI) наблюдается керамика, близкая керамике пунктов центральноанатолийского плато (протоили раннехеттская) и связанная с возникшим в эту эпоху в Кузуре, видимо, в борьбе с хеттами, с одной стороны, и с приморскими жителями (эгейцами — ахйава) с другой, оборонительным укреплением.

Такого же рода промежуточный характер имеют находки, сделанные при раскопках на Демирчи Гёйюк (близ Эскишехира), расположенного несколько севернее рассмотренных ранее пунктов. Это поселение, существовавшее в эпоху ранней и средней бронзы⁴⁵, содержит материал, с одной стороны, типичный для Западной Анатолии и Фракии, а с другой, для поселений центральноанатолийского плато, в особенности таких, как Ахлатлибель и Полатли, находящихся поблизости от Анкары. При этом центральноанатолийское влияние, выражающееся в наличии протхеттских элементов, усиливается со временем.

Что касается центральноанатолийского плато, и в частности области, омываемой течением р. Галиса (Кизил-Ирмак), то древнейшие культурные остатки, относящиеся к эпохе начала употребления металла и ей непосредственно предшествующей, найденные в Гёйюк-Гюлючек (недалеко от Алишара и Алача-Гёйюк) в конце 40-х годов⁴⁶, сопоставляются с материалом из Фикир-Тепе близ Истанбула. Это еще раз указывает на значительные элементы общности в материальной культуре древнейшей Анатолии, связывающие западные и восточные районы. Впрочем, для периода начала культуры металла известную тормозящую роль играл горный хребет Тавра в распространении культурных влияний: области, лежащие к югу от него, более связаны с культурой Северной Сирии, тогда как в культуре областей, лежащих к северу от Тавра, объединяющими являются элементы, роднящие Анатолию с Балканами⁴⁷.

Материалы из Бёйюк-Гюлючек, в особенности керамика с процарапанным, а иногда и инкрустированным белой пастой орнаментом из треугольников, зигзагов и шахматных квадратов, может быть сопоставлена с материалом поселения того же времени, открытого в конце 40-х годов близ Самсуна, в Дундар-Тепе⁴⁸, где также имеются каменные и костяные орудия и прямоугольные жилища-мазанки. Если материал Бёйюк-Гюлючек, расположенного неподалеку от Алача-Гёйюк, во многом аналогичен материалу древнейшего слоя этого последнего поселения (знаменитого своим богатейшим некрополем эпохи ранней бронзы и своими более поздними слоями с хеттской дворцовой архитектурой), то материал Дундар-Тепе имеет близкие аналогии в нижнем

⁴¹ L. Wooley. Carchemish, III. London, 1952, стр. 219, табл. 58 и 59.

⁴² J. Mellaart. The End of the Early Bronze Age in Anatolia. AJA, т. 62, 1958, № 1, стр. 9 сл.

⁴³ S. Lloyd and J. Mellaart. Beycesultan Excavations. Fourth Prelim. Report, 1957. AST, т. VIII, 1958, стр. 93, табл. XXVI a.

⁴⁴ W. Lamb. Excavations at Kusura near Afyon Karahissar. Archaeologia, т. 86, 1936, стр. 1 сл.; т. 87, 1937, стр. 217 сл.

⁴⁵ K. Bittel, H. Otto. Demirci-Hüyük. Eine vorgeschichtliche Ansiedlung an der Phrygisch-Bithynischen Grenze. Leipzig, 1939; K. Bittel. Grundzüge, стр. 34 сл.

⁴⁶ H. Z. Koşay, M. Akok. Preliminary Report on the Test Excavations at Büyük-Gülüçek, т. XIII, 1948, стр. 479 сл.

⁴⁷ S. Lloyd. Early Anatolia, стр. 61.

⁴⁸ W. Lamb. New Development in Early Anatolian Archaeology. Iraq, т. XI, 1949 ч. II, стр. 188 сл.

горизонте Алишара (одного из наиболее типичных и богатых центральноанатолийских поселений эпохи ранней и средней бронзы). Таким образом, эти новые находки помогают осмыслению материала, характеризующего истоки культуры, легшей в основу культуры хеттов. Пониманию характера и последовательности культурных напластований Алишара, раскапывавшегося в конце 20-х и начале 30-х годов⁴⁹, объекта с весьма сложной стратиграфией (определявшейся тем, что отдельные его участки развивались самостоятельно, различными темпами и одновременно⁵⁰, много помогли также исследования холмов Ахлатлибель и Полатли, расположенных на центральном плато неподалеку от Алишара. Ахлатлибель раскапывался в 1933 г.⁵¹ Полатли в 1950 г.⁵² Ахлатлибель не имеет энеолитического слоя. Его нижний горизонт относится к эпохе ранней бронзы и содержит красную лощеную керамику с процарапанным орнаментом, соответствуя в этом I слою Алишара. Однако Ахлатлибель, кроме этой керамики, имеет еще и керамику с темлощеной поверхностью, по формам (чаши, кувшины) и орнаментике весьма близкую керамическим образцам западноанатолийских и балканских поселений. Благодаря этому может быть установлено не только формальное, но и культурное соответствие между Алишаром I, содержащим сосуды типа высоких двуручных чаш, и Троей II, с которой его также, как и Ахлатлибель, роднят и металлические изделия. Такого же рода соответствия находит культура Ахлатлибеля в материале некрополя Алача-Гёйюк.

В Полатли чрезвычайно существенна строгая последовательность слоев от ранней и до поздней бронзы. Характер находок позволяет установить широкие и прочные сопоставления горизонтов Полатли с другими древнеанатолийскими центрами. Так, нижний слой Полатли, соответствующий I слою Алишара (древнейший горизонт которого обозначен его исследователями цифрой «O»), и горизонт царского некрополя на Алача соотносятся также (по наличию высоких двуручных чаш и по формам металлических предметов) с Троей II. Имеющаяся в нем черная и бурая керамика с белой орнаментацией, не совпадая хронологически с соответствующими явлениями на юго-востоке и на западе Анатолии, позволяет все же предполагать ее истоки в археологическом комплексе, близком по своему составу Кузуре, Бёйюк-Гюлючек, Дундар-Тепе и т. п. Следующий горизонт Полатли, с расписной «каппадокийской» керамикой, весьма характерной для слоя III Алишара (в Алишаре слой III предшествует по времени слою II)⁵³, содержит также особенно типичные и определенные во времени сосуды с крестообразной орнаментацией на тулове, нанесенной красной краской, что позволяет установить соотношение между этим горизонтом Полатли (и соответственно Алишара) с Троей V и с соответствующими горизонтами восточнокикийских центров (Мерсин, Гарс и др.).

Архитектура Полатли с самого раннего слоя дает образцы кладки из сырцового кирпича на каменном основании, с деревянными опорными прокладками, которая была распространена в Анатолии повсеместно, начиная со времени ранней бронзы. К верхней части нижнего горизонта (в слое VIII, тогда как нижний горизонт Полатли, соответствующий средней стадии ранней бронзы, включает слои I—X) относится также круглое толосообразное сооружение с дромосом, вымощенным гравием. Поскольку это здание располагалось над цистовой могилой, относящейся к слою VI, исследователи Полатли определили его принадлежность к хтоническому культу. К этому следует прибавить, что бронзовый сосуд, происходящий из цистовой могилы, вполне соответствует по форме золотому сосуду некрополя в Алача, служа признаком вероятной одновременности тех и других погребений.

Наблюдения, произведенные в описанных только что пунктах, а также и в некоторых других, помогли разобраться в последовательности культурных явлений, выявленных раскопками на Алишаре и определить характер культуры его нижних слоев (предшествующих разрыву, отделяющему их от слоя фригийской эпохи⁵⁴ как культуры дохеттской, обрывающейся в развитии приблизительно одновременно с концом средней поры бронзы. Эти же наблюдения помогли определить положение во времени некрополя на Алача-Гёйюк⁵⁵ и осмыслить его значение среди культур Анатолии эпохи средней стадии ранней бронзы, позволяя протянуть нити между культурой некрополя Алача и Троей II, с ее кладками из драгоценных и бронзовых металлических изделий, а также и с культурными явлениями анатолийского юго-востока (Тарс), связанными с подъемом месопотамских культур, породивших расцвет торевтики и пластики, засвидетельствованный царским некрополем Ура.

По недавним сообщениям⁵⁶, на Хороз-Тепе, расположенном к северу от Токата (в Северной Каппадокии), найден клад с предметами искусства и вооружения типа и

⁴⁹ E. F. Schmidt. The Alishar Hüyük. Season 1928—29, т. I—II, Chicago, 1932—33; H. H. v. d. Osten. The Alishar Hüyük. Season 1930—32, т. I—III, Chicago, 1937.

⁵⁰ S. Lloyd. Early Anatolia, стр. 32.

⁵¹ K. Bittel. Prähistorische Forschung in Kleinasien. Istanbul, 1934, стр. 60 сл.

⁵² L. Lloyd, N. Gökcе. Excavations at Polatli. ASt, т. I, 1951, стр. 3 сл.

⁵³ S. Lloyd. Early Anatolia, стр. 34.

⁵⁴ H. Z. Kozay. Les fouilles d'Alaca Hüyük. Paris, 1951, стр. 111 сл.

⁵⁵ Cp. S. Lloyd. Early Anatolia, стр. 34.

⁵⁶ M. J. Mellink. Archaeology in Asia Minor. AJA, т. 62, 1958, № 1, стр. 91.

эпохи предметов из могил Алача-Гейюк. Несомненно, что уже одна эта находка обогатит знания о культуре, уже и теперь представляющейся наиболее развитой и передовой для своего времени из всех культур древней Анатолии.

Уровень материального развития Трои, Алача, Алишара и других пунктов в эпоху ранней бронзы был уже настолько высок, что между Анатолией и Двуречьем завязались оживленные торговые отношения. Это нашло свое выражение в возникновении в самом начале II тысячелетия до н. э. ассирийской колонии в Канеше (Канише). Этот пункт Киликии упомянут в древнеассирийском документе, датированном (по наличию в нем имени царя Пузур Ассур, сына Саргона I) временем около 1770 г. до н. э. В 1925 г. чехословацкой экспедицией под руководством Б. Грозного⁵⁷ он локализован на холме Кюль-Тепе, в верхнем течении р. Галиса, на пути из Ниневию в Алишар, Алача и Богазкёй (по находкам ассирийских табличек, преимущественно коммерческого содержания). Удачное географическое положение Канеша на магистрали азиатско-ассирийской торговли сделало его местом «карума» — коммерческой колонии, занимавшей руководящее положение по отношению к другим карумам — торговым факториям или конторам, разбросанным по различным упоминающимся в табличках Кюль-Тепе пунктам (Бурушхатум, Хаххатум, Хурама, Нахрия, Турхумит, Урсу, Вахсусана), не поддающимся, однако, пока определенному отождествлению. Раскопки на Кюль-Тепе, возобновленные в 1948 г., продолжают и поныне, открывая ежегодно всякого рода новые клинописные и археологические памятники, первостепенной важности для истории Анатолии в начале II тысячелетия до н. э.⁵⁸ Уже работами Б. Грозного было выяснено, что ассирийская колония (карум) находилась у подножья холма (Карагейюк), на котором располагался собственно Канеш — древнеанатолийское укрепленное поселение, бывшее центром определенной территории и резиденцией правителей. Один из них (Хаваруваш) назван в древнеассирийской табличке, сообщающей о событиях эпохи Нарамсина⁵⁹. Новейшими раскопками установлено наличие пяти слоев (строительных периодов), относящихся приблизительно к трем первым столетиям II тысячелетия до н. э. Нижний слой (Ia) предшествует возникновению ассирийской колонии. Ко времени ее существования относятся слои Ib—III, каждый из которых имеет следы насильственного разрушения. Карум Канеша, при наличии клинописных ассирийских табличек, предполагающих присутствие ассирийских купцов, почти не дал в числе находок предметов ассирийской материальной культуры. Из содержания табличек явствует, что объектами торговли были прежде всего металлы (свинец) и ткани. Керамика, находимая в каруме Канеша, а также и архитектура его зданий — чисто азиатские⁶⁰. Слои, предшествующие возникновению колонии, содержат материал, относящийся к концу эпохи ранней бронзы и соответствующий материалу из Юго-Восточной Анатолии (Тарс), а также и Западной Анатолии (Троя II). В слоях же карума содержится «каппадокийская» керамика, металлические изделия и образцы пластики, весьма близко соответствующие Алишару III. Это заставляет думать, что Канеш находился в весьма тесных культурных отношениях с Алишаром, быть может идентичным с древним Кушшаром⁶¹. На Алача-Гейюк соответствующий археологический горизонт, как уже говорилось, отсутствует.

Среди находок на Кюль-Тепе в 1951 г. во II слое карума обнаружены два куска железа, с присутствием в нем магнезии⁶². В 1954 г. в каруме были найдены остатки бронзолитейной мастерской, среди которых 14 форм из камня и глины для отливки орудий, оружия (топоров, кинжалов или наконечников копий) и украшений. В следующем году в слое Ib был обнаружен некрополь с богатыми погребениями в каменных ящиках. Раскопки некрополя продолжались с успехом и в 1956 г. Найдено было, кроме того, много уцелевших от пожара остатков гражданской архитектуры позднего горизонта колонии и большое количество «каппадокийской» и фигурной керамики, например сосуд в виде головы быка. За все эти годы найдено много новых клинописных табличек. В 1955 г. впервые были найдены клинописные таблички также и на холме Канеша, в остатках значительного сооружения — предположительно резиденции правителей Канеша. Тексты этих табличек содержат много местных имен, в том числе имя царя Канеша — Варшама, сына Инара. Слой с этими находками соответствует начальной поре периода поздней бронзы. В 1953 г. на Кюль-Тепе найден фрагмент каменной скульптуры льва, являющейся прототипом всех позднейших хеттских львиных изображений⁶³. В 1954 г. около упомянутого здания дворцового вида был найден

⁵⁷ B. G r o z n y. Rapport préliminaire sur les fouilles tchechoslovaques du Kültepe. Syria. т. VIII, 1927, стр. 1 сл.

⁵⁸ T. Ö z g ü ç. Ausgrabungen in Kültepe, 1948, Ankara, 1950; его же. Vorläufiger Bericht über die Grabungen v. 1950 in Kültepe. ТТКВ, т. XVII, 1953, стр. 109 сл.; N. Ö z g ü ç. Preliminary Report on the 1951 Excavations at Kültepe. ТТКВ, т. XVII, 1953, стр. 298 сл.; АSt, т. V, 1955, стр. 13 сл.; M. J. Mellink. Archaeology in Asia Minor. AJA, т. 60, 1956, № 4, стр. 369 сл.; т. 62, 1958, № 1, стр. 91 сл.

⁵⁹ H. Th. Bossert. Altanatolien. Berlin, 1942, стр. 34.

⁶⁰ T. Ö z g ü ç. Vorläufiger Bericht..., стр. 169 сл.; cp. S. Lloyd. Early Anatolia, стр. 120 сл.

⁶¹ J. Mellart. The End..., стр. 14.

⁶² АSt, т. II, 1952, стр. 11 сл.

⁶³ T. Ö z g ü ç. Fragment of a Lion Statue Found in the Late Phase (Ib) of the Colony Period. ТТКВ, т. XVIII, 1954, стр. 445 сл.

бронзовый кинжал кипрского типа с перфорированным лезвием, на котором имеется клинописная надпись, определяющая его принадлежность дворцу царя Анитты⁶⁴, известного из других хеттских и ассирийских документов, связывающих его с городами Кушшар, Неша и Хаттушаш. Находка эта, стало быть, подтверждает наличие взаимоотношений названных пунктов с Канешем в эпоху царя Анитты. О том, что Канеш существовал и в более позднее время, свидетельствует открытие в 1955—1956 гг. остатков мегаронообразного здания и других архитектурных сооружений, над которыми зафиксированы остатки позднехеттского и фригийского периодов.

Древнейший центр хеттского царства Хаттушаш, локализуемый на современном Богазкёе, привлек к себе внимание с начала XIX в., исследовался Винклером начиная с 1906 г., а также (основательнее всего) в начале 30-х годов⁶⁵, вновь раскапывается с 1952 г.⁶⁶ Как известно, результатом предшествующих исследований была расчистка крепостных стен, сложенных преимущественно из полигонального камня, с суперструктурой из сырцового кирпича, с большими и многочисленными воротами, украшенными каменными рельефами. Были открыты также храмовые сооружения, группировавшиеся вокруг центрального двора, напоминая этим архитектуру Кносса, Микен и некоторых западноанатолийских центров (Бейчесултан). С ними были связаны хозяйственные постройки, с рядами пифосов, также имеющих ближайшие параллели на Крите, и со знаменитыми архивами клинописных табличек. Дворцовая архитектура и другие находки в Богазкёе не выходили за пределы эпохи поздней бронзы и раннего железа, построение же оборонительной стены датировалось XIV в. до н. э.

Неподалеку от города было изучено горное святилище Язили-Кая, с монументальными наскальными рельефами и остатками архитектуры, комбинирующей свои формы и планы с естественной планировкой ущелья. В отношении этого чрезвычайно любопытного памятника, сооружение которого также, видимо, относится к XIV в. до н. э., в недавнее время было высказано предположение, основывающееся на изучении найденных в нем иероглифических надписей, о его не хеттской, а скорее хурритской принадлежности⁶⁷. Археологические же исследования последних лет были сосредоточены преимущественно на Бюйюк-Кале — цитадели, входящей в систему укреплений Богазкёя, но имеющей самостоятельное значение, и на Бюйюк-Кая — скале, расположенной поблизости от Бюйюк-Кале.

В первом из названных пунктов зафиксированы четыре дохеттских слоя. Древнейший из них, судя по керамическим остаткам (среди которых встречаются фрагменты каппадокийской расписной керамики), относится ко времени карума на Кюль-Тепе и корреспондирует в культурном отношении с соответствующими слоями Алишара. Последующие три культурных напластования датируются XVI—XV вв. до н. э. Отмечены пять строительных горизонтов оборонительной стены цитадели, из которых два древнейших относятся к дохеттской эпохе и в своей технике и планировке повторяют приемы, отмеченные выше для оборонительной стены древнего Мерсина⁶⁸. Любопытно, что и стена хеттского периода (XIV—XIII вв. до н. э.) также сохраняет основные черты планировки более древних стен и, как они, состоит из серии соединенных вместе казематов. Описанные раскопки дали большое количество бытового материала и предметов искусства, среди которых — древнейший хеттский рельеф (XVI в. до н. э.) с изображением битвы богов и образцы скульптуры из известняка и терракоты. Найден также целый ряд клинописных табличек; некоторые из них относятся к весьма раннему времени (эпохи Шамши-Адада) и имеют важное значение.

Однако наиболее древние слои Богазкёя были обнаружены в 1954 г. на Бюйюк-Кая. Здесь под слоем хеттского времени вскрыт двухметровой толщины слой, содержащий орудия из кремня, обсидиана и кости, а также серую керамику, соответствующую ранним слоям Алишара и Алача, но существовавшую, видимо, дольше, чем в названных пунктах (образцы ее в верхних горизонтах встречены вместе с хеттской керамикой).

Л. А. Ельницкий

⁶⁴ ТТКВ, т. XX, 1956, стр. 33 сл.

⁶⁵ K. Bittel. Die Ruinen von Boghazköy. Berlin — Leipzig, 1937; K. Bittel, H. G. Güterbock. Boghazköy. Neue Untersuchungen in d. hethitischen Hauptstadt. Leipzig, 1955.

⁶⁶ ASt, т. III, 1953, стр. 9 сл.; Archaeology, т. 6, 1953, стр. 211 сл.; MDOG, т. 86, 1953, стр. 9 сл.; т. 87, 1954, стр. 11 сл.; M. Mellink. Archaeology in Asia Minor. AJA, т. 59, 1955, № 3, стр. 91, сл.; т. 60, 1956, № 4, стр. 369 сл.; т. 62, 1958, № 1, стр. 91 сл.

⁶⁷ E. Laroche. Le Panthéon de Jazilikaya. JCS, т. VI, 1952, № 3, стр. 115 сл.

⁶⁸ Cp. J. Garstang. Prehistoric Mersin, стр. 140 сл.

Б. В. Лунин. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии (1895—1917 гг.). Отв. редактор Р. Н. Набиев. Изд-во АН УзССР, Ташкент, 1958, 320 стр. Тираж 650 экз. Цена 16 р. 60 коп.

В исторической литературе по дореволюционной археологии Средней Азии имеются тщательно выполненные детальные обзоры истории археологического изучения отдельных городов, районов и областей (например, Самарканда, Термеза, Нисы, Исфаринского района, Иссык-Кульской котловины, низовьев Сыр-Дарьи и др.), а также ряд статей по истории изучения отдельных категорий памятников (архитектуры, эпиграфики). Монографических же работ об археологических исследованиях до революции по Средней Азии в целом до сих пор не было. Этот пробел теперь в значительной степени заполнен рецензируемой работой.

Б. В. Лунин проделал большую и очень трудоемкую работу, просмотрев всю дореволюционную археологическую литературу по Средней Азии, в том числе — рассеянные по различным туркестанским газетам и журналам многочисленные заметки, изучил меуарную литературу, детально проработал архив Туркестанского кружка любителей археологии, переписку В. В. Бартольда с его ташкентскими корреспондентами, использовал документы из архивов ряда учреждений и личных архивов некоторых ученых. Вынесенные в конец «Источники и литература» составляют 72 страницы петита и включают в себя 1249 ссылок и примечаний. Таким образом, источниковедческая база книжки Б. В. Лунина является вполне солидной. Собранный обильный материал Б. В. Лунина осмысляет с позиций историка-марксиста.

Хотя работа носит название «Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане», ее содержание больше отвечает подзаголовку «Туркестанский кружок любителей археологии» (что, впрочем, сознает и сам автор; см. стр. 10 и прим. 20 на стр. 248—249), так что в интересах точности заголовков и подзаголовков следовало бы поменять местами. Главы, посвященные организации и деятельности кружка, взаимоотношениям В. В. Бартольда и кружка (главы II—IV), составляют ядро книги. Используя «Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии» (был издан 21 выпуск), архивные материалы и литературу того времени, автор рисует обстановку времени возникновения кружка¹, характеризует его цели и устав, его издания, взаимоотношения с другими научными организациями. Большое место занимают характеристики отдельных активных участников работы кружка.

Автор совершенно справедливо расположил материал о научной деятельности кружка по отдельным категориям памятников (иначе сгруппировать факты было бы невозможно): 1. Древности каменного века. 2. Городища, теле, развалины древних городов. 3. Археологические раскопки. 4. Ирригационные сооружения. 5. Наскальные изображения. 6. Эпиграфика. 7. Письменные источники. 8. Нумизматика. 9. Памятники архитектуры. 10. Оссуарии. 11. Каменные бабы. 12. Разные публикации.

Чрезвычайно ценно то, что автору удалось установить несомненный факт постепенного научного роста кружка, приближения уровня полевых работ к уровню работ тогдашних археологов-профессионалов, повышения уровня научной критики и т. д. Вместе с тем Б. В. Лунин отнюдь не переоценивает этот рост, указывая, что, несмотря на все достижения, кружок представлял собой «типичную научно-краеведческую организацию дореволюционного времени» (стр. 66). Насыщенная архивными материалами IV глава ярко показывает роль и значение В. В. Бартольда в развитии дореволюционной археологии Средней Азии, опровергая недавно появившееся в печати утверждение о том, что эта роль якобы переоценивается.²

Кроме работ членов кружка, автор включает в изложение некоторые работы, выполненные помимо кружка. Приведенные автором сведения о современном состоянии изученности или точках зрения авторитетных советских ученых по тем или иным категориям памятников, конечно, необходимы в такого рода издании, однако они нередко оставляют желать лучшего. Особенно это заметно в разделе об оссуариях, где Б. В. Лунин просто констатирует сложность проблемы (стр. 192), и во многих других местах.

Таким образом, книга Б. В. Лунина является прекрасно документированным всесторонним справочником по деятельности Туркестанского кружка любителей археологии, где читатель найдет много ценных сведений и по другим вопросам среднеазиатской археологии и востоковедения, вне круга деятельности кружка.

Вместе с тем книга Б. В. Лунина, как нам кажется, не лишена некоторых, в том числе серьезных, недостатков и ошибок.

В главе I — «Присоединение Средней Азии к России и его прогрессивные последствия. Социально-экономическая обстановка в Туркестане и уровень развития русской науки времени присоединения Туркестанского кружка любителей археологии» — вопреки названию, ни о присоединении к России, ни о его последствиях фактически не говорится (эти вопросы освещены во «Введении»). Состоянию же русской археологии и востоко-

¹ Так в дальнейшем именуется Туркестанский кружок любителей археологии.

² М. Е. Массон. Краткий очерк истории изучения Средней Азии в археологическом отношении (Часть 1-я: до первой послевоенной пятилетки). Тр. САГУ, новая серия, вып. XXXI, исторические науки, кн. 12, Ташкент, 1956, стр. 18.

ведения посвящены всего три с небольшим страницы, содержащие весьма отрывочные сведения, а не общую характеристику. Обзор накопления сведений о древностях Средней Азии до момента образования кружка дается в начале следующей, II главы, на стр. 23—43. При этом автор, к сожалению, не придерживается ни хронологического принципа (П. И. Лерх упоминается после А. Л. Куна, а поездки В. В. Радлова следуют за описанием деятельности А. В. Комарова), ни тематического.

Совершенно правильно утверждая, что «в строго научном отношении больше всего было сделано в области восточной, в том числе среднеазиатской нумизматики», автор уделяет развитию нумизматики всего один абзац, состоящий, собственно, из перечисления в алфавитном порядке фамилий некоторых нумизматов. Назвав две работы В. Г. Тизенгаузена, Б. В. Лунина сообщает, что одна из них 28 декабря 1852 г. была удостоена четвертой премии РАО, другая — большой серебряной медали Общества. Полагаем, что для читателя значительно больший интерес представляла бы характеристика значения этих трудов, их вклада в науку и ценности в настоящий момент. Разумеется, никакая характеристика развития восточной нумизматики не может обойтись без хотя бы самого краткого описания деятельности акад. Х. Д. Френа — «князя восточной нумизматики»³, основателя и главы школы русских нумизматов-востоковедов, а об этой деятельности не сказано ни слова. Зато автор непропорционально много места уделил характеристике коллекционеров, деятельности художников, работе В. И. Межова по составлению «Туркестанского сборника». Все это имеет прямое или косвенное отношение к основной теме и читается с большим интересом. Однако бросается в глаза существенное смещение масштабов: автору не хватило места, чтобы более подробно остановиться на наиболее существенных археологических исследованиях (выше это отмечалось для нумизматики, но и имевшие этапное значение работы П. И. Лерха 1867 г., исследования Н. И. Веселовского 1885 г. и др. не только не проанализированы, но и описаны чрезвычайно скупо). Безусловно, автору также следовало бы (в I главе или в этой части II главы) дать общую, но четкую характеристику состояния разработки древней и средневековой истории Средней Азии по письменным источникам, причем, разумеется, не только в русской, но и в западноевропейской науке. К этому Б. В. Лунина обязывало и название его труда, и необходимость показать состояние изученности Средней Азии к моменту организации кружка.

Автор совершенно справедливо отмечает интерес к собиранию и изучению древностей у некоторых представителей местного среднеазиатского населения (стр. 41—42). При этом мимо внимания автора прошел один из наиболее важных фактов такого рода. Во время Искандеркульской экспедиции 1870 г. участвовавшего в ней А. Л. Куна сопровождал самаркандский таджик Мирза Мулла Абд ар-Рахман, который по поручению и по программе, составленной А. Л. Куном, вел дневник, содержащий сведения о разного рода археологических (больше всего — эпиграфических) памятниках⁴. Эти сведения используются современными археологами.

Говоря о разделах книги, посвященных «предыстории» кружка, нельзя не отметить, что справки об активных деятелях кружка составлены в значительной степени «цитатным» методом, что привело ко многим ляпсусам. Автор в своем увлечении цитатами порой доходит до крайностей. Так, например, сообщив, что Б. Н. Кастальский собрал «обширнейшую коллекцию» (стр. 87), автор приводит далее цитату из одной статьи, причем суть этой цитаты сводится к тому, что коллекция Б. Н. Кастальского — «ценное и интересное частное собрание». Но ведь об этом общеизвестном факте Б. В. Лунина мог сказать одним-двумя словами, а вместо цитаты следовало бы привести хотя бы самые общие сведения о составе этой коллекции и ее местонахождении в настоящее время. Еще более обидно, что вместо конкретного изложения деятельности В. Л. Вяткина, сыгравшей важную роль в развитии археологии Туркестана, автор приводит многочисленные цитаты-оценки. Вместо длинных (почти на целую страницу) выписок по поводу присуждения В. Л. Вяткину медали им. В. Р. Розена (стр. 91) можно было бы сообщить гораздо более существенные факты о раскопках В. Л. Вяткина или о его работе над письменными источниками. Из справки о С. М. Дудине (стр. 315—316) мы узнаем и о том, что он был «завсегдатаем книжных лавок букинистов», и о том, что он был близорук, и о наличии у него хорошей личной коллекции восточных ковров. А вот о том, что он является автором сыгравшего важную роль в истории науки исследования о среднеазиатской архитектурной декорации⁵, не сказано ни слова. К категории «излишеств» относится длинный перечень организаций и лиц (почти два десятка наименований), приславших приветствия А. А. Диваеву по поводу юбилея (стр. 94) и др.

Автор совершенно прав, что на премию, созданную на пожертвование Н. М. Деева, сочинение «О древностях Сыр-Дарьинского края» представлено не было (стр. 24), но следовало бы указать, что эти деньги были израсходованы на экспедицию П. И. Лерха⁶, в результате которой и появилось такое сочинение.

³ П. Савельев. О жизни и ученых трудах Френа. СПб., 1855, стр. 10.

⁴ Описание рукописи см. Н. Д. Миклухо-Маклай. Описание таджикских и персидских рукописей Института востоковедения. М.—Л., 1955, стр. 100—102.

⁵ С. Дудин. Орнаментация и современное состояние старинных самаркандских мечетей. ИАК, вып. 7, 1903, стр. 49—73.

⁶ Летопись Русского археологического общества. Заседания Восточного отделения. Изв. РАО, т. VII, вып. 3, 1872, стр. 285—290.

Автор на основании архивных документов (стр. 49) исправляет встречающееся в литературе неверное утверждение об организации в 1895—1896 гг. Самаркандского археологического кружка: на самом деле такой кружок в 90-е годы организован не был (см. также стр. 58). Однако мимо внимания Б. В. Лунина прошла третья попытка организации кружка (уже после революции 1905 г.), которая нашла довольно подробное освещение в одной малоизвестной заметке. Судя по ней, состоялось организационное собрание (на нем присутствовало около 50 человек), был разработан устав кружка (посланный для утверждения генерал-губернатору), избран «председатель будущего кружка» — В. Л. Вяткин, и т. д.⁷ Автор уклонился от приведения конкретных фактов о деятельности Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока за первый период его существования, хотя по закаспийской прессе можно составить некоторое представление о работе кружка⁸.

Б. В. Лунин, излагая работы членов кружка над изучением того или иного памятника или категории памятников, достаточно полно привлекает для оценки их результатов исследования советских ученых. Правда, и здесь имеются досадные пропуски и промахи. Приведем несколько примеров.

Излагая работы дореволюционных краеведов о своеобразных каменных изваяниях в Юго-Западной Туркмении (стр. 60, 136, 162) и упустив при этом свидетельство Д. Н. Логофета⁹, автор сомневается в их атрибуции («намогильники?»), причем в одном случае он без комментариев приводит даже мнение членов кружка о них, как «каменных крестах». Знакомство с советской литературой предмета¹⁰ могло бы сделать суждения Б. В. Лунина более определенными и точными. Говоря о находках христианских надгробий в Семиреченской области, автор не находит нужным сообщить о новых находках памятников христианского населения хотя бы на севере Средней Азии, в том числе — гораздо более ранних, чем открытые до революции¹¹.

Говоря о Саймалы-Таш, Б. В. Лунин отмечает, что там «в наше время зарегистрировано уже до 107 тыс. изображений» (стр. 140). На самом деле А. Н. Бернштам лишь подсчитал (путем арифметических выкладок) вероятное количество изображений¹², что не дает основания говорить о «регистрации» этого количества.

Вопреки мнению автора, оссуарные могильники советскими археологами в Анау не изучались (имеется в виду Мерв?). Муг-хона (погребальные памятники), почему-то включенные автором в раздел «Городища, тепе, развалины древних городов», освещены чрезвычайно слабо, не приведена основная дореволюционная литература вопроса. Автору осталась также неизвестной опубликованная в Сталинабаде работа о муг-хона Кара-Мазарских гор (по раскопкам 1955 г.). Гумбез Манаса автор называет «центрическим купольным сооружением» (тут же сообщая, что у него есть портал) и датирует мавзолеем XIV—XV вв. Между тем в источниках, на которые Б. В. Лунин ссылается, даны точное описание и характеристика этого памятника как порталного и дата — 30-е годы XIV в.

В разделе «Письменные источники» Б. В. Лунин справедливо много внимания уделил появлению перевода на русский язык в 1897 г. «Истории Бухары» Наршахи. Сообщая, что перевод редактировал В. В. Бартольд, автор забыл указать, что В. В. Бартольд составил и ценные примечания, вошедшие в издание 1897 г. Можно было бы также отметить, что первый перевод труда Наршахи на один из западноевропейских языков¹³ появился более чем через полстолетия после изданного кружком.

Примеры подобных пропусков и неточностей можно было бы значительно умножить. Следует, кстати, отметить, что автор, очевидно, не проработал архив Археологической комиссии, что не могло не сказаться на полноте освещения некоторых вопросов.

Глава IV, посвященная взаимоотношениям В. В. Бартольда и Туркестанского кружка любителей археологии, в целом удачна. Однако нам представляется, что, рассматривая совокупность работ В. В. Бартольда, автор (особенно на стр. 216) делает исправильный крен в сторону характеристики его как последовательного и законченного идеалиста. Разумеется, В. В. Бартольд ни в коей степени не был марксистом, но добросовестное изучение фактов закономерно во многих случаях приводило этого круп-

⁷ П. П о л я к о в. Самаркандский кружок любителей археологии, истории и этнографии. Изв. Об-ва археологии, истории и этнографии при Казанском университете, т. XXIII, вып. 5, Казань, 1908, стр. 394—395.

⁸ Б. А. Л и т в и н с к и й. К истории Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока (Страница истории археологического изучения Средней Азии). Изв. Отд. обществ. наук АН Тадж. ССР, № 14, 1957.

⁹ Д. Н. Л о г о ф е т. На границах Средней Азии, кн. 1, СПб., 1909, стр. 67.

¹⁰ М. М а с с о н. Силуэты Сумбарского района (Историко-археологический очерк). Туркменоведение, 1931, № 3—4, стр. 56; е г о ж е. О происхождении некоторых каменных намогильников Южного Туркменистана. Материалы ЮТАКЭ, вып. 1, Ашхабад, 1940.

¹¹ А. Я. Б о р и с о в. Сирийская надпись на сосуде из Тараза. Изв. АН КазССР, № 46, серия археологическая, вып. II, 1948.

¹² А. Н. Б е р н ш т а м. Наскальные изображения Саймалы-Таш. СЭ, 1952, № 2, стр. 54—55.

¹³ The History of Bukhara. Transl. Richard N. Frye Cambridge, Massachusetts, 1954.

нейшего исследователя к стихийно материалистическим взглядам как в конкретных вопросах, так и в общеисторических концепциях. Б. В. Лунин недостаточно показал также, насколько внимательно и тщательно этот исследователь использовал в своих трудах результаты работ кружка. Показательно, например, что при подготовке английского издания книги «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» (ч. II) В. В. Бартольд учел все вышедшие после 1900 г. издания кружка¹⁴.

В книге довольно много мелких неточностей и опечаток. Так, например, орхонские надписи отнюдь не относятся к «первым векам нашей эры» (стр. 147); В. В. Бартольд опубликовал критический разбор работ экспедиции Р. Помпелли 1903 г., а не 1903—1904 гг., как сказано на стр. 217; на стр. 282, прим. 188, следует читать «ташнау», а не «ташпау»; на стр. 290 прим. 330 — Grabinschriften вместо Arabinschriften, и т. д.

Ссылки на литературные источники не всегда безупречны: статьи из серийных изданий фигурируют в виде отдельных книг (например, статья Н. А. Кислякова). Не всегда читателя отсылают к лучшим изданиям: например, для историографических справок большее значение имеет переработанное и значительно расширенное второе издание первого тома «Туркестана» И. В. Мушкетова (первая часть), а не первое. Есть разнобой в датах. Можно заметить ряд существенных пропусков в библиографии. Книга, к сожалению, не снабжена ни указателями, ни схемами.

Автор рецензируемой книги является пионером в области среднеазиатской археологической историографии, и это отчасти объясняет некоторые из отмеченных выше недостатков и промахов. Вместе с тем достоинства рецензируемой работы, являющейся первым опытом монографии по истории дореволюционной археологии Средней Азии, не подлежат сомнению, как и польза, которую она принесет читателю. Можно смело сказать: каждый, занимающийся археологией Средней Азии, найдет в ней для себя что-либо полезное. Представит она интерес и для историков и историков науки.

В заключение нельзя не пожалеть, что тираж книжки слишком мал (650 экз.) и пожелать Издательству АН УзССР выпустить в свет подготовленные Б. В. Луниным «Указатели» к «Протоколам заседаний и сообщениям членов Туркестанского кружка любителей археологии».

Б. А. Литвинский

¹⁴ W. Barthold. Turkestan down to the Mongol Invasion. 2-е изд. GMS, New Series, V, London, 1928, стр. 75, 94, 97, 113.

W. A. Fairervis. Excavations in the Quetta Valley, West Pakistan. Anthropological Papers of the American Museum of Natural History, t. 54, r. 2, New York, 1956. 223 стр. + 27 табл. + 654 рис.

Рецензируемое издание представляет собой основательную публикацию материалов, полученных американской экспедицией при работах 1949—1951 гг. в районе г. Кветты в Северном Белуджистане. Несмотря на то, что объем раскопок, проведенных экспедицией, был весьма ограничен и в основном не выходил за пределы разведочных и стратиграфических работ, полученный материал представляет большую ценность для изучения древнейших периодов истории Пакистана.

В IV—II тысячелетиях до н. э. долина, в которой теперь расположен г. Кветта, была густо заселена многочисленным земледельческим населением. Здесь известны остатки 24 поселений этого периода, из которых на четырех (Кили-Гул-Мохаммед, Кечи-Бег, Карез, Дамб-Садаат) были проведены разведочные раскопки. Установленная в двух из этих поселений последовательная смена слоев и проведенный радиоуглеродный анализ образцов древесного угля позволили наметить последовательность и хронологию развития оседлой культуры этого района. Полученные результаты можно объединить в нижеследующую таблицу.

Следует сразу отметить, что введение периодов с буквенными обозначениями не вполне оправдано и отражает некоторую тенденцию к излишней усложненности системы публикации, характерную для всего издания в целом. Рассмотрим кратко эволюцию культуры по стратиграфическим комплексам, установленным в процессе раскопок.

В пору Гул-Мохаммед I, слои которого достигают толщины 5 м, население уже было оседло-земледельческим. В верхних слоях отмечены остатки домов из сырцового кирпича, и отсутствие таковых в нижних объясняется, как нам кажется, лишь ограниченными размерами шурфа в этих слоях (1,75 × 1,75 м). Найдены грубые кремневые изделия (пластины, скребки, призматические нуклеусы; стр. 234—235), кости крупного и мелкого рогатого скота. В. Ферсервис полагает, что керамика в этот период еще отсутствовала. Если это так, то выделение слоя Гул-Мохаммед I на основании подъемного материала на еще одном поселении Кветтской долины (стр. 349) сомнительно поскольку кремневые орудия не дают сколько-нибудь характерных форм.

Периоды по В. Ферсервису	Гул-Мохаммед	Садаат	Датировка
G 3		III	
G 2		II	2100 г. до н. э. (± 400)
G 1			
H 2	IV	I	2200 г. до н. э. (± 250)
H 1	III		
I	II		
J	I		3350 г. до н. э. (± 200)

В слоях Гул-Мохаммед II появляется грубо лепленая от руки посуда с орнаментированной поверхностью (*basket-marked*, стр. 259—260), а в самом конце этого этапа — и расписная керамика, сделанная на гончарном круге, с простой росписью черной краской по неангобированной поверхности. Эволюция расписной керамики является основным признаком, характеризующим изменение культуры в следующих комплексах. Кремневые орудия Гул-Мохаммед II не отличаются от орудий предшествующего слоя. Найдены также костяные проколки.

В слоях Гул-Мохаммед III преобладает простая геометрическая роспись черной краской на красном фоне, а лепная керамика архаического типа постепенно исчезает. Весьма показательно появление алебастровых сосудов и медных изделий.

Комплекс Гул-Мохаммед IV идентичен комплексу Садаат I и характеризуется сделанной на гончарном круге высококачественной расписной посудой. Преобладает черная или коричневая роспись на кремовом фоне, но особенно знаменательно появление сосудов с полихромной росписью (красной и темно-коричневой на кремовом фоне), близко напоминающих керамику Амри, распространенную в Южном Белуджистане, а в Синде обнаруженную на трех поселениях, перекрываемую слоями древнеиндийской цивилизации, известной по раскопкам в Хараппе и Мохенджо-Даро.

Особенно значительный материал получен для культуры времени Садаат II. Здесь распространена расписная керамика так называемого кветтского стиля (*Quetta ware*) с черной или темно-коричневой росписью на кремовом фоне. Наряду с усложненными геометрическими мотивами, среди которых часто встречаются кресты, пирамиды и ступенчатые фигуры, здесь известны изображения быков, козлов, рыб, крупных птиц, солярных символов и ветвей растений. Население жило в домах, построенных из прямоугольного сырцового кирпича размером $47,5 \times 21,5 \times 10$ см, т. е. того формата, который столь обычен для раннеземледельческих поселений Ирана и Южной Туркмении. Многокомнатные дома, возможно, разделялись узкими коридорами. Внутри помещений находились печи для выпечки хлеба, сделанные из грубого сосуда, лишенного дна. Появляются терракотовые статуэтки животных и обнаженных женщин, глиняные печати.

В пору Садаат III намечается некоторое вырождение расписной посуды кветтского стиля, но в целом, судя по посуде, статуэткам, печатям, культура сохраняет прежний характер. Раскопанная в этих слоях массивная платформа из сырцового кирпича имела, возможно, ритуальное назначение (стр. 358).

В своей публикации В. Ферсервис обстоятельно рассматривает различные виды изделий, найденных при раскопках или сборе подъемного материала. Достаточно ярка коллекция различных терракот. Женские статуэтки представлены двумя типами: полными обнаженными фигурками с несколькими рядами ожерелий на плечах, изображаемыми налепами, и так называемыми *Zhob Mother goddess* — фигурками с высокой причешкой или головным убором и крупными овальными глазами. Фигурки быков (часто — раскрашенные горизонтальными и вертикальными линиями), передают характерную породу местного скота (*Bos indicus*). Весьма интересна статуэтка лошади. Те предметы, которые В. Ферсервис называет фигурками птиц (стр. 226, рис. 20, с — е), скорее всего являются миниатюрными вазочками. Относительно другого рода изделий

(стр. 227, рис. 21) также трудно сказать, что это — модели ли домов, как полагает В. Ферсервис, или модели повозок, или, наконец, сосуды особой формы. Небольшая головка, по мнению издателя принадлежавшая антилопе (стр. 226, рис. 20, с), является головкой женской статуэтки. Статуэтки такого типа известны как в Туркмении (Геож-сюр), так и в Афганистане (Мундигака) ¹. Интересны глиняные погребушки, найденные в Дамб-Садаат. Медные изделия представлены кинжалами (Садаат II и III) и проколками, каменные — сосудами из алебастра, зернотерками и ядрами для пращи.

Очень существенно рассмотрение знаков на донцах сосудов, сделанных ногтем или специальным инструментом и напоминающих в ряде случаев знаки на печатях из Мохенджо-Даро и Хараппы. Возможно, они свидетельствуют о зарождении письменности, хотя значение их остается неясным. В. Ферсервис насчитывает до 60 разновидностей знаков (стр. 328). В слоях времени Садаат I встречено всего четыре образца с подобными знаками, а в слоях Садаат II и III их число возрастает соответственно до 205 и 153.

В. Ферсервис дает также характеристику подъемного материала, относящегося ко времени после комплекса Садаат III и вплоть до этнографических образцов (стр. 336—348), но этот раздел не представляет большого интереса. Вызывает сомнение отнесение поселения Q 10 к 300 г. до н. э.—I в. н. э. (стр. 349, рис. 64). Судя по опубликованному наконечнику стрел, здесь есть и более ранний материал (табл. 32).

В конце работы рассматривается вопрос о соотношении исследованных комплексов и других культур Белуджистана (стр. 354—357) и дается общее заключение (стр. 358—361). В приложениях рассмотрена расписная керамика одного из поселений, отпечатки ткани на керамике, фауна и антропологический материал, представленный для раннего времени лишь двумя сильно фрагментированными черепами.

Издание результатов исследований в районе Кветты представляет большую ценность для археологии и истории Пакистана и поэтому едва ли можно согласиться с его недоброжелательной оценкой, данной Беатрисой де Карди ². Особенно ценным является установление стратиграфической колонки, поскольку до последнего времени именно вопросы стратиграфии остаются слабо разработанными в археологии Пакистана и Индии. Большое значение имеет и получение дат радиоуглеродного анализа, и на этом вопросе следует остановиться специально.

Опубликовавший впервые кветтскую керамику С. Пиггот был склонен датировать ее (на основании сопоставлений) IV тысячелетием до н. э. ³, и лишь после раскопок В. Ферсервиса стала предлагаться датировка кветтского стиля серединой III тысячелетия до н. э. ⁴. Теперь, поскольку подобная керамика распространяется начиная с комплекса Садаат II, ее, видимо, следует относить ко второй половине III тысячелетия до н. э. Нам кажется, что, хотя архаизирующие параллели кветтскому стилю, как будет видно ниже, весьма значительны, в общем новые датировки вполне приемлемы.

Несмотря на ряд неточностей и недоразумений, в настоящее время радиоуглеродный анализ возраста древностей становится ведущим в вопросах хронологии. С получаемыми датами не следует оперировать с излишним уточнением до 100 лет, как это проявляется в рецензируемом издании (стр. 357), но общее значение этих датировок несомненно. В конкретном случае с материалами из Кветты это общее положение подкрепляется рядом других обстоятельств. Прежде всего, мы имеем здесь дело с согласованной серией дат, соответствующих стратиграфической последовательности слоев. Далее, результаты, полученные при анализе образцов угля из кветтских памятников, находят прямую корреляцию в независимо полученной другой лабораторией дате для упоминавшегося выше поселения Мундигака. О Мундигаке имеются в печати лишь предварительные сообщения, но связь 8-го — 10-го слоев этого памятника с Садаат II едва ли вызывает сомнения. А 6-й слой Мундигака датирован 2625 г. до н. э. (± 300). Определенное совпадение здесь налицо.

Наконец, и сравнительный анализ указывает на довольно позднюю датировку керамики кветтского стиля. Уже Г. Чайлд отмечал, что ее можно было бы относить к весьма раннему времени, если бы она не была сделана с помощью гончарного круга ⁵. Действительно, если взять, например, материал Южной Туркмении, то формы керамики Садаат II и III находят аналогии в таких комплексах, как Намазга V и ранее — Намазга VI, относящихся к первой половине II тысячелетия до н. э. М. Уилер уже отмечал близость кветтского стиля к расписной керамике 5-го слоя Ниневии, относящегося к середине III тысячелетия до н. э. ⁶ Интересна и такая особенность кветт-

¹ J. M. Casal. Quatre campagnes de fouilles à Mundigak. Arts Asiatiques, т. I, ч. 3, Paris, 1955, табл. IV, С. Сходство с кветтским экземпляром особенно ярко видно по рисунку, опубликованному в «Illustrated London News», т. 226, № 6055, 1955, May 7, стр. 834.

² B. de Cardi. Рец.: F. Fairservis, Excavations in the Quetta Valley. Antiquity, № 125, 1958, стр. 43, 44.

³ S. Piggott. A New Prehistoric Ceramic from Baluchistan. «Ancient India», № 3, 1947, стр. 141.

⁴ M. Wheeler. The Indus Civilization. Cambridge, 1953, стр. 12.

⁵ Г. Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, стр. 300.

⁶ M. Wheeler. Ук. соч., стр. 12.

ской росписи, как изображение у животных глаза в виде кружка с точкой посередине. На ранней расписной керамике Южной Туркмении и Ирана господствуют контурные фигуры животных (Гисар I—II, Намазга III), а изображение глаза отмеченным приемом распространяется с середины и второй половины III тысячелетия до н. э. (Намазга IV, Сузы Д).

Таким образом, можно считать, что в настоящее время датировка расписной керамики цветского типа второй половиной III — началом II тысячелетия до н. э. наиболее вероятна. Однако В. Ферсервис с излишней поспешностью распространяет полученные даты на хронологию Хараппы, предлагая датировать эту древнеиндийскую цивилизацию с 2200 до 1300 (стр. 357) или даже 1200 г. до н. э.⁷ Находки древнеиндийских печатей в Месопотамии не позволяют снижать начальную дату Хараппы раньше XXIII—XXIV вв. до н. э.⁸ В равной мере преждевременно говорить о конце цивилизации Хараппы в 1300 г. до н. э. Но вместе с тем данные раскопок цветских поселений являются лишним аргументом в пользу исследователей, относивших конечную дату Хараппы к 1500 г. до н. э.

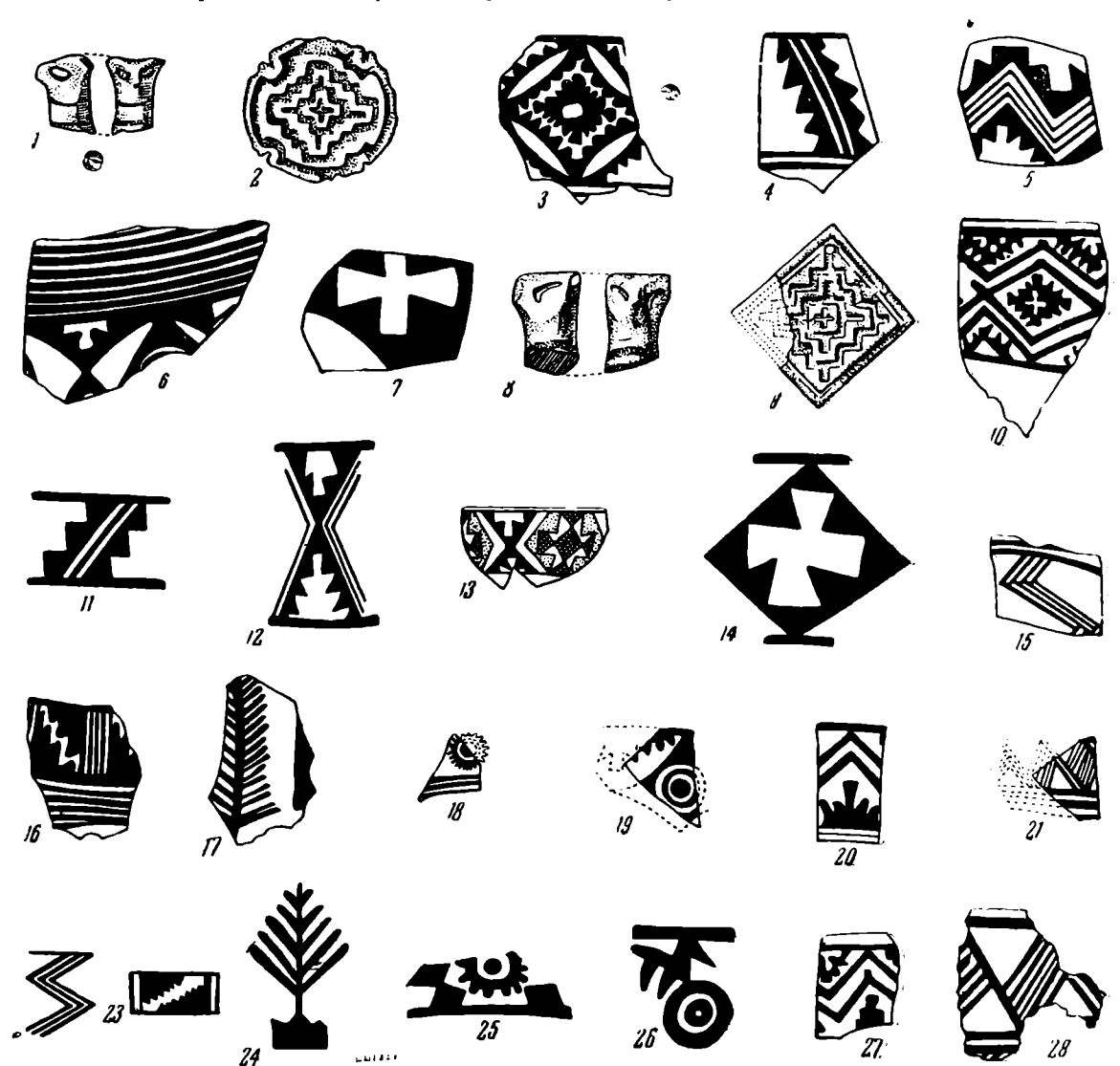

Рис 1. 1—7, 16—21 — материалы из Цветы, 8—15, 23—28 — материалы из Южной Туркмении

Из многочисленных исторических вопросов и проблем, которые в той или иной степени могут быть затронуты в связи с изданием материала, но которых В. Ферсервис коснулся лишь в самой общей форме, мы остановимся лишь на двух. Первое — это вопрос о путях сложения древнейших земледельческих поселений, выходящий в конечном итоге за пределы вопроса о происхождении цивилизации Ха-

⁷ W. A. Fairervis. *The Chronology of the Harappan Civilization and the Aryan Invasions*. Man, 1956, Nov., стр. 155.

⁸ Предисловие В. В. Струве к книге Э. Маккей. *Древнейшая культура долины Инда*. М., 1951, стр. 12—13; M. Wheeler. Ук. соч., стр. 85.

раппы, явившейся закономерным завершением культуры раннеземледельческих общин в долине Инда. Как мы видели, наиболее ранняя земледельческая культура представлена в Белуджистане слоями типа Гул-Мохаммед I и II.

Огрубленные формы кремневого инвентаря и вполне оригинальный вид керамики заставляют, на первый взгляд, склониться к точке зрения об автохтонности этой культуры, явившейся результатом оседания и перехода к земледелию местных племен охотников и собирателей. Однако сравнительно поздняя датировка ее (середина IV тысячелетия до н. э.), возможно, свидетельствует о появлении здесь первых земледельцев в результате естественного процесса расселения племен из более древних земледельческих центров Ирана и соседних стран.

Исследованиями в Южной Туркмении установлено, что как раз в IV тысячелетии до н. э. можно наблюдать интенсивный процесс расселения древних земледельцев на восток, вплоть до древней дельты р. Тержена, к западу от города того же названия. Однако для решения этого вопроса необходимо исследовать памятники Восточного Хорасана, поскольку керамика Гул-Мохаммеда II (basket-marked) пока не имеет аналогий ни в Иране, ни в Южном Туркменистане. Интересно, что крупный рогатый скот из нижних слоев Гул-Мохаммеда отличен от *Bos indicus* и, видимо, близок египетским породам (стр. 381). Тем самым отпадает один из аргументов Г. Чайлда в пользу местного происхождения культуры древнейших скотоводов и земледельцев Индии⁹.

Второй, очень интересной проблемой является вопрос о связях раннеземледельческой культуры Северного Белуджистана с соседними странами. О связях с культурой Теле-Гисара в литературе говорилось уже на основании материалов из Рана-Гхундай, а недавние раскопки в Мундигаке великолепно подтвердили на новом материале наличие этих связей. Новые материалы с кветтских поселений находят поразительные аналогии на памятниках Южного Туркменистана. Как можно видеть на рис. 1¹⁰, эти аналогии касаются различных видов памятников: статуэток, печатей, мотивов росписи на посуде. В керамике комплекса Садаат II около 25% мотивов росписи может быть самым прямым образом возведено к южнотуркменистанским образцам. Причем, что особенно показательно, именно эти мотивы в целом нехарактерны для керамики других раннеземледельческих культур Белуджистана и великолепной расписной посуды Хараппы. В Южном Туркменистане подобные мотивы, наоборот, имеют значительную длительность развития. Они характерны для геоксюрского стиля, процветавшего в древней дельте р. Тержена (Герируд) уже в конце IV — начале III тысячелетия до н. э.¹¹ Этот стиль в сильной степени повлиял на расписную керамику комплексов Намазга III и Намазга IV (III тысячелетие до н. э.), и именно к этим опосредствованным влияниям восходят геоксюрские мотивы Кветты. Следует иметь в виду, что поселения времени Намазга IV в древней дельте Теджена пока мало известны, но есть основания полагать, что там традиции геоксюрского стиля сохранялись в большей мере, чем на более западных памятниках (Намазга-Тепе и др.). Разумеется, здесь нельзя не пожалеть еще раз о неизученности Восточного Хорасана, т. е. как раз тех районов, где могли соединиться гисаровские и геоксюрские традиции.

Весьма интересно, что близкую картину мы наблюдаем на памятниках времени около 2000 г. до н. э. в Южном Белуджистане, где вклинившаяся в местную культуру культура типа Шахи-Тумп характеризуется расписной керамикой, восходящей к традициям Тали-Бакуна и Суз.

Имеющиеся данные позволяют ставить вопрос о проникновении во второй половине III тысячелетия до н. э. в район Кветты с северо-запада новых этнических групп, слившихся с местным населением, но принесших вместе с тем и свои определенные традиции. На основании данных лингвистики считается, что около 2000 г. до н. э. происходит отделение племен, говорящих на индийских языках, от первоначальной индоиранской общности¹². Не было ли продвижение новых племен в район Кветты начальным этапом того длительного и многообразного явления, которое объединяется термином «арийское завоевание Индии»? Интенсивное развитие археологии Средней Азии, Пакистана и Индии позволяет надеяться, что в течение ближайшего десятилетия на этот вопрос может быть дан вполне определенный ответ.

В. М. Массон

⁹ Г. Чайлд. Ук. соч., стр. 297—298. Г. Чайлд основывался на материалах из Рана-Гхундай, где *Bos indicus* встречается как будто уже в самых нижних слоях.

¹⁰ Благодаря любезности проф. Г. Ф. Дебеца и В. Ферсервита автор рецензии имеет в своем распоряжении коллекцию из Кветты, представляющую в образцах все керамические типы, выделенные в рассматриваемой публикации.

¹¹ В. М. Массон. Джейтун и Кара-депе. СА, 1957, № 1, рис. 12 (изображенная здесь керамика происходит с Геоксюра, а не с Кара-Тепе, как ошибочно указано в подписи); В. И. Сарияниди. Энеолитическое поселение Геоксюр. Тр. ЮТАКЭ, т. X. 1960.

¹² History and Culture of the Indian People, т. I. The Vedic Age. London, 1951, стр. 206.

H. J. Spinden. Maya Art and Civilisation. The Falcon's Wing Press, Indian Hills, Colorado, 1957. 43+432 стр. + 100 табл. + 372 рис.

Имя Герберта Джозефа Спиндена хорошо известно специалистам по древним культурам Мексики и Центральной Америки. Его работы по искусству и хронологии майя долгое время оставались настольными книгами для каждого занимавшегося этими вопросами. Поэтому появление после почти тридцатилетнего перерыва нового исследования Г. Спиндена, посвященного искусству и культуре майя, естественно, должно было вызвать у американистов большой интерес. Однако даже первый беглый просмотр новой книги Г. Спиндена вызывает у читателя чувство глубокого разочарования. В сущности, мы имеем дело даже не с новой книгой, а с механическим объединением двух его старых работ. Первая часть представляет собой не что иное, как перепечатку большого исследования Г. Спиндена, изданного впервые в 1913 г.¹ Конечно, эта работа, имевшая в свое время, несомненно, большое значение для развития изучения искусства майя, является теперь библиографической редкостью. Но как можно выпустить новое издание старой работы, не сделав в ней ни малейших изменений, после того как прошло 45 лет, заполненных крупнейшими открытиями в области архитектуры и изобразительного искусства майя? Это может означать лишь полное равнодушие как к научному прогрессу, так и к мнению специалистов в этой области.

Вторая часть рецензируемой книги представляет собой перепечатку под новым заглавием старой работы Г. Спиндена, первое издание которой вышло в 1917 г.² Текст, приводимый в рецензируемой книге, взят из третьего, расширенного издания 1928 г.³, т. е. также имеет уже тридцатилетнюю давность. Думается, нет надобности упоминать, насколько изменились наши представления об археологии древней Америки за этот период. Но, как и в первой части книги, автор не счел нужным внести хотя бы самые незначительные исправления.

Следует попутно отметить, что нигде в тексте книги мы не находим указания, что читатель имеет дело с перепечаткой старых работ. А это может ввести человека, желающегознакомиться с культурой майя по книге Г. Спиндена, в немалые заблуждения.

Формальное отличие рецензируемой книги от старых работ Г. Спиндена состоит лишь в добавлении небольшой (27 стр.) заключительной главы, посвященной вопросам календарной системы майя, и 48 иллюстраций. Однако и это единственно новое в книге не может вызвать интереса. Ни хронологические выкладки, ни приписывание различных построек, воспроизведенных в иллюстрациях, определенным тольтекским правителям, не убеждает читателя, тем более что Г. Спинден не считает нужным приводить хотя бы какие-нибудь доказательства.

Р. В. Кинжалов

¹ Herbert J. Spinden. A Study of Maya Art; Its Subject Matter and Historical Development. Memoirs of the Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology, Harvard University, т. VI, Cambridge, 1913.

² H. J. Spinden. Ancient Civilisations of Mexico and Central America. Handbook Series of the American Museum of Natural History. New York, 1917.

³ H. J. Spinden. Ancient Civilisations of Mexico and Central America, 3-е изд. New York, 1928.

Л. А. МАЦУЛЕВИЧ

22 мая 1959 г. скончался на 73-м году жизни Леонид Антонович Мацулевич. Наша наука потеряла крупного ученого, археолога и историка искусства, первоклассного специалиста в области византийского искусства.

Леонид Антонович родился 26 октября (ст. ст.) 1886 г. в Петербурге.

По окончании историко-филологического факультета Петербургского университета в 1911 г. Леонид Антонович был оставлен при университете. Во время первой мировой войны он был на фронте вольноопределяющимся, а затем прапорщиком. В 1918 г. он работал научным сотрудником в Русском музее, а со 2 января 1919 г. по 10 февраля 1949 г. непрерывно работал в Государственном Эрмитаже, временами совмещая основную свою деятельность с работой в Академии истории материальной культуры и в Ленинградском университете (в последнем — по 1951/52 учебный год).

Начав свою научную деятельность как ученик Д. В. Айналова, Леонид Антонович первоначально занимался проблемами истории древнерусского искусства, в частности новгородского, которому и были посвящены его первые печатные работы, появившиеся начиная с 1910 г. Одновременно он занимался и вопросами византийского и грузинского искусства.

В Эрмитаже Л. А. Мацулевич заведовал Византийским отделением вплоть до его расформирования в 1930 г. В этот период он углубленно занялся изучением памятников византийской торевтики, став в этой области признанным авторитетом, мнение которого высоко ценилось и ценится далеко за пределами нашей страны. Плодом этих занятий явился ряд статей и две книги. В первой из них, «Серебряная чаша из Керчи» (Л., 1926), автор на основе тщательного и детального анализа пришел к убедительной новой интерпретации изображения на чаше и к новой ее датировке. Он отнес чашу к IV в. вместо VI, а в изображении усмотрел императора Констанция II, а не Юстиниана.

Вторая книга, изданная в 1929 г. в Берлине, «Byzantinische Antike», посвящена детальному разбору всего собрания ранневизантийского серебра Эрмитажа, определению его датировок и происхождения. Основной вывод автора этого капитального труда сводился к тому, что вся серия исследованных им художественных изделий, относимых ранее к I—II вв. н. э. даже таким крупнейшим исследователем, каким был Н. П. Кондаков, на самом деле датируется совсем другим временем — VI и началом VII в. — временем своеобразного возрождения античных художественных традиций в Византии. Вывод этот, исчерпывающе аргументированный, полностью принят мировой наукой, а книга Л. А. Мацулевича стала настольным пособием каждого исследователя, касающегося вопросов ранневизантийского искусства.

В более поздние годы вопросам, связанным с изучением византийской торевтики, были посвящены еще две работы Леонида Антоновича — книга «Погребение варварского князя в Восточной Европе» (ИГАИМК, вып. 112, Л.—М., 1934), посвященная анализу и публикации так называемого Суджанского клада, поступившего в Оружейную палату, а затем большая статья «Византийский антик в Прикамье» (МИА, № 1, 1940). Обе эти работы существенно дополнили капитальную публикацию 1929 г.

В 1930 г. Леонид Антонович стал в Эрмитаже заведующим сарматской секцией вновь образованного Отдела истории первобытной культуры. Ранее изучавший мест-

ные археологические памятники Восточной Европы главным образом по связи их с находками произведений византийского искусства, он с этого времени все глубже входит в исследование истории культуры племен Северного Причерноморья в период от последних веков до нашей эры и вплоть до V—VI веков нашей эры. Результаты этих его исследований нашли свое отражение как в выставках Эрмитажа (1932, 1937—1941 гг.), так и в ряде печатных работ. Много сил Леонид Антонович, в частности, уделил исследованию керченских памятников IV—V вв., н. э., которым собирался посвятить большое исследование.

Нельзя не пожалеть, что в годы войны погибла рукопись научно-популярной книги Леонида Антоновича о культуре племен Северного Причерноморья «сарматского» периода.

Во время Великой Отечественной войны Леонид Антонович около трех лет (с конца 1941 по осень 1944 г.) провел в Ташкенте, работая в Ташкентской группе Академии наук СССР. В эти годы он со свойственной ему энергией занялся вопросами истории Средней Азии в античное время и связями ее населения с Восточной Европой.

Избранный в 1946 г. членом-корреспондентом Академии наук Грузинской ССР, Л. А. Мацулевич в последний период своей жизни занимался главным образом историей грузинского искусства, а также опубликовал ряд ранее задуманных археологических статей.

Тяжелая болезнь в 1946 г. надломила здоровье Леонида Антоновича и не позволила ему полностью восстановить свою работоспособность. Многие остались незавершенными, многие планы не воплотились в законченные исследования.

Всего Л. А. Мацулевичем напечатано около 50 больших и малых работ; кроме того, целый ряд рукописей сохранился в его архиве и в учреждениях, с которыми он был связан по своей работе.

Леонид Антонович обладал великолепным чувством стиля, острым и зорким глазом, позволявшим ему находить интересные, а иногда и неожиданные решения историко-художественных вопросов. На помощь этому «чутью» приходила громадная эрудиция, прекрасное знание материала, исключительная зрительная память, подкрепляемая собранными в личном архиве выписками, зарисовками и фотографиями.

Светлый образ Леонида Антоновича надолго сохранится в нашей памяти.

А. А. Иссем

А. Д. ЧИВАРЗИН

6 декабря 1959 г. в Москве скончался ученый реставратор Алексей Дмитриевич Чиварзин, широко известный археологам и работникам музеев.

А. Д. Чиварзин родился в Москве 11 марта 1898 г. В 1917 г. он поступил на химический факультет Московского университета. С 1931—1935 гг. он учился в Московском химико-технологическом институте, окончив его со званием инженера-технолога.

Первые работы Алексея Дмитриевича были связаны с реставрацией древних памятников Новгорода и Пскова, где он принимал участие в восстановлении фресок. Позднее, перейдя на работу в Государственный Исторический музей, он занимался разработкой широкого круга вопросов, связанных с консервацией и реставрацией изделий из железа и бронзы, олова, а также керамики и кожи.

Работая в малоизученной области, А. Д. Чиварзин выполнил ряд интересных работ, явившихся результатом его исследований. В числе особо интересных памятников, реставрированных Алексеем Дмитриевичем, следует отметить меховые одежды из Катандинского кургана, пролежавшие в музее более 50 лет в состоянии, в котором они были извлечены из кургана при раскопках В. В. Радлова. Эти одежды прекрасно перенесли после реставрации неблагоприятные условия хранения во время эвакуации. Исключительной по своему значению является проведенная А. Д. Чиварзиным работа по восстановлению и очистке античного таманского саркофага III в. до н. э., разбитого фашистами при отступлении. Нельзя не отметить работы по консервации театра Гонзаго в усадьбе Архангельское и консервации дома Л. Н. Толстого. В последние годы своей жизни он участвовал в работах по реставрации храма Василия Блаженного.

Много внимания уделял Алексей Дмитриевич местным музеям, проводя консультации по вопросам консервации и хранения музейных ценностей. В лице Алексея Дмитриевича археология потеряла выдающегося реставратора, много сил отдавшего сохранению памятников культуры народов СССР.

Н. Н. ПОГРЕБОВА

4 февраля 1960 г. после непродолжительной болезни безвременно скончалась Надежда Николаевна Погребова, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии АН СССР.

Надежда Николаевна родилась 27 января 1902 г. в Москве. В 1924 г. она окончила Отделение общественных наук Московского государственного университета. Трудовая деятельность ее началась еще в студенческие годы. Одновременно с учебой в университете и до 1935 г. Н. Н. Погребова служила машинисткой и переводчицей в ряде государственных учреждений г. Москвы. Еще в 1929—1930 гг. она занималась в группе вольнослушателей при Государственном музее изобразительных искусств им. Пушкина и была внештатным экскурсоводом. С 1935 г. она экскурсовод, а затем старший научный сотрудник античного отдела ГМИИ. В 1943 г. Надежда Николаевна поступила в аспирантуру Института истории материальной культуры АН СССР (ныне Институт археологии), а в 1946 г. закончила ее и защитила диссертацию на тему «Грифон и его изображение в искусстве Северного Причерноморья в эпоху греческой колонизации». С декабря 1946 г. Н. Н. Погребова работает в ИИМК сначала в секторе античной археологии. С момента образования сектора скифо-сарматской археологии (январь 1948 г.) и до последних дней своей жизни она была сотрудником этого сектора и вела в нем большую научную и организационную работу. В течение многих лет Надежда Николаевна была ученым секретарем сектора, успешно сочетая с этим исследовательскую деятельность. В 1959 г. Н. Н. Погребовой было присвоено звание старшего научного сотрудника.

Специалист в области скифской и античной археологии, Н. Н. Погребова была исследователем с широким научным кругозором. Ею опубликовано 19 научных работ, посвященных разным вопросам археологии и истории скифов и сопредельных с ними народов. В течение ряда лет она производила раскопки на городищах Нижнего Приднепровья, результатом которых явилась монография «Позднескифские городища на Нижнем Днепре» (МИА, № 64, 1958). В этой работе Н. Н. Погребова впервые убедительно и всесторонне охарактеризовала культуру поздних скифов, показала связи скифов с соседними племенами и специально с дако-фракийским, гетским миром Днестро-Дунайского междуречья.

Итогом полевых работ, в которых Н. Н. Погребова неоднократно принимала участие, явилась большая монография «Погребения мавзолея Неаполя скифского», подготовленная к печати в 1959 г. В ней с исчерпывающей полнотой и присущей исследователю тщательностью дан анализ интересных и важных материалов из погребений царского рода, проливающих новый свет на культуру скифов в Крыму.

В течение трех последних лет Надежда Николаевна работала над темой «Памятники предскифского и скифского времени в Поингулье и Тилигуло-Березанской степи». Смерть помешала закончить это исследование. По данной теме были произведены раскопки на предскифских поселениях в Пересадовке и Анатольевке и широкие разведки. Материал из этих памятников, частично изданный (обобщающая работа была запла-

пирована на 1960 г.), в значительной степени расширяет наши представления о памятниках предскифского времени в степном Северном Причерноморье.

Широкой постановкой вопросов, прекрасным знанием археологических и письменных источников, советской и зарубежной литературы отличаются статьи Н. Н. Погребовой о скифской торевтике, о скифском зверином стиле, а также публикации отдельных памятников.

Хорошо владея иностранными языками, Надежда Николаевна писала интересные обзоры иностранных археологических журналов и рецензии на некоторые книги. Объективная оценка и хорошо обоснованная критика характерны для этих рецензий.

Из неопубликованных работ Н. Н. Погребовой следует специально отметить исследование о бусах Боспора, которое является одной из лучших работ на эту тему.

Надежда Николаевна слишком рано ушла из жизни, не исчерпав запасов своих знаний и творческих сил. Она могла бы сделать еще очень много важного и полезного для советской археологической науки.

Надежда Николаевна была скромным, отзывчивым и чутким человеком, отдававшим все свои силы научной и общественной работе в Институте. Энергичной, деятельной, увлеченной любимым делом — такой она навсегда останется в сердцах друзей и всех тех, кто ее знал.

Сотрудники Сектора
скифо-сарматской археологии ИА АН СССР

СОДЕРЖАНИЕ

К 75-летию А. Я. Брюсова 3

Статьи

З. А. Абрамова (Ленинград). Роль и значение палеолитического искусства в выявлении местных особенностей верхнепалеолитической культуры Восточной Европы	6
Я. А. Федоров (Москва). Некоторые вопросы этногенеза народов Дагестана в свете данных археологии	17
Ю. А. Заднепровский (Ленинград). Городище Эйлатан (к вопросу о датировке памятника)	29
М. И. Максимова (Ленинград). О дате Артюховского кургана	46
В. И. Цехмистренко (Москва). Синопские керамические клейма с именами гончарных мастеров	59
И. В. Дайга (Рига). К вопросу о литейных формах и литейном деле на территории Латвии	78
Л. Р. Кызласов (Москва). Новая датировка памятников енисейской письменности	93
Н. Д. Мец (Москва). Ярославские князья по нумизматическим данным	121

Публикации

В. И. Сариниди (Москва). К стратиграфии восточной группы памятников культуры Анау	141
Л. В. Ванкина (Рига). Новейшие находки эпохи бронзы на территории Латвийской ССР	153
П. Д. Либеров (Москва). Мастюгинские курганы и Волошинские городища	162
Л. А. Шервашидзе, Л. Н. Соловьев (Сухуми). Исследование древнего Себа-стополиса	171
Ф. М. Заверняев (Брянск). Селища бассейна р. Судость	180
А. М. Ефимова (Казань). Бутаевский клад ювелирных изделий волжских болгар	195
А. Э. Зариня (Рига). Виллайне латгалов VII—XIII в.	203
И. И. Кушнир (Новгород). О культурном слое Новгорода	217
Н. П. Лихачев (Ленинград). Печати Пскова	225
В. Л. Янин (Москва). Вислые печати Пскова	236
В. В. Косточкин (Москва). Новые данные о крепости Копорье	262

Заметки

В. А. Филипченко, Ю. В. Курочкин (Астрахань). Кремневые орудия с острова Кулалы	272
А. Я. Брюсов (Москва). Льяловская стоянка на р. Клязьме в Московской области	277
А. П. Окладников (Ленинград), Э. В. Шавкунов (Владивосток). Погребение с бронзовыми кинжалами на р. Майхэ (Приморье)	282
К. Л. Оганесян (Ереван). Раскопки урартского города Эребуни	289
А. Н. Зелинский (Москва). Могильник Дарай-Абхарв в верховьях Пянджа	296
П. О. Карышковский (Одесса). Заметки о монетах Ольвии	296
В. Б. Виноградов (Москва). Египетские предметы из сарматского погребения близ г. Грозного	309
С. В. Киселев (Москва). О древней черепице в музеях Китайской Народной Республики	311
В. А. Падин (Трубчевск). Раннеславянские поселения и могильник в районе Трубчевска	317
Б. А. Шрамко (Харьков). Новые детали устройства раннеславянских жилищ	319
Л. А. Голубева (Москва). Надпись на корчаге из Белоозера	321
Г. А. Пугаченкова (Ташкент). Ак-Астана-Баба	323
Б. П. Полевой (Ленинград). О местонахождении Ачанского городка	328
Ю. М. Золотов (Москва). Каменный крест XVII в. со станции Жилево	333

Критика и библиография

Л. А. Ельницкий (Москва). Из литературы по археологии Малой Азии	337
Б. А. Литвинский (Сталинабад). Б. В. Лунин. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане	345
В. М. Массон (Ленинград). W. A. Fairervis. Excavations in the Quetta Valley, West Pakistan	348
Р. В. Кинжалов (Ленинград). H. J. Spinden. Maya Art and Civilisation	353

Некрологи: Л. А. Мацулевич (354); А. Д. Чиварзин (356); Н. Н. Погребова (357)

S O M M A I R E

Le soixante-quinzième anniversaire de A. J. Brusov 3

Articles

Z. A. Abramova (L é n i n g r a d). Le rôle et l'importance de l'art paléolithique pour l'élucidation des particularités locales de la civilisation paléolithique supérieure de l'Europe orientale	6
J. A. Fédorov (M o s c o u). Certaines questions de l'ethnogenèse des peuples du Daghestan à la lumière de données archéologiques.	17
I. A. Zadnéprovsky (L é n i n g r a d). Oppidum d'Ejlatan (sur la question de l'âge de ces vestiges)	29
M. I. Maximova (L é n i n g r a d): Sur la date du tumulus Artukhovskiy	46
V. I. Tsekhmistrenko (M o s c o u). Timbres amphoriques de Sinope avec les noms des maîtres potiers.	59
I. V. Daiga (R i g a). Sur la question des moules de fonderie et de la fonderie sur le territoire de la Lettonie.	78
L. R. Kyzlasov (M o s c o u). Nouvel établissement des dates des monuments de l'écriture de l'Iénisseï.	93
N. D. Mets (M o s c o u). Les princes de Iaroslavle d'après des données numismatiques	121

Publications

V. I. Sarianidi (M o s c o u). Sur la stratigraphie du groupe oriental des monuments de la civilisation Anaou.	141
L. V. Vankina . (R i g a). Nouvelles trouvailles de l'époque du bronze sur le territoire de la RSS de Lettonie	153
P. D. Libérov (M o s c o u): Les tumulus de Mastiougouino et l'oppidum de Volochino	162
L. A. Chervachidzé, L. N. Soloviev (S o u k h o u m i): Sur es fouilles de l'ancien Sébastopolis.	171
F. M. Zaverniaev (B r i a n s k). Les établissements du bassin de la rivière Soudost	180
A. M. Efimova (K a z a n). Trésor de bijoux de Bolgares de la Volga	195
A. E. Zarinia (R i g a). Villainé des Latgales des VIIe—XIIe siècles	203
I. I. Kouchnir (N o v g o r a o d): Sur la couche archéologique de Novgorod	217
N. P. Likhatchev (L é n i n g r a d). Les scels de Pskov	225
V. L. Ianine (M o s c o u). Les scels pendants de Pskov	237
V. V. Kostotchikine (M o s c o u). Nouvelles données sur la forteresse Koporié	262

Notes

V. A. Philiptchenko, I. V. Kourotchikine (A s t r a k h a n): Instruments en silex de l'île de Koulaly	272
A. J. Brusov (M o s c o u). Le camp de Lialovo sur la rivière Kliazma dans la région de Moscou.	277
A. P. Okladnikov (L é n i n g r a d), E. V. Chavkounov (V l a d i v o s t o k): Sépulture de l'âge du bronze sur la rivière Maïkhé, dans la Province Maritime d'Extrême Orient.	282
K. L. Oganésian (E r e v a n). Les fouilles de la ville ourarthe Erebouni	289
A. N. Zélinisky (M o s c o u). Le sépulcre de Daraï-Abkharve dans le pays d'amont de la Piandje.	296
P. O. Karychkovsky (O d e s s a). Sur les monnaies d'Olbie.	301
V. B. Vinogradov (M o s c o u). Objets égyptiens d'une sépulture sarmate près de la ville de Grozny	309
S. V. Kiselev (M o s c o u). Sur les tuiles anciennes dans les musées de la République Populaire Chinoise	311
V. A. Padine (T r o u b t c h e v s k): Etablissements et sépulture slaves anciens dans la région de Troubchevsk	317
B. A. Chramko (K h a r k o v). Nouveaux détails de la construction d'habitations slaves anciennes.	319
L. A. Goloubeva (M o s c o u). Inscription sur un pot de Beloozero	321
G. A. Pougatchenkova (T a c h k e n t): Ak-Astana-Baba	323
B. P. Polevoï (L é n i n g r a d): Sur l'emplacement de la bourgade Atchansk	328
I. M. Zolotov (M o s c o u). Croix de pierre du XVIIe siècle de la station Jilevo.	333

Critique et bibliographie

L. A. Elnitsky (M o s c o u). De la littérature sur l'archéologie de l'Asie Mineure	336
B. A. Litvinsky (S t a l i n a b a d). B. V. Lounine. De l'histoire des études orientales et de l'archéologie russes au Turkestan	345
V. M. Masson (L é n i n g r a d). Nouveaux matériaux sur l'histoire ancienne du Pakistan	348
R. V. Kinjalov (L é n i n g r a d). H. J. Spinden. Maya Art and Civilisation	353
Necrologie: L. A. Matsoulévitch (354), A. D. Tchivarzine , (356) N. N. Pogrédova (357)	353

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АС — Археологический съезд
БКИЧП — Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода
ВДИ — Вестник древней истории
ВИМК — Вестник истории мировой культуры
Временник МОИДР — Временник Московского общества истории и древностей Российских
Зап. РГО — Записки Русского географического общества
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения русского археологического общества
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗОРСА РАО — Записки Отделения русско-славянской археологии Русского археологического общества
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИАН ТуркмССР — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИОАИЭК — Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
ИРАИМК — Известия Российской Академии истории материальной культуры
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МЭ — Материалы по этнографии
НС — Нумизматический сборник
ОАК — Отчет Археологической комиссии
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
ПКМ — Псковский краеведческий музей
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
СА — Советская археология
СВ — Советское востоковедение
СЭ — Советская этнография
ТИИАЭ — Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР
ТИИА — Труды Института истории и археологии Академии наук Узбекской ССР
Тр. ВУАК — Труды Воронежской ученой архивной комиссии
Тр. ГИМ — Труды Государственного Исторического музея
Тр. ЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции
Тр. ИИАЭ — Труды Института истории, археологии и этнографии Казахской ССР
AA — Archäologischer Anzeiger des Deutschen Archäologischen Institut
AM — Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts in Athen
ArIM — Die alttürkischen Inschriften der Mongolei
ALGKM — Ausführlicher Lexikon der Griechischen und Römischen Mythologie, herausgegeben von W. Koscher
BSA — Annual of British School of Athens
ESA — Eurasia septentrionalis antiqua
IOSPE — Inscriptiones orae septentrionalis Ponti euxini
LVM — Музей Истории ЛатвССР
LE — Latviešu enciklopēdija
LKS — Latviešu kultūra senatnē
RDM — Рижский Домский музей
RE — Real-Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft
RLB — Рижское Латвийское общество
NZ — Numismatische Zeitschrift
WBR — W. Waddington, E. Babelon, Fh. Reinach. Recueil général des monnaies grecques d'Asie Mineure.
ZN — Zeitschrift für Numismatik